

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Е. Н. Бегалиев,

доктор юридических наук, профессор
почетный работник образования РК
(Республика Казахстан)

С. А. Боголюбов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

К. К. Гасанов,

доктор юридических наук, профессор

В. И. Елинский,

доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник Следственного комитета РФ

А. Е. Епифанов,

доктор юридических наук, профессор

С. С. Жевлакович,

кандидат социологических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы РФ

О. В. Зиборов

доктор юридических наук, профессор

И. А. Калининченко,

кандидат педагогических наук

В. Л. Кубышко,

заместитель Министра внутренних дел РФ,
кандидат педагогических наук

С. С. Маилян,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,

кандидат юридических наук, доцент

Н. В. Румянцев,

доктор юридических наук

М. В. Саудаханов,

кандидат юридических наук

Д. Субошич,

кандидат юридических наук, профессор
(Республика Сербия)

В. Ю. Федорович,

кандидат юридических наук, доцент

Ю. А. Цыпкин,

доктор экономических наук, профессор

Б. С. Эбзеев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,

кандидат исторических наук, кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ в области науки
и техники, лауреат премии Правительства РФ
в области образования

E. N. Begaliev,

Doctor of Legal Sciences, Professor
Honorary Worker of Education of the RK
(Republic of Kazakhstan)

S. A. Bogolyubov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

K. K. Gasanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

V. I. Elinskiy,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Investigate Committee of Russia

A. E. Epifanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

S. S. Zhevlakovich,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

O. V. Ziborov

Doctor of Legal Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,

Candidate of Pedagogical Sciences

V. L. Kubyshko,

Deputy Minister of Internal Affairs of Russia
Candidate of Pedagogical Sciences

S. S. Mailyan,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

N. V. Rumyantsev,

Doctor of Legal Sciences

M. V. Saudakhanov,

Candidate of Legal Sciences

D. Subošić,

PhD, Professor
(Republic of Serbia)

V. Yu. Fedorovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Yu. A. Tsyarkin,

Doctor of Economic Sciences, Professor

B. S. Ebzeev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (Retired)

N. D. Eriashvili,

Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Winner of an Award of the Government of Russia
in the Field of Science and Technology, Winner of an Award
of the Government of Russia in the field of education

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL COUNCIL

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- С. В. Алексеев,**
доктор юридических наук, профессор, почетный
работник высшего профессионального образования РФ,
заслуженный юрист РФ
- Ю. М. Антонян,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
- А. В. Барков,**
доктор юридических наук, профессор
- А. Р. Белкин,**
доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН
- Е. В. Богданов,**
доктор юридических наук, профессор
- С. А. Боголюбов,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
- Г. А. Василевич,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)
- А. А. Власов,**
доктор юридических наук, профессор
- Т. М. Гандилов,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
- М. М. Дикажев,**
доктор юридических наук, доцент
- В. В. Долинская,**
доктор юридических наук, профессор
- А. В. Ендольцева,**
доктор юридических наук, профессор
- Л. Г. Ефимова,**
доктор юридических наук, профессор
- О. Д. Жук,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ
- С. М. Зырянов,**
доктор юридических наук, профессор
- С. В. Иванцов,**
доктор юридических наук, профессор
- О. Ю. Ильина,**
доктор юридических наук, профессор
- Н. Г. Кадников,**
доктор юридических наук, профессор, почетный
работник высшего профессионального образования РФ
- Р. А. Каламкьян,**
доктор юридических наук, профессор
- В. П. Камышанский,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего образования РФ
- И. Б. Кардашова,**
доктор юридических наук, профессор

LEGAL SCIENCES

- S. V. Alekseev,**
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker
of Higher Professional Education of Russia,
Honored Lawyer of Russia
- Yu. M. Antonyan,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia
- A. V. Barkov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- A. R. Belkin,**
Doctor of Legal Sciences, Professor, Member of RANS
- E. V. Bogdanov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- S. A. Bogolyubov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia
- G. A. Vasilevich,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)
- A. A. Vlasov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- T. M. Gandilov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia
- M. M. Dikazhev,**
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor
- V. V. Dolinskaya,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- A. V. Endoltseva,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- L. G. Efimova,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- O. D. Zhuk,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Prosecutor of Russia
- S. M. Zyryanov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- S. V. Ivantsov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- O. Yu. Ilyina,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- N. G. Kadnikov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker
of Higher Professional Education of Russia
- R. A. Kalamkaryan,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- V. P. Kamyshanskiy,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Education of Russia
- I. B. Kardashova,**
Doctor of Legal Sciences, Professor

Н. Н. Карпов,

доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ,
заслуженный работник прокуратуры РФ

А. И. Клименко,

доктор юридических наук, профессор

Н. А. Колоколов,

доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного Суда РФ (в отставке)

М. В. Костенников,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник ОВД РФ

И. И. Котляров,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Кузбагаров,

доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

С. Я. Лебедев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Левушкин,

доктор юридических наук, профессор

Н. П. Майлис,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медушевская,

доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. В. Михайлова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Р. С. Мулукаев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

Н. Г. Муратова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Татарстан

С. М. Никитюк,

кандидат юридических наук

С. Л. Никонович,

доктор юридических наук, доцент

Ш. М. Нурадинов,

доктор юридических наук, профессор

А. М. Осавелюк,

доктор юридических наук, профессор

Р. Б. Осокин,

доктор юридических наук, профессор

А. С. Прудников,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

К. Е. Сигалов,

доктор юридических наук, доцент

N. N. Karpov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Prosecutor's Office of Russia,
Honored Worker of Prosecutor's Office of Russia

A. I. Klimenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor

N. A. Kolokolov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Judge of Supreme Court of Russia (Resigned)

M. V. Kostennikov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of internal affairs bodies of Russia

I. I. Kotlyarov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Kuzbagarov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

S. Ya. Lebedev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Levushkin,

Doctor of Legal Sciences, Professor

N. P. Maylis,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer
of Russia, Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. F. Medushevskaya,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. V. Mikhaylova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

R. S. Mulukaev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

N. G. Muratova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

S. M. Nikityuk,

Candidate of Legal Sciences

S. L. Nikonovich,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. M. Nuradinov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. M. Osavelyuk,

Doctor of Legal Sciences, Professor

R. B. Osokin,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. S. Prudnikov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

K. E. Sigalov,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

А. В. Симоненко,
доктор юридических наук, профессор

Д. П. Стригунова,
доктор юридических наук, доцент

Л. В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Е. Н. Хазов,
доктор юридических наук, профессор

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы России

Л. А. Чеговадзе,
доктор юридических наук, профессор

Н. М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. П. Шергин,
доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки РФ

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

А. Б. Янишевский,
доктор юридических наук

A. V. Simonenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

D. P. Strigunova,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

L. V. Tumanova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

E. N. Khazov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. V. Khimicheva,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

L. A. Chegovadze,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. M. Chepurnova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. P. Shergin,
Doctor of Legal Sciences,
Honored Worker of Science of Russia

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

A. B. Yanishevskiy,
Doctor of Legal Sciences

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. А. Агапова,
доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор

В. И. Бобошко,
доктор экономических наук, профессор

Р. П. Бульга,
доктор экономических наук, профессор

Л. П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Д. В. Дианов,
доктор экономических наук, профессор

А. Ф. Дятлова,
доктор экономических наук, профессор

Р. В. Илохина,
доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Е. Н. Колесникова,
доктор экономических наук, доцент

М. А. Комаров,
доктор экономических наук, профессор

Е. И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрещенко,
доктор экономических наук, профессор

А. Н. Литвиненко,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

ECONOMIC SCIENCES

T. A. Agapova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. I. Boboshko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

L. P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

D. V. Dianov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. F. Dyatlova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. V. Ilyuhina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. N. Kolesnikova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

M. A. Komarov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. I. Kuznetsova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. N. Litvinenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

И. А. Майбуров,

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

В. Б. Мантусов,

доктор экономических наук, профессор

В. С. Осипов,

доктор экономических наук, профессор

Г. Б. Поляк,

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

С. Г. Симагина,

доктор экономических наук, профессор

А. Е. Суглобов,

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

Н. В. Цхададзе,

доктор экономических наук, профессор

I. A. Mayburov,

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

V. B. Mantusov,

Doctor of Economic Sciences, Professor

V. S. Osipov,

Doctor of Economic Sciences, Professor

G. B. Polyak,

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

S. G. Simagina,

Doctor of Economic Sciences, Professor

A. E. Suglobov,

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

N. V. Tskhadadze,

Doctor of Economic Sciences, Professor

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**В. С. Агапов,**

доктор психологических наук, профессор

И. В. Грошев,

доктор психологических наук, доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

В. Ф. Енгальчев,

доктор психологических наук, профессор

А. Г. Караяни,

доктор психологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
лауреат Государственной премии

В. М. Крук,

доктор психологических наук, профессор

Л. Н. Костина,

доктор психологических наук, доцент

И. Б. Лебедев,

доктор психологических наук, профессор

В. Л. Ситников,

доктор психологических наук, профессор

А. Н. Сухов,

доктор психологических наук, профессор

С. Н. Федотов,

доктор психологических наук, профессор

В. Л. Цветков,

доктор психологических наук, профессор

Г. С. Човдырова,

доктор психологических наук,
доктор медицинских наук, профессор

PSYCHOLOGICAL SCIENCES**V. S. Agapov,**

Doctor of Psychological Sciences, Professor

I. V. Groshev,

Doctor of Psychological Sciences, Doctor of Economic Sciences,
Professor, Honored Worker of Science of Russia

V. F. Engalychev,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. G. Karayani,

Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Winner of the State Award

V. M. Kruk,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

L. N. Kostina,

Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor

I. B. Lebedev,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

V. L. Sitnikov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. N. Sukhov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

S. N. Fedotov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

V. L. Tsvetkov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

G. S. Chovdyrova,

Doctor of Psychological Sciences,
Doctor of Medical Sciences, Professor

С. Р. Аблеев,

доктор философских наук, доцент

В. Ю. Бельский,

доктор философских наук, профессор

В. А. Волох,

доктор политических наук, профессор,
почетный работник ФМС России

А. Л. Золкин,

доктор философских наук, доцент

А. Д. Иоселиани,

доктор философских наук, профессор

S. R. Ableev,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. Yu. Belsky,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor

V. A. Volokh,

Doctor of Political Science, Professor,
Honorary Employee of the FMS of Russia

A. L. Zolkin,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A. D. Ioseliani,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии
Правительства РФ
в области науки и техники,
лауреат премии
Правительства РФ
в области образования,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор
Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор
А. Н. Осипова

Старший редактор
В. С. Клементьева

Ответственный секретарь
Д. Е. Барикаева

Номер подготовили:
Л. С. Антоненко,
А. И. Антошина

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка:
О. А. Головлева

Журнал зарегистрирован
Министерством Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций

Свидетельство
о регистрации № 77-14723

Индекс по каталогу Агентства
«Урал-Пресс Округ» — 84629

Подписано в печать 22.02.2023
Цена договорная

Адрес редакции:
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12
Тел. 628-57-16
E-mail:
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
<https://vk.com/mosumvd.official>

ВЕСТНИК**МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ****Содержание № 1 • 2023****ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Теоретико-исторические правовые науки
Публично-правовые (государственно-правовые) науки
Частноправовые (цивилистические) науки
Уголовно-правовые науки
Международно-правовые науки

АБЛЯТИПОВА Н. А., ВОЛКОВА И. Ю. Анализ системности судебной практики в вопросах признания наследника недостойным из-за причинения им вреда жизни и здоровью наследодателя	12
АЛМЕНБЕТОВА Г. Ж. О некоторых аспектах кадровой политики органов внутренних дел Российской Федерации и Республики Казахстан	17
АЛФЕРЕНКО Е. А., ШЕРШАКОВА Е. К. Уголовная ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии: теоретический и практический аспекты	23
АХМЕДОВ Р. М. Кирилло-Мефодиевская традиция в древнерусском культурно-идеологическом мировоззрении и юриспруденции	30
БАЙМУХАМЕТОВА Г. М. О применении медиации в урегулировании уголовно-правового конфликта	34
БОГАТЫРЕВ В. В., КАЛАМКАРЯН Р. А. Международно-правовая включенность Российской Федерации в систему межгосударственного сотрудничества по противодействию международной преступности	38
БОКОВ Д. К. Противодействие заведомо ложному сообщению об акте терроризма, совершаемому с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	43
БОРИСОВ А. В. Понятие и структура транспортной преступности	46
ВАСИЛЕВИЧ Д. Г. Понятие репродуктивных прав	56
ВАШАЕВ М. А., ЗАКОПЫРИН В. Н. Система государственной службы и применение специальных мер принуждения как ее системообразующий критерий	62
ВОРОНОВ А. М. Некоторые проблемы обеспечения общественной безопасности на территории Донбасса в связи с санкционной агрессией	67
ГАДЖИМУРАДОВ Ш. А. Современная оценка состояния миграционной преступности	73
ГЛУБОКОВСКИХ Р. В. Методика поиска лиц, пропавших без вести в городской среде	80
ГРОШЕВ С. Н. Брачно-семейный статус мужчин в средневековой Руси на основе канонического права	86
ДЕСЯТОВ М. С. Трансформация подходов к формированию профессионального правосознания у сотрудников оперативных подразделений	90
ДОВГАНЬ М. А. Исчисление сроков содержания под стражей при экстрадиции	96
ЕЛФИМОВ П. В., ВИНОГРАДОВА О. П. Перспективы совершенствования тактических приемов, используемых в рамках производства осмотра места происшествия	100
ЕПИФАНОВ А. Е. Из истории организации и деятельности комитетов бедноты (по материалам Нижнего Поволжья)	105
ЖУРАВЛЕВ В. В. Совершенствование системы мер дисциплинарной ответственности в органах внутренних дел Российской Федерации	110
ЗАРИНА А. М. К вопросу об объекте преступления, предусмотренного ст. 330.2 УК РФ	115

- Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

- При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

- В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8.

Печать офсетная.

Тираж 1500 экз.

(1-й завод — 300).

Заказ № 54

Московский университет

МВД России

имени В.Я. Кикотя

117997, г. Москва,

ул. Академика Волгина, д. 12

ЗОКОЕВ В. А., ШЕНШИН В. М. О правовом регулировании основных направлений деятельности единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций	120
ИСЛОМОВ Б. О. Обстоятельства, смягчающие наказание и исключают преступность деяния по уголовному праву Государства Израиль (сравнительный анализ)	127
КАЗАНЦЕВ С. Я., САРКИСОВ О. Р., ЛЮБАРСКИЙ Е. Л. Правовые основы и перспективы развития отрасли в области отходов производства и твердых коммунальных отходов в Российской Федерации: эколого-правовой аспект	134
КЛЕВЦОВ К. К. Особенности взаимодействия правоохранительных органов с зарубежными поставщиками услуг виртуальных валют (на примере LocalBitcoins)	139
КОТОВА А. А. Особенности уголовно-правовой оценки деяний, составляющих незаконный оборот драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней	146
КРИВОШЕЕВ С. В. Понятие и особенности личности преступника, совершающего насильственные преступления в следственном изоляторе	155
КУЛАКОВА Ю. Ю., ВОЙДЕ Е. Г. Эффективность в уголовном праве. Читая монографию И. В. Колосова: «История правового консеквенциализма: результативность права» (М. : Юрлитинформ, 2023)	161
КУРДЮК П. М., АСЛАНЯН Р. Г. Формы выражения социальных источников уголовно-правовых предписаний	166
ЛАРИНА Л. А., ДАРЬКИНА К. Е. Привлечение высококвалифицированных специалистов в Российскую Федерацию: проблемы и перспективы	170
МАТИЕНКО Т. Л. Советский уголовный розыск: рожденный пролетарской революцией или преемник сысской полиции Российской империи? К вопросу об эволюции организационных и правовых форм правоохранительной деятельности	174
МИЛОВИДОВА А. С., ТРУСОВ Н. А. Правовые последствия принятия решений межгосударственными органами, защищающими права и основные свободы человека	180
МИХАЙЛОВА Е. В. Использование информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) для совершения преступлений против личности: вопросы законодательной регламентации	186
НИКОНОРОВА Ю. В. Некоторые вопросы квалификации убийства, совершенного в состоянии аффекта	194
ПЕТРАКОВ Н. А. Цифровые права: анализ эффективности механизма правового регулирования	198
ПИРОЖКОВА И. Г., ПОПОВ А. М. Институт референдума: проблемные вопросы квалификации и законодательство Российской Федерации	202
ПРОТАС Е. В., ПАВЛЮЧЕНКОВА С. Е. Особенности договора фрахтования морского судна в Российской Федерации	214
САМОЙЛОВ С. Ф., БАЗУЛИНА А. А., ЖУЛАНОВ А. В. Идеологическое обоснование террористической деятельности, осуществляемой неонацистскими группами	219
СЕМИОНКИНА Н. Г., ГОРЫНИНА О. С. К вопросу об ответственности за распитие спиртных напитков в салоне припаркованного личного транспортного средства в общественном месте	225
СОЛОДОВА Т. А. Оценка заключения судебно-портретной экспертизы в отношении лиц с измененной внешностью	231
ТАРНАВСКИЙ О. А. Расширение процессуальной формы через научно-практический вид доказательств по уголовным делам	237
ТРУТАЕВА А. В. Использование категории притязания в праве социального обеспечения	244

Каждый номер журнала содержит научные публикации членов профессорско-преподавательского состава Университета, адъюнктов, аспирантов, авторов из других образовательных учреждений. Для публикации в журнале представляют свои научные статьи также сотрудники различных подразделений органов внутренних дел, иных правоохранительных органов, судьи, прокурорские работники, нотариусы, члены государственных и муниципальных органов власти. Данные статьи отличаются большим объемом эмпирического материала, который может быть эффективно использован в ходе дальнейших научных исследований, в учебном процессе, а также в ходе правоприменительной практики, что придает журналу прикладной характер.

Решением ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации журнал «Вестник Московского университета МВД России» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Подписной индекс Агентства «Урал-Пресс Округ» 84629, или на сайте Научной электронной библиотеки: <http://elibrary.ru>

ФАРАХИЕВ Д. М. Государственная информационная система «Посейдон»: современный взгляд на противодействие коррупции	250
ЧЕРВОНЮК В. И. Конституционное судопроизводство как конституционно-процессуальная форма осуществления судебной власти: правовая природа, титульные особенности	255
ШАЙХУТДИНОВА Т. Ф. Защита информации как приоритетная задача обеспечения информационной безопасности России	262
ШУМИЛОВА В. В. Электронные денежные средства как объект гражданского оборота: проблема правового определения	266
ЭРИАШВИЛИ Н. Д. Федерализм как основа государственно-правового строительства Российской Федерации	270

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Региональная и отраслевая экономика
Финансы*

АБРАМОВ В. И. Проблемы обеспечения эффективного контроля за операциями в межкорпоративном закупочно-логистическом сетевом пространстве	276
ГИОЕВ Г. В., КОМАРОВ М. И., КУЗИН Н. Н. Мобилизационная экономика как приоритетная модель экономического развития в современных условиях	278
ГОЛОЛОВОВА Т. М. Корпоративные программы по повышению качества человеческих ресурсов как направление КСО в рамках устойчивого развития компании	284
КАЙТМАЗОВ В. А. К вопросу об обеспечении экономической безопасности регионов России	290
КОСОВ М. Е. Кейнсианская концепция «циклического балансирования бюджета» и ее реализация в современной России	293
КУПРЕЩЕНКО Н. П., ФЕДОТОВА Е. А. Влияние миграционных процессов на экономику регионов России в современных условиях	298
ЛАЗАРОВА Л. Б., УРТАЕВ К. О. Финансовый кризис и тенденции в политике управления государственным внутренним долгом в России	305
ПАКЛЯЧЕНКО М. Ю. Безопасность цифровых продуктов и услуг: принципы и элементы безопасного дизайна	308
СТАРОВЕРОВА О. В. Применение цифровых технологий в контрольно-надзорной деятельности налоговых органов	315

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая психология, психология личности, история психологии

АГАПОВ В. С., СМИРНОВА И. Е., КРАСНОШТАНОВА Н. Н., ТИТОВА М. О. Теория и практика исследований Я-концепции субъектов служебной деятельности	320
БУЛГАКОВ А. В., КУЛИЕВА Т. А. Обзор отечественных и зарубежных исследований синдрома эмоционального выгорания у сотрудников полиции: инструментарий, результаты, профилактика	326
САМОЙЛОВ В. Д., ЧЕРНЕГА Е. В. Система подготовки офицерских кадров во Франции	334
ЦВЕТКОВ В. Л., БАЛАШОВА В. А., АГАПОВ В. С., ХРУСТАЛЕВА Т. А. Проблема здоровья сотрудников полиции и междисциплинарный подход	338
ЧИСЛОВ А. И. Повышение социально-психологической адаптации сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции к стрессогенному влиянию, связанному с несением службы	344

ЯЧМЕНЕВА В. М. Рецензия на монографию: Ф. В. Зиновьев, В. А. Дудко. Развитие кадрового потенциала научной школы. С. : Феникс, 2022. 160 с.	351
---	-----

FOUNDER:

**Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian
Federation**

117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

*Scientific editor, responsible
for the publication, the Winner
of the Award of the Government
of the Russian Federation in the
field of a science and technics,
the Winner of the Award
of the Government
of the Russian Federation
in the field of education,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Candidate of Historical
Sciences, Professor*
N. D. Eriashvili
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

EDITORIAL STAFF:

Editor-in-chief
A. N. Osipova

Senior editor
V. S. Klementieva

Executive secretary
D. E. Barikaeva

This issue has been prepared by:
L. S. Antonenko,
A. I. Antoshina

With participation of:
M. I. Nikitin

Design and layout:
O. A. Golovleva

The journal is registered
by Ministry for Press,
Broadcasting and Mass
Communications
of the Russian Federation

The certificate of registration
№ 77-14723

Zip Code at the List of the Agency
«Ural-Press Okrug» — 84629

It is sent for the press 22.02.2023
Contractual price

Editorial Staff adress:
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12
Tel. 628-57-16
E-mail:
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
https://vk.com/mosumvd.official

BULLETIN

OF THE MOSCOW UNIVERSITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Contents № 1 • 2023

JURISPRUDENCE

Theoretical and historical legal sciences
Public law (state law) sciences
Private law (civilistic) sciences
Criminal law sciences
International law sciences

- ABLYATIPOVA N. A., VOLKOVA I. YU.** Analysis of the consistency of judicial practice in matters of recognizing an heir as unworthy due to causing harm to the life and health of the testator 12
- ALMENBETOVA G. ZH.** On some aspects of the personnel policy of the internal affairs bodies of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan 17
- ALFERENOK E. A., SHERSHAKOVA E. K.** Criminal liability for occupying the highest position in the criminal hierarchy: theoretical and practical aspects 23
- AKHMEDOV R. M.** Cyril and Methodius tradition in the Old Russian cultural and ideological worldviews and jurisprudence 30
- BAYMUKHAMETOVA G. M.** On the use of mediation in the settlement of a criminal law conflict. 34
- BOGATYREV V. V., KALAMKARYAN R. A.** International legal involvement of the Russian Federation in the system of interstate cooperation in combating international crime. 38
- BOKOV D. K.** Countering a knowingly false report about an act of terrorism committed using information and telecommunication technologies. 43
- BORISOV A. V.** The concept and structure of transport crime 46
- VASILEVICH D. G.** The concept of reproductive rights 56
- VASHAEV M. A., ZAKOPYRIN V. N.** The system of public service and the use of special coercive measures as its system-forming criterion 62
- VORONOV A. M.** Some problems of ensuring public safety in the territory of Donbass in connection with sanctions aggression. 67
- GADZHIMURADOV SH. A.** Modern assessment of the state of migration crime. 73
- GLUBOKOVSKIKH R. V.** Methods of searching for missing persons in the urban environment 80
- GROSHEV S. N.** Marital and family status of men in Medieval Russia on the basis of canon law 86
- DESYATOV M. S.** Transformation of approaches to the formation of professional legal awareness among employees of operational units 90
- DOVGAN M. A.** Calculation of the terms of detention during extradition 96
- ELFIMOV P. V., VINOGRADOVA O. P.** Prospects for improving tactical techniques used as part of the inspection of the scene of the accident 100
- EPIFANOV A. E.** From the history of the organization and activities of the committees of the poor (based on the materials of the Lower Volga region). 105
- ZHURAVLEV V. V.** Improving the system of measures of disciplinary responsibility in the internal affairs bodies of the Russian Federation 110
- ZARINA A. M.** To the question of the object of the crime provided for Art. 330.2 of the Criminal Code of the Russian Federation 115

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials of the Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia the reference to the journal is obligatory.

- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8.

Offset printing

**Circulation 1500 copies
(1st batch — 300)**

Order № 54

**Moscow University
of Ministry of Internal Affairs
of Russian Federation
named after V.Ya. Kikot
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12**

ZOKOEV V. A., SHENSHIN V. M. On the legal regulation of the main activities of the unified state system of prevention and liquidation of emergency situations.	120
ISLOMOV B. O. Circumstances mitigating the punishment and excluding the criminality of the act in the criminal law of the State of Israel (comparative analysis)	127
KAZANTSEV S. YA. SARKISOV O. R., LYUBARSKIY E. L. Legal conditions and prospects for the development of the industry in the field of industrial waste and solid municipal waste in the Russian Federation: environmental and legal aspect.	134
KLEVTSOV K. K. Features of interaction of law enforcement authorities with foreign virtual currency service providers (on the example of LocalBitcoins)	139
KOTOVA A. A. Features of the criminal-legal assessment of acts constituting illegal circulation of precious metals, precious and semi-precious stones	146
KRIVOSHEEV S. V. The concept and personality features of a criminal who commits violent crimes in a pre-trial detention center	155
KULAKOVA YU. YU., VOIDE E. G. The effectiveness in criminal law. Analysis of I. V. Kolosov's monograph: «History of legal consequentialism: the effectiveness in law» (M. : Yurlitinform, 2023)	161
KURDYUK P. M., ASLANYAN R. G. Forms of expression of social sources of criminal law prescriptions	166
LARINA L. A., DARKINA K. E. Attracting highly qualified specialists to the Russian Federation: problems and prospects	170
MATIENKO T. L. Soviet criminal investigation: born of the proletarian revolution or the successor of the detective police of the Russian Empire? On the question of the evolution of organizational and legal forms of law enforcement	174
MILOVIDOVA A. S., TRUSOV N. A. Legal consequences of the decisions made by interstate bodies protecting human rights and fundamental freedoms	180
MIKHAYLOVA E. V. The use of information and telecommunication networks (including the Internet) to commit crimes against the person: issues of legislative regulation.	186
NIKONOROVA YU. V. Some questions of qualification of a murder committed in a state of passion.	194
PETRAKOV N. A. Digital rights: analysis of the effectiveness of the mechanism of legal regulation	198
PIROZHKOVA I. G., POPOV A.M. Referendum institution: problematic issues of qualification and legislation of the Russian Federation	202
PROTAS E. V., PAVLYUCHENKOVA S. E. Features of the contract of chartering a marine vessel in the Russian Federation	214
SAMOILOV S. F., BAZULINA A. A., ZHULANOV A. V. Ideological justification of terrorist activities carried out by neo-nazi groups.	219
SEMIONKINA N. G., GORYNINA O. S. On the issue of responsibility for drinking alcoholic beverages in the passenger compartment of a parked personal vehicle in a public place	225
SOLODOVA T. A. Evaluation of the conclusion of the forensic portrait examination in relation to persons with altered appearance	231
TARNAVSKY O. A. Expansion of the procedural form through a scientific and practical type of evidence in criminal cases.	237
TRUTAEVA A. V. Use of the category of claim in social security law	244

Each issue of the journal contains scientific publications of members of the faculty of the University, adjuncts, graduate students, authors from other educational institutions. Employees from various departments of the internal affairs agencies and other law enforcement agencies, judges, prosecutors, notaries, members of state and municipal authorities also submit their research articles for publication in the journal. These articles are distinguished by a large amount of empirical material that can be effectively used in the course of further scientific research, in the educational process, and also in the course of law-enforcement practice, which gives the journal an applied character.

By the decision of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the journal «Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of doctor of sciences should be published.

Zip Code at the List
of the Agency «Ural-Press
Okrug» 84629,
or on the website Scientific
electronic library:
<http://elibrary.ru>

FARAKHIEV D. M. State information system «Poseidon»: a modern view on combating corruption	250
CHERVONYUK V. I. Constitutional legal proceedings as a constitutional procedural form of exercising judicial power: legal nature, titular features	255
SHAIKHUTDINOVA T. F. Information protection as a priority task of ensuring information security in Russia	262
SHUMILOVA V. V. Electronic money as an object of civil circulation: the problem of legal definition	266
ERIASHVILI N. D. Federalism as the basis of the state-legal construction of the Russian Federation	270

ECONOMIC SCIENCE

*Regional and sectoral economics
Finance*

ABRAMOV V. I. Problems of ensuring effective control over the activities of the intercorporate procurement and logistics network space	276
GIOEV G. V., KOMAROV M. I., KUZIN N. N. Mobilization economy as a priority model of economic development in modern conditions	278
GOLOLOBOVA T. M. Corporate programs for improvement of the quality of human resources as a CSR direction within the framework of the company's sustainable development	284
KAITMAZOV V. A. To the question of ensuring the economic security of Russian regions	290
KOSOV M. E. The Keynesian concept of «cyclical balancing of the budget» and its implementation in modern Russia	293
KUPRESCHENKO N. P., FEDOTOVA E. A. The impact of migration processes on the economy of Russian regions in modern conditions	298
LAZAROVA L. B., URTAEV K. O. Financial crisis and trends in public domestic debt management policy in Russia	305
PAKLYACHENKO M. YU. Security of digital products and services: principles and elements of secure design	308
STAROVEROVA O. V. The use of digital technologies in the control and supervision activities of tax authorities	315

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

General psychology, personality psychology, history of psychology

AGAPOV V. S., SMIRNOVA I. E., KRASNOSHTANOVA N. N., TITOVA M. O. Theory and practice of Self-concept research of subjects of official activity	320
BULGAKOV A. V., KULIEVA T. A. Review of domestic and foreign studies of emotional burnout syndrome in police officers: tools, results, prevention	326
SAMOILOV V. D., CHERNEGA E. V. The system of officer training in France	334
TSVETKOV V. L., BALASHOVA V. A., AGAPOV V. S., KHRUSTALEVA T. A. The problem of police officers' health and an interdisciplinary approach	338
CHISLOV A. I. Increase of socio-psychological adaptation of the officers of the police guard and escort units to the stressogenic influence associated with service	344

YACHMENEVA V. M. Review of the monograph: F. V. Zinoviev, V. A. Dudko. Development of the personnel potential of the scientific school. S. : Phoenix, 2022. 160 p.	351
---	-----

Научная статья
УДК 347.651.45
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-12-16>
ИПОН: 2003-0059-1/23-542
MOSURED: 77/27-003-2023-01-741

Анализ системности судебной практики в вопросах признания наследника недостойным из-за причинения им вреда жизни и здоровью наследодателя

Наталья Айдеровна Аблятипова¹, Ирина Юрьевна Волкова²

^{1,2} Крымский филиал Российского государственного университета правосудия, Симферополь, Россия

¹ ve_na2014@mail.ru

² J.generation@yandex.ru

Аннотация. Изучается вопрос отстранения от наследования лиц, которые совершили противоправные деяния против жизни и здоровья наследодателя. На основании гражданского законодательства и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации рассмотрены некоторые проблемные аспекты признания лица недостойным наследником по причине его противоправного поведения. На примере материалов судебной практики исследованы особенности рассмотрения судами общей юрисдикции данной категории дел и обстоятельства, учитываемые ими при принятии решения об удовлетворении требований признать лицо недостойным наследником или об отказе в удовлетворении.

Ключевые слова: наследство, недостойные наследники, отстранение от наследования, противоправное деяние, судебная практика

Для цитирования: Аблятипова Н. А., Волкова И. Ю. Анализ системности судебной практики в вопросах признания наследника недостойным из-за причинения им вреда жизни и здоровью наследодателя // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 12–16. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-12-16>.

Original article

Analysis of the consistency of judicial practice in matters of recognizing an heir as unworthy due to causing harm to the life and health of the testator

Natalia A. Ablyatipova¹, Irina Yu. Volkova²

^{1,2} Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol, Russia

¹ ve_na2014@mail.ru

² J.generation@yandex.ru

Abstract. The issue of removal from inheritance of persons who have committed illegal acts against the life and health of the testator is being studied. On the basis of civil legislation and explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, some problematic aspects of recognizing a person as an unworthy heir due to his illegal behavior are considered. On the example of the materials of judicial practice, the features of consideration by courts of general jurisdiction of these categories of cases and the circumstances taken into account by them when making a decision to satisfy the requirements to recognize a person as an unworthy heir or to refuse satisfaction are investigated.

Keywords: inheritance, unworthy heirs, removal from inheritance, illegal act, judicial practice

For citation: Ablyatipova N. A., Volkova I. Yu. Analysis of the consistency of judicial practice in matters of recognizing an heir as unworthy due to causing harm to the life and health of the testator. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):12–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-12-16>.

Наследственные отношения являются одним из наиболее ранних институтов гражданского права, но, несмотря на его длительное существование, в настоящее время, проявляется множество его проблемных аспектов. К таким проблемам относится в частности наследование лицом, которое пыталось увеличить предназначенную ему или другим лицам долю наследства вопреки воле наследодателя или своими противоправными действиями причинило вред наследодателю или иным наследником. Во избежание получения наследства лицами, осуществившими недобросовестные или противоправные действия, в гражданском законодательстве предусматривается возможность признания наследника недостойным. В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1] установлен исчерпывающий перечень оснований для признания его таковым. В пределах настоящего исследования более детально будет

© Аблятипова Н. А., Волкова И. Ю., 2023

изучен вопрос признания наследника недостойным из-за совершения им противоправных деяний в отношении жизни и здоровья наследодателя. В настоящее время заинтересованные лица достаточно часто обращаются в судебные органы для признания иного наследника недостойным из-за его противоправных действий. При этом требования аргументируются различными основаниями, но не все из них безусловно принимаются судами как надлежащие. Большое количество исков о признании наследника недостойным, сложность доказывания фактов недостойности наследника и возникающие в правоприменительной практике противоречия обуславливают актуальность исследования данного вопроса.

Правоотношения по отстранению лица от принятия наследства регулируются положениями ГК РФ. Так, граждане, которые осуществили умышленные неправомерные действия во вред наследодателя или кого-то из его наследников или против осуществления воли наследодателя с целью призвания к наследованию или увеличения причитающейся доли наследства, не имеют права наследовать ни по закону, ни по завещанию, если эти обстоятельства подтверждены в судебном порядке, что устанавливается в п. 1 ст. 1117 ГК РФ [1].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» [2] разъяснил некоторые проблемные аспекты признания лица недостойным наследником по причине его противоправного поведения. Во-первых, в подп. «а» п. 19 обращено внимание на незначительность вопроса мотива и целей противоправного деяния для признания лица недостойным наследником. Кроме этого, не имеет значения факт наступления последствий в результате такого деяния. Во-вторых, отмечена важность наличия подтверждения совершения наследником противоправного деяния. Такими доказательствами являются приговор суда по уголовному делу или решение суда по гражданскому делу, что сформулировано в абз. 3 рассматриваемого подпункта. В-третьих, вопрос об отстранении лица от наследования из-за противоправного деяния решается нотариусом при предъявлении ему соответствующего судебного акта, подтверждающего факт совершения этого деяния (п. 20) [2].

Таким образом, для признания лица недостойным наследником из-за совершения им неправомер-

ного деяния необходимо, чтобы такое деяние было умышленным и направленным на незаконное вступление в право наследования или на увеличение доли в наследуемом имуществе. Мотив и наступление последствий в таком случае не имеют значения для отстранения недостойного наследника от принятия наследства.

Наличие умысла является основополагающим фактором при принятии решения о признании наследника недостойным или об отказе в признании его таковым. Если наличие умысла в действиях наследника будет очевидным, суд признает его недостойным. Если же осуществление противоправного деяния с умыслом будет исключено в силу различных обстоятельств, наследник не будет признан недостойным. Для подтверждения этого приведем два судебных решения по искам о признании наследника недостойным. В обоих решениях имело место противозаконное деяние ответчика, однако в одном из них суд признал его недостойным, а в другом — нет.

Так, в деле от 20 октября 2020 г. № 2-4799/2020 истица обратилась с заявлением о признании ответчицы недостойным наследником [3]. Основанием обращения в суд стало убийство ответчицей ее сына. Вступившим в законную силу приговором суда ответчица была признана виновной в совершении умышленного причинения смерти другому человеку. По мнению истицы, данное обстоятельство являлось основанием для отстранения ответчицы от получения наследства ее сына. Суд удовлетворил исковые требования, так как действия ответчицы были направлены против жизни и здоровья наследодателя, и их совершение в последствии привело к открытию наследства и призванию ее к наследованию.

Исходя из анализа приведенного судебного решения следует, что умышленное причинение вреда наследодателю с целью открытия наследства, подтвержденное приговором суда, будет признано судом надлежащим основанием для признания ответчика недостойным наследником. При этом, с учетом индивидуальных особенностей ответчика, суд может не признать в его действиях противоправных намерений и отказать в удовлетворении требований. Подобное обстоятельство имело место в деле, рассмотренном Белогорским районным судом Амурской области от 17 сентября 2020 г. по делу № 2-1200/2020 [4].

Истица обратилась в суд с требованиями признать ответчицу недостойным наследником. Истица, как от-

ветчик, являлась наследником первой очереди по закону после смерти их с ответчиком матери. Исходя из доводов истицы, ответчика необходимо признать недостойным наследником, так как смерть их матери наступила после нанесения ей ответчиком тяжких телесных повреждений. Приговором суда ответчик был признан виновным в совершении покушения на убийство, нанесении тяжких телесных повреждений и хулиганстве. Однако, из-за нахождения в психическом состоянии, исключающем вменяемость, он был освобожден от уголовной ответственности с применением принудительных мер медицинского характера.

После смерти матери умер и отец истицы и ответчика. Причиной наступления смерти отца истица также считала противоправные деяния ответчика. Так, ответчик неоднократно наносил отцу побои и иными способами причинял ему физическую боль и моральные переживания. Эти обстоятельства не могли не отразиться на здоровье отца, как указывала истица. Приговором суда по факту указанных деяний ответчик был признан виновным в совершении покушения на убийство, нанесении тяжких телесных повреждений и хулиганстве. Однако, как и в первом случае, в силу его психического состояния был освобожден от уголовной ответственности с применением принудительных мер медицинского характера.

Таким образом, после нанесения ответчиком травм своим родителям, последние умерли. Это обстоятельство являлось надлежащим основанием для признания его недостойным наследником, как утверждала истица. Несмотря на признание ответчика виновным в совершении преступлений по отношению к наследодателям, суд отказал в удовлетворении исковых требований. Так, в результате судебной психолого-психиатрической экспертизы было установлено, что ответчик в момент совершения преступлений не мог объективно воспринимать значение своих действий и давать о них показания. Так как ответчик осуществил уголовно наказуемые деяния будучи невменяемым, он не мог руководить своими действиями. По этой причине суд пришел к выводу, что у ответчика при покушении на убийство наследодателей не было умысла, в связи с чем признание его недостойным наследником и отстранение от наследства будет неправомерным.

Таким образом, лица, совершившие противоправные деяния в состоянии невменяемости, не признаются судами недостойными наследниками, так

как в их действиях отсутствует умысел в силу невозможности давать отчет своим действиям и осознавать их последствия. В подобных случаях наличие обвинительного приговора не будет основанием для отстранения такого лица от наследования.

В приведенных материалах судебной практики в подтверждение совершения ответчиками противоправных деяний истицы ссылались на наличие судебного акта, подтверждающего достоверность их заявлений. Однако достаточно часто противоправные деяния ответчиков не подтверждаются подобным образом, что является основанием для отказа в удовлетворении требований. Приведем далее примеры обращения истцов в суд с требованиями признать ответчика недостойным наследником по причине причинения им вреда наследодателю, не подтвержденного приговором или решением суда.

Истец обратилась в суд с требованиями признать ответчика недостойным наследником [5]. После смерти тети истца и ответчика, который приходится истцу братом, последний вступил в наследство и оформил свои наследственные права. При жизни наследодатель нуждалась в уходе из-за своего физического состояния. По этой причине истица осуществляла за наследодателем необходимый уход. Ответчик же не только не заботился о ней, но и бил ее. После смерти наследодателя на ее теле были обнаружены побои, но в возбуждении уголовного дела было отказано, так как смерть наступила не из-за побоев.

Проанализировав доводы сторон, суд отказал в признании ответчика недостойным наследником. Этому послужило следующее. Во-первых, истец не представила доказательств совершения ответчиком противоправных действий. Во-вторых, суд указал, что наличие конфликтов между наследодателем и ответчиком не является основанием для признания наследника недостойным. Наконец, причинно-следственная связь между смертью наследодателя и действиями ответчика не была доказана.

Таким образом, для признания лица недостойным наследником заявитель должен предъявить подтверждение факта совершения им противоправных деяний и наличия причинно-следственной связи между смертью наследодателя и действиями ответчика. При этом надлежащим доказательством является лишь судебный акт. Даже если противоправное поведение ответчика будет подтверждено иными источниками, например, показаниями свидетеля, из-за

отсутствия приговора суда ответчик не будет признан недостойным наследником. Подтвердим это следующим судебным решением.

Истец обратилась в Кировский районный суд г. Самары с иском к ответчику о признании наследника недостойным [6]. Ответчик являлся сыном наследодателя, деда истца. У наследодателя не было обеих ног, он мог передвигаться только при помощи инвалидной коляски. После смерти его жены он остался жить в квартире с ответчиком. Ответчик не только не осуществлял необходимой заботы об отце, но жестоко с ним обращался. Так, он отбирал еду у наследодателя, выкидывал его из коляски и причинял ему побои до момента смерти. Кроме этого, он отбирал у отца телефон и препятствовал ему связываться с кем-либо. Ответчик также часто распивал в квартире алкогольные напитки с лицами, ведущими асоциальный образ жизни. В силу этих обстоятельств истец осуществлял необходимую заботу о наследодателе. О действиях ответчика он сообщал участковому. Наследодатель же был против обращения в полицию. Переезжать в другую квартиру он не хотел, так как опасался, что ответчик все продаст. Данные обстоятельства, а также постоянное наличие у наследодателя следов побоев, в судебном заседании подтвердились показаниями свидетелей. Когда наследодатель просил истца позвать нотариуса, чтоб завещать квартиру истцу, ответчик начал избивать его еще сильнее. При вскрытии выяснилось, что наследодатель умер от отравления неизвестным веществом. Исходя из аргументации истца, систематическое нанесение наследодателю побоев и уклонение от осуществления элементарной заботы о нем являются противоправными деяниями, достаточными для признания ответчика недостойным наследником.

Суд отказал в удовлетворении исковых требований, несмотря на доводы истца и их подтверждения свидетельскими показаниями. Причиной отказа стало отсутствие приговора суда, на основании которого ответчик был бы признан виновным в совершении указанных деяний; решения суда о взыскании алиментов с ответчика и доказательств факта злого уклонения от обязанностей по содержанию наследодателя.

В приведенном судебном решении подтверждается необходимость наличия судебного акта для возможности признания наследника недостойным по причине его противоправного поведения. Кроме

этого, на примере данного дела можно увидеть существующую противоречивость законодательного регулирования изучаемого института. С одной стороны, установление обязательного подтверждения в судебном порядке факта неправомерных действий наследника представляется рациональным, так как исключается отстранение от наследования добросовестных лиц по искам наследников, желающих увеличить свою долю в наследстве. Однако, как в приведенной ситуации, факт противоправного поведения ответчика может не быть подтвержден судебным актом из-за нежелания наследодателя обращаться в судебные органы в силу различных причин, в том числе из-за страха усиления истязаний со стороны наследника. В таком случае из-за формализма имеет место нарушение принципа добросовестности, так как в наследовании принимает участие лицо, которое причиняло вред наследодателю. Это, в свою очередь, противоречит сущности и целям права как социального регулятора, в целом, и гражданского права как отрасли, регулирующей защиту имущественных и личных неимущественных прав в частности. Установление же возможности признать лицо недостойным наследником без предоставления подтверждающего судебного акта не представляется обоснованным, так как в таком случае возникнет повод для обращения в суды недобросовестных лиц, желающих нарушить права иных наследников путем отстранения их от наследования.

Обобщая вышеизложенное, признание лица недостойным наследником является значимым институтом гражданского права, так как при его реализации возможно отстранить от наследования лицо, которое вело себя по отношению к наследодателю или иным наследникам неправомерно. Это важный инструмент для обеспечения принципа добросовестности участников гражданских правоотношений. При решении вопроса о признании лица недостойным наследником суды учитывают наличие умысла при совершении лицом противоправного деяния, причинно-следственной связи между деянием ответчиком и смертью наследодателя, судебного приговора или решения, подтверждающего факт неправомерного деяния. При этом аргументы относительно уклонения ответчика об осуществлении заботы о наследодателе не являются самостоятельным основанием для признания его недостойным наследником. Если же неосуществление ответчиком заботы о физически немощном наследодателе сопровождалось противоправными дей-

ствиями в отношении последнего, они обязательно должны быть подтверждены в судебном порядке, иначе суд откажет в признании наследника недостойным. В этой части действующее законодательство представляется противоречивым, так как устанавливающая данное правило норма направлена на предупреждение неправомерного отстранения от наследования добросовестного наследника, при этом лица, причиняющие наследодателю вред, участвуют в принятии наследства, если наследодатель не обращался за судебной защитой своих прав.

Изучение данной темы будет оставаться актуальным в дальнейшем по причине частого обращения в суд наследников с требованиями признать лицо недостойным наследником и возникающих при этом сложностей, и противоречий.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 3) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 1 июля 2021) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 7.
3. Решение Подольского городского суда Московской области от 20 октября 2020 г. по делу № 2-4799/2020 // URL://<https://sudact.ru/regular/doc/TWxVNIPkzkYn/>
4. Решение Белогорского районного суда Амурской области от 17 сентября 2020 г. по делу № 2-

1200/2020 // URL://<https://sudact.ru/regular/doc/1GZBYHjkZTg/>

5. Решение Заводского районного суда г. Орла от 22 января 2020 г. по делу № 2-503/2020 // URL://<https://sudact.ru/regular/doc/9dNJWiiVHeL1/>

6. Решение Кировского районного суда г. Самары от 23 января 2020 г. по делу № 2-226/2020 // URL://<https://sudact.ru/regular/doc/jVs65XWqg012/>

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part 3) of November 26, 2001 No. 146-FZ (ed. of July 1, 2021) // SZ RF. 2001. No. 49. St. 4552.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 29, 2012 No. 9 «On judicial practice in cases of on inheritance» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. № 7.
3. The decision of the Podolsk City Court of the Moscow region of October 20, 2020 in case No. 2-4799/2020 // URL://<https://sudact.ru/regular/doc/TWxVNIPkzkYn/>
4. The decision of the Belogorsky District Court of the Amur Region of September 17, 2020 in case No. 2-1200/2020 // URL://<https://sudact.ru/regular/doc/1GZBYHjkZTg/>
5. The decision of the Zavodsky District Court of Oryol dated January 22, 2020 in case No. 2-503/2020 // URL://<https://sudact.ru/regular/doc/9dNJWiiVHeL1/>
6. The decision of the Kirovsky District Court of Samara dated January 23, 2020 in case No. 2-226/2020 // URL://<https://sudact.ru/regular/doc/jVs65XWqg012/>

Информация об авторах

Н. А. Аблятипова — доцент кафедры гражданского права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Крым;

И. Ю. Волкова — студент Крымского филиала Российского государственного университета правосудия.

Information about the authors

N. A. Ablyatipova — Associate Professor of the Department of Civil Law of the Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Crimea;

I. Yu. Volkova — Student of the Crimean Branch of the Russian State University of Justice.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.07.2022; одобрена после рецензирования 08.08.2022; принята к публикации 29.09.2022. The article was submitted 01.07.2022; approved after reviewing 08.08.2022; accepted for publication 29.09.2022.

Научная статья
УДК 342.922
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-17-22>
НИОН: 2003-0059-1/23-543
MOSURED: 77/27-003-2023-01-742

О некоторых аспектах кадровой политики органов внутренних дел Российской Федерации и Республики Казахстан

Гульмира Жаксыбековна Алменбетова

Московский университет МВД России имени В.Я.Кикотя, Москва, Россия, Almenbetova.gulmira@bk.ru

Аннотация. Исследуются вопросы социальной и правовой защиты сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и Республики Казахстан. Рассмотрены особенности трансформации института социально-правовой защиты сотрудников органов внутренних дел двух стран после распада СССР в 1991 г. Осуществлен теоретический анализ понятия «социально-правовая защита». Рассматривается круг вопросов, связанных с содержанием и проблемами реализации социальных льгот и гарантий для сотрудников органов внутренних дел России и Казахстана.

Ключевые слова: социально-правовая защита сотрудников органов внутренних дел, социально-ориентированная политика, социальные льготы и гарантии

Для цитирования: Алменбетова Г. Ж. О некоторых аспектах кадровой политики органов внутренних дел Российской Федерации и Республики Казахстан // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 17–22. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-17-22>.

Original article

On some aspects of the personnel policy of the internal affairs bodies of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan

Gulmira Zh. Almenbetova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, Almenbetova.gulmira@bk.ru

Abstract. The issues of social and legal protection of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan are investigated. The peculiarities of the transformation of the institute of social and legal protection of employees of the internal affairs bodies of the two countries after the collapse of the USSR in 1991 are considered. The theoretical analysis of the concept of «social and legal protection» is carried out. The range of issues related to the content and problems of the implementation of social benefits and guarantees for employees of the internal affairs bodies of Russia and Kazakhstan is considered.

Keywords: social and legal protection of employees of internal affairs bodies, socially oriented policy, social benefits and guarantees

For citation: Almenbetova G. Zh. On some aspects of the personnel policy of the internal affairs bodies of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):17–22. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-17-22>.

Социально-правовая защита сотрудников как один из основных институтов системы органов внутренних дел (далее — ОВД) получил новый виток развития на постсоветском пространстве в рамках правозащитных Конституциями суверенных государств принципов социальной направленности, реализующих функцию обеспечения правовой и социальной защиты граждан.

Не вызывает сомнений и приобрело форму аксиомы утверждение о том, что эффективность деятельности правоохранительной службы, стабильность ее кадрового состава, а следовательно благополучие государства и общества напрямую зависят от уровня правовой и социальной защищенности со-

трудников. Невозможно не согласиться с В. Г. Атаманчуком, утверждавшим, что «субъект управления, обладая властью, интеллектуальными, информационными, правовыми и иными преимуществами, должен находиться в состоянии благополучия, иначе он будет не способен исполнять свою миссию» [1, с. 13].

Очевидно, что поддержание надлежащего состояния благополучия и постоянное совершенствование социально-правовой защиты сотрудников ОВД является одной из приоритетных задач государства на современном этапе.

Уяснение содержания понятия социально-правовая защита сотрудников ОВД требует обращения к

© Алменбетова Г. Ж., 2023

общетеоретическим основаниям понятий социальная защита и правовая защита.

В научной литературе в широком смысле под «социальной защитой» понимается «деятельность государства, органов местного самоуправления, организаций по обеспечению условий для нормальной жизнедеятельности населения» [3, с. 89].

Широкая трактовка правовой защиты подразумевает «деятельность государства, общественных объединений и самого лица по созданию юридических условий, способствующих недопущению остановки процесса реализации прав, а в случае таковой, его восстановления» [6, с.20].

По мнению некоторых исследователей, употребление этих двух понятий принято на практике как равнозначных [5, с. 224]. Понятие «социально-правовая защита» может употребляться в зависимости от контекста и, в то же время, как синоним «социальной защиты» и «правовой защиты», содержание которого подразумевает, в самом общем смысле, защиту социально-экономических отношений правовыми средствами [6, с. 25].

Хотя содержание этих понятий существенно различается по предмету регулирования и характеру правоотношения, они являются сторонами одной медали, что обеспечивает в целом комплексное решение вопросов социально-правовой защиты [8, с. 47].

Таким образом, социально-правовая защита населения выражается в обеспечении общественного благополучия и создании равных возможностей для всех граждан в его достижении, сглаживании социальных противоречий посредством принятия государством, организаций соответствующих мер экономического, правового, организационного характера в виде предоставления льгот, компенсаций и привилегий наиболее уязвимым категориям населения.

Являясь составной частью политики государства в части социально-правовой защиты граждан, социальная защита сотрудников ОВД имеет свои особенности.

Специфика социально-правовой защиты сотрудников ОВД состоит в особом характере несения службы в ОВД, сопряженного с риском для здоровья и жизни, высоких требованиях к сотрудникам и ограничений к ним, обуславливающих необходимость введения компенсирующих дополнительных социальных, правовых, экономических мер для обеспечения нормальной служебной деятельности сотрудников.

Проблема социально-правовой защиты сотрудников ОВД получила актуальность в конце 80-х гг.

XX столетия в условиях коренного реформирования всех основ общества, а также становления новых государств на постсоветском пространстве.

Формирование собственных моделей правоохранительных органов в рамках образования правовых государств с социально-ориентированной политикой вызвало необходимость совершенствования системы управления социальной защиты населения, а вместе с этим и актуализировала вопросы социальной защиты сотрудников правоохранительных органов, стоящих на защите прав и свобод общества.

Трансформация института социально-правовой защиты проходила под влиянием международно-правовых стандартов в области прав человека XX столетия, и была обусловлена общими историческими основаниями советского периода для российской и казахстанской государственности, складывающихся с учетом особенностей национальных традиций и менталитета.

На взгляд автора, с учетом анализа законодательства в области социально-правовой защиты сотрудников ОВД в России и Казахстане, представляется возможным выделить следующие общие ключевые этапы в развитии этого института с момента обретения государствами независимости.

1 этап — 1991–2002 гг. — этап формирования современных российской и казахстанской социальных моделей в сфере правоохранительной деятельности в рамках принятых в Российской Федерации Закона от 18 апреля 1991 г. «О милиции» и Республике Казахстан Закона 23 июня 1992 г. «Об органах внутренних дел». Период поиска и разработки новых механизмов обеспечения социально-правовой поддержки сотрудников ОВД.

2 этап — 2002–2010 гг. — этап совершенствования социальной модели правоохранительной деятельности, установление единых подходов к системе оплаты труда работников органов, содержащихся за счет государственного бюджета как в России, так и в Казахстане.

3 этап — 2011–2019 гг. — дальнейшее усиление законодательства в сфере социально-правовой защиты сотрудников в рамках принятых в Российской Федерации Федерального Закона от 7 июля 2011 г. «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и в Республике Казахстан в рамках Указа Президента от 17 августа 2010 г. № 1039 «О мерах по повышению эффективности правоохрани-

тельной деятельности и судебной системы в Республике Казахстан».

4 этап — с 2019 г. по настоящее время — усиление законодательной базы социально-правовой защиты сотрудников ОВД в рамках Дорожной карты по модернизации органов внутренних дел Республики Казахстан на 2019–2021 гг. (далее — Дорожная карта) [16].

Обозначим наиболее существенные особенности в развитии социально-правовой политики обоих государств в сфере правоохранительной деятельности на каждом этапе.

На первом этапе, после распада СССР, на фоне социально-экономического и политического кризиса, роста преступности и усиления социальной напряженности кадровая ситуация ОВД характеризуется жестким кадровым дефицитом, сокращением финансирования ОВД, снижением материально-технической обеспеченности сотрудников, низкой правовой и социальной защищенностью сотрудников.

Международные тренды в области приоритета прав и свобод личности не могли не вовлечь в орбиту основных задач вновь созданных демократических, правовых государств вопросов, связанных с защитой прав и свобод граждан, среди них и сотрудников ОВД.

Прочное введение в научный оборот и нормативное закрепление понятий «правовая защита» и «социальная защита сотрудников милиции» [6, с. 10], потребовало принятия практических мер, регулирующих вопросы правового статуса сотрудников ОВД и гарантирующих их социально-правовую защиту.

Следует отметить, что на начальном этапе становления и развития законодательства о социально-правовой защите сотрудников ОВД России и Казахстана отмечается общая тенденция установления схожих норм, регулирующих данную область отношений.

Так, в сфере правовой защиты для исключения существовавших субъективных начал и оснований в деятельности органов внутренних дел, унаследованных советским периодом, были приняты нормы, устраняющие нелегитимные условия и предпосылки деятельности сотрудников, и направленные на установление правовых пределов действий их служебных обязанностей и прав с предоставлением возможности восстановления прав в случаях их нарушения [4, с. 5].

Гарантиями правовой защиты служебной деятельности сотрудников стали: служба на контрактной основе; четкая регламентация порядка присвоения

специальных званий; закрепление перечня оснований для увольнения из ОВД; сокращение сроков службы в ОВД, дающих право увольнения на пенсию по собственному желанию; определение порядка восстановления в должности, специальном звании и на службе в ОВД; судебное обжалование сотрудником приказа об увольнении.

В сфере социальной защиты сотрудникам предоставлен был большой объем социальных льгот и гарантий, среди которых обязательное государственное, личное и дополнительное социальное страхование (денежные компенсации в случае получения телесных повреждений на службе, возмещение ущерба имущества сотруднику или его близким в связи со служебной деятельностью и др.); жилищные гарантии (ссуды на индивидуальное и кооперативное строительство); медицинские льготы (бесплатная медпомощь, санаторно-курортное обеспечение и др.); транспортные льготы (бесплатное пользование всеми видами транспорта, приобретение вне очереди билетов при следовании в командировку, отпуск и т. д.); денежные компенсации педагогическим работникам учебных заведений МВД России [9] и Казахстана [10].

Уже в конце 1990 — начале 2000 гг. запускаются процессы замены традиционных для советской системы натуральных норм на денежные компенсации или так называемая их «монетизация». Процесс замены ненатуральных форм оплаты на денежные в Казахстане был окончательно завершён к 2002 г., в России к 2005 г.

Замене подверглись льготы в сфере жилищного обеспечения (скидки сотрудникам и пенсионерам на жильё), социального страхования (страховые суммы семье и иждивенцам в случае гибели (увечья), ранения или инвалидности сотрудника), отдельные льготы с разницей в десять лет (в Казахстане к 1995 г. [11], в России к 2005 г. [19]) и вовсе исключаются. Это коснулось продовольственных пайков; бесплатного проезда в общественном транспорте; скидки по оплате жилья, техобслуживанию, содержанию и ремонту, коммунальных услуг, а также абонентской платы за радио и телевидение; льготы по оплате жилья для сотрудников, прослуживших не менее двадцати лет и уволенным в запас или отставку и т. д.

Одновременно с отменой натуральных льгот в России повышены размеры должностных окладов по специальным званиям, надбавки за выслугу лет, за особые условия прохождения службы.

Однако, денежные выплаты в обоих странах не стали реальной компенсацией фактических расхо-

дов, в связи с чем, объем социального обеспечения сотрудников ОВД снизился, а материальное состояние значительно ухудшилось.

Второй этап характеризуется относительной стабилизацией социально-экономической ситуации в обеих странах, позволившей обратить внимание на проблемы социальной защищенности сотрудников ОВД. Предшествующее десятилетие казахстанской действительности как нельзя лучше характеризуют слова Н. Назарбаева о том, что «кризис не дал нам возможности заниматься всерьез благосостоянием людей. Теперь пришло время» [17].

Принимаются законодательные документы, регулирующие вопросы социальной защиты сотрудников правоохранительных органов, прежде всего, в отношении оплаты труда путем увеличения размеров должностных окладов и окладов по специальным званиям, а также установления различного рода надбавок и доплат, введена практика материального стимулирования сотрудников в виде дополнительных разовых премий; увеличиваются надбавки за ученую степень и ученое звание.

К примеру, в Российской Федерации повышение должностных окладов, окладов по специальным званиям, а также за выслугу лет и особые условия осуществлено в 2–2,4 раза [8, с. 68], в Казахстане произведено повышение заработной платы на 40 % [2]. Между тем, в отличие от Казахстана, в России должностные оклады и оклады по специальным званиям, а также выплаты социального характера индексируются, также предусматриваются единовременные дополнительные выплаты.

Однако, принимаемые меры по увеличению размеров денежного довольствия, выплат компенсационного и социального характера и пособий позволили лишь в частичной форме компенсировать инфляционные процессы. В связи с чем, недостаточность мер сказывалось на эффективности деятельности ОВД, отток квалифицированных опытных кадров продолжался.

Третий этап отмечен попыткой кардинального пересмотра вопросов социально-правовой основы деятельности сотрудников ОВД в рамках реформ правоохранительных систем Казахстана 2010 г. и России 2011 г. Принимается комплекс мер, направленных на решение проблем, связанных с денежным довольствием, пенсионным и жилищным обеспечением, медицинским обслуживанием и др.

Необходимость пересмотра вопросов материального обеспечения была вызвана продолжающимся оттоком кадров и массовым переводом в другие ве-

домства сотрудников ОВД в обоих государствах. На тот момент уровень заработной платы и размера пенсий являлся одним из самых низких среди правоохранительных органов и силовых структур на протяжении последнего десятилетия [7, с. 14], что было характерно и для казахстанской полиции.

Так, в целях сохранения профессионального ядра ОВД было повышено денежное довольствие сотрудников в России, в среднем, в два раза, размеры пенсий в 1,6 раз [7, с. 14], казахстанским сотрудникам органов внутренних дел доплата за специальное звание увеличена, в среднем, на 42 % [18].

Кроме того, в России были введены субсидии на приобретение жилого помещения; дополнительные меры социальной защиты для членов семей сотрудников, предоставлены единовременные социальные выплаты на покупку жилья или его строительство и т. д.

На настоящем этапе, начиная с 2019 г., в условиях недовольства казахстанского общества деятельностью полиции и требованием ее реформирования, усиление социального обеспечения полицейских продолжено в рамках реализации Дорожной карты, одним из направлений которой стало совершенствование системы оплаты труда и социальной защиты сотрудников.

По итогам реализации Дорожной карты увеличена заработная плата сотрудникам патрульной полиции на 65 %, оперативно-следственных подразделений — на 55 %, участковым инспекторам полиции по делам несовершеннолетних, преподавателям — на 25 %, сотрудникам остальных служб полиции и уголовно-исполнительной системы — на 20 % [15]. Кроме того, был расширен имеющийся перечень сотрудников, получающих компенсацию за наем (аренду) жилья, где вместе с оперативно-следственными подразделениями, этим правом были наделены участковые, инспекторы по делам несовершеннолетних и патрульные полицейские [13].

Таким образом, как мы видим, социально-правовая защита сотрудников ОВД за последние 30 лет развития ОВД России и Казахстана прошла путь от поиска и разработки новых механизмов и способов поддержки сотрудников ОВД до создания современной единой системы оплаты труда и социальной поддержки. При этом этапы ее трансформации проходили под влиянием трендов международной практики, национальных традиций и объективных условий социально-экономического и политического состояния обоих государств.

Вместе с тем, многие из существующих сегодня наборов услуг и выплат социального характера по-прежнему не адекватны современным реалиям и не

отвечают уровню и динамике цен. К примеру, размер выплаты денежной компенсации на содержание жилища и коммунальные услуги казахстанских сотрудников органов внутренних дел установлен еще с 1 января 2011 г. и составляет всего 3739 тенге [12]. Между тем, средний уровень коммунальных услуг по стране по состоянию на 31 декабря 2021 г. составил 21 786 тенге [14]. В этой связи полагаем необходимым внести изменение в действующее законодательство Республики Казахстан в части индексации размера выплаты жилищной компенсации на содержание жилища и коммунальные услуги.

Необходимо отметить, что комплекс мер, реализуемых в целях социальной поддержки сотрудников ОВД, должен быть направлен не только на повышение уровня социальной защищенности сотрудников, но и на стимулирование качественного роста их социально-профессионального статуса, эффективности деятельности, а также на преодоление экономических основ коррупции в органах внутренних дел.

Список источников

1. Атаманчук В. Г. Теория государственного управления: курс лекций. М. : Омега-Л, 2004.
2. Карабчук Т. С., Альмухаметов Р. Р. Заработная плата полицейских в Болгарии, Казахстане, Латвии и России // URL://https://cyberleninka.ru/article/n/retrospektivnyu-analiz-i-nekotorye-problemy-sovremennogo-razvitiya-kadrovoyu-politiki-mvd-rossii/viewer.
3. Кокотов А. Н. Муниципальное право. М. : Юрист, 2009.
4. Кондрашов Б. П., Черенков Е. А., Черников В. В. Новое законодательство о прохождении службы в органах внутренних дел. Н. Новгород, 1993.
5. Лойт Х. Х. Государственная кадровая политика в России и ее реализация в органах внутренних дел (исторический и организационно-правовой аспект): дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1998.
6. Стремоухов А. В. Правовая защита человека: теоретические проблемы: моногр. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2003.
7. Футо С. Р. К 100-летию Федерального закона «О полиции»: некоторые аспекты истории создания и принятия // Административное право и процесс. 2021. № 5. С. 14–27.
8. Чернышова Л. В. Социально-правовая защита сотрудников полиции: моногр. Уфа : УЮИ МВД России, 2013.
9. Закон Республики Казахстан от 23 июня 1992 г. «Об органах внутренних дел», утратил силу в соответствии с Указом Президента Республики Казахстан от 21 декабря 1995 г. № 2707 // URL://https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30061820&pos=3;-106#pos=3;-106.
10. Закон Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59/
11. Закон Республики Казахстан от 23 июня 1995 г. «Об органах внутренних дел», утратил силу в соответствии с Законом РК от 23 апреля 2014 г. № 199-V // URL://https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1004063.
12. Закон Республики Казахстан от 2 декабря 2021 г. № 77-VII ЗПК «О республиканском бюджете на 2022–2024 годы» // URL://https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33582541/
13. Казахстанская модель сервисной полиции: цели, приоритеты и сложности перехода // URL://https://strategy2050.kz/ru/news/kazakhstanskaya-model-servisnoy-politsii-tseli-prioritety-i-slozhnosti-perekhoda/
14. Казахстан занял 53-е место в рейтинге стран по доступности комуслуг // URL://https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kazakhstan-zanyal-53-e-mesto-reytinge-stran-dostupnosti-430487/
15. О проводимых реформах в органах МВД РК уже бывшего Министра МВД РК Ерлан Тургумбаев в 2018–2021 гг. // URL://https://www.inform.kz/ru/erlan-turgumbaev-rasskazal-o-provodimyh-reformah-v-organah-vnutrennih-del_a3732796.
16. Постановление Правительства Республики Казахстан от 27 декабря 2018 г. № 897 «Об утверждении Дорожной карты по модернизации органов внутренних дел Республики Казахстан на 2019–2021 годы» // URL://https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33105099.
17. Послание Президента страны народу Казахстана 24 октября 2000 г. «К свободному, эффективному и безопасному обществу» // URL://https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-a-nazarbaevanarodu-kazakhstana-oktyabr-2000-g_1342416665.
18. Полицейским увеличат зарплату с 2013 г. // URL://www.uralskweek.kz/2012/10/18/policejskim-uvelichat-zarplatu-s-2013-goda/
19. Федеральный закон Российской Федерации от 30 июня 2002 г. № 78-ФЗ «О денежном довольствии сотрудников некоторых федеральных органов исполнительной власти, других выплатах этим сотрудникам и условиях перевода отдельных категорий сотрудников федеральных органов налоговой полиции и таможенных органов Российской Федерации на иные условия службы (работы)» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37361.

References

1. Atamanchuk V. G. Theory of public administration: a course of lectures. M. : Omega-L, 2004.
2. Karabchuk T. S., Almukhametov R. R. Salaries of police officers in Bulgaria, Kazakhstan, Latvia and Russia // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/retrospektivny-analiz-i-nekotorye-problem-sovremennogo-razvitiya-kadrovoy-politiki-mvd-rossii/viewer>.
3. Kokotov A. N. Municipal Law. M. : Lawyer, 2009.
4. Kondrashov B. P., Cherenkov E. A., Chernikov V. V. New legislation on service in the internal affairs bodies. N. Novgorod, 1993.
5. Loit Kh. Kh. State personnel policy in Russia and its implementation in the internal affairs bodies (historical and organizational-legal aspect): diss. ...Dr. jurid. M., 1998.
6. Stremoukhov A. V. Human legal protection: theoretical problems: monogr. St. Petersburg : St. Petersburg University of the MIA of Russia, 2003.
7. Futo S. R. To the 100th anniversary of the Federal Law «On Police»: some aspects of the history of creation and adoption // Administrative Law and Process. 2021. No. 5. P. 14–27.
8. Chernyshova L. V. Social and legal protection of police officers: monogr. Ufa : UYUI of the MIA of Russia, 2013.
9. The Law of the Republic of Kazakhstan dated June 23, 1992 «On Internal Affairs bodies», became invalid in accordance with the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated December 21, 1995 No. 2707 // URL://https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30061820&pos=3;-106#pos=3;-106.
10. Law of the Russian Federation of April 18, 1991 No. 1026-1 «On militia» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59/
11. The Law of the Republic of Kazakhstan dated June 23, 1995 «On Internal Affairs bodies», became invalid in accordance with the Law of the Republic of Kazakhstan dated April 23, 2014 No. 199-V // URL://https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1004063.
12. Law of the Republic of Kazakhstan dated December 2, 2021 No. 77-VII of the SAM «On the republican budget for 2022-2024» // URL://https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33582541/
13. Kazakhstan model of service police: goals, priorities and difficulties of transition // URL://<https://strategy2050.kz/ru/news/kazakhstanskaya-model-servisnoy-politsii-tseli-priority-i-slozhnosti-perekhoda/>
14. Kazakhstan took the 53rd place in the ranking of countries in terms of accessibility of public services // URL://https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kazakhstan-zanyal-53-e-mesto-reytinge-stran-dostupnosti-430487/
15. On the ongoing reforms in the bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan of the former Minister of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan Yerlan Turgumbayev in 2018–2021 // URL://https://www.inform.kz/ru/erlan-turgumbaev-rasskazal-o-provodimyh-reformah-v-organah-vnutrennih-del_a3732796.
16. Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated December 27, 2018 No. 897 «On approval of the Roadmap for the modernization of internal affairs bodies of the RK for 2019–2021» // URL://https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33105099
17. Message of the President of the country to the People of Kazakhstan on October 24, 2000 «Towards a free, efficient and secure society» // URL://https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-a-nazarbaeva-narodu-kazakhstana-oktyabr-2000-g_1342416665.
18. Police officers will increase their salaries from 2013 // URL://www.uralskweek.kz/2012/10/18/policejskim-uvelichat-zarplatu-s-2013-goda/
19. Federal Law of the RF No. 78-FZ of June 30, 2002 «On Monetary allowances for Employees of Certain Federal Executive Authorities, Other Payments to these Employees and Conditions for Transferring Certain Categories of Employees of Federal Tax Police and Customs Authorities of the Russian Federation to other conditions of service (work)» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37361.

Информация об авторе

Г. Ж. Алменбетова — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

G. Zh. Almenbetova — Adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 30.05.2022; одобрена после рецензирования 12.07.2022; принята к публикации 12.09.2022. The article was submitted 30.05.2022; approved after reviewing 12.07.2022; accepted for publication 12.09.2022.

Научная статья
УДК 343.3/7
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-23-29>
НИОН: 2003-0059-1/23-544
MOSURED: 77/27-003-2023-01-743

Уголовная ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии: теоретический и практический аспекты

Елена Александровна Алференок¹, Екатерина Кирилловна Шершакова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ le555na1993@yandex.ru

² eka-shershakova@yandex.ru

Аннотация. Норма, устанавливающая ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии, была введена сравнительно недавно. Проведено исследование проблем теоретического и практического характера, которые могут возникнуть при применении ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), в частности: исчисление сроков давности привлечения к уголовной ответственности, установление момента окончания преступления, применение обратной силы закона, отграничение от смежного состава преступления — ч. 4 ст. 210 УК РФ. Обоснована целесообразность введения специального вида освобождения от ответственности за данное преступление, раскрыты признаки субъекта ст. 210.1 УК РФ. В качестве разрешения указанных проблем предложены соответствующие изменения и дополнения в УК РФ и постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)».

Ключевые слова: преступная иерархия, организованная преступность, лидер преступного сообщества, «вор в законе», занятие высшего положения в преступной иерархии, уголовное законодательство

Для цитирования: Алференок Е. А., Шершакова Е. К. Уголовная ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии: теоретический и практический аспекты // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 23–29. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-23-29>.

Original article

Criminal liability for occupying the highest position in the criminal hierarchy: theoretical and practical aspects

Elena A. Alferenok¹, Ekaterina K. Shershakova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ le555na1993@yandex.ru

² eka-shershakova@yandex.ru

Abstract. The norm establishing responsibility for occupying the highest position in the criminal hierarchy was introduced relatively recently. The study of theoretical and practical problems that may arise when applying Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (Criminal Code of the Russian Federation), in particular: the calculation of the limitation period for criminal prosecution, the establishment of the moment of the end of the crime, the use of retroactive force of the law, delineation from the related corpus delicti — Part 4 of Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation. The expediency of introducing a special type of exemption from liability for this crime is substantiated, the signs of the subject of Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation are revealed. As a solution to these problems, the relevant amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation and the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 10, 2010 No. 12 «On the judicial practice of considering criminal cases on the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it (her)» are proposed.

Keywords: criminal hierarchy, organized crime, crime boss, «thief in law», occupying the superior position in the criminal hierarchy, criminal legislation

For citation: Alferenok E. A., Shershakova E. K. Criminal liability for occupying the highest position in the criminal hierarchy: theoretical and practical aspects. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):23–29. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-23-29>.

Норма об уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии является новеллой уголовного права. С 1 апреля 2019 г. по 30 июня 2021 г. зарегистрировано 102 преступления, ответственность за совершение которых предусмот-

рена ст. 110.1 УК РФ [6], несколько человек осуждены по указанной норме [13; 14; 15]. Указанное свидетельствует о том, что следственно-судебная практика по ст. 210.1 УК РФ только начала формироваться и правоохранительные органы сталкиваются с некоторыми

© Алференок Е. А., Шершакова Е. К., 2023

трудностями применения указанной нормы. В связи с этим считаем необходимым обобщить имеющиеся материалы, обратить внимание на существующие проблемы квалификации деяния по исследуемой статье и предложить направления ее совершенствования.

1. Анализируемое преступление является длящимся. При этом дефиниция «длящееся преступление», которая дана в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям», не полностью раскрывает принадлежность данного преступления к длящемуся, поскольку определяется как действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования [10]. Вместе с тем, Н. С. Таганцев к длящимся относил такие преступления, «которые раз совершившись, неоднократно и непрерывно повторяются виновным и образуют, благодаря этому, как бы преступное состояние» [16, с. 258]. С нашей точки зрения, деяние, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 210.1 УК РФ, в полной мере соответствует указанному мнению. А. С. Эктов длящееся преступление характеризует следующим образом: во-первых, имеет место преступное состояние в течение более или менее продолжительного промежутка времени; во-вторых, начало длящегося преступления подтверждается преступным деянием или преступным бездействием; в-третьих, такое преступление оканчивается либо в связи с прекращением его совершения самим лицом, либо по причинам, не зависящим от него, либо по причине исчезновения обстоятельства, составлявшего содержание этого деяния; в-четвертых, такие деяния по конструкции объективной стороны могут быть только формальными и, следовательно, совершаться с прямым умыслом [18].

Слово «занятие», используемое законодателем в ст. 210.1 УК РФ, само по себе предполагает пребывание лица в преступном состоянии. О начале длящегося преступления свидетельствует факт приобретения лицом высшего статуса в криминальной структуре. Окончанием преступления будет являться потеря лицом указанного статуса. По конструкции объективной стороны анализируемое преступление является формальным и совершается исключительно с прямым умыслом. Данные положения подтверждают принадлежность преступления, закрепленного в ст. 210.1 УК

РФ, к категории длящегося, что, в свою очередь, нашло отражение и в судебной практике [1; 2].

Тот факт, что занятие высшего положения в преступной иерархии является длящимся преступлением, порождает проблему исчисления сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Длящееся преступление имеет два момента окончания: юридическое и фактическое. Юридически преступление, предусмотренное ст. 210.1 УК РФ, следует считать оконченным с момента начала занятия высшего положения в криминальной среде вне зависимости от его продолжительности. При этом фактически оно может быть значительно растянуто во времени.

Данное положение определяет особенность истечения сроков давности. В соответствии с положениями ст. 78 УК РФ сроки давности исчисляются со дня совершения преступления и до момента вступления приговора суда в законную силу. На основании п. 4 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» можно сделать вывод о том, что для истечения сроков давности рассматриваемого преступления необходимо, чтобы с момента фактического окончания деяния прошло 15 лет, так как это деяние относится к категории особо тяжких преступлений.

Однако возникают процессуальные трудности в установлении момента фактического окончания деяния. В первую очередь, они связаны с процедурой утраты преступного статуса: по окончании отбытия наказания за занятие высшего положения в преступной иерархии лицо может не только не утратить свой статус, но и приобрести еще больший авторитет в криминальном мире. Иными словами, данное преступление будет продолжаться. Но в соответствии со ст. 50 Конституции Российской Федерации никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление. Похожее положение также содержится в ч. 2 ст. 6 УК РФ. Так, лицо, отбывшее наказание за занятие высшего положения в преступной иерархии и сохранившее свой статус, не может быть снова привлечено к ответственности за это преступление.

По нашему мнению, необходимо разъяснить возможные варианты утраты статуса. Один из них — выполнение лицом какого-либо действия, подрывающего его авторитет (например, деятельное раскаяние). Однако анализ имеющихся в открытом доступе материалов позволяет заключить, что в основном

лица, обвиняемые в занятии высшего положения в преступной иерархии, не отказываются от статуса «вор в законе», а отрицают свою принадлежность к криминальным лидерам.

Вместе с тем, в средствах массовой информации сообщалось, что после внесения ст. 210.1 в УК РФ ряд «воров в законе» отреклись от своего воровского титула перед правоохранительными органами. Редактор сайта «Прайм крайм» В. Гефтер заявила: «Вообще никакие отречения не приветствуются. Тем более письменные. Не говоря уже о видео. Если речь идет о настоящем отречении, то по процедуре вор сначала уведомляет воров. Потом — полицейских, если спросят. Но не наоборот» [4]. А. Сидоров считает, что отречение от воровского титула перед полицией грозит «ворам в законе» смертельной опасностью [3].

Кроме того, никто не исключает того, что в связи с введением «антиворовской» нормы могла повториться ситуация, произошедшая в Грузии. После принятия нового закона «воры в законе» Грузии провели сходку, на которой было решено, что под угрозой срока можно отречься от воровского титула перед правоохранительными органами. Однако, представляется, что с процессуальной точки зрения отречение преступного авторитета от своего статуса будет означать фактическое окончание преступления. Приобретение статуса таким лицом вновь будет значить совершение нового преступления, которое к тому же будет считаться рецидивом преступлений при условии осуждения за указанное преступление ранее.

Из этого следует, что указанная проблема требует скорейшего разъяснения на уровне судебного толкования. С юридической точки зрения представляется возможным обозначение момента формального окончания деяния, что должно найти отражение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)».

2. В действующей редакции ст. 210 УК РФ законодатель предусмотрел специальный вид освобождения от ответственности, регламентируемый вторым примечанием. Представляется целесообразным предусмотреть специальный вид деятельного раскаяния и закрепить его в примечании к ст. 210.1 УК РФ. Предлагаем следующую формулировку: «Примечание. Лицо, добровольно отказавшееся от занятия

высшего положения в преступной иерархии, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления». В таком случае цели наказания будут достигнуты и без привлечения виновного к уголовной ответственности.

3. На основании анализа ст. 8 УК РФ можно сделать вывод, что только деяние должно обладать признаками общественной опасности, в то время как характеристика личности такими признаками обладать не может. Вместе с тем, в пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)» особое внимание уделено общественной опасности личности и именно характеристика личности признается преступной, что противоречит уголовно-правовым основам (ст. 8 и ст. 14 УК РФ) [11].

В связи с вопросом об оценке характеристики личности обратимся к теории «опасного состояния личности». Основоположителем этой теории является итальянский криминолог и юрист Р. Гарофало, который в своей книге «Критерии опасного человека» (1880) под опасным состоянием понимал перманентную и имманентную (соответственно, постоянную и внутренне присущую) склонность человека к совершению преступлений. Считалось, что для эффективной и успешной борьбы с преступностью наказание должно быть приспособлено к самому деятелю, а не к действию. И в качестве средства этой борьбы предлагалось рассматривать наказание не как возмездие или кару, а как «меру социальной защиты». Так, Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в редакции 1924 г. отказались от термина «наказание» и заменили его понятием «мера социальной защиты». В ст. 7 УК РСФСР 1926 г. законодатель в качестве основания применения мер социальной защиты также называет не только совершение преступления (общественно опасного деяния), но и опасность лица по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности [17]. В соответствии с Основами уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г. УК РСФСР 1960 г. отказался от понятия «меры социальной защиты», а значит, от оценки личности в рамках применения теории «опасного состояния личности».

Буквальное толкование диспозиции ст. 210.1 УК РФ дает понимание о том, что наказуемо само по себе занятие высшего положения в преступной иерархии, без указания на конкретные действия. Так, из материалов уголовного дела по обвинению Н. в совершении преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, следует, что Н. приобрел высший криминальный статус «вор в законе» 16 марта 1999 г. и согласно правилам, обычаям и традициям уголовно-преступной субкультуры был наделен правами, полномочиями и обязанностями на территории своего криминального влияния. В частности, координировать и поддерживать противоправную деятельность лиц из криминальной среды, в том числе объединившихся в преступные группы и сообщества, с целью совершения ими преступлений; разрабатывать преступные замыслы, реализовывать их, обеспечивать безнаказанность преступной деятельности лиц из криминальной среды; участвовать в «сходках» (запланированных встречах «воров в законе»), наделять лиц из криминальной среды статусами «положенцев», «смотрящих» (приближенных, доверенных лиц), через которых контролировать противоправную деятельность лиц из криминальной среды; лично соблюдать, а также обеспечивать через членов преступной иерархии — «положенцев» и «смотрящих» соблюдение лицами из криминальной среды правил, обычаев и традиций (уголовно-преступной, «воровской») субкультуры на конкретной территории и объектах (учреждениях исполнения наказаний, следственных изоляторах, изоляторах временного содержания), а также выступать в качестве «третьего судьи» при разрешении споров, возникших между данными лицами; обеспечивать через «положенцев» и «смотрящих» учет доходов, полученных от совершенных лицами из криминальной среды преступлений, определять порядок использования этих доходов и их распределение, обеспечивать за счет этих доходов пополнение «общака», устанавливать размер взноса денежных средств, полученных от совершенных преступлений, передаваемых ими в «общак», а также получать на собственные нужды часть денежных средств из «общака». Также установлено, что Н., занимая высшее положение в преступной иерархии до момента задержания правоохранительными органами выполнял возложенные на него обязанности, действовал в рамках своих полномочий, пользовался правами [15].

Иными словами, преступным считается факт наличия у лица высокого социального статуса и авторитета среди криминальных элементов; т. е. статья предусматривает ответственность за характеристику личности, социальную составляющую. В таком случае представляется возможным говорить об этой статье как об исключении. Однако это позиция авторов настоящей работы.

Действующая редакция постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» в п. 24 раскрывает признаки субъекта преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, где в качестве основания привлечения к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 210 УК РФ выступает не сам статус лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии как таковой, а преступные действия конкретного лица, которые могут свидетельствовать о его авторитете и лидерстве [9]. По мнению авторов статьи, указанные признаки нельзя отождествлять с признаками, присущими субъекту преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ.

Лидеры преступных сообществ (преступных организаций) координируют преступные действия, создают устойчивые преступные связи между различными организованными группами, занимаются разделом сфер преступного влияния и преступных доходов, руководят преступными действиями и, следовательно, представляют наибольшую общественную опасность. Субъект рассматриваемого преступления пользуется безоговорочным авторитетом в криминальных кругах, соблюдает, распространяет и сохраняет преступные традиции, развивая криминальную идеологию, обладает организационно-распорядительными функциями. Все это позволяет ему контролировать деятельность криминальных структур и обеспечивать их функционирование и существование. Являясь лидером преступного мира, лицо имеет соответствующий криминальный статус, который позволяет ему разрешать споры и конфликты между различными субъектами преступной иерархии, в том числе между лидерами преступных групп, проводить «суды» в местах лишения свободы и за их пределами, выносить «приговоры», осуществлять покровительство лицам, совершившим преступление.

Таким образом, лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, должно обладать совокупностью следующих признаков:

- ◆ являться лидером, т. е. обладать признанным авторитетом и властью среди преступников;
- ◆ обладать статусом, позволяющим занять высшее положение в преступной иерархии, присвоенное членами преступного сообщества (преступной организации);
- ◆ занимать такое положение в иерархии конкретного преступного сообщества (преступной организации), на территории отдельного района (города), в преступном мире в целом;
- ◆ влиять на организацию преступной деятельности.

Применительно к ч. 4 ст. 210 УК РФ субъект преступления может в том числе осуществлять подбор и вербовку руководителей, входящих в состав структурных подразделений преступного сообщества (преступной организации), контроль над их действиями, а также подбор и вербовку членов преступного сообщества (преступной организации).

На основании проведенного исследования считаем обоснованным внести изменения в разъяснения, данные Пленумом Верховного Суда РФ.

4. При квалификации деяния лица по ст. 210.1 УК РФ неизбежно возникает проблема отграничения этого состава преступления от смежного — ч. 4 ст. 210 УК РФ. Полагаем, что имеет место конкуренция части и целого (менее и более полной нормы) по признакам объективной стороны преступления. В таком случае деяние предусмотрено двумя или несколькими нормами, одна из которых охватывает содеянное в целом (ч. 4 ст. 210 УК РФ), а другая — отдельные ее части (ст. 210.1 УК РФ) [7, с. 228; 8, с. 262]. Л. Д. Гаухман определяет, что при указанной конкуренции правильной является квалификация по той норме, которая охватывает все фактические признаки преступления [5, с. 312]. Иными словами, нахождение лица на высшей ступени преступного мира при отсутствии признаков, указанных в ст. 210 УК РФ, исключает возможность применения ч. 4 ст. 210 УК РФ. И наоборот, совершение таких действий не позволяет квалифицировать их по ст. 210.1 УК РФ. Кроме того, недопустимо применение положений ст. 69 УК РФ, так как квалификация по совокупности повлечет нарушение принципа справедливости в уголовном праве.

Вместе с тем, в теории уголовного права встречается и иная точка зрения. В частности, Р. Л. Габд-

рахманов полагает, что, «если лицо осуществило занятие высшего положения в преступной иерархии, то его действия следует квалифицировать по совокупности преступлений по ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210.1 УК РФ» [12, с. 337].

На основании изложенного считаем обоснованными следующие варианты разрешения обозначенных проблем.

1. Дополнить ст. 210.1 УК РФ примечанием в следующей редакции:

«Примечание. Лицо, добровольно отказавшееся от занятия высшего положения в преступной иерархии, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

2. Внести изменения и дополнения в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)»:

1) п. 24 изложить в следующей редакции:

«24. Решая вопрос о субъекте преступлений, указанных в ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210.1 УК РФ, судам надлежит устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии. О высшем положении лица в преступной иерархии свидетельствует совокупность признаков: наличие признанного авторитета и власти среди преступников; статус, позволяющий занимать высшее положение в преступной иерархии, присвоен членами преступного сообщества (преступной организации); занимает такое положение в иерархии конкретного преступного сообщества (преступной организации), на территории отдельного района (города), в преступном мире в целом; имеет влияние на организацию преступной деятельности. О лидерстве такого лица в преступной иерархии может свидетельствовать и наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т. п.

В целях применения ч. 4 ст. 210 УК РФ необходимо установить, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или по руководству преступным сообществом (преступной организацией) либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, по осуществлению подбора и вербовки

руководителей входящих в состав структурных подразделений преступного сообщества (преступной организации), в контроле над их действиями, по осуществлению подбора и вербовки членов преступного сообщества (преступной организации), а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации).

В приговоре необходимо указать, на основании каких из названных признаков суд пришел к выводу о наличии в действиях лица состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ или ст. 210.1 УК РФ».

2) дополнить п. 24.1 следующим образом:

«24.1. При квалификации деяния лица по ч. 4 ст. 210 УК РФ дополнительная квалификация по ст. 210.1 УК РФ не требуется. При отсутствии в деянии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, признаков преступлений, предусмотренных ч. 1 или 1.1 ст. 210 УК РФ, занятие лицом высшего положения в преступной иерархии подлежит квалификации по ст. 210.1 УК РФ».

3) дополнить п. 24.2 следующим текстом:

«24.2. По смыслу закона преступление, предусмотренное ст. 210.1 УК РФ, фактически является оконченным с момента утраты лицом статуса, позволяющего занимать высшее положение в преступной иерархии».

Список источников

1. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 16 сентября 2020 г. № 55-1421/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Апелляционный приговор Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 2 июня 2021 г. № 55-357/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
3. В советские времена его бы сразу убили // Лента.ру // URL://<https://lenta.ru/articles/2019/08/23/vvz/>
4. Воры в законе начали отречься от своих корон // Комсомольская правда // URL://<https://www.kp.ru/daily/27025.4/4088004/>
5. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М. : ЮрИнфоР, 2013.
6. ГИАЦ МВД России // URL://<http://10.5.0.16/csi/>
7. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2001.
8. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М. : Юридическая литература, 1972.

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 8.

10. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям» (ред. от 14.03.1963) // Гарант-сервис.

11. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Практикум по квалификации отдельных видов преступлений: учебник. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020.

13. Приговор Московского городского суда от 7 октября 2020 г. по делу № 2-0016/2020 // URL://<https://mos-gorsud.ru/>

14. Приговор Московского городского суда от 18 ноября 2021 г. по делу № 2-0019/2021 // URL://<https://mos-gorsud.ru/>

15. Приговор Нижегородского областного суда от 1 июня 2021 г. по делу № 2-7/2021 // URL://https://oblsud--nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=doc&number=2924468&delo_id=1540006&new=0&text_number=1.

16. Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права: часть общая. Кн. 1. Вып. 2. Учение о преступлении. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1878.

17. Уголовный кодекс РСФСР: (с изм. и доп., внесенными постановлениями ЦИК СССР 19 февраля 1926 г., 5 марта 1926 г.) // Викитека // URL://https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_1926_года/Редакция_05.03.1926.

18. Эктон А. С. Уголовно-правовые вопросы оценки делящихся преступлений // Проблемы правоохранительной деятельности. 2007. № 1 // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovye-voprosy-otsenki-dlyaschihsya-prestupleniy>.

References

1. Appeal Ruling of the First Court of Appeal of General Jurisdiction dated September 16, 2020 No. 55-1421/2020 // SPS «ConsultantPlus».

2. The appeal verdict of the First Court of Appeal of General Jurisdiction dated June 2, 2021 No. 55-357/2021 // SPS «ConsultantPlus».

3. In Soviet times, he would have been killed immediately // URL://<https://lenta.ru/articles/2019/08/23/vvz/>

4. Thieves in law have begun to renounce their crowns // *Komsomolskaya Pravda* // URL://<https://www.kp.ru/daily/27025.4/4088004/>

5. Gaukhman L. D. Qualification of crimes: law, theory, practice. M. : Yurinform, 2013.

6. GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia // URL://<http://10.5.0.16/csi/>

7. Kudryavtsev V. N. General theory of crime qualification. 2nd ed., reprint. and add. M. : Jurist, 2001.

8. Kudryavtsev V. N. General theory of qualification of crimes. M. : Legal literature, 1972.

9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 10, 2010 No. 12 «On judicial practice of consideration of criminal cases on the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it (ney)» // *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2010. № 8.

10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of March 4, 1929 «On the conditions for applying the statute of limitations and amnesty to ongoing and ongoing crimes» (ed. from 03/14/1963) // *Garrant-service*.

11. Explanatory Note to the draft federal law «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Rus-

sian Federation (in terms of countering organized crime)» // SPS «ConsultantPlus».

12. Workshop on the qualification of certain types of crimes: textbook. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2020.

13. The verdict of the Moscow City Court of October 7, 2020 in case No. 2-0016/2020 // URL://<https://mos-gorsud.ru/>

14. Verdict of the Moscow City Court of November 18, 2021 in case no. 2-0019/2021 // URL://<https://mos-gorsud.ru/>

15. The verdict of the Nizhny Novgorod Regional Court of June 1, 2021 in case No. 2-7/2021 // URL://https://oblsud--nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=doc&number=2924468&delo_id=1540006&new=0&text_number=1.

16. Tagantsev N. S. Course of Russian criminal law: general part. Book 1. Issue 2. The Doctrine of crime. St. Petersburg : Printing House of M. M. Stasyulevich, 1878.

17. The Criminal Code of the RSFSR: (with amendments and additions, as amended by the resolutions of the CEC of the USSR on February 19, 1926, March 5, 1926) // *Wikiteca* // URL://https://ru.wikisource.org/wiki/Criminal_Codex_RSFSR_1926_year/Editor_05.03.1926.

18. Ektov A. S. Criminal law issues of assessment of ongoing crimes // *Problems of law enforcement*. 2007. № 1 // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovye-voprosy-otsenki-dlyaschihsya-prestupleniy>.

Информация об авторах

Е. А. Алференок — преподаватель кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Е. К. Шершакова — командир отделения 582 учебного взвода международно-правового факультета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

E. A. Alferenok — Lecturer of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

E. K. Shershakova — Commander of the 582nd Training Platoon of the International Law Faculty of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.09.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 16.01.2023.

The article was submitted 21.09.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-30-33>

ИПОН: 2003-0059-1/23-545

MOSURED: 77/27-003-2023-01-744

Кирилло-Мефодиевская традиция в древнерусском культурно-идеологическом мировоззрении и юриспруденции

Руслан Маратович Ахмедов

Московский финансово-промышленного университет «Синергия», Москва, Россия, ahmedov@list.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые аспекты реализации идей славянских апостолов в духовно-нравственной и социально-правовой жизни Руси.

Ключевые слова: традиция, Русь, государственность, церковь, православие

Для цитирования: Ахмедов Р. М. Кирилло-Мефодиевская традиция в древнерусском культурно-идеологическом мировоззрении и юриспруденции // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 30–33. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-30-33>.

Original article

Cyril and Methodius tradition in the Old Russian cultural and ideological worldviews and jurisprudence

Ruslan M. Akhmedov

Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Moscow, Russia, ahmedov@list.ru

Abstract. Some aspects of the implementation of the ideas of the Slavic apostles in the spiritual, moral and socio-legal life of Russia are considered.

Keywords: tradition, Rus, statehood, church, Orthodoxy

For citation: Akhmedov R. M. Cyril and Methodius tradition in the Old Russian cultural and ideological worldviews and jurisprudence. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):30–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-30-33>.

Общеизвестным фактом в истории отечественной юриспруденции является то, что Русская Правда стала первым кодифицированным правовым актом крещенной Руси. Характерной особенностью Русской Правды является то, что нормы памятника сочетали древнерусское обычное право, «княжье право», рецепированные церковно-правовые новеллы. При этом стилистика изложения норм также соответствовала духу памятника, а именно, попытке гармонизировать обыденное с христианским правосознанием. В этой связи, можно предположить, что первоначальный процесс гармонизации правовых систем являлся наиболее сложным в государственном устройстве Руси с учетом наличия различных мировоззренческих позиций среди населения, где превалировало стремление сохранить заветы предков. Это породило юридический, культурно-идеологический конформизм, являющийся феноменом для древнерусского общества.

Поэтому возникла необходимость усмирения нравов, адаптации церковно-правовых новаций к изменившимся после крещения Руси условиям реализации социально-правовой жизни. Подобное решение на славяно-русской «почве», как отмечает С. В. Перевезенцев, стало возможным «только лишь в русле кирилло-мефодиевской традиции» [2, с. 147].

Применение Кирилло-Мефодиевской традиции в культурно-идеологической и правовой среде средневековой Руси, не случайно. Причин тому несколько. Прежде всего, это те концептуальные положения, которые заложены славянскими апостолами в устройстве церковной организации и мирской жизни, к каковым относят следующие.

Во-первых, *христианское учение православного толка является культурно-идеологическим стержнем развития государственности*. На Руси имеется описание в летописи «выбора веры», где наглядно отражен процесс принятия государственного решения о

© Ахмедов Р. М., 2023

крещении. Этот факт официально считается началом истории христианизации государственности на Руси. Хотя многие исследователи, в том числе и автор, придерживаются мнения о том, что православие воспринято государями Руси задолго до крещения. Примером тому, великая княгиня Ольга. Другой вопрос, как происходила его интеграция и усвоение населением в качестве культурно-идеологического императива. В данном случае можно отметить, что лишь события 988 г. способствовали реализации на государственном уровне масштаба проводимой религиозной реформы, которая воплотила на практике ранее задуманное идеологическое преобразование правосознания населения.

Во-вторых, предполагалось, что местная церковная организация должна структурно-функционально быть устроена согласно порядку, определенному в древней церкви, где иерарх избирался и поставлялся священством. В средневековой Руси митрополиты поставлялись, согласно канонам, Константинопольским патриархатом, исключение возникло при литовско-польской гегемонии на юго-западных землях Руси.

В-третьих, богослужения, книгопечатание священных книг должны осуществляться на церковнославянском языке. Этот язык пришел на Русь предположительно из Болгарии. Факт межгосударственного общения Болгарии и Руси задолго до крещения последней неоспорим. Примером тому, военно-политическая деятельность великого князя Святослава на болгарском направлении. Поэтому не случайно возникла версия о том, что возможный прототип устройства церковной структуры для Руси предоставила Орхидская архиепископия.

В-четвертых, назначения на посты духовных лиц должны осуществляться из числа лиц местного населения, которые знали паству, территорию, культуру, традиции, обычаи. Соответственно, предусматривалось, что канонические и государственные границы должны совпадать. Важно подчеркнуть, что Русская церковь с момента своего устройства стремилась сохранить каноническую структуру, географию деятельности, даже, несмотря на сложные политико-правовые события, которые сложились для отечественной государственности периода средневековья. По деятельности первых духовных лиц в истории существует неоднозначность мнений. Эта проблема возникла в силу того, что русское священство дли-

тельное время не могло овладеть полнотой проведения церковного обряда по образцу византийской церкви. Причин тому несколько: греки-митрополиты не переводили на древнерусский язык священные книги и не обучали русичей в силу незнания местного языка; русичи недопонимали всех особенностей церковно-правовых новаций в силу их прежнего неупотребления в практике, отсутствия знаний. Поэтому возникла гипотеза с историческими свидетельствами, что первые русские духовники из Корсуни, обучившиеся в Орхидской архиепископии, подчинялись канонически Константинопольскому патриархату. Представленный пример — это легенда и не более того. Прямых доказательств представленной научной гипотезы нет.

И, в-пятых, обязательное создание церковно-политических центров в стольных градах государства, а не престола для одного иерарха церковной организации. Поэтому не случайно после крещения Руси сыновья великого князя Владимира Святославовича разъехались по уделам Руси, где создавали местные церковно-политические центры подобно стольному. Это позволило продолжить практику расширения и активной интеграции православных духовно-нравственных установок и церковно-правовых новел на обыденное правосознание, мировоззрение населения.

Восприняв дух Кирилло-Мефодиевского учения и практически воплотив основные его положения, государь Руси, изначально, в стремлении сохранить суверенность державы от политического влияния Константинополя, по особому устроил первую главную общерусскую церковь, которая приобрела характер важного церковно-политического центра. Речь идет о деятельности храма Святой Богородицы (Десятинной церкви), которая располагалась в Киеве¹. Согласно правовым узаконениям княжеской власти Десятинной церкви предоставлено материальное обеспечение за счет десятой части от всех видов доходов из княжеской казны. Подобная практика материального обеспечения церкви не свойственна для Восточной церкви, но приемлема для Западной церкви с некоторыми исключениями. Следующее: клиру дозволялась абсолютная идеологи-

¹ В конце XI в. значение Десятинной церкви как самостоятельного церковно-политического центра практически исчезает, а в 1240 г. Десятинная церковь окончательно была разрушена во время монголо-татарского нашествия и более не восстанавливалась [3, с. 33].

ческая свобода в духовно-нравственном окормлении местного населения, культивирование на уровне воспитательного, образовательного, идеологического ценза христианских догматов. Это позволило в максимально короткий срок христианству в качестве государственного исповедания заявить о своих основных направлениях воздействия на древнерусское население, Русской церкви укрепиться в качестве самостоятельного института, стать частью культурно-идеологического и политико-правового пространства. Характерно то, что Десятинная церковь в литургической практике официально поддерживала культ Климента Римского, что являлось не характерным для диоцезов Восточной церкви в силу установившегося межконфессионального противостояния между Константинопольской и Римской церквями.

Но главное, по нашему мнению, широкому восприятию Кирилло-Мефодиевской традиции в Древнерусском государстве способствовало употребление в богослужебной практике церковнославянского языка, который генетически схож с местными наречиями. Благодаря этому языку общественность стала усваивать на уровне обыденного сознания элементарные канонические правила и обряды греческого типа, начав, тем самым, эволюционные преобразовательные процессы культурно-идеологического характера, выраженные в переходе от языческого миропонимания к православию. Поэтому церковнославянский язык стал мощным рычагом развития древнерусской культуры, лег в основу юридического языка при оформлении правовых документов, став во многом тождественным с разговорным древнерусским языком дописьменной эпохи и объединив в языковой конгломерат племена общевосточнославянского происхождения в виде единства культурно-идеологического, географического, территориально-политического, торгового интереса [1, с. 362, 421].

Это позволило в общеупотребительном обороте отдельные греческие слова, термины переводить с учетом местных языковых особенностей, вкладывая в них свое адаптированное смысловое предзнаменование. Так, имперский город, именуемый на греческом «полисом», в переводе на церковнославянский означал «город–государство», где житель именовался «гражданином». Соответственно, горожанин, член городской общины считался одновременно и гражданином, т. е. подданным определен-

ного государства. В русском значении слово гражданин предполагалось в значении жителя «града», но не государства. Как следствие, слово гражданин не прижилось в греческом понимании и трансформировалось в словосочетание «подданный государства». Тем самым, можно отметить, что не произошло буквального калькирования термина, исходившего из рецепированных новел византийской правовой системы в едином смысловом значении, что привело в народном разговорном обороте, а затем и в отечественной юриспруденции к восприятию двух указанных слов, но в различных смысловых значениях.

Сходное изменение значения пережило слово «голова», которое на Руси прижилось не только обозначая часть тела, но и определяясь в сакрально-юридическом значении как «верх, край», применяясь в отношении руководителя — «главы». Церковнославянское слово «истина» соответствовало древнерусскому значению «правда» [4, с. 20]. Это указывало на то, что при языковых терминологических заимствованиях, юридизация понятийного аппарата осуществлялась достаточно автономно на Руси с учетом самобытных особенностей и колоритных культурно-идеологических традиций уделов-волостей. Тем самым, подчеркивался демократический, суверенный характер древнерусской государственности в выборе пути духовно-нравственного и политического развития, но, в то же время, соответствовавшее передовым мировым направлениям общественно-политического развития. И здесь необходимо отметить, что Кирилло-Мефодиевская традиция оказала для Руси лучшую помощь в генезисе отечественной государственной и общественной мысли.

Таким образом, подводя выводы, можно отметить, что Кирилло-Мефодиевская традиция позволила образованным слоям древнерусского общества освоить богослужебную и каноническую практику византийской церкви, перенять юридический дух гражданских рецепируемых узаконений, ввести межгосударственный деловой стиль общения. Через Болгарию на Русь пришли переводы значительной части священного писания, церковно-правовые памятники, среди которых, например, Закон судный людям. Русь приобщилась к православным богословско-юридическим традициям и к общеславянскому духовно-нравственному наследию.

По мере усвоения церковнославянского языка, на Руси начал складываться самостоятельный стиль переводческой деятельности по отношению к богослужебным, каноническим и государственным книгам. В разговорном языке стали проявляться элементы, происшедшие из церковнославянского языка, приобретшие общепотребительный характер в естественном значении при выражении любых общепользовательных действий. Например, Господи, помилуй, Бога ради, даст Бог, Боже мой, а словосочетание типа: спаси Бог, являвшееся выражением благодарности, слившись, приобрело значение спасибо [4, с. 66].

Генезис межславянского общения в свете Кирилло-Мефодиевской традиции вызвало к жизни идею о духовно-нравственной солидарности этнических групп народов, имевших общую культуру и происхождение. Это, в свою очередь, способствовало зарождению автономного уровня правосознания в виде внутригосударственных интересов для формирования автокефальных церковных организаций. Однако, к сожалению, вероятно, изначально установившееся главенство греческого элемента в структурной иерархии Русской митрополии, где длительное время митрополит по национальности являлся греком, привело к разрыву ранее сложившихся культурно-идеологических связей между родственными славянскими народами, оставив лишь в качестве свидетельств хроники о совместных военных акциях прошлого.

Список источников

1. Мавродин В. В. Древняя и средневековая Русь. СПб. : Наука, 2009.
2. Перевезенцев С. В. Россия. Великая судьба. М., 2005.

Информация об авторе

Р. М. Ахмедов — заведующий кафедрой правового регулирования бизнеса и прикладной юриспруденции Московского финансово-промышленного университета «Синергия», кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

R. M. Akhmedov — Head of the Department of Legal Regulation of Business and Applied Jurisprudence of the Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.04.2022; одобрена после рецензирования 20.06.2022; принята к публикации 08.08.2022.

The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 20.06.2022; accepted for publication 08.08.2022.

3. Платонов О. Святая Русь и окаянная нерусь. М., 2005.
4. Улуханов И. С. О языке Древней Руси. М. : Наука, 1972.

References

1. Mavrodin V. V. Ancient and Medieval Rus. St. Petersburg : Nauka, 2009.
2. Perevezentsev S. V. Russia. The Great Destiny. M., 2005.
3. Platonov O. Holy Russia and the Accursed Nerus. M., 2005.
4. Ulukhanov I. S. About the language of Ancient Russia. M. : Nauka, 1972.

Библиографический список

1. Ахмедов Р. М. Эволюция государственно-церковных отношений в Древней Руси в условиях рецепции византийской концепции «симфонии священства и царства» // История государства и права. 2010. № 17.
2. Ахмедов Р. М. Проблемы выбора государственно-конфессиональной идеологии и устройства церковной организации Древней Руси. Историко-правовое исследование (IX–XI вв.): моногр. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2020.

Bibliographic list

1. Akhmedov R. M. Evolution of state-church relations in Ancient Russia in the conditions of reception of the Byzantine concept of «symphony of priesthood and kingdom» // History of the state and law. 2010. No. 17.
2. Akhmedov R. M. Problems of choosing a state-confessional ideologeme and the structure of the church organization of Ancient Russia. Historical and legal research (IX–XI centuries): monograph. M. : UNITY-DANA, 2020.

Научная статья

УДК 343.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-34-37>

ИПОН: 2003-0059-1/23-546

MOSURED: 77/27-003-2023-01-745

О применении медиации в урегулировании уголовно-правового конфликта

Гульдана Маратовна Баймухаметова

Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
Косшы, Республика Казахстан, astana.dana@list.ru

Аннотация. Исследуется проблематика загруженности правоохранительных и судебных органов делами, которые могли бы быть окончены альтернативными методами разрешения споров; на примере анализа функциональных аспектов медиации демонстрируются положительные воздействия медиации на уголовный процесс.

Ключевые слова: медиация, уголовный процесс, уголовное право, разрешение конфликта, посредничество, примирительное соглашение

Для цитирования: Баймухаметова Г. М. О применении медиации в урегулировании уголовно-правового конфликта // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 34–37. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-34-37>.

Original article

On the use of mediation in the settlement of a criminal law conflict

Guldana M. Baymukhametova

Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, Republic of Kazakhstan, astana.dana@list.ru

Abstract. The problems of the workload of law enforcement and judicial bodies with cases that could be completed by alternative methods of dispute resolution are investigated. Using the example of the analysis of the functional aspects of mediation, the positive effects of meditation on the criminal process are demonstrated.

Keywords: mediation, criminal process, criminal law, conflict resolution, mediation, conciliation agreement

For citation: Baymukhametova G. M. On the use of mediation in the settlement of a criminal law conflict. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):34–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-34-37>.

Введение. Правоохранительная и судебная системы по всей Республике Казахстан перегружены уголовными делами, причем значительная часть дел — проступки и преступления небольшой тяжести. Так, за 2021 г. 29,3 % от всего числа уголовных правонарушений за весь отчетный период пришлось на проступки и преступления небольшой тяжести [1]. При этом в тот же 2021 г. лишь 38,1 % дел от общего числа окончанных производств закончились отправлением дела в суд [1].

Таким образом, можно увидеть явное несоответствие в относимости некоторых категорий дел правоохранительным органам, потому что статистика показывает, что значительная часть дел, ввиду своей несущественности, могли быть окончены вне рамок уголовного производства, т. е. разрешиться альтернативными методами [2, с. 10]. Поэтому видится ак-

туальным рассмотреть институт медиации как эффективный альтернативный метод разрешения конфликтов, подпадающих под категорию уголовных правонарушений, который выражается в преодолении самого конфликта.

Основная часть. Большая часть уголовных правонарушений обусловлены определенными причинами; как правило, это социально-экономические причины, выраженные в расслоение общества, в несправедливом распределении национальных богатств, в бедности отдельных категорий населения и в других формах [3, с. 2]. Следовательно, любое преступное деяние направлено на достижение определенных последствий, поэтому само правонарушение не является самоцелью нарушителя, это лишь способ достижения необходимых последствий. Из этой причинно-следственной связи выводится глав-

© Баймухаметова Г. М., 2023

ный принцип уголовного процесса — борьба с последствиями не устраняет причины уголовных правонарушений [4].

Если проецировать выявленный принцип на уголовно-процессуальное законодательство, то неизбежно выявляется беспомощность классической карательной системы в вопросах предупреждения правонарушений. Классическая форма наказания, характеризующаяся как репрессивно-карательный метод, не решает причины преступности, она борется с последствиями этой преступности. Причем, ввиду массивности государственного аппарата по исполнению наказаний иногда само наказание становится причиной дальнейшего антисоциального поведения нарушителя.

Поэтому медиация, будучи институтом альтернативного разрешения конфликта, представляется одним из удачных вариантов решения вышеописанных проблема. Это обуславливается особым функциональным аспектом, присущим медиативному соглашению, который выражается не просто в разрешении, но в преодолении конфликта [5, с. 25–27]. В целях полного объяснения принципа действий данного аспекта необходимо подробнее разобрать выше поднятую проблематику.

Итак, классическая система уголовного правосудия и традиционные меры наказания в виде лишения свободы, ограничения свободы, штрафа и т. д. создают проблематику, которая затрагивает не только нарушителя и потерпевшего, но и третьих лиц [6, с. 15–16]. Так, известно, что уголовное преследование может иметь серьезные последствия не только для непосредственно нарушителя, но также и затрагивать его ближайших родственников. Как правило, осуждение одного человека затрагивает его родителей, детей, супругу или супруга и т. д. Причем воздействие это может варьироваться от лишения ребенка родителя до полной потери кормильца семьи. Данные обстоятельства должны всегда учитываться в вопросах применения репрессивного государственного аппарата, дабы, как выразился бывший председатель Верховного суда Флориды Джеральд Коган: «...положить конец расточительной и вредной практике, которая превратила суды по делам о мелких правонарушениях в бессмысленные мельницы осуждения» [7, с. 279].

Также следует иметь в виду, что согласно результатам некоторых исследований подозреваемые,

обвиняемые и подсудимые практически всегда воспринимают уголовный процесс как личную обиду, которая больше злит их и выставляет государство как репрессивный аппарат, неспособный «выслушать» другую сторону [8, с. 3–5]. Таким образом, классический уголовный процесс не всегда выполняет поставленные перед ним задачи. Вместо того, чтобы исправить нарушителя, предупредить его и других лиц от совершения иных правонарушений, система уголовного правосудия лишь усиливает антисоциальные аспекты в нарушителях. Такие негативные последствия уголовного процесса возвращают обратно в общество людей, которые искренне считают себя жертвами репрессивного аппарата, которые открыто противопоставляют себя обществу, которое, по их мнению, устроено неправильно. Следовательно, у таких людей есть высокий шанс на рецидивизм, потому что они уже имели опыт межличностного конфликта, в котором им не помогли разбраться третьи лица [9, с. 2].

Кроме этого, следует всегда иметь в виду, что уголовные правонарушения оставляют также серьезный психологический аффект на нарушителя и на потерпевшем. Эти психологические травмы выражаются в формах осознания вины нарушителем, которая буквально грызет человека изнутри, в формах непонимания причин насилия в отношении потерпевшего, который не в состоянии объяснить природу внезапного акта насилия в его сторону, а поэтому ограждающий себя от общества в целом. Обобщая, можно выделить множество форм психологических травм, которые никак не решаются в процессе традиционного уголовного процесса, можно даже говорить об обратном; эти травмы лишь укореняются в сторонах конфликта, потому что классическая система правосудия открыто противопоставляет друг другу нарушителя и потерпевшего. Более того, некоторые исследования показывают, что уголовный процесс может лишь усугубить психологические травмы потерпевшего [10, с. 186].

Медиация призвана решить вышеописанные проблемы. Во-первых, медиация, будучи альтернативным методом решения конфликта, не применяет репрессивные механизмы давления на нарушителя, следовательно человек, совершивший уголовное правонарушение впервые, ввиду определенных стечений обстоятельств, может рассчитывать на шанс перевоспитания. Во-вторых, медиация не стремится наказать

нарушителя, поэтому третьи лица, жизненно зависящие от нарушителя, не будут поставлены под удар. В-третьих, медиация разрешает психологические проблемы, вызванные правонарушением, так как она по своей сути является преодолением конфликта путем переговоров между потерпевшим и нарушителем, в процессе которого каждая сторона может выслушать другую, понять причины случившегося, а также прийти к общему консенсусу, который бы удовлетворил каждую из них в эмоциональном и психологическом плане. В-четвертых, медиация является менее затратным, более быстрым и качественно лучшим методом разрешения конфликта.

Все перечисленные функции медиации подтверждаются проведенными исследованиями. Так, Д. Л. Шапиро и Дж. М. Бретт на примере 158 дел показали, что стороны конфликта чаще остаются удовлетворенными после медиации, нежели после судебного разбирательства [11]. Другое исследование показывает, что участники спора предпочитают процедуры, которые дают им право голоса, контроль над результатом и справедливое обращение со стороны третьего лица. Поэтому медиация становится более предпочтительным методом разрешения спора, потому что участники спора считают, что посредничество обеспечивает большее право голоса, контроль над исходом дела и справедливое отношение со стороны третьей стороны [12]. Наконец, проведенные исследования доказывают выгоду медиативного соглашения в плоскости финансовых и временных затрат [13].

Учитывая ранее поднятую проблематику, описанные функции института медиации представляются качественно полезными аспектами совершенствования уголовного процесса в целом, поэтому дальнейшее расширение данного института в уголовном праве видится необходимым развитием.

Заключение. Исходя из изложенного, медиацию можно рассматривать с позиции ее функциональных аспектов, которые проявляются в преодолении конфликта. Такой способ разрешения уголовных правонарушений видится все более перспективным методом, который лишь обретает все большую значимость на фоне гуманизации общества в целом и уголовного права в частности. Поэтому поднятая в начале работы проблематика разрешается лишь дальнейшим совершенствованием уголовного процесса институтом медиации.

Список источников

1. «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» // Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, 2021.
2. Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе. М., 2013.
3. Коренные причины преступности // Заявление CS&CPC о первопричинах преступности, 1996.
4. Уильям Р. Келли. Почему наказание не снижает преступность // Психология сегодня. 2018 // URL://https://www.psychologytoday.com/us/blog/crime-and-punishment/201804/why-punishment-doesnt-reduce-crime.
5. Шестакова Л. А. Медиация в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. Самара : Издательство Самарского университета, 2021.
6. Чаркудян Л., Уолтер Д., Хармон-Дэрроу К., Бернштейн Д. Медиация в уголовных делах по проступкам // Криминология, уголовное правосудие, право и общество. 2021. Т. 22. Вып. 3. С. 14–29.
7. Робертс Дж. Почему проступки имеют значение: определение эффективной защиты в нижестоящих уголовных судах // UC Davis Law Review. 2011. № 45. С. 277–372.
8. Бергер Э., Шайдеггер К. С. Продолжительность приговора и рецидивизм: обзор исследования // Правовые основы уголовного правосудия. 2021.
9. Беренджи Б., Чоу, Т., Д'Орсонья М. Р. Рецидив и реабилитация уголовных преступников: эволюционная игра кнута и пряника // PLoS ONE. 2014. № 9(1).
10. Парсонс Дж., Бергин Т. Влияние участия уголовного правосудия на психическое здоровье потерпевших // Журнал травматического стресса. 2010.
11. Шапиро Д. Л., Бретт Дж. М. Сравнение трех процессов, лежащих в основе суждений о процессуальной справедливости: полевое исследование посредничества и арбитража // Журнал личности и социальной психологии. 199. № 65 (6). С. 1167–1177.
12. Коэн Р. Л., Линд Э. А., Тайлер Т. Р. Социальная психология процессуальной справедливости // Современная социология. 1989. № 18(5). С. 758.
13. Бретт Дж. М., Барнесс З. И., Голдберг С. Б. Эффективность посредничества: независимый анализ дел, рассмотренных четырьмя основными поставщиками услуг // Журнал переговоров. 1996. № 12(3). С. 259–269.

References

1. «On registered criminal offenses» // Committee on Legal Statistics and Special Records of the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, 2021.
2. Harutyunyan A. A. Mediation in criminal proceedings. M., 2013.
3. Root causes of crime // Statement of CS&CPC on the root causes of crime, 1996.
4. William R. Kelly. Why punishment does not reduce crime // Psychology today. 2018 // URL://https://www.psychologytoday.com/us/blog/crime-and-punishment/201804/why-punishment-doesnt-reduce-crime.
5. Shestakova L. A. Mediation in criminal proceedings: textbook. stipend. Samara : Samara University Publishing House, 2021.
6. Charkudyan L., Walter D., Harmon-Darrow K., Bernstein D. Mediation in criminal cases of misconduct // Criminology, criminal justice, law and society. 2021. Vol. 22. Issue 3. P. 14–29.
7. Roberts J. Why misdemeanors matter: Determining effective protection in lower criminal courts // UC Davis Law Review. 2011. No. 45. P. 277–372.
8. Berger E., Scheidegger K. S. Length of sentence and recidivism: a review of the study // Legal foundations of criminal justice. 2021.
9. Berenji B., Chou, T., D'orsogna M. R. Recidivism and rehabilitation of criminal offenders: the evolutionary game of carrot and stick // PLoS ONE. 2014. № 9(1).
10. Parsons J., Bergin T. The impact of criminal justice involvement on the mental health of victims // Journal of Traumatic Stress. 2010.
11. Shapiro D. L., Brett J. M. Comparison of three processes underlying judgments on procedural justice: a field study of mediation and arbitration // Journal of Personality and Social Psychology. 199. No. 65 (6). P. 1167–1177.
12. Cohen R. L., Lind E. A., Tyler T. R. Social psychology of procedural justice // Modern Sociology. 1989. No. 18(5). P. 758.
13. Brett J. M., Barsness Z. I., Goldberg S. B. Effectiveness of mediation: independent analysis of cases considered by the four main service providers // Negotiation Journal. 1996. No. 12(3). P. 259–269.

Информация об авторе

Г. М. Баймухаметова — докторант 2 года обучения, магистр национальной безопасности и военного дела Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан.

Information about the author

G. M. Baymukhametova — 2 year Doctoral Student, Master of National Security and Military Affairs of the Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022; одобрена после рецензирования 01.08.2022; принята к публикации 29.09.2022.

The article was submitted 30.06.2022; approved after reviewing 01.08.2022; accepted for publication 29.09.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-38-42>

ИПОН: 2003-0059-1/23-547

MOSURED: 77/27-003-2023-01-746

Международно-правовая включенность Российской Федерации в систему межгосударственного сотрудничества по противодействию международной преступности

Валерий Викторович Богатырев¹, Рубен Амаякович Каламкарян²

^{1,2} Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ valerii.bg@mail.ru

² mp_ved.vlsu@mail.ru

Аннотация. Раскрывается международно-правовая включенность Российской Федерации в систему межгосударственного сотрудничества по противодействию международной преступности.

Ключевые слова: Российская Федерация, система межгосударственного сотрудничества, система межгосударственного сотрудничества

Для цитирования: Богатырев В. В., Каламкарян Р. А. Международно-правовая включенность Российской Федерации в систему межгосударственного сотрудничества по противодействию международной преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 38–42. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-38-42>.

Original article

International legal involvement of the Russian Federation in the system of interstate cooperation in combating international crime

Valery V. Bogatyrev¹, Ruben A. Kalamkaryan²

^{1,2} Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, Vladimir, Russia

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ valerii.bg@mail.ru

² mp_ved.vlsu@mail.ru

Abstract. The article reveals the international legal involvement of the Russian Federation in the system of interstate cooperation in combating international crime.

Keywords: Russian Federation, system of interstate cooperation, system of interstate cooperation

For citation: Bogatyrev V. V., Kalamkaryan R. A. International legal involvement of the Russian Federation in the system of interstate cooperation in combating international crime. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):38–42. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-38-42>.

Международно-правовая включенность Российской Федерации в систему современных международно-правовых отношений как Великой державы и постоянного члена Совета Безопасности ООН обозначена активным внешнеполитическим курсом по обеспечению целей и принципов Устава ООН.

В развитие заявленной Президентом Российской Федерации В. В. Путиным (Декларация тысячелетия, 2000 г., Итоговый документ Всемирного саммита, 2005 г.) приверженности России верховенству права Россия направляет свои усилия на обеспечение добросовестного соблюдения государствами-членами ООН международных обязательств независимо от источника их возникновения. Позитив правопримени-

тельной практики Российского государства, как он проявляется внутри страны и вовне, позволяет констатировать значимость вклада Российского государства в дело обеспечения международной законности и правопорядка.

Построение миропорядка на основе верховенства права (rule of law), как это предписывается постановлениями Декларации тысячелетия 2000 г. и Итогового документа Всемирного саммита 2005 г., предусматривает осуществление широкоформатного международного сотрудничества по поддержанию международной законности и правопорядка.

В общих параметрах режима международной законности и правопорядка важное место занимает

© Богатырев В. В., Каламкарян Р. А., 2023

сотрудничество государств–членов мирового сообщества в борьбе с преступностью.

Действенность мер по пресечению международных преступных актов с юридической точки зрения предопределяется императивным характером такого общепризнанного принципа международного права, как принцип сотрудничества государств. Определяя собой все потенциальные сферы взаимодействия государств на мировой арене, принцип сотрудничества в рамках мер по обеспечению международной законности и правопорядка проявляет себя в форме борьбы с международными преступлениями и преступлениями международного характера.

Юридическими формами организации международного сотрудничества в борьбе с преступностью являются заключение международных договоров по созданию институционно-правовых основ по предупреждению, наказанию, пресечению международных преступных актов и осуществление комплекса мер по практической реализации договорных предписаний в режиме принципа добросовестности.

Конкретизация международно-правовых форм сотрудничества государств в борьбе с преступностью предопределена сущностью преступного посягательства на международную законность и правопорядок. При совершении преступления международного характера способом регулятивного воздействия права является принятие практических мер в рамках института выдачи преступников (экстрадиции). Суть мер сводится либо к выдаче преступника запрашивающему государству, либо к судебному преследованию и, соответственно, к наказанию данного лица. Предмет анализа указанных мер — латинское смысловое выражение *aut dedere, aut judicare* (выдай или суди) и в продолжение его — *aut dedere, aut punire* (выдай или накажи).

На современном этапе развития международного права институт выдачи преступников, равным образом и институт взаимной помощи по уголовным делам, кодифицирован на уровне ООН в рамках Типового договора о выдаче (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 45/116 от 14 декабря 1990 г.) и Типового договора о взаимной помощи в области уголовного правосудия (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 45/117 от 14 декабря 1990 г.).

Введение в разряд единого (для всех государств мира) международно-правового акта института выдачи преступников и института взаимной помощи по уголовным делам однозначно свидетельствует об осо-

знании мировым сообществом (в лице ООН) всей значимости поддержания борьбы именно с данными преступными деяниями (речь конкретно идет о преступлениях международного характера) для международной законности и правопорядка. Предметно здесь следует говорить о таких международных преступных деяниях, как угон самолетов; захват заложников; преступления против лиц, пользующихся международной защитой; пиратство; контрабанда; распространение наркомании и незаконная торговля наркотиками; подделка денег и ценных бумаг; загрязнение окружающей среды; посягательство на национально-культурное достояние народов; распространение порнографии; столкновение морских судов и неоказание помощи на море; преступления, совершенные на континентальном шельфе; разрыв или повреждение подводного кабеля; незаконное радиовещание. Разумеется, это не полный список всех потенциально возможных преступлений международного характера.

Поступательное развитие человеческой цивилизации, параллельно с прогрессом техники и расширением сфер международного сотрудничества, порождает возникновение новых преступлений международного характера. И показательным примером здесь выступают компьютерные преступления, которые по предмету посягательства вполне попадают в разряд преступлений международного характера.

Если в отношении преступлений в международном праве мера обычного воздействия со стороны государств–членов мирового сообщества определяется на основе института экстрадиции (в судебном преследовании и, соответственно, наказании совершившего преступное деяние лица, или в его выдаче запрашивающему государству), то применительно к международным преступлениям проблема обеспечения международной законности решается через обращение в органы международного правосудия — суды и трибуналы. И здесь мировое сообщество наработало определенный опыт институционно-правового решения задачи поддержания международной законности и правопорядка.

Впервые попытка создания международного уголовного трибунала была предпринята в 1919 г. Далее, уже по результатам окончания Второй мировой войны, были созданы и успешно осуществили свою работу Нюрнбергский и Токийский трибуналы. Практическая деятельность ООН в области координации борьбы с международными преступлениями в долж-

ной мере показала себя в рамках функционирования Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (учрежден на основе Резолюции Совета Безопасности ООН 827(1993) от 25 мая 1993 г.) и Международного уголовного трибунала по Руанде (учрежден на основе Резолюции Совета Безопасности ООН 995(1994) от 8 ноября 1994 г.).

При обстоятельствах, когда создание постоянно действующего органа международного уголовного правосудия всегда было важнейшей целью мирового сообщества, принятие (15 июня – 17 июля 1998 г.) Римского статута Международного уголовного суда знаменовало собой качественный этап в институциональном обустройстве органов уголовной юстиции. По факту выполнения требований ст. 126 Римского статута (сдача на хранение Генеральному секретарю ООН 60-й ратификационной грамоты или документа о принятии, утверждении или присоединении) Статут вступил в силу 1 июля 2002 г. и стал действующим юридическим документом.

Международный уголовный суд был призван играть роль постоянного органа, уполномоченного осуществлять юрисдикцию в отношении лиц, ответственных за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества. В практическом плане Международный уголовный суд осуществляет свою юрисдикцию и реально функционирует на основе Римского статута.

В своем качестве постоянного органа международной уголовной юстиции Международный уголовный суд устанавливает отношения с ООН посредством специального соглашения, одобряемого Ассамблеей государств-участников и впоследствии заключаемого Председателем Суда от имени Суда. Место пребывания Суда является Гаага (Нидерланды).

На институционально-правовом уровне Международный уголовный суд заключает с государством пребывания соглашение о штаб-квартире, одобряемое Ассамблеей государств-участников и впоследствии подписываемое Председателем Суда от имени Суда. При этом, если Суд считает это желательным, он может заседать в любых других местах.

В рамках решения общей задачи по созданию прочных гарантий обеспечения международного правосудия и уважения к нему Международный уголовный суд обладает такой правоспособностью, какая может оказаться необходимой для осуществления его функций и достижения его целей. В этом смысле

можно говорить о том, что Суд обладает международной правосубъектностью. В порядке достижения общих целей отправления международного правосудия Международный уголовный суд может осуществлять свои функции и полномочия на территории любого государства-участника и на территории любого другого государства.

При обстоятельствах, когда совершение тяжчайших преступлений реально угрожает всеобщему миру, безопасности и благополучию, Международный уголовный суд обеспечивает неотвратимость наказания по всем параметрам международных преступлений. Юрисдикция Международного уголовного суда покрывает собой самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества. Суд обладает юрисдикцией в отношении следующих преступлений: геноцид; преступления против человечности; военные преступления; агрессия.

В ситуации, когда такое преступление, как международный терроризм, формально не подпадает под юрисдикцию Международного уголовного суда, по своему юридическому составу преступление международного терроризма вполне может стать предметом разбирательства в Международном уголовном суде в рамках состава преступлений против человечности и военных преступлений.

Выполняя свои функции и полномочия в рамках решения общей задачи по отправлению международного правосудия, Международный уголовный суд вступает в определенные договорные отношения с ООН. Таким образом, не будучи юридически органом ООН, Международный уголовный суд координирует всю свою деятельность по обеспечению международной законности и правопорядка с такой универсальной международной организацией (основной целью которой является поддержание международного мира и безопасности, обеспечение прав человека и всестороннее сотрудничество), как ООН. Тем самым еще раз подчеркивается международно-правовая значимость ООН в качестве базового института по осуществлению многоформатного сотрудничества государств, куда, собственно, и входит международное сотрудничество по борьбе с преступностью.

В соответствии с Уставом ООН (п. 3 ст. 1), Декларацией о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, с IX принципом Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудниче-

ству государств в Европе «государства–участники будут развивать свое сотрудничество друг с другом, как и со всеми государствами, во всех областях в соответствии с целями и принципами Устава ООН». Они будут содействовать международному миру, безопасности и справедливости, «стремиться, развивая свое сотрудничество, повышать благосостояние народов и способствовать претворению в жизнь их чаяний, используя, в частности, выгоды, вытекающие из расширяющегося взаимного ознакомления и из прогресса и достижений в экономической, научной, технической, социальной, культурной и гуманитарной областях».

Сотрудничество государств в борьбе с нарушениями международной законности затрагивает ту область общечеловеческих интересов, где необходимость в борьбе с преступлениями международного характера и их предотвращении определяет и совместные действия, и широкое использование международного механизма, прежде всего ООН. Система ООН была создана, в числе прочего, для борьбы с международными преступлениями, такими, как агрессия, чтобы избавить грядущие поколения от бедствий войны, утвердить веру в основные права человека и достоинство личности. ООН — единственная из существующих организаций, обладающая мандатом и международным механизмом, необходимым для оказания странам эффективной помощи в целях предупреждения преступности и борьбы с ней в национальном и международном масштабах.

Первыми актами ООН по борьбе с преступностью можно считать Резолюцию Генеральной Ассамблеи от 11 декабря 1946 г., которая подтвердила принципы статута Нюрнбергского трибунала, нашедшие выражение в приговоре Трибунала, как общепризнанные; Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН от 13 февраля 1946 г. «Выдача и наказание военных преступников и изменников», где сформулирована обязанность выдачи лиц, совершивших преступления, предусмотренная в Уставе Нюрнбергского трибунала.

Для деятельности ООН по сотрудничеству государств в борьбе с международной преступностью характерны два направления. Первое — борьба с международными преступлениями, второе — борьба с преступлениями международного характера и выработка рекомендаций по предупреждению общеуголовных преступлений и обращению с преступниками.

Вопросы сотрудничества в борьбе с международной преступностью рассматривают и решают органы

ООН, такие как Совет Безопасности, Генеральная Ассамблея и Международный суд.

Высокий институционно-правовой уровень научного обеспечения взаимодействия государств в борьбе с преступностью находит свое практическое воплощение в юридических актах, принимаемых на уровне ООН. Регулятивная направленность всех юридических актов ООН ставит своей целью содействие повышению уровня международно-правового сотрудничества в деле пресечения любых преступных деяний, какой бы характер они не носили и какую бы цель не преследовали.

Поддержание законности и правопорядка как на международном, так и на внутригосударственном уровнях требует четкого разграничения между международными преступлениями, преступлениями международного характера и общеуголовными. Доктрина международного права признает разделение на международные преступления и международные правонарушения (преступления международного характера). Общеуголовные преступления, по мере их конвенционной регламентации государствами, постепенно входят в категорию международных правонарушений (преступлений международного характера).

Международные преступления имеют место при нарушении основополагающих принципов и иных императивных норм *jus cogens*, поскольку именно они представляют собой «международные обязательства, столь основополагающие для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества в целом» (Проект статей об ответственности государств, подготовленный Комиссией международного права на ее 52-й сессии (Женева, 10 июля – 18 августа 2000 г.; далее — Проект статей о международной ответственности). Выделение в проекте статей обязательств типа *erga omnes* из всех международных обязательств логически продолжает устоявшуюся международную судебную практику. Так, например, Международный суд ООН в делах о Барселонской компании, о ядерных испытаниях и о дипломатическом и консульском персонале США в Тегеране ясно заявил, что нарушение обязательств *erga omnes* создает правовой титул по обеспечению выполнения императивных норм международного права со стороны любого члена международного сообщества государств.

Позитив правоприменительной практики Международного суда в режиме установления соотношения понятий «международные преступления», «обязательства *erga omnes*», «императивные нормы *jus cogens*»,

подтверждает заключение Международного суда. Обязательства *erga omnes* подлежат защите со стороны всего международного сообщества. Международные преступления, со своей стороны, связаны с нарушением обязательств, основополагающих для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества в целом, т. е. именно обязательств *erga omnes*.

Перевод всего наработанного мировым сообществом конвенционного материала по регулированию международного сотрудничества в борьбе с преступностью в область практической его реализации призван содействовать упрочению международной законности и правопорядка.

Роль и место России как Великой державы и постоянного члена Совета Безопасности ООН, проводящей активный внешнеполитический курс по обеспечению целей ООН, обозначены общими задачами мирового сообщества по пресечению международной преступности во всех ее проявлениях. Деятельность России на мировой арене ориентирована на поддержание верховенства права в международных отношениях.

Международно-правовое позиционирование Российской Федерации в современном миропорядке предметно обозначено последовательным внешнеполитическим курсом на поддержание международной законности и правопорядка.

Библиографический список

1. Михайлов Н. Г. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии: компетенция, ис-

точники права, основные принципы деятельности. М., 2006.

2. Костенко Н. И. Международный уголовный суд. М., 2002.

3. Грицаев С. А. Правосудие по Римскому статуту Международного уголовного суда. М., 2005.

4. Ушаков Н. А. Основания международной ответственности государств. М., 1983. С. 140.

5. Ушаков Н. А. Государство в системе международно-правового регулирования. М., 1997. С. 28.

6. International Crimes of States. P. 237–239, 256–257; Hoogh A.J.J. Op. cit. P. 212–214.

7. Fooner M. Interpol. The inside story of the international crime-fighting organization. Chicago, 1973.

Bibliographic list

1. Mikhailov N. G. International criminal tribunal for the former Yugoslavia: competence, sources of law, basic principles of activity. M., 2006.

2. Kostenko N. I. International criminal court. M., 2002.

3. Gritsaev S. A. Justice under the Rome Statute of the International criminal court. M., 2005.

4. Ushakov N. A. Foundations of international responsibility of states. M., 1983. P. 140.

5. Ushakov N. A. State in the system of international legal regulation. M., 1997. P. 28.

6. International Crimes of States. P. 237–239, 256–257; Hoogh A.J.J. Op. cit. P. 212–214.

7. Fooner M. Interpol. The inside story of the international crime-fighting organization. Chicago, 1973.

Информация об авторах

В. В. Богатырев — заведующий кафедрой «Международное право и внешнеэкономическая деятельность» Юридического института имени М. М. Сперанского Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, доктор юридических наук, профессор;

Р. А. Каламкарян — профессор кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, профессор кафедры «Международное право и внешнеэкономическая деятельность» Юридического института имени М. М. Сперанского Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Information about the authors

V. V. Bogatyrev — Head of the Department «International Law and Foreign Economic Activity» of the Law Institute named after M. M. Speransky of the Vladimir State university named after A. G. and N. G. Stoletovs, Doctor of Legal Sciences, Professor;

R. A. Kalamkaryan — Professor of the Department of Human Rights and International Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Professor of the Department «International Law and Foreign Economic Activity» of the Law Institute named after M. M. Speransky of the Vladimir State university named after A. G. and N. G. Stoletovs, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.11.2022; одобрена после рецензирования 10.01.2023; принята к публикации 31.01.2023. The article was submitted 28.11.2022; approved after reviewing 10.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-43-45>

НИОН: 2003-0059-1/23-548

MOSURED: 77/27-003-2023-01-747

Противодействие заведомо ложному сообщению об акте терроризма, совершаемому с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Дмитрий Константинович Боков

Таганская межрайонная прокуратура г. Москвы, Москва, Россия, dimbok@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены практические аспекты противодействия заведомо ложным сообщениям об акте терроризма. Дана оценка использования информационно-телекоммуникационных технологий в ходе противодействия совершению преступлений, предусмотренных ст. 207 УК РФ. Акцентировано внимание на административной практике воспрепятствования заведомо ложным сообщениям об актах терроризма, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Ключевые слова: противодействие терроризму, заведомо ложное сообщение об акте терроризма, информационно-телекоммуникационные технологии, административная практика, преступление, предусмотренное ст. 207 УК РФ

Для цитирования: Боков Д. К. Противодействие заведомо ложному сообщению об акте терроризма, совершаемому с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 43–45. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-43-45>.

Original article

Countering a knowingly false report about an act of terrorism committed using information and telecommunication technologies

Dmitry K. Bokov

Taganskaya Interdistrict Prosecutor's Office of Moscow, Moscow, Russia, dimbok@mail.ru

Abstract. The practical aspects of countering deliberately false reports of an act of terrorism are considered. The assessment of the use of information and telecommunication technologies in the course of countering the commission of crimes under Article 207 of the Criminal Code of the Russian Federation is given. The attention is focused on the administrative practice of preventing deliberately false reports about acts of terrorism committed using information and telecommunication technologies.

Keywords: counter-terrorism, deliberately false report of an act of terrorism, information and telecommunication technologies, administrative practice, crime under Art. 207 of the Criminal Code of the Russian Federation

For citation: Bokov D. K. Countering a knowingly false report about an act of terrorism committed using information and telecommunication technologies. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):43–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-43-45>.

Ввиду начала в феврале 2022 г. специальной военной операции по результатам I полугодия 2022 г. прогнозировался рост числа заведомо ложных сообщений об актах терроризма, поступающих в органы государственной и муниципальной власти. Идея дестабилизации органов руководства всех уровней и ветвей лежит в основе противоправных действий лиц, желающих внести смятение в нынешней ситуации. Для этих целей используются новые технические возможности и ресурсы.

Телефонный терроризм с развитием систем информатизации и связи приобретает колоссальную динамику развития в масштабах страны [3].

Некоторые исследователи по данному вопросу указывают на сложность правоприменения ст. 207 УК РФ после вступления в силу 11 января 2018 г. Федерального закона, внесшего изменения в ст. 205, 207 УК РФ [4], ввиду не очень удачной законодательной техники, использованной при изменении ст. 207 УК РФ [1]; вместе с этим, за последние время российские суды последовательно и системно ежегодно рассматривали около 500 уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 207 УК РФ [7], устранив эмпирическим путем препятствия к осуждению лиц, виновных в совершении анализируемого преступления.

© Боков Д. К., 2023

В настоящее время с уверенностью можно сказать, что поступление заведомо ложных сообщений об акте терроризма перешло в иное качество — путем активного использования информационно-телекоммуникационных технологий, что бросает новоприобретенный вызов, прежде всего, правоохранительной системе.

Анализируя практику Таганского района г. Москвы, можно констатировать, что звонки со стационарных телефонов с сообщениями о ложном минировании в общей массе зарегистрированных преступлений рассматриваемой категории переходят в разряд штучных, с тенденцией совершения их лицами, не подлежащими уголовной ответственности ввиду совершения деяния в состоянии невменяемости [5].

На федеральном уровне имеется тенденция к увеличению на 4,3 % криминальных посягательств в сети Интернет, в том числе с эксплуатацией анонимных почтовых сервисов, а также широкое применение подменных телефонных номеров, IP-телефонии [8].

В предыдущие периоды исследователями уже указывалось, что для затруднения установления своего местонахождения преступники прибегают к различным ухищрениям: оформляют SIM-карты на подставных лиц, используют средства шифрования данных, прибегают к услугам зарубежных интернет-провайдеров, применяют так называемые «анонимайзеры» и «прокси-серверы», не записывающие и не хранящие данные, способные идентифицировать пользователя [2].

В настоящее время ничего не изменилось — в сети Интернет широко представлена информация о том, как совершить звонок, воспользовавшись подменной номера, а анонимные почтовые сервисы стали обыденным инструментом разного рода преступников.

Назревшая проблема буквально заставила законодателя внести в 2021 г. изменения в Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126 ФЗ «О связи» [9], суть которых — внедрение дополнительных инструментов предотвращения пропуска операторами связи указанных абонентских номеров и их блокировки. Установлена императивная обязанность операторов связи прекратить оказание услуг связи и (или) услуг по пропуску трафика в свою сеть связи в случае, если у оператора связи, участвующего в установлении соединения, в том числе для передачи короткого текстового сообщения, отсутствует информация об абон-

ентском номере или уникальном коде идентификации абонента, инициировавшего это соединение.

Однако, значимого влияния на криминогенную обстановку это не оказало. Степень угрозы террористической безопасности стремительно нарастает. Интернет-ресурсы и средства телефонии все чаще задействуются с целью направления заведомо ложных сообщений об актах терроризма. Объектами посягательства становятся здания и помещения, находящиеся в использовании органов власти: прокуратуры и полиции, районных и мировых судов, префектуры и управы. Умышленно выбирается время осуществления заведомо ложного сообщения об акте терроризма в рабочее время указанных организаций, с целью принудительной эвакуации сотрудников и посетителей, участников судебных процессов.

Отдельно следует отметить, что использование информационно-телекоммуникационных технологий позволяет одновременно делать массовую рассылку различным абонентам и по различным адресам, что в свою очередь, ввиду ограниченности возможностей оперативных служб по одномоментной проверке поступивших сигналов, преследует цель попытаться показать бессилие правоохранительных органов перед угрозой общественной безопасности, усыпить бдительность самих правоохранителей, поставить их перед выбором приоритетности проверки поступивших сообщений. Смириться с имеющимися и приведенными выше в этом направлении тенденциями невозможно.

Работа по сбору доказательств и привлечению виновных лиц к ответственности осложняется не только применением современных IT-технологий, но и отсутствием правоприменительной практики, недостаточностью опыта ответственных лиц.

Как правило, анализируемые преступления совершаются дистанционно при обеспечении анонимности, поэтому их раскрытие требует привлечения максимального функционала представленных полномочий, эффективного взаимодействия заинтересованных служб.

Важно наиболее полно использовать возможности координационной деятельности и инструменты межведомственного взаимодействия с правоохранительными и контролирующими органами для установления обстоятельств и средств подмены телефонных номеров, почтовых сервисов, в том числе администрированных за пределами Российской Федера-

ции, и их модификации, принимая во внимание, что эти сведения необходимы в целях раскрытия конкретного преступления и предупреждения новых криминальных посягательств, обо всех фактах пропуска теневого трафика, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности, а также досудебного производства в обязательном порядке уведомляется Роскомнадзор для принятия к операторам связи мер в соответствии с ч. 3 ст. 14.1 и ст. 13.2.1 КоАП РФ.

Единичная практика уже имеет место — по уголовному делу о мошенничестве установлено, что организация — оператор связи не только не препятствовала осуществлению инициированных иностранным оператором соединений с подменой номеров, но и не прекратила оказание услуг по предоставлению связи и пропуску трафика в свою сеть. Заместителем прокурора г. Москвы в отношении юридического лица возбуждено дело об административном правонарушении, предусмотренном ч. 2 ст. 13.2.1 КоАП РФ, материалы направлены для рассмотрения мировому судье [6].

Основой для решения проблемы заведомо ложных сообщений об акте терроризма будет являться расширение технических возможностей по пресечению эксплуатации анонимных почтовых сервисов, применению подменных телефонных номеров, IP-телефонии, а также последовательной административной практики противодействия заведомо ложным сообщениям об актах терроризма, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Список источников

1. Костылева О. В. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) и угроза совершения террористического акта (ст. 205 УК РФ) // Уголовное право. 2018. № 2. С. 52–60.
2. Жерновой М. В. Законодательное обеспечение борьбы с «телефонным терроризмом» в России // Российская юстиция. 2018. № 6. С. 53–54.

Информация об авторе

Д. К. Боков — Таганский межрайонный прокурор г. Москвы, кандидат юридических наук, старший советник юстиции.

Information about the author

D. K. Bokov — Tagansky Interdistrict Prosecutor of Moscow, Candidate of legal Sciences, Senior Adviser of Justice.

Статья поступила в редакцию 08.08.2022; одобрена после рецензирования 29.09.2022; принята к публикации 29.11.2022. The article was submitted 08.08.2022; approved after reviewing 29.09.2022; accepted for publication 29.11.2022.

3. Шестало С. С. Телефонный терроризм // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в статьи 205 и 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL://<http://www.pravo.gov.ru/>

5. Дело № 01-0060/2021 (Таганский районный суд г. Москвы).

6. Дело № 05-1239/98/2022 (мировой судья судебного участка № 98 Бутырского района г. Москвы).

7. URL://www.cdep.ru/index.php?id=79.

8. URL://www.cmimestat.ru/analytics.

9. URL://<http://pravo.gov.ru>.

References

1. Kostyleva O. V. Knowingly false report of an act of terrorism (Article 207 of the Criminal Code of the Russian Federation) and the threat of committing a terrorist act (Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Criminal law. 2018. No. 2. P. 52–60.

2. Zhernovoy M. V. Legislative support for the fight against «telephone terrorism» in Russia // Russian justice. 2018. No. 6. P. 53–54.

3. Shestalo S. S. Telephone terrorism // SPS «ConsultantPlus».

4. Federal Law No. 501-FZ of December 31, 2017 «On Amendments to Articles 205 and 207 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // URL://<http://www.pravo.gov.ru/>

5. Case No. 01-0060/2021 (Tagansky District Court of Moscow).

6. Case No. 05-1239/98/2022 (justice of the peace of the judicial precinct No. 98 of the Butyrsky district of Moscow).

7. URL://www.cdep.ru/index.php?id=79.

8. URL://www.cmimestat.ru/analytics.

9. URL://<http://pravo.gov.ru>.

Научная статья

УДК 343.9.01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-46-55>

ИПОН: 2003-0059-1/23-549

MOSURED: 77/27-003-2023-01-748

Понятие и структура транспортной преступности

Андрей Викторович Борисов

Российский университет транспорта, Москва, Россия, av-borisov@mail.ru

Аннотация. На основе анализа научных источников, посвященных проблеме понятия транспортной преступности, и действующего законодательства определено понятие транспортной преступности, и раскрыта ее структура. Представлены точки зрения российских ученых-правоведов по вопросу понятия «транспортная преступность» и соотношения данного понятия с понятием «транспортные преступления».

Ключевые слова: транспортная преступность, понятие «транспортной преступности», структура «транспортной преступности», транспортные преступления

Для цитирования: Борисов А. В. Понятие и структура транспортной преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 46–55. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-46-55>.

Original article

The concept and structure of transport crime

Andrei V. Borisov

Russian University of Transport, Moscow, Russia, am-borisov@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of scientific sources devoted to the problem of the concept of transport crime and the current legislation, the concept of transport crime is defined and its structure is disclosed. The article presents the points of view of Russian legal scholars on the issue of the concept of «transport crime» and the relationship of this concept with the concept of «transport crimes».

Keywords: transport crime, the concept of «transport crime», the structure of «transport crime», transport crimes

For citation: Borisov A. V. The concept and structure of transport crime. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):46–55. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-46-55>.

Понятие «транспортная преступность» широко используется в научных трудах. Оно очень богато по содержанию и употребляется в различных смыслах и контекстах, многократно подвергалось более или менее глубокому анализу, прежде всего, криминологическому. Однако, четкого определения данной категории так и не было получено.

Например, в своих работах авторы уделяют внимание генезису и признакам транспортной преступности (рассматривают ее как негативное социальное явление, целостную систему, включающую как неосторожные преступные деяния, так и умышленные); качественным и количественным показателям, основным тенденциям, причинам, мерам предупреждения и др. [например, 19; 9; 17; 10; 48 и др.] Кроме того, в абсолютном большинстве случаев происходит отождествление понятий «транспортная преступность» и «транспортные преступления», однако это не синонимичные понятия, они соотносятся как общее и частное.

По справедливому замечанию исследователей, транспортная преступность — это самостоятельный вид преступности, сложный, исторически изменчивый, многоаспектный, многофакторный и, вместе с тем, социально значимый феномен. В этой связи к эффективному разрешению проблематики транспортной преступности нельзя приблизиться при помощи методологического инструментария исключительно одной науки. «Комплексная проблема, коей является транспортная преступность, может быть решена лишь комплексными средствами и методами, причем это правило действует не только в теоретическом изучении данного явления, но и в практической организации деятельности, направленной на его вытеснение» [48, с. 5–6].

Учитывая, что согласно общепринятой точке зрения в криминологии под преступностью понимают совокупность преступлений и лиц, их совершивших (самая лаконичная дефиниция), в целях унификации пред-

© Борисов А. В., 2023

ставлений о сущности транспортной преступности, ее научного определения и структуры, целесообразно использовать межотраслевой подход и обратиться в начале к понятию транспортного преступления.

В настоящее время в отечественном законодательстве отсутствует легальное понятие транспортного преступления, способное отразить наиболее главное, существенное и ставшее общепризнанным.

Наука уголовного права на современном этапе своего развития также не содержит дефиницию транспортного преступления, по поводу которой не было бы полемики.

Одним из первых, кто обратил внимание на необходимость введения общего понятия «транспортные преступления», был Н. С. Алексеев. По его мнению, это надлежит сделать «для успешной борьбы с транспортными преступлениями», правильного построения законодательной системы транспортных преступлений, решения вопроса о том, «какие общественно опасные деяния следует отнести к этой группе преступлений» [1, с. 23–25].

Предложенное Н. С. Алексеевым в конце 50-х гг. XX столетия понятие является широким, поскольку автор под транспортным преступлением понимал общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее «на правильную, отвечающую интересам... государства работу транспорта» [1, с. 24]. Данное определение неоднократно подвергалось критике. В числе существенных замечаний: 1) отсутствие основных признаков, присущих транспортному преступлению; 2) учитывается лишь одно обстоятельство — посягательство на правильную работу транспорта; 3) не делается акцент на тяжесть причиненных последствий, что не позволяет отграничить транспортные преступления от иных правонарушений на объектах транспортной инфраструктуры; 4) не берется во внимание угроза причинения вреда [например, 47; 17, с. 48; 39; 33; 51].

В этот же период времени Б. А. Куринов рассматривал исследуемое понятие еще в более широком значении. Так, под транспортными преступлениями он понимал «общественно опасные, противоправные, виновные и наказуемые действия, которые нарушают или в отдельных случаях могут нарушить нормальную работу и безопасность движения» [23, с. 12].

Несмотря на то, что данное определение, учитывает такие основные признаки, как угроза причинения вреда и безопасность движения, оно нуждается в

корректировке, поскольку исключает преступные деяния, посягающие на безопасность эксплуатации транспорта. В частности, самостоятельный объект уголовно-правовой охраны, который не входит в содержание безопасности движения.

В последующем Б. А. Куринов сформулировал понятие транспортных преступлений в узком значении, включив в их число всего лишь «такие преступные деяния, которые посягают на безопасность движения механического транспорта» [21, с. 19].

По нашему мнению, в указанном определении особое звучание приобретает выделенный автором еще один существенный признак транспортных преступлений — предмет преступления, однако он ограничивает его лишь механическим транспортом. При этом не учитывает иные виды транспорта — железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного транспорта, метрополитена и др.

В соответствии с нормами действующего уголовного законодательства, под механическим транспортным средством следует понимать автомобиль, трамвай, трактор, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины, а также транспортные средства, на управление которыми, в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения, предоставляется специальное право (ст. 264 УК РФ). В их числе — мотоциклы, троллейбусы, мопеды и легкие квадроциклы, трициклы и др. [49].

Таким образом, в 60-е гг. XX столетия Б. А. Куринов сделал акцент исключительно на транспортные средства автомобильного транспорта.

В то же время, Б. А. Куринов многократно говорил о необходимости совершенствования уголовного законодательства и целесообразности включения в Уголовный кодекс самостоятельной главы «Транспортные преступления», «куда следовало бы отнести все преступления, нарушающие нормальную, безопасную работу всех видов транспорта» [22; 24; 20, с. 12].

Сходные точки зрения об указанных Н. С. Алексеевым и Б. А. Куриновым признаках транспортных преступлений мы видим в ранних исследованиях Н. Н. Белокобыльского [например, 5; 3; 4], научных работах И. Х. Максимова [27], Л. Г. Мачковского [29, с. 201–203; 28], А. И. Плотникова [38; 37] и др.

Результаты проведенного исследования позволяют констатировать, что из всех изученных дефини-

ций исследуемого понятия, наиболее всего приближенным к современным научным трактовкам является определение, выработанное В. И. Касынюком: транспортные преступления — это «предусмотренные уголовным законом общественно опасные, виновные деяния (действие или бездействие), посягающие на безопасную работу транспорта в сфере его движения и эксплуатации» [13].

Проанализировав данное понятие, можно выделить следующие его базовые признаки: объект преступления (безопасность движения и эксплуатации транспорта) и предмет преступления (транспорт). Вместе с тем, указание на причинение или угрозу причинения вреда отсутствует.

В современной науке уголовного права, обращаясь к проблеме понятия транспортных преступлений, исследователи дополнили признаки указанием на преступные последствия [50, с. 224; 47; 39, с. 28; 33; 51; 18 и др.], которые в ряде случаев конкретизируются [например, 7; 32; 31]; форму вины [например, 36, с. 5; 43, с. 492; 30]; сферу совершения, конкретизировав внутренние и внешние угрозы, возникающие при взаимодействии человека с транспортом [50; 18; 51 и др.].

Результатом концептуального осмысления понятия и сущности транспортных преступлений стало разработанное А. И. Чучаевым следующее определение: «транспортное преступление — это виновное противоправное деяние, посягающее на безопасность движения или эксплуатации транспорта, и причинившее или способное причинить предусмотренные уголовно-правовыми нормами общественно опасные последствия» [50, с. 224].

В процессе работы над докторской диссертацией указанный автор ввел в научный оборот еще один признак, указав, что транспортные преступления совершаются в сфере взаимодействия человека с транспортом; обстоятельно обосновал целесообразность объединения всех транспортных преступлений в одну самостоятельную главу уголовного закона, взяв за основу в качестве непосредственного объекта — безопасность движения или эксплуатации транспорта.

В последующих своих научных работах 2000-х гг. автор, а также его ученики, систему транспортных преступлений представляют, большей частью, только в диапазоне гл. 27 УК РФ. Одновременно с этим, преступления, предусмотренные ст. 270, 271 и 271¹

УК РФ, предлагают исключить, поскольку они не отвечают признакам исследуемого понятия [51; 39, с. 10 и др.].

Заслуживает также внимания методологически близкая к вышеизложенной позиции точка зрения А. И. Коробеева, согласно которой самой важной в исследуемом определении должна быть мысль о том, что все транспортные преступления «посягают на общественные отношения в сфере безопасного функционирования (движения и эксплуатации) транспортных средств» [17, с. 48]. По мнению А. И. Коробеева, транспортные преступления «в самой общей форме можно определить как предусмотренные уголовным законом и совершаемые виновно общественно опасные деяния (действия или бездействие), посягающие на общественные отношения в сфере безопасного функционирования (движения и эксплуатации) транспортных средств и повлекшие наступление вредных последствий либо создавшие угрозу их наступления» [16, с. 81].

На наш взгляд, к числу основных достоинств данного определения, свидетельствующих об углублении в суть явления, можно отнести: 1) наибольшее количество основополагающих признаков; 2) удачное использование подходящего определяющего термина «безопасность функционирования транспорта»; 3) отсутствие ограничения транспортных преступлений только рамками гл. 27 УК РФ («Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта»), как это мы наблюдаем в работах других исследователей [например, 8, с. 7; 46; 34; 6, с. 18–23 и др.].

Безусловно, в целях разработки и обоснования общего понятия транспортного преступления необходимо учитывать не только положения уголовного права как отрасли законодательства, но и как науки, а также теории права.

Заметим, что для решения задач нашего криминологического исследования мы также не можем ограничивать систему транспортных преступлений и, соответственно, структуру транспортной преступности нормами исключительно гл. 27 УК РФ.

Еще одним, с одной стороны, «синтезированным», с другой, — уникальным вариантом дефиниции транспортного преступления является предложенное А. Ю. Пожарским в контексте его диссертационного исследования определение как: «общественно опасное виновное деяние, совершаемое в сфе-

ре взаимодействия человека с транспортом (при создании внутренней угрозы безаварийной работе транспорта — лицом, непосредственно управляющим транспортным средством или обеспечивающим безопасность транспорта; при создании внешней угрозы — лицом, не исполняющим указанные функции), нарушающее безопасность движения или эксплуатации транспорта как системы или транспортного средства либо условия обеспечения безопасности транспорта, влекущее предусмотренные в законе преступные последствия» [39, с. 37–38].

С критикой предложенного А. Ю. Пожарским определения транспортного преступления выступил З. Б. Соктоев. В данном случае возможно, в некоторой степени, согласиться с З. Б. Соктоевым, считающим вышеприведенное определение перегруженным [45, с. 268]. Конечно, оно не такое лаконичное, как проанализированные ранее дефиниции ученых-юристов, однако сформулировано с учетом традиций общей теории права. По нашему мнению, при некоторой громоздкости приведенного определения, А. Ю. Пожарский с уголовно-правовых позиций обоснованно указал все существенные признаки, свойственные исследуемой им категории и составляющие ее сущность, при этом раскрыл содержание сложного признака — сферы взаимодействия человека с транспортом.

По нашему мнению, именно термин «транспортные преступления» не будучи громоздким, максимально отражает сферу проявления исследуемого вида преступлений. Использование этого термина позволяет нам к числу транспортных преступлений отнести не только те деяния, предусмотренные УК РФ, которые по меткому выражению А. И. Коробеева являются «исконно» транспортными, т. е. посягают на безопасность движения или эксплуатации транспорта [17, с. 50] либо так или иначе связаны с транспортными средствами, но и общеуголовные преступления, совершенные на объектах транспортной инфраструктуры и представленные в формах официальной статистической отчетности ФКУ «ГИАЦ МВД России».

В этой связи, по справедливому замечанию С. В. Проценко, исследуемый термин «с точки зрения его практического конвенционального использования обладает преимуществами, а именно лаконично и относительно точно определяет круг преступлений, посягающих на транспортную безопасность» [41].

До настоящего времени не утратил свою дискуссионность вопрос, связанный с определением видов транспортных преступлений (системой норм о транспортных преступлениях) с правовой и научной точек зрения. Согласно сформировавшимся на сегодняшний день наиболее распространенным уголовно-правовым концепциям к видам транспортных преступлений обычно относят:

1) преступления, предусмотренные гл. 27 УК РФ (А. Ш. Габдрахманов, В. И. Жулев [11], А. И. Коробеев, Е. В. Медведев, А. В. Наумов [35, с. 276], Н. И. Пикуров, А. Ю. Пожарский, М. А. Сойников [44], В. Е. Суденко, С. В. Тарасов, А. И. Чучаев и др.);

2) иные преступные деяния, которые связаны с транспортными средствами — ст. 166, 211, п. «в» ч. 1 ст. 213, 2153, 227, 281, 326 УК РФ (В. И. Жулев, С. А. Зворыгина [12], Н. А. Князева [15, с. 27–37; 14], А. И. Коробеев, Л. Ю. Ларина, Р. Д. Шарاپов, С. Н. Шатилович [52, с. 18] и др.);

3) воинские транспортные преступления — ст. 350–352 УК РФ (В. И. Жулев, С. А. Зворыгина, А. И. Коробеев, Л. Ю. Ларина, Р. Д. Шарاپов, С. Н. Шатилович и др.).

Необходимо отметить, что в ряде исследований к иным преступлениям, связанным с транспортными средствами, наряду с указанными выше, причисляют также преступления террористического характера. Думается, что эта позиция отчасти обоснована нормами приказа Минтранса РФ № 52, ФСБ РФ № 112, МВД РФ № 134 от 5 марта 2010 г., согласно которым угрозы террористического характера включены в перечень потенциальных угроз совершения актов незаконного вмешательства в деятельность объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств [40].

В дополнение к изложенному, называют также ст. 206 УК РФ (захват заложника), ст. 212 УК РФ (массовые беспорядки), ст. 218 УК РФ (нарушение правил перевозки взрывчатых, легковоспламеняющихся веществ и пиротехнических изделий), ст. 222 УК РФ (незаконная перевозка оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов), ст. 222¹ УК РФ (незаконная перевозка взрывчатых веществ или взрывных устройств), ст. 222² УК РФ (незаконная перевозка крупнокалиберного огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему), ст. 226¹ УК РФ (контрабанда опасных веществ); ст. 247 УК РФ (транспортировка экологически опасных веществ и отходов) [например, 2; 25].

Согласимся с мнением А. Ж. Саркисян в том, что «сегодня рост технических возможностей обусловил возможность неправомерных действий с использованием сетей и информационно-телекоммуникационных технологий не только в сфере информации, но и в иных сферах жизни» [42], в том числе и транспортной.

Учитывая, что в управлении движением транспортных средств воздушного, железнодорожного, морского и внутреннего водного транспорта широко применяются ИТ-технологии, вполне обоснованной является позиция Л. Ю. Лариной, согласно которой к транспортным преступлениям можно отнести преступления, включенные законодателем в гл. 28 УК РФ («Преступления в сфере компьютерной информации») [26].

Кроме того, к иным преступлениям, связанным с транспортными средствами, Л. Ю. Ларина относит и экологические преступления, приводя в пример ст. 257 УК РФ в части транспортировки древесины и других лесных ресурсов с нарушением правил охраны водных биологических ресурсов, если эти деяния повлекли массовую гибель рыбы или других водных биологических ресурсов, уничтожение в значительных размерах кормовых запасов либо иные тяжкие последствия [25].

Заметим, что согласно официальным статистическим данным ФКУ «ГИАЦ МВД России» по итогам 2020 г. не выявлено ни одного преступления, предусмотренного ст. 257 УК РФ. Как мы уже отмечали ранее, в структуре экологической преступности на транспорте доминируют следующие составы преступлений: незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ — 89,5%), незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (ст. 258¹ УК РФ — 7,1%), незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ — 2,7%).

Полагаем, что к иным преступлениям, связанным с транспортными средствами можно также отнести преступления в сфере незаконного оборота наркотиков¹. По результатам проведенного нами исследования общероссийское значение доли наркопреступлений в структуре всей преступности составляет за последние пять лет в среднем 9,8% (каждое десятое преступление), в то же время, в структуре транспорт-

ной преступности этот показатель достигает 25,6% (каждое четвертое преступление). Одним из объяснений такого соотношения является то, что при незаконной перевозке наркотиков, особенно в целях сбыта, активно используются транспортные средства. Согласно проанализированным материалам следственно-судебной практики, предпочтение отдается железнодорожному (51%) и автомобильному (43%) транспорту.

Ряду преступлений, в числе которых преступления террористического характера, угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведение их в негодность, пиратство, диверсия, незаконный оборот оружия и наркотиков, подделка или уничтожение идентификационного номера транспортного средства, киберпреступления, свойственен транснациональный характер.

Итоги анализа выделенных в уголовно-правовой литературе видов транспортных преступлений (системы норм о транспортных преступлениях), позволяют заключить, что это вполне оправданно, поскольку в абсолютном большинстве случаев каждый из указанных составов соответствует их признакам. Резюмируя вышеизложенное, обозначим их, разместив в порядке значимости: 1) объект преступного деяния (безопасность движения или эксплуатации транспорта); 2) предмет преступного посягательства (транспорт как технологическая система или транспортное средство); 3) причиняют вред объекту преступного деяния в итоге появления внутренней или внешней угрозы безопасности функционирования транспорта; 4) причиняют обозначенные в уголовном законодательстве преступные последствия либо создают угрозу их наступления; 5) совершаются в сфере взаимодействия человека с транспортом.

Безусловно, каждый из перечисленных признаков можно применять в качестве основания не только для

¹ Под наркотиками понимаются наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, а также растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества; прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ; растения, содержащие прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их части, содержащие прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ.

систематизации транспортных преступлений, но и формирования элементов структуры транспортной преступности.

Вместе с тем, учитывая, прежде всего, предмет криминологии и показатели официальной статистической отчетности, отметим, что при определении структуры транспортной преступности должны в значительной мере использоваться следующие признаки:

- 1) категория преступлений (небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие);
- 2) виды транспорта (воздушный, железнодорожный, морской, речной);
- 3) категория потерпевших (иностранцев, граждан и лиц без гражданства, приезжих, сотрудников правоохранительных органов, работников органов власти, водителей транспорта, женщин, несовершеннолетних и др.);
- 4) виды преступлений (насильственные, экономической направленности, коррупционной направленности и др.);
- 5) формы вины (умышленные, неосторожные);
- 6) мотивы преступления (корыстные, сексуальные, хулиганские, вражда, ненависть, месть, ревность и др.);
- 7) цель преступления (незаконное приобретение наркотиков, спиртных напитков, денежных средств; незаконное завладение транспортным средством, грузом, оружием, взрывными устройствами, взрывчатыми веществами, боеприпасами и др.).

По нашему мнению, именно эти признаки, в первую очередь, позволяют, с учетом латентной составляющей, наиболее объективно определить состояние транспортной преступности на определенной территории оперативного обслуживания за определенный период времени.

Мы не претендуем на исчерпывающий перечень оснований деления транспортных преступлений на виды. Безусловно, в криминологических работах решение вопросов, связанных с определением структуры транспортной преступности должно быть подчинено специфике решаемых исследовательских задач.

Учитывая вышеизложенное, транспортная преступность представляет собой сложное социально-правовое, исторически изменчивое, негативное явление, проявляющееся в совокупности транспортных преступлений и лиц, их совершивших, на определенной территории за определенный период времени.

В широком смысле слова можно говорить о том, что структура понятия «транспортная преступность» состоит из трех групп транспортных преступных деяний: 1) преступные деяния против безопасности движения и эксплуатации транспорта; 2) преступные деяния, которые связаны с транспортными средствами и объектами транспортной инфраструктуры; 3) воинские транспортные преступные деяния.

В узком смысле слова транспортная преступность состоит из преступных посягательств, закрепленных гл. 27 УК РФ, т. е. причиняющих вред безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Структура транспортной преступности отличается многообразием, поскольку обусловлена следующими основаниями дифференциации транспортных преступлений: категорией преступления, видами транспорта, категорией потерпевших, видами преступлений, формами вины, мотивами и целями преступления.

Список источников

1. Алексеев Н. С. Транспортные преступления. Ответственность за преступления, посягающие на правильную работу советского транспорта. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1957.
2. Архипцев И. Н. К вопросу о противодействии угрозам террористического характера на объектах транспорта подразделениями МВД России на транспорте // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 2. С. 63–66.
3. Белокобыльский Н. Н. Безопасность движения и эксплуатации железнодорожного транспорта. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. Саранск : Изд-во Сарат. ун-та : Саран. фил., 1988.
4. Белокобыльский Н. Н. Транспортные правонарушения в административном и уголовном законодательстве // Транспортное право. 2003. № 3. С. 25–27.
5. Белокобыльский Н. Н. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1981.
6. Бондарь А. Я., Гудков А. Ю. Понятие и виды преступлений, посягающих на безопасность движения и эксплуатации транспорта // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1(11).
7. Габдрахманов А. Ш. К вопросу о понятии преступлений против безопасности движения и экс-

плуатации транспорта в уголовном праве России // Вестник НЦБЖД. 2012. № 2(12). С. 32–36.

8. Габдрахманов А. Ш. Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта (уголовно-правовые и криминологические аспекты): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007.

9. Горичева В. Л. Криминологическая характеристика транспортного преступления // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 58. С. 111–114.

10. Груздева Л. М. Прогнозирование показателей транспортной преступности на основе статистического анализа // Математические методы в технике и технологиях — ММТТ. 2020. Т. 12-3. С. 85–87.

11. Жулев В. И. Транспортные преступления. Комментарий законодательства. М. : Спарк, 2001.

12. Зворыгина С. А. Уголовно-правовая характеристика специального субъекта транспортного преступления: дисс. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2013.

13. Касынюк В. И. Уголовная ответственность за транспортные преступления. Киев : Вища школа, 1977.

14. Князева Н. А. К вопросу об определении объекта пиратства // Академический юридический журнал. 2015. № 2(60). С. 38–41.

15. Князева Н. А. Пиратство: уголовно-правовая характеристика и вопросы предупреждения. М. : Контракт, 2012.

16. Коробеев А. И. Транспортные преступления. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003.

17. Коробеев А. И. Транспортные преступления и транспортная преступность. М. : Юрлитинформ, 2015.

18. Коробеев А. И., Чучаев А. И. Транспортные преступления: проект новый — недостатки старые // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 10(107). С. 172–189.

19. Криминологическая характеристика транспортной преступности пешеходов: научное издание / науч. ред. А. И. Бойко. М. : Вузовская книга, 2010.

20. Куринов Б. А. Автотранспортные преступления. Квалификация и ответственность. М. : Юридическая литература, 1976.

21. Куринов Б. А. Квалификация транспортных преступлений (ст. 85, 86 УК РСФСР). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1965.

22. Куринов Б. А. О понятии и системе транспортных преступлений в советском законодательстве // Правоведение. 1964. № 3. С. 108–114.

23. Куринов Б. А. Уголовная ответственность за нарушение правил движения на автотранспорте. М. : Госюриздат, 1957.

24. Куринов Б. А. Уголовная ответственность за транспортные преступления по советскому уголовному праву: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1965.

25. Ларина Л. Ю. Понятие преступлений против транспортной безопасности // Юридическое образование и юридическая наука в России: современные тенденции и перспективы развития (к 15-летию юридического факультета Курского государственного университета): сб. мат. всерос. науч.-практ. конф. (Курск, 24–25 мая 2019 г.). Курск : Курский государственный университет, 2019. С. 190–194.

26. Ларина Л. Ю. Система уголовно-правовых норм, обеспечивающих транспортную безопасность // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25. № 4. С. 156–160.

27. Максотов И. Х. Борьба с преступными нарушениями правил, обеспечивающих безопасную работу автотранспорта: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Л., 1959.

28. Мачковский Л. Г. Преступные нарушения правил безопасности движения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1979.

29. Мачковский Л. Г. Совершенствование законодательства об ответственности за преступные нарушения правил безопасности движения // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды. Вып. 13. М. : Изд-во ВНИИСЗ, 1978.

30. Медведев Е. В. Вина в составах транспортных преступлений // Транспортное право. 2019. № 4. С. 30–32.

31. Медведев Е. В. Последствия транспортных преступлений в нормах УК РФ // Транспортное право. 2017. № 3. С. 22–25.

32. Медведев Е. В. Причинная связь в составах нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта (транспортных преступлений) // Безопасность бизнеса. 2018. № 6. С. 16–22.

33. Младенов С. О. К понятию транспортного преступления как объекта криминологического исследования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 3 (116). С. 210–215.

34. Мордюк А. В., Чупанов Н. П. К вопросу о понятии «транспортные преступления» // Аллея науки. 2019. Т. 1. № 12(39). С. 667–671.

35. Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций. В 3 т. Т. 3. Особенная часть. М. : Федеральная палата адвокатов : Информ-Право, 2016.

36. Перфилов В. П. Теоретические и практические вопросы уголовно-правовой квалификации нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

37. Плотников А. И. Квалификация преступных нарушений правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта. М. : ВЮЗИ, 1988.

38. Плотников А. И. Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1984.

39. Пожарский А. Ю. Система норм о транспортных преступлениях в уголовном праве России (становление и развитие): дисс. ... канд. юрид. наук. М. : Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2016.

40. Приказ Минтранса РФ № 52, ФСБ РФ № 112, МВД РФ № 134 от 5 марта 2010 г. «Об утверждении Перечня потенциальных угроз совершения актов незаконного вмешательства в деятельность объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств» // Российская газета. 2010. № 78.

41. Проценко С. В. Транспортные преступления: проблемы понятийного аппарата // Российская юстиция. 2009. № 11. С. 37–39.

42. Саркисян А. Ж. Преступления в сфере информационно-коммуникационных технологий: понятия и особенности // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2020. № 1. С. 69–74.

43. Сверчков В. В. Уголовное право. Общая и особенная части: учеб. пособие. М. : Юрайт, 2011.

44. Сойников М. А. Отдельные процессуальные аспекты возмещения вреда, причиненного транспортными преступлениями // Российский судья. 2019. № 4. С. 8–12.

45. Соктоев З. Б. Транспортные преступления (глава 27 УК РФ) // Качество уголовного закона. Проблемы Особенной части / отв. ред. А. И. Рапог. М. : Проспект, 2017.

46. Суденко В. Е. Транспортные преступления и преступления, совершаемые на транспорте // Транспортное право и безопасность. 2016. № 8(8). С. 44–55.

47. Тарасов С. В. Проблемы определения понятия «транспортные преступления» в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 9-1 (47). С. 170–175.

48. Уголовно-правовые, криминологические и криминалистические аспекты преступлений, связанных с использованием транспортных средств: моногр. / Д. В. Иванов, О. Г. Карнаухова, Е. В. Кузбагарова [и др.]; отв. ред. А. В. Табаков. СПб. : СПбГАСУ, 2020.

49. Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // Российская газета. 1995. № 245.

50. Чучаев А. И. Транспортные преступления: проблемы механизма, квалификации и наказания: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1990.

51. Чучаев А. И., Пожарский А. Ю. Транспортные преступления : понятие, виды, характеристика: моногр. М. : Проспект, 2018.

52. Шарапов Р. Д. Субъект транспортного преступления / Р. Д. Шарапов, С. Н. Шатилович, С. А. Зворыгина. Тюмень : Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018.

References

1. Alekseev N. S. Transport crimes. Responsibility for crimes encroaching on the proper operation of Soviet transport. L. : Publishing House of the Leningrad University, 1957.

2. Arkhptsev I. N. On the issue of countering threats of a terrorist nature at transport facilities by units of the Ministry of Internal Affairs of Russia on transport // Problems of law enforcement. 2015. № 2. P. 63–66.

3. Belokobylsky N. N. Safety of movement and operation of railway transport. Criminal law and criminological problems. Saransk : Sarat Publishing House. un-ta : Saran. phil., 1988.

4. Belokobylsky N. N. Transport offenses in administrative and criminal legislation // Transport law. 2003. № 3. P. 25–27.

5. Belokobylsky N. N. Criminal liability for violation of the rules of traffic safety and operation of railway transport: diss. ... cand. jurid. Sciences. M., 1981.

6. Bondar A. Ya., Gudkov A. Yu. The concept and types of crimes encroaching on the safety of traffic and

operation of transport // Scientific Digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1(11).

7. Gabdrakhmanov A. S. On the question of the concept of crimes against traffic safety and operation of transport in the criminal law of Russia // Bulletin of the National Railways. 2012. № 2(12). P. 32–36.

8. Gabdrakhmanov A. S. Crimes against traffic safety and operation of transport (criminal law and criminological aspects): autoref. diss. ... cand. jurid. sciences. Kazan, 2007.

9. Goricheva V. L. Criminological characteristics of transport crime // Collections of conferences of SIC Sociosphere. 2015. № 58. P. 111–114.

10. Gruzdeva L. M. Forecasting indicators of transport crime based on statistical analysis // Mathematical methods in engineering and technology — MMTT. 2020. Vol. 12-3. P. 85–87

11. Zhulev V. I. Transport crimes. Comment of legislation. M. : Spark, 2001.

12. Zvorygina S. A. Criminal and legal characteristics of a special subject of a transport crime: diss. ... cand. jurid. sciences. Tyumen, 2013.

13. Kasynyuk V. I. Criminal liability for transport crimes. Kiev : Vishcha shkola, 1977.

14. Knyazeva N. A. On the issue of determining the object of piracy // Academic Law Journal. 2015. № 2(60). P. 38–41.

15. Knyazeva N. A. Piracy : criminal-legal characteristics and issues of prevention. M. : Contract, 2012.

16. Korobeev A. I. Transport crimes. St. Petersburg : Law Center Press, 2003.

17. Korobeev A. I. Transport crimes and transport crime. M. : Yurlitinform, 2015.

18. Korobeev A. I., Chuchayev A. I. Transport crimes: new project — old shortcomings // Actual problems of Russian law. 2019. № 10(107). P. 172–189.

19. Criminological characteristics of pedestrian transport crime: scientific edition / Scientific ed. A. I. Boyko. M. : University Book, 2010.

20. Kurinov B. A. Motor vehicle crimes. Qualification and responsibility. M. : Legal literature, 1976.

21. Kurinov B. A. Qualification of transport crimes (Articles 85, 86 of the Criminal Code of the RSFSR). M. : Publishing House of Moscow. un-ta, 1965.

22. Kurinov B. A. On the concept and system of transport crimes in Soviet legislation // Pravovedenie. 1964. № 3. P. 108–114.

23. Kurinov B. A. Criminal liability for violation of traffic rules on motor transport. M. : Gosyurizdat, 1957.

24. Kurinov B. A. Criminal liability for transport crimes under Soviet criminal law: abstract. diss. ... cand. jurid. M.: Publishing House of Moscow. un-ta, 1965.

25. Larina L. Yu. The concept of crimes against transport security // Legal education and legal science in Russia : current trends and development prospects (to the 15th anniversary of the Faculty of Law of Kursk State University): collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Kursk, May 24–25, 2019). Kursk : Kursk State University, 2019. P. 190–194.

26. Larina L. Yu. System of criminal law norms ensuring transport safety // Bulletin of Kostroma State University. 2019. Vol. 25. № 4. P. 156–160.

27. Maksutov I. H. The fight against criminal violations of the rules that ensure the safe operation of vehicles: abstract. diss. ... cand. jurid. sciences. L., 1959.

28. Machkovsky L. G. Criminal violations of traffic safety rules: abstract. diss. ... cand. jurid. sciences. M., 1979.

29. Machkovsky L. G. Improvement of legislation on liability for criminal violations of traffic safety rules // Problems of improving Soviet legislation. Works. Vol. 13. M. : VNIISZ Publishing House, 1978.

30. Medvedev E. V. Guilt in the composition of transport crimes // Transport law. 2019. № 4. P. 30–32.

31. Medvedev E. V. Consequences of transport crimes in the norms of the Criminal Code of the Russian Federation // Transport law. 2017. № 3. P. 22–25.

32. Medvedev E. V. Causal relationship in the composition of violations of traffic safety rules and operation of transport (transport crimes) // Business security. 2018. № 6. P. 16–22.

33. Mladenov S. O. On the concept of transport crime as an object of criminological research // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. № 3 (116). P. 210–215.

34. Mordyuk A. V., Chupanov N. P. On the question of the concept of «transport crimes» // Alley of Science. 2019. Vol. 1. № 12(39). P. 667–671.

35. Naumov A. V. Russian criminal law: a course of lectures. In 3 t. t. 3. Special part. M. : Federal Chamber of Lawyers: Inform-Pravo, 2016.

36. Perfilov V. P. Theoretical and practical issues of criminal law qualification of violations of traffic rules and operation of vehicles: abstract. diss. ... cand. jurid. M., 2008.

37. Plotnikov A. I. Qualification of criminal violations of the rules of traffic safety and operation of railway transport. M. : VYUZI, 1988.
38. Plotnikov A. I. Violation of the rules of traffic safety and operation of railway transport: abstract. diss. ... cand. jurid. M., 1984.
39. Pozharsky A. Yu. The system of norms on transport crimes in the criminal law of Russia (formation and development): diss. ... cand. jurid. M. : Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MGUA), 2016.
40. Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation № 52, FSB of the Russian Federation № 112, Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 134 dated 05.03.2010 «On approval of the List of potential threats to commit acts of unlawful interference in the activities of transport infrastructure and vehicles» // Rossiyskaya Gazeta. 2010. № 78.
41. Protsenko S. V. Transport crimes: problems of the conceptual apparatus // Russian justice. 2009. № 11. P. 37–39.
42. Sarkisyan A. J. Crimes in the field of information and communication technologies: concepts and features // Criminal proceedings: problems of theory and practice. 2020. № 1. P. 69–74.
43. Sverchkov V. V. Criminal law. General and special parts: studies manual. M. : Yurayt, 2011.
44. Soynikov M. A. Separate procedural aspects of compensation for damage caused by transport crimes // Russian judge. 2019. № 4. P. 8–12.
45. Soktoev Z. B. Transport crimes (Chapter 27 of the Criminal Code of the Russian Federation) // The quality of criminal law. Problems of the Special part / ed. A. I. Rarog. M. : Prospect, 2017.
46. Sudenko V. E. Transport crimes and crimes committed on transport // Transport law and security. 2016. № 8(8). P. 44–55.
47. Tarasov S. V. Problems of defining the concept of «transport crimes» in the current criminal legislation of the Russian Federation // Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art criticism. Questions of theory and practice. 2014. № 9-1 (47). P. 170–175.
48. Criminal law, criminological and criminalistic aspects of crimes related to the use of vehicles: monograph / D. V. Ivanov, O. G. Karnaukhova, E. V. Kuzbagarova [et al.]; ed. by A. V. Tabakov. S. Petersburg : SPbGASU, 2020.
49. Federal Law № 196-FZ of 10.12.1995 «On Road Safety» // Rossiyskaya Gazeta. 1995. № 245.
50. Chuchaev A. I. Transport crimes: problems of mechanism, qualification and punishment: diss. ... Doctor of Law, 1990.
51. Chuchaev A. I., Pozharsky A. Yu. Transport crimes: concept, types, characteristics: monograph. M. : Prospect, 2018.
52. Sharapov R. D. The subject of a transport crime / R. D. Sharapov, S. N. Shatilovich, S. A. Zvorygina. Tyumen : Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018.

Информация об авторе

А. В. Борисов — заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминологии Российского университета транспорта, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. V. Borisov — Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Russian University of Transport, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 12.01.2023; одобрена после рецензирования 23.01.2023; принята к публикации 03.02.2023.

The article was submitted 12.01.2023; approved after reviewing 23.01.2023; accepted for publication 03.02.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-56-61>

ИПОН: 2003-0059-1/23-550

MOSURED: 77/27-003-2023-01-749

Понятие репродуктивных прав

Дмитрий Григорьевич Василевич

Gregory_1@tut.by

Аннотация. Исследуются доктринальные источники, законодательство и практика в области определения репродуктивных прав. Подчеркивается, что репродуктивные права, в силу их природы, связаны с иными правами и свободами, прежде всего с такими фундаментальными правами, как право на жизнь, право на охрану здоровья, равноправие мужчины и женщины. Обеспечение репродуктивных прав граждан и содействие формированию высоких репродуктивных потребностей населения является одной из основных задач обеспечения демографической безопасности.

Ключевые слова: репродуктивные права, демографическая безопасность

Для цитирования: Василевич Д. Г. Понятие репродуктивных прав // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 56–61. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-56-61>.

Original article

The concept of reproductive rights

Dmitriy G. Vasilevich

Gregory_1@tut.by

Abstract. The doctrinal sources, legislation, and practice in the field of definition of reproductive rights are examined. It is emphasized that reproductive rights due to their nature are related to other rights and freedoms, primarily related to such fundamental rights as the right to life, the right to health care, equality between men and women. Ensuring the reproductive rights of citizens and promoting the formation of high reproductive needs of the population is one of the main tasks of demographic security.

Keywords: reproductive rights, demographic security

For citation: Vasilevich D. G. The concept of reproductive rights. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):56–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-56-61>.

Среди соматических прав человека одно из важнейших мест занимают репродуктивные права. В предшествующий период традиционно в большей мере исследовались вопросы, касающиеся прав и защиты детей. В настоящее время репродуктивные права оцениваются неоднозначно, что вызывает острые споры. Особенность данных прав заключается в том, что они затрагивают ряд интимных и личных сторон жизни человека. По вопросу репродуктивных прав существуют различные точки зрения. Это понятие вошло в научный оборот в XX в., причем в законодательстве той или иной страны оно может отличаться. Репродуктивные права, в силу их природы, связаны с иными правами и свободами, прежде всего с такими фундаментальными правами, как право на жизнь, право на охрану здоровья, равноправие мужчины и женщины. Так, право на жизнь в контексте репродуктивных прав связано с реше-

нием вопроса о моменте возникновения жизни, правах человеческого эмбриона при решении прервать беременность.

Право на физическую и психическую неприкосновенность в увязке с репродуктивными правами предполагает недопустимость принудительного лишения сексуальных и репродуктивных свойств путем хирургических вмешательств, принудительной стерилизации и т. п. Женщина вправе отказаться от предохранения беременности, нежелательной беременности, операции по искусственному прерыванию беременности и др. Признается принцип равноправия мужчин и женщин при реализации репродуктивных прав: они имеют в целом равную свободу репродуктивного выбора, хотя законодательство и содержит некоторые изъятия, например в отношении права воспользоваться одинокому мужчине услугами суррогатной матери.

© Василевич Д. Г., 2023

Термин «репродуктивный» происходит от латинского *production* — воспроизводство. В контексте понятия «репродуктивный» обычно речь идет о репродуктивном поведении. В литературе [1, с. 26–29; 2, с. 287], как правило, используется определение репродуктивного поведения, предложенное советским демографом В. А. Борисовым, — это система «действий и отношений, опосредующих рождение или отказ от рождения ребенка любой очередности, в браке или вне брака» [3, с. 16].

Одним из важнейших элементов репродуктивного поведения является потребность в детях [2, с. 288].

Среди репродуктивных прав выделяются права, способствующие рождению детей, и права, предполагающие совершенно противоположную цель, — предотвращение зачатия и рождения человека. Таким образом, в данной сфере условно можно выделить позитивные и негативные репродуктивные права. К первым следует относить права, которые реализуются благодаря вспомогательным репродуктивным технологиям.

Необходимо согласиться с мнением, что в настоящее время экономическая составляющая потребности в детях уходит на второстепенный план [4, с. 236]. Однако нельзя ограничиваться только констатацией права женщин на деторождение или на отказ от него. Современное государство, заботящееся о перспективах своего развития, должно беспокоиться о своей демографической безопасности. В этом контексте правильно обращается внимание на проблемы репродуктивного (генеративного) поведения мужчин [5, с. 51]. В. А. Борисов рассматривает репродуктивное поведение как один из важных элементов демографического поведения, предполагающего как рождение ребенка, так и отказ от этого [3, с. 22]. Представитель социологической науки А. И. Антонов считает, что из определения репродуктивного поведения следует исключить «отказ от рождения ребенка любой очередности», так как это уже не репродуктивное поведение, а абортивное или предохраняющее зачатие ребенка поведение [6, с. 362]. Полагаем, что подход А. И. Антонова более точный, поскольку он отражает природу данного понятия.

Правильно подчеркивается, что репродуктивные процессы подкрепляются нормами права, специфика которых прослеживается на примерах последствий, которые наступают при рождении ребенка парами,

состоящими и не состоящими в браке [7, с. 107; 8, с. 122–125]. Весьма ценным и полезным для использования в законодательстве Беларуси является указание в ст. 119 Конституции Швейцарии на то, что человек подлежит защите от злоупотреблений репродуктивной медициной и генной инженерией.

В документах ВОЗ репродуктивные права определяются как право мужчин и женщин получать информацию, пользоваться в соответствии с их выбором безопасным, эффективным, недорогим и доступным способом регулирования рождаемости, а также право на доступ служб здравоохранения, которые обеспечивают женщинам безопасные беременности и роды, создают супружеским парам наилучшие возможности для того, чтобы иметь здорового ребенка [9].

Г. Б. Романовский, увязывая репродуктивные права с правом на жизнь, полагает невозможным вести речь о репродуктивных правах человека как о самостоятельных субъективных правах. Данный автор считает необходимым выделять такие категории, как «репродуктивное здоровье», «репродуктивные возможности» в качестве объектов «регулирования репродуктивной деятельности» со стороны государства. В то же время, предназначением всех репродуктивных правомочий является обеспечение продолжения жизни. Размножение — есть форма реализации жизни, но не каждый его аспект подлежит конституционной защите. Кроме того, регулирование репродуктивных процессов затрагивает личные права граждан, причем в наиболее «чувствительной» сфере, что предполагает повышение роли механизмов общественной саморегуляции [10, с. 11]. Таким образом, по мнению Г. Б. Романовского, «репродуктивные права» нельзя рассматривать как вполне сформировавшуюся научную категорию, относящуюся к субъективным правам; «репродуктивные права» носят несколько условный характер, они не являются самостоятельными субъективными правами, тем более они не являются основными правами человека. Кроме того, регулирование репродуктивных процессов затрагивает личные права граждан [10, с. 11].

О. А. Хазова оценивает репродуктивные права как право всех граждан свободно и самостоятельно решать вопросы, связанные с деторождением, иметь доступ к необходимой для этого информации и медицинской помощи. Защита репродуктивных воз-

возможностей подразумевает конституционную обязанность государства реализовывать всю совокупность мер экономического, социального, культурного, научного, медицинского, санитарно-эпидемиологического характера, направленных на сохранение и укрепление репродуктивного здоровья каждого человека [11, с. 16].

Е. В. Перевозчикова рассматривает репродуктивные права как проявление прав на продолжение рода: принятие решения о зачатии ребенка, планирование количества детей, определение интервалов между их рождением [12, с. 9–10].

Некоторые из репродуктивных прав закреплены в актах законодательства Республики Беларусь, иные указываются в международных актах. Международный подход к репродуктивным правам изложен во Всеобщей декларации прав человека, Воззвании Тегеранской конференции по правам человека, принятом 13 мая 1968 г. [13], Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979 г.) [14], Конвенции ООН о правах ребенка (1989 г.) [15], в материалах международных конференций по проблемам народонаселения и развития (Бухарест, 1974 г.; Мехико, 1984 г.; Каир, 1994 г.), материалах Всемирной конференции по правам человека (Вена, 1993 г.), материалах Всемирной конференции по положению женщины (Пекин, 1995 г.) и др.

В Воззвании Тегеранской конференции, принятом 13 мая 1968 г. Международной конференцией по правам человека, провозглашено, что родители обладают неотъемлемым правом свободно и с чувством ответственности определять число детей и сроки их рождения (п. 16). На конференции в Мехико в 1984 г. было отмечено, что все пары и отдельные лица обладают фундаментальным правом принятия свободного и ответственного решения относительно количества детей и длительности периода между их появлением, а также доступа к информации, просвещению и средствам для обеспечения этого. Изменение подхода проявилось в том, что мировое сообщество стало признавать право на репродукцию не только семей, но и отдельных людей.

Еще более четко вопрос о репродуктивных правах был очерчен на Международной конференции по народонаселению и развитию, состоявшейся в 1994 г. в Каире, а также в Докладе Четвертой Все-

мирной конференции по положению женщин и в принятой Конференцией Платформе действий. В данных документах репродуктивные права определены как состояние полного физического, умственного и социального благополучия. На Международной конференции по народонаселению и развитию (Каир, 1994 г.) акцентировано внимание на таких репродуктивных правах мужчин и женщин, как право на информацию в связи с деторождением, делать любой выбор в данной сфере, если это не противоречит закону, получать медицинскую помощь для охраны своего здоровья и создания условий для рождения здоровых детей.

Таким образом, репродуктивные права представляют собой право всех лиц беспрепятственно принимать решения о количестве своих детей, времени и периодичности их рождения, получать в этих целях необходимую информацию.

Некоторые из репродуктивных прав получают свое обоснование в литературе, т. е. на уровне исследований. По существу, они связаны с конституционным правом на жизнь. Право человека на жизнь получило юридическое закрепление в первую очередь в таких основополагающих международно-правовых актах, как Всеобщая декларация прав человека (ст. 3), Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 6), Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека (ст. 2), а также в ЕКПЧ (ст. 2).

Н. И. Матузов справедливо пишет, что «право на жизнь — первое фундаментальное естественное право человека, без которого все другие права лишаются смысла, ибо покойникам никакие права не нужны» [16, с. 198]. Б. Г. Романовский приходит к выводу, что «текстуальное закрепление содержания права на жизнь строится практически по одинаковой схеме: либо краткая констатация данного права (права на жизнь), либо одновременно фиксируются гарантии недопущения произвольных казней или полного запрета на применение данного вида наказаний» [17, с. 18]. Таким образом, право на жизнь констатируется ученым как факт, либо это право раскрывается с помощью взаимосвязи данного права с одним из его «пределов» — смертной казнью, эвтаназией, абортными и др. Такое содержание права на жизнь и его закрепление в законодательстве Г. Б. Романовский обосновывает «особой структурой права на жизнь, отличающейся от большинства иных субъ-

ективных прав. Именно особая структура предопределяет либо краткую констатацию права, либо определение с фиксацией некоторых исключений» [17, с. 20]. М. Н. Малеина считает, что «право на жизнь состоит из правомочия на сохранение жизни (индивидуальности) и правомочия на распоряжение жизнью» [18, с. 51]. Большое количество позиций ученых относительно права человека на жизнь объединены подходом, согласно которому это право не может ограничиваться не только преступными явлениями (убийство), но и смертной казнью, абортами, эвтаназией и др.

Семья и детство имеют решающее значение для развития государства и общества. Наличие народа является неотъемлемым признаком государства. Чем больше население государства, чем больше в его структуре детей и молодежи, тем больше у него перспектив. В связи с этим защита материнства и детства, семьи носит всесторонний правовой, политический и социально-экономический характер. Она осуществляется государством посредством различных мер по поощрению материнства, защите интересов и прав матери и ребенка, укреплению семьи, ее материальной поддержке. По расчетам ученых, наиболее эффективным средством сохранения национальной и территориальной целостности является активизация демографической политики, направленной на повышение рождаемости и резкое увеличение доли семей с тремя и более детьми посредством системного поощрения семейного образа жизни. Самая большая трудность, связанная с осуществлением демографической политики, лежит в сфере ценностных приоритетов [19, с. 163]. Однако, к сожалению, заметно формирование и у нас «европейского репродуктивного поведения» (увеличение возраста, в котором происходит рождение детей, приоритет карьеры и т. п.), что отрицательно сказывается на здоровье потомства и самих женщин [20, с. 39–40], хотя ранее демографы и социологи прогнозировали постоянное стремление к многодетности [21, с. 114].

В современных условиях не только правотворчество, но и правоприменение являются важнейшими направлениями правовой политики в области защиты прав детей [22, с. 79–80], в том числе оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Репродуктивные права определяются как возможность для всех супружеских пар и отдельных лиц свободно принимать решение относительно ко-

личества своих детей, интервалов между их рождением, времени их рождения и располагать для этого необходимой информацией и средствами. Обеспечение репродуктивных прав граждан и содействие формированию высоких репродуктивных потребностей населения является одной из основных задач обеспечения демографической безопасности.

Еще 18–20 лет назад отмечался значительный законодательный вакуум в области обеспечения репродуктивных прав граждан; сейчас ситуация исправляется. Проблема заключается в реализации гражданами норм законодательства. Правильно также обращается внимание на ответственность самих граждан за поддержание соматического здоровья [23, с. 17; 24, с. 11–12]. Эти идеи восприняты в конституциях и текущем законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь.

Список источников

1. Мишукова А. С. Репродуктивное поведение как культурологический термин // *Философия и культурология*. 2012. № 8 (26). С. 26–29.
2. Литовка В. А. Теоретические основы анализа репродуктивного поведения // *Общество и право*. 2012. № 5 (42). С. 286–290.
3. Борисов В. А. Перспективы рождаемости. М. : Статистика, 1976.
4. Шестаков К. А. Аксиологический фактор в теории демографического перехода // *Вестн. СамГУ*. 2008. № 4 (63). С. 235–243.
5. Давлетшина Л. А. Методологические основания анализа генеративного поведения мужчин // *Уч. зап. Крым. федер. ун-та имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Спецвыпуск*. 2019. № 1. С. 51–55.
6. Антонов А. И. Социология семьи. М. : ИНФРА, 2005.
7. Балакирева К. В. Репродуктивные права гражданина Российской Федерации // *Медицина и здравоохранение: V междунар. науч. конф.* (Казань, май 2017 г.): сб. ст. / гл. ред. И. Г. Ахметов. Казань, 2017. С. 106–109.
8. Гатауллина Д. Д. Проблемы правового регулирования искусственной репродукции человека // *Молодой ученый*. 2017. № 42. С. 122–125.
9. Репродуктивное здоровье // *Всемирная организация здравоохранения* // URL://http://www.who.int/topics/reproductive_health/ru/

10. Романовский Г. Б. Теоретические проблемы права человека на жизнь: конституционно-правовое исследование: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Пенза, 2006.
11. Хазова О. А. Репродуктивные права в России: пределы законодательного регулирования // Конституц. право: восточноевроп. обозрение. 2000. № 4. С. 15–24.
12. Перевозчикова Е. В. Конституционное право на жизнь и репродуктивные права человека: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань: Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2006.
13. Воззвание Тегеранской конференции: принято 13 мая 1968 г. на междунар. конф. по правам человека в Тегеране // Организация Объединенных Наций // URL://https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/st_hr1_57.shtml.
14. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: принята резолюцией 34/180 Генер. Ассамблеи от 18 декабря 1979 г. // Организация Объединенных Наций // URL://http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml.
15. Конвенции о правах ребенка. Заключена в Нью-Йорке 20 ноября 1989 г. (ред. от 21 декабря 1995 г.) // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Мн., 2022.
16. Матузов Н. И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов // Правоведение. 1998. № 1. С. 198–212.
17. Романовский Г. Б. Гносеология права на жизнь. СПб.: Юрид. пресс Центр, 2003.
18. Малеина М. Н. О праве на жизнь // Советское государство и право. 1992. № 2. С. 50–59.
19. Антонов А. И., Борисов В. А. Проблемы демографического социального развития // Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики. М.: Ключ-С, 2006.
20. Герасимович Г. И. Рождаемость и здоровье // Здоровье. 2019. № 6 (867). С. 39–45.
21. Антонов А. И. Проблемы социологического изучения репродуктивного поведения семьи // под ред. Д. Ф. Козлова, А. П. Куприяна. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974.
22. Абрамов В. И. Правовая политика современного российского государства в области защиты прав детей // Государство и право. 2004. № 8. С. 79–84.
23. Скугаревская М. М. Физическая активность и психическое здоровье // Здоровье. 2019. № 7 (868). С. 17–23.
24. Епифанова А. К., Сурмач М. Ю. Управляемые факторы качества жизни женщин во время беременности // Здоровье. 2019. № 11 (872). С. 11–16.

References

1. Mishukova A. S. Reproductive behavior as a culturological term // Philosophy and culturology. 2012. No. 8 (26). P. 26–29.
2. Litovka V. A. Theoretical foundations of the analysis of reproductive behavior // Society and law. 2012. No. 5 (42). P. 286–290.
3. Borisov V. A. Prospects of fertility. M.: Statistics, 1976.
4. Shestakov K. A. Axiological factor in the theory of demographic transition // Vestn. SamGU. 2008. No. 4 (63). P. 235–243.
5. Davletshina L. A. Methodological foundations of the analysis of generative behavior of men // Uch. zap. Crimea. feder. V. I. Vernadsky University of Sociology. Pedagogy. Psychology. Special Issue. 2019. No. 1. P. 51–55.
6. Antonov A. I. Sociology of the family. M.: INFRA, 2005.
7. Balakireva K. V. Reproductive rights of a citizen of the Russian Federation // Medicine and Healthcare: V International Scientific Conference. (Kazan, May 2017): collection of articles / Chief editor I. G. Akhmetov. Kazan, 2017. P. 106–109.
8. Gataullina D. D. Problems of legal regulation of artificial human reproduction // Young scientist. 2017. No. 42. P. 122–125.
9. Reproductive health // World Health Organization // URL://http://www.who.int/topics/reproductive_health/ru/
10. Romanovsky G. B. Theoretical problems of the human right to life: constitutional and legal research: abstract. diss. ... Dr. jurid. sciences'. Penza, 2006.
11. Khazova O. A. Reproductive rights in Russia: limits of legislative regulation // Constitution. Law: Eastern Europe. review. 2000. No. 4. P. 15–24.
12. Perevozchikova E. V. Constitutional right to life and reproductive human rights: abstract. diss. ... cand. jurid. sciences'. Kazan: Kazan State University named after V. I. Ulyanov-Lenin, 2006.

13. Appeal of the Tehran Conference: adopted on May 13, 1968 at the International Conference on Human Rights in Tehran // United Nations // URL://https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/st_hr1_57.shtml.

14. Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women: adopted by General resolution 34/180. Assembly of December 18, 1979 // United Nations // URL://http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml.

15. Convention on the Rights of the Child. Concluded in New York on November 20, 1989 (ed. of December 21, 1995) // ConsultantPlus. Belarus / LLC «Yur-Spektr», National Legal Information Center of the Republic of Belarus. Mn., 2022.

16. Matuzov N. I. The right to life in the light of Russian and international standards // *Pravovedenie*. 1998. No. 1. P. 198–212.

17. Romanovsky G. B. Epistemology of the right to life. St. Petersburg : Yurid. press Center, 2003.

18. Maleina M. N. On the right to life // *The Soviet state and law*. 1992. No. 2. P. 50–59.

19. Antonov A. I., Borisov V. A. Problems of demographic social development // *Dynamics of the population of Russia in the XXI century and priorities of demographic policy*. M. : Klyuch-S, 2006.

20. Gerasimovich G. I. Fertility and health // *Healthcare*. 2019. No. 6 (867). P. 39–45.

21. Antonov A. I. Problems of sociological study of reproductive behavior of the family // edited by D. F. Kozlov, A. P. Kupriyan. M. : Publishing House of Moscow. University, 1974.

22. Abramov V. I. Legal policy of the modern Russian state in the field of protection of children's rights // *State and law*. 2004. No. 8. P. 79–84.

23. Skugarevskaya M. M. Physical activity and mental health // *Healthcare*. 2019. No. 7 (868). P. 17–23.

24. Epifanova A. K., Surmach M. Yu. Controlled factors of women's quality of life during pregnancy // *Healthcare*. 2019. No. 11 (872). P. 11–16.

Информация об авторе

Д. Г. Василевич — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

D. G. Vasilevich — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 26.12.2022; принята к публикации 18.01.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 26.12.2022; accepted for publication 08.01.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-62-66>

ИПОН: 2003-0059-1/23-551

MOSURED: 77/27-003-2023-01-750

Система государственной службы и применение специальных мер принуждения как ее системообразующий критерий

Максим Александрович Вашаев¹, Владимир Николаевич Закопырин²

¹ Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия, vashaev_m@rfmumvd.ru

² Академия Федеральной службы исполнения наказаний России, Рязань, Россия, bob503660@yandex.ru

Аннотация. Прослеживается тенденция увеличения видов государственной службы. Рассматривается система государственной службы с точки зрения ее образующих критериев. Обосновывается необходимость законодательного определения критериев выделения элементов системы государственной службы (видов государственной службы), в том числе применения мер специального принуждения государственными служащими.

Ключевые слова: система государственной службы, применение специальных мер принуждения, виды государственной службы, прохождение службы, исполнение полномочий

Для цитирования: Вашаев М. А., Закопырин В. Н. Система государственной службы и применение специальных мер принуждения как ее системообразующий критерий // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 62–66. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-62-66>.

Original article

The system of public service and the use of special coercive measures as its system-forming criterion

Maxim A. Vashaev¹, Vladimir N. Zakopyrin²

¹ Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Ryazan', Russia, vashaev_m@rfmumvd.ru

² Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, bob503660@yandex.ru

Abstract. There is a tendency to increase the types of public service. The system of public service is considered from the point of view of its forming criteria. The necessity of legislative definition of criteria for the allocation of elements of the public service system (types of public service), including the use of special coercive measures by public servants, is substantiated.

Keywords: public service system, application of special coercive measures, types of public service, service, execution of powers

For citation: Vashaev M. A., Zakopyrin V. N. The system of public service and the use of special coercive measures as its system-forming criterion. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):62–66. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-62-66>.

Специфика государственной службы, по сравнению с другими видами деятельности, обусловлена особым проявлением государственной формы воздействия на общественные процессы через осуществление государственного управления. Сам процесс функционирования государственного служащего не направлен на создание материальных ценностей, поэтому неслучайно в законе «О системе государственной службы Российской Федерации» (далее — Закон «О системе государственной службы») законодатель определил, что под государственной службой следует понимать профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации по обеспече-

нию исполнения полномочий России, ее субъектов, федеральных и региональных государственных органов, а также лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Как социально-правовой институт государственная служба представляет собой систему, т. е. взаимосвязь его с понятиями целостности, структуры, связи, элемента, отношения и др. Система государственной службы состоит из совокупности взаимообусловленных, взаимоувязанных элементов и предполагает зависимость каждого ее элемента от его места, функций и т. д. внутри самой системы.

© Вашаев М. А., Закопырин В. Н., 2023

Многообразие задач и функций управленческой деятельности обуславливает существование множества форм государственного управления, предусмотренных правовыми нормами. Каждый орган публичного управления и его служащие, исходя из возложенных на них функций и задач, действуют в определенных формах с присущими им методами государственного управления. Поэтому неслучайно в органах государственной власти предусматривается несколько видов государственной службы, что, по нашему мнению, является подтверждением целостности системы государственной службы.

Впервые законодатель ввел понятие «система государственной службы» в 2003 г. в Федеральном законе от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации». Изначально система государственной службы включала в себя государственную гражданскую, военную и правоохранительную службу. Однако, данная система не получила своего развития в полной мере. В 2011 г. в нарушение Закона «О системе государственной службы» принимается Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Нарушение состояло в том, что в действующей редакции Закона «О системе государственной службы» было прописано, что новые виды федеральной государственной службы устанавливаются путем внесения изменений и дополнений в этот закон, однако, этого не было сделано. Формально служба в ОВД не являлась элементом системы государственной службы. Важно отметить, что формирование системы элементов государственной службы в современном виде, существенно изменившее ее видовое содержание, связано с преобразованиями законодательства в 2015 г. Данные весьма принципиальные преобразования позволят рассматривать государственную службу через совокупность элементов: государственной гражданской, военной и государственной службы иных видов. Анализ юридической литературы позволяет сделать вывод, что замена правоохранительной службы на службу иных видов обусловлена не сформированной позицией законодателя в отношении сущности и содержания такой юридической категории, как «правоохранительный орган» и не определенностью единого понимания, каким критериям и параметрам он должен соответствовать. Однако мы солидарны с выво-

дами В. П. Уманской, Ю. В. Малевановой о том, что такое обоснование не может рассматриваться как истинная причина отсутствия закона о правоохранительной деятельности [1]. Следует заметить, что с термином «служба иных видов» может повториться та же история, что и с правоохранительной службой, так как данный термин в законодательстве не раскрыт.

На первый взгляд, с элементами системы государственной службы такими, как государственная гражданская и военная служба, все относительно понятно. Однако встает справедливый вопрос: а что такое государственная служба иных видов? При детальном изучении действующего законодательства [2] можно сделать вывод, что к государственной службе иных видов можно отнести практически все остальные виды государственной службы: в ОВД, в УИС, в Следственном комитете, в органах принудительного исполнения, в таможенных органах, в органах прокуратуры и др. Если вести речь о видах государственной службы, то можно предположить, что видов государственной службы не три, как прописано в законе, а неопределенно много, что не поддается систематизации.

Еще в 2004 г. Ю. Н. Старилов писал, что критическому обсуждению подлежит сама концепция и идеология нормативной модели системы российской государственной службы, отсутствие в Законе «О системе государственной службы» логики регулирования государственно-служебных отношений, неясность многих положений [3]. Действительно, в названном законе не описываются критерии образования и выделения элементов системы государственной службы.

Неопределенность системообразующих критериев системы государственной службы привело к «параду» видов государственной службы [2]. Многие федеральные органы власти проявляют заинтересованность в «своем» законе о виде государственной службы. Так, в 2017 г. Верховным Судом РФ был внесен проект Федерального закона «О государственной судебной службе Российской Федерации» (см.: URL://<http://asozd.duma.gov.ru/> по состоянию на 14 февраля 2017 г.). Законопроектом предусматривалось введение отдельного вида государственной службы Российской Федерации — государственной судебной службы Российской Федерации, а также установление статуса государственного служащего судебной службы, правовых, организационных и финансово-экономических условий прохождения государственной судебной службы в аппаратах Верховного Суда

Российской Федерации, судов общей юрисдикции и федеральных арбитражных судов.

Однако, в заключении Правительства РФ от 10 февраля 2017 г. № 946п-П17 «На проект федерального закона «О государственной судебной службе Российской Федерации» указывалось, что большинство положений законопроекта, регламентирующих вопросы поступления на государственную судебную службу, ее прохождения и прекращения, дублируют положения Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» либо схожи с ними. В заключении Комитета по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления от 13 апреля 2021 г. «На проект федерального закона № 102341-7 «О государственной судебной службе Российской Федерации констатировалось, что большинство норм законопроекта дублируют положения Федерального закона № 79-ФЗ либо схожи с ними. В этой связи Комитет не поддержал концепцию законопроекта и рекомендовал Государственной Думе отклонить его при рассмотрении в первом чтении.

Мы солидарны с этими мнениями. Во-первых, закон о конкретном виде государственной службы должен регулировать ее прохождение (поступление, назначение на должность, перемещение по службе и др., включая увольнение со службы). Во-вторых, как справедливо отмечается в заключении Правительства РФ от 10 февраля 2017 г. № 946п-П17, данный законопроект не содержит достаточных обоснований, подтверждающих специфику служебной деятельности в судебных органах, обуславливающих необходимость выделения государственной судебной службы из государственной гражданской службы.

Принимая во внимание вышесказанное, не совсем понятно существование как минимум трех идентичных федеральных законов: о службе в ОВД, о службе в УИС и службе в органах принудительного исполнения. Содержание названных законов, за небольшим исключением, практически слово в слово дублируют нормы друг друга [4]. Спрашивается, какова целесообразность их существования и как они вписываются в систему государственной службы?

Правовое положение государственного служащего определяется как законом о виде государственной службы (данный закон должен регулировать только прохождение службы), так и законами, регламентирующими специфику его служебной деятельно-

сти. По нашему мнению, именно выполняемые функции могут стать одним из критериев определения элементов системы государственной службы. Данное предположение полностью подтверждается и выводами, изложенными в заключении Правительства РФ от 10 февраля 2017 г. № 946п-П17, указывающими на обязательность учета специфики служебной деятельности государственных служащих при вычленении нового вида государственной службы. К такому же выводу пришел и А. А. Гришковец, который, дискутируя с Б. В. Россинским, считает, что при определении видовой принадлежности государственной службы следует учитывать не наличие или отсутствие у государственного служащего специального звания или дипломатического ранга, а то, какую должность государственной службы он замещает и какие полномочия по ней реализует [5].

Не остается сомнений в том, что одним из системообразующих критериев определения элементов системы государственной службы являются выполняемые функции государственной службы, специфика служебной деятельности государственных служащих. Так, специфика военной службы связана с системной реализацией мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории. Военнослужащие имеют право на применение огнестрельного оружия и боевой техники.

Государственная гражданская служба (далее — ГГС) предназначена для выполнения функций по контролю и надзору в сфере государственного управления, исполнения правотворческих и правоприменительных функций, оказания государственных услуг и управления государственным имуществом и т. п.

Служба иных видов, несмотря на разнообразие видов государственной службы, входящих в этот элемент системы государственной службы, связана с реализацией правоохранительных функций государства [6, с. 60–70]. Сотрудники этих видов государственной службы обеспечивают полномочия федеральных государственных органов, связанные с предупреждением, пресечением, раскрытием преступлений и правонарушений, охраной общественного порядка, обеспечением общественной безопасности и т. п.

Государственное управление предполагает не только применение мер убеждения, но и применение мер государственного принуждения. Соответственно, все государственные служащие имеют право на

применение мер принуждения. Вопрос только в компетенции государственных служащих в использовании видов мер принуждения в своей деятельности. Так, служба иных видов изначально предполагает право на применение мер принуждения не только общего характера, но и специального, в том числе огнестрельного, оружия.

Исходя из специфики служебной деятельности ГГС не должны быть наделены правом применения специальных мер принуждения (применение физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия). Наше предположение подтверждается и проводимой реформой системы государственной службы. Вплоть до 2019 г. в ФССП России имела только государственная гражданская служба и государственные гражданские служащие наделялись правом на применение мер специального принуждения. Так, на основании Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах» судебные приставы по обеспечению установленного порядка деятельности судов, являясь ГГС, могли применять специальные меры принуждения. С принятием Федерального закона от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» государственная служба в ФССП России разделилась на два вида: ГГС (государственные гражданские служащие) и служба в органах принудительного исполнения (сотрудники). Сотрудники, находящиеся на должностях судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов, получили исключительное право на применение специальных мер принуждения. Конечно, не совсем ясно, почему судебные приставы-исполнители, являясь сотрудниками (указ Президента РФ от 1 января 2020 г. № 1 «О некоторых вопросах Федеральной службы судебных приставов»), не вправе применять оружие; право на применение специальных мер принуждения по-прежнему осталось у судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов (ст. 15-18 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации»).

Требуют своего разрешения и вопросы прохождения службы в органах, обеспечивающих транспортную безопасность (далее — ТБ), в частности, в Федеральной службе по надзору в сфере транспорта.

В указанной федеральной службе имеется только один вид государственной службы — ГГС. Однако, работники подразделений транспортной безопасности имеют право на применение даже боевого ручного стрелкового оружия (ст. 12.3 Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности»). В соответствии с логикой законодателя, нам надо ожидать принятия очередного федерального закона «О службе в органах транспортной безопасности».

К сожалению, законодатель путает прохождение государственной службы с государственной службой в органе публичной власти. Так, в одноименных законах (О службе в ОВД, УИС, органах принудительного исполнения) в ст. № 2 подчеркивается, что в государственном органе есть служба в качестве сотрудников и ГГС. Получается, что законы о прохождении конкретного вида государственной службы определяют виды службы в том или ином органе государственной власти. Учитывая количество ФИОВ, мы затрудняемся даже предположить количество таких законов. Принятие указанных законов еще более усложнит систематизацию государственной службы, поставит под сомнение системность государственной службы.

Как мы писали выше, специфика правового положения государственного служащего, проходящего службу в конкретном органе власти, отражается в федеральных и региональных законах, определяющих компетенцию органа власти. Так, КоАП РФ определяет полномочия органов власти и их должностных лиц по составлению протоколов об административных правонарушениях, рассмотрению административных дел, применению мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях; Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» устанавливает обязанности и права сотрудников, исполняющих наказания, основания применения ими специальных мер принуждения и т. п.

Мы полагаем, что назрела настоятельная необходимость законодательного признания разделения понятий прохождения государственной службы и государственной службы в органе власти и управления. Кроме того, надо проработать вопрос о возвращении к изначальной системе государственной службы, где третьим элементом будет правоохранительная служба.

Процесс прохождения службы государственными служащими должен быть определен только в законодательном акте о виде государственной службы, при этом правовое положение государственного служащего, обусловленное его функционированием, — специальными законами. Виды государственной службы в органах государственной власти целесообразно установить и конкретизировать в положении о них.

Реализация данных предложений позволит, с одной стороны, придать системность институту государственной службы, с другой стороны, систематизировать действующее законодательство о компетенциях государственных служащих по исполнению своих полномочий.

Список источников

1. Уманская В. П., Малеванова Ю. В. Государственное управление и государственная служба в современной России: моногр. М. : Норма, 2020.
2. Закопырин В. Н. Государственная служба в ФСИН России: состояние и перспективы: IV междунар. пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». Рязань : Академия ФСИН России, 2019. С. 89–92.
3. Стариков Ю. Н. Что происходит с институтом российской государственной службы? // Журнал российского права. 2004. № 9.
4. Закопырин В. Н., Тимохов В. П. Дисциплинарная ответственность в органах внутренних дел: моногр. Рязань, 2022.

Информация об авторах

М. А. Вапшаев — заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

В. Н. Закопырин — доцент Института Академии ФСИН России по кафедре административного и финансового права.

Information about the authors

M. A. Vashaev — Deputy Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

V. N. Zakopyrin — Associate Professor at the Institute of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Department of Administrative and Financial Law.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 27.09.2022; принята к публикации 02.12.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 27.09.2022; accepted for publication 02.12.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-67-72>

НИОН: 2003-0059-1/23-552

MOSURED: 77/27-003-2023-01-751

Некоторые проблемы обеспечения общественной безопасности на территории Донбасса в связи с санкционной агрессией

Алексей Михайлович Воронов

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия, vnii-nic-4@eandex.ru

Аннотация. Анализируется деятельность правоохранительных органов в условиях социальной напряженности на территории Донбасса; отмечается, что их существенным резервом является содействие гражданского общества, негосударственных общественных организаций правоохранительной направленности и простых граждан в обеспечении общественной безопасности. По мнению автора, данный потенциал следует более широко задействовать на освобожденных территориях Донбасса в оказании содействия военно-гражданским администрациям, поскольку вопросы демилитаризации и денацификации должны быть неразрывно связаны с возобновлением мирной жизни в освобожденных российской армией городах и селах, обеспечением защищенности граждан.

Ключевые слова: общественная безопасность, гражданское общество, негосударственные общественные организации, военно-гражданские администрации, терроризм

Для цитирования: Воронов А. М. Некоторые проблемы обеспечения общественной безопасности на территории Донбасса в связи с санкционной агрессией // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 67–72. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-67-72>.

Original article

Some problems of ensuring public safety in the territory of Donbass in connection with sanctions aggression

Alexey M. Voronov

All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, vnii-nic-4@eandex.ru

Abstract. The activities of law enforcement agencies in conditions of social tension on the territory of Donbass are being analyzed; it is noted that their essential reserve is the assistance of civil society, non-governmental public organizations of law enforcement orientation and ordinary citizens in ensuring public safety. According to the author, this potential should be more widely used in the liberated territories of Donbass in providing assistance to civil-military administrations, since the issues of demilitarization and denazification should be inextricably linked with the resumption of peaceful life in cities and villages liberated by the Russian army, ensuring the protection of citizens.

Keywords: Public security, civil society, non-state public organizations, military-civil administrations, terrorism

For citation: Voronov A. M. Some problems of ensuring public safety in the territory of Donbass in connection with sanctions aggression. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):67–72. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-67-72>.

После начала Российской военной операции на Украине Запад усилил санкционное давление на Россию. Многие страны объявили о заморозке российских активов, стали отказываться от энергоносителей из России, однако эти меры обернулись очень существенными проблемами для самих США и Европы и привели к росту цен на продукты питания и топлива, что привело к массовому недовольству большинства населения и проведению протестных акций против правящего политического режима.

Как отмечал президент Российской Федерации В. В. Путин, санкции нанесли серьезный удар по всей мировой экономике, основная их цель — ухудшить жизнь миллионов людей. Тем не менее, по его сло-

вам, нынешние события подводит черту под глобальным доминированием Запада и в политике, и в экономике [7].

В условиях напряженной геополитической обстановки, вызванной, прежде всего, санкционным давлением США и ряда Западных стран на Российскую Федерацию в связи с проведением специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины и освобождению Донецкой и Луганской республик, перед правоохранительными органами, и в частности, МВД России остро встает вопрос обеспечения защищенности всех сторон общественной жизни — экономической, политической, социальной и духовной. При этом при оценке скла-

© Воронов А. М., 2023

дывающейся оперативной обстановки также следует учитывать факторы социальной напряженности, складывающейся в стране. Уже третий год в мировом социуме бушует пандемия коронавируса COVID-19, при этом Российской Федерации не стала исключением. Как показывает статистика, в последнее время наметилась устойчивая тенденция подъема заболеваемости как во всем мире, так и в Российской Федерации, что негативно влияет на морально-психологическое состояние общества.

Постоянные катаклизмы: пожары, наводнения, землетрясения и прочие негативные явления также являются негативными факторами, влияющими на состояние социальной напряженности Российской Федерации. Все вышеуказанные и многие другие факторы следует учитывать органами внутренних дел при осуществлении охраны общественного порядка, обеспечении общественной безопасности и борьбы с преступностью.

Существенным резервом здесь является содействие гражданского общества, негосударственных общественных организаций правоохранительной направленности и простых граждан правоохранительным органам в обеспечении общественной безопасности.

Стратегия национальной безопасности 2021 г. напрямую прописывает положение о том, что обеспечение общественной безопасности реализуется органами публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества и организациями политических, правовых, военных, социально-экономических, информационных, организационных и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности. При таком подходе в Стратегическом документе такого уровня впервые прописываются положения о том, что институты гражданского общества и организации, на наш взгляд именно правоохранительной направленности наряду с органами публичной власти, являются субъектами системы обеспечения безопасности. При этом система обеспечения безопасности представляет собой совокупность органов публичной власти и находящихся в их распоряжении инструментов, а точнее институтов гражданского общества, осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности [4].

Думается, данный потенциал следует более широко задействовать на освобожденных территориях Донбасса в оказании содействия органам правопорядка. В настоящее время остро встал вопрос о созда-

нии системы военно-гражданских администраций на освобождаемых территориях, поскольку вопросы демилитаризации и денацификации должны быть неразрывно связаны с возобновлением мирной жизни в освобожденных российской армией городах и селах.

В целом, главная задача военно-гражданских администраций на освобождаемых территориях заключается, прежде всего, в том, чтобы обеспечить нормализацию мирной жизни населения в переходный период до полного окончания военных действий, в создании условий для проведения законных выборов на местах в органы управления и формирования органов охраны общественного порядка.

Также задачами военно-гражданских администраций являются, прежде всего: обеспечение безопасности и борьба с преступностью; возобновление и обеспечение работы систем жизнеобеспечения населения; распределение гуманитарной помощи; возобновление работы коммунальных служб; обеспечение функционирования систем здравоохранения и образования; обеспечение работы общественного транспорта; восстановление разрушенной инфраструктуры; возобновление функционирования денежно-кредитных и торговых учреждений и проч.

Представляется целесообразным в составе военно-гражданской администрации того или иного города или населенного пункта создание оперативного штаба по взаимодействию органов государственной власти, вооруженных сил, МВД России, МЧС и иных заинтересованных органов и общественных организаций, в том числе правоохранительной направленности, по координации сил и средств, задействованных в обеспечении общественной безопасности, борьбе с преступностью и профилактике правонарушений.

Здесь следует особо отметить волонтерское движение, закрепленное в новой редакции Основного закона и зарекомендовавшее себя с наилучшей стороны в период пандемии коронавируса. Волонтеры, выполняя свой гражданский долг, по велению сердца принимали активное участие в помощи престарелым гражданам в доставке продуктов и медицинских препаратов, разъяснении данной категории лиц правил поведения и соблюдения карантинных мер, оказании всесторонней помощи благотворительным фондам в помощи малоимущим и инвалидам. Совместно с органами внутренних дел, в составе добровольных народных дружин патрулировали территорию, выявляли подозрительных лиц и осуществляли профилактику правонарушений среди несовершеннолетних.

Росмолодежь и Ассоциация волонтерских центров в соответствии с указом президента Владимира Путина открыли набор волонтеров, которые примут участие в гуманитарных миссиях в Донецкой и Луганской народных республиках.

С помощью гуманитарных миссий добровольцы из России и жители Донбасса смогут консолидировать усилия и оказать помощь на территориях: разбор завалов, восстановление инфраструктуры, помощь школьникам в освоении учебной программы, организации досуга малышей, оказание психологической поддержки и многое другое. Это все необходимо для формирования гражданского общества, восстановления территорий и мирной жизни в Донбассе [8].

Вновь обращаясь к вопросам безопасности уместно отметить, что США и страны Запада проводят гибридную войну в отношении России. Военные теоретики прошлого говорили, что в противостоянии будущего линия фронта будет проходить не между государствами, а внутри каждой конкретной страны, конкретно в головах гражданского населения. Сегодня это будущее наступило. Идет гибридная война, которая подразумевает поражение населения так называемым «когнитивным оружием», под которым понимается внедрение в интеллектуальную среду страны противника ложных научных теорий, парадигм, концепций, стратегий, влияющих на ее государственное управление в сторону ослабления оборонно-значимых национальных потенциалов [6].

Общеизвестно, что Запад ведет против России перманентно продолжающуюся информационную войну с целью ослабить ее позиции как ведущей мировой державы. Интенсификация агрессивного информационного воздействия Запада связана с тем, что страна фактически вернула себе статус утраченного после распада СССР второго полюса, удерживающего мир в глобальном равновесии.

Невоенное противостояние, а точнее «холодная война» с Западом после распада СССР не прекращается ни на минуту. Это экспансия в части языка, веры, образования, культуры, морали, истории и прочих духовных и нравственных ценностей, и от адекватных оценок сегодняшних угроз в этой сфере зависит суверенитет и национальная безопасность России [5].

Проведение гибридной войны силами протестных групп в гражданском обществе мы сейчас наблюдаем и на Украине, и в Грузии, и в Молдавии. Совмещение интересов молодежи и пенсионеров, хлесткие социальные лозунги в сочетании с манипулированием общественным мнением и сознанием

приводят к длительным массовым протестным действиям, перерастающим, порой, в так называемые «цветные революции», целью которых является дестабилизация политической обстановки и свержения законной власти.

При этом следует обратить внимание, что в событиях в Республике Беларусь (2021 г.) и Республике Казахстан (2022 г.) к существующим протестным движениям внутри государств были подключены сторонние, а точнее зарубежные, специально обученные силы боевиков международных террористических организаций. Был активно применен канал переброса участников террористической деятельности под видом туристов либо просто граждан иностранных государств. Скоординированные действия иностранных спецслужб позволили по заранее намеченному плану сконцентрировать их в нужное время, в нужном месте. Тем самым был спланирован успех в реализации намеченных ими планов. Своевременные действия контрразведывательных органов вскрыли намерения иностранных спецслужб, а организованные и четкие действия правоохранительных органов и армейских подразделений позволили взять ситуацию под контроль и принять эффективные меры по пресечению противозаконной деятельности участников террористических организаций.

Социальная напряженность, вызванная перечисленными ранее факторами, негативно влияет на настроения в обществе, мнение граждан в отношении органов публичной власти, имидж руководства страны, сложившийся, в том числе с подачи представителей западных специальных служб, а также средств массовой информации, которые пытаются переформатировать массовое сознание гражданского общества далеко не в пользу России.

Здесь уместно отметить, что когнитивное оружие выступает в качестве детонатора для нового оружия противостояния — концентриального. Концентриальная угроза национальной безопасности представляется собой технологию работы с сознанием (по лат. — *conscientia*), которая нацелена на поражение и уничтожение определенных форм и структур сознания, а также некоторых режимов его функционирования. Это технология работы с сознанием, когда линия фронта проходит в головах людей.

Данная технология хорошо отработана и внедрена специальными службами США не только в отношении своих граждан, но и правящих элит Евросоюза. Сегодня на Западе одним из основных трендов является воспитание и выращивание так называемых

«служебных людей». Суть здесь заключается в том, что они хорошо знают свою узкую специализацию и способны беспрекословно выполнять задачи, поставленные в ее рамках, при этом за границами этого коридора они ничем не интересуются и беспрекословно выполняют команды правящих элит.

Именно такие методы нам навязывают наши зарубежные оппоненты, стремясь к деградации и атомизации нашего общества. Одним из вызовов национальной безопасности современной России может послужить аннулирование Шенгенских виз для всех граждан, а не только подпадающих под европейские санкции. В связи с конфликтом на Украине, ее президент потребовал от ЕС закрыть свои границы не только для российских политиков и бизнесменов, попавших под «именные санкции», но и для всех обладателей российского паспорта без исключения, чтобы они «жили в своем собственном мире, пока не изменят свою философию». Безоговорочно этот призыв поддержали три экс-советские прибалтийские республики и экс-соцлагерь в лице Польши, Чехии и Словакии. Остальные либо спорят, либо отмалчиваются. По словам некоторых западных политиков, посещение Евросоюза является не просто правом граждан на свободное перемещение, предусмотренным международными конвенциями [2], в том числе и ЕС, а привилегией мировых элит.

Таким образом, западные спецслужбы хотят мобилизовать российское общество на противодействие и противостояние действующей администрации. Это серьезная угроза, которую следует нейтрализовать в ближайшее время, мобилизовав при этом ресурсы гражданского общества.

Именно полный беспредел, когда все перевернуто «с ног на голову», мы наблюдаем в Европейском союзе. Полная деградация европейцев, последовавшая указанию мирового гегемона — США о введении санкций в отношении России. При этом численность населения в Европе сокращается, особенно среди коренных жителей. Но вместо этого европейцы в своем большинстве против повышения уровня рождаемости, практикуют толерантность, призывают к пропаганде ЛГБТ, свободной любви и т. д. Все это говорит о том, что Европа деградирует.

Соединенные Штаты столкнули в пропасть одну из могущественных стран ЕС; Германия пошла на поводу у Вашингтона, не только введя санкции против России. ФРГ под давлением США отказалась от ввода в эксплуатацию газопровода «Северный поток-2», тем самым обеспечив себе долгосрочные эко-

номические последствия. Правящие круги Германии (как и лидеры других стран ЕС) уступили требованиям США присоединиться к санкциям против России (которые основаны на сфальсифицированных данных). В результате немецкому народу скоро придется мерзнуть, даже, несмотря на то, что Германия будет тратить на энергоносители гораздо больше средств, чем раньше. Таким образом, санкции сработали против самого Евросоюза.

Острая нехватка топлива коснется возобновления работы предприятий, обеспечивающих «грязные» виды энергии и топлива. Речь идет о замороженных атомных и угольных электростанциях. Что идет вразрез с позицией большинства стран ЕС по борьбе с глобальным потеплением. «Отключив энергетические краны России в Европе, сам ЕС может быть разрушен экономически, культурно, индустриально, чтобы он оставался вассальной нацией Америки. Славе Европы пришел конец» [9]. При таком подходе США достигли поставленной цели — поставить Евросоюз на колени, не простив им введение альтернативной международной валюты «евро» в противовес гегемонии доллара.

Подводя некоторые итоги, представляется целесообразным сделать некоторые умозаключения.

Как нами отмечалось ранее, одной из основных задач военно-гражданских администраций на освобождаемых территориях Донбасса является обеспечение нормализации мирной жизни населения в переходный период до полного окончания военных действий, создание условий для проведения законных выборов на местах в органы управления и формирования органов охраны общественного порядка.

Представляется целесообразным в составе военно-гражданской администрации того или иного города или населенного пункта создание оперативного штаба по взаимодействию органов государственной власти, вооруженных сил, МВД России, МЧС и иных заинтересованных органов и общественных организаций, в том числе правоохранительной направленности по координации сил и средств, задействованных в обеспечении общественной безопасности, борьбе с преступностью и профилактике правонарушений.

На освобождаемых территориях следует возобновлять, либо восстанавливать негосударственные правоохранительные структуры: частные охранные предприятия, службы безопасности предприятий и организаций, добровольные народные дружины; при этом на основании Указа Президента РФ от 9 августа

2020 г. № 505 «Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы», целью государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества является содействие консолидации российского казачества, сохранение, развитие, а также участие его в решении на основе общественно-государственного партнерства государственных задач в интересах национальной безопасности [3].

При этом главным и самым значимым партнером в оказании содействия правоохранительным органам в обеспечении безопасности и в борьбе с преступностью является гражданское общество, простые граждане, проживающие в том или ином регионе, на определенной территории. Доверительные отношения с гражданами являются источником получения наиболее полной и достоверной информации об оперативной обстановке по месту их проживания. Взаимодействие органов внутренних дел с гражданами на доверительной основе позволяет выявлять, в том числе «по горячим следам», преступников, либо иных лиц, готовящихся к совершению преступления, а также на ранней стадии подготовки профилактировать их преступные намерения. Задача органов полиции здесь заключается, прежде всего, в информировании граждан о складывающейся оперативной обстановке на территории их проживания, постановке задач по выявлению незнакомых, подозрительных лиц и своевременном оповещении органов внутренних дел.

В современных условиях повышенной социальной напряженности, вызванной, прежде всего, санкционным давлением США и ряда Западных стран на Российскую Федерацию в связи с проведением специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины и освобождению Донецкой и Луганской республик, перед правоохранительными органами, и в частности МВД России, остро встает вопрос обеспечения защищенности населения, общественных деятелей, руководителей различного уровня как Российской Федерации, так и Республик Донбасса от террористических актов со стороны нацистов Украины.

По официальным данным, приведенным в отчете Управления Верховного комиссариата ООН, за время военных действий, начиная с 2014 г. по август 2022 г., жертвами вооруженного конфликта в Донбассе стали 3092 мирных жителя. Число раненых мирных жителей за все время войны, по оценкам экспертов ООН, превышает 7 тыс. человек [10].

Помимо гибели мирных жителей, в результате постоянных обстрелов со стороны ВСУ, специальные службы Украины проводят террористические акты в отношении защитников Донбасса, при этом не в честном бою, а скрытно, исподтишка, нанося удары в спину. Полковник ДНР, командир батальона «Сомали» Михаил Толстых (позывной «Гиви») погиб 8 февраля 2017 г. от выстрела из огнемета «Шмель» в своем кабинете на базе «Сомали» в Макеевке; 16 октября 2016 г. в собственном доме был убит полковник ДНР, командир батальона «Спарта» Арсений «Моторола» Павлов; в Донецке 31 августа 2018 г. был взорван в ресторане глава ДНР Александр Захарченко; 24 августа 2022 г. в своем автомобиле был взорван глава военно-гражданской администрации поселка Михайловка Запорожской области И. Сушко. И это не полный перечень зверств правящего режима Украины, которые были совершены в результате террористических актов в отношении героев Донбасса.

Громкое преступление также произошло 21 августа 2022 г. на юго-западе Подмосковья. На Можайском шоссе взорвался автомобиль Дарьи Дугиной — известной в медиапространстве под псевдонимом Платонова — дочери известного философа, политолога и общественного деятеля Александра Дугина. 29-летняя девушка погибла на месте. Совсем недавно она вернулась из Мариуполя с «Азовстали». Вместе с отцом она находилась под европейскими санкциями и находилась в списке «врагов Украины» — на сайте «Миротворец».

Вышеизложенная статистика далеко не полного количества трагических событий наглядно свидетельствует о реальной террористической угрозе со стороны правящего националистического режима Украины, которая выходит далеко за ее пределы.

Противодействию этим и многим другим, актуализировавшимся в последнее время угрозам общественной безопасности, следует уделить особое внимание органам внутренних дел при тесном взаимодействии с негосударственными организациями правоохранительной направленности.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 24 июня 2013 г.) (вместе с «Протоколом

[№ 1]» (подписан в г. Париже 20 марта 1952 г.), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (подписан в г. Страсбурге 16 сентября 1963 г.), «Протоколом 7» (подписан в г. Страсбурге 22 ноября 1984 г.)).

3. Указ Президента РФ от 9 августа 2020 г. № 505 «Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы» // URL://http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202008090004?ysclid=1783cmmt9b537946032.

4. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL://http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?ysclid=1783e7kx6i62146962.

5. Воронов А. М. Угрозы национальной безопасности в эпоху цифровой трансформации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2021. № 12. С. 149–153.

6. Дзлиев М. И. Когнитивное оружие — реальна ли угроза для национальной безопасности России? // Стратегические приоритеты. 2019. №1 (21). С. 77–86.

7. URL://https://ria.ru/20220818/sanktsii-1810348786.html?ysclid=l6zhh3g5d1508251114.

8. URL://https://vz.ru/news/2022/5/13/1158249.html.

9. URL://https://u-f.ru/news/politics/u21/2022/08/23/343600?ysclid=176mdzxfol35946972.

10. URL://https://rusdozor.ru/2021/09/25/v-oon-nazvali-kolichestvo-pogibshix-mirnyx-zhitelej-v-donbasse-s-2014-goda_1105444/?ysclid=177tte8xbf838878610.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with

amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // SPS «ConsultantPlus».

2. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (concluded in Rome on November 4, 1950) (with amendments dated June 24, 2013) (together with «Protocol [No. 1]» (signed in Paris on March 20, 1952), «Protocol No. 4 on ensuring Certain Rights and Freedoms in addition to those already included in the Convention and the First Protocol thereto» (signed in Strasbourg on September 16, 1963), «Protocol 7» (signed in Strasbourg on November 22, 1984)).

3. Decree of the President of the Russian Federation dated August 9, 2020 No. 505 «On approval of the Strategy of State Policy of the Russian Federation in relation to the Russian Cossacks for 2021–2030» // URL://http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202008090004?ysclid=1783cmmt9b537946032.

4. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // URL://http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?ysclid=1783e7kx6i62146962.

5. Voronov A. M. Threats to national security in the era of digital transformation // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law. 2021. No. 12. P. 149–153.

6. Dzliev M. I. Cognitive weapons — is there a real threat to Russia's national security? // Strategic priorities. 2019. No. 1 (21). P. 77–86.

7. URL://https://ria.ru/20220818/sanktsii-1810348786.html?ysclid=l6zhh3g5d1508251114.

8. URL://https://vz.ru/news/2022/5/13/1158249.html.

9. URL://https://u-f.ru/news/politics/u21/2022/08/23/343600?ysclid=176mdzxfol35946972.

10. URL://https://rusdozor.ru/2021/09/25/v-oon-nazvali-kolichestvo-pogibshix-mirnyx-zhitelej-v-donbasse-s-2014-goda_1105444/?ysclid=177tte8xbf838878610.

Информация об авторе

А. М. Воронов — главный научный сотрудник 1 отдела НИЦ № 4 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A. M. Voronov — Chief Researcher of the 1st Department of SIC No. 4 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 05.12.2022; принята к публикации 18.01.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 05.12.2022; accepted for publication 18.01.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-73-79>

НИОН: 2003-0059-1/23-553

MOSURED: 77/27-003-2023-01-752

Современная оценка состояния миграционной преступности

Шахмурад Абдулакимович Гаджимурадов

Главное управление МВД России по г. Москве, Москва, Россия, sgadzhimuradov@mvd.ru

Аннотация. Представлен анализ современного состояния преступности иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших преступления на территории России и г. Москвы. Определены основные преступные деяния, которые формируют миграционную преступность с учетом ее географических особенностей. Выделены отдельные субъекты Российской Федерации и основные сферы совершения преступлений. Приведены видовые характеристики гражданской принадлежности мигрантов при совершении преступлений. Продемонстрировано изучение этнического распределения преступной деятельности на территории г. Москвы. Преступные деяния изучены в зависимости от национальных особенностей мигрантов, прибывающих на территорию г. Москвы.

Ключевые слова: миграция, мигрант, статистические данные, преступления, миграционная преступность, этническая преступность, Россия, субъекты Российской Федерации, Москва, национальность, гражданство

Для цитирования: Гаджимурадов Ш. А. Современная оценка состояния миграционной преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 73–79. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-73-79>.

Original article

Modern assessment of the state of migration crime

Shahmurad A. Gadzhimuradov

Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow, Moscow, Russia,

sgadzhimuradov@mvd.ru

Abstract. The analysis of the current state of crime of foreign citizens and stateless persons who have committed crimes on the territory of Russia and Moscow is presented. The main criminal acts that form migration crime, taking into account its geographical features, are identified. Separate subjects of the Russian Federation and the main areas of crime are identified. The specific characteristics of the citizenship of migrants in the commission of crimes are given. The study of the ethnic distribution of criminal activity on the territory of Moscow is demonstrated. Criminal acts were studied depending on the national characteristics of migrants arriving on the territory of Moscow.

Keywords: migration, migrant, statistical data, crimes, migration crime, ethnic crime, Russia, subjects of the Russian Federation, Moscow, nationality, citizenship

For citation: Gadzhimuradov Sh. A. Modern assessment of the state of migration crime. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):73–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-73-79>.

Современные миграционные процессы обусловлены различными событиями, происходящими на всем геополитическом пространстве. Наступившие социально-экономические, политические кризисы в ряде стран обусловили усиление миграционных процессов среди населения. Российская Федерация оказалась неизбежно вовлечена в интеграцию этих процессов, которые негативным образом и во многом значительно формируют криминальную ситуацию на ее территории.

В содержании представленной статьи мы рассмотрим отдельные статические измерения преступлений, совершенных мигрантами (иностранцами гражданами и лицами без гражданства) на террито-

рии России и г. Москвы. В первую очередь остановимся на особой проблеме в преступной деятельности иностранных граждан и лиц без гражданства — сфере правового статуса мигрантов (вопросы въезда, выезда, пребывания, проживания и т. д.).

За первые три месяца 2022 г. на территории России в сфере миграции совершено 1492 преступления, из них 945 связаны с подделкой документов (ст. 327 УК РФ «Подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков»), ст. 378 — с фактами незаконного пересечения государственной границы, ст. 34 — с организацией незаконной миграции. Самым распространенным по ст. 327 УК РФ (в сфере

© Гаджимурадов Ш. А., 2023

миграции) предметом преступления являлись поддельные документы, подтверждающие постановку на миграционный учет (в 704 случаях)¹.

Справочно: 86,1 % таких преступлений (814) совершено в г. Москве, г. Санкт-Петербурге, Московской и Ленинградской областях. Изучение уголовных дел по делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1–3, 5 ст. 327 УК РФ, свидетельствует, что отдельные иностранные граждане осознанно идут на нарушение миграционного законодательства Российской Федерации, обращаясь к лицам, предлагающим незаконные посреднические услуги по приобретению документов, подтверждающих постановку на миграционный учет, патентов, миграционных карт, паспортов, медицинских книжек, виз и приглашений, видов на жительство и разрешений на временное проживание, водительских удостоверений и т. д., дающих возможность длительное время незаконно пребывать и осуществлять трудовую деятельность на территории Российской Федерации.

Определенная часть иностранных граждан пытается обойти законно предусмотренную процедуру оформления миграционных статусов из-за стремления экономии времени регистрации, а также под влиянием рекомендаций земляков, членов этнических преступных группировок. Нередко иностранные граждане, впервые прибывшие на территорию Российской Федерации, не владеют информацией о возможности на законных основаниях оформления своего правового статуса.

Следует отметить, что ст. 327 УК РФ предусматривает ответственность за инкриминирование нескольких составов преступлений. За приобретение, хранение, перевозку в целях использования или сбыта либо использования заведомо поддельных паспорта гражданина, удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, штампов, печатей или бланков наступает ответственность по ч. 3 ст. 327 УК РФ. Использование заведомо подложного документа, за исключением случаев, предусмотренных ч. 3 настоящей статьи, влечет ответственность по ч. 5 ст. 327 УК РФ. В ч. 5 ст. 327 УК РФ содержится самостоятельный состав преступления. Его предметом является заведомо подложный документ (а не штампы, печати, бланки) — как официальный, так и личный.

В этой связи важную роль в предупреждении совершения иностранными гражданами и лицами без

гражданства преступлений имеют факты выявления случаев незаконного пересечения границы и организации незаконной миграции (ст. 322 и 322.1–322.3 УК РФ). В настоящее время в МВД России во взаимодействии с пограничными службами ФСБ России сформирована работа по выявлению иностранных граждан, изменивших свои установочные данные в целях въезда на территорию Российской Федерации.

Так, в январе — марте 2022 г. предварительно расследовано 378 преступлений, связанных с незаконным пересечением Государственной границы Российской Федерации иностранными гражданами (ст. 322 УК РФ). Наибольшее количество таких преступлений предварительно расследовано в Оренбургской — 41 преступление (10,8 %), Новосибирской — 36 (9,5 %) и Московской областях — 35 (9,3 %), г. Москве — 29 (7,7 %).

В целом в 2022 г. прогнозируется дальнейшее увеличение количества преступлений, связанных с незаконным пересечением Государственной границы Российской Федерации, в том числе из-за того, что значительное число таких преступных деяний являются многоэпизодными. Во многом это обусловлено тем, что к моменту выявления факта изменения установочных данных (совокупность биографических и других данных, характеризующих личность человека), преступником совершаются несколько въездов в Российскую Федерацию и, соответственно, выездов.

Остановимся на отдельных видах преступной деятельности иностранных граждан и лиц без гражданства на территории России, не затрагивающих вопросы нарушения миграционного законодательства.

Так, имеющиеся статистические данные позволяют сделать некоторые их замеры. В январе — марте 2022 г. на 8,1 % увеличилось количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства по сравнению с аналогичным периодом 2021 г., а на 9,9 % — совершенных в отношении них преступных деяний (с 3520 до 3868). Формы федерального статистического наблюдения [6] свидетельствуют, что за указанный период предварительно расследовано 10 385 преступных деяний, совершенных иностранными гражданами (I квартал

¹ Учет преступлений, совершенных отдельными категориями лиц, в том числе иностранными гражданами и лицами без гражданства, осуществляется на основании статистических сведений о предварительно расследованных преступлениях (лица, совершившие преступления, установлены).

2021 г. — 9607). Из них гражданами государств — участников Содружества Независимых Государств совершено преступлений больше на 12,6 % (8448 преступлений; 2021 г. — 7504), трудовыми мигрантами — на 36,3 % (2475; 2021 г. — 1816), а незаконными мигрантами — в два раза (858; 2021 г. — 413). С учетом увеличения количества раскрытых уголовно наказуемых деяний, совершенных данной категорией лиц, на фоне снижения общей регистрации преступлений на территории России на 3,8 % (с 501 563 до 482 523), удельный вес преступлений, совершенных иностранными гражданами, от общего числа предварительно расследованных вырос с 3,6 до 3,9 %.

Выделим некоторые особенности. Так, в рассматриваемом периоде отмечается изменение структуры «иностранный преступности» по видовым характеристикам. Снизилось на 7,4 % число совершенных иностранными гражданами преступлений против собственности — 3474, однако на данный вид деяний продолжает приходиться порядка трети (33,4 %) предварительно расследованных преступлений.

Наиболее значительно в отчетном периоде (I квартал 2022 г.) изменилось число преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков — 1773 (+ 57,9 %), удельный вес которых также имеет тенденцию к росту с 11,7 до 17,1 %, а также фактом незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации иностранными гражданами — 378 (рост в два раза).

Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных иностранными гражданами, в общем числе предварительно расследованных, вырос с 30,6 % в 2021 г. до 34,1 % в 2022 г. При этом в отдельных субъектах Российской Федерации в структуре преступности иностранных граждан их доля составляет более чем 60 %. Указанная ситуация наблюдается в Челябинской области (86,8 %), Пермском крае (83,8 %), Ивановской (80,0 %), Тамбовской (65,9 %) и Курганской областях (62,2 %), Республике Марий Эл (69,8 %).

Особо следует также выделить область обеспечения безопасности дорожного движения, где, в том числе, значительная часть предварительно расследованных преступлений (1093) совершена иностранными гражданами: 268 случаев из них связаны с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ), 243 — с управлением транспортным средством в состоянии

опьянения (ст. 264.1 УК РФ) и 582 — с подделкой водительского удостоверения (ст. 327 УК РФ).

Самая заметная часть данных преступлений выявлена в г. Москве — 318 преступлений (29,1 %), г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области — 147 (13,4 %), Московской области — 90 (8,2 %), Приморском — 64 (5,9 %) и Хабаровском краях — 41 (3,4 %).

Примечательно, что 47,6 % (277) преступлений, связанных с использованием поддельных водительских удостоверений, совершено гражданами Узбекистана; 20,4 % (119) — Киргизии, 16,5 % (96) — Таджикистана. Данные преступления наиболее типичны для г. Москвы — 231 (39,7 %), г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области — 83 (14,3 %), Приморского — 49 (8,4 %) и Хабаровского — 31 (5,3 %) краев.

Что касается другой важной проблемы, из общего массива предварительно расследованных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств (1773), в рассматриваемый период зарегистрирована только треть (33,3 %, 597). *Справочно:* 35,4 % совершено гражданами Узбекистана, 21 % — Таджикистана, 7,8 % — Украины, 8,1 % — Киргизии, 6,3 % — Беларуси. Большинство данных преступлений совершено в Челябинской области (435 преступлений; 24,5 %), г. Москве (196; 11,1 %), г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

За три месяца 2022 г. окончено предварительное расследование 1004 преступлений, совершенных гражданами Украины, из них: 328 краж, 121 факт мошенничества, 27 грабежей, 10 разбоев, 139 преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, 60 преступлений против безопасности дорожного движения, 61 преступление в сфере миграции, 2 — в сфере экстремизма. *Справочно:* Большинство данных преступлений (60,3 %) совершено в Республике Крым (164), г. Москве (137), Московской области (166), г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области (81), Ростовской области (57).

В целом по стране наблюдается снижение количества преступлений, совершенных гражданами Украины (-14,0 %). В приграничных с Украиной субъектах Российской Федерации также фиксируется снижение числа предварительно расследованных преступлений, совершенных лицами рассматриваемой категории. Такая ситуация наблюдается в Ростовской (-34,5 %; снижение с 87 до 57 преступлений), Белгородской (-55,6 %; с 45 до 20), Курской (-50 %; с 8 до 4) областях и Республике Крым (-32,2 %; с 242 до 164).

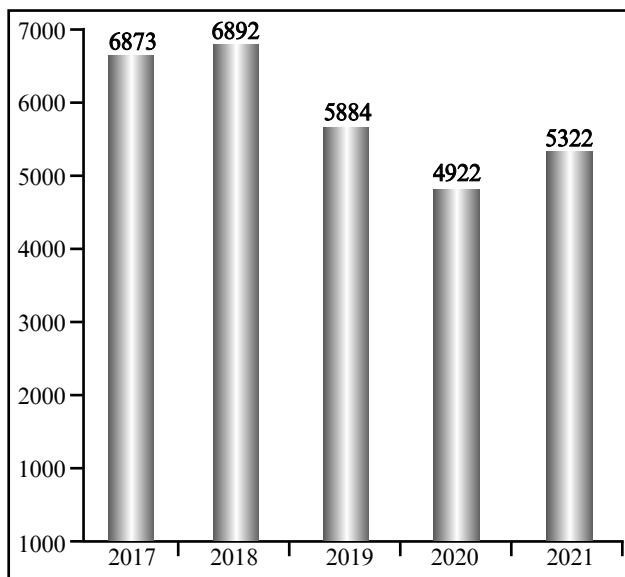

Рис. 1. Динамика преступлений, совершенных иностранными гражданами в г. Москве в период с 2017 по 2021 гг. [4]

Исключение составляют Воронежская (+118,8 %, с 16 до 35) и Брянская (с 0 до 16) области. Вместе с тем, анализ показал, что указанные преступления были совершены до начала проведения специальной военной операции на Украине.

Продолжился рост учтенных преступлений, совершенных иностранными гражданами, в регионах, имеющих наиболее высокую долю таких деяний в общем массиве предварительно расследованных преступлений, а именно: в г. Москве (2181; +7,3 %), Московской области (1755; +14,0 %) [4], при этом количество находящихся в этих регионах иностранных граждан в 2021–2022 гг. оставалось стабильным. Справочно: около 2,4 млн иностранцев сосредоточены в г. Москве и Московской области, доля иностранцев в численности населения этих регионов составляет соответственно 11,2 и 12,7 % [5].

Противодействие преступлениям, совершенным иностранными гражданами и лицами без гражданства, является одним из приоритетных направлений деятельности оперативных подразделений ГУ МВД России по г. Москве.

За последнее время на территории г. Москвы наблюдается рост регистрации преступлений, совершенных гражданами Узбекистана, Киргизии и Таджикистана. Эта же тенденция характерна для России, так как основной массив (81,3 % или 8448) всех совершенных преступлений приходится на граждан государств-участников СНГ. Также отметим, что наблюдается рост преступлений, совершенных гражданами

Беларуси (765; +31,0 %), Узбекистана (3101; +28,5 %), Таджикистана (1889; +24,4 %), Киргизии (1087; +2,5 %),

Справочно: самой многочисленной диаспорой в большинстве регионов (в 49 из 85) являются граждане Узбекистана. Так, например, в г. Москве находится 377,8 тыс. граждан Узбекистана, в Московской области — 287,7 тыс., в г. Санкт-Петербурге — 224 тыс.

Самые значимые криминологические показатели связаны с тяжкими преступлениями. Так, за I квартал 2022 г., большинство убийств совершено в г. Москве (14 преступлений), Московской области (13), г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области (8). Более 40 % изнасилований и насильственных действий сексуального характера совершено в г. Москве (30 преступных фактов), г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области (28), Московской области (10).

Проиллюстрируем общую динамику преступлений, совершенных мигрантами на территории г. Москвы (рис. 1).

Приведенный анализ качественных и количественных характеристик миграционной преступности позволяет сделать вывод о тренде ее снижения с 2018 по 2020 гг. на территории г. Москвы и увеличением в 2021 г. за исследуемый временной промежуток.

Полагаем, что на снижение показателей преступности рассматриваемых категорий лиц в г. Москве оказало существенное влияние изменение миграционной политики Российской Федерации, а также правового положения иностранных граждан. Так, например, наблюдалось сокращение количества оформленных приглашений (2019 г. — 506 451, 2020 г. — 138 279) и виз для иностранных граждан и лиц без гражданства (2019 г. — 348 458, 2020 г. — 224 666), а также оформленных патентов (2019 г. — 1 767 254, 2020 г. — 1 132 593) [3].

Оценивая криминальную ситуацию, формируемую иностранными гражданами на территории административных округов г. Москвы (табл. 1), заметим, что высокий уровень преступности наблюдается в Центральном (816 преступлений), Восточном (797 преступлений) и Юго-восточном округах г. Москвы. Примечательно, что, несмотря на снижение фактов регистрации преступлений в Восточном АО (-12,61 %), рассматриваемый округ, по-прежнему, занимает лидирующие позиции. Полагаем, что указанные территории также выбираются иностранными гражданами

Таблица 1

Распределение преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, по административным округам г. Москвы за 2021 г. (по окончанным делам и материалам)

Административные округа г. Москвы	2021 г.	Прирост/снижение, %
Центральный	816	4,35
Северо-восточный	428	10,59
Восточный	797	-12,61
Юго-восточный	798	30,61
Южный	428	4,90
Юго-западный	489	-17,95
Западный	283	0,35
Северо-западный	244	-2,79
Северный	386	6,63
Зеленоградский	87	33,85
Троицкий и новомосковский	238	67,61
УВД на ММ	122	31,18
Четвертое управление МВД России	3	-
Всего по АО	5124	4,74

для осуществления трудовой деятельности, в качестве района для временного проживания (пребывания), проведения досуга. В этой связи нарушение уголовно-правовых запретов чаще констатируется именно в перенаселенных выше округах г. Москвы.

Особо остановимся на статистических показателях этнической преступности. Этническую преступность следует определить как социально-негативное явление, содержанием которого является совершение запрещенным уголовным законом деяний лицами, имеющими устойчивую внутреннюю структуру, обусловленную единой либо родственной национальной принадлежностью и связанной с этой принадлежностью самоидентификацией, основанной на противопоставлении себя другим национальным группам.

Следует отметить, что значительная часть всех действующих организованных групп и преступных сообществ в г. Москве носит этнический или межэтнический характер, создается в основном по принципу землячества.

Москва является одним из наиболее развитых в экономическом, политическом, социальном и культурном отношении субъектов Российской Федерации, где объективно сложились благоприятные условия для различной трудовой деятельности. Данные обстоятельства делают мегаполис особенно привлекатель-

ным для иностранных граждан, выходцев из Средней Азии, Закавказья и Северо-Кавказского региона, которые своей деятельностью способны спровоцировать в частности межнациональные конфликты.

Согласно данным ЗИЦ ГУ МВД России по г. Москве за 12 месяцев 2021 г., в г. Москве установлены лица, совершившие преступления в составе этнических преступных групп по 771 преступлению (2020 г. — 552, снижение на 219 преступлений), 2019 г. — 375, в том числе службой уголовного розыска — 364 (АППГ — 233, +131 преступление).

По итогам 2021 г. отмечается увеличение предварительно расследованных преступлений в составе этнической организованной преступной группы с 554 в аналогичном периоде прошлого года до 775 преступлений в 2021 г. (+221). Вместе с тем, отмечается снижение количества выявленных лиц, совершивших преступления в составе этнической организованной преступной группы (с 58 до 76).

Преступность иностранных граждан продемонстрировала себя и в сфере экономической деятельности на территории г. Москвы. Отдельные статистические измерения демонстрируют следующие статистические характеристики. Мы наблюдаем увеличение числа преступлений, совершенных в составе организованной группы и преступного сообщества в 2016–2021 гг.

Таблица 2
Динамика числа лиц, совершивших преступления в сфере экономической деятельности 2016–2021 гг.
на территории г. Москвы

Год	2016	2017	2018	2019	2020	2021
ОГ и ПС	265	3017	4148	4660	4750	4899
ОГ и ПС, сформированные на этнической основе	22	515	564	375	554	775
Удельный вес, %	19,05	17,05	13,59	8,04	11,62	15,73

Наблюдаются неравномерные количественные колебания преступлений, совершенных в составе организованной группы и преступного сообщества, сформированных на этнической основе и одновременное снижение удельного веса этнической составляющей (2016–2018 гг.) в структуре организованных форм совершения преступлений (табл. 2).

Анализ отдельных видов преступлений показал следующее: наибольшее количество преступлений против личности, таких как убийство и причинение тяжкого вреда здоровью, совершается гражданами Республик Узбекистан, Киргизия и Таджикистан. Преступления против собственности, преимущественно совершают: мошенничества — граждане Республики Узбекистан; кражи — граждане Республик Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, жители² Чеченской и Кабардино-Балкарской Республик, Республики Дагестан; грабежи и разбои — выходцы из Республики Дагестан, Чеченской Республики, Киргизия и Таджикистан, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков — граждане Республики Азербайджан. В 2021 г. возросло количество сообщений о массовых драках на территории г. Москвы с участием выходцев из Северного Кавказа, Закавказья и стран Средней Азии. Главными причинами массовых драк и конфликтов являются неприязненные отношения, возникшие на почве споров бытового характера и споров защиты своих интересов. Кроме того, имеются случаи влияния организованных групп на лиц и экономические объекты различных сфер деятельности и пердела сфер влияния между организованными группами и преступными сообществами. Как правило, такого рода происшествия происходят на территории кафе, ресторанов, парков, зон отдыха и общежитий.

Среди группы преступлений против собственности совершаются следующие: мошенничества — граждане Республики Узбекистан; кражи — граждане Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Дагестана, Чеченской и Кабардино-Балкарской Республики; грабе-

жи и разбои — выходцы из Республики Дагестан, Чеченской Республики, Киргизии и Таджикистана; преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ — граждане Республик Азербайджан и Дагестан.

В настоящее время организованные группы и преступные сообщества, сформированные по этническому признаку, действующие на территории Московского региона, продолжают оказывать влияние на криминальные процессы в преступной среде. Таким образом, можно констатировать тот факт, что в настоящее время в деятельности органов внутренних дел возникают трудности в учете преступлений, совершаемых преступными группами, объединяющими в своем составе лиц одной или нескольких национальностей. Отсутствие единого подхода в оформлении статистических документов препятствует подготовке и принятию управленческих решений по организации оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

Обеспечение гармонизации межэтнических отношений предполагает постоянное улучшение ситуации в этой сфере. Однако характер и содержание межэтнических отношений во многом определяются той социально-политической системой, в рамках которой происходит их развитие. Высокое количество мигрантов требует организации оптимального и эффективного государственного регулирования, в противном случае неизбежно возникновение проблем, связанных с нелегальной миграцией, ростом организованной этнической преступности. Все перечисленные проблемы не обошли стороной Российскую Федерацию. Они являются прямым отражением существующих недостатков, уголовной и правовой политики государства при непосредствен-

² Чеченская, Кабардино-Балкарская Республики, Республика Дагестан входят в состав Российской Федерации.

ной реализации политики в области этнических отношений.

От уголовной политики в отношении лиц, совершающих преступления и имеющих отношение к этническим преступным группировкам, зависит состояние и динамика предупреждения такого рода преступности. Мы согласны, что для противодействия этнической организованной преступности требуются исключительно правовые меры [2].

Заметим, что комплекс мероприятий, направленных на урегулирование миграционной политики дал значительные результаты. Законодательство о миграционной политике, в том числе Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы», установило более четкие направления администрирования в отношении пребывания мигрантов на территории государства. Значительно усовершенствованы инструменты правового регулирования в сфере миграции, включая меры ответственности за нарушение миграционного законодательства Российской Федерации и меры противодействия незаконной миграции. Все вышеуказанные и иные обстоятельства, в том числе в условиях пандемии COVID-19, привели к определенному снижению преступной деятельности мигрантов на территории г. Москвы и России.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы».

2. Тишков В. Самоопределение российской нации // URL://https://portalus.ru/modules/international-law/rus_readme.php?subaction=showfull&id=122888871&archive=&start_from=&ucat=&#link.

3. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь — декабрь 2020 г. // URL://<https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/22689548/>

4. Сборник сведений ЗИЦ ГУ МВД России по г. Москве «О преступлениях, совершенных иностранными гражданами, а также в отношении иностранных граждан».

5. Сборник «Численность и состав населения» Федеральной службы государственной статистики (Росстат) // URL://<https://rosstat.gov.ru/folder/12781#>.

6. Ф. 494. Кн. 1 (4-ЕГС) «Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений» // ГИАЦ МВД России.

References

1. Decree of the President of the RF No. 622 dated October 31, 2018 «On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025».

2. Tishkov V. Self-determination of the Russian nation // URL://https://portalus.ru/modules/international-law/rus_readme.php?subaction=showfull&id=122888871&archive=&start_from=&ucat=&#link.

3. Summary of the main indicators of the migration situation in the Russian Federation for January — December 2020 // URL://<https://Ministry of Internal Affairs.rf/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/22689548/>

4. Collection of information of the ZIC of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow «On crimes committed by foreign citizens, as well as against foreign citizens».

5. Collection «Population size and composition» of the Federal State Statistics Service (Rosstat) // URL://<https://rosstat.gov.ru/folder/12781#>.

6. F. 494. Book 1 (4-USGS) «Information on the state of crime and the results of crime investigation» // GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Информация об авторе

Ш. А. Гаджимурадов — начальник 11 отдела Управления уголовного розыска Главного управления МВД России по г. Москве.

Information about the author

Sh. A. Gadzhimuradov — Head of the 11th Department of the Criminal Investigation Department of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 05.12.2022; принята к публикации 18.01.2023.
The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 05.12.2022; accepted for publication 18.01.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-80-85>

ИПОН: 2003-0059-1/23-554

MOSURED: 77/27-003-2023-01-753

Методика поиска лиц, пропавших без вести в городской среде

Роман Владимирович Глубоковских

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, 521405@mail.ru

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор **А. В. Шахматов**

Аннотация. Подчеркнута важность розыскной работы оперативных подразделений органов внутренних дел с использованием общественных объединений (волонтеров). Отмечена недостаточность методического обеспечения для практической работы на основе результатов анкетирования сотрудников розыскных подразделений уголовного розыска и волонтеров. Разработана методика поиска пропавших без вести лиц в городской среде.

Ключевые слова: розыскная работа, розыскная ситуация, поиск в городе, городская среда, пропавший без вести, уголовный розыск, волонтер, методика

Для цитирования: Глубоковских Р. В. Методика поиска лиц, пропавших без вести в городской среде // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 80–85. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-80-85>.

Original article

Methods of searching for missing persons in the urban environment

Roman V. Glubokovskikh

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia 521405@mail.ru

Research supervisor: Doctor of Legal Sciences, Professor **A. V. Shakhmatov**

Abstract. The importance of the investigative work of the operational units of the internal affairs bodies with the use of public associations (volunteers) is emphasized. The insufficiency of methodological support for practical work on the basis of the results of the survey of employees of the investigative units of the criminal investigation department and volunteers was noted. A method of searching for missing persons in the urban environment has been developed.

Keywords: search work, search situation, search in the city, urban environment, missing person, criminal investigation, volunteer, methodology

For citation: Glubokovskikh R. V. Methods of searching for missing persons in the urban environment. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):80–85. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-80-85>.

Розыск пропавших без вести входит в перечень основных задач субъектов ОРД [1]. В теории оперативно-розыскной деятельности при розыске пропавших без вести предполагается использование методов как информационно-аналитического, так и структурного характера. С одной стороны, — это оценка оперативной обстановки, обработка оперативной технической и личностной информации, а с другой, — разработка научных рекомендаций в сфере ОРД по методам и тактике поиска пропавших в конкретных условиях. Создание алгоритма действий при возникновении разных, зачастую опасных, ситуаций необходимо при разработке методик розыска пропавших лиц. Особенно важно это в практике привлечения оперативными подразделениями уголовного розыска общественных объединений (волонтеров) к розыску без вести пропавших лиц [2].

В России добровольческое движение по оказанию содействия в розыске лиц, пропавших без вести, в том числе детей, является еще сравнительно молодым и отчасти самоуправляемым. В ст. 5 Федерального закона «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» [3], определен статус добровольцев, т. е. физических лиц, осуществляющих благотворительную деятельность в форме безвозмездного выполнения работ, оказания услуг (добровольческой деятельности). Бесспорно, сотрудничество полиции с общественными волонтерскими организациями, деятельность которых в настоящее время получила широкое распространение, может повышать эффективность работы полиции по розыску лиц, пропавших без вести, поскольку число волонтеров, участвующих в поисковых операциях разных направлений, постоянно возрастает. Вместе

© Глубоковских Р. В., 2023

с тем, надо отметить, что совместной работе мешает непонимание некоторыми волонтерами существующих правовых рамок, когда добровольцы, представляясь сотрудниками полиции, проводили опрос и наблюдение, ряд других мероприятий, отнесенных законом к исключительной компетенции правоохранительных органов, а также несовершенство методического обеспечения розыскной работы.

Результаты проведенного опроса сотрудников розыскных подразделений уголовного розыска и волонтеров прямо указывают на необходимость разработки методик и алгоритмов действий при поиске пропавших граждан применительно к конкретным типовым ситуациям. Данная работа является логическим продолжением проведенных нами исследований по поиску пропавших без вести различных категорий граждан, в частности, лиц, пропавших в лесных массивах [4].

В современных условиях необходим научный анализ процессов методического обеспечения деятельности уголовного розыска по поиску пропавших без вести совместно с волонтерами, и разработка соответствующих методик. Было бы неправильно оставить без внимания имеющиеся наработки наших коллег в данном направлении, которые, несмотря на детальную проработку процесса взаимодействия подразделений полиции с волонтерами, не содержат методик поиска пропавших без вести в городской среде [5; 6].

Типовой розыскной ситуацией, выявленной нами в ходе исследования, является — «человек пропал (заблудился) в городе».

Разработанная нами методика поиска пропавших без вести подразделениями уголовного розыска основана на активном взаимодействии полиции с волонтерами, которые обязаны выполнять план поисковой операции. Сотрудники полиции должны обеспечивать соблюдение всех норм поведения и правил безопасности каждым участником поисковых групп.

Методика поиска лиц, пропавших в городской среде — специфична, поэтому следует обратить особое внимание поисковиков и волонтеров на то, что город — зона повышенной опасности и при выполнении поставленных задач поисковики должны быть предельно осторожными и внимательными.

Информационно-ознакомительная часть. Задача сотрудника уголовного розыска — обучить добро-

вольцев, участвующих в поиске пропавших людей, прежде всего, технике личной безопасности и точному соблюдению рекомендаций, методике и тактике поиска в городской среде, так как города — большие и малые, таят в себе как большие возможности при поиске пропавших людей, так и серьезные трудности. Прежде всего, в городе высокая плотность населения, много людей — много информации, что хорошо. Здесь есть масса «привязок» к месту. Ими могут быть здания, памятники культуры, театры, торговые центры и иные объекты. Но город — это мегаполис, где можно легко скрыться, оставаясь значительное время незамеченным.

Следует обратить особое внимание поисковиков и волонтеров на то, что город — зона повышенной опасности. При выполнении поставленных задач поисковики должны быть предельно осторожными и внимательными. Одну из главных угроз для жизни представляет транспорт — как общественный, так и частный — автобусы, автомобили, велосипеды и всевозможные электросамокаты. Определенную опасность представляют железнодорожные пути, часто проходящие по городу. Особенно важно соблюдать осторожность в темное время суток. При выходе на задание, наряду с его выполнением, необходимо соблюдать правила личной безопасности. Поисковик нам нужен живым и здоровым.

Еще одну большую угрозу для жизни и здоровья представляют открытые люки колодцев на тротуарах, дорогах, дворах и пустырях.

Не меньшую опасность несут неожиданные встречи с бродячими (дикими) собаками, часто бегающими целыми стаями (сворами). Даже если они встречаются на пути поиска и выглядят довольно мирно, не надо пытаться вступать с ними в контакт, лучше обойти. Отходить хорошо спиной вперед, чтобы не испугать и не провоцировать на агрессию. Опасны и встречи волонтеров с асоциальными элементами. Такие встречи на пути поиска могут представлять угрозы: во-первых, здоровью и безопасности поисковика, а во-вторых, задержке или нарушению плана поиска. Это могут быть бомжи, пьяные или неадекватные люди, группа подвыпивших подростков и т. п. Первое правило — постараться не идти прямо на встречу, лучше обойти. Не вступать в контакты. Если будут приставать, вежливо сказать, что у вас важное дело и вы спешите. При благоприятной обстановке можно показать ориентировку и спросить, не видели

ли такого человека. Привлекать их к поиску не рекомендуется. Лучше дать телефон для связи, вручить плакат-ориентировку и удалиться. Необходимо быть осторожными и внимательными в темных и малолюдных местах, докладывать в штаб о своем местонахождении при нештатных ситуациях. Вот коротко то, что надо знать о технике безопасной работы при поиске пропавших и потерявшихся в городе граждан.

Информационно-подготовительный этап. Сложившаяся практика показывает, что поисковики, особенно волонтеры, выходя на задание, оказываются недостаточно подготовленными. Первое и необходимое, что надо обеспечить — это надежная связь. Каждому члену поисковой группы надо иметь заряженный мобильный телефон с запасным блоком питания. Второе — иметь хорошее снаряжение. Одежда должна быть удобной и, по возможности, яркой, заметной. Хорошо бы надеть светоотражающий жилет, особенно при работе на транспорте и в темное время суток. Далее, взять обязательно воду (несмотря на то, что вы в городе) и перекус. В качестве последнего может быть шоколад, орехи, сухофрукты — то, что быстро поможет восстановить силы при длительном поиске.

Следует напомнить, что каждому члену поисковой группы необходим фонарик, желателен легкий и яркий (с большим отражателем). Кроме того, необходимы: скотч для оклейки (1–2 рулона), ножницы или ножик. Для записей хорошо иметь дополнительно блокнот и шариковую ручку, а также карандаш, так как он хорошо пишет на разных поверхностях и надписи остаются читаемыми в случае воздействия на них капель воды.

Для успешного проведения операции по поиску в городской среде без вести пропавших лиц необходимо решить две основные задачи: сначала организовать четкую работу с информацией, а затем — работу непосредственно на месте поиска. Каждую из них можно разбить на важные этапы. Работа с информацией включает в себя: оповещение, сбор информации, обработку информации. Работа непосредственно на месте поиска складывается из двух важных этапов: патрулирование, обследование территории.

Схема проведения поиска. Сначала все поисковики сами должны ознакомиться с ориентировкой. Стандартная форма ориентировки — лист бумаги размером А4. В ориентировке должны содержаться следующие сведения о пропавшем: возраст, год рож-

дения; дата и место последнего нахождения; описание внешности, особых примет, одежды, вещей, которые предположительно были у него при себе. А также указан призыв о помощи; телефон горячей линии и причина, по которой нужен срочный поиск. Ориентировки и участки для отработки местности поисковики получают в штабе перед выходом на поиск. Оповещение граждан о поиске пропавшего проводится путем ознакомления с ориентировками.

Наиболее дешевый и доступный метод распространения информации — оклейка. При удачном размещении ориентировок достигается контакт с большим количеством людей при сравнительно коротком времени и небольших затратах сил и средств. Надо знать и учитывать принципы размещения ориентировок: максимальная видимость; привлечение внимания; частота оклейки. Поэтому для оклейки надо выбирать те места, где проходит большое количество людей, которые с большой степенью вероятности прочтут вашу ориентировку. Хорошо, когда есть возможность наклеить ее на уровне глаз. Местами размещения ориентировок могут быть подземные переходы, подходы к остановкам транспорта, светофоры у пешеходных переходов, входы в парки, скверы и выходы из них. Можно использовать стандартные маршруты движения пешеходов — тропинки через дворы или проемы в заборах. Главное — оповестить как можно большее количество людей.

Обращаем внимание, что оклейке розыскными ориентировками не подлежат: памятники культуры, музеи, галереи, театры; рекламные щиты и конструкции (официально установленные); стенды официальной информации; мусорные контейнеры (неэффективно — их быстро увезут); припаркованные автомобили; заборы частных участков; аптеки.

Ориентировки рекомендуется размещать: на остановках общественного транспорта; на стенах зданий и жилых домах; на столбах, опорах, ограждениях; на дверях парадных и подъездов; на не передвижных элементах у мусорных баков (что эффективно из-за большого охвата жильцов); на магазинах с разрешения продавцов или администратора. На остановке общественного транспорта нельзя заклеивать информацию о маршрутах. Можно наклеить две ориентировки на значительном расстоянии друг от друга. Лучше на уровне глаз стоящего человека над сиденьями. Кроме того, чаще стенки остановок прозрачные, поэтому ориентировки можно расположить так,

чтобы их могли прочесть и снаружи. Для этого две ориентировки сложить вместе белыми сторонами и наклеить изнутри. Ориентировку будет видно с двух сторон, она не пострадает от дождя и ветра. Лучшее место для размещения ориентировки — на дверях подъездов, около домофона, что обеспечит максимальную видимость. Не стоит клеить ее на внешней стороне двери, так как человек, читающий ориентировку, может получить травму от выходящего из подъезда. Выбирать для оклейки гладкие сухие поверхности, чтобы скотч лучше держался. Использовать для оклейки дерева можно только в крайних случаях — когда место людное, много проходное, а других опор нет. Располагать ориентировку так, чтобы не повредить дерево. Нельзя проводить сплошную оклейку территории поиска. Ориентировки должны располагаться в пределах видимости, на расстоянии нескольких метров. Частая расклейка не эффективна и расточительна. При поиске наилучшего, по видимости и доступности, места для оклейки необходимо проявлять смекалку и творчество.

Второй этап работы с информацией — опрос. До проведения опроса необходимо изучить ориентировку, обращая внимание на возраст и социальный статус пропавшего. Обычно люди обращают внимание на себе подобных по возрасту и социальному статусу. Исходя из этого, надо выбирать потенциальных свидетелей. Классический пример — бабушки у подъезда, однако здесь надо быть осторожным, так как среди них могут быть «регулярные свидетели», которые все и обо всех знают. Хорошими свидетелями могут быть люди, находящиеся длительное время на одном месте — дворники, водители такси на стационарных стоянках, охранники парковок и торговых центров, продавцы и кассиры. Они чаще обращают внимание на людей необычного вида. При проведении опроса необходимо: не бросаться навстречу потенциальному свидетелю с опросным листом — так можно только его отпугнуть. Лучше деликатно показать ориентировку, подойти, поздороваться, представиться поисковиком. Разговор со свидетелем хорошо записать на диктофон и, при получении информации, передать запись в штаб.

Работа на транспорте. Возможны ситуации, когда потерявшийся воспользовался транспортом и мог оказаться далеко от района поиска. В таких случаях надо работать с информацией на транспорте. Цель — распространить информацию о пропавшем

человеке среди большого количества людей. Транспорт в городе — это большое количество маршрутов автобусов, троллейбусов, трамваев и пригородных электричек, а также такси. Алгоритм действия поисковика должен быть следующий: выяснить какие маршруты городского общественного транспорта проходят через район поиска; выбрать кольцо маршрута или место, где они пересекаются; обычно есть места, где водители собираются на обед или перекус. Найти бригадира маршрута и показать ему ориентировку; попросить разрешения ознакомить водителей с ориентировкой. Устно рассказать о поиске и прочитать вслух ориентировку; помочь наклеить в салонах транспорта. Аналогично действовать на станциях электричек. Ориентировки разместить рядом с кассой, выходами на платформы, на самой платформе и в вагонах. Во всех случаях сначала обращаться к дежурным или администраторам, показать им ориентировку и попросить содействия в их распространении.

Большие городские вокзалы (авто- и железнодорожные). Поиск пропавших на территории таких больших объектов сложен из-за обилия мест возможного укрытия. Поэтому основной принцип действия — «закрытие зон»; т. е. объект делится на зоны, которые тщательно обследуются. Это — кассовые помещения, зоны отдыха, магазины, пункты питания, туалеты.

В первую очередь, надо обратиться к охранникам на входе и выходе. Их может быть несколько. Поздороваться, показать ориентировку, можно оставить каждому по экземпляру. Можно дать им свой номер телефона, чтобы быть на связи. Далее постепенно обходить зоны и внимательно их осматривать. При обнаружении пропавшего (возможно скрывающегося лица), нельзя обращать на себя внимание и, тем более, вступать с ним в контакт. Желательно незаметно сфотографировать, сличить с ориентировкой и отправить фото в штаб. Не выпускать его из поля зрения. Особое внимание надо обращать на залы ожидания (там можно «укрыться» и заснуть на скамье), маленькие кафе и «забегаловки» внутри вокзала, туалеты.

Работы непосредственно на месте поиска: патрулирование и обследование территории.

Патруль — работает только по дорогам. Точные координаты патрулируемых улиц дает координатор поиска. Как правило, для патрулирования исполь-

зуют автомобили и велосипеды. При велопатрулировании работают два поисковика, каждый на своем велосипеде, внимательно осматривая дорогу и придорожную местность. При автопатрулировании в работе участвуют три поисковика. Из них — один водитель (следит за передвижением, соблюдая правила дорожного движения), двое других внимательно осматривают дорогу и прилегающую местность с разных сторон. Алгоритм действий при патрулировании: двигаться медленно по дороге, осматривая близлежащее пространство; если увидели пропавшего — сообщать в штаб, не вступая в контакт; дальнейшие действия проводить по согласованию со штабом.

Обследование — это практически сплошное «прочесывание» дворов и подъездов. Точный район обследования с номерами домов, окружающих дворов и внутренних скверов указывает координатор поиска. Необходимо внимательно осматривать территорию дворов и детских площадок, заглядывая в закутки, закоулки, сооружения на детских площадках, где мог бы укрыться пропавший. В подъездах больших домов работают по три поисковика. Один находится внизу и контролирует вход и выход из подъезда. Двое других поднимаются на лифте (или пешком) на последний этаж, обследуют его и спускаются вниз по этажам, внимательно осматривая каждый. Обязательно проверяется грузовой лифт, если таковой имеется.

Тщательному визуальному обследованию следует подвергать следующие объекты: чердаки и подвалы домов, шахты вентиляции, расположенные вблизи предполагаемого места исчезновения разыскиваемого; приусадебные участки и прилегающие территории; особое внимание уделяется местам, где пропавший видел в последний раз и местам, которые пропавший часто посещал; мусорные контейнеры, канализационные колодцы, стихийные свалки мусора, выгребные ямы.

Необходимо быть предельно внимательными и осторожными. Обо всех деталях докладывать в штаб поиска. Самим не предпринимать никаких активных действий по удержанию лиц. Обследование проводить исключительно при наличии согласия жильцов дома или владельцев помещений (территорий).

В торговых центрах на входе необходимо ознакомить охранника с ориентировкой и спросить: «Видели ли Вы / не видели?». Пройти внутрь здания и начинать осмотр с верхнего этажа. В таких людных

местах часто прячутся «бегунки». «Бегунки» — активные дети и подростки, которые убегают из дома и скрываются от родных и знакомых. Обычно они выбирают укромные местечки, фудкорты, где можно спокойно посидеть. Волонтеры осуществляют поиск группой (не менее двух человек), инкогнито. Алгоритм действий при обнаружении самовольно ушедших из дома несовершеннолетних следующий: увидели, сверили с ориентировкой, сообщили в штаб; незаметно сделали фото, не привлекая внимания (лучше поставить вблизи напарника и сделать вид, что фотографируете его, можно снимать панорамное видео, тогда в кадр обязательно попадет разыскиваемый, ничего не заподозрив; если разыскиваемый начинает покидать место обнаружения, рекомендуется осуществлять за ним наблюдение, передав фото и маршруты передвижения в штаб поиска.

Зоны повышенной опасности. Поисковикам нужно только сообщать в штаб поиска об обнаружении опасных зон, самостоятельно их не обследуя. Опасными зонами считаются: незавершенные стройки, заброшенные огороженные участки с котлованами, стихийные пруды, куда без специальной подготовки заходить нельзя. Опасности в этих зонах могут представлять: качающиеся стены, куски торчащей арматуры, скопление ядовитых газов в низинах, опасные животные, а также асоциальные элементы.

Карта поиска. При получении задачи составляется карта поиска. Осуществляется обход обозначенной территории, осмотр, с целью обнаружения всех имеющихся камер видеонаблюдения и отметка их на карте. Возможно фотографирование обнаруженной камеры. Месторасположение камеры записывается с обозначением ее номера и координат. При выявлении наличия видеонаблюдения у охранников либо жильцов выясняется, какая управляющая (охранная) компания либо частное лицо владеет камерой. Ставится вопрос о возможности просмотра записи.

Таким образом, разработанная нами методика поиска пропавших без вести в городской среде детально описывает порядок выполнения всех, часто кажущихся незначительными, этапов поиска пропавших лиц разных категорий и возрастов. Предложен алгоритм действий в конкретных ситуациях, который будет полезен в практической работе подразделениям уголовного розыска с привлечением общественных объединений (волонтеров).

Список источников

1. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
2. Глубоковских Р. В., Клименко А. А. Особенности розыска без вести пропавших граждан с привлечением общественных объединений (волонтеров) // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2 (64). С. 133–137.
3. Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ (ред. от 8 декабря 2020 г.) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.
4. Глубоковских Р. В. Методика поиска лиц, пропавших без вести в лесном массиве // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 1. С. 91–95.
5. Обобщение лучших практик взаимодействия территориальных органов МВД России с добровольцами в сфере содействия деятельности волонтеров по поиску пропавших без вести // Методические рекомендации МВД России от 24 декабря 2020 г. (исх. 1/14656).
6. Практика и методы использования подразделениями уголовного розыска сил и средств волонтерских организаций в поиске без вести пропавших лиц: аналитический обзор с предложениями / Е. В. Жданов, А. А. Малиенко, О. А. Королькова, В. Б. Попов. М., 2019.

References

1. Federal Law No. 144-FZ of August 12, 1995 (as amended on July 1, 2021) «On operational investigative activities» // SZ RF. 1995. No. 33. St. 3349.
2. Glubokovskikh R. V., Klimenko A. A. Features of the search for missing citizens with the involvement of public associations (volunteers) // Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2 (64). P. 133–137.
3. Federal Law No. 135-FZ of August 11, 1995 (ed. of December 8, 2020) «On charitable activities and volunteerism (volunteering)» // SZ RF. 1995. No. 33. St. 3340.
4. Glubokovskikh R. V. Methods of searching for persons missing in the forest // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1. P. 91–95.
5. Generalization of the best practices of interaction of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia with volunteers in the field of assistance to the activities of volunteers in search of missing persons // Methodological recommendations of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated December 24, 2020 (ex. 1/14656).
6. The practice and methods of using the forces and means of volunteer organizations by criminal investigation units in the search for missing persons: an analytical review with suggestions / E. V. Zhdanov, A. A. Maliyenko, O. A. Korolkova, V. B. Popov. M., 2019.

Информация об авторе

Р. В. Глубоковских — адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России.

Information about the author

R. V. Glubokovskikh — Adjunct of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 11.07.2022; одобрена после рецензирования 12.09.2022; принята к публикации 29.11.2022.

The article was submitted 11.07.2022; approved after reviewing 12.09.2022; accepted for publication 29.11.2022.

Научная статья

УДК 34.01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-86-89>

ИПОН: 2003-0059-1/23-555

MOSURED: 77/27-003-2023-01-754

Брачно-семейный статус мужчин в средневековой Руси на основе канонического права

Сергей Николаевич Грошев

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, groshev_sergej@mail.ru

Аннотация. Затронута проблематика брачно-семейного статуса мужчин в средневековой Руси через призму канонического права. Используя исторические методы, показаны дискриминационные свойства нормативного материала Руси указанного периода, регулирующего правовой статус личности. С помощью ретроспективного анализа продемонстрировано то, что тенденции наделяния мужчин безоговорочным правом главы семьи сопровождались трансформацией его брачно-семейного статуса в аспекте обременения рядом обязанностей.

Ключевые слова: многоженство, конкубинат, брак, семья, средневековая Русь, наложничество, Русская Правда, христианство, домовладыка

Для цитирования: Грошев С. Н. Брачно-семейный статус мужчин в средневековой Руси на основе канонического права // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 86–89. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-86-89>.

Original article

Marital and family status of men in Medieval Russia on the basis of canon law

Sergey N. Groshev

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, groshev_sergej@mail.ru

Abstract. The problems of the marital and family status of men in medieval Russia are touched upon through the prism of canon law. Using historical methods, the discriminatory properties of the normative material of Russia of the specified period regulating the legal status of the individual are shown. With the help of a retrospective analysis, it was demonstrated that the tendencies of granting men the unconditional right of the head of the family were accompanied by the transformation of his marital and family status in the aspect of burdening with a number of responsibilities.

Keywords: polygamy, concubinage, marriage, family, medieval Russia, concubinage, Russian truth, Christianity, home ownership

For citation: Groshev S. N. Marital and family status of men in Medieval Russia on the basis of canon law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):86–89. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-86-89>.

Анализируя правовое положение мужской гендерной группы в средневековой Руси, нельзя не отметить, что в рамках брачно-семейных отношений закреплялось верховенство мужчин посредством санкционирования этой тенденции через государственно-идеологический и церковно-этический инструментарий [5, с. 90].

Клерикальные институты противопоставляли постулаты христианской теологии языческим воззрениям на брачно-семейные связи, требуя взаимного уважения супругов, проявлявшегося, прежде всего, в принципах единобрачия. Сам институт брака в рамках христианского мировоззрения рассматривался как компромисс между человеческой природой и божьим замыслом, закрепляя женское цело-

мудрие как основу брачно-семейных связей истинных христиан. Тем не менее, проблематика женского промискуитета и конкубината в средневековой Руси вызвана упадком нравов Руси языческой, и общей тенденцией дискриминации женщин в эпоху средневековья. Мало того, иностранные авторы, занимавшиеся исследованием быта и нравственного состояния славян отмечали более чем удовлетворительное состояние общественной нравственности, в том числе и в рамках брачно-семейных связей [7, с. 140].

Жесткая регламентация отношений семьи и брака в средневековой Руси отображалась не только в жестком преследовании супружеской (особенно женской) неверности, но и случаях брачного реци-

© Грошев С. Н., 2023

дива, строго порицая второй и последующий браки, даже в случае вдовства одного из супругов [10, с. 153]. Тем не менее, и здесь нельзя увидеть что-то экстраординарное для восточных славян, так как в Древней Руси также существовала традиция единственности брака, но только лишь для женщины, в рамках института добровольного ухода из жизни овдовевшей супруги. И действительно, в исторической литературе нередко встречается обычай сожжения вдов при смерти мужа, которая так похожа на сати — похоронную ритуальную традицию в индуизме [8, с. 45]. Существование подобного, можно сказать крайне жестокого, обряда демонстрирует доминирование мужчины в рамках брачно-семейных отношений Руси дохристианского периода. При этом, с наступлением христианской эпохи многоженство исчезло не сразу, да и практика разводов была достаточно распространенным явлением. Так, в 1427 г. в Пскове церковные иерархи запрещали избирать в церковные старосты тех мужчин, которые вступали в брак более двух раз. Примечательно, что еще в середине XV столетия митрополит Иона в своем послании к вятскому духовенству подчеркивал необходимость бороться с многоженством, которое было распространено у вятичей [3, с. 145]. Анализ источников показывает, что христианство пыталось искоренить, прежде всего, многоженство, притом, что институт многожества в брачно-семейной культуре Руси был неизвестен вовсе. Сам факт того, что средневековая Русь пестрела случаями, когда мужчина мог иметь и шесть, и семь жен демонстрирует, что практика единобрачия с трудом воспринималась мужской гендерной группой, особенно из воинского сословия. Так, летописец, повествуя о ратных делах русских воинов и их походах на половцев, упоминает, прежде всего, пленных половецких женщин [12, с. 56], и лишь потом ведет речь об иной добыче. По сути, изучая летописные источники можно увидеть, что княжеское сословие тяготело к многоженству. В частности, таковым являлся и креститель Руси князь Владимир, имевший несколько жен и многие сотни наложниц [9, с. 125].

Институт наложниц неуклонно транслировался из Руси языческой в Русь христианскую именно через социокультурную среду привилегированных сословий. В этой связи В. Ю. Лещенко подчеркивает, что восточные славяне являлись полигамическими общностями, где институт многоженства был

свойственен только элитарным сословиям [6, с. 38]. Наложничество, как правовой феномен, пустил глубокие корни в социум средневековой Руси и о нем упоминается в Русской Правде (ст. 110) [11, с. 72]. Нередко наложницы играли видную роль в знатных семьях [13, с. 378]. В Новгороде еще в XII в. имели место случаи, когда сами священнослужители имели наложниц [18, с. 17].

Конкубинат еще долгое время имел место в уже глубоко христианской Руси, при этом повторяя порядок западноевропейских государств. В частности, в некоторых германских государствах сожителство мужчины и женщины допускалось еще в XVI–XVII столетиях, при том что сам нормативный запрет внебрачной связи стал появляться лишь в первой половине XVI в [2, с. 7].

Проблематика внебрачных половых связей средневековой Руси затрагивает, прежде всего, вопрос женского промискуитета. Так, в качестве наиболее ранних источников, закрепляющих юридическую ответственность за прелюбодеяния, выступает соглашение 1229 г., которое заключил Смоленский князь Мстислав Давидович с Ригою, Готландом и Немецкими городами, предусматривающее имущественную ответственность мужчины, виновного в прелюбодеянии [1, с. 480]. Постепенно, гражданско-правовая ответственность за прелюбодеяние трансформируется в уголовную, при этом меняется и статус мужчины — субъекта преступления. Так, уже Эклога закрепляет жестокое наказание за прелюбодеяние для виновных мужчины и женщины — отрезание носа [19, с. 240].

Тем не менее, ущемление брачно-семейных прав мужчин в области многожества и наложничества в средневековой Руси характеризуется и некоторыми амбивалентными явлениями, которые были расположены в русле дискриминации женщин, находящихся в статусе супруги. Так, церковь с помощью всего своего пропагандистского аппарата насаждала идею нераздельной власти мужа над женой во всех сферах семейного быта [4, с. 368]. Супруг, по замыслу церковных идеологов, был обязан выступать в образе ставника своей супруги и полномочного обладателя власти в семье. В то же время, фактическое положение дел нередко обстоит иначе и женщины привилегированного сословия оказывали существенное влияние на решения своих мужей, в том числе в сфере княжеских полномочий [13, с. 419].

В средневековой Руси подверглись сомнению и такие права супруга, как физическая власть над супругой. Церковь воспрещала рассматривать жену, как имущество мужа и замужняя женщина рассматривалась как самостоятельный субъект правоотношений. Отныне брак не давал возможности мужчине распоряжаться жизнью и свободой своей супруги. Тем не менее, указанный период характеризуется тем, что нередко наблюдается закабаление целых семей, где муж, как глава семьи, единолично решает судьбу своих домочадцев [16, с. 66].

По нашему мнению, существенно повлияло на брачно-семейный статус мужчин обязанность супругов по взаимному содержанию, положив начало реализации современных принципов семейного права [17, с. 218]. Что характерно, указанное должностное отношение супругов нашло свое подтверждение в Уставе князя Ярослава [14, с. 138]. Все это, по-видимому, демонстрирует влияние христианства на средневековую Русь. При этом, можно увидеть и существенную несимметричность взаимных обязанностей и прав супругов, так как именно мужчина выступал главой семьи [15, с. 138]. Право домовладыки здесь существенно ограничивалось в рамках средств и способов управления семьей. Мужчине была запрещена жестокость в отношении своей супруги. При этом семейная юстиция приобретала замысловатые формы. Так, только муж был вправе наказывать жену за кражу его имущества, а также за совершение супругой некоторых аморальных поступков.

В заключение необходимо отметить, что брачно-семейный статус мужчин средневековой Руси через призму канонического права характеризовался некоторой нормативной амбивалентностью. С одной стороны, правовое положение мужчин было существенно урезано в аспекте реализации институтов конкубината и наложничества, с другой же, — мужчина приобрел право быть самостоятельным и единоначальным главой семьи. При этом подобная тенденция было идеологически выстроена в рамках христианской теологии и государственной политики. В этот период можно наблюдать зарождение демократических принципов, которые в настоящее время реализованы в рамках семейных правоотношений — взаимное содержание супругов. В то же время, брачно-семейные связи в средневековой Руси характеризуются трансформированием правового положения мужчины, который хоть и выступает гла-

вой своей семьи, но приобретает обязанность заботиться о своей супруге. В аспекте правового статуса мужчин здесь необходимо отметить некоторую двойственность. Так, мужчина потерял возможность реализовывать право сожителствовать с женщиной и держать наложниц, однако сам факт вытеснения женщин из публичных областей жизни закладывал основание для их дискриминации в последующем.

Список источников

1. Абрашкевич М. М. Прелюбодеяние с точки зрения уголовного права. Одесса, 1904.
2. Брак у народов Западной и Южной Европы / отв. ред. Ю. В. Иванова. М. : Наука, 1989.
3. Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1. Харьков : Епархиальная тип., 1916.
4. Древнерусская литература / редкол.: М. Л. Гаспаров и др. М. : Слово, 2001.
5. История государства и права России: учебник / отв. ред. С. А. Чибиряев. М. : Былина, 1998.
6. Лещенко В. Ю. Семья и русское православие (XI–XIX вв.). СПб. : Фролова, 1999.
7. Макушев В. В. Сказания иностранцев о быте и нравах славян: Рассуждение Викентия Макушева. СПб. : тип. Эдуарда Веймара, 1861.
8. Момотов В. В. Формирование семьи и брака в русском средневековом праве IX–XIV вв. М. : Зерцало-М, 2003.
9. Повесть временных лет // Древнерусская литература; пер. Д. Лихачева. СПб. : Азбука, 1997.
10. Пушкарева Н. Л. Женщины древней Руси. М. : Мысль, 1989.
11. Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. / под ред. О. М. Чистякова. М. : Юридическая литература, 1984.
12. Слово о полку Игореве. М. : Московский рабочий, 1975.
13. Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 1: История России с древнейших времен. Т. 1–2. М. : Голос, 1993.
14. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М. : Юрид. лит., 1984.
15. Цыпин В. А. Церковное право. Курс лекций. М. : Наука, 1995.
16. Шпилевский С. Семейные власти у древних славян и германцев. Казань : Унив. тип., 1869.

17. Щапов Я. Н. Брак и семья в Древней Руси // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 216–219.

18. Щепкина Е. Н. Из истории женской личности в России. Лекции и статьи. СПб. : тип. Б. М. Вольфа, 1914.

19. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под ред. З. М. Черниловского. М. : Юридическая литература, 1984.

References

1. Abrashkevich M. M. Adultery from the point of view of criminal law. Odessa, 1904.

2. Marriage among the peoples of Western and Southern Europe / ed. Yu. V. Ivanov. M. : Nauka, 1989.

3. Galkovsky N. M. The struggle of Christianity with the remnants of paganism in Ancient Russia. Vol. 1. Kharkov : Diocesan type., 1916.

4. Old Russian literature / editorial board.: M. L. Gasparov et al. M. : Slovo, 2001.

5. History of the state and law of Russia: textbook / ed. S. A. Chibiryayev. M. : Bylina, 1998.

6. Leshchenko V. Yu. Family and Russian Orthodoxy (XI–XIX centuries.). St. Petersburg : Frolova, 1999.

7. Makushev V. V. Tales of foreigners about the life and customs of the Slavs: The reasoning of Vikenty Makushev. SPb. : type. Eduard Weimar, 1861.

8. Momotov V. V. Formation of family and marriage in Russian medieval law of the IX–XIV centuries. M. : Zertsalo-M, 2003.

9. The Tale of bygone years // Old Russian Literature; D. Likhachev Lane. St. Petersburg : Abc, 1997.

10. Pushkareva N. L. Women of ancient Russia. M. : Mysl, 1989.

11. Russian legislation of the X–XX centuries. In 9 t. / edited by O. M. Chistyakova. M. : Legal literature, 1984.

12. The word about Igor's regiment. M. : Moscow Worker, 1975.

13. Solovyov S. M. Essays. In 18 books 1: The History of Russia since ancient times. Vol. 1-2. M. : Golos, 1993.

14. Russian legislation of the X–XX centuries. In 9 vols. / under the general editorship of O. I. Chistyakova. Vol. 1. Legislation of Ancient Russia. M. : Jurid. lit., 1984.

15. Tsy-pin V. A. Church law. Course of lectures. M. : Nauka, 1995.

16. Shpilevsky S. Family power among the ancient Slavs and Germans. Kazan : Univ. type., 1869.

17. Shchapov Ya. N. Marriage and family in Ancient Russia // Questions of history. 1970. No. 10. P. 216–219.

18. Shchepkina E. N. From the history of the female personality in Russia. Lectures and articles. St. Petersburg : type. B. M. Wolf, 1914.

19. Anthology on the history of state and law of foreign countries / edited by Z. M. Chernilovsky. M. : Legal literature, 1984.

Информация об авторе

С. Н. Грошев — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

S. N. Groshev — Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 27.12.2022; одобрена после рецензирования 18.01.2023; принята к публикации 03.02.2023.

The article was submitted 27.12.2022; approved after reviewing 18.01.2023; accepted for publication 03.02.2023.

Научная статья
УДК 343.985.8
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-90-95>
NIION: 2003-0059-1/23-556
MOSURED: 77/27-003-2023-01-755

Трансформация подходов к формированию профессионального правосознания у сотрудников оперативных подразделений

Михаил Сергеевич Десятов

Омская академия МВД России, Омск, Россия, mih_des@mail.ru

Аннотация. Рассмотрено профессиональное правосознание сотрудников оперативных подразделений правоохранительных органов в силу повышенной конспирации оперативно-розыскной деятельности. Это обусловлено тем, что в условиях негласности правоприменительной деятельности правосознание оперативных сотрудников формируется и развивается по принципиально иным алгоритмам, нежели у иных категорий правоприменителей. Этому способствуют особенности оперативно-розыскного законодательства, наличие ограниченного круга лиц, посвященных в оперативно-розыскный процесс и способных его контролировать и ограничивать. При этом существующие подходы к подготовке сотрудников оперативных подразделений существенно устарели и требуют коренных изменений в части трансформации ведомственной системы подготовки кадров для МВД России. Предложен авторский подход к таким изменениям, обоснована потребность в них.

Ключевые слова: профессиональное правосознание, оперативно-розыскная деятельность, оперативный сотрудник, образовательная организация

Для цитирования: Десятов М. С. Трансформация подходов к формированию профессионального правосознания у сотрудников оперативных подразделений // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 90–95. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-90-95>.

Original article

Transformation of approaches to the formation of professional legal awareness among employees of operational units

Mikhail S. Desyatov

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia, mih_des@mail.ru

Abstract. The professional legal awareness of employees of operational units of law enforcement agencies due to the increased secrecy of operational investigative activities is considered. This is due to the fact that in the conditions of secrecy of law enforcement activities, the legal consciousness of operational employees is formed and develops according to fundamentally different algorithms than those of other categories of law enforcement officers. This is facilitated by the peculiarities of operational-search legislation, the presence of a limited circle of persons who are privy to the operational-search process and are able to control and limit it. At the same time, the existing approaches to the training of employees of operational units are significantly outdated and require fundamental changes in terms of the transformation of the departmental training system for the Ministry of Internal Affairs of Russia. The author's approach to such changes is proposed, the need for them is justified.

Keywords: professional legal consciousness, operational-search activity, operational officer, educational organization

For citation: Desyatov M. S. Transformation of approaches to the formation of professional legal awareness among employees of operational units. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):90–95. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-90-95>.

Попадая в условия правовой неопределенности, сотрудник (руководитель) оперативного подразделения (ОРО) воспринимает исходную информацию, которая требует правового анализа и оценки, исходя из собственных представлений о должном. Принятие правоприменительного решения основывается, преж-

де всего, на его правосознании, от уровня развития которого во многом зависит эффективность конкретных действий и мероприятий в условиях разрешения индивидуальной правовой ситуации. Несмотря на то, что проблемы правосознания достаточно давно изучаются представителями различных на-

© Десятов М. С., 2023

учных направлений [1; 2; 5; 6; 10; 11], данная проблематика в оперативно-розыскной сфере остается практически не исследованной, в то время, как результаты проведенного исследования свидетельствуют о потребности изучения вопросов, связанных с правосознанием сотрудников (руководителей) оперативных подразделений.

Видится, что причин тому несколько, коротко остановимся на них.

Во-первых, правоприменительная деятельность субъектов ОРД осуществляется, как правило, в условиях негласности, обусловленной потребностью сохранения в тайне процесса проведения ОРМ в рамках оперативной проверки или разработки. Это обстоятельство обуславливает наличие ограниченного круга должностных лиц, осуществляющих контрольно-надзорные функции в оперативно-розыскной сфере и исключает возможность ознакомления иных лиц, в том числе являющихся объектами ОРМ. В таких условиях правосознание сотрудника (руководителя) оперативного подразделения (ОРО) является фактически ограничительным механизмом, позволяющим анализировать и оценивать ту или иную ситуацию с позиции права без участия третьих лиц.

Во-вторых, оперативно-розыскное законодательство, в отличие от смежного с ним уголовно-процессуального, не содержит четких процедур проведения ОРМ, что позволяет субъектам ОРД самостоятельно принимать решения в случаях, неоговоренных нормативными правовыми актами. Полагаем, правосознание сотрудника (руководителя) оперативного подразделения (ОРО) имеет важное значение при наличии пробелов в законодательстве, возможности неоднозначного толкования норм права и т. д.

В-третьих, одной из особенностей оперативно-розыскного правоприменения является привлечение лиц, оказывающих конфиденциальное содействие, факт участия которых в правоприменительном процессе является государственной тайной. Таким образом, законность выполнения поручений (заданий) такими лицами находится под контролем конкретного сотрудника (руководителя) оперативного подразделения (ОРО) и во многом от уровня развития именно его правосознания зависит правомерность действий конфиденанта. Более того, конфиденты, будучи, как правило, ранее судимыми, также обладают собственным правосознанием, которое имеет ряд отличительных черт от правосознания правопримени-

теля, а оперативно-розыскные правоотношения с их участием представляются неотъемлемой частью оперативно-розыскного процесса.

Представляется, что формирование профессионального правосознания сотрудников (руководителей) оперативных подразделений (ОРО) представляет собой сложный комплекс мероприятий, направленных на создание субъективной модели морально-нравственного и этико-правового поведения правоприменителей, объективированной в их действиях и принимаемых решениях. Создание такой модели поведения может осуществляться на протяжении весьма длительного периода времени, что предопределяет потребность исследования вопросов, связанных с *этапами (стадиями) данного процесса*.

В. К. Колпаков связывал процесс формирования правосознания с вытеснением из него идей и понятий, сформировавшихся под влиянием обыденной (искаженной) информации, и предлагал два этапа формирования профессионального правосознания: 1) формирование узкопрофессионального правосознания у сотрудников, проходящих специальную подготовку на соответствующие должности оперативного состава ОВД (обучение в высших учебных заведениях МВД России); 2) формирование узкопрофессионального правосознания у сотрудников, уже назначенных на такие должности и реализующих свои полномочия в сфере ОРД [4].

Небесспорным представляется мнение О. В. Пересадиной о том, что профессиональное правосознание правоприменителей преимущественно формируется в процессе юридической деятельности его носителей [8]. Данная позиция небезосновательна, однако, на наш взгляд, исключает весьма важный аспект формирования правосознания любого правоприменителя, в том числе в оперативно-розыскной сфере. Дело в том, что процесс формирования и развития правосознания неминуемо проходит различные стадии, каждая из которых характеризуется наличием особенностей. Условно их можно разделить на первоначальные и последующие, где первоначальные характеризуются формированием первичных элементов профессионального правосознания, а последующие — закреплением или развитием этих элементов.

На наш взгляд, первоначальные элементы актуальны в процессе обучения будущего оперативного сотрудника, последующие — в ходе практической

деятельности на начальном этапе. Безусловно, собственно правоприменительная деятельность сотрудника (руководителя) оперативного подразделения (ОРО) существенным образом влияет на его правосознание, но, как показало проведенное исследование, приблизительно только первые полгода самостоятельной профессиональной деятельности это воздействие носит формирующий характер (на это обстоятельство указали 86,1 % опрошенных), в дальнейшем имеет место в большей степени корректирующее влияние на профессиональное правосознание. Сотрудник (руководитель) оперативного подразделения, приступая к исполнению служебных обязанностей, уже имеет определенные представления о должном поведении, о балансе законного и противозаконного, морального и аморального. Возможно, его правовые установки далеки от требуемых, но даже в идеальном или не полностью сформированном состоянии, они уже существуют, оказывая влияние на его мировосприятие и формирование мнения о происходящем вокруг.

Полагаем, что речь о формировании профессионального сознания необходимо вести на ранних стадиях подготовки рассматриваемой категории правоприменителей, когда обыденное правосознание трансформируется в профессиональное в процессе изучения юридических дисциплин, получения первоначальных профессиональных знаний, освоения первичных умений и навыков оперативно-розыскной деятельности. Представляется, что в настоящее время эта проблема стоит как никогда остро в свете происходящих изменений в сфере профессионального обучения сотрудников оперативных подразделений.

Проведенное нами исследование показало существенный «перекос» в подготовке будущих правоприменителей в обозначенной сфере с высшего образования на первоначальную профессиональную подготовку. Требования современной правоприменительной практики таковы: в короткий срок необходимы специалисты, способные по своим личностным и деловым качествам выполнять поставленные перед ними задачи. Образовательные организации, традиционно воспринимаемые как «стабильный поставщик» профессиональных кадров, в настоящее время не удовлетворяют потребности в своевременном комплектовании молодыми специалистами оперативных подразделений — количество выпускников образовательных организаций высшего образования не спо-

собно восполнить «некомплект» правоохранительных органов. В результате основной упор в решении этой проблемы делается не на качество подготовки специалиста, а на время или даже скорость его подготовки. Столь экстенсивный путь подготовки профессиональных кадров, на наш взгляд, негативно влияет на стадийность формирования профессионального правосознания будущего правоприменителя. Так, согласно статистическим данным ГУУР МВД России в 2015–2021 гг. доля выпускников образовательных организаций высшего образования системы МВД России составляла в среднем по России 28,9 % (доля выпускников очной формы обучения — 18,7 %). В 2021 г. доля выпускников высших учебных заведений составила 27,3 % (очная форма обучения — 18,1 %). В отдельных регионах количество выпускников не превышает 20 %, например, в Сахалинской области (0,0 %), Иркутской области (2,0 %), Забайкальском крае (4,3 %), Ивановской области (9,3 %), Астраханской области (10,0 %), Пензенской области (11,1 %), Вологодской области (11,5 %), Новосибирской области (12,7 %), Республике Марий Эл (13,0 %), Владимирской области (13,2 %), Астраханской области (13,9 %), Ульяновской области (14,8 %), Томской области (15,3 %) и др.¹

Кроме того, значительный рост числа неукомплектованных должностей также негативно влияет на формирование вновь принимаемых сотрудников оперативных подразделений. Так, например, в настоящее время отмечается стабильный рост кадрового некомплекта в подразделениях уголовного розыска и в целом по России в 2021 г. он составил в среднем 12,5 %, а в отдельных регионах этот показатель значительно превысил средние значения, например, в Еврейской автономной области (28,2 %), Забайкальском ЛУ на транспорте (26,6 %), Республике Марий Эл (22,5 %), Ненецком АО (21,1 %), Приморском крае (21,1 %), г. Севастополе (20,5 %), Магаданской области (20,4 %), в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области (20,3 %), Республике Ингушетия (19,7 %), УТ по СЗФО (19,0 %), Сахалинской области (18,9 %), УТ по Дальневосточному федеральному округу (17,6 %), УТ по Центральному федеральному округу (16,8%), Новосибирской обла-

¹ Для анализа использованы статистические данные за 2015–2021 гг. по форме 1-К, предоставленные ГУУР МВД России.

сти (16,2 %) и т. д. Кроме того, следует отметить, что в официальных данных учитываются только неуккомплектованные должности, в то время как фактическое невыполнение служебных обязанностей по различным причинам (отпуск, болезнь, командировка и пр.) создает дополнительную нагрузку на остальных сотрудников.

Вызывает беспокойство ситуация, связанная с увольнением выпускников в течение первого года службы после выпуска из образовательной организации. Например, с 2017 г. уволилось 914 выпускников, в том числе 626 (68 %) на первом году службы [9].

Действительно, в течение 4–5 лет подготовки к практической деятельности в образовательной организации высшего образования будущий оперуполномоченный не только изучает общеюридические и специальные дисциплины, он постепенно формируется как профессионал, сориентированный на решение задач не только наиболее оптимальным с точки зрения оперативно-розыскной тактики, но и законным, а также морально-этически приемлемым способом. Кроме того, он перманентно готовится к правоприменительной деятельности в агрессивной экстремальной среде, в условиях, сопряженных с необходимостью быстрого принятия различных решений, от правильности которых зависит не только достижение поставленной цели борьбы с преступностью, но и личная безопасность конкретных лиц.

Думается, что «форсирование» закономерных процессов создания «правильных» правовых идеалов и ориентиров у будущих сотрудников оперативных подразделений не только деформирует уже устоявшиеся представления о допустимом с различных позиций поведении, но и создает предпосылки к формированию искаженного правосознания, которое в процессе правоприменения, не только не может развиваться в заданном общественно приемлемом русле, но и служит основой для формирования аналогичных деформированных представлений о праве у других участников оперативно-розыскных правоотношений, в том числе вновь принимаемых на службу оперативных сотрудников. При этом нами не оспаривается мнение о том, что первоначальная профессиональная подготовка в настоящее время необходима и в известной степени незаменима.

Однако, на наш взгляд, подготовка высококвалифицированных сотрудников оперативных подразделений, имеющих весьма широкие, а, порой, исклю-

чительные полномочия в области правоприменения, не должна ограничиваться периодом 4–6 месяцев. Думается, что формирование профессионального правосознания сотрудника (а в дальнейшем, возможно, руководителя оперативного подразделения) неминуемо связано с изменением существующих подходов к профессиональному обучению, в рамках которого происходит формирование:

- ◆ системы научных правовых знаний;
- ◆ знаний основных предписаний права и правильного их понимания;
- ◆ уважения к праву, законам, законности и правопорядку;
- ◆ навыков и умений применения правовых знаний на практике; способности и готовности согласовывать поведение и практическую деятельность с полученными правовыми знаниями;
- ◆ устойчивого личностного неприятия нарушений норм права.

Сформированная в процессе юридического образования совокупность указанных компонентов правосознания обеспечивает психологическую установку личности на активное применение правовых знаний в жизни и профессиональной деятельности. Педагогическое взаимодействие в ходе формирования правосознания включает как накопление правовых знаний, так и превращение этих знаний в личные убеждения [7].

Названный подход предполагает прохождение будущим специалистом определенных стадий, каждая из которых характеризуется как содержательными, так и временными параметрами. Представляется, что таких стадий четыре.

I стадия «Предварительное формирование ценностных (правовых) ориентиров, получение общеюридических знаний».

На наш взгляд, формирование правосознания профессионального юриста должно начинаться с азов юриспруденции, этики, психологии и пр., однако этот процесс напрямую не связан с будущей профессией. Получаемые знания, умения и навыки носят универсальный общеюридический характер и не имеют специфики, обусловленной необходимостью решения в будущем профессиональных задач в области оперативно-розыскной деятельности. На наш взгляд, назрела потребность кардинального изменения ведомственной образовательной системы МВД России, которое заключается в следующем:

а) поступление в образовательную организацию не должно увязываться с началом службы в органах внутренних дел; б) в рамках рассматриваемого этапа (1 курс) обучающиеся должны проходить подготовку как «гражданские» студенты; в) принятие присяги и заключение контракта о службе должно осуществляться лишь по окончании рассматриваемого этапа. На первый взгляд, такой подход ограничивает возможности обучения и вовлечения обучающихся в условия несения службы. Однако, на наш взгляд, именно в этот период обучающиеся физически, психологически и морально не готовы к роли сотрудника ОВД, привлечение их к выполнению обязанностей в таком качестве не эффективно и не целесообразно, а в некоторых случаях — опасно (например, привлечение к охране общественного порядка при проведении спортивно-массовых мероприятий). Кроме того, обучение в этот период способствует устойчивому формированию осознанного выбора в продолжении обучения в ведомственной образовательной организации или его прекращения. Не основным, но значимым, является также экономический фактор — обучение в таком формате позволит существенно сократить расходы, связанные с обеспечением обучающихся как сотрудников ОВД (денежное довольствие, вещевое обеспечение, социальные гарантии).

II стадия «Формирование представления об основных институтах и категориях оперативно-розыскного права, уголовного права, уголовного процесса, криминалистики. Формирование профессиональных знаний и умений в области оперативно-розыскной деятельности».

Эта стадия по времени сопоставима с обучением на 2–3 курсах и сопряжена с фактическим началом службы в МВД России и принятием присяги. Предполагается, что в отведенное время будущие оперативные сотрудники будут углубленно изучать только учебные дисциплины профессионального цикла. Одновременно с этим с ними должна проводиться воспитательная работа, психологические тренинги и мастер-классы, направленные на формирование профессионального правосознания в духе уважения профессиональных ценностей и традиций выбранной профессии, «такое воспитывающее обучение в процессе юридического образования предполагает непрерывную связь процессов целенаправленного формирования сознания личности законопослуш-

ного гражданина и юриста-профессионала, включая правосознание, правовую культуру, нравственные идеалы, правовые установки и ценностные ориентации, специальные, профессионально необходимые знания» [3].

III стадия «Закрепление умений осуществления оперативно-розыскной деятельности».

По времени данная стадия совпадает с обучением на четвертом курсе. В рамках данной стадии предполагается проведение практики в оперативных подразделениях, призванной закрепить полученные профессиональные знания и умения и экстраполировать первичные правовые предубеждения с теоретического уровня на практический. Формирование профессионального правосознания на данном этапе происходит в тесном переплетении с реальным оперативно-розыскным процессом.

IV стадия «Формирование устойчивых навыков осуществления оперативно-розыскной деятельности».

Данная стадия отличается от предыдущей тем, что связана уже не с обучением, а с началом самостоятельного выполнения профессиональных обязанностей, сопряженного с закреплением наставника из числа наиболее опытных оперативных сотрудников и руководителей оперативных подразделений.

Разумеется, предложенный подход на данном этапе развития системы подготовки кадров весьма теоретизирован, требует глубокого всестороннего осмысления и проработки. Вместе с тем, озвученные идеи, в случае их реализации, будут, на наш взгляд, способствовать закреплению на практике профессионального высококвалифицированного кадрового ядра, сотрудники которого будут не только осознавать себя как профессионалов, но и стремиться к саморазвитию в профессиональном русле.

Список источников

1. Байниязов Р. С. Правосознание и правовой менталитет в России: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2006.
2. Гранин А. Ф. Убеждение и принуждение в правоохранительной деятельности органов внутренних дел. Киев, 1973.
3. Климентов В. Л. Развитие правосознания и правовой культуры в процессе юридического образования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 2. С. 209.

4. Колпаков В. К. Совершенствование правосознания оперативных работников как средство повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности // Проблемы повышения эффективности деятельности оперативно-розыскных аппаратов органов внутренних дел в современных условиях: сб. науч. тр. Киев, 1985. С. 42.

5. Кудрявцев В. Н. Правосознание юриста. Советская юстиция. 1974. № 10. С. 3–5.

6. Никитин В. Б. О структуре правосознания // Человек и общество. Л., 1973. С. 133.

7. Певцова Е. А. Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правовому сознанию // Журнал российского права. 2004. № 3. С. 70–81.

8. Пересади́на О. В. Правовая идеология профессионального правосознания: теоретико-правовой анализ // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 4. С. 56.

9. Письмо ГУРЛС МВД России от 18 ноября 2022 г. № 1/13258 «О направлении информации».

10. Сафронов В. В. Правосознание гражданина: дисс. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004.

11. Тапчя́н Н. М. Правосознание и правовая культура: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

References

1. Bayniyazov R. S. Legal awareness and legal mentality in Russia: autoref. diss. ... doct. jurid. M., 2006.

2. Granin A. F. Persuasion and coercion in law enforcement activities of internal affairs bodies. Kiev, 1973.

3. Klimentov V. L. Development of legal awareness and legal culture in the process of legal education // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 2. P. 209.

4. Kolpakov V. K. Improving the legal awareness of operational workers as a means of increasing the efficiency of operational investigative activities // Problems of improving the efficiency of operational investigative apparatus of internal affairs bodies in modern conditions: collection of scientific tr. Kiev, 1985. P. 42.

5. Kudryavtsev V. N. Legal awareness of a lawyer. Soviet justice. 1974. No. 10. P. 3–5.

6. Nikitin V. B. On the structure of legal consciousness // Man and society. L., 1973. P. 133.

7. Pevtsova E. A. Modern definitive approaches to legal culture and legal consciousness // Journal of Russian Law. 2004. No. 3. P. 70–81.

8. Transplantina O. V. Legal ideology of professional legal consciousness: theoretical and legal analysis // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 4. P. 56.

9. Letter of the MIA of Russia dated November 18, 2022 No. 1/13258 «On the direction of information».

10. Safronov V. V. Legal consciousness of a citizen: diss. ... cand. jurid. sciences'. Krasnoyarsk, 2004.

11. Tapchanyan N. M. Legal awareness and legal culture: abstract. diss. ... cand. jurid. M., 1999.

Информация об авторе

М. С. Десятов — первый заместитель начальника Омской академии МВД России (по учебной работе), доктор юридических наук, доцент, почетный сотрудник МВД России.

Information about the author

M. S. Desyatov — First Deputy Head of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for academic work), Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 12.01.2023; одобрена после рецензирования 31.01.2023; принята к публикации 13.02.2023.

The article was submitted 12.01.2023; approved after reviewing 31.01.2023; accepted for publication 13.02.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-96-99>

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 2003-0059-1/23-557

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 77/27-003-2023-01-756

Исчисление сроков содержания под стражей при экстрадиции

Максим Андреевич Довгань

Коллегия адвокатов «Якупов и партнеры», Москва, Россия, dovgan.maksim@list.ru

Аннотация. Рассматривается мера пресечения в виде заключения под стражу, которая зачастую избирается на территории иностранного государства до того, как Российская Федерация направит запрос иностранному государству о выдаче лица. В связи с этим, возникает вопрос о зачете срока такого содержания. Рассмотрена процедура избрания меры пресечения в виде заключения под стражу при экстрадиции. Приводится анализ судебной практики с целью выявления наиболее часто встречающихся ошибок при учете срока содержания под стражей для обеспечения правильного и единообразного применения судами уголовно-процессуального законодательства при рассмотрении проблемного вопроса.

Ключевые слова: срок содержания, иностранное государство, экстрадиция, заключение под стражу, судебная практика

Для цитирования: Довгань М. А. Исчисление сроков содержания под стражей при экстрадиции // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 96–99. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-96-99>.

Original article

Calculation of the terms of detention during extradition

Maxim A. Dovgan

Yakupov and Partners Bar Association, Moscow, Russia, dovgan.maksim@list.ru

Abstract. A preventive measure in the form of detention is being considered, which is often chosen on the territory of a foreign state before the Russian Federation sends a request to a foreign state for the extradition of a person. In this regard, the question arises about the offset of the term of such content. The procedure for choosing a preventive measure in the form of detention during extradition is considered. The analysis of judicial practice is given in order to identify the most common errors when taking into account the period of detention in order to ensure the correct and uniform application of criminal procedure legislation by courts when considering a problematic issue.

Keywords: term of detention, foreign state, extradition, detention, judicial practice

For citation: Dovgan M. A. Calculation of the terms of detention during extradition. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):96–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-96-99>.

В настоящее время активно развивается институт выдачи лиц для уголовного преследования, являющийся одним из основных направлений международного сотрудничества Российской Федерации. На данный момент заключено более 90 соглашений и иных договоренностей о сотрудничестве Генеральной прокуратуры Российской Федерации с зарубежными партнерами из 72 государств [7].

В связи с процедурой экстрадиции зачастую возникают вопросы относительно зачета времени, в течение которого лицо содержалось под стражей на территории иностранного государства по запросу об оказании правовой помощи или о выдаче его Российской Федерации в соответствии со ст. 460 УПК РФ. В настоящей статье представляется интересным рассмотреть процедуру избрания меры пресечения в виде заключения под стражу при экстрадиции, проанализировать практику применения ст. 109 УПК РФ в том случае, когда лицо содержалось под стражей на

территории иностранного государства, выявить проблемы, зачастую встречающиеся при решении вопроса о зачете времени содержания под стражей на территории иностранного государства.

Возможность принятия судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого в случае его объявления в международный и (или) межгосударственный розыск закреплена в ч. 5 ст. 108 УПК РФ.

Такое правовое регулирование направлено на обеспечение возможности применения запрашиваемым государством обеспечительной меры в виде заключения под стражу (ареста) к требуемому лицу до получения запроса о выдаче [4, с. 122–129]. При этом на практике существует проблема, связанная со сроком исчисления избранной меры пресечения.

Согласно ч. 9 ст. 109 УПК РФ срок содержания под стражей в период предварительного расследования исчисляется с момента заключения подозре-

© Довгань М. А., 2023

ваемого, обвиняемого под стражу. Поскольку для процедуры экстрадиции не предусмотрено специальное правовое регулирование, подлежит применению указанная норма. Кроме того, ст. 109 УПК РФ не предусматривает возможности избрать меру пресечения в виде заключения под стражу на неопределенный срок [5, с. 148–154].

В соответствии с п. 4 ч. 10 ст. 109 УПК РФ в срок содержания под стражей засчитывается время в течение которого лицо содержалось под стражей на территории иностранного государства по запросу об оказании правовой помощи или о выдаче его РФ в соответствии со ст. 460 УПК РФ.

Однако, указанный подход не всегда воспринимается правоприменителями, поскольку длительность рассмотрения запрашиваемыми иностранными государствами запросов РФ о выдаче становится причиной истечения сроков содержания под стражей еще до того, как лицо фактически передавалось на территорию РФ либо остаток срока после его передачи был настолько коротким, что не позволял провести все необходимые процессуальные действия в рамках предварительного расследования [6, с. 199–201].

Кроме того, ходатайство следователя о продлении срока содержания под стражей свыше шести месяцев необходимо согласовывать либо с прокурором субъекта Федерации либо с (в зависимости от подследственности уголовного дела) Председателем Следственного комитета РФ или руководителем следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти в том случае, если продление составляет срок от 12 до 18 месяцев, что является дополнительным процессуальным контролем по отношению к органу следствия.

Исходя из этого органы следствия, суды на практике по-другому определяют момент заключения разыскиваемого лица под стражу и сроки такого заключения. Все приведенные ниже судебные акты подлежали отмене или изменению вышестоящими судебными инстанциями, поскольку так или иначе уменьшали срок содержания лица под стражей, в отношении которого направлен запрос о выдаче.

Так, Московский городской суд в апелляционном постановлении от 7 октября 2021 г. по делу № 10-20092/2021 указал, что в связи с экстрадицией обвиняемого 15 июля 2021 г. предварительное следствие по уголовному делу возобновлено и 20 июля 2021 г. уголовные дела вновь соединены в одном производстве. Срок предварительного следствия по делу был продлен до 20 ноября 2021 г. 22 октября 2018 г. в отношении обвиняемого вынесено поста-

новление о привлечении в качестве обвиняемого, и в этот же день он объявлен в розыск. 27 декабря 2018 г. в отношении указанного гражданина избрана мера пресечения в виде заключения под стражу сроком до двух месяцев с момента передачи его правоохранительным органам РФ в случае экстрадиции или депортации. 8 июля 2021 г. обвиняемый был экстрадирован в РФ, где 15 июля 2021 г. ему предъявлено обвинение в совершении преступления. 6 сентября 2021 г. постановлением Дорогомиловского районного суда срок содержания обвиняемого под стражей продлен на два месяца, всего до четырех месяцев, т. е. до 8 ноября 2021 г. [1].

Как указала апелляционная инстанция, судом первой инстанции не было учтено, что в соответствии с п. 4 ч. 10 ст. 109 УПК РФ в срок содержания под стражей также засчитывается время, в течение которого лицо содержалось под стражей на территории иностранного государства по запросу об оказании правовой помощи или о выдаче его РФ в соответствии со ст. 460 УПК РФ. Представленные в апелляционный суд материалы свидетельствовали, что обвиняемый задержан 8 июля 2019 г., содержался там под стражей вплоть до его выдачи РФ 8 июля 2021 г.

Таким образом, время содержания под стражей по запросу РФ о выдаче обвиняемого, которое составило более 12 месяцев, апелляционный суд засчитал в срок содержания обвиняемого под стражей, мотивируя это тем, что в силу ч. 3 ст. 109 УПК РФ срок содержания под стражей свыше 12 месяцев может быть продлен лишь в исключительных случаях в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений, судьей суда, указанного в ч. 3 ст. 31 УПК РФ по ходатайству следователя, внесенному с согласия в соответствии с подследственностью Председателя Следственного комитета РФ либо руководителя следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти. В соответствии с ч. 11 ст. 109 УПК РФ по истечении предельного срока содержания под стражей в случаях, предусмотренных п. 4 ч. 10 ст. 109 УПК РФ и при необходимости производства предварительного расследования суд вправе продлить срок содержания лица под стражей в порядке, установленном ст. 109 УПК РФ, но не более чем на шесть месяцев. Таким образом, апелляционный суд признал, что в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, несмотря на истечение предельного срока содержания обвиняемого под стражей в случаях, предусмотренных п. 4 ч. 10 ст. 109 УПК РФ, в случае необходимости производства предварительного расследования,

следователь был вправе обратиться в суд с ходатайством о продлении срока содержания обвиняемого под стражей в порядке, установленном ст. 109 УПК РФ, но не более чем на шесть месяцев и в пределах продленного срока предварительного расследования. Вместе с тем, рассмотрение ходатайств о продлении срока содержания под стражей свыше 12 месяцев в силу ч. 3 ст. 31 УПК РФ отнесено законом к подсудности, исключающей рассмотрение такого ходатайства судьей районного суда. Таким образом, ходатайство о продлении срока содержания под стражей подано следователем и рассмотрено судьей Дорогомиловского районного суда с нарушением правил подсудности, в связи с чем постановление суда подлежало отмене.

Что касается зачета срока содержания на территории иностранного государства во взаимосвязи с тем, что не все процессуальные действия были выполнены, то суды в таких случаях уточняют сроки содержания. Так, Московский городской суд в апелляционном постановлении от 30 июня 2021 г. № 10-12831/2021 принял во внимание время нахождения лица под стражей при следующих фактических обстоятельствах.

2 апреля 2018 г. органом следствия возбуждено уголовное дело. 21 мая 2018 г. обвиняемый объявлен в федеральный розыск, а 1 июня 2018 г. — в международный розыск. 7 июня 2018 г. обвиняемому в установленном законом порядке избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на срок два месяца с момента его экстрадиции либо с момента его задержания. 25 марта 2021 г. обвиняемый экстрадирован в РФ для содержания под стражей. 15 апреля 2021 г. обвиняемому окончательно предъявлено обвинение по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Срок предварительного следствия по делу продлен в установленном законом порядке до 16 августа 2021 г. Следователь, с согласия соответствующего руководителя следственного органа, обратился в суд с ходатайством о продлении обвиняемому срока содержания под стражей, поскольку окончить расследование к указанному сроку не представляется возможным в связи с необходимостью выполнения ряда следственных и процессуальных действий.

В описательно-мотивировочной части суд указал, что поскольку из представленных материалов следует, что обвиняемый содержался в исправительном учреждении с 19 февраля 2021 г. до осуществления процедуры экстрадиции, то на основании п. 4 ч. 10 ст. 109 УПК РФ в срок содержания его под стражей должно быть зачтено время, в течение которого он

содержался под стражей на территории иностранного государства по запросу о выдаче его РФ в соответствии со ст. 460 УПК РФ, что судом первой инстанции сделано не было, а поэтому суд апелляционной инстанции, устраняя данное нарушение уголовно-процессуального закона в сторону улучшения положения обвиняемого, засчитал в срок содержания под стражей обвиняемого период нахождения его под стражей на территории иностранного государства по запросу о его выдаче РФ с 19 февраля 2021 г. по 25 марта 2021 г. [3].

Необоснованный отказ в ходатайстве стороны защиты об истребовании материалов, свидетельствующих о сроке и времени нахождении лица под стражей на территории иностранного государства, также является существенным нарушением.

Так, Московский городской суд в апелляционном постановлении № 10-7875/2020 вернул ходатайство следователя на новое рассмотрение, поскольку судом первой инстанции было остановлено без внимания что, согласно представленным материалам, обвиняемая была задержана в Болгарии, передана сотрудникам ФСИН России и НЦБ Интерпола МВД России, после чего помещена в СИЗО. Указанные сведения судом первой инстанции не проверены, данных о задержании обвиняемой и периоде ее содержания под стражей на территории иностранного государства в представленных материалах не имеется. Таким образом, доводы стороны защиты о нарушении требований уголовно-процессуального закона при возбуждении следствием ходатайства о продлении срока содержания обвиняемой под стражей оставлены судом первой инстанции без надлежащей проверки. Непредставление в распоряжение суда данных сведений не освобождало суд первой инстанции от проверки заявленных доводов путем истребования у органа предварительного расследования соответствующих документов. Отсутствие сведений о времени задержания обвиняемой и содержании ее под стражей на территории иностранного государства лишает суд возможности определить период, на который возможно продлить срок содержания обвиняемой под стражей в соответствии с порядком, установленным ч. 2 ст. 109 УПК РФ. Следовательно, при указанных обстоятельствах суд без достаточных на то оснований пришел к выводу, что срок содержания под стражей будет составлять только четыре месяца, а ходатайство следователя обоснованно согласовано с заместителем начальника ГУ МВД России [2].

Таким образом, следует надлежащим образом учитывать время содержания лица под стражей на

территории иностранного государства при формировании ходатайства о продлении сроков содержания под стражей. Анализ вышеприведенной судебной практики свидетельствует, что суды при разрешении вопроса о зачете срока содержания не всегда правильно применяют положения уголовно-процессуального законодательства. Вместе с тем, автором указываются решения вышестоящих судов по исправлению таких судебных ошибок в целях обеспечения правильного и единообразного применения судами уголовно-процессуального законодательства при рассмотрении проблемного вопроса. Обоснованным представляется предложение о дальнейшем совершенствовании нормативной регламентации в УПК РФ оснований, порядка избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, ее продления для обеспечения выдачи лица, что исключит необоснованное содержание под стражей на территории Российской Федерации и будет способствовать дальнейшему эффективному взаимодействию с иностранными государствами.

Список источников

1. Апелляционное постановление Московского городского суда от 7 октября 2021 г. по делу № 10-20092/2021 // URL://<https://mos-gorsud.ru/>
2. Апелляционное постановление Московского городского суда от 30 апреля 2020 г. по делу № 10-7875/2020 // URL://<https://mos-gorsud.ru/mgs>.
3. Апелляционное постановление Московского городского суда от 30 июня 2021 г. по делу № 10-12831/2021 // URL://<https://mos-gorsud.ru/mgs/>
4. Григорьев В. Н. О некоторых вопросах при экстрадиции // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского. 2018. № 2.
5. Иванов В. В. Сроки содержания под стражей лиц, подлежащих экстрадиции // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России:

межвуз. сб. науч. ст. / под ред. В. А. Лазаревой. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2008.

6. Колдин С. В. Проблемы регламентации избрания меры пресечения в виде заключения под стражу лиц, находившихся в межгосударственном розыске // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1.

7. Межведомственные соглашения и иные договоренности Генеральной прокуратуры Российской Федерации // URL://<https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/international-cooperation>.

References

1. Appeal decision of the Moscow City Court of October 7, 2021 in case No. 10-20092/2021 // URL://<https://mos-gorsud.ru/>
2. Appeal decision of the Moscow City Court of April 30, 2020 in case No. 10-7875/2020 // URL://<https://mos-gorsud.ru/mgs>.
3. Appeal decision of the Moscow City Court of June 30, 2021 in case No. 10-12831/2021 // URL://<https://mos-gorsud.ru/mgs/>
4. Grigoriev V. N. On some issues during extradition // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. Lobachevsky. 2018. № 2.
5. Ivanov V. V. Terms of detention of persons subject to extradition // Actual problems of the modern criminal process of Russia: mezhvuz. sb. scientific. art. / edited by V. A. Lazareva. Samara : Publishing House «Samara University», 2008.
6. Koldin S. V. Problems of regulation of the election of a preventive measure in the form of detention of persons who were on the interstate wanted list // Judicial power and criminal procedure. 2012. No. 1.
7. Interdepartmental agreements and other arrangements of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation // URL://<https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/international-cooperation>.

Информация об авторе

М. А. Довгань — студент Института судебных экспертиз МГЮА имени О.Е. Кутафина, помощник адвоката Коллегии адвокатов «Якупов и партнеры».

Information about the author

M. A. Dovgan — Student of the Institute of Forensic Examinations of the Kutafin Moscow State Law University, Assistant Lawyer of the Yakupov and Partners Bar Association.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 29.05.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 29.03.2022; approved after reviewing 29.05.2022; accepted for publication 29.07.2022.

Научная статья

УДК 343.3

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-100-104>

НИОН: 2003-0059-1/23-558

MOSURED: 77/27-003-2023-01-757

Перспективы совершенствования тактических приемов, используемых в рамках производства осмотра места происшествия

Павел Васильевич Елфимов¹, Ольга Павловна Виноградова²

^{1,2} Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия

¹ pvelfimov@mail.ru

² olga10vin@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена одна из главных задач науки криминалистики — необходимость развития и совершенствования тактики проведения осмотра места происшествия с учетом тенденции активной трансформации общественных отношений. Применение уже ранее известных технико-криминалистических средств и тактических приемов свидетельствует о необходимости внедрения новых инновационно-научных разработок в области производства осмотра места происшествия. Однако, ныне действующий УПК РФ содержит достаточное количество регламентирующих положений, которые предполагают предварительную осведомленность лица, приступающего к проведению осмотра. Полученные знания и навыки тактических основ проведения осмотра места происшествия, способов обнаружения и изъятия следов преступления свидетельствуют о подготовленности сотрудника.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, обнаружение, фиксация, изъятие следов, технические средства

Для цитирования: Елфимов П. В., Виноградова О. П. Перспективы совершенствования тактических приемов, используемых в рамках производства осмотра места происшествия // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 100–104. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-100-104>.

Original article

Prospects for improving tactical techniques used as part of the inspection of the scene of the accident

Pavel V. Elfimov¹, Olga P. Vinogradova²

^{1,2} Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia

¹ pvelfimov@mail.ru

² olga10vin@mail.ru

Abstract. One of the main tasks of the science of criminology is considered — the need to develop and improve the tactics of conducting an inspection of the scene of the incident, taking into account the trend of active transformation of public relations. The use of previously known technical and forensic tools and tactical techniques indicates the need for the introduction of new innovative and scientific developments in the field of production inspection of the scene. However, the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation contains a sufficient number of regulatory provisions that presuppose prior awareness of the person embarking on the inspection. The acquired knowledge and skills of the tactical basics of conducting an inspection of the scene of the incident, methods of detecting and removing traces of the crime indicate the readiness of the employee.

Keywords: inspection of the scene, detection, fixation, removal of traces, technical means

For citation: Elfimov P. V., Vinogradova O. P. Prospects for improving tactical techniques used as part of the inspection of the scene of the accident. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):100–104. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-100-104>.

На сегодняшний день одной из главных задач науки криминалистики выступает необходимость развития и совершенствования тактики проведения осмотра места происшествия с учетом тенденции активной трансформации общественных отношений. Применение ранее известных технико-криминалистических средств, тактических приемов свидетель-

ствует о необходимости внедрения новых инновационно-научных разработок в области производства осмотра места происшествия. Однако, ныне действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) содержит достаточное количество регламентирующих положений, которые предполагают предварительную

© Елфимов П. В., Виноградова О. П., 2023

осведомленность лица, приступающего к проведению осмотра. Полученные знания и навыки тактических основ проведения осмотра места происшествия, способов обнаружения и изъятия следов преступления свидетельствуют о подготовленности сотрудника [1, с. 58].

Генезис такого следственного действия, как осмотр места происшествия имеет значительно объемные исторические рамки, ввиду систематизации различных уголовно-процессуальных положений, знаний, теорий. На сегодняшний день осмотр места происшествия выступает самостоятельным институтом уголовно-процессуального права и криминалистики. Более детально установить сущность рассматриваемого явления нам позволят дефиниции, сформулированные рядом авторов, которые с разных позиций рассматривают и расценивают теоретико-смысловую «нагрузку» данного криминалистического феномена.

Трудно представить досудебное производство без такого следственного действия, как осмотр места происшествия, ввиду того, что оно является самым частопроизводимым, необходимым и фундаментальным действием.

И. И. Клименко под осмотром места происшествия понимает наиболее важный способ получения доказательственной и ориентирующей информации о механизме совершения преступления, лиц, его совершивших, иных субъектов, причастных к преступному деянию [2]. А. П. Рыжаков в своем учебном пособии «Осмотр: основание и порядок производства» под осмотром понимает такое следственное действие, которое всецело направлено на сбор доказательств, что в дальнейшем отражается в протоколе осмотра места происшествия [3]. По мнению Б. Т. Безлепкина, «следственный осмотр» представлен как изучение участков местности, помещений, отдельных предметов и иных объектов [4, с. 226]. Таким образом, проанализированные выше понятия осмотра места происшествия в интерпретации ученых, еще раз наглядно отображают специфику данного следственного действия.

В рамках проводимого исследования считаем логичным предложить собственную формулировку данного понятия «осмотр места происшествия», с дальнейшей его конкретизацией «на местности», и его составными элементами. Полагаем, под осмотром места происшествия следует понимать такое след-

ственное действие, которое должно быть проведено безотлагательно, в процессе непосредственного восприятия уполномоченным на его проведение лицом определенного объекта (территории, участка местности и т. п.), с целью его дальнейшего изучения, анализа, фиксации и изъятия отыскиваемых следов преступления, вещественных доказательств, что в совокупности данной «смеси» позволит сделать правильный, законный, обоснованный вывод, касаемый различных обстоятельств совершенного преступления с целью дальнейшего его раскрытия. Место происшествия следует рассматривать как определенный объект (участок территории, помещение и т. д.), в рамках которого происходит процесс обнаружения, фиксации, изъятия следов преступления, т. е. место, где имело место событие преступления (общественно опасное деяние).

Важной составной частью осмотра места происшествия является место обнаружения общественно опасных последствий (следов и т. д.). Нами предлагается рассмотреть категорию «место обнаружения» в следующей теоретической формулировке: место (территория, помещение), в котором были обнаружены явные следы преступления, напрямую свидетельствующие о его совершении, вследствие чего уполномоченное на производство осмотра места происшествия лицо предпринимает всевозможные действия, направленные на обнаружение, и дальнейшее процессуальное закрепление следов — вещественных доказательств по уголовному делу.

Правильное определение (установление) места преступления особенно важно ввиду того, что от данного решения зависит реализация территориального принципа действия уголовного закона, т. е. опосредованно все же будет определен процессуальный порядок места предварительного расследования, в дальнейшем — рассмотрение уголовного дела судом по принципу территориальности. Так, под местом преступления следует понимать место, где наступили последствия уголовно наказуемого деяния, либо было непосредственно «обнаружено» преступление.

Немаловажное значение в теории науки криминалистики, уголовного процесса имеет понятие «обстановка места происшествия», под которым понимают совокупность всех объектов на определенной территории, местности, взаимосвязанных между собой по определенным причинам.

Поскольку в рамках проведения осмотра места происшествия следователь (дознаватель) вынужден прибегнуть к «помощи» технико-криминалистических приемов, средств в рамках обнаружения, фиксации доказательственной базы, то для более детального анализа такого института криминалистики, как «криминалистическая техника», следует дать полное его определение. Под криминалистической техникой следует понимать совокупность научно-технических, практических положений, средств, содержащихся в основе процесса собирания, получения, исследования различных объектов, направленных на раскрытие, расследование, предупреждение преступлений.

УПК РФ в ч. 6 ст. 164 закрепляет правовую основу регламентации деятельности должностного лица в рамках допустимости использования в различных следственных действиях технико-криминалистических средств. Отдельные аспекты применения различных технических средств регламентируются в отдельных статьях УПК РФ. Следователь (дознаватель), применяя различные технические средства, используя полученные им специальные знания, должен руководствоваться не только лишь прямым действием закона, но и использовать в своей практике различные нормы ведомственного законодательства, научные положения, методические рекомендации и т. д.

Наука криминалистика выделяет две разновидности криминалистических приемов:

- ♦ тактико-криминалистические (определяющие процесс организации, планирования, проведения того или иного следственного действия);

- ♦ технико-криминалистические (обуславливающие возможность использования в процессе проведения того или иного следственного действия технико-криминалистического средства) [5].

Логично заметить, что первоочередной задачей должностного лица, производящего осмотр места происшествия следует все же считать необходимость поиска следов преступления, ввиду того, что именно это факт позволит в дальнейшем сформулировать наиболее конкретную, достоверную модель-информацию о совершенном преступлении, а также определить доказательственную базу по рассматриваемому уголовному делу. В своей профессиональной деятельности следователь (дознаватель) зачастую прибегают к помощи различных автоматизирован-

ных вспомогательных систем, например, таких как АДИС «Папилон», АИПС «Наказание», АИСС «Выстрел» и др. [6, с. 487]. Наука и практика криминалистики воссоздала достаточно обширную систему методов обнаружения и выявления доказательственной основы — следов преступления: визуальные (оптические); химические; физические; физико-химические; микробиологические.

Важно учитывать тот факт, что использование существующих технико-криминалистических методов, средств в процессе доказывания основывается на следующих критериях: научность технико-криминалистического метода трактуется как обоснованность и достоверность используемых, полученных результатов в ходе проведения осмотра места происшествия; гуманность, безопасность методов и средств, используемых в ходе проведения осмотра места происшествия (используемые методы не должны навредить здоровью и жизни участвующим лицам); официальность, законность используемых методов (фундаментальность использования технико-криминалистических методов должна быть определена в конституционных положениях, которые не нарушают права и свободы лиц, исключают возможность их дискриминации); критерий эффективности используемого метода исходит из возможности и необходимости решения тех или иных, задач, возникающих в ходе проводимого следственного действия.

Используемый метод должен быть не только эффективным, но и рентабельным, т. е. соразмерным относительно затраченным силам и средствам — полученным результатам.

Изъятие следов преступления с места их обнаружения — весьма ответственное и трудоемкое занятие. Должностное лицо, уполномоченное на обнаружение, изъятие и процессуальное оформление следов, объектов, обнаруженных на месте преступления, должно качественно провести данную «процедуру» с той целью, чтобы обнаруженные следы преступления не были утрачены, утеряны в процессе их фиксации, изъятия, иначе данный аспект может негативно отразиться на расследовании преступления.

Детализировать полученные знания относительно применения технико-криминалистических средств в рамках обнаружения и фиксации доказательственной базы необходимо посредством анализа задач, которые могут быть разрешены с помощью ранее

исследованных нами методов: выявить, обнаружить, зафиксировать, изъять, сохранить следы, объекты, выступающие в качестве доказательств; предварительное проведение экспертного исследования собранных доказательств (следов и т. д.); посредством использования криминалистически значимой информации проанализировать ее с помощью различных информационно-справочных систем.

В рамках инновационных предложений по совершенствованию тактики производства осмотра места происшествия следует рассмотреть организационную модель, создаваемую для обеспечения сохранности следов на месте преступления, к тому же данная модель позволит существенно сократить объемы финансирования денежных средств на обеспечения проводимого мероприятия, уменьшение численности задействованного личного состава на охрану места происшествия. Нами предлагается разработать трехуровневую модель, основная задача которой заключается в обеспечении контроля за охраняемой территорией, на которой произошло преступление.

Первоначальным уровнем сдерживания граждан (сил, средств) считается базовый уровень, сущность которого заключается в необходимости установления сотрудниками полиции ограничительной ленты по границам места преступления. Такие границы зачастую устанавливаются самими сотрудниками полиции, которые первыми прибыли на место происшествия. Ранее установленные границы места преступления впоследствии могут быть изменены специалистами, следователем с целью обеспечения сохранности первоначальной обстановки места происшествия. Обязательным элементом на первом уровне сохранно-обеспечительной модели признается необходимость установления возможных путей отхода (подхода) преступников. Первый уровень предлагаемой нами модели, безусловно, признается самым ответственным, основным.

Второй уровень сохранно-обеспечительной модели устанавливается прибывшей на место совершения происшествия следственно-оперативной группой, которая самостоятельно устанавливает границы осматриваемой зоны. Суть введения второго уровня сохранности территории состоит в том, чтобы дополнительно определить вспомогательную территорию, которая примыкает к первому уровню «модели», для того, чтобы была обеспечена

нормальная работа должностных лиц, расследующих преступление.

Третий уровень — «зона периметра», представляет собой определенный участок местности, на котором дислоцируется личный состав сотрудников полиции и их служебный транспорт. Данная «зона периметра» определяется с учетом ранее выставленных рубежей охраны (посредством использования ленты, специальных ограждений). Первостепенная задача «зоны периметра» заключается в необходимости обеспечения неприкосновенности и недоступности для посторонних лиц территории первого и второго уровней «модели сохранности». Правильная организация личного состава позволит максимально продуктивно и целенаправленно использовать силы и средства в рамках обеспечения сохранности первоначального «облика» места происшествия. Таким образом, предложенная нами «сохранно-обеспечительная модель» может быть интересна в части методических рекомендаций по оптимальной организации личного состава сотрудников полиции при осмотре места происшествия, даже на примере ряда конкретных практических ситуаций.

Список источников

1. Виноградова О. П., Малых А. А. Современные технико-криминалистические возможности осмотра места происшествия // В сб.: Технично-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: сб. ст. по итогам междунар. науч.-практ. конф., проводимой в рамках деловой программы международной выставки «Интерполитех-2018». М., 2018.
2. Клименко И. И. Проблемы расследования и судебного следствия по делам о разбойных нападениях, совершенных организованными группами с проникновением в охраняемые помещения: дисс. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2001.
3. Рыжиков А. П. Осмотр: основание и порядок производства: учебное пособие. 2013 // СПС «Консультант Плюс».
4. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному Кодексу РФ (постатейный). М. : ВИТРЭМ, 2002.
5. Чурилов С. Н. Криминалистическая тактика: практическое пособие в вопросах и ответах. М. : Юстицинформ, 2011.

6. Бастрькин А. И. Криминалистика: учебник. Т. I / под общ. ред. А. И. Бастрькина. М. : Экзамен, 2014.

References

1. Vinogradova O. P., Malykh A. A. Modern technical and forensic capabilities of inspection of the scene // In the collection: Technical and forensic support for the disclosure and investigation of crimes: collection of articles based on the results of the international scientific and practical conference held within the framework of the business program of the international exhibition «Interpol-tech-2018». М., 2018.

2. Klimenko I. I. Problems of investigation and judicial investigation in cases of assaults committed organized groups with penetration into protected premises: diss. ... cand. jurid. sciences'. Barnaul, 2001.

3. Ryzhakov A. P. Inspection: the basis and procedure of production: study guide. 2013 // SPS «Consultant Plus».

4. Bezlepkin B. T. Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article by article). М. : VITRAM, 2002.

5. Churilov S. N. Criminalistic tactics: a practical guide in questions and answers. М. : Justicinform, 2011.

6. Bastrykin A. I. Criminalistics: textbook. Vol. I / under the general ed. A. I. Bastrykina. М. : Exam, 2014.

Информация об авторах

П. В. Елфимов — профессор кафедры криминалистики Уральского юридического института МВД России, доктор медицинских наук, заслуженный врач РФ, член-корреспондент Академии медико-технических наук РФ;

О. П. Виногорова — доцент кафедры криминалистики Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the authors

P. V. Elfimov — Professor of the Department of Criminalistics of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Medical Sciences, Honored Doctor of the Russian Federation, Corresponding member of the Academy of Medical and Technical Sciences of the Russian Federation;

O. P. Vinogradova — Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.07.2022; одобрена после рецензирования 12.09.2022; принята к публикации 29.11.2022.

The article was submitted 11.07.2022; approved after reviewing 12.09.2022; accepted for publication 29.11.2022.

Научная статья
УДК 343.101:344.22
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-105-109>
НИОН: 2003-0059-1/23-559
MOSURED: 77/27-003-2023-01-758

Из истории организации и деятельности комитетов бедноты (по материалам Нижнего Поволжья)

Александр Егорович Епифанов

Академия управления МВД России, Москва, Россия, mvd_djaty@mail.ru

Аннотация. С позиций отечественной истории государства и права рассматриваются проблемы, связанные с организацией и деятельностью таких чрезвычайных органов РСФСР, как комитеты бедноты. С использованием впервые вводимых в научный оборот архивных материалов предпринимается попытка раскрыть организационные и правовые основы деятельности комитетов бедноты, их взаимодействия с иными органами советской власти. Анализируются порядок формирования, состав и система комитетов бедноты. Раскрывается их роль в организации и проведении продовольственной разверстки. Показаны порядок и принципы распределения комитетами бедноты среди нуждающихся хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий. На конкретных примерах показаны формы и методы борьбы комитетов бедноты с кулачеством, участия в установлении советской власти на местах.

Ключевые слова: Гражданская война, ВЦИК, декрет, Совнарком, комитеты бедноты, исполнительные комитеты, советы, милиция, продовольственная разверстка, кулачество

Для цитирования: Епифанов А. Е. Из истории организации и деятельности комитетов бедноты (по материалам Нижнего Поволжья) // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 105–109. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-105-109>.

Original article

From the history of the organization and activities of the committees of the poor (based on the materials of the Lower Volga region)

Alexander E. Epifanov

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, mvd_djaty@mail.ru

Abstract. From the standpoint of the national history of state and law, the problems associated with the organization and activities of such extraordinary bodies of the RSFSR as committees of the poor are considered. With the use of archival materials introduced into scientific circulation for the first time, an attempt is made to reveal the organizational and legal foundations of the activities of the committees of the poor, their interaction with other bodies of Soviet power. The order of formation, composition and system of committees of the poor are analyzed. Their role in the organization and conduct of food distribution is revealed. The order and principles of distribution by the committees of the poor among the needy of bread, basic necessities and agricultural implements are shown. Concrete examples show the forms and methods of struggle of the committees of the poor with the kulaks, participation in the establishment of Soviet power in the field.

Keywords: Civil War, All-Russian Central Executive Committee, decree, Sovnarkom, committees of the poor, executive committees, councils, militia, food distribution, kulaks

For citation: Epifanov A. E. From the history of the organization and activities of the committees of the poor (based on the materials of the Lower Volga region). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):105–109. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-105-109>.

История становления и развития советской государственности неизменно является одной из приоритетных тем российской науки. Пристальное внимание к ней вызвано разработкой новых форм и методов управления, вызываемых потребностями российского государства на том или ином ее этапе. Проблема истории и правового регулирования управления

государственным аппаратом, особенно в экстраординарных условиях, в современных условиях приобретает особую актуальность.

11 июня 1918 г. ВЦИК издал Декрет «Об организации снабжения деревенской бедноты», за подписью его председателя Я. Свердлова и председателя Совнаркома В. И. Ленина [4, л. 1]. Согласно нему,

© Епифанов А. Е., 2023

при участии продовольственных органов, местными советами депутатов повсеместно учреждались волостные и сельские комитеты бедноты (комбеды). Общее руководство ими осуществляли наркомат продовольствия и ВЦИК. Губернским и уездным советам депутатов вменялось в обязанность незамедлительно принять самое активное участие в организации комитетов бедноты и претворению в жизнь названного декрета. За неукоснительное соблюдение его требований губернские, уездные, волостные и сельские советы депутатов несли солидарную ответственность. На предмет проведения названного декрета в жизнь, Наркомату продовольствия постановлениями Совнаркома выделялись необходимые денежные средства.

Комбеды явились еще одним чрезвычайным органом управления периода Гражданской войны, который действовал наряду с обычными органами советской власти. На совещании делегатов комитетов бедноты центральных губерний, состоявшемся 8 октября 1918 г., В. И. Ленин заявил, что «организация деревенской бедноты стоит перед нами как самый важный вопрос нашего внутреннего строительства и даже как самый главный вопрос всей нашей революции» [5, с. 175]. Официально (ВЦИК) комбеды органами власти не признавались и квалифицировались в качестве вспомогательных продовольственных учреждений. Однако, на деле наиболее активные комитеты бедноты превратились в «деревенские военно-революционные комитеты», которые взяли власть в свои руки [3, л. 1]. При этом сложилось своего рода двоевластие — комбедов и советов, причем последние зачастую вытеснялись с политической арены совершенно.

К компетенции волостных и сельских комитетов бедноты названным декретом были отнесены распределение хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственного инвентаря; содействие местным органам Наркомпрода в изъятии хлебных излишков у кулачества и зажиточных крестьян. Перечень лиц, имеющих право на получение продуктовой и вещевой помощи, определялся самими комбедами, согласно составленным и утвержденным ими же спискам. «Высшие продовольственные органы» были вправе отменить решение комитета бедноты, если приходили к выводу, что оно противоречит «основным целям его организации». Собственно, выдача осуществлялась бесплатно, либо на льгот-

ных условиях по нормам, разработанным губернскими продовольственными органами согласно общим планам снабжения Наркомпрода. На практике распределение между льготниками осуществлялось сельскими комбедами по составленным ими же и утвержденными волостными комитетами бедноты спискам.

Необходимые для этого запасы продуктов, сельскохозяйственного инвентаря и предметов первой необходимости сосредотачивались ими в специальных хранилищах, организованных волостными комитетами бедноты. Учитывая степень потребности «потребляющих районов» в хлебе, а также «успешность» изъятия хлеба у кулаков и зажиточных крестьян, в различные периоды распределения губернскими продовольственными органами размеры выдаваемого бедноте хлебного пайка могли меняться.

Названным декретом устанавливались правила распределения хлеба среди бедноты, которые были призваны стимулировать успешное осуществление продовольственной разверстки и устанавливали прямую материальную заинтересованность комбедов в оказании содействия ее проведению. Так, за счет государства, бесплатно, по установленным нормам осуществлялась выдача хлеба беднякам из излишков, изъятых по определению губернских и уездных советов депутатов, а также соответствующих продовольственных органов исключительно у кулачества и зажиточных крестьян, поступивших на государственные склады до 15 июля 1918 г. В период с 15 июля по 15 августа того же года из тех же ресурсов выдача хлеба бедноте производилась по установленным нормам за плату, но со скидкой в 50 % от «твердой цены». Со второй половины августа выдача изъятых хлеба осуществлялась за плату по аналогичным нормам и со скидкой в 20 %. В аналогичном порядке среди бедноты распределялись изъятые предметы первой необходимости и простейшие сельскохозяйственные орудия. Так, в тех волостях, где к 15 июля хлебные излишки удавалось изъять полностью, названные материальные ценности отпускались бедноте с 50 % скидкой от установленных цен. В волостях, где изъятие хлебных излишков продолжалось до 15 августа, скидка составляла 25 % соответственно. 15-процентная скидка на отпускаемые предметы первой необходимости и сельхозинвентарь устанавливалась для тех во-

лостей, в которых изъятие хлебных излишков затягивалось после второй половины августа. В тех местностях, где волостными и сельскими комбедами оказывалось «энергичное содействие» продовольственным органам в изъятии хлебных излишков и кулаков и богачей, для проведения общественной обработки полей и уборки урожаев волостными комитетами бедноты передавались сложные сельскохозяйственные орудия. Плата за пользование такого рода орудиями при этом не взималась.

Активным и пассивным избирательным правом при формировании составов волостных и сельских комбедов наделялись все крестьяне без исключения. Принимать участие в выборах могли как коренные жители, так и приезжие. Исключение составляли известные кулаки и зажиточные хозяева, располагавшие излишками хлеба и иных продуктов, владевшие торговыми и промышленными предприятиями, а также эксплуатирующими батраков и наемных рабочих [4, л. 4]. Вместе с тем, к выборам в комбеды допускались лица, хотя и использующие наемный труд, но в пределах установленной потребительской нормы.

Из состава комбеда выборное же собрание бедняков назначало председателя, казначея и секретаря. Последним отделом продовольствия уездного исполкома назначалось жалование и отпускались средства на содержание канцелярии. Состав комитетов бедноты подлежал утверждению волостными и уездными исполкомами [4, л. 9]. Все вновь образованные комбеды регистрировались уездными исполкомами и ставились на учет губернскими отделами управления и продовольствия.

В Царицынской губернии, как и на остальной территории РСФСР, непосредственными организаторами комитетов бедноты были в основном сельские и волостные советы, создававшие с этой целью специальные комиссии [6, л. 5]. Согласно инструкции, утвержденной на заседании президиума губернского исполкома от 28 октября 1918 г., в случае, если по имеющимся у уездного исполкома сведениям волостной совет депутатов был организован «правильно», то дело организации комитета бедноты всецело вверялось ему. Если же волостной совет оказывался засорен кулацкими элементами и эсерами, то уездный исполком обязан был направить с этой целью в волость своих представителей [7, л. 1–2].

Так, в октябре 1918 г. в село Тундутово в срочном порядке Черноярским горисполкомом был командирован его член П. Н. Дуров, — для организации комитета бедноты и на предмет «немедленного взятия на учет» всех хлебных запасов и их складирования. При этом П. Н. Дурову было предоставлено право применения самых решительных мер для выполнения поставленной перед ним задачи, вплоть до расформирования действовавшего совета, разоружения и ареста лиц, которые станут чинить ему препятствия в установлении им «настоящей советской власти» [6, л. 5].

Вместе с тем, имелись прецеденты образования комбедов на общих собраниях сельских жителей. Так, 6 октября 1918 г. комитет бедноты был организован общим собранием казаков Черноярской станицы, согласно постановлению Съезда трудового казачества от 25 сентября того же года [8, л. 1]. Комбеды были направлены на борьбу с кулачеством. С этой целью они применяли все доступные им способы, прежде всего, использовали вооруженные силы продотрядов и милиции. Названной инструкцией от 28 октября 1918 г. специально оговаривалось, что права реквизиции, конфискации или наложения контрибуции непосредственно комитеты бедноты не имеют.

Как и предполагал В. И. Ленин, кулачество не остановилось перед вооруженным сопротивлением осуществлению продовольственной политики советской власти и организации комбедов. Поэтому для решительного пресечения кулацких мятежей, уездными партийными комитетами сельским ячейкам РКП(б) и коммунистам повсеместно поручалось создавать в каждой волости, в каждом селе вооруженный отряд из бедноты [9, л. 1]. Соломатинский сельский отряд (Камышинский уезд), например, насчитывал свыше 400 человек [9, л. 9]. Как оказалось, подобные меры не были излишними, поскольку многие сельские населенные пункты охватили кулацкие мятежи, в ходе которых с чудовищной жестокостью, вплоть до сожжения заживо, происходило уничтожение партийных и советских работников, членов комбедов и продотрядов.

Комбеды учитывали хлебные запасы, сотрудничали с продовольственными органами и отрядами в реквизициях у кулаков имущества и хлебных запасов, осуществляли борьбу с мешочниками. Например, резолюция Смородинского волостного со-

вета Камышинского уезда от 7 сентября 1918 г. гласила: «Мы единогласно постановили организовать комитет бедноты, чтобы хлеба ни одного пуда не попало в руки спекулянтов, а лишь для рабочих Петрограда и Москвы и нашим братьям, находящимся на фронте» [10, л. 248]. Благодаря усилиям комбедов, только в Камышинском уезде за три месяца были изъяты у кулаков и ссыпаны в государственные хранилища для отправки в центральные районы страны 1,5 млн пудов хлеба [11, л. 58]. Комбедами уезда было принято на учет 79 имений, 148 627 помещичьих и 108 686 десятин казенных и удельных земель [9, л. 1]. Кроме того, комбеды занимались агитационной и культурно-просветительской работой среди крестьянского населения, предпринимали первые попытки организации коллективных форм социалистического землепользования, для чего организовывали сельскохозяйственные артели и коммуны, мобилизовывали крестьян для совместной обработки общественной земли [1, л. 24].

Следует отметить, что инструкция от 28 октября 1918 г. предостерегала комитеты бедноты от стремления взять в свои руки бразды правления, относящиеся к ведению местных советов депутатов. Однако, те волостные советы, куда проникли «искажающие основы советской власти» кулацкие элементы, уездным и губернским исполкомам с привлечением комбедов предписывалось распустить и сформировать новые, опирающиеся на бедноту. Кроме того, волостные советы депутатов были обязаны в своей управленческой деятельности взаимодействовать с комбедами, оказывать им содействие в исполнении их задач [7, л. 1].

Попытки советских организаций бедноты, тем более созданных в нарушение установленных правил, интегрироваться в систему предусмотренных Конституцией РСФСР 1918 г. органов советской власти неизменно наталкивались на противодействие с их стороны. Так, 26 декабря 1918 г. представители Исполкома 2-го Донского округа заявили о непризнании его 3-м революционным съездом советов отдела бедноты как организации не избранной народом. Для совместной работы по управлению делами Донской области при этом были избраны три его представителя в Царицынский исполком. В коллегии по управлению делами Донской области, состоящей из двух представителей последнего и трех избранных Съездом советов 2-го Донского округа

представителей, места для названного отдела не нашлось. Однако ее представитель все-таки был включен в комиссию по выработке инструкции для отдела по управлению гражданскими делами Донской области, наряду с функционерами Округного и Царицынского исполкомов [12, л. 21].

Между тем, Отдел донской бедноты был сформирован приказом Военно-революционного совета 10-й армии 4 декабря 1918 г. в целях более успешного управления местностями Донской области, освобожденными от белогвардейцев. Его коллегию составили представители от ее исполкомов. Все исполнительные комитеты и военные комиссариаты региона при этом были расформированы, а их дела, финансовые средства и имущество переданы названному отделу. Согласно постановлению Царицынского исполкома от 31 октября 1918 г. ему вверялись все заботы о местном населении и беженцах [12, л. 22].

В своей деятельности комбеды находились в подчинении продовольственных органов губернского и уездного уровней, которые контролировали и направляли их деятельность. Кроме того, необходимую поддержку оказывали им волостные и сельские Советы

Необходимо отметить, что исполкомы неизменно оказывались на стороне комитетов бедноты и не допускали организации альтернативных структур при иных учреждениях. Например, в ноябре 1918 г. Черноярский горисполком отказал местному военному комиссару в открытии отдела по снабжению бедняков и служащих мясными и молочными продуктами. При этом он квалифицировал действующий комитет бедноты в качестве фактического руководителя всех продовольственных операций, который принимает необходимые меры по учету всех имеющихся продуктов и недопущению их скупки и перепродажи [1, л. 4–5]. Только комбедам и продовольственным отделам исполкомов принадлежало право разрешать закупку, ввоз и вывоз продуктов, а также их распределение.

Формально комитеты бедноты действовали до 9 ноября 1918 г. Сыграв свою «историческую роль», они были упразднены VI Всероссийским съездом советов [2, л. 94–96]. В завершение своей миссии комбеды были призваны возглавить и непосредственно осуществить переизбрание засоренных кулацким элементом и эсерами местных советов на предмет

превращения их в «организации бедноты и трудящихся», а затем, самораспустившись, оставить их единственными органами власти на селе [3, л. 1]. После открытия переизбранных сельсоветов комбеды передавали им свои средства и дела, после чего прекращали свою деятельность. В результате переизборов члены комбедов были включены в состав вновь избранных советов, обеспечив представительство в них беднейшего крестьянства.

История становления местного советского государственного аппарата, особенно чрезвычайного характера, показывает, что в своей деятельности во многом приходилось руководствоваться своими собственными соображениями, в отсутствие необходимого законодательства и директивных указаний от центральных органов советской власти. Местным руководителям и функционерам не оставалось ничего другого, как самим разрабатывать детали организации и деятельности вверенных органов советской власти, и комитетов бедноты в том числе.

Список источников

1. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 3935. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5.
2. Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик: сб. док. Т. 1. М. : Государственное юридическое издательство, 1959.
3. ГАВО. Ф. 55. Оп. 5. Д. 66. Л. 1.
4. ГАВО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
5. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 37. М. : Издательство политической литературы, 1969.
6. ГАВО. Ф. 3936. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
7. ГАВО. Ф. 55. Оп. 5. Д. 69. Л. 1–2.
8. ГАВО. Ф. 55. Оп. 5. Д. 36. Л. 1.
9. Государственный архив Камышинского района Волгоградской обл. Ф. 9. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
10. Известия Саратовского Совета. 1918. Д. 41. Л. 248.
11. ГАВО. Ф. 3888. Оп. 1. Д. 3. Л. 58.
12. ГАВО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 44. Л. 21.

References

1. The State Archive of the Volgograd region (GAVO). F. 3935. Op. 1. D. 1. L. 4–5.
2. Congresses of Soviets of the USSR, Union and Autonomous Soviet Socialist Republics: sat. doc. Vol. 1. M. : State Legal Publishing House, 1959.
3. GAVO. F. 55. Op. 5. D. 66. L. 1.
4. GAVO. F. 55. Op. 1. D. 1. L. 1.
5. Lenin V. I. Complete works. T. 37. M. : Publishing House of Political Literature, 1969.
6. GAVO. F. 3936. Op. 1. D. 1. L. 5.
7. GAVO. F. 55. Op. 5. D. 69. L. 1–2.
8. GAVO. F. 55. Op. 5. D. 36. L. 1.
9. State Archive of the Kamyshinsky district of the Volgograd region F. 9. Op. 1. D. 6. L. 1.
10. News of the Saratov Council. 1918. D. 41. L. 248.
11. GAVO. F. 3888. Op. 1. D. 3. L. 58.
12. GAVO. F. 71. Op. 1. D. 44. L. 21.

Информация об авторе

А. Е. Епифанов — Отдел по изучению проблем истории МВД России Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Information about the author

A. E. Epifanov — Department for the Study of Historical Problems of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 29.12.2022; одобрена после рецензирования 20.01.2023; принята к публикации 03.02.2023.

The article was submitted 29.12.2022; approved after reviewing 20.01.2023; accepted for publication 03.02.2023.

Научная статья

УДК 347.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-110-114>

ИПОН: 2003-0059-1/23-560

MOSURED: 77/27-003-2023-01-759

Совершенствование системы мер дисциплинарной ответственности в органах внутренних дел Российской Федерации

Владимир Вячеславович Журавлев

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия,

vz1511982@gmail.com

Аннотация. Исследуется соотношение дисциплинарных взысканий, применяемых к сотрудникам органов внутренних дел. Анализируются правовые последствия привлечения к дисциплинарной ответственности и различия взысканий, налагаемых публично в устной форме и путем издания приказа. На основе анализа дисциплинарных взысканий формируются законодательные предложения по совершенствованию и оптимизации системы мер дисциплинарной ответственности.

Ключевые слова: служебная дисциплина, законность, дисциплинарно-трудовые отношения, дисциплинарные взыскания, юридическая ответственность, органы внутренних дел

Для цитирования: Журавлев В. В. Совершенствование системы мер дисциплинарной ответственности в органах внутренних дел Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 110–114. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-110-114>.

Original article

Improving the system of measures of disciplinary responsibility in the internal affairs bodies of the Russian Federation

Vladimir V. Zhuravlev

Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot',

Ryazan', Russia, vz1511982@gmail.com

Abstract. The ratio of disciplinary penalties applied to employees of internal affairs bodies is investigated. The legal consequences of bringing to disciplinary responsibility and the differences in penalties imposed publicly orally and by issuing an order are analyzed. Based on the analysis of disciplinary penalties, legislative proposals are formed to improve and optimize the system of disciplinary liability measures.

Keywords: service discipline, legality, disciplinary and labor relations, disciplinary sanctions, legal responsibility, internal affairs bodies

For citation: Zhuravlev V. V. Improving the system of measures of disciplinary responsibility in the internal affairs bodies of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):110–114. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-110-114>.

Вопросам юридической ответственности за нарушение служебной дисциплины посвящены многочисленные научные исследования, общим итогом которых являлось выявление и обоснование значительного числа проблем, существующих как в материальных, так и в процессуальных нормах, регламентирующих существующую модель дисциплинарно-трудовых правоотношений в системе государственной службы. Министерство внутренних дел Российской Федерации не явилось исключением. Осознание актуальности данной задачи привело к необходимости реформирования всей систе-

мы органов внутренних дел: совершенствованию работы сотрудников кадрового аппарата, повышению уровня профессиональной подготовленности сотрудников, обоснованию и внедрению обновленной модели отбора кандидатов на службу, призванной минимизировать возможность трудоустройства граждан, склонных к девиантному поведению, а также выявлению таких лиц среди действующих сотрудников, ужесточению организационных и правовых мер, направленных на соблюдение законодательно установленных обязанностей, запретов и ограничений.

© Журавлев В. В., 2023

Несмотря на это, число сотрудников органов внутренних дел, ежегодно привлекаемых к дисциплинарной ответственности, остается на крайне высоком уровне. В соответствии со статистическими данными ДГСК МВД России на протяжении последних лет прослеживается явный вектор увеличения количества фактов нарушений служебной дисциплины. Так, в 2015 г. к дисциплинарной ответственности было привлечено 193 375 сотрудников, в 2016 г. — 196 081 (рост составил +1,4 %), в 2017 г. — 197 840 (рост составил +0,9 %), в 2018 г. — 202 232 (рост составил + 2,2 %), в 2019 г. — 208 390 (рост составил +3 %), в 2020 г. — 211 099 (рост составил +1,3 %)¹. При этом следует учесть, что штатная численность личного состава сотрудников органов внутренних дел была сокращена с 835 825 человек в 2015 г., до 746 859 человек в 2018 г., что позволяет говорить о еще более высоких темпах роста дисциплинарной наказанности. Некоторое снижение (- 2 %) числа лиц, привлеченных к ответственности, произошло в 2021 г., что, однако, не позволяет в настоящее время констатировать положительную динамику в вопросе состояния служебной дисциплины.

Приведенные сведения безусловно свидетельствуют о наличии комплекса нерешенных вопросов как в кадровом обеспечении органов государственной власти в целом и органов внутренних дел в частности, так и в системе взысканий, налагаемых за допущенные сотрудниками факты нарушений служебной дисциплины и законности. Не вдаваясь в дискуссии относительно условий прохождения службы, организационно-штатного построения, системы социального обеспечения в органах внутренних дел и иных проблемных вопросов, безусловно оказывающих определенное влияние на общее состояние служебной дисциплины, обратимся к конкретизации мер по совершенствованию системы дисциплинарной ответственности в органах внутренних дел Российской Федерации.

Как нам представляется, рассматриваемая проблематика состоит из нескольких взаимосвязанных блоков, реформирование которых следует проводить в рамках формирования целостной правовой модели служебно- правового законодательства, основанного и выстраиваемого в рамках единой концепции государственной службы.

Первый блок связан с решением вопросов структуры дисциплинарных взысканий и исполнения от-

дельных их видов. Существующая в органах внутренних дел система дисциплинарных взысканий видится нам не в полной мере совершенной. Речь идет о необходимости гармонизации и унификации отдельных их видов в рамках всей государственной службы в целом, и органов внутренних дел в частности. Выскажем мнение, что каждое дисциплинарное наказание, как обособленный вид юридической ответственности, должно отвечать критериям уникальности и самостоятельности, исключать необоснованное дублирование с другими видами и иметь свои отличительные особенности, которые, будучи юридическими фактами, оказывают прямое влияние на служебные правоотношения. Т. е. каждое отдельно взятое взыскание должно трансформировать административно-правовой статус сотрудника в соответствии с тяжестью совершенного им деяния, способствовать повышению эффективности института дисциплинарной ответственности, достижению целей общей и частной превенции. Например, вполне закономерным видится вопрос о соотношении наказаний в виде «замечания» и «выговора». Исследователи дисциплинарно-трудовых отношений в системе государственной службы отмечают, что они носят в большей степени моральный характер [1, с. 11–17; 2, с. 51–59; 3, с. 40], который выражается в официальном осуждении и порицании деяния государственного служащего, совершившего дисциплинарный проступок, умаляют его авторитет и репутацию в трудовом коллективе [4, с. 109–112]. С правовой точки зрения порядок их наложения и юридические последствия, наступающие для сотрудника, а также сроки дисциплинарной наказанности являются полностью идентичными. По мнению М. Б. Добробабы, которое мы отчасти разделяем, выделить какие-либо принципиальные различия в отмеченной группе дисциплинарных взысканий представляется сложным, в связи с чем предлагается считать, что «замечание характеризуется наименьшей степенью осуждения, а предупреждение о неполном должностном (служебном) соответствии — наибольшей» [2, с. 51–59]. Вместе с тем, нельзя не отметить, что градация степени осуждения лица, привлеченного к дисциплинарной ответственности, носит, по нашему мнению, исключительно субъективный характер,

¹ Ежегодный обзор о состоянии служебной дисциплины и законности в подразделениях МВД России 2011–2020 гг.

определяющийся внутренним отношением членов трудового коллектива к данным взысканиям, а не нормами права, устанавливающими юридические последствия их применения. По этой причине подобная интерпретация различий между рассматриваемыми видами дисциплинарной ответственности видится не в полной мере корректной и жизнеспособной.

Аналогичным образом следует рассматривать группу взысканий в виде «строгого выговора» и «предупреждения о неполном служебном соответствии», единственным отличием которых от взысканий первой группы следует признать возложение на привлеченного сотрудника дополнительного негативного последствия в виде лишения части денежного довольствия на срок один месяц. Таким образом, отсутствие каких-либо различий между «замечанием» и «выговором», а также «строгим выговором» и «предупреждением о неполном служебном соответствии» позволяет говорить об их дублировании и фактической равнозначности, что, вполне закономерно, позволяет предложить возможные варианты разрешения рассматриваемой проблемы:

- ♦ путем упразднения отдельных дисциплинарных взысканий, применение которых вызывает идентичные правовые последствия;
- ♦ путем внесения нормативных поправок, изменяющих правовые последствия их наложения.

Первый путь видится нам более конструктивным, поскольку позволит избавить служебное право от «балласта», т. е. норм, которые не оказывают существенного влияния ни на порядок разрешения дисциплинарно-трудовых споров, ни на общее состояние дисциплины в органах внутренних дел. Более того, действующее законодательство не предусматривает императивных норм, обязывающих применять в отношении сотрудников в период срока их дисциплинарной наказанности более строгое взыскание за вновь совершенный проступок. Это означает, что уполномоченное должностное лицо обладает правом свободы выбора вида дисциплинарного наказания, который должен соответствовать тяжести деяния, степени вины и наступившим последствиям. Факт наличия у сотрудника, привлекаемого к дисциплинарной ответственности, взыскания в виде предупреждения о не полном служебном соответствии не означает необходимости его безальтернативного увольнения из органов внутренних дел, делая возможным наложение иного взыскания.

В схожем ключе необходимо рассматривать вопросы наложения и исполнения этих же взысканий, объявляемых публично, в устной форме. В целом, выражая авторскую позицию, отметим наличие обоснованных сомнений в эффективности этих наказаний для достижения целей поддержания служебной дисциплины. Во-первых, существует объективная проблема, которая выражается в отсутствии необходимости их учета [5], а, следовательно, контроля за датой наложения, периодом действия и последующего снятия взыскания. Во-вторых, законодательство не содержит юридически значимых последствий наложения взысканий, объявляемых в устной форме, что позволяет говорить о их правовой «пустоте» и декларативном характере. В-третьих, снова отметим правовую неопределенность различий между публично наложенным «замечанием» и «выговором», что было отмечено ранее. По этой причине дисциплинарные взыскания, налагаемые в устной форме, в целом больше соответствуют мерам убеждения, например, профилактической беседе, общественному порицанию совершенного проступка. Обозначенный подход позволяет сформировать авторскую позицию о возможности и целесообразности упразднения предусмотренных законодательством в настоящее время дисциплинарных взысканий, налагаемых в публичной форме. Пожалуй, единственным исключением может стать сохранение дисциплинарных взысканий, объявляемых в устной форме, в системе ведомственных вузов, где назначение рассматриваемых наказаний может находиться в причинно-следственной связи с предоставлением курсантам и слушателям отдельных поощрений, например, внеочередного увольнения из расположения образовательной организации. Не менее интересным, на наш взгляд, является вопрос возможности увеличения видов дисциплинарных взысканий, используемых в образовательных организациях МВД России и налагаемых в устной форме. Полагаем, что такое наказание, как назначение курсанта во внеочередной наряд и лишение очередного увольнения должны объявляться публично и с использованием упрощенной формы дисциплинарного производства. Во-первых, это станет прямой реализацией принципа оперативности, исключающего проведение излишних административных процедур, затягивающих принятие объективного управленческого решения о необходимости применения к обучающемуся

мер дисциплинарного воздействия. Во-вторых, узаконит «де-факто» существующий порядок применения этих взысканий именно в устной форме, поскольку в существующих реалиях инициация служебной проверки и подготовка письменного приказа о наложении наряда вне очереди практически не применяется, что говорит о необходимости коррекции процессуального порядка их реализации. Одновременно с этим, целесообразно рассмотреть вопрос о наделении правом наложения рассматриваемых взысканий курсовых офицеров.

Нельзя не признать, что вопрос системы дисциплинарных взысканий является дискуссионным. Ряд ученых в своих исследованиях допускают возможность не сужения числа дисциплинарных наказаний, а наоборот увеличение их количества. Так, по мнению А. А. Гришкова, в таком качестве могут выступать «вычет из времени службы» и «лишение на определенный срок права пользования ведомственным медицинским учреждением» [6, с. 52], а по мнению М. Б. Добробаба, лишение «льгот и компенсаций», «частичное сокращение размера или лишение доплаты к пенсии» [2, с. 51–59]. По нашему мнению, приведенные позиции исследователей дисциплинарно-трудовых отношений являются слишком радикальными и не должны реализовываться в правоприменительной деятельности по ряду оснований. Во-первых, отказ сотруднику в допуске к получению квалифицированной медицинской помощи может поставить его жизнь и здоровью под угрозу, что явно вступает в противоречие с базовыми конституционными правами человека и гражданина [7]. Во-вторых, наказания в виде лишения льгот и компенсаций, части пенсионного обеспечения в силу ограниченного срока дисциплинарной наказанности, составляющего один год, будет не реализуемы по истечению этого периода, прекращающего все юридические последствия привлечения к дисциплинарной ответственности. В-третьих, введение обозначенных видов дисциплинарной ответственности, учитывая наличие свободы выбора взыскания, может способствовать проявлению коррупционных проявлений, снизит авторитет и значимость службы в органах внутренних дел. В этой связи разумным видится предложение о возможности реализации отдельных мер материального стимулирования сотрудников, привлеченных к дисциплинарной ответственности, путем уменьшения размера денежного довольствия

за счет сокращения части оклада в процентном отношении или отдельных надбавок (например, за работу со сведениями, составляющими государственную тайну, в случае совершения дисциплинарного проступка, связанного с данным направлением оперативно-служебной деятельности). Схожей позиции придерживается А. А. Гришковец, отмечающий низкую эффективность дисциплинарных наказаний, оказывающих только моральное воздействие [3, с. 40–41], и М. Б. Добробаба, которая обосновывает возможность снижения надбавки в виде «ежемесячного денежного поощрения» в качестве дополнительного вида материального воздействия на должностных лиц, допустивших нарушение служебной дисциплины [2, с. 51–59].

Следует отметить, что, помимо собственно дисциплинарных взысканий, служебное законодательство содержит также и перечень дополнительных «правовых последствий», вызванных их наложением. Они не отнесены к видам наказаний, но по своему внутреннему содержанию весьма схожи с ними, в особенности в части оказания именно морального воздействия на нарушителя служебной дисциплины. К ним относятся: исключение из книги почета или с доски почета, а также из кадрового резерва органа (подразделения) внутренних дел в случаях наложения взысканий в виде предупреждения о неполном служебном соответствии, переводе на нижестоящую должность и увольнении [8; 9]. Выкажем мнение, что приведенные примеры «правовых последствий» закреплены в различных нормативных-правовых актах, что позволяет говорить об их завуалированности. По этой причине видится целесообразным их упорядочивание и придание правового статуса дополнительных видов наказаний, реализуемых по властному усмотрению уполномоченного должностного лица в соответствии с обстоятельствами дисциплинарного проступка.

Список источников

1. Пресняков М. В., Чаннов С. Е. Субъект дисциплинарной юрисдикции в служебных отношениях: концентрированная и распределительная системы дисциплинарной власти // Административное право и процесс. 2020. № 12.
2. Добробаба М. Б. Проблема совершенствования системы дисциплинарных взысканий, применяемых в рамках служебно-деликтных дисциплинарных

правоотношений // Административное и муниципальное право. 2016. № 1.

3. Гришковец А. А. Проблемы правового регулирования и организации государственной гражданской службы в Российской Федерации: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2004.

4. Сергеев А. В. Актуальные вопросы ответственности государственных гражданских служащих по административному праву: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

5. Указ Президента РФ от 14 октября 2012 г. № 1377 «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Гришковец А. А. Проблемы реформы государственной службы в Российской Федерации // Государство и право. 2001. № 12.

7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Федеральный закон от 11 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Приказ МВД России от 12 января 2021 г. № 5 «Об утверждении Порядка формирования кадровых резервов Министерства внутренних дел Российской Федерации, его территориальных органов и подразделений» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Presnyakov M. V., Channov S. E. The subject of disciplinary jurisdiction in official relations: concentra-

ted and distributive systems of disciplinary power // Administrative law and process. 2020. No. 12.

2. Dobrobaba M. B. The problem of improving the system of disciplinary penalties applied within the framework of official-tort disciplinary legal relations // Administrative and municipal law. 2016. № 1.

3. Grishkovets A. A. Problems of legal regulation and organization of the state civil service in the Russian Federation: abstract. diss. ... doct. jurid. sciences. M., 2004.

4. Sergeev A.V. Actual issues of responsibility of state civil servants in administrative law: diss. ... cand. jurid. M., 2006.

5. Decree of the President of the Russian Federation dated October 14, 2012 No. 1377 «On the Disciplinary Charter of the internal affairs bodies of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».

6. Grishkovets A. A. Problems of civil service reform in the Russian Federation // State and Law. 2001. № 12.

7. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // SPS «ConsultantPlus».

8. Federal Law No. 342-FZ of November 11, 2011 «On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to separate legislative acts of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».

9. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 5 dated January 12, 2021 «On approval of the Procedure for the formation of personnel reserves of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, its territorial bodies and subdivisions» // SPS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

В. В. Журавлев — старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. V. Zhuravlev — Senior Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Ryzan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 27.09.2022; принята к публикации 02.12.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 27.09.2022; accepted for publication 02.12.2022.

Научная статья
УДК 343.415
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-115-119>
НИОН: 2003-0059-1/23-561
MOSURED: 77/27-003-2023-01-760

К вопросу об объекте преступления, предусмотренного ст. 330.2 УК РФ

Александра Михайловна Зарина^{1,2}

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, sistersashenka86@yahoo.com

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается проблема определения объекта преступления, предусмотренного ст. 330.2 УК РФ. Делается вывод о том, что обозначенный состав преступления следует отнести к информационным преступлениям против порядка управления, выделив в качестве дополнительного объекта охраняемый государством официальный информационный оборот.

Ключевые слова: объект преступления, порядок управления, гражданство, уведомление, миграционная преступность, официальный информационный оборот

Для цитирования: Зарина А. М. К вопросу об объекте преступления, предусмотренного ст. 330.2 УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 115–119. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-115-119>.

Original article

To the question of the object of the crime provided for Art. 330.2 of the Criminal Code of the Russian Federation

Alexandra M. Zarina^{1,2}

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya, Moscow, Russia, sistersashenka86@yahoo.com

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The problem of determining the object of the crime provided for in Article 330.2 of the Criminal Code of the Russian Federation is considered. It is concluded that the designated corpus delicti should be attributed to information crimes against the order of management, singling out as an additional object the official information turnover protected by the state.

Keywords: object of crime, management procedure, citizenship, notification, migration crime, official information circulation

For citation: Zarina A. M. To the question of the object of the crime provided for Art. 330.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):115–119. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-115-119>.

На сегодняшний день в связи с нарастанием противоречий в миграционной сфере наблюдается значительный рост совершения мигрантами различных видов правонарушений, в том числе и преступлений. Согласно статистическим данным, полученным органами внутренних дел, количественные показатели миграционной преступности в Российской Федерации с начала 2021 г. выросли в сравнении с 2020 г. на 6 % [15]. В связи с чем следует отметить особую актуальность проблемы выделения объекта преступления в ст. 330.2 УК РФ при квалификации данной группы деяний.

Рассматриваемое нами преступление описано в ст. 330.2 УК РФ и помещено в гл. 32 УК РФ — «Преступления против порядка управления». В свою оче-

редь, И. М. Васильевым дается определение данной группы преступлений, под которыми понимаются преступные деяния, нарушающие нормальную работу органов в сфере государственного управления, народного хозяйства, общественных организаций или препятствующих реализации положений международных актов [1, с. 65]. Несмотря на то, что данное понятие было приведено к общественным отношениям, складывающимся в УК РФ 1960 г. [10], однако, актуальным является и на сегодняшний день.

В обозначенном составе преступления затронуты отношения в сфере миграционной политики, а также реализация гражданином Российской Федерации обязанности. В свою очередь, со стороны государства при установлении данной нормы в УК РФ

© Зарина А. М., 2023

реализуется своеобразная форма контроля за гражданами, у которых имеется специальный статус.

Ст. 330.2 УК РФ принята Федеральным законом от 4 июня 2014 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в статьи 6 и 30 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [11]. Анализируемая норма имеет бланкетный характер и отсылает к положениям Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [12], и приказу МВД России от 31 декабря 2019 г. № 994 «Об утверждении Порядка подачи и форм уведомлений о наличии у гражданина Российской Федерации иного гражданства либо вида на жительство или иного действительного документа, подтверждающего право на его постоянное проживание в иностранном государстве, и уведомлений о прекращении у гражданина Российской Федерации гражданства иностранного государства или права на постоянное проживание в иностранном государстве» [8; 9, с. 770–771].

Следует отметить проблему бланкетности, которая вызывает определенные сложности в правоприменительной практике, так как граждане зачастую не ознакомлены с правовыми нормами, не имеют представления об изменении, и немаловажным аспектом выступает такой момент, что бланкетные нормы не всегда раскрывают признаки тех или иных категорий закона, зачастую не разъяснен и не понятен механизм их реализации. Все эти сложности порождают у граждан своеобразные ошибки в поведении, что нарушает законный порядок отношений и впоследствии ведет к совершению ими правонарушений в виде преступлений. При появлении новой нормы в уголовном законодательстве проблемным является и момент реализации статьи в судебной практике, так как зачастую отдельные нормы на протяжении длительного времени «находятся в спящем состоянии», не применяются.

Рассматривая классификацию преступлений, обозначенных в гл. 32 УК РФ, разработанную С. В. Максимовым, необходимо отметить, что преступление, предусмотренное ст. 330.2 УК РФ относится к деяниям, которые нарушают официально закрепленный законодательством порядок удостоверения, а также реализации прав и интересов как физических, так и юридических лиц [1, с. 76]. А. Р. Саруханян выделяет следующий вид — преступные деяния, которые нару-

шают отношения, обеспечивающие охрану режима Государственной границы РФ. К данной группе преступлений относится и ст. 330.2 УК РФ.

Выделяют также классификацию, которая делит преступления на насильственные и ненасильственные [1, с. 79]. При рассмотрении данной статьи следует отнести ее к виду — ненасильственных.

Следует отметить, что анализируемая нами статья посягает исключительно на интересы государственной власти, а также охраняемый органами государственной власти режим пребывания лиц на территории РФ.

Г. Ф. Поленов определяет порядок управления как «нормальная деятельность органов государственной власти, общественных объединений, кооперативов при реализации управленческих функций». Данный механизм реализует свое воздействие посредством установления и правильного функционирования общественных отношений [7].

М. Н. Ахмедов [2, с. 87] и В. Н. Винокуров [4, с. 100–106] определяют в качестве родового объекта общественные отношения, охраняющие государственную власть. В качестве видового объекта рассматриваются общественные отношения, направленные на организацию порядка управления.

Изучаемый нами состав преступления связан с правовым положением субъекта, а именно приобретением им определенного статуса — наличие у гражданина Российской Федерации гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного действительного документа, подтверждающего право на его постоянное проживание в иностранном государстве.

Гражданство (подданство) — это устойчивая политико-правовая связь с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей [12].

В зарубежном законодательстве выделено такое понятие, как временное разрешение на пребывание или временный вид на жительство. Временный вид на жительство может выдаваться на год с возможностью его продления. Здесь имеют место определенные ограничения, в основном это ограничение трудоустройства. Основаниями в его выдачи являются: приобретение недвижимости, инвестиции в экономику государства, брачные отношения и др. [14, с. 266].

Вид на жительство — это документ, удостоверяющий личность лица без гражданства, выданный в под-

тверждение разрешения на постоянное проживание на территории Российской Федерации лица без гражданства или иностранному гражданину и подтверждающий их право на свободный выезд из Российской Федерации и возвращение в Российскую Федерацию.

К иным действительным документам, подтверждающим право на постоянное проживание гражданина РФ в иностранном государстве, относятся любые другие, действующие документы, выданные уполномоченным органом иностранного государства, подтверждающие право на постоянное проживание. К таким документам следует отнести, например, длительную визу, карту резидента другого государства, грин-карту и др.

Непосредственным объектом являются отношения, обеспечивающие установленную законом обязанность граждан РФ, имеющих гражданство (подданство) или иное право на постоянное проживание в другом государстве, уведомлять об этом факте уполномоченные органы РФ или отношения в сфере миграционной политики государства. Эффективность применения тех или иных норм напрямую зависит от правового сознания граждан.

Интересно отметить, что М. А. Елисеев относит данный состав преступления к такому подвиду, как преступления в сфере внутренней миграции [5]. П. А. Филиппов, в свою очередь, отмечает сложность определения объекта правового регулирования [14, с. 772].

Обязательным признаком является предмет преступления, которым в данном случае выступает уведомление о наличии иного гражданства или документа на право постоянного проживания в иностранном государстве в территориальный орган федерального органа исполнительной власти.

Уведомление представляет собой письменный документ, содержащий сведения о лице; его месте жительства, месте пребывания или месте фактического нахождения; документах, удостоверяющих личность гражданина на территории РФ и другие данные, указанные в ч. 6 ст. 6 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» [9, с. 772].

В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова понятие «уведомление» имеет несколько значений: 1) уведомить; 2) документ, которым уведомляют о чем-нибудь; 3) получить уведомление по почте, письмо с уведомлением о вручении [6].

Следует отметить, что непосредственная угроза направлена на безопасность государства или непри-

косновенность государственной границы, в связи с чем, законодатель включил ее в УК РФ.

Данная обязанность предусматривается ч. 3 ст. 6 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации», согласно которой гражданин РФ, имеющий также: 1) иное гражданство либо 2) вид на жительство или 3) иной действительный документ, подтверждающий право на его постоянное проживание в иностранном государстве, обязан подать письменное уведомление о наличии иного гражданства или документа на право постоянного проживания в иностранном государстве в территориальный орган Главного управления по вопросам миграции МВД России [9, с. 771].

От обязанности письменного уведомления о наличии иного гражданства освобождаются до 31 декабря 2015 г. граждане РФ, приобретшие гражданство РФ в соответствии с Договором между РФ и Республикой Крым о принятии в РФ Республики Крым и образовании в составе РФ новых субъектов от 18 марта 2014 г. и Федеральным конституционным законом от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [13].

Таким образом, объект преступления, предусмотренный ст. 330.2 УК РФ, направлен на охрану определенного вида общественных отношений, в данном случае это отношения, обеспечивающие нормальное функционирование органов государственной власти при проведении миграционной политики в стране и обеспечение на должном уровне порядка управления в обозначенной сфере. Правильное определение объекта преступления правоприменительными органами играет важную роль при квалификации преступлений в сфере миграции, так и при отграничении данной группы деяний от иных составов. Также необходимо отметить, что данные миграционные преступления влекут за собой в дальнейшем иные виды преступных деяний, таких как терроризм, экстремизм, преступления насильственного типа.

На современном этапе развития уголовной политики и совершенствования законодательства, предлагается, используя классификацию преступлений, предложенную в диссертационном исследовании Л. А. Букаловой [3], отнести ст. 330.2 УК РФ к информационным преступлениям против порядка

управления, выделив в качестве дополнительного объекта — охраняемый государством официальный информационный оборот.

Список источников

1. Агаев Г. А. Преступления против порядка управления (проблемы теории и практика применения законодательства): дисс. ... докт. юрид. наук. СПб., 2006.

2. Ахмедов М. Н. Противодействие нелегальной миграции: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

3. Букалерева Л. А. Информационные преступления в сфере государственного и муниципального управления: законотворческие и правоприменительные проблемы: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2007.

4. Винокуров В. Н. Аксиологический и функциональный подходы к определению объекта преступления // Современное право. 2014. № 8.

5. Елисеев М. А. Уголовно-правовые меры противодействия незаконной миграции (компаративное исследование): автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. М. : Оникс, 2010.

7. Поленов Г. Ф. Ответственность за преступления против порядка управления. М. : Юридическая литература, 1966.

8. Приказ МВД России от 31 декабря 2019 г. № 994 «Об утверждении Порядка подачи и форм уведомлений о наличии у гражданина Российской Федерации иного гражданства либо вида на жительство или иного действительного документа, подтверждающего право на его постоянное проживание в иностранном государстве, и уведомлений о прекращении у гражданина Российской Федерации гражданства иностранного государства или права на постоянное проживание в иностранном государстве» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Уголовное право России: учебник. В 2 т. / под ред. Н. Г. Кадникова. Т. 2. М. : Юриспруденция, 2018.

10. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

11. Федеральный закон от 4 июня 2014 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в статьи 6 и 30 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» и от-

дельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

13. Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // СПС «КонсультантПлюс».

14. Филиппов П. А. Преступления против порядка управления: теоретико-прикладные проблемы и доктринальная модель уголовного закона: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2017.

15. URL://<https://www.gazeta.ru/social/news/2021/12/22/17046403.shtml>.

References

1. Agaev G. A. Crimes against the order of management (problems of theory and practice of legislation application): diss. ... doct. jurid. St. Petersburg, 2006.

2. Akhmedov M. N. Countering illegal migration: criminal law and criminological aspects: diss. ... cand. jurid. M., 2015.

3. Bukalerova L. A. Information crimes in the sphere of state and municipal administration: legislative and law enforcement problems: diss. ... doct. jurid. M., 2007.

4. Vinokurov V. N. Axiological and functional approaches to the definition of the object of crime // Modern law. 2014. No. 8.

5. Eliseev M. A. Criminal legal measures to counter illegal migration (comparative study): autoref. ... cand. jurid. sciences. M., 2019.

6. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian language / edited by L. I. Skvortsov. M. : Onyx, 2010.

7. Polenov G. F. Responsibility for crimes against the order of management. M. : Legal literature, 1966.

8. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 994 dated December 31, 2019 «On Approval of the Procedure for Filing and Forms of Notifications on the Presence of a Citizen of the Russian Federation of another Citizenship or Residence permit or Other Valid Document Confirming the Right to Permanent Residence in a Foreign State, and Notifications on the Termination of a citizen of the Russian

Federation of citizenship of a foreign State or Right for permanent residence in a foreign country» // SPS «ConsultantPlus».

9. Criminal law of Russia: textbook. In 2 vols. / edited by N. G. Kadnikov. Vol. 2. M. : Jurisprudence, 2018.

10. The Criminal Code of the RSFSR (approved by the Supreme Soviet of the RSFSR on October 27, 1960) (expired) // SPS «ConsultantPlus».

11. Federal Law No. 142-FZ of June 4, 2014 «On Amendments to Articles 6 and 30 of the Federal Law «On Citizenship of the Russian Federation» and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».

12. Federal Law «On Citizenship of the Russian Federation» dated May 31, 2002 No. 62-FZ // SPS «ConsultantPlus».

13. Federal Constitutional Law No. 6-FKZ of March 21, 2014 «On the Admission of the Republic of Crimea to the Russian Federation and the Formation of New Subjects within the Russian Federation — the Republic of Crimea and the Federal City of Sevastopol» // SPS «ConsultantPlus».

14. Filippov P. A. Crimes against the order of management: theoretical and applied problems and the doctrinal model of criminal law: diss. ... doct. jurid. M., 2017.

15. URL://<https://www.gazeta.ru/social/news/2021/12/22/17046403.shtml>.

Информация об авторе

А. М. Зарина — доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, доцент Департамента международного и частного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. M. Zarina — Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Associate Professor of the Department of International and Private Law of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 05.12.2022; принята к публикации 18.01.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 05.12.2022; accepted for publication 18.01.2023.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ВОПРОСАМ МИГРАЦИИ. ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Учебное пособие. 215 с.
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Прудников А. С., Харламов С. О.

Учебное пособие подготовлено с учетом теоретических и научно-практических подходов к изучению организационных основ деятельности подразделений органов внутренних дел по вопросам миграции. В частности, в нем нашли отражение такие вопросы, как деятельность органов внутренних дел, формы взаимодействия федеральных органов исполнительной власти в сфере миграции, основные мероприятия международного сотрудничества МВД России в сфере миграции, а также задачи и функции подразделений органов внутренних дел по вопросам миграции.

Для студентов, курсантов, слушателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля, преподавателей юридических вузов, а также практических работников системы правоохранительных органов.

Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя

Деятельность подразделений органов внутренних дел по вопросам миграции

Правовые
и организационные аспекты

Научная статья

УДК 614.8

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-120-126>

ИПОН: 2003-0059-1/23-562

MOSURED: 77/27-003-2023-01-761

О правовом регулировании основных направлений деятельности единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций

Валерий Анатольевич Зокоев¹, Виктор Михайлович Шеншин²

^{1,2} Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия

¹ zva80@bk.ru

² vitya-shen@mail.ru

Аннотация. Рассматривается правовое регулирование основных направлений совершенствования деятельности единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Сделан вывод о том, что, решая задачи по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, рассматриваемая система является важным элементом национальной безопасности страны.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация, единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, гражданская оборона

Для цитирования: Зокоев В. А., Шеншин В. М. О правовом регулировании основных направлений деятельности единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 120–126. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-120-126>.

Original article

On the legal regulation of the main activities of the unified state system of prevention and liquidation of emergency situations

Valery A. Zokoev¹, Viktor M. Shenshin²

^{1,2} Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Saint Petersburg, Russia

¹ zva80@bk.ru

² vitya-shen@mail.ru

Abstract. The legal regulation of the main directions for improving the activities of the unified state system of prevention and liquidation of emergency situations is considered. It is concluded that, solving the tasks of protecting the population and territories from natural and man-made emergencies, the system in question is an important element of the national security of the country.

Keywords: emergency situation, unified state system of prevention and liquidation of emergency situations, civil defense

For citation: Zokoev V. A., Shenshin V. M. On the legal regulation of the main activities of the unified state system of prevention and liquidation of emergency situations. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):120–126. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-120-126>.

Возрастание частоты опасных природных явлений и процессов, говорит о том, что они становятся источниками возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. В стратегии национальной безопасности Российской Федерации указано, что «Сохраняются угрозы, связанные с возникновением чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, в том числе вследствие изменения климата, лесных пожаров, наводнений и паводков, износа инженерно-технической и транспортной инфраструктуры, заноса и распространения опасных инфекционных заболеваний» (п. 43) [11].

В условиях обострения угроз техногенного и природного характера, усиления террористических проявлений в Российской Федерации особое значение приобретает проблема обеспечения защищенности населения и территорий страны на требуемом уровне [5].

На территории Российской Федерации расположено более 45 тыс. опасных объектов. В условиях непосредственной угрозы жизни и здоровью населения от чрезвычайных ситуаций (далее — ЧС) проживает более половины населения страны. За 2019 г. на территории Российской Федерации произошло

© Зокоев В. А., Шеншин В. М., 2023

266 чрезвычайных ситуаций, в том числе 116 — локальных, 109 — муниципальных, 7 — межмуниципальных, 30 — региональных и 4 — федеральных. В результате погибло 532 человека, пострадало 120 911 человек, спасено 9607 [9, с. 7].

В 2020 г. на территории Российской Федерации произошло 331 ЧС, в том числе: федерального характера — 1; межрегионального характера — 1; регионального характера — 1; межмуниципального характера — 6; муниципального характера — 223; локального характера — 70 [10].

Следует отметить, что единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в 2020 г. на высоком уровне выполнила все возложенные задачи в условиях увеличения опасности возникновения масштабных чрезвычайных ситуаций различного, как природного, так и техногенного, характера и пожаров. Совместные усилия федеральных структур и субъектов Российской Федерации позволили обеспечить защиту жизни и здоровья людей во всех чрезвычайных ситуациях.

Обратим внимание, что Единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (далее — РСЧС) — это система, объединяющая органы управления, силы и средства федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления и организаций, в полномочия которых входит решение вопросов в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [1, с. 35].

Документом стратегического планирования в области защиты населения и территорий от ЧС на период до 2030 г. являются «Основы государственной политики Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций на период до 2030 года», в которых поставлены задачи и установлены приоритетные направления государственной политики Российской Федерации в области защиты населения и территорий от ЧС на период до 2030 г., а также ее реализация.

Основной целью государственной политики в области противоаварийной защиты является обеспечение устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, а также приемлемого уровня безопасности населения в ЧС [12].

Выделяют две главные целевые функции РСЧС: первая — это предупреждение возникновения ЧС и

снижение ущерба от данного ЧС; вторая — ликвидация ЧС.

РСЧС создана в 1995 г. в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 5 ноября 1995 г. № 1113 (утратило силу) после принятия Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» на базе образованной ранее Российской системы предупреждения и действий в чрезвычайных ситуациях (постановление Правительства РСФСР от 18 апреля 1992 г.) [7, с. 128]. В настоящее время функционирует постановление Правительства РФ от 30 декабря 2003 г. № 794 «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций», на основе которого действует РСЧС [14].

В основу создания РСЧС были положены следующие принципы:

- ♦ под защиту от ЧС попадает все население Российской Федерации, также иностранные граждане и лица без гражданства, которые находятся на территории Российской Федерации, а также территория, объекты экономики, материальные и культурные ценности Российской Федерации;

- ♦ организация и проведение мероприятий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций являются обязательной функцией федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, а также организаций, независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности;

- ♦ реализация мероприятий по защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций должна осуществляться с учетом разделения предметов ведения, полномочий и ответственности между федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления;

- ♦ организационная структура системы должна соответствовать государственному устройству Российской Федерации и решаемым задачам;

- ♦ при формировании системы должен соблюдаться комплексный подход, предусматривающий учет всех видов чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, всех стадий их развития, а также всех возможных мер по противодействию им и требуемого для этого состава участников;

♦ система должна строиться с учетом признания «ненулевого риска», т. е. факта невозможности исключить риск возникновения чрезвычайных ситуаций во всех случаях потенциальных угроз, отдания предпочтения превентивной безопасности, предусматривающей, прежде всего, профилактическую работу, максимально возможное снижение вероятности возникновения чрезвычайных ситуаций [8].

Анализ российского законодательства позволяет сделать вывод о том, что к основным направлениям деятельности РСЧС относятся:

1) разработка предложений согласно государственной политике в сфере защиты населения и территорий от ЧС, а также организация ее осуществления. РСЧС реализует данную функцию, соединив аппараты управления, силы и ресурсы государства, в компетенцию которых входит разрешение данных вопросов. Основная значимость РСЧС в осуществлении государственной политики в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций выражается в разработке и исполнении государственных целевых проектов по более значимым проблемам в этой сфере;

2) руководство функционированием РСЧС. Возглавляющий орган РСЧС — МЧС Российской Федерации, наделено функцией координации деятельности организаций государственного управления и органов МСУ в сфере защиты населения и территорий от ЧС;

3) реализация контроля. Контроль в РСЧС исполняется с целью обеспечения соблюдения федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ, органами МСУ также организациями законодательных, нормативных правовых актов, норм, стандартов также законов в области защиты населения и территорий от ЧС и ликвидации прецедентов их нарушения;

4) производственное функционирование, означает то, что РСЧС выполняет профилактические мероприятия, которые необходимы и направлены на предупреждение ЧС, уменьшение масштабов поражения, уменьшение ущерба, потерь от чрезвычайных ситуаций, а еще производит аварийно-спасательные работы в ходе ликвидации данных чрезвычайных ситуаций;

5) обучение, включающее в себя подготовку и повышение квалификации специалистов РСЧС, а также обучение населения действиям в чрезвычайных ситуациях. Это обязательная функция органов управления

РСЧС всех уровней. Порядок подготовки специалистов РСЧС и обучения населения предусматривает разработку учебных программ, организацию проведения занятий, их материально-техническое обеспечение. Этот порядок определяется Правительством Российской Федерации [15]. Ответственность за подготовку специалистов РСЧС и обучение населения действиям в чрезвычайных ситуациях несут руководители учебных заведений, организаций и органов управления ГОЧС;

6) материально-техническое и финансовое обеспечение деятельности РСЧС [4, с. 16].

Задачи РСЧС определены в ст. 4 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [13]. Учитывая объем работы раскрывать их в настоящем исследовании не представляется возможным. Укажем лишь на то, что все они тем или иным образом направлены на обеспечение безопасности личности, общества и государства, что напрямую соотносится с целями обеспечения государственной и общественной безопасности.

Организационная структура РСЧС состоит из территориальных и функциональных подсистем и имеет пять уровней: федеральный, межрегиональный, региональный, муниципальный, объектовый.

РСЧС состоит из двух подсистем. Территориальные подсистемы РСЧС создаются в субъектах Российской Федерации для предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в пределах их территорий и состоят из звеньев, соответствующих административно-территориальному делению этих территорий. Звенья (муниципальный уровень) создаются в муниципальных образованиях (район, населенный пункт) для предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в пределах их территорий.

Задачи, организация, состав сил и средств, порядок функционирования территориальных подсистем и муниципальных звеньев определяются положениями о них, утверждаемыми соответствующими руководителями органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по согласованию с вышестоящими органами управления, специально уполномоченными на решение задач в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

Функциональные подсистемы РСЧС создаются федеральными органами исполнительной власти и го-

сударственными корпорациями в министерствах, федеральных службах, федеральных агентствах и организациях РФ для организации работ по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций в сфере их деятельности и порученных им отраслях экономики. Задачи, организация, состав сил и средств, порядок деятельности функциональных подсистем РСЧС определяются положениями о них, утверждаемыми руководителями соответствующих федеральных органов исполнительной власти и государственных корпорации по согласованию с МЧС России.

Говоря об уровнях РСЧС, необходимо отметить, что к *федеральному уровню* относятся органы управления, силы и средства центрального подчинения федеральных органов исполнительной власти, *межрегиональный уровень* РСЧС образован за счет районирования территории РФ по округам, к *региональному уровню* относятся органы исполнительной власти, силы и средства субъектов РФ с элементами функциональных подсистем, дислоцированных на их территориях, муниципальный уровень охватывает территории муниципальных образований, и объектовый уровень, представленный на территории предприятия, учреждения, организации. Каждый уровень РСЧС имеет координационные органы, постоянно действующие органы управления, специально уполномоченные на решение задач в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, органы повседневного управления, силы и средства, резервы финансовых и материальных ресурсов, системы связи, оповещения и информационного обеспечения.

Координационными органами РСЧС являются [3]:

- ◆ на федеральном и межрегиональном уровнях — Правительственная комиссия по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности, комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности федеральных органов исполнительной власти и государственных корпораций;

- ◆ на региональном уровне (в пределах территории субъекта Российской Федерации) — комиссия по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации;

- ◆ на муниципальном уровне (в пределах территории муниципального образования) — комиссия по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности органа местного самоуправления;

- ◆ на объектовом уровне — комиссия по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности организации.

На межрегиональном уровне в пределах соответствующего федерального округа функции и задачи по обеспечению координации деятельности органов в области защиты населения и территорий от ЧС осуществляет в установленном порядке полномочный представитель Президента Российской Федерации в федеральном округе.

Образование, реорганизация и упразднение комиссий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности, определение их компетенции, утверждение руководителей и персонального состава осуществляются соответственно Правительством Российской Федерации, федеральными органами исполнительной власти, государственными корпорациями, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и организациями. Компетенция КЧС и ПБ, а также порядок принятия решений определяются в положениях о них или в решениях об их образовании. КЧС и ПБ федеральных органов исполнительной власти, государственных корпораций, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций возглавляются соответственно руководителями указанных органов и организаций или их заместителями [6, с. 81].

Основными задачами КЧС в соответствии с их компетенцией являются:

- ◆ разработка предложений по реализации государственной политики в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечения пожарной безопасности;

- ◆ координация деятельности органов управления и сил федеральных органов исполнительной власти, государственных корпораций, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций на соответствующих уровнях единой системы;

♦ обеспечение согласованности действий федеральных органов исполнительной власти, государственных корпораций, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов МСУ и организаций при решении задач в области предупреждения и ликвидации ЧС и обеспечения пожарной безопасности, а также восстановления и строительства жилых домов, объектов жилищно-коммунального хозяйства, социальной сферы, производственной и инженерной инфраструктуры, поврежденных и разрушенных в результате чрезвычайных ситуаций;

♦ рассмотрение вопросов о привлечении сил и средств гражданской обороны к организации и проведению мероприятий по предотвращению и ликвидации чрезвычайных ситуаций в порядке, установленном федеральным законом;

♦ рассмотрение вопросов об организации оповещения и информирования населения о чрезвычайных ситуациях.

Постоянно действующими органами управления РСЧС являются:

♦ на федеральном уровне — МЧС России, подразделения федеральных органов исполнительной власти, государственных корпорации для решения задач в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций;

♦ на межрегиональном уровне — территориальные органы МЧС России, расположенные в субъектах Российской Федерации, в которых находятся центры соответствующих федеральных округов;

♦ на региональном уровне — главные управления МЧС России по субъектам РФ;

♦ на муниципальном уровне — органы, специально уполномоченные на решение задачи по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций при органах местного самоуправления;

♦ на объектовом уровне — структурные подразделения или работники организаций, уполномоченные решать задачи в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

Постоянно действующие органы управления РСЧС создаются и осуществляют свою деятельность в порядке, установленном законодательством РФ и иными нормативными правовыми актами.

Постоянно действующими органами управления единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций являются органы, специально уполномоченные на решение задач

в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций на соответствующем уровне единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. При этом уровнями являются — федеральный, межрегиональный, региональный, муниципальный, объектовый.

Указанные органы создаются и осуществляют свою деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Основа сил, находящихся в постоянной готовности, состоит из: аварийно-спасательной службы, аварийно-спасательного формирования, других служб. Данные силы имеют специальную технику, оборудование, снаряжение, инструменты, материалы в соответствии с учетом обеспечения проведения аварийно-спасательных и других неотложных работ в зоне ЧС в течение не менее трех суток. Данные силы на федеральном уровне утверждаются Правительством Российской Федерации по представлению МЧС России, территориальных подсистем утверждаются органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации по согласованию с МЧС России. Создающие органы также устанавливают и создают их состав и структуру в соответствии с возложенными на них задачами по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Привлечение аварийно-спасательных служб и аварийно-спасательных формирований к ликвидации чрезвычайных ситуаций осуществляется:

♦ в соответствии с планами предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций на обслуживаемых указанными службами и формированиями объектах и территориях;

♦ в соответствии с планами взаимодействия при ликвидации чрезвычайных ситуаций на других объектах и территориях;

♦ по решению федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций и общественных объединений, осуществляющих руководство деятельностью указанных служб и формирований.

Управление РСЧС осуществляется с использованием систем связи и оповещения, представляющих собой организационно-техническое объединение сил, средств связи и оповещения, сетей вещания, каналов сети связи общего пользования и ведомственных сетей связи, обеспечивающих доведение информации

и сигналов оповещения до органов управления, сил РСЧС и населения. Информационное обеспечение в РСЧС осуществляется с использованием автоматизированной информационно-управляющей системы, представляющей собой совокупность технических систем, средств связи и оповещения, автоматизации и информационных ресурсов, обеспечивающей обмен данными, подготовку, сбор, хранение, обработку, анализ и передачу информации.

При нормальной обстановке РСЧС функционирует в режиме повседневной деятельности. Исходя из обстановки, масштабов ЧС, которую прогнозируют или возникшей, руководители органов исполнительной власти в пределах конкретной территории устанавливают один из режимов функционирования: режим повышенной готовности, режим чрезвычайной ситуации.

Решая задачи по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, РСЧС является важным элементом системы национальной безопасности страны.

Возрастание количества и масштабов чрезвычайных ситуаций, возникновение очагов вооруженных конфликтов, в том числе на территории стран, граничащих с Российской Федерацией, попытки стран западного мира воздействовать на геополитическую обстановку путем экономических и политических санкций, потребовали коренного пересмотра подходов к защите населения, территорий, материальных и культурных ценностей от опасностей мирного и военного времени.

Список источников

1. Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты: защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. М., 1999.
2. Виноградов О. В. О некоторых вопросах интеграции ГО и РСЧС // В книге: Гражданская оборона на страже мира и безопасности: мат. IV междунар. науч.-практ. конф., посвященной Всемирному дню гражданской обороны. В 3 ч. / сост.: М. В. Алешков, А. Г. Заворотный, Ю. А. Апарина [и др.]. М., 2020.
3. Вознесенский В. С., Костылев Д. Н., Разводов М. А., Пронин А. В. Работа органов управления и сил РСЧС по предупреждению и ликвидации ЧС // *Мировая наука*. 2019. № 9(30). С. 255.
4. Лобанов А. И. От спасения к предупреждению — приоритетное направление развития РСЧС // В сб.: *Актуальные проблемы медико-биологической и экологической защиты: сб. тр. в секции № 9 XXIX междунар. науч.-практ. конф.* М., 2019.
5. Муровицкий А. И. Основные аспекты совершенствования гражданской обороны и РСЧС в современных условиях // *Технологии гражданской безопасности*. 2006. Т. 3. № 2 (10). С. 19.
6. Организация управления в РСЧС: сб. мат. науч.-метод. семинара (Иваново, 31 октября 2018 г.) / сост. С. В. Горинова. Иваново : Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, 2018.
7. От МПВО к гражданской защите: Исторический очерк / под ред. С. К. Шойгу. М., 1998.
8. Симонова В. С., Азанов С. Н., Костров А. В. Современное состояние нормативно-правовой базы ГО и РСЧС и направления ее развития // *Технологии гражданской безопасности*. 2006. Т. 3. № 2(10). С. 43.
9. Государственный доклад о состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций техногенного характера в 2019 г. М. : МЧС России ; ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2020.
10. Государственный доклад о состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2020 г. М. : МЧС России ; ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2021.
11. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // *СЗ РФ*. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
12. Указ Президента РФ от 11 января 2018 г. № 12 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций на период до 2030 года» // URL://www.pravo.gov.ru.
13. Федеральный закон РФ от 21 декабря 1994 г. «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // *СЗ РФ*. 1994. № 35. Ст. 3648.
14. Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2003 г. № 794 (ред. от 10 декабря 2021 г.) «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // *СЗ РФ*. 2004. № 2. Ст. 121.
15. Постановление Правительства РФ от 18 сентября 2020 г. № 1485 «Об утверждении Положения о

подготовке граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства в области защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера // СЗ РФ. 2020. № 39. Ст. 6062.

References

1. Security of Russia. Legal, socio-economic, scientific and technical aspects: protection of the population and territories from natural and man-made emergencies. M., 1999.
2. Vinogradov O. V. On some issues of integration of civil defense and emergency situations // In the book: Civil Defense on guard of peace and security: mat. IV International scientific and practical conference dedicated to the World Civil Defense Day. At 3 o'clock / comp.: M. V. Aleshkov, A. G. Zavorotny, Yu. A. Aparina [et al.]. M., 2020.
3. Voznesensky V. S., Kostylev D. N., Razvozov M. A., Pronin A. V. The work of the management bodies and the forces of the RSF on the prevention and elimination of emergencies // World Science. 2019. No. 9(30). P. 255.
4. Lobanov A. I. From rescue to prevention — a priority direction for the development of emergency situations // In the collection: Actual problems of biomedical and environmental protection: collection of tr. in section No. 9 XXIX International scientific and practical conference. M., 2019.
5. Murovitsky A. I. The main aspects of improving civil defense and emergency situations in modern conditions // Technologies of civil security. 2006. Vol. 3. No. 2 (10). P. 19.
6. Organization of management in RSChS: sat. mat. sci.-method. seminar (Ivanovo, October 31, 2018) / comp. S. V. Gorinova. Ivanovo : Ivanovo Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2018.
7. From MPVO to civil protection: A historical essay / edited by S. K. Shoigu. M., 1998.
8. Simonova V. S., Azanov S. N., Kostrov A. V. The current state of the regulatory framework of civil defense and Emergency Situations and its directions development // Civil security technologies. 2006. Vol. 3. No. 2(10). P. 43.
9. State Report on the state of protection of the population and territories of the Russian Federation from man-made Emergencies in 2019. M. : EMERCOM of Russia ; Federal State Budgetary Institution of the State Research Institute of Public Health (FC), 2020.
10. State report on the state of protection of the population and territories of the Russian Federation from natural and man-made emergencies in 2020. M. : EMERCOM of Russia ; Federal State Budgetary Institution of the State Research Institute of Public Health (FC), 2021.
11. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // SZ RF. 2021. No. 27 (Part II). St. 5351.
12. Decree of the President of the Russian Federation No. 12 dated January 11, 2018 «On approval of the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the field of protection of the population and territories from emergency situations for the period up to 2030» // URL://www.pravo.gov.ru.
13. Federal Law of the Russian Federation of December 21, 1994 «On the protection of the population and territories from natural and man-made emergencies» // SZ RF. 1994. No. 35. St. 3648.
14. Decree of the Government of the Russian Federation of December 30, 2003 No. 794 (ed. of December 10, 2021) «On the Unified State system of prevention and liquidation of emergency situations» // SZ RF. 2004. No. 2. St. 121.
15. Decree of the Government of the Russian Federation of September 18, 2020 No. 1485 «On approval Regulations on the training of citizens of the Russian Federation, foreign citizens and stateless persons in the field of protection from natural and man-made emergencies» // SZ RF. 2020. No. 39. St. 6062.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 12.08.2022; принята к публикации 29.09.2022.

The article was submitted 15.06.2022; approved after reviewing 12.08.2022; accepted for publication 29.09.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-127-133>

НИОН: 2003-0059-1/23-563

MOSURED: 77/27-003-2023-01-762

Обстоятельства, смягчающие наказание и исключаящие преступность деяния по уголовному праву Государства Израиль (сравнительный анализ)

Бунед Очилович Исломов

Университет общественной безопасности, Ташкент, Узбекистан, bunyodislomov@gmail.com

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор **Ф. Т. Тахиров**

Аннотация. Представлен сравнительный анализ уголовного права Израиля в плане учета обстоятельств, смягчающих наказание, и обстоятельств, исключаящих преступность деяния. Даны предложения по имплементации некоторых уголовно-правовых норм Израиля в уголовный закон Республики Узбекистан.

Ключевые слова: смягчение наказания, неоконченное преступление, несовершеннолетний, соучастие в преступлении

Для цитирования: Исломов Б. О. Обстоятельства, смягчающие наказание и исключаящие преступность деяния по уголовному праву Государства Израиль (сравнительный анализ) // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 127–133. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-127-133>.

Original article

Circumstances mitigating the punishment and excluding the criminality of the act in the criminal law of the State of Israel (comparative analysis)

Bunyod O. Islomov

University of Public Safety of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan, bunyodislomov@gmail.com

Research supervisor: Doctor of Legal Sciences, Professor **F. T. Takhirov**

Abstract. A comparative analysis of the criminal law of Israel is presented in terms of taking into account the circumstances mitigating the punishment and the circumstances excluding the criminality of the act. The proposals on the implementation of some criminal law norms of Israel in the criminal law of the Republic of Uzbekistan are given.

Keywords: mitigation of sentence, uncompleted offence, minor, complicity

For citation: Islomov B. O. Circumstances mitigating the punishment and excluding the criminality of the act in the criminal law of the State of Israel (comparative analysis). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):127–133. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-127-133>.

Хотя Израиль и Республика Узбекистан [12, с. 349–354, 389–416] принадлежат к разным правовым системам, изучение уголовного законодательства Израиля представляет интерес в свете осуществления либерализации уголовного законодательства Республики Узбекистан. В данном плане, несмотря на подробный анализ учеными института смягчения наказания, а также обстоятельств, исключаящих преступность деяния, обзор институтов уголовного права Израиля встречается не часто, что затрудняет включение полемики в данную статью.

В отличие от Республики Узбекистан, в Израиле кодификационное законодательство отсутствует, а Закон об уголовном праве 1977 г., вступивший в силу 4 августа 1977 г. (далее — УЗ Израиля) [6], хотя и не устанавливает ответственность за все преступные

деяния, предусмотренные в законодательстве Израиля и по данной причине не рассматривается как кодекс, однако его Вступительная и Общая части распространяются на все законодательные акты, которые устанавливают уголовную ответственность, как, к примеру, Ордонанс об опасных наркотиках 1973 г., Закон о запрете отмывания капитала 2000 г. и т. п. Поэтому, УЗ Израиля смело может быть рассмотрено если не как кодекс, то как основополагающий, фундаментальный закон в системе уголовно-правовых норм Израиля.

Переходя к непосредственному предмету исследования, считаем целесообразным проанализировать следующие аспекты.

Во-первых, среди уголовных законов зарубежных стран УЗ Израиля отличается наиболее полной и под-

© Исломов Б. О., 2023

робной регламентацией действия данного закона в случаях смягчения либо отягчения положения преступника (ст. 3–5). В свою очередь, Уголовный кодекс Республики Узбекистан 1994 г. (далее — УК РУз) [13] предусматривает обратную силу закона в случаях смягчения положения лица (ст. 13).

Во-вторых, если ст. 54 УК РУз, устанавливая общие начала назначения наказания, гласит, что в процессе вынесения наказания суд учитывает личность преступника, смягчающие и отягчающие обстоятельства, объем и характер ущерба, мотивы, уровень и характер общественной опасности преступления, то уникальное правило предусматривает ст. 37 УЗ Израиля, согласно которому, в случае признания лица виновным, перед вынесением уголовного наказания суд может запросить у сотрудника службы пробации рапорт в письменной форме, включающий следующие обстоятельства:

- 1) материальное состояние обвиняемого;
- 2) сведения о прошлом обвиняемого;
- 3) подробные сведения о супруге и других близких родственниках обвиняемого лица, указывающие на его семейное положение;
- 4) особые личные обстоятельства, способствовавшие совершению деяния, если такие обстоятельства имеются;
- 5) состояние здоровья членов семьи обвиняемого, а также самого обвиняемого.

В-третьих, в УЗ Израиля для определения смягчающих обстоятельств, аналогично с УК РУз, используется термин «обстоятельства, смягчающие наказание». Законодательное определение данных обстоятельств не приводится в обоих уголовных законах. В отличие от УК РУз, уголовный закон Израиля не содержит единого перечня смягчающих обстоятельств, применимый ко всем составам преступлений, однако согласно ст. 300 (алеф), несмотря на установленное ст. 300 (преднамеренное убийство), если деяние совершено при одном из нижеследующих обстоятельств, суд может назначить более мягкое наказание, чем установленное в ней:

- 1) когда у обвиняемого была сильно ограничена возможность вследствие дефекта мыслительной деятельности или сильного душевного расстройства, но не до такого уровня, в котором он не смог бы, в сущности, как это определено в ст. 34 хет, осознавать порочность данного деяния или то, что лицо совершает деяние либо удержаться от его совершения;

- 2) при обстоятельствах дела, когда обвиняемый был в таком состоянии, когда его деяние в малозначительной степени превысило границы разумного, установленного в ст. 34 тет зайн, для того чтобы деяние лица подпадало под действие принуждения, необходимой обороны либо крайней необходимости, определенных в ст. 34 йюд бет, 34 йюд, 34 йюд алеф;

- 3) когда вследствие сильного и длительного издевательства над его членом семьи или над ним самим, обвиняемый оказался в тяжелом психологическом состоянии и причинил смерть лицу, совершившему упомянутые действия в отношении обвиняемого либо его семьи. Но данный перечень применим только к преднамеренному убийству (ст. 300).

Кроме того, УЗ Израиля содержит норму о назначении более мягкого наказания, как и УК РУз. В частности, если лицо признано виновным, то в отношении него можно назначить более мягкое в сравнении с обязательным наказание, указанное за аналогичное деяние, в случае его совершения при особо смягчающих обстоятельствах, определенных в процессе назначения наказания (ст. 35 алеф (алеф)). Однако, данная норма имеет ограничения, к примеру, она не распространяется на преднамеренные убийства (ст. 35 алеф (бет)).

УЗ Израиля пошел по пути установления обязательного минимального размера или срока наказания за совершение определенных категорий преступлений, при этом не исключая смягчение наказания:

- 1) за причинение телесного повреждения с отягчающим намерением члену своей семьи, назначается наказание в размере не меньше пятой части от предельного срока тюремного заключения, предусмотренного за аналогичное деяние, при этом случаи смягчения наказания судом на основании письменно изложенных особых причин являются исключениями от данного правила (ст. 329 (бет));

- 2) за исключением случаев смягчения наказания судом на основании особых, изложенных в письменной форме причин, лицу, признанному виновным за такие преступления, как изнасилование, развратные действия, преступления против половой неприкосновенности в семье и преступления против половой неприкосновенности, совершенные лицом, ответственным за беспомощного, будет назначено наказание в виде тюремного заключения не менее чем на четверть от предельного срока, указанного в настоящих статьях (ст. 355 (алеф));

3) за исключением случаев смягчения наказания судом на основании особых, изложенных в письменной форме причин, лицу, признанному виновным за торговлю людьми и содержание в условиях рабства, будет назначено наказание в виде тюремного заключения не менее чем на четверть от предельного срока, указанного в настоящих статьях (ст. 377 бет (алеф)).

УЗ Израиля также предусматривает противоположное вышеупомянутым положениям следующее правило, устанавливая максимальные сроки наказания, которое в итоге способствует смягчению положения преступника:

1) срок пожизненного тюремного заключения не будет превышать 20 лет, в случае назначения судом этого вида наказания, если в данном случае обязательность указанного вида наказания не было оговорено (ст. 41);

2) срок наказания не будет превышать 1 год, в случае установления наказания за преступное деяние в виде тюремного заключения без определения срока (ст. 42).

В-четвертых, следует заметить: УЗ Израиля, помимо «обстоятельств, смягчающих наказание», также предусматривает «особые смягчающие обстоятельства» (ст. 35 алеф (алеф)), «особые личные обстоятельства» (ст. 37 (алеф)), «особые причины» (ст. 329 (бет), 377 далет (гимель)). В свою очередь, наряду с «обстоятельствами, смягчающими наказание», в УК РУз упоминаются «исключительные случаи» и «обстоятельства, существенно снижающие степень общественной опасности совершенного преступления» (ч. 1 ст. 57). К последним можно отнести факторы, которые определяют в совокупности личность обвиняемого, предшествующее и последующее преступлению поведение обвиняемого, преступное деяние, форму и степень вины, причины совершения деяния и способствующие условия. А законодательное определение либо перечень вышеупомянутых институтов не содержат уголовные законы обеих государств.

Также, ч. 1 ст. 55 УК РУз, устанавливая единый перечень смягчающих обстоятельств, применимых ко всей Особой части УК, в дополнение устанавливаются правила, согласно которым суд уполномочен признавать смягчающими обстоятельства, не указанные в ч. 1 ст. 55 (ч. 2), а смягчающее обстоятельство, являющийся признаком состава преступления, не будет учитываться в процессе назначения наказания (ч. 3).

Уголовное право Израиля предусматривает еще один интересный институт. Так, в случае признания обвиняемым своей вины в преступлении, которое предписывается ему, на основании обвинительного заключения или в случае заслушивания судом доказательств и вынесения решения о совершении данного деяния обвиняемым, его ожидает обвинительный приговор. Все же, в данном случае, при «исключительных обстоятельствах», есть возможность окончить дело согласно судебному решению о том, что, несмотря на совершение преступного деяния обвиняемым, судимость отсутствует. Именно лицо, совершившее деяние обязано доказать, что его случай является исключением из правил, раз оно хочет избежать судимости. В данной ситуации два обстоятельства учитываются судом: 1) позволяет ли вид преступного деяния в конкретном соответствующем случае отмену вынесения судимости с заменой наказания в виде тюремного заключения иными наказаниями; 2) причинит ли судимость серьезный вред на процесс реабилитации обвиняемого [11].

Кроме того, в процессе назначения наказания суд исследует несколько руководящих правил: а) характер преступления, тяжесть и обстоятельства его исполнения; б) является ли совершенное преступление первым, наличие других судимостей; в) отражает ли преступление картину хронического преступного поведения, или наблюдается единоразовая виновность; г) уровень вероятности совершения лицом других противоправных деяний в будущем, т. е. опасность обвиняемого; д) состояние здоровья, прошлое, возраст и характер обвиняемого; е) соотношение между должностным положением обвиняемого и деянием; ж) уровень вреда, нанесенного обществу; з) готовность обвиняемого принять ответственность за свое деяние с угрызением совести и пониманием; и) влияние судимости на самооценку и на самоощущение обвиняемого; к) влияние судимости на настоящую и на будущую деятельность обвиняемого; л) другие смягчающие обстоятельства [9; 10].

Также в практике уголовного судопроизводства Израиля суд может учитывать специфические смягчающие обстоятельства исходя из определенной категории преступлений. К примеру, при признании судом виновным в совершении дезертирства, в первую очередь смягчающим обстоятельством является тяжелое материальное положение, послужившее причиной дезертирства, а также необходимость по-

могать больным родителям, и тому подобное. Следует также отметить, что отношение к тем, кто не явился на службу по повестке, назначается несколько более мягкое наказание, чем к тем, кто сбежал со службы в середине [4].

В дополнение, как отмечает Г. Курзинер, хотя согласно ст. 12 Закона об уголовной ответственности [7], незнание закона не освобождает от наказания, суд принимает этот факт во внимание при вынесении приговора. Поэтому в данной ситуации, после признания совершившего преступление виновным, до вынесения приговора следует обратиться к суду с просьбой учесть незнание того, что подобное действие являлось преступлением, и считать это смягчающим обстоятельством [8].

В-пятых, УЗ Израиля не предусматривает порядок смягчения наказания, аналогичный порядку, определенному в ст. 57 (назначение более мягкого наказания), 57-1 (назначение наказания при деятельном раскаянии) и 57-2 (назначение наказания по преступлениям, по которым заключено соглашение о признании вины) УК РУз.

В-шестых, по УЗ Израиля порядок назначения, в частности смягчения наказания за неоконченное преступление, описаны не так подробно и ограничены ст. 27 об особом наказании за покушение, согласно которой положения, которыми установлены минимальное либо обязательное наказание за преступление, не действуют в случае совершения покушения на это преступление. Тем не менее, ст. 7 (алеф) определяет, что вступление в сговор с целью совершения преступления, приготовление, а также покушение на преступление, покушение на подстрекательство другого лица, но при условии того, что данное преступление должно было быть совершено частично либо полностью на территории Израиля. Размер назначаемого наказания за приготовление и покушение, обычно, снижается, в сравнении с таким же окончательным преступлением [1, с. 53–56].

В данном плане УК РУз, устанавливая ответственность за неоконченное преступление как на стадии приготовления, так и покушения на преступление (ст. 25, 58), предусматривает более подробные правила смягчения наказания (ч. 3 ст. 58).

В-седьмых, из видов соучастников пособник, подстрекатель и исполнитель по ст. 34 алеф УЗ Израиля объявлены вне закона (ст. 29–31), за деяния которых установлены следующие правила смягчения наказания:

1) за пособничество, содействовавшее совершению деяния, будет назначена S часть наказания, установленного законодательным актом за главное исполнение преступления;

2) за покушение на подстрекательство, склоняющее лицо совершить преступление, назначается S наказания, установленное за исполнение преступления;

3) суд уполномочен назначить более мягкое наказание в случае признания обвиняемого виновным в эксцессе исполнителя, т. е. в деянии, предусматривающем обязательное наказание.

Аналогичное правило касательно учета судом в индивидуальном порядке смягчающих и отягчающих обстоятельств, касающихся личности каждого соучастника, содержат УЗ Израиля (ст. 34 бет) и УК РУз (ч. 4 ст. 58).

В-восьмых, УЗ Израиля является одним из уголовных законов, предусматривающих наибольший перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния, такие как совершение деяния несовершеннолетним не достигшим 12 лет, отсутствие возможности руководить движениями тела, совершение деяния в состоянии невменяемости, совершение деяния в состоянии опьянения, при условии причинения не его контролируемым поведением или без его ведома, совершение деяния в состоянии необходимой обороны, за исключением провокации нападения, совершение деяния с целью защиты загроможденной фермы для занятия сельскохозяйственной деятельностью, помещения для занятия бизнесом, совершение деяния в состоянии крайней необходимости, совершение деяния в результате принуждения, оправдательные деяния, малозначительность деяния и совершение преступления лицом, имеющее судебную должность в процессе исполнения служебных обязательств, включая случаи превышения полномочий (ст. 34 вав – 34 каф). Отметим, что с соблюдением некоторых условий фактическая ошибка (ст. 34 йюд хет) и юридическая ошибка (ст. 34 йюд тет) не исключают ответственность. Еще одно интересное правило содержит УЗ Израиля о значении сомнения, которое гласит что лицо избежит уголовной ответственности за деяние если оно не доказано сверх разумного сомнения (ст. 34 каф бет (алеф)).

Вышеуказанный перечень исключających ответственность обстоятельств по содержанию во многом совпадает с аналогичный перечнем, отраженным в ст. 35 УК РУз, за исключением причинения вреда в

процессе задержания лица, совершившего противозаконное деяние, обоснованного хозяйственного либо профессионального риска, которые УЗ Израиля не предусматривает.

Помимо этого, по УК РУз совершение преступления при превышении пределов правомерности крайней необходимости, необходимой обороны, оправданного хозяйственного либо профессионального риска, причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние признаются смягчающими обстоятельствами (п. «е» ч. 1 ст. 55).

Интересно, что обстоятельства, исключаяющие преступность деяния, предусмотренные ст. 21-1, 22-2 (принуждение и крайняя необходимость) УЗ Израиля, не освобождают от уголовной ответственности при причинении вреда суверенитету либо целостности государства, развязывании войны, пособничестве врагу в войне, мятеже с намерением причинить вред безопасности государства, шпионаже, но признаются как обстоятельства, смягчающие наказание (ст. 93).

В-девятых, в отличие от УЗ Израиля, УК РУз выделяет отдельную главу особенностям ответственности несовершеннолетних лиц. Ну а УЗ Израиля, в свою очередь, уделяет больше внимания совершению преступления в отношении несовершеннолетних, выделяя отдельные главы о преступлениях против несовершеннолетних и инвалидов и причинении вреда несовершеннолетним и беспомощным. В данном плане, УК РУз совершение преступления в отношении малолетнего признает отягчающим обстоятельством. Подробную регламентацию уголовного разбирательства в отношении несовершеннолетних предоставляет Закон о несовершеннолетних 1971 г.

Если УЗ Израиля упоминает об исключении преступности деяния, совершенного лицами, не достигшими 12 лет, то по УК РУз, субъектом уголовной ответственности лицо становится по достижению 14 лет. Одновременно, совершение преступления несовершеннолетним УК РУз признает смягчающим обстоятельством. Аналогичное правило УЗ Израиля не содержит.

В-десятых, хотя УЗ Израиля и не предусматривает в дословной форме институт «добровольного отказа от преступления», однако отождествляет данный институт с «деятельным раскаянием». Так, согласно ст. 28 УЗ, если лицо при покушении на

преступление из-за раскаяния и исключительно по собственному чистосердечному желанию прекратило деяние, нацеленное на окончание преступления либо вложило значительную пользу в предупреждение последствий, имеющих решающую роль в доведении преступления до конца, и смогло это доказать, оно не будет привлечено к уголовной ответственности за покушение, за исключением наличия иных составов преступлений. Аналогично регулируется и раскаяние соучастников преступления при покушении на подстрекательство и при пособничестве (ст. 34). Одновременно ст. 39 (алеф) устанавливает правило, согласно которому, если лицо, будучи признанным виновным за определенное преступление, в то же время ходатайствует о своем осуждении за остальные преступления, признавая за них свою вину, в данном случае выслушав аргументы прокурора, суд уполномочен на признание упомянутого лица виновным с вынесением решения касательно пробаии за каждое из указанных иных преступлений либо назначением наказания.

Тем не менее, юристы-практики различают четыре категории раскаяния в уголовном праве Израиля:

- 1) человек решил совершить преступление, но раскаялся и отказался от своего намерения до совершения преступления и не исполнил его;
- 2) человек подстрекал другого совершить преступление, или оказал содействие в его реализации. До того, как преступление было исполнено, раскаялся и пробовал предотвратить преступление;
- 3) человек начал выполнять свои преступные действия, но в ходе их раскаялся и не довел преступление до конца;
- 4) человек исполнил преступление и только после этого раскаялся в содеянном [2].

Единственная возможность у израильских преступников не подлежать уголовной ответственности в связи с раскаянием, так это раскаяться в период покушения на преступление, т. е., когда преступление еще является неоконченным [5]. В дополнение отметим, что УК РУз предусматривает порядок освобождения от ответственности (ст. 66) и от наказания в связи с деятельным раскаянием виновного в содеянном (ст. 71).

В свою очередь, УК РУз различает «добровольный отказ» от деятельного раскаяния. Если деятельное раскаяние является смягчающим обстоятельством (п. «а», «б» ч. 1 ст. 55, ст. 57-1), то добровольный

отказ от совершения преступного деяния (ч. 2 ст. 26), в том числе организатора, подстрекателя или пособника преступления исключает ответственность (ч. 5 ст. 30 УК РУз).

В-одиннадцатых, как УЗ Израиля (ст. 34 хет), так и УК РУз (ст. 18) признают «невменяемость» исключая ответственность состоянием. Дополнительно, УК РУз определяет применение принудительных мер медицинского характера (ст. 91-96). А легкое душевное расстройство не является достаточным основанием для признания обвиняемого невменяемым [3].

В-двенадцатых, хотя УЗ Израиля и не предусматривает в дословной форме совершение преступления лицом в состоянии «ограниченной вменяемости», но одновременно с институтом «невменяемости» упоминает о состоянии «дефекта умственной деятельности», которое по правовому содержанию совпадает с институтом «ограниченной вменяемости», указанным в УК РУз. В дополнение, УК РУз прямо определяет, что совершение деяния в состоянии ограниченной вменяемости не исключает ответственность. Ну а ст. 300 алев (алеф) УЗ Израиля признает данное состояние обстоятельством, смягчающим наказание.

По итогам проведенного сравнительного анализа обстоятельств, исключая преступность деяния, а также института смягчения наказания, можно утверждать, что в уголовном праве Израиля, государстве, где де-факто действует смешанная правовая система, с элементами англо-саксонского и романо-германского права, существует немало своеобразных различительных свойств, рассмотренных выше, в котором подробное определение нашли вопросы назначения наказания за неоконченное преступление, назначения наказания несовершеннолетним, институт «невменяемости» и назначения принудительного медицинского лечения, а также обстоятельства, исключая преступность деяния, а единый перечень смягчающих обстоятельств, применимый ко всем составам преступлений отсутствует, что, с нашей точки зрения, указывает на широту судебного усмотрения, предоставленного законодательством.

На основании сравнительного изучения уголовного законодательства Израиля, предлагается имплементировать некоторые уголовно-правовые институты в УК РУз, что положительно повлияет на совершенствование отечественного Уголовного кодекса.

1. П. «д» ч. 1 ст. 55 (Обстоятельства, смягчающие наказание) УК РУз изменить и изложив в нижесле-

дующей редакции, что с нашей точки зрения придаст еще более гуманный характер УК РУз:

«Обстоятельствами, смягчающими наказание, признаются:

...д) совершение преступления в состоянии сильного душевного волнения, вызванного насилием, тяжким оскорблением или иными неправомерными действиями потерпевшего в отношении обвиняемого или члена его семьи»...

2. В силу внесения новых видов обстоятельств, исключая деяние, ч. 2 ст. 35 (определение и перечень исключая преступность деяния обстоятельств) изменить и изложить в нижеследующей редакции:

«Обстоятельствами, исключая преступность, признаются:

- ◆ малозначительность деяния;
- ◆ необходимая оборона;
- ◆ крайняя необходимость;
- ◆ причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние;
- ◆ исполнение приказа или иной обязанности; оправданный профессиональный или хозяйственный риск;
- ◆ совершение деяния в результате физического или психического принуждения либо угрозы;
- ◆ невозможность руководить телодвижениями;
- ◆ защита жилища, помещения для ведения бизнеса и огражденной сельскохозяйственной фермы;
- ◆ оправдательные деяния;
- ◆ защита судебной власти».

3. В силу внесения новых видов обстоятельств, исключая деяние, дополнить ст. 41-2 (невозможность руководить телодвижениями), 41-3 (защита дома и здания для осуществления предпринимательства и загороженной фермы, дехканского хозяйства либо кластера), 41-4 (оправдательные деяния) и 41-5 (защита судебной власти) соответствующей редакции.

Список источников

1. Анисимов А. А. Неоконченное преступление в уголовном праве Израиля // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 1. С. 53–56.

2. Аптекман А. Раскаяние // URL://<https://pravo.israelinfo.co.il/articles/ugp/1325>.

3. Баксанский Д. Уголовное судопроизводство в отношении психически больных // URL://<https://pravo.israelinfo.co.il/articles/ugp/294>.

4. Гервиц Э. Нарушение закона солдатами. Дезертирство — смягчающие обстоятельства // URL://<https://pravo.israelinfo.co.il/articles/voen/605>.

5. Дорфман М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с раскаянием // URL://<https://pravo.israelinfo.co.il/articles/ugp/401>.

6. Закон об уголовном праве Израиля 1977 г. М., 2010.

7. Закон об уголовной ответственности в Израиле. М., 2016.

8. Курзинер Г. Уголовная ответственность // URL://<https://pravo.israelinfo.co.il/articles/ugp/70>.

9. Левит М. Признание содеянного без осуждения/судимости (часть 1) // URL://<https://pravo.israelinfo.co.il/articles/analitik/1013?print>.

10. Левит М. Признание содеянного без осуждения/судимости (часть 2) // URL://<https://pravo.israelinfo.co.il/articles/analitik/1015?print>.

11. Приговор без судимости // URL://<https://pravo.israelinfo.co.il/articles/ugp/2482>.

12. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): учебник / под ред. В. А. Туманова. М., 2003.

13. Уголовный кодекс Республики Узбекистан // URL://<https://lex.uz/docs/111457>.

References

1. Anisimov A. A. Unfinished crime in the criminal law of Israel // Topical issues of combating crimes. 2015. No. 1. P. 53–56.

2. Aptekman A. Repentance // URL://<https://pravo.israelinfo.co.il/articles/ugp/1325>.

3. Baksansky D. Criminal proceedings against mentally ill // URL://<https://pravo.israelinfo.co.il/articles/ugp/294>.

4. Gerwitz E. Violation of the law by soldiers. Desertion — mitigating circumstances // URL://<https://pravo.israelinfo.co.il/articles/voen/605>.

5. Dorfman M. Exemption from criminal liability due to repentance // URL://<https://pravo.israelinfo.co.il/articles/ugp/401>.

6. The Law on Criminal Law of Israel 1977. М., 2010.

7. The Law on Criminal Liability in Israel. М., 2016.

8. Kurziner G. Criminal liability // URL://<https://pravo.israelinfo.co.il/articles/ugp/70>.

9. Levit M. Confession without conviction/Criminal record (part 1) // URL://<https://pravo.israelinfo.co.il/articles/analitik/1013?print>.

10. Levit M. Confession without conviction/criminal record (part 2) // URL://<https://pravo.israelinfo.co.il/articles/analitik/1015?print>.

11. Sentence without criminal record // URL://<https://pravo.israelinfo.co.il/articles/ugp/2482>.

12. Saidov A. H. Comparative jurisprudence (the main legal systems of modernity): textbook / edited by V. A. Tumanov. М., 2003.

13. Criminal Code of the Republic of Uzbekistan // URL://<https://lex.uz/docs/111457>.

Информация об авторе

Б. О. Исломов — независимый исследователь Академии МВД Республики Узбекистан, главный юрисконсульт Юридического управления АО «КДБ Банк Узбекистан».

Information about the author

B. O. Isломov — Independent Researcher of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, Senior Legal Adviser of the Legal Department of the «KDB Bank Uzbekistan» JSC.

Статья поступила в редакцию 09.11.2022; одобрена после рецензирования 22.12.2022; принята к публикации 23.01.2023.

The article was submitted 09.11.2022; approved after reviewing 22.12.2022; accepted for publication 23.01.2023.

Научная статья

УДК 34:504.5

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-134-138>

ИПОН: 2003-0059-1/23-564

MOSURED: 77/27-003-2023-01-763

Правовые основы и перспективы развития отрасли в области отходов производства и твердых коммунальных отходов в Российской Федерации: эколого-правовой аспект

Сергей Яковлевич Казанцев¹, Олег Ростиславович Саркисов², Евгений Леонидович Любарский³

¹ Казанский юридический институт МВД РФ, Казань, Республика Татарстан, menedqment@mail.ru

² Институт социальных и гуманитарных знаний, Казань, Республика Татарстан, oleg_sarkisov@mail.ru

³ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан, elyubars@mail.ru

Рецензент: кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан Э. Е. Сафонов

Аннотация. Рассматривается ситуация в стране в области отходов производства и твердых коммунальных отходов, уровень нанесенного ущерба окружающей среде и здоровью населения загрязнением, наличие действующих нормативно-правовых актов, эффективность принимаемых мер. Определяются задачи, стоящие перед государством и обществом, направленные на улучшение деятельности отрасли по переработке отходов.

Ключевые слова: охрана окружающей среды, развитие отрасли по переработке отходов производства и потребления, ТКО (твердых коммунальных отходов) и перспективы улучшения деятельности

Для цитирования: Казанцев С. Я., Саркисов О. Р., Любарский Е. Л. Правовые основы и перспективы развития отрасли в области отходов производства и твердых коммунальных отходов в Российской Федерации: эколого-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 134–138. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-134-138>.

Original article

Legal conditions and prospects for the development of the industry in the field of industrial waste and solid municipal waste in the Russian Federation: environmental and legal aspect

Sergey Ya. Kazantsev¹, Oleg R. Sarkisov², Evgeny L. Lyubarskiy³

¹ Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Kazan, Republic of Tatarstan, menedqment@mail.ru

² Institute of Social and Humanitarian Knowledge, Kazan, Republic of Tatarstan, oleg_sarkisov@mail.ru

³ Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, elyubars@mail.ru

Reviewer: Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan E. E. Safonov

Abstract. The situation in the country in the field of industrial waste and municipal solid waste, the level of damage caused to the environment and public health by pollution, the availability of existing regulatory legal acts, the effectiveness of measures taken are considered. The tasks facing the state and society aimed at improving the activities of the waste processing industry are determined.

Keywords: environmental protection, development of the industry for the processing of production and consumption waste, MSW (solid municipal waste), prospects for improving its activities

For citation: Kazantsev S. Ya. Sarkisov O. R., Lyubarskiy E. L. Legal conditions and prospects for the development of the industry in the field of industrial waste and solid municipal waste in the Russian Federation: environmental and legal aspect. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):134–138. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-134-138>.

Среди техногенных нагрузок серьезную проблему для России представляют отходы. На территории страны за последние десятилетия накоплены десятки миллиардов тонн твердых и коммунальных отходов производства и потребления, свалки в том виде, в котором они сегодня существуют, должны

быть ликвидированы или преобразованы в современные хранилища [1]. Президентом Российской Федерации в 2012 г. утвержден ключевой документ, определивший основные направления деятельности по охране окружающей среды на долгосрочную перспективу — «Основы государственной политики в

© Казанцев С. Я., Саркисов О. Р., Любарский Е. Л., 2023

области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 30 апреля 2012 г. № 1102-пр. Важным распоряжением определены основные задачи государственного управления в экологической сфере, к которым отнесена и необходимость обеспечения экологически безопасного обращения с отходами производства и потребления. Российская нормативно-правовая база в этой области насчитывает более 200 документов только федерального уровня, в том числе 20 законов, 40 постановлений, около десяти распоряжений Правительства РФ и 180 нормативных документов федеральных органов исполнительной власти. Кроме того, Российская Федерация подписала и ратифицировала ряд международных соглашений, регулирующих эту важную проблему. К ним можно отнести Конвенцию о контроле над трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (Базельская конвенция от 22 марта 1989 г. с поправками по состоянию на 8 октября 2005 г.) Соглашения о сотрудничестве в области охраны окружающей среды с правительствами 14 государств, в которых закреплены основные направления сторон в охране окружающей среды, в том числе по удалению, обезвреживанию, переработке и использованию промышленных, сельскохозяйственных и бытовых отходов, контроль над транспортным перемещением токсичных отходов.

Вместе с тем, в РФ одной из наиболее острых экологических проблем в настоящее время является загрязнение окружающей природной среды, атмосферного воздуха, поверхностных вод, почв и растительности отходами производства и потребления. Объекты размещения отходов производства и твердых коммунальных отходов (ТКО) являются источниками потенциальных экологических рисков, поскольку на них сосредоточены в больших количествах отходы разного морфологического и химического состава, взаимодействующие друг с другом [2]. К ним можно отнести опасные субстанции, которые выделяют тяжелые металлы (кадмий, никель, ртуть), они сконцентрированы в отвалах, терриконах, несанкционированных свалках, на территориях предприятий, у зданий жилых массивов городов и поселений. Летучая зола заводов, сжигающих отходы (мусоросжигательных заводов), обогащена хлоридами, тяжелыми металлами, свинцом, цинком; попадая в слизистую людей при дыхании, они нано-

сят большой ущерб здоровью населения страны и окружающей среде. Кроме того, как показывает мировая статистика, число онкологических заболеваний, согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), связано с количеством мусоросжигательных заводов. На состояние окружающей среды оказывает негативное влияние и то, что почва вокруг мусорных контейнеров в радиусе 15 м относится к сильно загрязненной территории по биологическим показателям [3]. Ежегодно в Российской Федерации образуется около 7 млрд т отходов, из которых используется (перерабатывается) лишь 2 млрд т или 28,6 %. Так, по данным Федеральной службы по надзору в сфере природопользования, только в течение 2017 г. в России образовалось 6220,6 млн т бытовых отходов, а к началу 2021 г. накоплено бытовых (коммунальных) и образующих отходов добывающих промышленных производств (заводских комплексов, предприятий) 51 млрд 75 млн т. Особую реальную опасность для здоровья людей представляют радиоактивные отходы, т. е. вещества, содержащие элементы, способные к ядерному излучению, случайно попавшие в полотно дорог, в панели, блоки жилых и общественных зданий, заводских сооружений, на бытовую свалку. Уже ни один год продолжается так называемая мусорная реформа, но особой эффективности она пока не достигла. В стране за последние два года стали перерабатывать всего на 2 % больше отходов, а более 90 %, по-прежнему, утилизируют на полигонах — сжигается около 2 % мусора, а перерабатывается 4 %, все остальное отправляется на свалки [4]. Следует подчеркнуть то, что в других странах переработка мусора не только защищает экологию, но и является экономически выгодной. Так, Швеция достигла таких эффективных способов переработки отходов, что импортирует «мусор» из других стран [5]. Китай ежегодно закупал в США бытовой мусор на 1 млрд долл., а США выпускали продукцию из этих отходов на 4 млрд долл. и продавал ее по всему миру.

Как показывает мировой опыт, «мусор» — это деньги; при хорошей продуманной организации и развитии этой отрасли государство может не только зарабатывать, но и создавать эффективную экономически выгодную систему. Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации (Минстрой России) — феде-

ральный орган исполнительной власти подготовил предложения по совершенствованию законодательства об отходах производства и потребления. В этой связи в Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 225-ФЗ «Об отходах производства и потребления» были внесены дополнения, которые определили эффективность работы специально уполномоченных органов. Важным в документе является то, что на операторов и юридических лиц, занимающихся контролем этого направления, возлагается задача обеспечивать и осуществлять целенаправленную деятельность по обращению с отходами I и II классов опасности.

Кроме того, на своих подведомственных территориях они обязаны обеспечивать и рассматривать вопросы разделения и хранения мусора, создавать, обслуживать, вести реестры контейнерных площадок по складированию твердых (бытовых), коммунальных отходов, отслеживать и учитывать вовлечение таких отходов в хозяйственный оборот в качестве дополнительных источников сырья. Вместе с тем, в Российской Федерации в течение 2020 г. образовалось 6 млрд 956 млн т ТКО (на 10 % меньше, чем в 2019 г.). Утилизировано для повторного применения 3 млрд 406 млн т отходов. Однако, как показывает статистика, проблема остается; к началу 2021 г. в стране уже образовалось 51 млрд 75 млн т промышленных и бытовых отходов. Определенные сложности связаны с вывозом и переработкой твердых коммунальных отходов. К сожалению, данный процесс в нашей стране еще в стадии становления и развития. Вместе с тем, гражданское население России стремится правильно складировать мусор и отходы на придомовых территориях. Только за 2020 г. население российских городов накопило 49,6 млн т твердых коммунальных отходов. Платеж с человека вырос примерно на 150 руб. в зависимости от норматива накопления ТКО [6].

Тем не менее, к 2024 г. в России с учетом разработанной схемы, заложенной в нормативных актах, должны перерабатывать 60 % всего накопленного мусора, утилизировать можно будет лишь 36 %. Для этого необходимо построить 70 экотехнопарков — т. е. производств, комплектующих сортировку, переработку отходов и утилизацию того, что нельзя переработать. Министерство природных ресурсов РФ в своем письме от 9 ноября 2020 г. № 25-50/14385-ОГ «О рассмотрении обращения по вопросу разъясне-

ния по осуществлению лицензированной деятельности в области обращения с отходами производства и потребления» определило последовательность действий специально уполномоченных органов и органов местного самоуправления с отходами I–IV классов опасности. Кроме того, с 1 января 2020 г. за все этапы обращения с мусором — от его сбора и сортировки до ликвидации незаконных свалок — отвечают региональные системы операторов, с которыми заключаются договоры специально уполномоченными органами государства. Вывоз ТКО с придомовых территорий должна осуществлять лицензированная компания, входящая в состав оператора региона. В 2021 г. в ФЗ от 29 декабря 2014 г. № 458 «Об отходах производства и потребления» были внесены изменения Федеральным законом от 11 июня 2021 г. № 170, касающиеся норм коммунальных и бытовых отходов; речь идет о поэтапном складировании и вывозе мусора. С 1 января 2021 г. приказом Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 8 декабря 2020 г. № 1029 вступили в силу современные требования к разработке проектов нормативов образования отходов и лимитов на их размещение. Требования предназначены для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих хозяйственную и (или) иную деятельность на объектах I категории, а также на объектах II категории. В нормативном документе даются четкие определения организации процесса обработки утилизации, обезвреживания, и организации отдельного сбора мусора.

Принятые и утвержденные дополнения и изменения направлены на улучшение экологического состояния территории страны, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, сохранение природы России, защиты ее флоры и фауны от уничтожения. Кроме того, Правительством Российской Федерации разрабатываются проекты строительства современных заводов по переработке (сжиганию), правила и нормативы обращения с отходами, сбора мусора (раздельного сбора), захоронения органических соединений опасных продуктов. Пересматриваются полномочия деятельности федеральных, региональных и местных органов в области обращения с мусором и отходами. Вместе с тем, следует признать, что принятые меры до сих пор не достигли желаемого результата: в регионах действуют полигоны твердых коммунальных отходов,

но не все объекты работают из-за отсутствия лицензий, не обеспечиваются специально уполномоченными органами, индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами полная очистка территорий, не видна эффективность их работы в данной сфере. В России безопасная и выгодная переработка мусора еще не стала трендом. Об этом высказался Президент России В. В. Путин на встрече с генеральным директором «Российского экологического оператора» (РЭО) Д. Буцаевым 2 августа 2022 г. и назвал ситуацию с отходами производства «болевым точкой» России [7]. Следует отметить, что аналогичная ситуация сложилась и в Республике Татарстан. Здесь много делается для преодоления и решения отмеченных экологических проблем и дело не только в отсутствии должного финансирования; прежде всего, следует преодолеть косность мышления целого ряда руководителей крупных промышленных предприятий и организаций. Резко усилить контроль и надзор в сфере отходов производства и твердых коммунальных отходов.

В этой связи, как мы считаем, необходимо принять закон о создании и обеспечении деятельности важной отрасли — индустрии перерабатывающей отходы. Разработать целевую программу национального уровня, в рамках которой можно было бы сосредоточить имеющиеся ресурсы и последовательно решать накопившиеся проблемы в данной области. Ускорить строительство во всех регионах РФ новых комплексов по переработке мусора (отходов) любой категории, включая мусоросжигающие и мусороперерабатывающие заводы, способные изготавливать из вторсырья новые материалы, которые повторно будут задействованы в производстве, взяв за основу опыт ряда зарубежных стран в этом направлении. Российским законодателям уже давно пора решить вопрос о внесении соответствующих изменений в Административный кодекс РФ, УК РФ в части увеличения ответственности за нанесенный ущерб окружающей среде и тяжести последствий.

Список источников

1. Чистота и порядок // Российская газета. 2018. 19 дек.
2. Толстокорова О. Н. Обращение с твердыми коммунальными отходами (ТКО). Правила взаимодействия с региональным оператором // Экология

производства. Научно-практический журнал. 2019. № 2. С. 21–22.

3. Мусорный тариф опустили ниже урны // Коммерсантъ. 2019. 10 янв.
4. О мусоре // Российская газета. 2018. 21 дек.
5. Пушкарева А. С. Эффективные методы переработки мусора. Швеция // Молодой ученый. 2019. № 2. С. 77–78.
6. Метры или люди: какой из способов взимания платы справедлив // Российская газета. 2019. 21 февр.
7. В России все меньше мусора. У Путина связали количество мусора с падением доходов населения // Московский комсомолец. 2022. 3 авг.

References

1. Cleanliness and order // Rossiyskaya Gazeta. 2018. 19 Dec.
2. Tolstokorova O. N. Solid municipal waste management (MSW). Rules of interaction with the regional operator // Ecology of production. Scientific and practical journal. 2019. No. 2. P. 21–22.
3. The garbage tariff was lowered below the urn // Kommersant. 2019. 10 Jan.
4. About garbage // Rossiyskaya Gazeta. 2018. December 21.
5. Pushkareva A. S. Effective methods of waste recycling. Sweden // Young scientist. 2019. No. 2. P. 77–78.
6. Meters or people: which of the methods of charging is fair // Rossiyskaya Gazeta. 2019. February 21.
7. There is less and less garbage in Russia. Putin linked the amount of garbage with a drop in household incomes // Moskovsky Komsomolets. 2022. 3 Aug.

Библиографический список

1. Бобович Б. Б. Переработка промышленных отходов: учебник для вузов. М., 1999.
2. Бобылев С. Н., Новоселов А. Л., Гирусов Э. В. и др. Экология и экономика природопользования: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2002.
3. Круглов В. В. Опасные отходы в окружающей среде // Природа. 2012. № 11. С. 62.
4. Кузнецов В. Л., Крапильская Н. М., Юдина Л. Ф. Экологические проблемы твердых бытовых отходов. Сбор, ликвидация, утилизация: учеб. пособие. М., 2005.
5. Лысухо Н. А., Ерошина Д. М. Отходы производства и потребления, их влияние на природную

среду. Мн. : Международный государственный экологический институт имени А. Д. Сахарова Белорусского государственного университета, 2011.

6. Мусор уберут // Российская газета. 2018. 21 дек.

7. Шубов Л. Я. и др. Концепция управления муниципальными отходами мегаполиса // Научные и технологические аспекты охраны окружающей среды. 2001. № 6.

Bibliographic list

1. Bobovich B. B. Processing of industrial waste: textbook for universities. M., 1999.

2. Bobylev S. N., Novoselov A. L., Girusov E. V., etc. Ecology and economics of nature management: textbook for universities. 2nd ed., pererab. M. : UNITY-DANA ; Law and Law, 2002.

3. Kruglov V. V. Hazardous waste in the environment // Nature. 2012. No. 11. P. 62.

4. Kuznetsov V. L., Krapilskaya N. M., Yudina L. F. Environmental problems of solid household waste. Collection, liquidation, disposal: studies. manual. M., 2005.

5. Lysukho N. A., Eroshina D. M. Waste of production and consumption, their impact on the natural environment. Mн. : International State Ecological Institute named after A. D. Sakharov of the Belarusian State University, 2011.

6. Garbage will be removed // Rossiyskaya Gazeta. 2018. 21 Dec.

7. Shubov L. Ya. et al. The concept of municipal waste management of megapolis // Scientific and technological aspects of environmental protection. 2001. № 6.

Информация об авторах

С. Я. Казанцев — профессор кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД РФ, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации и Республики Татарстан;

О. Р. Саркисов — доцент кафедры теории и истории государства и права Института социальных и гуманитарных знаний, кандидат педагогических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Республики Татарстан;

Е. Л. Любарский — профессор кафедры ботаники и физиологии растений Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Татарстан.

Information about the authors

S. Ya. Kazantsev — Professor of the Department of Criminology of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan;

O. R. Sarkisov — Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Social and Humanitarian Knowledge, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Honored Worker of the Higher School of the Republic of Tatarstan;

E. L. Lyubarsky — Professor Department of Botany and Plant Physiology of Kazan (Volga Region) Federal University, Doctor of Biological Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 05.12.2022; принята к публикации 18.01.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 05.12.2022; accepted for publication 18.01.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-139-145>

НИОН: 2003-0059-1/23-565

MOSURED: 77/27-003-2023-01-764

Особенности взаимодействия правоохранительных органов с зарубежными поставщиками услуг виртуальных валют (на примере LocalBitcoins)

Кирилл Константинович Клевцов

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия, klevtsov001@gmail.com

Аннотация. Исследуется некоторый порядок направления запросов компетентных органов (в том числе Российской Федерации) поставщикам услуг виртуальных активов LocalBitcoins при раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты¹. Подчеркиваются некоторые специфические особенности и трудности, которые стоит учесть при составлении запроса.

Ключевые слова: правоохранительные органы, преступление, криптовалюта, криптобиржа, LocalBitcoins

Для цитирования: Клевцов К. К. Особенности взаимодействия правоохранительных органов с зарубежными поставщиками услуг виртуальных валют (на примере LocalBitcoins) // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 139–145. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-139-145>.

Original article

Features of interaction of law enforcement authorities with foreign virtual currency service providers (on the example of LocalBitcoins)

Kirill K. Klevtsov

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Relations of Russia, Moscow, Russia, klevtsov001@gmail.com

Abstract. A certain procedure for sending requests from competent authorities (including the Russian Federation) to LocalBitcoins virtual asset service providers in the disclosure and investigation of crimes committed using cryptocurrencies is being investigated. Some specific features and difficulties that should be taken into account when making a request are emphasized.

Keywords: law enforcement, crime, cryptocurrency, crypto exchange, LocalBitcoins

For citation: Klevtsov K. K. Features of interaction of law enforcement authorities with foreign virtual currency service providers (on the example of LocalBitcoins). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):139–145. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-139-145>.

Общая характеристика LocalBitcoins

Компания Local Bitcoins OY — это одноранговая биржа биткойнов со штаб-квартирой в г. Хельсинки (Республика Финляндия), которая сотрудничает с правоохранительными органами через Центральную криминальную полицию Финляндии. Указанная организация зарегистрирована в Финляндии в качестве провайдера виртуальных валют в соответствии с Законом от 26 апреля 2019 г. «О виртуальной валюте» (572/2019)² и работает под контролем Управления финансового надзора Финляндии (FIN-FSA). Являясь одноранговой торговой площадкой, LocalBitcoins не получает и не обрабатывает доллары, евро или иные бумажные деньги от

своих клиентов, а также не покупает и не продает биткойны.

Пользователи создают рекламные объявления (о покупке или продаже биткойнов) с указанием цены и способа оплаты, приемлемыми для них, а данная организация представляет услуги депониро-

¹ Настоящая статья подготовлена при информационной поддержке Справочно-правовой системы «Консультант-Плюс», а также по итогам анализа локальных инструкций LocalBitcoins и консультаций с представителями Министерства иностранных дел Российской Федерации и так называемыми «офицерами связи» (представителями МВД России за рубежом).

² Laki virtuaalivaluutan tarjoajista (572/2019) // Finlex // URL:// <https://www.finlex.fi/fi/laki/alkup/2019/20190572>.

© Клевцов К. К., 2023

вания (эскроу-услуги), тем самым защищая биткойны во время торгов. Пользователи также могут продавать и покупать биткойны, не создавая самих объявлений, а начинать торги посредством использования чужих рекламных объявлений. В дополнение к эскроу-сервису, LocalBitcoins предлагает своим клиентам услуги биткойн-кошелька для получения транзакций с целью продажи биткойнов или для получения последних от завершенных сделок на их покупку. Такие клиенты могут отправлять биткойн-транзакции внутри LocalBitcoins другим пользователям этой платформы и данные внутренние транзакции не записываются в публичный блокчейн. Когда пользователь направляет биткойны за пределы LocalBitcoins, исходящая транзакция группируется с еще несколькими клиентскими транзакциями.

Кошелек LocalBitcoins работает по принципу веб-кошелька, также как и на большинстве других крупных биткойн-биржах. Вместо того, чтобы у каждого клиента был свой собственный биткойн-кошелек, защищенный личным ключом, данный поставщик услуг оперирует одним биткойн-кошельком, который используется всеми пользователями. Это означает, что лицо не сможет посмотреть на биткойн-адрес в блокчейне, чтобы определить, сколько биткойнов

имеет определенный пользователь, эти данные хранятся только в закрытой базе данных клиентов.

Входящие и исходящие транзакции в LocalBitcoins не связаны. Существуют отдельные биткойн-кошельки, которые обрабатывают входящие и исходящие транзакции. Исходящие транзакции отправляются объединенными пакетами, содержащими транзакции нескольких пользователей. Высокоуровневый поток транзакций на LocalBitcoins и обратно показан на рис. 1.

Формат запроса

LocalBitcoins предъявляются следующие требования к запросу, направляемому иностранными правоохранительными органами, а именно:

- ◆ запрос должен быть представлен на английском, финском или шведском языке, на официальном бланке ведомства и быть подписан уполномоченным субъектом;

- ◆ текст должен быть предоставлен в цифровом (электронном формате)³. Сканированные документы направляются только в качестве приложений.

- ◆ каждый запрос должен быть индивидуализированным (конкретизированным);

- ◆ указывается, какое преступление расследуется и номер уголовного дела;

- ◆ описывается, где и когда совершено общественно опасное деяние, кратко излагаются детали дела, кто является потерпевшим и какой причинен ущерб;

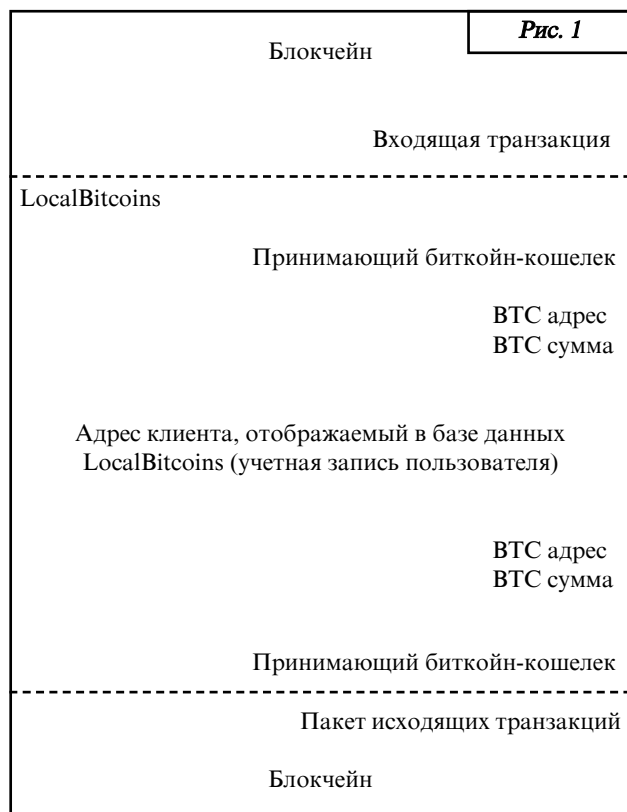
- ◆ указываются цели и задачи запроса;

- ◆ при необходимости делается акцент на срочности исполнения запроса, которая должна быть обязательно мотивирована;

- ◆ указываются контактные данные исполнителя запроса (имя, должность, организация, номер телефона, адрес электронной почты, почтовый адрес, страна);

- ◆ описывается информация, которую желательно получить. При этом неконкретные (пространные) запросы игнорируются и остаются без исполнения.

Между тем, в случаях, когда наказанием за преступление является штраф, запрос может быть исполнен лишь в случае его достаточного обоснования, что, в целом, согласуется с принципом «двойной криминальности» («double criminality») [4]. Невразумительные запросы, а также запросы не по существу по

³ Еще раз подчеркивается актуальность перехода с так называемых «бумажных запросов» на «электронные запросы» о правовой помощи и о правоохранительном содействии [об этом подробнее см.: 1].

принципу «запрос ради запроса» к исполнению не принимаются.

Стоит подчеркнуть и некоторую особенность при составлении запроса. Так, если в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий или при расследовании имеется информация о продолжающейся криминальной деятельности, стоит указать, что лицо не должно быть уведомлено о поступившей из правоохранительных органов просьбе или иным образом понять, что такой запрос поступил (например, путем приостановки или блокирования его транзакций или биткойн-кошелька). Это необходимо, для того чтобы пользователь, узнав о расследовании, не смог бы причинить вред или поставить под угрозу планируемые оперативно-розыскные или следственные действия⁴.

Направление запросов

Порядок направления ходатайства зависит от правоохранительных органов той страны, которую они представляют. К примеру, если государственный орган базируется в Европейском Союзе, то приветствуется практика направления запроса в электронном виде по каналам Интерпола.

При запросе ареста активов, следственные органы используют в качестве правовой основы Рамочное решение Совета Европейского Союза 2003/577/ЖНА от 22 июля 2003 г. «Об исполнении в Европейском Союзе распоряжений о блокировании имущества и обеспечении сохранности доказательств» [6]. В случаях необходимости изъятия активов в срочном порядке при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, связанных с отмыванием денег и/или финансированием терроризма, запрос о приостановке деятельности направляются также в Управление финансового надзора Финляндии (FIN-FSA).

Если же запрос направляется из иных стран, не являющихся членом Европейского Союза, то он может быть направлен как в рамках канала Интерпола, так и непосредственно компетентным органам Республики Финляндии. При запросе ареста активов, стоит руководствоваться Европейской конвенцией о взаимной правовой помощи по уголовным делам или иными многосторонними и двусторонними договорами. В то же время, в России Росфинмониторинг уполномочен направить запрос о приостановке деятельности пользователя LocalBitcoins в Управление финансового надзора Финляндии. При этом запро-

сы, отправленные по почте, также должны содержать данные в электронной форме, например CD- или USB-накопитель, поскольку копирование (перенос) информации увеличивает риск опечаток и искажения информации.

Идентификация пользователей, являющихся субъектом запроса

Запросы по персональным данным. Чтобы LocalBitcoins идентифицировал предполагаемого пользователя, в запросе необходимо указать следующую информацию:

- 1) имя пользователя;
- 2) идентификатор профиля (ID-profile);
- 3) адрес электронной почты;
- 4) номер телефона в международном формате (общий международный телекоммуникационный план нумерации E.164);
- 5) полное имя и дату рождения предполагаемого пользователя;
- 6) название компании и бизнес номер или налоговый номер (Business ID/Tax ID), в случае если запрашивается информация о юридических лицах.

Запросы о биткойн-транзакциях. Чтобы идентифицировать пользователя таким способом, необходимо указать выходной адрес биткойна (output address), который может быть:

- ♦ принимающим адресом веб-кошелька клиента (receiving address), если транзакция направлялась в адрес пользователя;
- ♦ адресом назначения транзакции (destination address), если она направлялась клиентом.

В последнем случае стоит указать идентификатор транзакции, чтобы поставщик услуг виртуальных активов смог идентифицировать конкретную транзакцию. Соответственно, необходимо четко указывать в запросе, является ли запрашиваемый адрес адресом получателя или адресом назначения.

Запросы о биткойн-сделках (торгах). Чтобы идентифицировать предполагаемого пользователя таким способом, необходимо предоставить идентификатор сделки и указать, запрашивается ли информация в отношении покупателя, продавца или обеих сторон.

⁴ Отметим, что такая практика применяется не только к поставщикам услуг виртуальных активов, но и по отношению к иным организациям, оказывающим информационно-коммуникационные услуги [см.: 5].

Имеющаяся в наличии информация

Общедоступная информация. Веб-сайт LocalBitcoins включает функцию общедоступного поиска для покупки или продажи биткойнов. Ограниченную информацию о сделках и клиентах можно найти даже без прохождения регистрации. На указанном ресурсе можно найти сведения о персональной информации, предоставленной клиентом LocalBitcoins (например, имя, номер телефона, веб-страница), объеме торговли, количестве подтвержденных сделок и мнениях, предоставленных другими пользователями. Если имеется информация о конкретном логине пользователя, то в ряде случаев следует проверить его по соответствующей интернет-ссылке⁵.

Информация, предоставляемая по официальному запросу правоохранительных органов. Существует девять категорий сведений, предоставляемых по запросу, а именно:

1) регистрационные данные (имя пользователя, реальное имя, статус проверки ID, уровень проверки личности, дата рождения, почтовый адрес, адрес электронной почты, номер телефона, дата создания учетной записи, последнее использование аккаунта);

2) официальная идентификационная информация (содержит сведения о документе, удостоверяющем личность пользователя, если он/она верифицировали себя на сайте с их помощью. В отношении юридических лиц идентификационные данные будут содержать документ, удостоверяющий личность законного представителя и регистрационные документы компании);

3) данные журналы учетной записи пользователя (при запросе этих журналов могут быть представлены информация по IP-адресам: а) отметка времени по UTC (всемирное координированное время); б) имя учетной записи пользователя; в) действия — зарегистрированное действие, выполненное пользователем. По конкретному запросу из пользовательских журналов может быть предоставлена такая информация, как анализ пользования (пользовательский агент; HTTP Ассерт; LBC браузер-файл cookie идентификации браузера LocalBitcoins);

4) информация о биткойн-кошельке (баланс кошелька клиента, список входящих транзакций, список исходящих транзакций);

5) информация о сделках с биткойнами (уникальный ID-номер, дата начала сделки, дата депонирования, способ оплаты, имя покупателя, имя

продавца, сумма сделки в фиате, сумма сделки в криптовалюте);

6) информация о рекламных объявлениях пользователей (ID-объявление, дата создания, корректировка, тип сделки, цена равновесия (при совпадении спроса и предложения), цена, указанная в объявлении, код страны, город, способ оплаты, условия сделки, реквизиты платежа, флотинг — плавающая ставка);

7) обращение в службу поддержки (LocalBitcoins общается со своими клиентами посредством тикетов на веб-сайте);

8) информация о финансовом положении (поскольку LocalBitcoins использует подход, основанный на оценке риска при сборе информации от своих клиентов, данный поставщик услуг может обладать некоторой информацией о финансовом положении клиента, такой как источник доходов, и информацию о финансовых показателях компании клиента);

9) торговые биткойн-чаты (биткойн сделки, совершенные на LocalBitcoins, содержат функцию чата, чтобы пользователи могли делать сообщения друг другу во время торговли. Указанный поставщик услуг хранит информацию из торговых чатов сроком свыше 180 дней с 1 декабря 2019 г.).

Политика хранения данных

LocalBitcoins соблюдает Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27 апреля 2016 г. «О защите физических лиц в отношении обработки их персональных данных и о свободном перемещении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий регламент по защите данных» [7]. Клиенты могут запросить удаление своей учетной записи через веб-сайт LocalBitcoins. Данные клиентов, которые не проводили или не инициировали какие-либо сделки либо транзакции с биткойнами в своем кошельке LocalBitcoins, удаляются через 14 дней после одобрения запроса на удаление учетной записи клиента. В отношении клиентов, которые проводили или инициировали какие-либо сделки или отправляли или получали какие-либо транзакции с биткойнами с использованием своего кошелька LocalBitcoins и чей запрос на удаление учетной записи был одобрен данным поставщиком услуг, политика удаления данных, следующая:

⁵ URL://<https://localbitcoins.com/accounts/profile/username/>

♦ общедоступность профиля и рекламные объявления клиента будут скрыты через 14 дней после удаления аккаунта;

♦ личная идентификационная информация клиента, официальные идентификационные сведения, информация о компании, финансовые данные и информация о занятости, торговая информация, техническая и коммуникационная информация будут удалены через пять лет после того, как клиент удалил учетную запись;

♦ информация о транзакциях биткойнов внутри системы LocalBitcoins будет удалена через пять лет после удаления учетной записи, за исключением общедоступной информации из блокчейна биткойнов.

Однако LocalBitcoins может хранить персональные данные клиента, если это необходимо для соблюдения юридического обязательства, субъектом которого является данный поставщик услуг (распоряжение соответствующего органа о хранении данных), или для защиты жизненно важных интересов клиентов или других физических лиц⁶.

Распоряжение (ордер) о сохранении данных

Если в ходе расследования было установлено, что существует риск уничтожения запрашиваемых данных, или стало очевидным, что потребуется больше времени для подготовки запроса о правовой помощи или Европейского следственного распоряжения, предпочтительно направить ордер на сохранение данных. Согласно Закону Республики Финляндии от 22 июля 2011 г. «О мерах принудительного характера» (806)⁷, ордер на сохранение данных выдается на три месяца и может быть, при необходимости, продлен. При таком запросе, LocalBitcoins не информирует пользователя о сохранении его данных. Вместе с тем, даже после того, как пользователь запросил удаление учетной записи через официальный сайт, данный поставщик услуг виртуальных активов сохраняет все данные учетной записи в течение пяти лет, за исключением торговых чатов Bitcoin, которые хранятся сроком свыше 180 дней только с 1 декабря 2019 г.

Срочные (экстренные) запросы о сохранении

В случае возникновения чрезвычайной ситуации, связанной с риском смерти или получения серьезных увечий, сотрудники правоохранительных органов могут направить экстренный запрос посредством электронной почты, с указанием темы: «Emer-

gency Data Request» («Экстренный запрос данных») по электронному адресу, указанному на сайте LocalBitcoins⁸.

В срочных запросах должны быть четко отражены следующие позиции:

♦ указана информация, необходимая для идентификации пользователя;

♦ сообщен характер экстренной ситуации (например, терроризм, похищение людей и т. д.);

♦ отражены фамилия, имя, отчество, подразделение, почтовый адрес, номер телефона и адрес электронной почты (LocalBitcoins отвечает только на письма с официальных доменов электронной почты правоохранительных органов);

♦ указано, какая именно информация запрашивается с обязательным ее мотивированием.

⁶ Более подробную информацию о политике хранения данных см.: URL://https://localbitcoins.com/privacy_policy/
⁷ Pakkokeinolaki 22.7.2011/806 // Finlex // URL://<https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2011/20110806>.

⁸ Заметим, что исходящие запросы российских следственных и иных правоохранительных органов о добровольном сохранении электронных доказательств или предоставлении абонентских данных, направляемых напрямую в адрес иностранных провайдеров (преимущественно осуществляющих свою деятельность по законодательству США) и относящихся к предоставляемым ими на территории России услугам, допустимы постольку, поскольку предусмотрены руководствами, инструкциями этих провайдеров для зарубежных правоохранительных органов, официально опубликованными на их порталах и, тем самым, предполагающими определенно выраженное или подразумеваемое согласие государства провайдера с подобным порядком сношений [см.: 2, с. 81].

Не вдаваясь в дискуссию относительно допустимости с точки зрения отечественного законодательства использования таких доказательств в уголовном процессе, поскольку международное процессуальное сотрудничество осуществляется на уровне субъектов международного права (вряд ли поставщик услуг выступает в качестве таковых), а также принимая во внимание, что некоторые провайдеры на территории Российской Федерации признаны экстремистскими организациями (например, Meta Platforms Inc. // Решение Тверского районного суда города Москвы от 21 марта 2022 г. по делу № 02-2473/2022), что ставит под сомнение в целом взаимодействие с ними, отметим, что LocalBitcoins выступает одной из немногих европейских компаний, которая допускает в исключительных случаях прямые сношения с иностранными правоохранительными органами. Думается, что использование таких сведений в рамках уголовного судопроизводства представляется возможным через органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, которые, в свою очередь, имеют возможность предоставить следователю рассекреченные результаты своей деятельности, по аналогии с документами, направляемыми Росфинмониторингом [см.: 3, с. 18].

Между тем, в любом случае, необходимо получить официальный запрос из Центральной криминальной полиции Республики Финляндии, чтобы предоставить данные иностранным правоохранительным органам; но в рамках срочного запроса может быть проведена предварительная проверка в отношении лиц, указанных в данном документе, а также собраны все соответствующие данные и уведомлена Центральная криминальная полиция об ожидаемом экстренном запросе.

Запросы о замораживании и/или конфискации

Прежде чем направить запрос на замораживание и/или конфискацию, стоит тщательно рассмотреть по каждому отдельному случаю, какой из следующих методов использовать, поскольку они имеют разные периоды действия, и в течение которых необходимо предпринять дальнейшие меры, чтобы замораживание оставалось в силе. Запросы о замораживании и/или конфискации не направляются напрямую LocalBitcoins, а должны быть переданы через соответствующие официальные каналы и органы.

Для приостановки действия аккаунта требуются затраты ресурсов и от полномочных органов, и от LocalBitcoins. Важно учитывать, при каких обстоятельствах приостановка является значимой мерой, даже если могут существовать некоторые основания для ее применения. Управление финансового надзора или полиция могут, при определенных обстоятельствах, особенно в незначительных случаях, пересмотреть предварительные условия и отказаться от приостановки, несмотря на запрос. Это, например, причины, по которым расследование, отслеживание активов и обмен информацией с иностранными властями требует от правоохранительных органов чрезмерных мер, по сравнению с важностью дела и конечным результатом.

Важной особенностью видится тот факт, что, если получен запрос на замораживание или распоряжение о приостановке деятельности, LocalBitcoins имеет право проинформировать клиента о том, что в отношении него правоохранительными органами, будут проводиться определенные действия.

В качестве правовой основы для направления таких запросов для государств, не являющихся участниками Европейского Союза, выступают положения Европейской конвенции о взаимной правовой

помощи по уголовным делам (1959) и иных многосторонних или двусторонних соглашений, заключенных конкретными государствами с Республикой Финляндией. Если же нет таких договоров, то запрос может направляться на основании принципа взаимности. Соответственно, LocalBitcoins имеет право заморозить кошелек клиента по запросу полиции, таможи или пограничной службы Финляндии, если был соблюден порядок направления запроса.

В экстренных случаях такой запрос может быть направлен по каналам Интерпола. Однако, стоит обратить внимание, что в соответствии с законодательством Финляндии так называемая «временная блокировка активов» может составлять семь дней, вследствие чего в дальнейшем стоит оперативно предоставить ходатайство о правовой помощи, чтобы продолжить применение данной процедуры.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать **вывод**, что получение информации относительно виртуальных активов, находящихся в распоряжении LocalBitcoins, осуществляется в рамках традиционной взаимной правовой помощи по уголовным делам. В то же время, данный поставщик услуг является одной из немногих европейских компаний, которая допускает направление и принятие мер по срочным (экстренным) запросам, что положительным образом может сказываться на раскрытии и расследовании преступлений, совершенных с использованием криптовалют. Вместе с тем, имеется ряд особенностей относительно политики хранимых данных, что стоит учесть при взаимодействии с указанной организацией.

Список источников

1. Литвишко П. А., Михалева Е. С. Состояние и перспективы электронного взаимодействия при оказании международной правовой помощи по уголовным делам и правоохранительного содействия // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 2. С. 130–144.

2. Литвишко П. А. Трансграничный доступ к информационным системам, информационно-телекоммуникационным сетям и данным в целях собирания электронных доказательств. Международная информационная безопасность // Собираемые электронные доказательства по уголовным делам на территории России и зарубежных стран: опыт и проблемы: моногр. М. : Проспект, 2022.

3. Фомичев А. В. Использование возможностей Федеральной службы по финансовому мониторингу в ходе предварительного расследования: метод. пособие / под ред. Д. А. Кулева; под общ. ред. А. В. Лавренко. М. : Следственный комитет Российской Федерации, 2016.

4. Williams S. The Double Criminality Rule Revisited // *Israel Law Review*. 1993. Vol. 27. No. 1–2. P. 297–309.

5. Practical Guide for Requesting Electronic Evidence across Borders. Vienna : United Nations, 2021.

6. Council Framework Decision 2003/577/JHA of 22 July 2003 on the execution in the European Union of orders freezing property or evidence // *Official Journal of the European Union*. L. 196. 2003. P. 44–55.

7. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // *Official Journal of the European Union*. L. 119. 2016. P. 1–88.

References

1. Litvishko P. A., Mikhaleva E. S. The state and prospects of electronic interaction in the provision of international legal assistance in criminal cases and law enforcement assistance // *Bulletin of the University of the*

Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2022. No. 2. pp. 130-144.

2. Litvishko P. A. Cross-border access to information systems, information and telecommunication networks and data for the purpose of collecting electronic evidence. *International information security // Collecting electronic evidence in criminal cases on the territory of Russia and foreign countries: experience and problems: monogr.* М. : Prospect, 2022.

3. Fomichev A.V. Using the capabilities of the Federal Financial Monitoring Service during the preliminary investigation: method. manual / edited by D. A. Kunev; edited by A.V. Lavrenko. М. : Investigative Committee of the Russian Federation, 2016.

4. Williams S. The Double Criminality Rule Revisited // *Israel Law Review*. 1993. Vol. 27. No. 1–2. P. 297–309.

5. Practical Guide for Requesting Electronic Evidence across Borders. Vienna : United Nations, 2021.

6. Council Framework Decision 2003/577/JHA of 22 July 2003 on the execution in the European Union of orders freezing property or evidence // *Official Journal of the European Union*. L. 196. 2003. P. 44–55.

7. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // *Official Journal of the European Union*. L. 119. 2016. P. 1–88.

Информация об авторе

К. К. Клевцов — доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

K. K. Klevtsov — Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Relations of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 29.12.2022; одобрена после рецензирования 18.01.2023; принята к публикации 03.02.2023.

The article was submitted 29.12.2022; approved after reviewing 18.01.2023; accepted for publication 03.02.2023.

Научная статья

УДК 343.2

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-146-154>

ИПОН: 2003-0059-1/23-566

MOSURED: 77/27-003-2023-01-765

Особенности уголовно-правовой оценки деяний, составляющих незаконный оборот драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней

Арина Александровна Котова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kotovaarinaa@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы определения понятия незаконного оборота драгоценных металлов и камней с позиций бланкетности диспозиций соответствующих норм уголовного закона и особенности деяний в указанной сфере, ответственность за которые предусмотрена в УК РФ. Раскрываются недостатки судебного толкования и квалификации деяний, составляющих объективную сторону составов преступлений данной категории; обосновываются предложения по устранению подобных недостатков. Формулируются предложения по совершенствованию соответствующих нормативных актов и практики применения уголовного закона.

Ключевые слова: понятие незаконного оборота драгоценных металлов и камней, объективная сторона состава незаконного оборота драгоценных металлов и камней, совершение сделок в нарушение законодательства, особенности ответственности за незаконные хранение, перевозку и пересылку драгоценных металлов и камней

Для цитирования: Котова А. А. Особенности уголовно-правовой оценки деяний, составляющих незаконный оборот драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 146–154. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-146-154>.

Original article

Features of the criminal-legal assessment of acts constituting illegal circulation of precious metals, precious and semi-precious stones

Arina A. Kotova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, kotovaarinaa@yandex.ru

Abstract. The issues of defining the concept of illicit trafficking in precious metals and stones from the standpoint of the blank dispositions of the relevant norms of the criminal law and the specifics of acts in this area, responsibility for which is provided for in the Criminal Code of the Russian Federation, are considered. The shortcomings of judicial interpretation and qualification of acts constituting the objective side of the elements of crimes of this category are revealed, and proposals for the elimination of such shortcomings are substantiated. Proposals are formulated to improve the relevant regulations and the practice of applying the criminal law.

Keywords: the concept of illegal circulation of precious metals and stones; the objective side of the composition of the illegal circulation of precious metals and stones; completion of transactions in violation of the law; features of responsibility for illegal storage, transportation and transfer of precious metals and stones

For citation: Kotova A. A. Features of the criminal-legal assessment of acts constituting illegal circulation of precious metals, precious and semi-precious stones. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):146–154. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-146-154>.

Вопросы регулирования общественных отношений в сфере оборота драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней в Российской Федерации являются актуальными ввиду большого значения указанных ценностей для экономической стабильности государства. Как отмечают Л. А. Спектор и М. М. Махмудов, «неконтролируемая продажа драгоценных минералов является поступком, способным подорвать стабильность рынка, привести к

обесцениванию материалов, представляющих основу «золотого» запаса держав, стать причиной колебаний курсов валют и обесценивания денежной массы» [1, с. 111].

О важности рассматриваемых общественных отношений свидетельствует регулярное изменение и дополнение норм законодательства, устанавливающего порядок оборота драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней в Российской Феде-

© Котова А. А., 2023

рации (в частности, Федерального закона «О драгоценных металлах и драгоценных камнях») [2], а также норм, устанавливающих ответственность за его нарушение (ст. 191, 192 УК РФ¹ и ч. 2 и 3 ст. 255 УК РФ², а также ст. 7.5, 15.43–15.47 КоАП РФ³).

Большое внимание рассматриваемой теме уделяется в научной литературе. В частности, специалистами поднимаются и исследуются проблемы, связанные с особым режимом обращения драгоценных металлов и камней, рассогласованностью норм специального и уголовного законодательства в сфере оборота данных ценностей [3], определением элементов и признаков составов преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 191 и 192 УК РФ. При анализе указанных составов преступлений особое внимание следует уделять признакам их объективной стороны. Как отмечает, Н. Г. Кадников, «объективная сторона является важнейшим элементом состава преступления, которая дает представление об обязательных для каждого преступления признаках» [4, с. 53].

Вместе с тем, установление объективной стороны преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 191 УК РФ, обусловлено рядом проблем. Среди них, в первую очередь, необходимо отметить оценочность понятия «незаконный оборот янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней, драгоценных металлов, драгоценных камней либо жемчуга», которое использовано законодателем в названии рассматриваемой нормы. В диспозиции ст. 191 УК РФ определены конкретные уголовно-наказуемые деяния, составляющие незаконный оборот указанных ценностей: совершение с ними сделок в нарушение законодательства РФ, их незаконные хранение, перевозка или пересылка. Полагаем, такое толкование следует считать ограничительным. На наш взгляд, произошло сужение понятия «незаконный оборот драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней» за счет исключения из него деяний, которые, наряду с перечисленными, образуют незаконный оборот драгоценных металлов и камней, однако, ответственность за эти деяния предусмотрена другими самостоятельными нормами УК РФ (например, незаконный аффинаж — ст. 192 УК РФ, самовольная добыча полудрагоценных камней — ч. 2–3 ст. 255 УК РФ), или они вовсе исключены из сферы уголовно-правового регулирования (например, незаконная добыча драгоценных металлов и камней).

Данный вывод находит подтверждение в работах специалистов. Так, И. И. Кучеров отмечает, что «незаконный оборот драгоценных металлов и камней предполагает изъятие соответствующих предметов из владения РФ, субъектов РФ, организаций и индивидуальных предпринимателей... в том числе посредством их нелегальной добычи» [5, с. 206, 207]. Аналогичную позицию высказывал Р. О. Степанов, который предлагал криминализировать незаконную добычу рассматриваемых предметов в ст. 191 УК РФ [6, с. 37]. Более того, в преамбуле Федерального закона от 26 марта 1998г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» отношения в области геологического изучения и разведки месторождений рассматриваемых ценностей, их добычи, производства, использования и обращения (гражданского оборота) рассмотрены в единстве [2]. Что является, по нашему мнению, вполне обоснованным решением.

Напротив, в работах отдельных ученых можно встретить расширительное толкование понятия незаконного оборота драгоценных металлов и камней. В частности, А. Г. Иванов в сферу незаконного оборота данных ценностей, помимо преступлений, предусмотренных ст. 191 и 192 УК РФ, включает деяния, связанные с нарушением правил клеймления изделий из драгоценных металлов и камней (ст. 181 УК РФ) [7, с. 5]. Указанная позиция является, на наш взгляд, спорной, так как ст. 181 УК РФ фактически охраняет общественные отношения, складывающиеся в сфере оборота не драгоценных металлов и камней, а изделий из них. Более того, предметом данного преступления является государственное пробирное клеймо.

Из изложенного следует, что в научной литературе нет единого понимания по поводу термина «незаконный оборот драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней». Для того, чтобы сформулировать соответствующее определение, следует установить, что в науке уголовного права понимается под «оборотом» имущества и определенных предметов. Рассмотрение данного вопроса предпола-

¹ Указанные нормы были изменены Федеральными законами от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, от 6 мая 2010 г. № 81-ФЗ, от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, от 27 декабря 2019 г. № 500-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² Введены Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 500-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

³ Введены Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 501-ФЗ, изм. Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 434-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

гает взаимосвязь уголовного и гражданского отраслей права. По мнению Ю. В. Виниченко, Н. П. Асланиана, Т. М. Судаковой, такая категория, как «незаконный гражданский оборот», в науке уголовного права определяется как «совокупность социальных связей, возникающих в сфере производства, перераспределения либо фактического трансграничного перемещения имущественных благ и сопряженных с нарушением норм позитивного права, а также субъективных прав или охраняемых законом интересов частных лиц» [8, с. 668]. Из этого следует, что понятие оборота включает не только перераспределение материальных благ и их перемещение в пространстве, но и их производство.

Учитывая мнение ученых и практиков [3; 6], *оборот драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней* можно определить как совокупность действий с драгоценными металлами и камнями, выражающихся в их добыче, совершении сделок с ними, их перемещении (перевозке и пересылке) и хранении, а также производстве и аффинаже⁴ драгоценных металлов.

Принимая во внимание, что законодательное закрепление положений, заимствованных из других отраслей права или вытекающих из других правовых норм, является «важным инструментом обеспечения полноты, целостности и системности правового регулирования общественных отношений» [8, с. 669], полагаем, что сформулированное нами определение оборота драгоценных металлов и камней должно быть закреплено в ст. 1 ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях». Это позволит более точно дифференцировать ответственность за незаконные действия с рассматриваемыми предметами.

В свою очередь, *незаконный оборот* рассматриваемых ценностей подразумевает совершение перечисленных действий в нарушение требований ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», а также многочисленных подзаконных правовых актов в рассматриваемой области [9; 10; 11 и др.]. Последнее указывает на особую бланкетность рассматриваемых норм уголовного закона [12, с. 38]. Как отмечал Л. Д. Гаухман, «бланкетность диспозиции существенно осложняет раскрытие содержания составов преступления в сфере экономической деятельности, а также вызывает значительные трудности при применении соответствующих норм в следственной и судебной практике» [13, с. 8]. Более того, норматив-

ные акты в данной сфере очень часто изменяются и дополняются, что имеет значение для правильной квалификации действий, охватываемых содержанием понятия «незаконный оборот».

Правоприменение в данной области весьма затруднено еще и по причине отсутствия судебного толкования по делам данной категории, особенно в части уточнения признаков объективной стороны действий, отнесенных к незаконному обороту драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней. Например, по поводу признаков такого действия как сделка сложно использовать понятие сделки, предложенное законодателем в ст. 153 Гражданского кодекса РФ («действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей»). В большей степени правоприменитель использует определение этого понятия, выработанное доктриной уголовного права. Например, Н. А. Лопашенко определяет сделку с драгоценными металлами, драгоценными или полудрагоценными камнями через перечисление входящих в это понятие действий: «купля-продажа, мена, дарение, заем, аренда и т. п. действия» с указанными ценностями [14, с. 386]. А. Н. Ляскало под сделками с рассматриваемыми предметами понимает «любую форму возмездного или безвозмездного отчуждения и приобретения драгоценных металлов, драгоценных или полудрагоценных камней, совершенные с нарушением закона» [15, с. 188]. Как мы видим, есть разные позиции в науке, поэтому судебное толкование было бы предпочтительнее.

Ключевым в данном вопросе является разграничение законной сделки с драгоценными металлами, драгоценными и полудрагоценными камнями от преступной сделки с данными ценностями. Для этого, в первую очередь, необходимо отметить различие при формулировании соответствующего уголовно-правового запрета в ч. 1–5 ст. 191 УК РФ. Указанные нормы отличаются не только признаками предмета преступления, но содержанием объективной стороны преступлений.

⁴ Аффинаж драгоценных металлов — деятельность, осуществляемая специализированными организациями, включенными в утвержденный Правительством РФ перечень, по очистке извлеченных драгоценных металлов от примесей и сопутствующих химических элементов с доведением содержания драгоценного металла до определенных в законе долей [2].

Согласно ст. 11 Закона РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах», добыча полезных ископаемых может осуществляться только на основании лицензии на пользование недрами. В связи с этим, по смыслу ч. 1–3 ст. 191 УК РФ, незаконными следует признавать любые сделки с янтарем, нефритом или иными полудрагоценными камнями, добытыми без надлежащего разрешения (лицензии), а также в нарушение данной лицензии (за пределами границ предоставленного горного отвода, из месторождений, на которых сбор янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней запрещен и т. п.). Сделки с легально добытыми или полученными янтарем, нефритом или иными полудрагоценными камнями в объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 191 УК РФ, не включены. Д. Б. Жамбалов объясняет это тем, что в настоящее время законодательством РФ полудрагоценные камни не являются ограниченными в обороте, и четких требований к совершению сделок с ними не установлено [16, с. 20].

В свою очередь, в ч. 4–5 ст. 191 УК РФ общественно-опасное деяние обозначено как «совершение сделки, связанной с драгоценными металлами, драгоценными камнями либо с жемчугом, в нарушение правил, установленных законодательством Российской Федерации». Полагаем, такая формулировка предусматривает более широкое понимание незаконности сделки с указанными ценностями. Например, А. А. Коренная выделяет две группы совершения сделок в нарушение законодательства о драгоценных металлах и камнях: первая — сделки с незаконно добытыми или полученными драгоценными металлами и камнями (т. е. добытыми без лицензии, полученными криминальным путем, например, похищенными и т. д.); вторая — сделки с легально полученными предметами, совершенные в нарушение условий и порядка, установленных ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» и другими нормами специального законодательства [17, с. 125].

Анализ судебной практики показывает, что в подавляющем большинстве преступные сделки совершаются с незаконно полученными или найденными драгоценностями. Значительно реже встречаются материалы уголовных дел и судебные решения, согласно которым незаконные сделки с драгоценными металлами и камнями совершаются лицом, правомочно владеющим данными ценностями. В качестве такого примера можно привести приговор Майкоп-

ского городского суда Республики Адыгея от 6 июня 2016 г. по делу № 1-184/2016, согласно которому владелец сети ювелирных магазинов «Крым Золото» П. Р. Н. совершил незаконную сделку по передаче золота в виде слитков, полуфабрикатов, а также лома изделий из золота лицу, занимающемуся производством ювелирных изделий (директору ЗАО НДМ «Система»), с целью изготовления последним из указанного сырья золотых изделий для их последующей реализации в сети ювелирных магазинов «Крым Золото». Действия П. Р. Н. были квалифицированы по ч. 2 ст. 191 УК РФ, указанному лицу было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на два года со штрафом в размере 800 тыс. руб. [18].

Вместе с тем, при квалификации совершения сделок с незаконно добытыми или полученными драгоценными металлами и камнями возникает немало проблем. В частности, отсутствует единая судебная практика по вопросу квалификации подобных деяний.

Например, в соответствии с приговором Баунтовского районного суда Республики Бурятия от 24 марта 2020 г. по делу № 1-20/2020, действия горного мастера, добывающего драгоценные металлы за пределами лицензионного участка, были приравнены к приобретению данных ценностей и квалифицированы как совершение сделки, связанной с драгоценными металлами, в нарушение законодательства РФ. Установлено, что лицом осуществлялось последующее хранение и перевозка обозначенных предметов. Согласно решению суда, действия горного мастера были квалифицированы по ч. 1 ст. 191 УК РФ, и ему было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на два года условно со штрафом в размере 300 тыс. руб. [19].

В то же время, приговором Борзинского городского суда Забайкальского края от 2 февраля 2021 г. по делу № 1-43/2021 действия Б. С., который незаконно добывал самородное рассыпное золото в местах на старых отвалах, не были квалифицированы как совершение незаконной сделки с драгоценными металлами. Указанное лицо было привлечено к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 191 УК РФ только за незаконные хранение и перевозку драгоценных металлов [20].

Решение данной проблемы усматривается в криминализации незаконной добычи рассматриваемых ценностей, что было предложено, в частности, Р.О. Степановым [6, с. 37]. Действующая же редак-

ция УК РФ не позволяет, на наш взгляд, квалифицировать незаконную добычу драгоценных металлов и камней ни по ст. 191 УК РФ, ни по другим статьям уголовного закона.

Не менее дискуссионными являются вопросы определения иных альтернативных деяний, составляющих незаконный оборот драгоценных металлов и камней — незаконных хранения, перевозки или пересылки.

В науке уголовного права под хранением указанных предметов понимают «любые незаконные действия, связанные с нахождением драгоценных металлов или камней во владении виновного». Под перевозкой — «перемещение драгоценных металлов и камней независимо от способа транспортировки». А пересылка рассматривается как «перемещение драгоценных металлов и камней в виде почтовых, багажных отправок, когда их транспортировка осуществляется без участия отправителя» [21, с. 521].

Следует заметить, что формулировка указанных уголовно-правовых запретов («незаконное хранение, перевозка или пересылка») отличается от проанализированного выше понятия «совершение сделки в нарушение правил, установленных законодательством Российской Федерации», используемого в диспозиции ч. 4 ст. 191 УК РФ. Полагаем, такое различие допущено законодателем не случайно. Оно позволяет нам определить, что данной нормой установлена ответственность только за совершение хранения, перевозки или пересылки драгоценных металлов или камней, имеющих незаконное происхождение (незаконно добытые, приобретенные и т. п.)

Рассматриваемой нормой УК РФ не охраняются общественные отношения, складывающиеся в сфере хранения, перевозки или пересылки драгоценных металлов или камней правомерными владельцами данных ценностей, совершенные в нарушение специального законодательства (ФЗ «О драгоценных металлах и камнях», постановления Правительства РФ от 28 сентября 2000 г. № 731 «Об утверждении Правил учета и хранения драгоценных металлов, драгоценных камней и продукции из них, а также ведения соответствующей отчетности» и др.). Аналогичная позиция отражена в работах Н. А. Лопашенко [14, с. 387], А. Н. Ляскало [22, с. 56, 57].

Однако, в научной литературе можно встретить иные точки зрения. В частности М. В. Архипова считает, что незаконное хранение драгоценных металлов и камней включает в себя, в том числе, хранение

данных ценностей добросовестными владельцами при нарушении специальных правил.

На наш взгляд, нарушение порядка и условий хранения правомерно приобретенных драгоценных металлов и камней не обладает той степенью общественной опасности, которая необходима для признания деяния преступлением. Нарушение правил учета и хранения таких предметов полностью охватывается нормами КоАП РФ, а именно ст. 15.47 «Нарушение обязательных требований к учету и хранению драгоценных металлов, драгоценных камней и продукции из них, представлению отчетности или проведению инвентаризации», и за рамки состава административного правонарушения не выходит.

Необходимо отметить, что по конструкции объективной стороны незаконный оборот драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней является формальным составом преступления, поэтому преступление считается оконченным с момента совершения хотя бы одного из указанных в диспозиции ст. 191 УК РФ действий. В свою очередь, момент окончания каждого из них имеет особенности и не исключает дискуссий. Так, сделку с драгоценными металлами и драгоценными камнями, по мнению А. А. Коренной, следует считать оконченной «с момента ее юридического оформления, независимо от наступления правовых последствий» [17, с. 134]. Согласно позиции В. Ф. Лапшина, момент окончания совершения сделки с драгоценными металлами и камнями в нарушение законодательства РФ зависит от вида сделки: при совершении консенсуальной сделки (купли-продажи, мены и др.) — преступления признается оконченным «с момента достижения договоренности по всем существенным условиям и принятия сторонами соответствующих обязательств», а при совершении других видов сделок (дарения, займа и др.) — «с момента фактической передачи драгоценных металлов или камней» [23].

Не соглашаясь с такой позицией, полагаем, что следует придерживаться единого подхода к определению момента окончания всех сделок с рассматриваемыми ценностями, совершенными в нарушение законодательства РФ, а именно считать совершение деяния оконченным с момента выполнения обязательств одной из сторон (в момент передачи предмета преступления, а равно в момент оплаты соответствующего товара или предоставления иного эквивалента согласно договоренности и т. п.).

Незаконное хранение и перевозка драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней имеют и иную особенность, они являются длящимися преступлениями [12, с. 79, 80]. Момент окончания указанных деяний связан с началом их выполнения и не зависит от времени завершения. Так, незаконное хранение следует считать оконченным с момента помещения указанных ценностей в место хранения, в том числе оставление предмета преступления при себе (например, в кармане) и т. п. Незаконная перевозка признается оконченным преступлением с момента начала движения лица с незаконно приобретенными драгоценными металлами, драгоценными и полудрагоценными камнями. Незаконная пересылка данных предметов признается оконченной с момента их передачи для отправления.

Исходя из обозначенного, можно сформулировать некоторые рекомендации по квалификации незаконного оборота указанных предметов при неоконченном деянии. Полагаем, что квалификация незаконного хранения и перевозки драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней как покушения на совершение преступления невозможна. При этом, на наш взгляд, не исключается квалификация приготовления к совершению данных действий, но только при наличии квалифицированных составов преступлений, предусмотренных ч. 3 и 5 ст. 191 УК РФ, которые отнесены к категории тяжких преступлений. Действиями, свидетельствующими о приготовлении к совершению незаконного хранения и перевозки, может служить оборудование места хранения, упаковка предмета преступления для его последующей транспортировки, припрятывание его в транспортном средстве и т. п.

Как покушение на преступление могут быть квалифицированы действия лиц, направленные на совершение незаконной сделки с драгоценными металлами, драгоценными и полудрагоценными камнями, а также совершения незаконной пересылки данных предметов, но не доведенные до конца по независящим от этих лиц обстоятельствам (например, в связи с задержанием).

Достижение договоренности по поводу совершения сделки с рассматриваемыми ценностями теоретически может быть признано приготовлением к совершению преступления. Однако, при анализе судебной практики нами не были обнаружены случаи квалификации приготовления к совершению незаконной сдел-

ки с драгоценными металлами, драгоценными или полудрагоценными камнями. Это связано с несколькими причинами. Во-первых, трудностями доказывания достижения между лицами договоренности о совершении преступления. Во-вторых, с тем, что «оконченные составы незаконных хранения, перевозки и пересылки поглощают неоконченный состав сделки» [15, с. 197]. Последнее связано с тем, что совершение сделки с драгоценными металлами и камнями в нарушение законодательства РФ, незаконное хранение, перевозка или пересылка данных ценностей представляют собой альтернативные деяния в рамках одного состава преступления (ч. 4 ст. 191 УК РФ). Это, в свою очередь, предполагает квалификацию действий лиц, совершивших последовательные незаконные действия одним и тем же предметом преступления — драгоценными металлами и камнями, по одной норме УК РФ, как единого составного преступления.

Однако, в научной литературе обнаруживается иная позиция по данному вопросу. Например, по мнению О. С. Кучина, ч. 1 ст. 191 УК РФ в ред. 2011 г. (а равно ч. 4 ст. 191 УК РФ в ред. 2019 г.) содержит признаки двух самостоятельных составов преступлений: 1) совершение незаконной сделки с драгоценными металлами и камнями; 2) их незаконное хранение, перевозка или пересылка [24, с. 386; 14]. Такая позиция предполагает квалификацию совершения незаконных сделок с драгоценными металлами и камнями, а также их последующего хранения и перевозки по совокупности преступлений. В судебно-следственной практике имеются примеры такой квалификации. Так, согласно приговору Нюрбинского районного суда Республики Саха (Якутия) по делу от 6 октября 2010 г. № 1-108-10, Н. Н. Антонов, нарушая порядок, установленный ФЗ РФ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», приобрел у неустановленного лица два природных алмаза, совершив, тем самым, незаконную сделку, связанную с природными драгоценными камнями. В дальнейшем Н. Н. Антонов приобретенные два природных алмаза привез на автомашине, осуществив тем самым незаконную перевозку природных драгоценных камней. Затем Н. Н. Антонов указанные два природных алмаза подарил своей знакомой ФИО5, совершив тем самым незаконную сделку, связанную с природными драгоценными камнями. Решением суда за перечисленные деяния Н. Н. Антонов был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 191 УК РФ [25].

Подобная квалификация представляется ошибочной. Примером правильной квалификации подобных общественно-опасных деяний является, по нашему мнению, следующее судебное решение.

Приговором Железнодорожного районного суда г. Читы М. Г., находясь в ювелирной мастерской, незаконно приобрел драгоценный металл — золото, который для удобства хранения переплавил в слитки и хранил... Затем М. Г. перевез драгоценный металл — золото, на автомобиле на парковку ТРЦ, где, согласно достигнутой ранее договоренности, продал золото лицу..., т. е. совершил незаконную сделку купли-продажи драгоценного металла — золота [26]. Согласно приговору, М. Г. был признан виновным за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 191 УК РФ (ред. 2011 г.).

Не углубляясь в проблемы применения уголовно-правовых норм с административной преюдицией [27], отметим, что в составе незаконного оборота янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней, сконструированном по правилам административной преюдиции (ч. 1 ст. 191 УК РФ), действуют те же правила определения момента окончания преступления, что были определены выше. Конструктивным признаком данного состава преступления, определяющим особенности квалификации, является субъект преступления — «лицо, подвергнутое административному наказанию за аналогичное деяние, предусмотренное ст. 7.5 КоАП РФ».

Таким образом, в настоящее время имеется немало спорных вопросов, связанных с определением объективной стороны преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 191 УК РФ, в связи с чем требуется совершенствование регулятивного и охранительного законодательства в данной сфере, а также разработка научных рекомендаций по квалификации незаконного оборота драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней.

Так, на наш взгляд, в ст. 1 ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» необходимо закрепить следующее определение: оборот драгоценных металлов и камней — совокупность действий с драгоценными металлами и камнями, выражающихся в их добыче, совершении сделок с ними, их перемещении (перевозка и пересылка) и хранении, а также производстве и аффинаже драгоценных металлов.

С целью единообразия применения рассматриваемых уголовно-правовых норм следует разрабо-

тать и принять соответствующее постановление Пленума Верховного Суда РФ, в котором отразить правила квалификации незаконного оборота драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней, в том числе, определить объем и содержание уголовной ответственности за совершение сделок с указанными предметами в нарушение законодательства РФ, их незаконных хранения, перевозке и пересылке, а также закрепить правила определения момента окончания указанных преступлений и отграничения от смежных деяний.

Список источников

1. Спектор Л. А., Махмудов М. М. Уголовная ответственность за незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 6-2. С. 110–114.
2. Федеральный закон от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ (ред. от 11 июня 2021 г.) «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Бархатова Е. Н. Особенности законодательного регулирования ответственности за незаконный оборот драгоценных металлов и драгоценных камней // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 43–52.
4. Кадников Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: моногр. М., 2020.
5. Кучеров И. И. Драгоценные металлы и камни: актуальное правовое регулирование: моногр. М., 2021.
6. Степанов Р. О. Уголовная ответственность за незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
7. Иванов А. Г. Преступления в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней: моногр. М.; Хабаровск: РПА Минюста России, 2011.
8. Виниченко Ю. В., Асланян Н. П., Судакова Т. М. Незаконный гражданский оборот: проблемы понимания в контексте предупреждения преступности (постановка вопроса) // Всероссийский криминологический журнал. 2015. № 4. С. 661–773.
9. Указ Президента РФ от 22 февраля 1992 г. № 179 «Об утверждении Перечня видов продукции и отходов производства, свободная реализация которых запрещена» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Правительства РФ от 1 декабря 1998 г. № 1419 (ред. от 8 мая 2002 г.) «Об утвер-

ждении Порядка совершения операций с минеральным сырьем, содержащим драгоценные металлы, до аффинажа» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Правительства РФ от 28 сентября 2000 г. № 731 (ред. от 17 октября 2015 г.) «Об утверждении Правил учета и хранения драгоценных металлов, драгоценных камней и продукции из них, а также ведения соответствующей отчетности» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Уголовное право России: учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. Н. Г. Кадникова. М., 2018.

13. Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Преступления в сфере экономической деятельности. М., 1998.

14. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ): моногр. В 2 ч. Ч. 1. М., 2022.

15. Научно-практический комментарий к главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации. В 2 т. Т. 2 / отв. ред. И. И. Кучеров [и др.]. М., 2020.

16. Жамбалов Д. Б. Методика расследования незаконного оборота драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней: моногр. Улан-Удэ, 2021.

17. Коренная А. А. Преступления в сфере экономической деятельности: учебник. Барнаул, 2020.

18. Приговор Майкопского городского суда Республики Адыгея от 6 июня 2016 г. по делу № 1-184/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Приговор Баунтовского районного суда Республики Бурятия от 24 марта 2020 г. по делу № 1-20/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

20. Приговор Борзинского городского суда Забайкальского края от 2 февраля 2021 г. по делу № 1-43/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

21. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / под ред. Н. Г. Кадникова. М., 2019.

22. Лясколо А. Н. Незаконный оборот драгметаллов и камней: правила квалификации по статье 191 УК РФ // Уголовный процесс. 2018. № 3. С. 50–59.

23. Лапшин В. Ф. Проблемные вопросы квалификации посягательств, нарушающих правила оборота драгоценных металлов, природных драгоценных камней и (или) жемчуга // Пенитенциарная наука. 2012. № 20. С. 10–11.

24. Кучин О. С. Методика расследования незаконного оборота драгоценных металлов и драгоценных

камней: моногр. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008.

25. Приговор Нюрбинского районного суда Республики Саха (Якутия) от 6 октября 2010 г. № 1-108-10 // ГАС «Правосудие».

26. Приговор Железнодорожного районного суда г. Читы от 7 мая 2020 г. по делу № 1-165/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

27. Котова А. А. К вопросу об использовании административной преюдиции для дифференциации уголовной ответственности за незаконный оборот драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней // Право и государство: теория и практика. 2021. № 11(203). С. 138–141.

References

1. Spector L. A., Makhmudov M. M. Criminal liability for illegal trafficking of precious metals, natural precious stones or pearls // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2019. No. 6-2. P. 110–114.

2. Federal Law No. 41-FZ of March 26, 1998 (ed. of June 11, 2021) «On Precious metals and precious stones» // SPS «ConsultantPlus».

3. Barkhatova E. N. Features of legislative regulation of liability for illicit trafficking in precious metals and precious stones // Bulletin of the East Siberian Institute of the MIA of Russia. 2019. No. 2 (89). P. 43–52.

4. Kadnikov N. G. Classification of crimes under the criminal law of Russia: monogr. M., 2020.

5. Kuchеров I. I. Precious metals and stones: current legal regulation: monogr. M., 2021.

6. Stepanov R. O. Criminal liability for illegal trafficking of precious metals, natural precious stones or pearls: diss. ... cand. jurid. Sciences. M., 2006.

7. Ivanov A. G. Crimes in the sphere of turnover of precious metals and precious stones: monogr. M. ; Khabarovsk : RPA of the Ministry of Justice of Russia, 2011.

8. Vinichenko Yu. V., Aslanyan N. P., Sudakova T. M. Illegal civil turnover: problems of understanding in the context of crime prevention (posing a question) // All-Russian Criminological Journal. 2015. No. 4. P. 661–773.

9. Decree of the President of the Russian Federation dated February 22, 1992 No. 179 «On approval of the List of types of products and industrial waste, the free sale of which is prohibited» // SPS «ConsultantPlus».

10. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1419 of December 1, 1998 (ed. of May 8, 2002) «On approval of the Procedure for operations

with mineral raw materials containing precious metals before refining» // SPS «ConsultantPlus».

11. Decree of the Government of the Russian Federation No. 731 of September 28, 2000 (ed. of October 17, 2015) «On approval of the Rules for accounting and storage of precious metals, precious stones and products made from them, as well as maintaining appropriate reporting» // SPS «ConsultantPlus».

12. Criminal Law of Russia: textbook. In 2 vols. Vol. 1. General part / edited by N. G. Kadnikov. M., 2018.

13. Gaukhman L. D., Maksimov S. V. Crimes in the sphere of economic activity. M., 1998.

14. Lopashenko N. A. Crimes in the sphere of economic activity (Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation): monogr. At 2 p.m. 1. M., 2022.

15. Scientific and practical commentary on Chapter 22 «Crimes in the sphere of economic activity» of the Criminal Code of the Russian Federation. In 2 vol. t. 2 / ed. by I. I. Kucherov [et al.]. M., 2020.

16. Zhambalov D. B. Methods of investigation of illicit trafficking in precious metals, precious and semi-precious stones: monogr. Ulan-Ude, 2021.

17. Korennaya A. A. Crimes in the sphere of economic activity: textbook. Barnaul, 2020.

18. Verdict of the Maykop City Court of the Republic of Adygea dated June 6, 2016 in case No. 1-184/2016 // SPS «ConsultantPlus».

19. The verdict of the Bauntovsky District Court of the Republic of Buryatia dated March 24, 2020 in case No. 1-20/2020 // SPS «ConsultantPlus».

20. The verdict of the Borzinsky City Court of the Trans-Baikal Territory of February 2, 2021 in case No. 1-43/2021 // SPS «ConsultantPlus».

21. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (scientific and practical, article-by-article). 6th ed., reprint. and add. / edited by N. G. Kadnikov. M., 2019.

22. Lyaskalo A. N. Illicit trafficking in precious metals and stones: rules of qualification under Article 191 of the Criminal Code of the Russian Federation // Criminal Procedure. 2018. No. 3. P. 50–59.

23. Lapshin V. F. Problematic issues of qualification of encroachments violating the rules of turnover of precious metals, natural precious stones and (or) pearls // Penitentiary science. 2012. No. 20. P. 10–11.

24. Kuchin O. S. Methods of investigation of illicit trafficking in precious metals and precious stones: monogr. Vladivostok : Publishing House of the Far East. un-ta, 2008.

25. Verdict of the Nyurbinsky District Court of the Republic of Sakha (Yakutia) dated October 6, 2010 No. 1-108-10 // GAS «Justice».

26. The verdict of the Railway District Court of Chita dated May 7, 2020 in case No. 1-165/2020 // SPS «ConsultantPlus».

27. Kotova A. A. On the use of administrative pre-judice to differentiate criminal liability for illegal trafficking in precious metals, precious and semi-precious stones // Law and the State: theory and practice. 2021. No. 11(203). P. 138–141.

Библиографический список

1. Архипова М. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика незаконного оборота драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга: дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008.

Bibliographic list

1. Arkhipova M. V. Criminal-legal and criminological characteristics of illicit trafficking in precious metals, natural precious stones or pearls: diss. ... cand. jurid. sciences'. Irkutsk, 2008.

Информация об авторе

А. А. Котова — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

A. A. Kotova — Adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 05.12.2022; принята к публикации 18.01.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 05.12.2022; accepted for publication 18.01.2023.

Научная статья
УДК 343.9
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-155-160>
НИОН: 2003-0059-1/23-567
MOSURED: 77/27-003-2023-01-766

Понятие и особенности личности преступника, совершающего насильственные преступления в следственном изоляторе

Сергей Владимирович Кривошеев

Московский университет имени С. Ю. Витте, Москва, Россия, 9262625339@mail.ru

Аннотация. Рассматривается понятие личности преступника, совершающего насильственные преступления в следственных изоляторах, а так же некоторым отдельным особенностям лиц, совершающих насильственные преступления в условиях мест, исполняющих меру пресечения в виде заключения под стражу.

Ключевые слова: подозреваемый, обвиняемый, осужденный, преступление, насилие, следственный изолятор

Для цитирования: Кривошеев С. В. Понятие и особенности личности преступника, совершающего насильственные преступления в следственном изоляторе // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 155–160. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-155-160>.

Original article

The concept and personality features of a criminal who commits violent crimes in a pre-trial detention center

Sergey V. Krivosheev

Moscow University named after S. Yu. Witte, Moscow, Russia, 9262625339@mail.ru

Abstract. The concept of the personality of a criminal who commits violent crimes in pre-trial detention centers is considered, as well as some individual features of persons who commit violent crimes in places that perform a preventive measure in the form of detention.

Keywords: suspect, accused, convicted, crime, violence, pre-trial detention center

For citation: Krivosheev S. V. The concept and personality features of a criminal who commits violent crimes in a pre-trial detention center. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):155–160. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-155-160>.

Нужно признать, что практически вся криминологическая информация формируется вокруг личности преступника, его социальных, физиологических и иных данных. Исследование преступлений невозможно представить без учета личности виновного.

Научная и учебная литература по криминологии содержит множество определений понятия личности преступника.

Так, А. А. Нуждин пишет: «Термин «личность преступника» в правовом аспекте — разносторонний, с ярко выраженным междисциплинарным характером, механизм. Это довольно обоснованно, поскольку он исследуется не исключительно психологами, но и юристами, осуществляющими проработку проблем, имеющих отношение к уголовному праву и процессу, криминалистике и криминологии» [4, с. 183].

«Личность преступника — это совокупность интегрированных в ней социально значимых негативных свойств, образовавшихся в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми» [1, с. 8].

«Личность преступника всегда была одной из центральных проблем всех наук криминального профиля, и в первую очередь криминологии, история которой свидетельствует, что наиболее острые дискуссии криминологи вели и ведут как раз по поводу личности преступника» [6, с. 107].

«Индивидуальность человека есть проявление его личных качеств, личных интересов и вкусов, своеобразии его деятельности и поведения, образа жизни. Без индивидуальности не надо было бы индивидуализировать лечение и обучение, наказание и исправление, профилактику преступного поведения и т. д.

© Кривошеев С. В., 2023

Понятие «личность» конкретизируется применительно к определенной области исследования. Для криминологии объектом познания является особый тип личности — личность, нарушающая нормы уголовного права — личность преступника» [2, с. 122].

В нашем случае мы исследуем личность человека, совершающего насильственное преступление в следственном изоляторе, при этом это не всегда лицо, содержащееся под стражей или осужденный, но и, как ни странно это звучит, сотрудник уголовно-исполнительной системы и иные лица.

«Особенности личности преступника не следует понимать так, что они присущи всем без исключения лицам, совершившим преступления. Отсутствие их у некоторой части преступников не снимает вопроса о необходимости их изучения как причин преступного поведения. Именно данный факт позволяет говорить о личности преступника как об отдельном, самостоятельном социальном и психологическом типе, конечно, среди множества других типов, существующих в обществе. Его специфика определяет особенности духовного мира преступников, их реакций на воздействия социальной среды. Личность преступника можно определить как некую модель, социальную и психологическую, обладающую специфическими чертами. Это некая абстракция, совокупность научных представлений о тех, кто совершает преступления» [6, с. 108].

Каждая наука изучает личность в рамках своего предмета. Отсюда и соответствующая специфика. Ведь понятие «личность преступника» условное, оно необходимо для удобства исследования. Криминология изучает только личность преступника, а уголовное право исследует личность, называя ее субъектом преступления. Вполне конкретно исследует личность и уголовно-исполнительное право, имея дело с личностью осужденного или лица, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

При этом юридически, в соответствии с действующим законодательством, преступником, а более точно, осужденным, признается лицо, в отношении которого вынесен обвинительный приговор суда, причем, согласно УПК РФ, для этого не требуется факта вступления приговора в законную силу, что противоречит принципу презумпции невиновности, декларируемому Конституцией РФ.

Личностью преступника, совершающего, совершившего или подготавливающего преступное деяние

с применением психического или физического насилия в условиях следственного изолятора, является лицо в отношении которого вынесено постановление суда об избрании соответствующей меры пресечения, при этом также не вступившее в законную силу и содержащееся в следственном изоляторе или помещении, функционирующем в режиме следственного изолятора, также осужденный, находящийся в данных учреждениях, или иное лицо.

Для лиц, совершающих насильственные преступления, характерными чертами личности являются агрессивность, повышенная эмоциональная возбудимость, жестокость. Наиболее ярко данные особенности проявляются в следственных изоляторах, где сконцентрированы лица, подозреваемые и обвиняемые преимущественно в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, а также уже осужденные лица, вина которых доказана в установленном законом порядке и определено наказание в виде лишения свободы на определенный срок.

Особой является и уголовно-правовая характеристика такой личности. Она указывает на то, что в следственных изоляторах находятся в основном лица, уже ранее судимые, подозреваемые и обвиняемые в совершении тяжких и особо тяжких насильственных преступлений.

По официальным данным ФСИН РФ, за 2020 г. в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы отбывало наказания 376 128 человек, из них только 38,5 % впервые, остальные, а это 61,5 %, два и более раз отбывал наказание в виде лишения свободы: 21,8 % — два раза, 39,7 % — три и более раз. Также на криминогенную ситуацию в исправительных учреждениях влияет и характеристика преступлений, за которые лица уже были ранее судимы: 25,18 % за преступления, предусмотренные ст. 105–109, ч. 4 ст. 111 УК РФ; 4,73 % — ч. 1–3 ст. 111 УК РФ; 5,5 % — преступления против половой свободы и половой неприкосновенности; 5,5 % — разбой. В совокупности за совершение тяжких, особо тяжких насильственных преступлений в исправительных учреждениях отбывает наказание 43,91 % от общей численности осужденных. В полной мере отмеченное относится и к лицам, содержащимся под стражей. Так в 94 % случаев к лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы за указанные преступления, применялась мера пресечения в виде заключения под стражу.

Профессор Н. Г. Шурухнов указывает «...что влияние среды на человека обладает особенностями в местах лишения свободы, где в закрытых коллективах имеется строгая неофициальная иерархия, комплекс неофициальных норм поведения, определяющих взаимоотношения индивидов и целых групп. Длительное пребывание в таких условиях приводит к переформированию личности, наделению ее комплексом специфических качеств» [5, с. 74]. Соглашаясь с Н. Г. Шурухновым, автор полагает, что данную характеристику необходимо применить и к местам содержания под стражей.

При нахождении в следственном изоляторе человек подвергается активному воздействию внешней, порой отрицательно направленной среды, которая вынуждает его приспособляться к новым для себя обстоятельствам, привыкать к ограничению свободы, режиму, распорядку дня, взаимоотношениям с персоналом, общаться не всегда с приятными в общении людьми, другими подозреваемыми и обвиняемыми, принимать общие правила и традиции, утверждать себя в данном сообществе.

Важно отметить, что именно в следственном изоляторе начинается формирование социального статуса личности в криминальном мире. Лицо, совершившее преступление, как правило, сначала попадает в СИЗО, а затем уже направляется для отбывания наказания в исправительную колонию или тюрьму.

Обстоятельствами, влияющими на формирование и поведение личности насильственного преступника в условиях СИЗО, следует считать неформальную «криминальную» иерархию лиц, содержащихся под стражей, использующих общую «тюремную» субкультуру, а так же разработанные «правила» конкретно для данного следственного изолятора, в зависимости от специфики содержащихся в нем лиц и места его расположения, с помощью которых происходит разрешение споров, конфликтов и других жизненных ситуаций, не требующих вмешательства администрации, а так же противодействие ей [3, с. 6].

В соответствии со сложившейся исторически криминальной иерархией в местах содержания под стражей, «внутренняя структура такой общности имеет набор определенных ролей и статусов:

1) лидеры сообщества ранее судимых, к которым, как правило, причисляются профессиональные преступники. Они имеют высокий статус, преданы криминальному миру;

2) лица, ориентированные на «тюремную жизнь», их условно называют «тянущими срок»;

3) лица, ориентированные на бесконфликтный тип поведения, непричинения беспокойства администрации («мужики»);

4) лица, нарушившие нормы тюремного сообщества и потерявшие свой статус («отверженные», «обиженные»)» [5, с. 6].

При этом каждой из указанных групп присущи свои особенности. Так, отрицательно настроенные лица, содержащиеся под стражей, имеют свою внутреннюю структуру. Ее высший уровень представляет собой центральный элемент, от которого исходит все управление. Его возглавляет так называемый «вор в законе» — лидер преступной группы, а при его отсутствии — «смотрящий» за следственным изолятором или «положенец». Как правило, криминальную иерархию в СИЗО возглавляет «смотрящий», им назначаются «смотрящие» за корпусом (если СИЗО состоит из нескольких режимных корпусов), за карцерами, за несовершеннолетними, за игрой, за общаком, за «дорогой» (осуществление межкамерной связи) и т. д. Данные криминальные лидеры существуют практически во всех следственных изоляторах.

В их обязанности входит управление неформальными взаимоотношениями, учет лиц, содержащихся в СИЗО, разрешение конфликтных ситуаций между лицами, содержащимися под стражей, с сотрудниками уголовно-исполнительной системы, ведение кредитно-денежных отношений, учет, хранение и получение запрещенных предметов, организация массовых акций противодействия администрации, санкционирование «законного», по их мнению, применения насилия в качестве наказания и др.

У неформальных лидеров существуют помощники, которые составляют группу отрицательно настроенных подозреваемых и обвиняемых, практически в каждом камерном помещении осуществляющие исполнение «приказов». К ним относятся лица, поддерживающие криминальные взгляды, традиции, обычаи и стремящиеся к повышению своего неформального статуса.

Лица, составляющие средний уровень криминальной иерархии, именуется «мужиками», т. е. это лица, занимающие нейтральную позицию, они не стремятся нарушать режим содержания и занимать высокий криминальный статус, соблюдают общие криминальные, тюремные традиции, Они составляют

численное большинство. С ними активно взаимодействуют и отрицательно настроенные лица. Представители данной группы редко идут против мнения отрицательно настроенных лиц, но могут и не поддерживать их радикальные позиции, что выражается в массовых неповиновениях.

В низовое звено входят лица, нарушающие сложившиеся неформальные правила «тюремного сообщества» и утратившие свой высокий или нейтральный статус, например за совершение кражи у «своих», невыплата долга, вступление в пассивную гомосексуальную связь. В среде указанных лиц так же имеются свои неформальные лидеры, только не так ярко выраженные.

Также в СИЗО, в противовес отрицательно настроенным лицам, существует группа подозреваемых, обвиняемых, осужденных, которые именуется «красными». Это лица, содействующие администрации в поддержании правопорядка, лица, содействующие следствию и «сдавшие своих», раскрытые агенты или информаторы оперативных работников, зачастую лица, ранее отбывавшие наказание в отряде хозяйственного обслуживания или скомпрометировавшие себя перед другими лицами, содержащимися под стражей. Их социальный статус в криминальной иерархии достаточно низок, но все же находится выше «обиженных». В СИЗО данных лиц, как правило, содержат в отдельных камерах, обеспечивая их безопасность. У многих из указанных лиц «тюремный» статус резко меняется на самый низкий при их направлении к исправительную колонию или тюрьму, ибо, как правило, к ним применяется насилие.

Исследование также показало, что имеются свои особенности насильственных преступлений, совершаемых указанными лицами.

Преимущественно лица, занимающие высший или приближенный к ним социальный статус в криминальной иерархии, являются, в основном, организаторами преступлений, направленных на вымогательство денежных средств, имущества, противодействие законной деятельности администрации, зачастую это сопровождается применением психического или физического насилия, или его провокацией, чтобы затем применить насилие якобы для самозащиты.

Исполнителями заранее спланированных насильственных преступлений против личности могут выступать лица, являющиеся «помощниками» лидера

преступной среды. Ими являются отрицательно настроенные лица, содержащиеся в камере с тем лицом, в отношении которого «санкционировано» применение насилия. При этом без соответствующего разрешения применять насилие в отношении другого лица, содержащегося под стражей, себе подобного, не приветствуется, если только этого не требовало стечение веских обстоятельств. Одобренное насилие в данном случае применяется в виде санкции к отдельным «провинившимся» подозреваемым, обвиняемым, оно может быть как скрытым, так и носящим демонстративный, публичный характер.

Но все же большинство конфликтов, завершающихся применением насилия, в условиях следственного изолятора совершаются лицами, занимающими средний социальный слой. Наиболее часто насилие ими применяется для разрешения бытовых конфликтов, стихийно, без предварительной подготовки. Потерпевшими могут быть лица из разных представленных социальных групп, реже всего из отрицательно настроенных.

Лицами, занимающими низкий социальный статус, преступления совершаются преимущественно на бытовой почве, в своей среде.

Социальное положение подозреваемого, обвиняемого или осужденного в период содержания под стражей в СИЗО, может меняться. Исключение составляют «красные» и особенно «обиженные», имеющие самый низкий неформальный статус, который остается неизменным. О своем статусе они должны сообщать каждый раз, когда попадают в СИЗО или по прибытии к новому месту отбывания наказания. Указанные лица находятся в состоянии постоянного психологического и социального отчуждения, хотя в своей среде могут пользоваться авторитетом.

Противоправные формы поведения лиц, содержащихся под стражей, несомненно, имеют свои особенности, определяемые специфической социальной средой, ее криминологическими характеристиками, включающими в себя не только социально-демографические, уголовно-правовые, но и неформально-структурные элементы.

В отличие от исправительных колоний, в которых отбывают наказание или несовершеннолетние (воспитательные колонии), или женщины (женские исправительные колонии), или мужчины (колонии-поселения, колонии общего, строгого, особого режима, тюрьмы), в следственных изоляторах, поме-

щениях, функционирующих в режиме следственного изолятора, представлены все указанные лица, которые потенциально могут совершить насильственные преступления во время содержания под стражей.

К лицам, содержащимся в СИЗО, относятся, в первую очередь, подозреваемые и обвиняемые, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, а также и другие категории осужденных. Это могут быть: осужденные, оставленные в СИЗО для хозяйственного обслуживания учреждения (достаточно малочисленная группа, 5–6 % от общего лимита наполнения следственного изолятора); осужденные, ждущие отправки в исправительное учреждение; осужденные, оставшиеся по письменному заявлению в СИЗО, при сроке наказания в виде лишения свободы менее шести месяцев; осужденные, прибывшие из исправительных колоний для прохождения по другому уголовному делу в качестве свидетеля, подозреваемого или обвиняемого; осужденные, следующие из одного исправительного учреждения в другое транзитом и находящиеся в следственном изоляторе. Количество осужденных, находящихся в условиях следственного изолятора, как было установлено исследованием, варьируется от 10 до 20 % от общей численности лиц, содержащихся в СИЗО.

Целесообразным представляются и иные виды классификации лиц, содержащихся под стражей, причем одновременно в одном и том же учреждении: взрослые, т. е. лица, достигшие 18-летнего возраста, и несовершеннолетние (от 14 до 18 лет); мужчины и женщины; ранее не судимые, ранее судимые и отбывавшие наказание в исправительной колонии.

Изучение личности преступника, совершающего насильственные преступления в условиях содержания под стражей, должно основываться на всестороннем исследовании всех указанных категорий граждан. В этом и заключается, в основном, ее особенность. От

этого зависит правильный выбор средств профилактики и эффективность предупреждения насильственных преступлений в СИЗО.

Исследование также показало, что абсолютное большинство преступлений, в том числе и насильственных, совершается в исправительных колониях (табл. 1).

Это вполне объяснимо, ибо в СИЗО содержится всего около 22 % от всех лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Однако, отметим, что на всех лиц, содержащихся под стражей, приходится 13,8 % всех совершаемых преступлений в учреждениях УИС и 17,6 % насильственных. И это при том, что режим содержания в СИЗО намного строже, чем в ИК (за исключением ИК особого режима). Подозреваемые, обвиняемые, осужденные содержатся в помещениях камерного типа, не выводятся на работу (за исключением осужденных, оставленных в СИЗО для хозяйственного обслуживания) и выводятся из камеры только для проведения ежедневной прогулки, проведения технического осмотра камеры, на санитарную обработку. Также практически во всех СИЗО происходит отделение подозреваемых, обвиняемых, осужденных, относящихся к низшему уровню в криминальной иерархии и содержание их в отдельной камере(ах), что необходимо для обеспечения их личной безопасности и предотвращения возможных правонарушений или преступлений.

Примечателен тот факт, что в СИЗО предупреждается значительное количество преступлений: оно практически равно аналогичному показателю в исправительных колониях. Так, в период с 2017 по 2020 гг. в исправительных колониях было предотвращено 1880 преступлений (52 %), в воспитательных колониях — 29 преступлений (0,8 %), в следственных изоляторах — 1702 преступления (47,2 %). Отмеченное позволяет сделать вывод, что лица, содержащиеся под стражей, более нацелены на совершение преступлений, в том числе и насильственных.

Таблица 1

Соотношение преступлений, совершаемых подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными в учреждениях ФСИН России (2019–2020 гг.)

Вид учреждения	Доля, %	Из них насильственных, %
Исправительная колония	86	77
СИЗО, ПФРСИ	13,8	17,6
Воспитательная колония	0,2	5,3

Таким образом, под личностью преступника, совершающего насильственные преступления в условиях следственного изолятора, следует понимать лицо, в отношении которого вынесено постановление суда об избрании соответствующей меры пресечения и содержащееся в следственном изоляторе или помещении, функционирующем в режиме следственного изолятора, также осужденный, находящийся в данных учреждениях, или иное лицо, совершающее, совершившее или пытающееся совершить преступное деяние с применением психического или физического насилия.

Характерными чертами такой личности являются агрессивность, повышенная эмоциональная возбудимость, жестокость. Наиболее ярко данные особенности проявляются в следственных изоляторах, где сконцентрированы лица, подозреваемые, обвиняемые преимущественно в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, а также уже осужденные лица, вина которых доказана в установленном законом порядке и определено наказание в виде лишения свободы на определенный срок.

Список источников

1. Антонян Ю. М. Психология преступления и наказания. М., 2018.
2. Кириллов С. И. Основы теории криминологического исследования корыстно-насильственных преступлений и их предупреждение: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1999.
3. Криминальная субкультура осужденных: теоретический, криминологический, психологический аспекты, функциональный механизм: моногр. Рязань : Академия ФСИН России, 2009.

4. Нуждин А. А. Предупреждение преступности: теоретико-правовой аспект // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации): сб. тезисов выступлений и докладов участников. В 8 т. М., 2017.

5. Шурухнов Н. Г. Личность пенитенциарного преступника // Социологические исследования. 1993. № 3.

6. Эминов В. Е., Антонян Ю. М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1(50).

References

1. Antonyan Yu. M. Psychology of crime and punishment. M., 2018.
2. Kirillov S. I. Fundamentals of the theory of criminological research of self-serving violent crimes and their prevention: diss. ... doct. jurid. M., 1999.
3. Criminal subculture of convicts: theoretical, criminological, psychological aspects, functional mechanism: monogr. Ryazan : Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2009.
4. Nuzhdin A. A. Crime prevention: theoretical and legal aspect // III International Penitentiary Forum «Crime, punishment, correction» (to the 20th anniversary of the entry into force of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation): collection of abstracts of speeches and reports of participants. In 8 vol. M., 2017.
5. Shurukhnov N. G. Personality of a penitentiary criminal // Sociological research. 1993. № 3.
6. Eminov V. E., Antonyan Yu. M. Criminal personality and its formation // Actual problems of Russian law. 2015. № 1(50).

Информация об авторе

С. В. Кривошеев — доцент кафедры уголовного права и процесса Московского университета имени С. Ю. Витте.

Information about the author

S. V. Krivosheev — Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Moscow University named after S. Yu. Witte.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 07.12.2022; принята к публикации 23.01.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 07.12.2022; accepted for publication 23.01.2023.

Рецензия

УДК 340.1:343.2/.7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-161-165>

ИПОН: 2003-0059-1/23-568

MOSURED: 77/27-003-2023-01-767

Эффективность в уголовном праве. Читая монографию И. В. Колосова: «История правового консеквенциализма: результативность права» (М. : Юрлитинформ, 2023)

Юлия Юрьевна Кулакова¹, Екатерина Георгиевна Войде²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ kulakova_crede@mail.ru

² voide86@mail.ru

Аннотация. Уголовное право существует для реализации потребностей общества в обеспечении безопасности. Вместе с тем современные тенденции общественного развития, как справедливо отмечает И. В. Колосов — автор монографии «История правового консеквенциализма: результативность права», в отношении которой подготовлена настоящая статья-рецензия, приводят к тому, что категории «полезность», «польза», «эффективность» и «результат» становятся все более значимыми в современном мире. Таким образом, уголовному праву и уголовной политике начинают предъявляться качественно иные требования, связанные с необходимостью обеспечить эффективность правового регулирования и правоприменения. С учетом этого актуальным и значимым является обсуждение вопросов, посвященных эффективности уголовного права.

Настоящая рецензия — обсуждение актуальных вопросов эффективности уголовного права на основе упомянутой монографии И. В. Колосова. Несмотря на ее историко-теоретический и философско-правовой характер, вопросам эффективности именно в уголовном праве посвящена значимая часть. Наиболее важными являются выводы автора монографии об эффективном размере наказаний и об эффективном пороге доказывания в рамках уголовной политики.

Ключевые слова: консеквенциализм, утилитаризм, эффективность права, правовой консеквенциализм, уголовное наказание, эффективность уголовного наказания, меры уголовно-правового воздействия

Для цитирования: Кулакова Ю. Ю., Войде Е. Г. Эффективность в уголовном праве. Читая монографию И. В. Колосова: «История правового консеквенциализма: результативность права» (М. : Юрлитинформ, 2023) // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 161–165. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-161-165>.

Review

The effectiveness in criminal law. Analysis of I. V. Kolosov's monograph: «History of legal consequentialism: the effectiveness in law» (M. : Yurlitinform, 2023)

Yulia Yu. Kulakova¹, Ekaterina G. Voide²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ kulakova_crede@mail.ru

² voide86@mail.ru

Abstract. Criminal law exists to meet the needs of society in ensuring security. At the same time, modern trends in social development, as rightly noted by I. V. Kolosov, the author of the monograph «History of legal consequentialism: the effectiveness of law», in relation to which this review article has been prepared, lead to the fact that the categories of «utility», «benefit», «efficiency» and «result» are becoming more and more significant in the modern world. Thus, criminal law and criminal policy are beginning to face qualitatively different requirements related to the need to ensure the effectiveness of legal regulation and law enforcement. With this in mind, it is relevant and significant to discuss issues related to the effectiveness of criminal law.

This review is a discussion of topical issues of the effectiveness of criminal law on the basis of the mentioned monograph by I. V. Kolosov. Despite its historical-theoretical and philosophical-legal nature, a significant part is devoted to the issues of effectiveness in criminal law. The most important are the conclusions of the author of the monograph on the effective amount of punishments and on the effective threshold of proof in the framework of criminal policy.

Keywords: consequentialism, utilitarianism, effectiveness of law, legal consequentialism, criminal liability, punishment, effectiveness of criminal liability, measures of criminal legal influence

For citation: Kulakova Yu. Yu., Voide E. G. The effectiveness in criminal law. Analysis of I. V. Kolosov's monograph: «History of legal consequentialism: the effectiveness in law» (M. : Yurlitinform, 2023). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):161–165. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-161-165>.

В текущем столетии вышло сразу несколько философско-правовых исследований, посвященных тематике эффективности уголовного наказания с точки зрения оценки такой эффективности различными этическими концепциями, в том числе утилитаризмом, консеквенциализмом и ретрибутивизмом.

© Кулакова Ю. Ю., Войде Е. Г., 2023

Значительный вклад в разработанность данной тематики внесли такие авторы, как Е. В. Башарина, В. С. Гришин [1], А. Ф. Блюхер [2], С. Ю. Бытко [3], В. Е. Везломцев [4], М. В. Куликов [9; 10], С. М. Левин [11], Б. С. Никифоров [12], С. К. Полторацкая [13], М. В. Рогатков [14] и др. В этом отношении монография И. В. Колосова «История правового консеквенциализма: результативность права» [8] не претендует на абсолютную новизну. Тем не менее, несмотря на это, монография И. В. Колосова обладает рядом преимуществ.

Первое. Обратившись к оглавлению монографии И. В. Колосова, создается впечатление, что анализу эффективности уголовного наказания посвящен только один параграф — «4.4. Ретрибутивизм и консеквенциональный взгляд на уголовное наказание». Вместе с тем, данный тезис, в случае его постулирования, являлся бы ложным. Помимо параграфа, полностью посвященного упомянутой тематике, подходы к эффективности уголовного наказания в учениях различных философов права анализируются по всему тексту исследования. Например, рассматривая учения каждого из классических утилитаристов (Дж. Бентам, Дж. Ст. Милль и Г. Сиджвик), автор монографии подробно обращается к их взглядам на эффективность уголовного наказания. Одновременно с этим наличествует и анализ преемственности предпосылок зарождения утилитаризма в добентамовских правовых учениях, с одной стороны, и в классическом утилитаризме, с другой стороны. Так, совершенно справедливыми являются выводы автора монографии о том, что предложения Монтестье, Ч. Беккариа и Д. Юма в области уголовного наказания предвосхитили идеи Дж. Бентама. Заслуживает внимания и анализ правового учения О. У. Холмса в части предельного сдерживания в качестве цели привлечения к юридической, в том числе уголовной ответственности.

Таким образом, монография И. В. Колосова носит комплексный характер в части анализа в ее рамках использования подходов консеквенциональных учений при оценке эффективности уголовного наказания. В этом отношении данная монография носит достаточно системный характер, в том числе в сравнении с вышеперечисленными исследованиями иных авторов.

Второе. Иные вышеперечисленные авторы, работы которых посвящены анализу эффективности уголовного наказания, как правило, обращаются только к современным учениям, посвященным данному вопросу. Монография И. В. Колосова, в которой в от-

дельном параграфе проанализированы и современные концепции консеквенциализма в отношении эффективности уголовного наказания, в других ее частях обращается ко всей истории правового консеквенциализма, что позволяет охватить не только современные достижения философии права, но и подчеркнуть начала учений об эффективности уголовного наказания.

Третье. Монографическое исследование И. В. Колосова написано на актуальную тему. Вопросы эффективности права в современном мире становятся все более значимыми. Право должно не просто на бумаге, в юридических документах закреплять правила поведения, оно должно фактически регулировать общественные отношения, при чем, таким образом, чтобы благосостояние, счастье, полезность или любые иные, определяемые этическими учениями значимые для общества и его членов, показатели и характеристики увеличивались. Значимость теоретического осмысления эффективности права с учетом этого сложно переоценить. В сфере уголовного права такое осмысление, при условии должного применения соответствующих результатов на практике, позволит привести к снижению уровня преступности за счет повышения действенности наказания, а также обеспечить соблюдение принципа справедливости при определении размера наказания.

Четвертое. Выводы И. В. Колосова действительно имеют не только теоретическую, но и практическую значимость. Во-первых, на основе как проанализированных учений, так и действовавших норм уголовного закона, в первую очередь английского [7], автор последовательно обосновывает тезис о том, что размер наказаний должен быть, с одной стороны, тщательно градуирован, чтобы увеличение вреда от совершения преступления могло повлечь за собой большие меры уголовно-правового воздействия, но с другой стороны, должна наличествовать горизонтальная справедливость с тем, чтобы преступления одной степени общественной опасности влекли относительно равные меры уголовно-правового воздействия, а разной степени общественной опасности справедливо соотносились между собой. Во-вторых, вызывает интерес авторский анализ эффективного порога доказывания с тем, чтобы такой порог, с одной стороны, не был настолько низок, чтобы частота судебных ошибок в форме привлечения к уголовной ответственности невиновных была неоправданно высокой, но, с другой стороны, не был настолько высок, чтобы даже

относительно явные преступления не оставались безнаказанными ввиду невозможности доказать предусматриваемый уголовным правом слишком широкий перечень обстоятельств.

Пятое. Хотя что-то подобное в сфере уголовного права и наличествует в отдельных из вышеуказанных работ иных авторов, которые посвящены анализу эффективности уголовного наказания, тем не менее, анализ отдельных составов преступлений, предусмотренных российским уголовным законом, с точки зрения их правовой природы как преступлений «без вреда» (в понимании данного термина, которое введено И. В. Колосовым) является значимым и актуальным для российской действительности. При этом, несмотря на то, что уже имелись попытки осуществления консеквенционального анализа российского уголовного права, стоит отметить, что такой анализ с точки зрения выявления преступлений «без вреда» (по их правовой природе) в юридической науке проведен И. В. Колосовым, пожалуй, впервые.

Помимо изложенного, нельзя не отметить, что исследование И. В. Колосова содержит значительное количество новых положений и выводов или общетеоретического характера, или применение которых возможно и в иных отраслях права.

Таким образом, стоит отметить, что, несмотря на некоторую уже имевшуюся разработанность тематики, связанной с оценкой эффективности уголовного наказания, монографическое исследование И. В. Колосова вносит новые положения в научные представления по данному вопросу при том, что оно не ограничивается уголовным правом — его объект и предмет более широкие, а само исследование носит историко-теоретический и философский характер и применимо как в рамках общей теории права, так и полезно в рамках многих отраслей российского права. При этом именно оценка научной юридической мысли сквозь призму правовых учений и философии права способно не только систематизировать научное знание по изучаемым вопросам, но и предложить актуальные практики государственного строительства и совершенствования правового регулирования.

С учетом того, что в российской юридической науке начинает появляться интерес к осмыслению консеквенциональных теорий для целей их применения в праве стоит отметить, что одним из очевидных препятствий, почему фундаментальные исследования, подобные исследованию И. В. Колосова, отсутство-

вали до настоящего момента, является нехватка целенаправленного юридического перевода подавляющего большинства работ консеквенциалистов на русский язык. В связи с этим актуальность и научная новизна анализируемого монографического исследования обеспечены, помимо прочего, непосредственной работой автора со значительным объемом оригинальных англоязычных текстов. Новизна исследовательского подхода И. В. Колосова подчеркивается тем, что данные тексты рассматриваются, в первую очередь, в аутентичном виде с учетом историко-теоретического контекста их создания, в результате чего в монографии представлены выводы, сформированные по итогам не буквального, а осмысленного прочтения множества ранее не изучавшихся в России правовых идей консеквенциалистов, в том числе с целью выявления их системной связи друг с другом, причем в масштабах единой концепции — правового консеквенциализма.

В монографии И. В. Колосова убедительно показано, как воплощаются в сфере уголовного права в жизнь теоретические постулаты утилитарных концепций, в особенности идей Дж. Бентама. Действительно, под влиянием утилитаризма, в основном после 1875 г., в Англии были проведены демократические реформы, смягчены уголовные наказания, теперь они стали не столь суровыми. Хотя, как отмечено в монографии, идеи Дж. Бентама о «квазиприсяжных» не были реализованы, его критика суда присяжных привела к реформе в этой сфере, что еще больше привело к смягчению жестокости в рамках уголовного преследования. Продолжившееся и в XX в. влияние идей Дж. Бентама на практическую юриспруденцию, в особенности в сфере уголовного права, во многом объясняется определенными достоинствами его теории, предложившей альтернативу многим иным концепциям в сфере уголовного права.

Современная юридическая наука, с точки зрения соотношения объема знаний о содержании права, с одной стороны, и о том, как оно применяется на практике (а не только сформулировано на бумаге), с другой стороны, в определенном смысле диспропорциональна. Второму из перечисленных аспектов уделяется существенно меньше внимания. Правоведческая проблематика, в том числе теория права, а в особенности философия права, разрабатывается в отрыве от реально наличествующего правоприменения и уж тем более в отрыве от оценки эффективности

права. Такие инструменты, как оценка регулирующего воздействия и оценка фактического воздействия, хоть и начинают использоваться, тем не менее, происходит это не повсеместно, а методология проведения упомянутых оценок зачастую оставляет желать лучшего. Как правило, дальше привычной констатации необходимости обеспечить эффективное правоприменение и правовое регулирование дело не доходит. В этом отношении научное исследование И. В. Колосова выделяется на общем фоне, также как можно приветствовать его идею изучить, в том числе с критических позиций, зарубежные и отечественные концепции, восходящие к оценке эффективности права.

Еще большего внимания монографическое исследование И. В. Колосова заслуживает, если обратиться к вопросу анализа именно эффективности уголовного наказания. Дело в том, что большинство научных работ, посвященных данной тематике, затрагивает лишь только наиболее общие вопросы при анализе такой эффективности, не анализируя сущность исследуемого явления методологией консеквенциональных учений. Так, как правило, рассматриваются лишь только поверхностные индикаторы исследуемого явления, например, определение эффективности наказания по рецидиву [6, с. 20], по снижению или увеличению уровня преступности, т. е. в динамике [5, с. 19]. Вместе с тем, преступность является следствием социальных противоречий, на которые уголовное наказание повлиять не может. Хоть уголовное наказание и является сдерживающим преступность фактором, нет функциональной связи между привлечением к уголовной ответственности и уровнем преступности ввиду наличия также иных факторов, оказывающих влияние на последнюю. Таким образом, исследовать эффективность уголовного наказания необходимо именно с точки зрения комплексной оценки права, как это и делается в монографическом исследовании И. В. Колосова, а не только путем оценки статистической информации.

Таким образом, на основании вышеизложенного необходимо отметить, что в монографии И. В. Колосова представлен комплексный анализ правовых учений консеквенциализма, в том числе в сфере уголовного права. Автором выявлены важные закономерности эволюции консеквенциональной правовой мысли, исследованы и освещены основные подходы к предположкам правового консеквенциализма в добентамовских правовых учениях, всецело охвачен классический

правовой утилитаризм с точки зрения его правовых идей, выявлена сущностная составляющая правовых идей о достижении результата в русской философии права. Высокой положительной оценки заслуживает анализ современного западного консеквенциализма.

Признавая актуальность и высокую степень научной значимости и научной новизны работы, следует отметить, что структура и содержание работы, привлеченные источники и методология позволили И. В. Колосову раскрыть заявленную тему. Авторские выводы и обобщения обладают оригинальностью, аргументированы и обоснованы, а также, безусловно, вносят значимый вклад в философию права, историю правовых учений и теорию государства и права.

Список источников

1. Башарина Е. В., Гришин В. С. Цели наказания в правовых учениях ретрибутивизма и утилитаризма XVIII–XIX веков // Форум молодых ученых. 2018. № 5-1. С. 469–474.
2. Блюхер А. Ф. Этические основания и аргументы в теориях правового наказания: дисс. ... канд. философ. наук. М., 2009.
3. Бытко С. Ю. Эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания на преступность: теоретический и прикладной аспекты: дисс. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2018.
4. Везломцев В. Е. Социально-философский анализ наказания: ретрибутивизм и консеквенциализм: дисс. ... канд. философ. наук. СПб., 2010.
5. Гальперин И. М. Наказание: социальные функции, практика применения. М., 1983.
6. Карпец И. И. Об эффективности уголовного наказания // Социалистическая законность. 1966. № 5. С. 19–23.
7. Колосов И. В. Уголовное право Англии XIX в. — эффект колеи утилитаризма? // Право — явление цивилизации и культуры: мат. III междунар. науч. конф. Вып. III. М., 2021. С. 391–398.
8. Колосов И. В. История правового консеквенциализма: результативность права. М. : Юрлитинформ, 2023.
9. Куликов М. В. Ретрибутивизм и консеквенциализм в теориях правового наказания // Вестник Кузбасского института. 2011. № 4. С. 74–77.
10. Куликов М. В. Взаимосвязь философии утилитаризма и традиции уголовной юстиции Британской империи в период перехода от карательной и

исправительной модели наказания // *Философия права*. 2019. № 2(89). С. 14–20.

11. Левин С. М. Свобода воли и консеквенциалистское оправдание наказания // *Финиковый компот*. 2020. № 15. С. 177–184.

12. Никифоров Б. С. Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. М., 1968.

13. Полторацкая С. К. Теории наказания в зарубежной политической философии: современные тенденции // *Социально-гуманитарные знания*. 2021. № 5. С. 349–354.

14. Рогатков М. В. Некоторые аспекты современной системы уголовных наказаний Российской Федерации с точки зрения утилитаризма Иеремии Бентама // *Вестник Самарской гуманитарной академии*. Серия: Право. 2020. № 1. С. 38–43.

References

1. Basharina E. V., Grishin V. S. The goals of punishment in the legal doctrines of retributivism and utilitarianism of the XVIII–XIX centuries // *Forum of Young Scientists*. 2018. No. 5-1. P. 469–474.

2. Blucher A. F. Ethical grounds and arguments in theories of legal punishment: diss. ... Candidate of Philosophical Sciences. M., 2009.

3. Bytko S. Yu. The effectiveness of the preventive effect of criminal punishment on crime: theoretical and applied aspects: diss. ... doct. jurid. sciences'. Saratov, 2018.

4. Vezlomtsev V. E. Socio-philosophical analysis of punishment: retributivism and consequentialism: diss. ... Candidate of Philosophical Sciences. St. Petersburg, 2010.

5. Galperin I. M. Punishment: social functions, practice of application. M., 1983.

6. Karpets I. I. On the effectiveness of criminal punishment // *Socialist legality*. 1966. No. 5. P. 19–23.

7. Kolosov I. V. Criminal law of England of the XIX century — the effect of utilitarianism track? // *Law is a phenomenon of civilization and culture: mat. III International Scientific Conference Issue III*. M., 2021. P. 391–398.

8. Kolosov I. V. History of legal consequentialism: the effectiveness of law. M. : Yurlitinform, 2023.

9. Kulikov M. V. Retributivism and consequentialism in theories of legal punishment // *Bulletin of the Kuzbass Institute*. 2011. No. 4. P. 74–77.

10. Kulikov M. V. Interrelation of the philosophy of utilitarianism and the tradition of criminal justice of the British Empire during the transition from the punitive and correctional model of punishment // *Philosophy of Law*. 2019. No. 2(89). P. 14–20.

11. Levin S. M. Freedom of will and consequentialist justification of punishment // *Date compote*. 2020. No. 15. P. 177–184.

12. Nikiforov B. S. Effectiveness of criminal law measures to combat crime. M., 1968.

13. Poltoratskaya S. K. Theories of punishment in foreign political philosophy: modern trends // *Socio-humanitarian knowledge*. 2021. No. 5. P. 349–354.

14. Rogatkov M. V. Some aspects of the modern system of criminal penalties of the Russian Federation from the point of view of Jeremy Bentham's utilitarianism // *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy*. Series: Law. 2020. No. 1. P. 38–43.

Информация об авторах

Ю. Ю. Кулакова — заместитель начальника кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Е. Г. Войде — преподаватель кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

Yu. Yu. Kulakova — Deputy Head of the Department of Theory of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

E. G. Voide — Lecturer of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 09.11.2022; одобрена после рецензирования 22.12.2022; принята к публикации 26.01.2023. Submitted 09.11.2022; approved after reviewing 22.12.2022; accepted for publication 26.01.2023.

Научная статья

УДК 343.212

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-166-169>

ИПОН: 2003-0059-1/23-569

MOSURED: 77/27-003-2023-01-768

Формы выражения социальных источников уголовно-правовых предписаний

Петр Михайлович Курдюк¹, Руслан Георгиевич Асланян²

¹ Кубанский государственный аграрный университет, Краснодар, Россия, aslanyanruslan@mail.ru

² Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, aslanyanruslan@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены детерминирующие уголовно-правовые предписания социальные источники отрасли, которые всегда преломляются общественным сознанием и имеют внешнюю форму объективизации в виде оценочных суждений о наличии криминальных рисков для нормального развития той или иной сферы общественных отношений. Система форм выражения социальных источников включает в себя доктринальные, общественно-политические, политико-правовые и правовые документы, которые совокупно создают систему научных оценок текущей и прогностической социальной ситуации, обуславливающих необходимость (или возможность) эффективной охранительной реакции со стороны государства. Существенным пробелом в номенклатуре этих источников следует признать отсутствие официальной политико-правовой концепции уголовно-правового регулирования.

Ключевые слова: социальные источники уголовного права, форма выражения социальных источников, предмет науки уголовного права, концепция уголовной политики

Для цитирования: Курдюк П. М., Асланян Р. Г. Формы выражения социальных источников уголовно-правовых предписаний // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 166–169. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-166-169>.

Original article

Forms of expression of social sources of criminal law prescriptions

Pyotr M. Kurdyuk¹, Ruslan G. Aslanyan²

¹ Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia, aslanyanruslan@mail.ru

² Kuban State University, Krasnodar, Russia, aslanyanruslan@mail.ru

Abstract. The article considers the social sources of the industry that determine criminal law prescriptions, which are always refracted by public consciousness and have an external form of objectification in the form of value judgments about the presence of criminal risks for the normal development of a particular sphere of public relations. The system of forms of expression of social sources includes doctrinal, socio-political, political-legal and legal documents that collectively create a system of scientific assessments of the current and prognostic social situation that determine the need (or possibility) of an effective protective reaction from the state. A significant gap in the nomenclature of these sources should be recognized as the absence of an official political and legal concept of criminal law regulation.

Keywords: social sources of criminal law, the form of expression of social sources, the subject of the science of criminal law, the concept of criminal policy

For citation: Kurdyuk P. M., Aslanyan R. G. Forms of expression of social sources of criminal law prescriptions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):166–169. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-166-169>.

Использование категории «связь» или «переход» дает возможность включить в орбиту рассуждений о социальных источниках уголовного права два момента.

Во-первых, социальные факторы, о которых принято писать как об источниках уголовно-правовых предписаний, никогда не детерминируют их непосредственно, напрямую. Между социальной действительностью и уголовным правом как системой норм всегда расположена область психического отраже-

ния, область общественного сознания (как обыденного, так и научного, в том числе юридического). «Именно через призму общественных установок проходит тот или иной вид поведения, и появляется его социальная оценка», и только следствием оценки выступает определенная форма реакции государства на деяния, — утверждает Л. М. Прокументов [8, с. 45–46]. Развивая идею социально-психологической обусловленности уголовного права, В. В. Мальцев справедливо, указывает, что криминализация общест-

© Курдюк П. М., Асланян Р. Г., 2023

венно опасных видов поведения базируется не на самих социальных процессах и явлениях, порождающих необходимость уголовно-правового запрета, а на «отражении и оценке общественно опасного поведения» [7, с. 393–397].

Во-вторых, оценка реальных явлений общественным сознанием, о которой идет речь, должна иметь некоторые формы своего объективного выражения. Это необходимый «промежуточный этап» между социальной реальностью и уголовно-правовыми предписаниями. Согласно одной из представленных в науке позиций (как видится, наиболее убедительной), уголовному праву не свойственно вмешиваться в процесс регулирования так называемых «позитивных общественных отношений». В. Г. Смирнов прямо и правильно пишет: «норма уголовного законодательства никогда не выступает самостоятельно, а формулирует только угрозу применения наказания в случае нарушения общественных отношений, организуемых нормами иных отраслей советского права, нормами нравственности или нормами общественных организаций» [9, с. 31]. Эту идею поддерживают современные авторы, отмечая, что «основанием криминализации выступает выявленная угроза причинения вреда отношениям, урегулированным позитивной отраслью права, устранение которой требует признания соответствующего деяния преступным» [4, с. 108].

Следовательно, между явлениями социальной реальности и уголовно-правовыми предписаниями можно вычленить некую «буферную зону». Ее образует отраженная в общественном сознании оценка социальных явлений и процессов, а равно существующих угроз для их нормального существования и развития, которая объективируется в неких, вполне осязаемых формах. Формы объективизации этой оценки как раз и выражают собой «связь» уголовно-правовых норм с социальной реальностью или «переход» от социальной реальности к конкретным нормам и институтам. Именно в этих формах и следует искать выражение того, что специалисты именуют «социальными источниками уголовного права».

Сказанное подводит к мысли о том, что социальные источники нормативных предписаний особенной части уголовного права могут быть адекватно, полно и системно проанализированы при условии, если:

а) понимать под этими источниками оценку общественных явлений и процессов, вызывающих не-

обходимость криминализации и пенализации общественно опасных деяний; ограничить исследовательский поиск формами их объективного выражения;

б) признать, что такая оценка всегда имеет внешнюю, объективную форму своего воплощения, что позволяет ввести в научный оборот понятие «форма выражения социальных источников уголовного права»;

в) ограничить исследовательский поиск выявлением и анализом этих «форм», поскольку именно они отражают наличие или отсутствие связи уголовно-правовых предписаний с социальной средой.

Категория «форма выражения социальных источников» особенной части уголовного права, не исследовалась ранее в качестве самостоятельного феномена. Тем не менее, отдельные предпосылки к постановке вопроса о ее существовании можно встретить в литературе. Так, рассуждая о социальных источниках права, некоторые специалисты отмечали, что они могут иметь формализованное (акты, сборники, составленные по приказу государственных органов и др.) выражение [11, с. 11]. Не случайно З. А. Незнамова, О. Н. Бибик социальными источниками уголовного права называют Конституцию РФ, международные договоры, иные правовые документы и положения правовой доктрины [10, с. 58–68; 2 с. 59].

Эти идеи в понимании социальных источников уголовного права (и прежде всего, его особенной части) следует концептуализировать с тем, чтобы на их основе представить механизм воздействия социальных факторов на процессы детерминации уголовно-правовых предписаний.

Представляется, то «формализованное выражение» должен иметь любой социальный источник уголовного права. Без этой надлежащей формы он оказывается недоступным для непосредственного восприятия и оценки со стороны специалистов в области уголовного права. Более того, эта «форма» отражает то, что было нами названо «связью» или «переходом» факторов социальной реальности в уголовно-правовое поле.

В итоге, механизм социальной детерминации уголовно-правового запрета может быть представлен в виде последовательной схемы: наличие реальных социальных факторов — отражение этих факторов в общественном сознании — фиксация оценки этих факторов в объективных документах — влияние оце-

нок на уголовное право творчество. При таком подходе первые две стадии детерминации можно рассматривать как находящиеся за пределами уголовно-правовой науки; их исследование — удел социологии, экономики, политологии, социальной и политической психологии и иных наук. В рамках же собственно уголовно-правовых исследований проблематика социальной обусловленности уголовно-правовых запретов может быть ограничена изучением результатов оценки социальных факторов и ее влияния на уголовное законодательство.

Ограничивая сферу отраслевого анализа социальных источников уголовно-правовых предписаний конкретными документами, отражающими оценку объективных реалий, детерминирующих возникновение и содержание уголовно-правовых норм, необходимо представить их основные виды.

Очевидно, что в современных условиях организации правотворческого процесса речь может идти только о тех документах, которые выражают научную, профессиональную оценку социальных факторов. Это крайне важно. Специалисты, исследующие факторы криминализации общественно опасных деяний, отмечают, что «в истории человечества существовал такой период, когда именно религия была одним из основных криминообразующих факторов, и одновременно одним из доминирующих оснований криминализации» [3, с. 45]; что на криминализацию порой существенным образом влияют традиции и карательные притязания населения [5, с. 89]; что и в истории, в современных условиях «в отдельных случаях вывод о целесообразности внесения изменений в уголовный закон делается на основе негативной оценки отдельных событий, носящих не закономерный, а случайный характер», когда «идя на поводу у общественного мнения, переоценивающего социально-регулятивные возможности уголовной репрессии, законодатель руководствуется при криминализации деяния не объективно существующей необходимостью, а субъективными оценками» [1, с. 142].

Эти факты прошлого и настоящего должны служить предупреждением о недопустимости продуцирования уголовно-правовых предписаний искаженными оценками. Категорически нельзя согласиться с мнением о том, что «предрассудки общественного мнения являются существенной частью общественного сознания и не могут быть отброшены в процессе

законотворчества» [6]. Предрассудки на то и предрассудки, чтобы их преодолевать, особенно в ситуациях, когда речь идет о формировании системы общеобязательных норм, содержащих самые суровые из всех имеющихся в распоряжении государства санкции.

Научная, профессиональная оценка социальных явлений и процессов, требующих уголовно-правовой реакции, конечно, не может быть лишена неких субъективных компонентов. В области познания и оценки социальной среды, представления и предпочтения субъекта познавательной деятельности всегда в той или иной степени находят отражение в итоговых документах. Но это субъективизм иного плана, выражающий, с одной стороны, многомерность социального пространства и неоднозначность его оценок, а с другой стороны, свидетельствующий о плюрализме общественного мнения, создающий основу для выработки компромиссных, конвенциональных оценок, которые могут быть положены в основу уголовного право творчества.

Список источников

1. Авдалян М. Э. Основание криминализации // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25. Вып. 3. С. 139–144.
2. Бибик О. Н. Источники уголовного права Российской Федерации. СПб. : Юридический центр пресс, 2006.
3. Георгиевский Э. В. Ранние религиозные верования и основания уголовно-правового запрета // Сибирский юридический вестник. 2007. № 1 (36). С. 45–48.
4. Герасимов А. М. Криминализация как инструмент политики государства в условиях инновационных преобразований // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2019. Т. 16. № 2. С. 105–113.
5. Зыков Д. А., Шеслер А. В. Понятие, основание и принципы криминализации и декриминализации деяний // Вестник Владимирского юридического института. 2013. № 1 (26). С. 85–90.
6. Макаров Д. Экономические и правовые аспекты теневой экономики в России // Вопросы экономики. 1998. № 3. С. 38–54.
7. Мальцев В. В. Курс российского уголовного права. Общая часть. В 4 т. Т. 1. Введение в уголовное право. М. : Юрлитинформ, 2015.
8. Прозументов Л. М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск : Томский университет, 2012.

9. Смирнов В. Г. Функции советского уголовного права (предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования). Л., 1965.

10. Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2008.

11. Шатковская Т. В., Напалкова И. Г. Развитие методологии познания источников права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 3. С. 9–16.

References

1. Avdalyan M. E. The basis of criminalization // Bulletin of the Udmurt University. 2015. Vol. 25. Issue 3. P. 139–144.

2. Bibik O. N. Sources of criminal law of the Russian Federation. St. Petersburg : Law Center Press, 2006.

3. Georgievsky E. V. Early religious beliefs and grounds for criminal law prohibition // Siberian Legal Bulletin. 2007. No. 1 (36). P. 45–48.

4. Gerasimov A. M. Criminalization as an instrument of state policy in the conditions of innovative

transformations // Bulletin of Omsk University. The series «Law». 2019. Vol. 16. No. 2. P. 105–113.

5. Zykov D. A., Shesler A. V. The concept, basis and principles of criminalization and decriminalization of acts // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2013. No. 1 (26). P. 85–90.

6. Makarov D. Economic and legal aspects of the shadow economy in Russia // Economic issues. 1998. No. 3. P. 38–54.

7. Maltsev V. V. Course of Russian criminal law. The general part. In 4 vols. 1. Introduction to criminal law. M. : Yurlitinform, 2015.

8. Prozumentov L. M. Criminalization and decriminalization of acts. Tomsk : Tomsk University, 2012.

9. Smirnov V. G. Functions of Soviet criminal law (subject, tasks and methods of criminal law regulation). L., 1965.

10. Criminal law. General part: textbook / ed. by I. Ya. Kozachenko. 4th ed., reprint. and additional M. : Norm, 2008.

11. Shatkovskaya T. V., Napalkova I. G. Development of methodology of cognition of sources of law // North Caucasian Legal Bulletin. 2017. No. 3. P. 9–16.

Информация об авторах

П. М. Курдюк — заведующий кафедрой административного и финансового права Кубанского государственного аграрного университета, доктор юридических наук, профессор;

Р. Г. Асланян — доцент кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

P. M. Kurdyuk — Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Kuban State Agrarian University, Doctor of Legal Sciences, Professor;

R. G. Aslanyan — Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Kuban State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 07.12.2022; принята к публикации 23.01.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 07.12.2022; accepted for publication 23.01.2023.

Научная статья

УДК 342.721.6:340.131.4

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-170-173>

ИПОН: 2003-0059-1/23-570

MOSURED: 77/27-003-2023-01-769

Привлечение высококвалифицированных специалистов в Российскую Федерацию: проблемы и перспективы

Лариса Анатольевна Ларина¹, Ксения Евгеньевна Дарькина²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, larinala@list.ru

² Отдел по вопросам миграции отдела Министерства внутренних дел Российской Федерации по Таганскому району г. Москвы, Москва, Россия, kсениya_darkina@mail.ru

Аннотация. Представлен анализ текущей ситуации, связанной с перспективами привлечения высококвалифицированных специалистов. Рекомендуется совершенствование структуры положения о порядке и условиях привлечения иностранных граждан в качестве высококвалифицированных специалистов. Предлагается установить требования для предприятий, которые привлекают для осуществления трудовой деятельности иностранных граждан.

Ключевые слова: иностранный гражданин, высококвалифицированные специалисты, правовой статус, конституционное обеспечение, миграционная политика

Для цитирования: Ларина Л. А., Дарькина К. Е. Привлечение высококвалифицированных специалистов в Российскую Федерацию: проблемы и перспективы // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 170–173. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-170-173>.

Original article

Attracting highly qualified specialists to the Russian Federation: problems and prospects

Larisa A. Larina¹, Ksenia E. Darkina²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, larinala@list.ru

² Migration Department of the Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Tagansky District of Moscow, Moscow, Russia, kсениya_darkina@mail.ru

Abstract. The analysis of the current situation related to the prospects of attracting highly qualified specialists is presented. It is recommended to improve the structure of the regulation on the procedure and conditions for attracting foreign citizens as highly qualified specialists. It is proposed to establish requirements for enterprises that attract foreign citizens to work.

Keywords: foreign citizen, highly qualified specialists, legal status, constitutional provision, migration policy

For citation: Larina L. A., Darkina K. E. Attracting highly qualified specialists to the Russian Federation: problems and prospects. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):170–173. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-170-173>.

На современном этапе развития нашего общества необходимо обратить внимание на основные цели миграционной политики Российской Федерации, которые определены Концепцией государственной миграционной политики РФ, как «создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения, обеспечения безопасности государства, защиты национального рынка труда» [1].

Основной проблемой миграционной ситуации в стране в целом является высокая скорость изменений и дополнений, принимаемых в нормативных право-

вых актах. В качестве примера можно привести Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан» [2], куда только с 2002 г. по настоящий момент были внесены изменения и дополнения изданием более ста федеральных законов. С точки зрения решения вопроса о привлечении высококвалифицированных специалистов данная проблема отражается в достаточно объемном содержании ст. 13.2 Федерального закона, где раскрывается порядок и условия привлечения и осуществления трудовой деятельности высококвалифицированными специалистами. При этом стоит отметить, что в рамках Федерального закона выделена одна статья, где вся информация раз-

© Ларина Л. А., Дарькина К. Е., 2023

бита по частям статьи [3]. Вероятно, рациональнее со стороны законодателя выделить группу статей в данном Федеральном законе или использовать отсылочную норму на отдельный нормативный правовой акт, где наиболее четко будет систематизирована информация о порядке привлечения и осуществления трудовой деятельности иностранными высококвалифицированными специалистами [4].

В рамках решения вопроса предлагается использовать следующую структуру положения о порядке и условиях привлечения иностранных граждан в качестве высококвалифицированных специалистов.

1. Общие положения, раскрывающие предмет регулирования, понятийный аппарат, цель и задачи привлечения высококвалифицированных специалистов. При этом важно отметить значимость определения высококвалифицированных специалистов не посредством определения суммы заработной платы, а за счет использования общих критериев признания специалиста высококвалифицированным. Также важно включить положения, касающиеся правового статуса иностранных высококвалифицированных специалистов.

2. Порядок привлечения иностранного гражданина в качестве высококвалифицированного специалиста, где четко будет прослеживаться разграничение между привлечением со стороны работодателя и самостоятельным заявлением иностранного гражданина о себе как о высококвалифицированном специалисте. Важно учитывать, что оба процесса относятся к одному этапу — началу осуществления трудовой деятельности.

3. Осуществление трудовой деятельности иностранных высококвалифицированных специалистов, куда необходимо включить положения, связанные с порядком и условиями заключения трудового или гражданско-правового договора, в том числе обозначение заработной платы. В данную категорию необходимо включить порядок действия иностранного гражданина и работодателя при перерыве в трудовой деятельности, вопросы налогообложения и т. д.

4. Прекращение трудового или гражданско-правового договора, а также рассмотрение случаев досрочного расторжения указанных договоров. В данном разделе необходимо предусмотреть все условия, связанные с пребыванием иностранного гражданина на территории РФ, последующем порядке действия и сроках решения вопросов о продолжении трудовой деятельности или выезда за пределы РФ.

5. Заключительные положения, содержащие сведения об некоторых особенностях привлечения иностранных граждан в качестве высококвалифицированных специалистов и осуществление ими трудовой деятельности.

Оценка потребности современного российского экономического пространства затруднена, минимум, по двум причинам:

- ◆ неполнота статистических данных по имеющимся вакансиям ввиду не предоставления работодателями данных официальным службам занятости;

- ◆ величина уровня занятости в неформальном секторе экономики, что создает сложности в определении потребностей неформального сектора в работниках.

Оценка потребностей российской экономики в определенных профессиональных группах, уровне их квалификации крайне затруднена. Для ее прогнозирования необходима информация от структур, осуществляющих экономическую деятельность. Исключение составляют структуры, деятельностью которых выступает финансовая сфера, государственное управление, социальное обеспечение и безопасность [5].

Наибольшая потребность просматривается в группе с высоким уровнем квалификации. При условии развития российской экономики количество работников сферы услуг будет возрастать, а потребность в специалистах такой категории увеличится. Это заставит российских работодателей нанимать трудовых мигрантов, так как 25 % организаций не в состоянии заполнить вакансии местными кадрами; вид деятельности, в данном случае, является определяющим. Местные ресурсы не в состоянии обеспечить строительную, сельскохозяйственную и транспортную отрасли [6].

Предлагается установить требования для предприятий, которые привлекают для осуществления трудовой деятельности иностранных граждан, не имеющих среднего или высшего образования, а также необходимых знаний, умений и навыков для получения статуса высококвалифицированного специалиста, предоставлять возможность получить за счет предприятия образование или пройти профессиональную подготовку для повышения своей квалификации [7].

Для работодателей предлагается установить облегченные налоговые режимы с выполнением условия о предоставлении обучения и повышения квалификации иностранного работника. Например, уменьшить налоговую базу при выплате налога на прибыль ор-

ганизации, если возможность обучения предоставлена всем иностранным работником независимо от их согласия. Уменьшение налоговой базы возможно при вычете затрат на предоставление обучения для трудовых мигрантов [8].

Данные меры позволят не только улучшить условия труда для иностранных граждан, но и повысить уровень привлекательности Российской Федерации [9]. Известно, что доля привлеченных иностранных высококвалифицированных специалистов значительно меньше от числа общего количества трудовых мигрантов. Предоставление возможности получить необходимую квалификацию позволит решить сразу несколько проблем. Во-первых, увеличится доля высококвалифицированных специалистов на рынке труда. Во-вторых, возможность получения образования в принимающем государстве станет еще одним не менее значимым фактором привлекательности для иностранных граждан [10].

Таким образом, новации миграционного законодательства последних лет дают возможность Правительству РФ и органам государственной власти субъектов РФ [11] все активнее использовать предусмотренные законодательством инструменты по регулированию объемов и профессионально-квалификационного состава привлекаемой и используемой иностранной рабочей силы с учетом региональных особенностей рынка труда и защиты интересов российских работников, в том числе установлением допустимой доли иностранных работников в отдельных отраслях экономики, ограничением выдачи патентов по отдельным профессиям и др. В то же время, проведенный авторами анализ нормативных подзаконных актов продемонстрировал отсутствие единого подхода к обоснованию и актуализации перечня профессий (специальностей, должностей), востребованных на рынке труда субъектов РФ, на которые могут быть привлечены иностранные квалифицированные работники с целью предоставления им в дальнейшем права на получение российского гражданства в упрощенном порядке при одновременном соблюдении приоритетного права на трудоустройство для российских граждан.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // URL://www.pravo.gov.ru.
2. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 14 июля 2022 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.
3. Зинченко Е. Ю., Забавка В. И., Хазов Е. Н. Административное право и его роль на влияние миграционно-правовой политики и формирования миграционного права в России // Криминологический журнал. 2021. № 1. С. 79–86.
4. Жестянных С. Г., Екимов И. В., Хазов Е. Н. Актуальные вопросы и основные направления адаптации и интеграции трудовых мигрантов в российское общество (на примере опыта работы УФМС России по Вологодской области) // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 172–175.
5. Богданов А. В., Зинченко Е. Ю., Хазов Е. Н. Современные подходы к регулированию миграционных процессов в России // Криминологический журнал. 2021. № 4. С. 7–13.
6. Лимонов А. М., Хазов Е. Н. Основные направления деятельности органов местного самоуправления по реализации миграционной политики в ряде европейских стран и современной России // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 1. С. 41–44.
7. Хазов Е. Н., Бурлакова П. О. Особенности и основные направления развития образовательной и интеллектуальной миграции в зарубежных странах // Международный журнал конституционного и государственного права. 2020. № 2. С. 105–109.
8. Зинченко Е. Ю., Хазов Е. Н. Правовой статус иностранных граждан, признанных носителями русского языка. М., 2019.
9. Ефимова Ю. В., Ларина Л. А. Правовое регулирование международной организации по миграции в рамках защиты прав личности. В сб.: Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью: сб. ст. по итогам междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 20-летию принятия Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности. М., 2020. С. 195–199.
10. Ларина Л. А., Дарькина К. Е. Миграционная политика России в отношении иностранных высококвалифицированных специалистов // Международный журнал гражданского и торгового права. 2022. № 1. С. 34–37.

11. Хазов Е. Н., Егоров С. А., Ларина Л. А. и др. Конституционное право России: учеб.-метод. пособие для курсантов системы МВД, обучающихся по направлению правоохранительная деятельность и правовое обеспечение национальной безопасности. М., 2017.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 622 of October 31, 2018 «On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025» // URL://www.pravo.gov.ru.

2. Federal Law No. 115-FZ of July 25, 2002 (as amended on July 2, 2021) «On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation» (with amendments and additions, intro. effective from July 14, 2022) // SZ RF. 2002. No. 30. St. 3032.

3. Zinchenko E. Yu., Zabavka V. I., Khazov E. N. Administrative law and its role on the influence of migration and legal policy and the formation of migration law in Russia // Criminological Journal. 2021. No. 1. P. 79–86.

4. Tinsyannikov S. G., Ekimov I. V., Khazov E. N. Topical issues and main directions of adaptation and integration of labor migrants into Russian society (on the example of the experience of the Federal Migration Service of Russia in the Vologda region) // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 3. P. 172–175.

5. Bogdanov A. V., Zinchenko E. Yu., Khazov E. N. Modern approaches to the regulation of migration processes in Russia // Criminological Journal. 2021. No. 4. P. 7–13.

6. Limonov A. M., Khazov E. N. The main directions of activity of local self-government bodies on the implementation of migration policy in a number of European countries and modern Russia // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 1. P. 41–44.

7. Khazov E. N., Burlakova P. O. Features and main directions of educational and intellectual migration development in foreign countries // International Journal of Constitutional and State Law. 2020. No. 2. P. 105–109.

8. Zinchenko E. Yu., Khazov E. N. The legal status of foreign citizens recognized as native speakers of the Russian language. М., 2019.

9. Efimova Yu. V., Larina L. A. Legal regulation of the international Organization for Migration in the framework of the protection of individual rights. In the collection: Actual problems of international cooperation in the fight against crime: collection of articles on the results of the international scientific and practical conference dedicated to the 20th anniversary of the adoption of the UN Convention against Transnational Organized Crime. Мо., 2020. P. 195–199.

10. Larina L. A., Darkina K. E. Migration policy of Russia in relation to foreign highly qualified specialists // International Journal of Civil and Commercial Law. 2022. No. 1. P. 34–37.

11. Khazov E. N., Egorov S. A., Larina L. A. and others. Constitutional Law of Russia: studies.-method. manual for cadets of the Ministry of Internal Affairs system studying in the direction of law enforcement and legal support of national security. М., 2017.

Информация об авторах

Л. А. Ларина — заместитель начальника кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

К. Е. Дарькина — инспектор отдела по вопросам миграции отдела Министерства внутренних дел Российской Федерации по Таганскому району г. Москвы.

Information about the authors

L. A. Larina — Deputy Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

K. E. Darkina — Inspector of the Migration Department of the Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Tagansky District of Moscow.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.12.2022; одобрена после рецензирования 20.01.2023; принята к публикации 03.02.2023. The article was submitted 29.12.2022; approved after reviewing 20.01.2023; accepted for publication 03.02.2023.

Научная статья

УДК 340.15

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-174-179>

ИПОН: 2003-0059-1/23-571

MOSURED: 77/27-003-2023-01-770

Советский уголовный розыск: рожденный пролетарской революцией или преемник сыскной полиции Российской империи? К вопросу об эволюции организационных и правовых форм правоохранительной деятельности

Татьяна Львовна Матиенко

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, pet4332@yandex.ru

Аннотация. В свете теории правоохранительной деятельности рассматривается и разрешается вопрос об идентификации становления советского уголовного розыска в общем процессе революционных преобразований в России в 1917–1919 гг. в связи с формированием в информационном пространстве представлений о прямой преемственности между сыскной полицией Российской империи и советским уголовным розыском, ставящих под сомнение ставшую традиционной для российского общества дату празднования профессионального праздника «День сотрудника уголовного розыска». На основе историко-правового анализа и теоретико-правовой оценки состояния и развития уголовно-розыскной деятельности накануне и после революций февраля–октября 1917 г. доказана прямая опосредованность ее организационных и правовых форм как социальными, так и политическими процессами.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, советский уголовный розыск, сыскная полиция, Центро́розыск, Временное правительство, советская власть, НКВД РСФСР

Для цитирования: Матиенко Т. Л. Советский уголовный розыск: рожденный пролетарской революцией или преемник сыскной полиции Российской империи? К вопросу об эволюции организационных и правовых форм правоохранительной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 174–179. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-174-179>.

Original article

Soviet criminal investigation: born of the proletarian revolution or the successor of the detective police of the Russian Empire? On the question of the evolution of organizational and legal forms of law enforcement

Tatyana L. Matienko

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, pet4332@yandex.ru

Abstract. In the light of the theory of law enforcement, the question of identifying the formation of the Soviet criminal investigation department in the general process of revolutionary transformations in Russia in 1917–1919 is considered and resolved in connection with the formation in the information space of ideas about direct continuity between the detective police of the Russian Empire and the Soviet criminal investigation department, questioning the date of the celebration of the professional holiday «Day a criminal investigation officer». On the basis of historical and legal analysis and theoretical and legal assessment of the state and development of criminal investigative activity on the eve and after the revolutions of february–october 1917, the direct mediation of its organizational and legal forms by both social and political processes is proved.

Keywords: law enforcement, Soviet criminal investigation, detective police, Tsentrorozisk, Provisional Government, Soviet power, NKVD of the RSFSR

For citation: Matienko T. L. Soviet criminal investigation: born of the proletarian revolution or the successor of the detective police of the Russian Empire? On the question of the evolution of organizational and legal forms of law enforcement. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):174–179. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-174-179>.

Правовая теория объясняет изменения организационных и правовых форм правоохранительной деятельности обусловленностью социальными, экономическими, политическими и иными характеристиками общества, а они могут проходить путем эволюционным или революционным. В эволюционном

© Матиенко Т. Л., 2023

«сценарии» формы правоохранительной деятельности реформируется с учетом социальных и политических изменений социума, в революционном — они подчиняются «стихийным политическим процессам и сопутствующим им идеологическим установкам» [1, с. 179]. Отсюда возникает повышенный интерес к теории и практике правоохранительной деятельности в России в период революционных потрясений 1917 г. и в первые годы государственно-правового строительства советской власти.

Как идеологические установки советской эпохи, так и научная теория о ревалентности форм правоохранительной деятельности характеристикам общества и государства формируют воззрение, что по итогам революций февраля–октября 1917 г. государственно-правовая система «ненавистного царского режима», т. е. Российской империи, демонтируется, и советская власть, следуя заветам Интернационала, начинает социалистическое государственно-правовое строительство с «чистого листа», создавая, в том числе, и новую, отвечающую потребностям этого строительства, советскую правоохранительную систему: органы суда, милиции и специальную службу по борьбе с преступностью — уголовный розыск. В этой связи общеизвестный исторический факт — утверждение на коллегии НКВД РСФСР, состоявшейся 5 октября 1918 г., «Положения об организации отделов уголовного розыска» и образование для руководства ими в составе НКВД Центрального управления уголовного розыска (Центророзыска) — положен в обоснование профессионального праздника «День работника уголовного розыска», установленного еще в советский период.

Однако, углубление в историю уголовно-розыскной деятельности, изучение архивных материалов и анализ нормативных правовых актов, регулирующих организацию и деятельность ее субъектов до и после октября 1917 г., показало, что советский уголовный розыск не был принципиально новой государственной службой. В организации, правовом регулировании и предметно-практической деятельности советского уголовного розыска на этапе его становления широко использовался опыт дореволюционной сыскной полиции, созданной по Закону «Об организации сыскной части» от 6 июля 1908 г. в виде сыскных отделений в составе органов общей полиции 89 городов (к 1916 г. — 106) и их руко-

дящего органа — 8-го делопроизводства Департамента полиции МВД Российской империи.

Во-первых, в дни от февраля к октябрю 1917 г. сыскные отделения остались единственным уцелевшим подразделением после того, как Временное правительство весной 1917 г. практически полностью уничтожило полицейскую систему Российской империи: 3 марта в Декларации заявляет о своем намерении «заменить профессиональную полицию на народную милицию с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления»; 10 марта издает постановление «Об упразднении Департамента полиции и об учреждении Временного управления по делам общественной полиции» [5, с. 819]; 6 апреля выпускает циркуляр МВД «О порядке расформирования Корпуса жандармов и его учреждений» [5, с. 820]. При этом сыскные отделения оно не только сохранило, а планировало передать их в ведение Министерства юстиции и предпринимало усилия восстановить их деятельность, предписав своим комиссарам циркуляром МВД «О необходимости сохранения и возобновления деятельности сыскных отделений по делам уголовного розыска» от 16 апреля 1917 г. предпринять для этого все меры [4, с. 85]. Сыскные отделения были реорганизованы в судебно-розыскную или уголовно-розыскную милицию, а их кадровый состав сохранился, продолжая текущую работу по преследованию преступлений. Даже после октябрьского революционного переворота те же сотрудники исполняли свой профессиональный долг до середины 1920-х гг. [6, с. 121].

Во-вторых, «Положение об организации отделов уголовного розыска» от 5 октября 1918 г. [7, с. 33–35] и Инструкция по уголовному розыску Главного управления советской рабоче-крестьянской милиции по уголовному розыску, разработанная Центророзыском в ноябре 1919 г. [7, с. 68–72], «замечены» в заимствовании правовой формы в части определения и закрепления компетенций, функций, методов и принципов организации отделов уголовного розыска из Закона от 6 июля 1908 г. и Инструкции чинам сыскных отделений 1910 г. Более того, тексты дореволюционной Инструкции чинам сыскных отделений 1910 г. и первой советской Инструкции по уголовному розыску 1919 г. тождественны по содержанию и редакции нормативного правового массива.

Советская власть не видела в прямых заимствованиях дореволюционного законодательства ничего зорного. На первых порах она даже признавала некоторые законы «проклятого царского режима», которые могли послужить интересам революции и партии большевиков в борьбе за власть. Например, Декрет СНК «О суде» от 22 ноября 1917 г. (Декрет о суде № 1), направленный на ликвидацию прежней судебной системы, определяя основы деятельности местных выборных народных судов и революционных трибуналов, оговаривал, что они могут руководствоваться «в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» [2, с. 245]. Об использовании дооктябрьских законов в стратегии и тактике советского государственно-правового строительства лаконично выразился И.В. Сталин: «Новая власть создает новую законность, новый порядок, который является революционным порядком... Если же некоторые законы старого строя могут быть использованы в интересах борьбы за новый порядок, то следует использовать и старую законность» [8, с. 27]. Причиной же, конечно, являлось отсутствие собственных правовых норм режима «революционной законности».

Из Закона от 6 июля 1908 г. были заимствованы критерии определения места дислокации и штатов отделов уголовного розыска. Они ставились в зависимость от численности населения и уровня преступности в местности: для учреждения сыскных отделений требовалось не менее 35 тыс. жителей, для отделов уголовного розыска — не менее 40–45 тыс. жителей.

В-третьих, согласно Положения от 5 октября 1918 г. и Инструкции по уголовному розыску 1919 г., отделы уголовного розыска учреждались «для охраны революционного порядка путем негласного расследования преступлений уголовного характера и борьбы с бандитизмом» [7, с. 33] и имели задачей «предупреждение готовящихся, раскрытие совершившихся и пресечение обнаруженных преступлений путем негласной агентуры и наружного наблюдения» [7, с. 69].

Однако, начало применения этих методов было положено еще во второй половине XIX в. в практике сыскных полиций Санкт-Петербурга, Киева и Москвы, что придавало уголовно-розыскной деятельности новое качество — разведывательно-поисковый ха-

рактер, и зарождалась оперативно-розыскная деятельность общей полиции России. Закон 1908 г., хотя и непоследовательно, но указывал, что общеуголовный розыск, не является собственно формой и средством дознания, как это определил Устав уголовного судопроизводства 1864 г., а имеет самостоятельное значение. С этого момента началось вытеснение оперативно-розыскной деятельности из «де-факто» в «де-юре». В Инструкции 1910 г. методы наружного гласного и негласного наблюдения, использование агентуры, принципы конспирации, сочетания гласности и негласности уголовного сыска получили нормативно-правовую регламентацию, и впервые в истории российского законодательства было сформулировано понятие «розыск» — «собрание сведений исключительно негласным наблюдением, расспросами, справками, без допросов в официальном тоне» (разд. IV «Розыск») [3, с. 15], а также впервые был употреблен термин «уголовный сыск» (п. 61).

В-четвертых, в октябре 1918 г. Центроуказ инициирует, в первую очередь, восстановление криминальных учетов, накопленных и систематизированных Центральным регистрационным отделом Департамента полиции с 1907 г., а также сыскными отделениями (самыми крупными были картотеки сыскных полиций С.-Петербурга, Москвы и Киева), и утраченных по большей части в ходе революционных погромов полицейских участков и частей. Причем, руководители советского уголовного розыска это открыто признавали. В Представлении заведующему ГУСРКМ «О необходимости установления нового порядка регистрации преступников» от 12 октября начальник Центроуказа резюмирует: «дело регистрации преступников в настоящее время не стоит на должной высоте отчасти потому, что при перевороте многие сыскные отделения были разгромлены, и при разгромах уничтожен весь накопившийся за многие годы материал» [7, с. 42]. Вслед за этим Центроуказ рассылает 30 октября «Правила для снятия с задержанных преступников фотографических и дактилоскопических оттисков» [7, с. 43]. В феврале 1919 г. НКВД РСФСР утвердил смету на Регистрационное и Дактилоскопическое бюро при Центроуказе, и 1 марта они начали свою работу.

На основании этих фактов в информационном пространстве в начале двухтысячных годов утвердилось представление о преемственности между советским уголовным розыском и сыскной полицией, а в

научной периодической печати появилась статья, где всеми признанная дата образования российского уголовного розыска — 5 октября 1918 г. была поставлена под сомнение, и прозвучало предложение отсчитывать рождение российского уголовного розыска с 6 июля 1908 г., или же с 31 декабря 1866 г., когда была образована сыскная полиция С.-Петербурга [9]. В этой связи возникает вопрос об идентификации становления советского уголовного розыска как процесса эволюционного или революционного, разрешение которого требует не только учета известных исторических фактов, но и их оценки в методологическом ключе теории правоохранительной деятельности.

Рассматривая уголовно-розыскную деятельность как особый вид правоохранительной деятельности, следует признать, что ее организационные и правовые формы, содержание, качественные признаки и методы изменяются в зависимости от конкретно-исторических условий и диктуемых ими общественных потребностей. В условиях становления советского государства и общества организационные и правовые формы и принципы дореволюционного сыска также получили соответствующую трансформацию и дальнейшее развитие. В предреволюционный период уголовный розыск, несмотря на его вычленение в качестве полноценной функции полиции, завершено организационно-правовое оформление не получил. Этому препятствовало совмещение у сыскных отделений функций дознания и розыска, определение в уголовно-процессуальном законодательстве розыска как формы и средства дознания (поэтому в решении задач досудебного производства ему отводилась служебная роль), и, наконец, территориальная замкнутость сыскных отделений, явившаяся следствием децентрализованного принципа организации сыскной полиции Российской империи.

Вопрос о централизации общеуголовного сыска в МВД ставился, и к 1912 г. в его недрах был разработан проект «Об организации сыскных летучих отрядов (бригад) для производства розысков вне районов штатных сыскных отделений». Планировалось реорганизовать 8-е Делопроизводство Департамента полиции в центральный орган управления и образовывать в сельской местности подчиненные ему «летучие отряды». В 1913 г. этот проект был представлен на совещании губернаторов в С.-Петербурге, но не обсуждался. Дальше дело не пошло, по основной версии, из-за недостатка денежных средств.

После октябрьского государственного переворота 1917 г. в стране действовали некоторые уцелевшие и перешедшие на сторону советской власти сыскные отделения (в Москве, Петрограде, Орле, Тамбове, Нижнем Новгороде, Воронеже, Саратове, Омске, Иркутске, Челябинске). Но, они были разрозненны, так как входили в состав милиции, подчиненной органам местного революционного самоуправления — разного рода советам.

На коллегии НКВД РСФСР 5 октября 1918 г. было выработано два важных решения: первое — о реорганизации и унификации всех существовавших на тот момент уголовно-розыскных учреждений; второе — об образовании при ГУСРКМ НКВД «для общего руководства и управления деятельностью в РСФСР уголовно-розыскного дела» Центррозыска, что, собственно, и было закреплено принятым там же «Положением об организации отделов уголовного розыска». Председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский был об этом уведомлен только 9 октября специальным сообщением ГУСРКМ «Об учреждении центрального управления уголовного розыска России» [7, с. 37], начавшим, кстати, свою работу двумя днями ранее. Именно Положение от 5 октября 1918 г. стало первым правовым актом в России, не только определившим единые принципы построения уголовно-розыскной деятельности как составной части функций советской милиции и ее основные задачи, но и создававшим централизованную систему ее органов. Как видно, в отличие от дореволюционного МВД, Совнаркому и НКВД, в тяжелейших условиях экономической регрессии и гражданской войны, для этого достаточным оказалось только одной политической воли.

По окончании гражданской войны централизация уголовного розыска была усилена созданием при Центррозыске в ноябре 1921 г. специализированного подразделения «Бригады-Мобиль» (с 1922 г. — Активный отдел) для оказания помощи органам уголовного розыска на местах в раскрытии сложных преступлений, также самостоятельного расследования преступлений «в исключительно важных случаях, имеющих общественное или государственное значение» (убийства видных общественных и политических деятелей, грабежи со складов государственного значения, крупные хищения и кражи государственного имущества) и борьба с бандитизмом [7, с. 119–120].

Централизация управления уголовного розыска сопровождалась решением не менее важной задачи — повсеместного создания отделов уголовного розыска, чего тоже не смогло достичь дореволюционное МВД. Первым шагом был циркуляр ГУСРКМ от 12 декабря 1918 г. «Об учреждении уголовно-розыскных столов в губернских управлениях милиции», по которому таковые были учреждены при уездных управлениях милиции, при этом с оговоркой: «уголовно-розыскной или уголовно-следственный стол, в ведении которого должны находиться уголовный розыск и следствие по уголовным преступлениям в данном уезде или районе» [7, с. 49–50]. В феврале 1919 г. Центророзыску было предоставлено право с согласия губисполкомов и при утверждении Главным управлением милиции открывать отделения уголовного розыска в городах с населением менее 40 тыс. человек, где был высокий уровень преступности. К ноябрю 1919 г. в РСФСР имелось 66 таких отделения (38 губернских и 28 уездных).

Качественным отличием советской системы борьбы с преступностью, от дореволюционной, стало создание научно-технической базы уголовного розыска. 1 марта 1919 г. при Центророзыске, наряду с Регистрационным и Дактилоскопическим бюро, стал действовать Кабинет судебной экспертизы, основной задачей которого было обучение агентов уголовного розыска научным методам расследования преступлений. В 1921 г. он был преобразован в научно-технический отдел Центророзыска, а в 1923 г. при Московском уголовном розыске был образован кабинет по изучению преступности, ставший первым научным отделом в системе органов НКВД РСФСР.

Наконец, руководство ГУСРКМ НКВД и Центророзыска, в отличие от дореволюционного МВД, хорошо понимало, что сотрудникам уголовного розыска требовалась профессиональная подготовка. В дореволюционный период подготовка работников сыска проходила непосредственно в сыскных отделениях под руководством их начальников и была довольно слабой. Начальник сыскаго отделения зачастую являлся единственным лицом в отделении, получившим некоторую систематическую юридическую и профессиональную подготовку. ГУСРКМ уже 25 ноября 1918 г. в своем циркулярном письме «О неотложных мерах по улучшению деятельности уголовного розыска» сформулировало задачу: «поставить дело сыска на научную высоту и создать кадры дей-

ствительно опытных сотрудников» [7, с. 48]. Центророзыск предложил «предоставить возможность и даже вменить в обязанность всем без исключения сотрудникам для научно-широкой подготовки к своей деятельности ... прослушать лекции на основанных в Москве при Главном управлении милиции курсах с широкой программой, охватывающей кроме специальности все стороны административного и судебного быта» [7, с. 48]. В декабре 1918 г. на Съезде заведующих губернских и областных управлений милиции из уст начальника Центророзыска К. Г. Розенталя прозвучало: «не следует забывать, что уголовный розыск есть, прежде всего, наука, требующая долгого изучения и специализации» [7, с. 54]. В 1919 г. были учреждены Всероссийская школа инструкторов милиции и Всероссийские курсы уголовного розыска. В 1919–1920 гг. в РСФСР действовало более десяти ведомственных учебных заведений для подготовки работников уголовного розыска.

Таким образом, с одной стороны, исторические факты, свидетельствующие об использовании советским руководством опыта организации и правового регулирования деятельности общеуголовного сыска рухнувшей под революционным напором Российской империи, указывают на преемственность между сыскной полицией и советским уголовным розыском. С другой же, в период Временного правительства уголовно-сыскная служба фактически была развалена, и представляла собой не что иное, как остатки ликвидированной полиции Российской империи. Поэтому, решения советской власти, принятые и реализованные в серии нормативных правовых актов по борьбе с преступностью в 1918–1919 гг., были направлены и имели своим итогом создание принципиально новой специальной службы — уголовного розыска, отличающейся от сыскной полиции качествами централизации, профессионализма и научных основ деятельности.

Список источников

1. Аврутин Ю. Е. Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России: теория, история, перспективы. СПб., 2003.
2. Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы. СПб., 2003.
3. Инструкция чинам сыскных отделений. СПб., 1910.

4. История полиции дореволюционной России: сб. док. и мат. по истории государства и права / сост. В. М. Курицын, Р. С. Мулукаев, В. П. Коряков. М., 1981.

5. История правоохранительной системы России в документах: с древнейших времен до 1917 г. (к 300-летию российской полиции): хрестоматия / под ред. В. Л. Кубышко. М., 2018.

6. Матиенко Т. Л. Кадровое обеспечение уголовного полиции в Российской империи в 1908–1917 гг. // Вестник Московского университета МВД России. 2004. № 1. С. 117–121.

7. Милиция России: Документы и материалы. 1917–1999. Т. I. 1917–1934. / Авт.-сост.: А. Я. Малыгин, Р. С. Мулукаев, Б. В. Чернышев, А. В. Афанасьев, А. В. Лобанов. Саратов, 2000.

8. Мишунин П. Г. Очерки по истории советского уголовного права 1917–1918 гг. М., 1954.

9. Смирнов М. П. Когда в России родился уголовный розыск? // Оперативник (Сыщик). 2009. № 1(18). С. 3–6.

References

1. Avrutin Yu. E. Police and militia in the mechanism of ensuring state power in Russia: theory, history, prospects. St. Petersburg, 2003.

2. Alexandrov A. I. Criminal policy and criminal procedure in Russian statehood: history, modernity, prospects, problems. St. Petersburg, 2003.

3. Instructions to the ranks of detective departments. St. Petersburg, 1910.

4. History of the police of pre-revolutionary Russia: sat. doc. and checkmate. on the history of state and law / comp. V. M. Kuritsyn, R. S. Mulukaev, V. P. Koryakov. M., 1981.

5. The history of the Russian law enforcement system in documents: from ancient times to 1917. (to the 300th anniversary of the Russian police): a textbook / edited by V. L. Kubysko. M., 2018.

6. Matienko T. L. Staffing of the ordinary police in the Russian Empire in 1908-1917 // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2004. No. 1. P. 117–121.

7. Militia of Russia: Documents and materials. 1917–1999. T. I. 1917–1934. / Author-comp.: A. Ya. Malugin, R. S. Mulukaev, B. V. Chernyshev, A. V. Afanasyev, A. V. Lobanov. Saratov, 2000.

8. Mishunin P. G. Essays on the history of Soviet criminal law 1917–1918 M., 1954.

9. Smirnov M. P. When was the criminal investigation department born in Russia? // Operative (Detective). 2009. No. 1(18). P. 3–6.

Информация об авторе

Т. Л. Матиенко — профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации.

Information about the author

T. L. Matienko — Professor of the Department of History of State and Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Honored Officer of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 07.12.2022; одобрена после рецензирования 18.01.2023; принята к публикации 02.02.2023.

The article was submitted 07.12.2022; approved after reviewing 18.01.2023; accepted for publication 02.02.2023.

Научная статья

УДК 342.7:341.1/8

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-180-185>

ИПОН: 2003-0059-1/23-572

MOSURED: 77/27-003-2023-01-771

Правовые последствия принятия решений межгосударственными органами, защищающими права и основные свободы человека

Анастасия Сергеевна Миловидова¹, Николай Александрович Трусов²

^{1,2} Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

¹ Milovidovama@yandex.ru

² nikevor@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются правовые последствия — один из предметов изучения как теории государства и права, так и отраслевых юридических наук. В свете отказа Российской Федерации от юрисдикции Европейского суда по правам человека, исследования правовых последствий решений международных организаций приобрели особую актуальность. Представлены результаты систематизации правовых последствий решений межгосударственных органов по защите прав человека и основных свобод. Представленные классификации стали итогом обобщения и анализа международного правового регулирования по вопросу защиты прав и свобод человека и практики реализации указанных норм соответствующими межгосударственными органами.

Ключевые слова: правовые последствия, международные организации, права человека, защита прав и свобод

Для цитирования: Миловидова А. С., Трусов Н. А. Правовые последствия принятия решений межгосударственными органами, защищающими права и основные свободы человека // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 180–185. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-180-185>.

Original article

Legal consequences of the decisions made by interstate bodies protecting human rights and fundamental freedoms

Anastasia S. Milovidova¹, Nikolai A. Trusov²

^{1,2} Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

¹ Milovidovama@yandex.ru

² nikevor@yandex.ru

Abstract. Legal consequences are considered — one of the subjects of study of both the theory of state and law, and branch legal sciences. In the light of the refusal of the Russian Federation from the jurisdiction of the European Court of Human Rights, studies of the legal consequences of decisions of international organizations have become particularly relevant. The results of systematization of the legal consequences of decisions of interstate bodies for the protection of human rights and fundamental freedoms are presented. The presented classifications were the result of generalization and analysis of international legal regulation on the protection of human rights and freedoms and the practice of implementing these norms by relevant interstate bodies.

Keywords: legal consequences, international organizations, human rights, protection of rights and freedoms

For citation: Milovidova A. S., Trusov N. A. Legal consequences of the decisions made by interstate bodies protecting human rights and fundamental freedoms. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):180–185. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-180-185>.

В июне 2022 г. были приняты изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ [1], изменившие для Российской Федерации правовой статус постановлений Европейского Суда по правам человека: те из них, что вступили в силу после 15 марта 2022 г., перестают быть обязательными для исполнения. Это событие побуждает к размышлениям о последствиях принятия решений в отношении государства этим и иными межгосударственными органами, защищающими права и основные свободы человека. Казалось бы очевидный

процесс — принятие решения и его последующее исполнение. Но в межгосударственных отношениях он вскрывает целый пласт проблем, начинающихся на этапе дискуссии о государственном суверенитете и возможности его ограничения международными соглашениями и, как следствие, учрежденными ими межгосударственными органами. Кроме того, этот процесс дополняется особыми условиями принятия или непринятия государством соответствующих обязательств по исполнению рассматриваемых решений.

© Миловидова А. С., Трусов Н. А., 2023

В этой связи в рамках настоящей статьи хотелось бы с разных сторон рассмотреть последствия соответствующих решений для государства, ведь именно выделение неотъемлемых признаков понятия и последующая классификация позволяют изучить его наиболее полно.

В первую очередь следует сузить предмет исследования. Не случайно ранее нами упоминалась категория «последствия» принятия решений в отношении государства межгосударственными органами, защищающими права и основные свободы человека без дополнительного определяющего слова. Любое явление порождает множество последствий. По сфере их проявления, с учетом интересов именно юридического исследования, целесообразно выделять последствия общего характера и специальные последствия. Первые будут касаться социума, экономики, политики, международных отношений и пр., последние — права. Именно о них, о правовых последствиях подобных решений, пойдет речь далее.

Стоит рассмотреть правовые последствия решений по форме их реализации. Любое решение может быть исполнено, либо не исполнено в силу различных причин, связанных с тем, как государство понимает свой суверенитет, какие обязательства по международным соглашениям оно на себя приняло и как международные нормы имплементированы во внутреннее законодательство. Более того, одно и то же решение при разном истолковании может быть рассмотрено и в первой группе и во второй. Так, постановлением Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П [2] была рассмотрена возможность исполнения решения Европейского суда по правам человека по поводу предполагаемого нарушения избирательных прав граждан нормами о недопустимости участия в выборах лиц, находящихся в местах лишения свободы по приговору суда. Конституционный Суд РФ высказался о том, что исполнение указанного решения является «возможным», однако предложил свой подход к исполнению этого решения, касающийся оптимизации системы уголовных наказаний. Не всеми это было признано исполнением решения, потребовалось проведение Комитетом министров Совета Европы процедуры оценки исполнимости указанного решения [3].

Рассуждения о причинах неисполнения решений межгосударственных правозащитных органов приводят к еще одному варианту классификации. Он связан с обязательностью для государства исполнения решения, принятого в отношении него. Здесь вполне оче-

видно возникает две группы: правовые последствия решения соответствующего органа для государства наступают неизбежно, либо правовые последствия решения могут не наступить вследствие, например, их рекомендательного характера. Так, итогом рассмотрения жалобы в Совете по правам человека ООН может стать «содействие государству в создании должных условий для реализации нарушенного права» [4], а в специальных договорных органах (например, в Комитете против пыток [5], Комитете по правам человека [6] и пр.) — «направление предложений и рекомендаций государству», «представление мнений государству», «сообщение своих соображений государству», «предложение государству информировать органы о принятых мерах» и пр. в зависимости от перевода документа. Именно поэтому большинство международных правозащитных органов именуют себя квазисудебными субъектами защиты прав и основных свобод человека и гражданина. Механизмы ООН служат внешним помощником, в том случае, если государство не смогло заместить проблему, не смогло разрешить ее должным образом, в виду, например, несовершенства правоприменительной практики или проблем в организации публичной власти.

В то же время, и это подчеркивал Конституционный Суд РФ, взяв на себя обязательство по обеспечению прав и свобод человека, государство не вправе уклоняться от адекватных требований по его исполнению. Так происходит в частности в тех случаях, когда международным правозащитным органом, например, Комитетом ООН по правам человека, установлены нарушения в ходе судопроизводства и вынесено предложение о проведении повторного судебного разбирательства. Такое предложение «является достаточным поводом для вынесения прокурором постановления о возбуждении производства ввиду новых обстоятельств» [7]. Поэтому рекомендательные решения чаще всего также исполняются государствами, добросовестно стремящимися защитить права и свободы человека и гражданина, в тех случаях, когда решение международного органа принято с теми же целями, а не подменяется стремлением реализовать политические интересы отдельных участников международного правозащитного органа. Например, постановлением Конституционного Суда РФ было признано невозможным исполнение постановления Европейского Суда по правам человека по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» [8], хотя с точки зрения со-

ответствующего международного правозащитного органа оно было обязательным к исполнению. В то же время, носящее по формулировке соответствующего протокола «рекомендательный» характер, решение Комитета ООН по правам человека в отношении И. Б. Федотовой [9] было исполнено. В данном деле международный орган указал на отсутствие в ее деянии признаков состава административного правонарушения, что в последующем было признано Рязанским областным судом: «мировым судьей при рассмотрении данного дела не дана правовая оценка тому обстоятельству, являлись ли пропагандой публичные действия И. Б. Федотовой...» [10]. Дело не было рассмотрено всесторонне, полно и объективно, судебное решение было отменено. В дальнейшем заявителю была также присуждена компенсация уплаченного ею штрафа.

Следует обратить внимание, что в рассматриваемой практике Конституционного Суда РФ в контексте всего вышесказанного разграничиваются правовые последствия, которые «сторона одобряет» и которые сторона «не одобряет». Именно это одобрение и становится основанием исполнения соответствующего решения.

Кроме того, чтобы то или иное решение имело возможность породить правовые последствия, с одной стороны, необходимо, чтобы государство взяло на себя соответствующее обязательство. С другой стороны, Совет ООН по правам человека в рамках реализации «Специальных процедур» принимает жалобы в отношении государств, независимо от факта ратификации этим государством конкретного договора в области прав человека. Так, в рамках специальных процедур организованы страновые мандаты, например, Афганистан (страной признаны процедуры рассмотрения индивидуальных жалоб лишь по Конвенции о правах инвалидов [11]), Иран (страной не признаны процедуры рассмотрения индивидуальных жалоб) и пр.

Следовательно, еще одним основанием для классификации правовых последствий является наличие юридического основания их возникновения. Оно может быть либо общим, подразумеваемым, вытекать из членства государства в самой международной организации, как в приведенном нами примере, либо специальным, в том случае, когда страной ратифицируется дополнительный протокол о допустимости рассмотрения индивидуальных жалоб против государства в соответствии с той или иной международной конвенцией. Российская Федерация, например, не является участником Факультативного протокола к Конвенции

о правах ребенка, касающегося процедуры сообщений [12] и Факультативного протокола к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах [13]. Каждый из этих документов провозглашает право соответствующих комитетов принимать индивидуальные сообщения лиц, находящихся под их юрисдикцией и считающих себя жертвами нарушения государством–участником прав, указанных в конкретных международных соглашениях.

Еще одним способом классифицировать правовые последствия решений межгосударственных органов по защите прав и свобод человека следует признать их внутреннее расщепление на две составляющие: обязанность и право требования исполнения обязанности. Следовательно, по своей направленности на конкретный субъект они могут быть разделены на правовые последствия для государства (обязанность исполнить соответствующее решение) и правовые последствия для индивида, лица, ищущего защиту своих прав (право требовать от государства исполнения решения). Интересно, что в таком понимании правовые последствия принятия решений правоприменительными органами внутри государства пока что во всем схожи с тем, что было описано ранее. Разве что полномочия по принятию решений и, следовательно, обязанность их исполнить возлагается на государство не международным договором, а, как правило, законом. Однако, представленная выше классификация — неполная. Правовые последствия решений межгосударственных органов по защите прав и свобод человека возникают также у третьей группы субъектов — у иных государств, взявших на себя аналогичные обязательства по соответствующим международным соглашениям и выступающих гарантами соблюдения этих норм.

В этой связи решение международного органа в отношении одного государства порождает правовые последствия и для иных государств, выражающиеся в праве требовать исполнения соответствующего решения. Такая позиция становится фактически обоснованием права иных государств вводить так называемые «санкции» в отношении отдельных субъектов международного права. Таким образом, правовое последствие это всегда совокупность обязанности исполнения и права требования этого исполнения; причем требование исполнения для индивида представлено в виде возможности нового обращения в суд, а для иных государств представлено как «моральное право», используя различные способы, «вынудить» государство

исполнить свое обязательство, причем способы эти будут правовыми, т. е. облечены в юридическую форму, но направлены они будут, в первую очередь, на экономическую, политическую, социальную сферу.

Говоря о решениях международных правозащитных организаций, следует упомянуть также традиционную классификацию, в которой учитывается географическое расположение участников организации. И универсальные, и региональные международные организации наделены сегодня правозащитными функциями. Как следствие, и решения таких органов, и правовые последствия таких решений могут быть подвергнуты аналогичной классификации. Вместе с тем, данная характеристика фактически никак не влияет на правовые последствия принятых этими органами решений. Можно установить лишь косвенную взаимосвязь с иной, рассмотренной ранее, классификацией. Так, бытует мнение, что правовые последствия большинства универсальных правозащитных органов носят рекомендательный характер, а региональных — обязательный. Но с этим нельзя согласиться. Например, региональным актом, Американской конвенцией о правах человека [14] предусмотрено существование Межамериканской комиссии по правам человека. Ст. 41 указанного акта указывает на рекомендательный характер ее решений для государств-участниц. Африканская хартия прав человека и народов [15] учреждает Африканскую комиссию по правам человека и народов, также подготавливающую именно рекомендации по сообщениям о нарушении прав и свобод человека (ст. 58). Решения Комиссии по правам человека Содружества Независимых Государств «фиксируются в виде договоренностей, заключений и рекомендаций» [16]. И лишь Европейский Суд по правам человека наделен правом принимать обязательные решения в отношении стран-участниц Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод [17]. Таким образом, его деятельность скорее является исключением из общего правила о правовых последствиях решений межгосударственных органов по защите прав и свобод человека. Так, смешение нескольких классификаций приводит к заблуждению относительно особой значимости региональных механизмов в вопросе истинной защиты прав и свобод человека, а также к монополизации правозащитной деятельности одним международным органом.

Итак, Конституция Российской Федерации в ч. 3 ст. 46 предусматривает возможность и определяет усло-

вия для защиты человеком своих прав и свобод вне пределов юрисдикции нашего государства — в межгосударственных органах. Система защиты прав и свобод человека на международном уровне представлена различными институциональными элементами универсального и регионального уровня. Принятые ими решения в отношении государства порождают как общесоциальные, так и специальные правовые последствия. Однако правовые последствия решений межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека в отношении государства, будучи изначально выраженными в диалектическом единстве обязанности исполнить решение со стороны государства, и права требовать его исполнения заинтересованным физическим лицом, при детальном рассмотрении превращаются в множество вариантов, при которых комбинируются такие условия как: взятие на себя государством соответствующего обязательства по международному договору; императивный или рекомендательный характер требования к государству; решение государства в сложившихся геополитических условиях добровольно ограничить свой суверенитет путем исполнения соответствующего решения; заинтересованность других субъектов международных отношений в обеспечении исполнения соответствующего решения.

Список источников

1. Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 180-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 24. Ст. 3940.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 17. Ст. 2480.
3. Supervision of the execution of the European Court's judgments «H46-17 Anchugov and Gladkov group v. Russian Federation (ApplicationNo. 11157/04» 23–25 September 2019 // URL://http://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=0900001680972e12.
4. Пакет мер по институциональному строительству: Резолюция Совета по правам человека от 18 июня 2007 г. № 5/1 // URL://<http://www.ohchr.org/ru/hr-bodies/hrc/complaint-procedure/resolutions>.

5. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1984 г. № 39/46 // URL://http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml.

6. Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. № 2200 А (XXI) // URL://http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactprot1.shtml.

7. Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1248-О «По жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 1.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 г. № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 5. Ст. 866.

9. Ирина Федотова против России, ССРП/С/106/Д/1932/2010, Сообщение № 1932/2010, 30 ноября 2012 г. // URL://<http://humanrts.umn.edu/russian/hrcommittee/Rview1932sess106.html>.

10. Постановление Рязанского областного суда от 26 сентября 2013 г. по делу 4-а-144/13 // URL://https://sudact.ru/regular/doc/PcZy0i4O0Ydx/?regular-txt=®ular-case_doc=4-a-144%2F13®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=Рязанский+областной+суд+%28Рязанская+область%29®ular-judge=&_=1664181830342.

11. База данных договорных органов // URL://http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/Countries.aspx?lang=ru.

12. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся процедуры сообщений: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 19 декабря 2011 г. № 66/138 // URL://http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/child_optprot.shtml.

13. Факультативный протокол к Международному пакту об экономических, социальных и культурных

правах: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 2008 г. № 63/117 // URL://http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/optprotocol_icescr.shtml.

14. Американская конвенция о правах человека: заключена в г. Сан-Хосе 22 ноября 1969 г. // Международные акты о правах человека: сб. док. М. : Норма-ИНФРА-М, 1998. С. 720–736.

15. Африканская хартия прав человека и народов: принята в г. Найроби 26 июня 1981 г. // Международные акты о правах человека: сб. док. М. : Норма-ИНФРА-М, 1998. С. 737–747.

16. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека: заключена в Минске 26 мая 1995 г. // СЗ РФ. 1999. № 13. Ст. 1489.

17. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

References

1. Federal Law of June 11, 2022 No. 180-FZ «On Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» // SZ RF. 2022. No. 24. Art. 3940.

2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 19, 2016 No. 12-П «On the case of resolving the issue of the possibility of enforcement, in accordance with the Constitution of the Russia, of the judgment of the European Court of Human Rights of July 4, 2013 in the case of Anchugov and Gladkov v. Russia «in connection with the request of the Ministry of Justice of the Russian Federation» // SZ RF. 2016. No. 17. Art. 2480.

3. Supervision of the execution of the European Court's judgments «H46-17 Anchugov and Gladkov group v. Russian Federation (Application No. 11157/04)» 23–25 September 2019 // URL://http://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=0900001680972e12.

4. Institution Building Package: Human Rights Council Resolution No. 5/1 of 18 June 2007 // URL://<http://www.ohchr.org/ru/hr-bodies/hrc/complaint-procedure/resolutions>.

5. Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment: Resolution of the UN General Assembly of December 10, 1984 No. 39/46 // URL://http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml.

6. Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights: Resolution of the UN General

Assembly of December 16, 1966 No. 2200 A (XXI) // URL://http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpro1.shtml.

7. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 28, 2012 No. 1248-O «On the complaint of citizen Khoroshenko Andrey Anatolyevich about the violation of his constitutional rights by paragraph 5 of Article 403, part four of Article 413 and parts one and five of Article 415 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2013. No. 1.

8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 19, 2017 No. 1-P «On the case of resolving the issue of the possibility of enforcing, in accordance with the Constitution of the Russian Federation, the judgment of the European Court of Human Rights dated July 31, 2014 in the case of OAO Oil Company Yukos v. Russia in connection with the request of the Ministry of Justice of the Russian Federation» // SZ RF. 2017. No. 5. Art. 866.

9. Irina Fedotova v. Russia, CCPR/C/106/D/1932/2010, Communication No. 1932/2010, 30 November 2012 // URL://<http://humanrts.umn.edu/russian/hrcommittee/Rview1932sess106.html>.

10. Resolution of the Ryazan Regional Court of September 26, 2013 in case 4-a-144/13 // URL://https://sudact.ru/regular/doc/PcZy0i4O0Ydx/?regular-txt=®ular-case_doc=4-a-144%2F13®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=Ryazan+re

gional+court+%28Ryazan+region%29®ular-judge=&_=1664181830342.

11. Treaty Body Database // URL://http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/Countries.aspx?lang=ru.

12. Optional Protocol to the Convention on the Rights of the Child on a communications procedure: Resolution of the UN General Assembly of December 19, 2011 No. 66/138 // URL://http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/child_optprot.shtml.

13. Optional Protocol to the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights: Resolution of the UN General Assembly of December 10, 2008 No. 63/117 // URL://http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/optprotocol_icescr.shtml.

14. American Convention on Human Rights: signed in San Jose on November 22, 1969 // International Human Rights Acts: Sat. doc. M. : Norma-INFRA-M, 1998. P. 720–736.

15. African Charter on Human and Peoples' Rights: adopted in Nairobi on June 26, 1981 // International Human Rights Acts: Sat. doc. M. : Norma-INFRA-M, 1998. P. 737–747.

16. Convention of the Commonwealth of Independent States on human rights and fundamental freedoms: concluded in Minsk on May 26, 1995 // SZ RF. 1999. No. 13. Art. 1489.

17. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: concluded in Rome on November 4, 1950 // SZ RF. 2001. No. 2. Art. 163.

Информация об авторах

Н. А. Трусов — начальник кафедры конституционного и международного права Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

А. С. Миловидова — старший преподаватель кафедры конституционного и международного права Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the authors

N. A. Trusov — Head of the Department of Constitutional and International Law of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of legal Sciences, Associate Professor;

A. S. Milovidova — Senior Lecturer of the Department of Constitutional and International Law of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 07.12.2022; принята к публикации 23.01.2023. The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 07.12.2022; accepted for publication 23.01.2023.

Научная статья

УДК 343.6

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-186-193>

ИПОН: 2003-0059-1/23-573

MOSURED: 77/27-003-2023-01-772

Использование информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) для совершения преступлений против личности: вопросы законодательной регламентации

Елена Владимировна Михайлова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kis-01@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена структура компьютерной преступности в Российской Федерации, которая включает не только преступления в сфере компьютерной информации, но и большое количество преступных деяний, совершенных с помощью информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе посредством сети Интернет. В последнее десятилетие российская компьютерная преступность значительно трансформировалась, охватывая все новые и новые сферы общественных отношений. Для повышения эффективности борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием компьютерных технологий, в последние годы были внесены значительные изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации. Вместе с тем, для успешной борьбы с преступлениями исследуемого вида этих мер недостаточно, так как законодатель не всегда успевает отслеживать изменение вектора общественно опасных деяний, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, что сказывается на качестве правоприменительной и профилактической деятельности.

Ключевые слова: преступность, личные права человека, информационно-телекоммуникационные сети, Интернет

Для цитирования: Михайлова Е. В. Использование информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) для совершения преступлений против личности: вопросы законодательной регламентации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 186–193. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-186-193>.

Original article

The use of information and telecommunication networks (including the Internet) to commit crimes against the person: issues of legislative regulation

Elena V. Mikhaylova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, kis-01@mail.ru

Abstract. The structure of computer crime in the Russian Federation is considered, which includes not only crimes in the field of computer information, but also a large number of criminal acts committed with the help of information and telecommunication technologies, including through the Internet. In the last decade, Russian computer crime has significantly transformed, covering more and more new spheres of public relations. In recent years, significant changes have been made to the Criminal Code of the Russian Federation to improve the effectiveness of combating crimes committed using computer technology. At the same time, these measures are not enough to successfully combat crimes of the type under study, since the legislator does not always have time to track changes in the vector of socially dangerous acts committed using information and telecommunications networks, which affects the quality of law enforcement and preventive activities.

Keywords: crime, personal human rights, information and telecommunication networks, Internet

For citation: Mikhaylova E. V. The use of information and telecommunication networks (including the Internet) to commit crimes against the person: issues of legislative regulation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):186–193. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-186-193>.

Развитие современного общества XXI в. «пронизано» информационно-телекоммуникационными технологиями, которые стали «помощниками» в решении как рабочих, так и бытовых вопросов. Вместе с внедрением компьютерных технологий в жизнь граждан и государства, все более широкое и повсе-

местное развитие получают преступления, которые совершаются с их использованием. И это не только ставшие уже традиционными для сферы телекоммуникаций экономические компьютерные преступления (мошенничество в системах интернет-банкинга, фишинг, хищение электронных денег и т. д.), но и

© Михайлова Е. В., 2023

более опасные преступления, например, против личности. На первый взгляд кажется невозможным совершить преступление, например, против жизни и здоровья или половой неприкосновенности с помощью Интернета. Однако, с развитием глобальной сети ситуация изменилась, и дистанционный способ совершения преступлений против личности оказывается все более востребованным благодаря его анонимности (anonymous), доступности (accessible), низкой цене (affordable) [1].

Преступления против личности посягают на наиболее существенные права и свободы человека и гражданина. Права человека определены и гарантированы в основных правовых документах Организации Объединенных Наций: Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.), Международном пакте о гражданских и политических правах (1966 г.) и в двух факультативных протоколах к последнему.

Всеобщая декларация прав человека в ст. 3 провозглашает: «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность». Этот тезис получил свое развитие в целом ряде нормативных актов, включая Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, Конвенцию СНГ о правах и основных свободах человека, Декларацию прав и свобод человека и гражданина, принятую в России в 1991 г.

В Конституции Российской Федерации 1993 г. защите прав и свобод человека посвящена специальная глава, в которой декларируется: «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией» (ст. 17) [2]. К важнейшим из них Конституция относит: право на жизнь, здоровье, свободу и личную неприкосновенность, свободу совести и вероисповедания, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, участие в общественной жизни, защиту материнства, детства и семьи.

Защита перечисленных прав и свобод обеспечивается нормами различных отраслей права, в том числе и уголовного. Открыв Особенную часть Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. [3] (далее — УК РФ), разделом «Преступления против

личности», законодатель тем самым подчеркнул, что приоритет в охране отдан признанной во всем мире системе общечеловеческих ценностей.

Типология преступлений против личности в УК РФ выглядит следующим образом: преступления против жизни и здоровья (гл. 16 УК РФ); преступления против свободы, чести и достоинства личности (гл. 17 УК РФ); преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (гл. 18 УК РФ); преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина (гл. 19 УК РФ); преступления против семьи и несовершеннолетних (гл. 20 УК РФ).

В наши дни происходит эволюция преступности: меняется мотивация, усложняются формы и способы совершения преступных действий, осваиваются новые сферы противоправной деятельности. Применение информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, стало способом совершения целого ряда преступлений против личности. Каждая глава разд. VII УК РФ включает в себя один или несколько составов преступлений, при совершении которых Интернет используется как средство, упрощающее злоумышленникам процесс достижения преступных целей, а именно: п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ; п. «д» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ; ч. 2 ст. 110.2 УК РФ (гл. 16); ч. 2 ст. 128.1 УК РФ (гл. 17); п. «б», ч. 3, ст. 133 УК РФ (гл. 18); ч. 3 ст. 137 УК РФ (гл. 19); п. «в» ч. 2 ст. 151.2 УК РФ (гл. 20).

Кроме этого, новый способ совершения преступлений на практике встречается и при совершении иных преступлений, в составе которых не выделен соответствующий квалифицирующий признак, например при осуществлении угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью человека (ст. 119 УК РФ), при развращении лица, не достигшего 16-летнего возраста (ст. 135 УК РФ).

Изучение каждого из перечисленных выше составов преступлений позволяет выделить их общественную опасность и особенности уголовно-правового регулирования.

Способы причинения вреда здоровью и даже лишение жизни посредством Интернета разнообразны. Так, возможно подключение к кардиостимуляторам, системам энергоснабжения, к компьютерным системам, установленным в автотранспорте, на борту самолетов или скоростных поездов. И даже в тех случаях, когда посредством сети не удастся совершить

преступление против жизни и здоровья напрямую, преступник всегда сможет воспользоваться широкими возможностями Интернета на подготовительном этапе, для поиска способа и орудия, организации, пособничества, подстрекательства, склонения, в том числе к самоубийству.

Согласно данным Росстата в России за 2020 г. совершено 16 546 самоубийств [4]. Доля самоубийств из числа внешних (неестественных) причин смерти лиц составляет 12,1 % от общего числа смертей за анализируемый период времени. Приведенное число самоубийств исследователи связывают со многими факторами: проблемы в личной жизни, финансовые трудности, состояние здоровья, общая социально-экономическая ситуация в стране и мире, расстройств психики и многие другие причины. С развитием интернет-технологий появились новые способы преднамеренного воздействия на потерпевших, например, кибербуллинг¹, кибербуллицид², осуществляемые посредством использования современных технологий коммуникации (электронная почта, мгновенные сообщения, веб-страницы, блоги, форумы и чаты, MMS- и SMS-сообщения, онлайн-игры).

Кибербуллинг может осуществлять в различных формах. Например, издевательство («harassment») — настойчивые, постоянные и целенаправленные оскорбительные или угрожающие сообщения, направленных против одного человека или группы лиц; раскрытие («outing») — публикация частной, конфиденциальной или дискредитирующей информации о человеке или группе людей без их согласия; провокация («trolling») — психологическая манипуляция при помощи высмеивания, оскорблений на форумах или в социальных сетях с целью разозлить жертву и заставить ее прибегнуть к оскорблениям и некорректной лексике; преследование — постоянный нежелательный контакт с жертвой, зачастую носящий характер угрозы.

Кибербуллинг крайне опасное интернет-явление, так как может представлять реальную угрозу жизни, здоровью и безопасности человека. Его последствия носят долгосрочный характер и влияют на личную жизнь человека следующими способами: психически (постоянное состояние страха и беспокойства), эмоционально (подавленность, потеря интереса к жизни), снижение самооценки (неудовлетворенность собой и своей жизнью), суицидальные мысли (отсутствии надежды изменить что-либо).

В 2016 г. общественный резонанс в Российской Федерации вызвали сообщения о возникновении нового вида преступлений против жизни и здоровья человека — склонение к самоубийству и содействие совершению самоубийства с использованием сети Интернет.

«Группы смерти» (сообщества в социальных сетях, администраторы которых склоняли к совершению суицида) стали глобальной национальной проблемой, а их основной аудиторией — подростки (в 2016 г. суицид совершили 720 несовершеннолетних) [5], в большей степени поддающиеся психологическому воздействию и внушению, нежели взрослые.

Следует отметить, что именно виктимное поведение потерпевших в подавляющем большинстве случаев обуславливало создание ситуаций, в которых они попадали под психологическое влияние злоумышленников: целенаправленно искали в сети интернет-сообщества суицидальной направленности информацию о способах совершения самоубийства, а также так называемых «кураторов» — лиц, которые могли бы руководить их действиями, направляя на сведение счетов с жизнью. Катализатором появления суицидальных мыслей становилось любое обстоятельство: неблагоприятная атмосфера в семье, отсутствие взаимопонимания со сверстниками, неразделенные романтические чувства и даже проблемы с успеваемостью в школе.

Это говорит о серьезных проблемах, связанных с психологическим здоровьем подрастающего поколения в целом. Сталкиваясь со стрессовыми ситуациями и эмоциональными переживаниями, дети идут за помощью не к близким людям, а пытаются найти поддержку и понимание в сети Интернет. Тенденция такова, что современные подростки легче вступают в диалог и устанавливают контакты именно в социальных сетях, а не при личном общении. При этом времяпровождение в социальных сетях и на иных сайтах практически не поддается контролю со стороны взрослых благодаря тому, что у подавляющего большинства школьников есть личные смартфоны с

¹ Кибербуллинг — это преднамеренные агрессивные действия, систематически на протяжении определенного времени осуществляемые группой или индивидом с использованием электронных форм взаимодействия, направленные против жертвы.

² Кибербуллицид — суицид, произошедший вследствие столкновения с прямой или косвенной агрессией онлайн.

возможностью подключения к глобальной сети в любое время суток.

Высокая степень общественной опасности подобного явления вызвала необходимость корректировки действующего законодательства. Федеральным законом от 7 июля 2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» изменена ст. 110 УК РФ, появились новые составы преступлений [6].

Диспозиция основного состава ст. 110 УК РФ оставлена без изменений, однако дополнена квалифицирующими признаками, одним из которых является «Доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет) (п. «д») ч. 2 ст. 110 УК РФ).

Уголовный кодекс также дополнен ст. 110.1 и 110.2, содержащими описание новых способов противоправной деятельности:

♦ склонение к совершению самоубийства путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет) (п. «д») ч. 3 ст. 110.1 УК РФ);

♦ организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства, сопряженной с публичным выступлением, использованием публично демонстрирующегося произведения, средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) (ч. 2 ст. 110.2 УК РФ).

Этим же нормативным актом гл. 20 УК РФ была расширена за счет ст. 151.2 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего», завер-

шившей так называемый «антисуицидальный пакет». Такими опасными видами деятельности стали случаи вовлечения лицами, достигшими 18-летнего возраста, подростков в «трейсерфинг» (передвижение на поезде, при котором человек цепляется к нему снаружи за различные поручни, лестницы, подножки и другие элементы), «руфинг» (незаконное проникновение на крыши высоких зданий) либо в иные занятия³.

К одной из форм кибербуллинга можно отнести клевету — распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. Чаще всего клевета в Интернете существует в виде фейков (англ. fake — подделка) и заключается в распространении ложной, сфальсифицированной информации, выдаваемой за действительную, с целью ввести в заблуждение. Интернет-клевета все чаще становится основой для шантажа, давления, дискредитации людей, провоцирует травлю, агрессию, угрозы, которые перерастают в реальное насилие — вплоть до самоубийств и убийств.

Распространение клеветы в Интернете не встречается на своем пути никаких преград. Любой пользователь может зайти на форум, сайт, страничку в социальной сети или через личные сообщения начать распространять порочащие сведения, не соответствующие реальной действительности. Более продвинутые пользователи пользуются VPN-маршрутизаторами и иным программным обеспечением, которое позволяет скрыть или изменить IP-адрес компьютера, с которого осуществлялось распространение. Это также не обязательно делать с помощью домашней сети: достаточно прийти с ноутбуком в торговый центр или кафе, подключиться к общей сети и опубликовать порочащие сведения. В этом случае задача по поиску виновного лица также значительно усложняется. Примечательно, что распространение фейков происходит очень быстро и остановить его опровержением не удается.

Клевета — преступление, предусмотренное ст. 128.1 УК РФ. Ранее единственным способом распространения клеветы были публикации в печатных изданиях, высказывание порочащих сведений в пуб-

³ Например, игра «Беги или умри» распространялась в социальных сетях. Участникам предлагалось перебежать дорогу как можно ближе перед движущимся транспортом, произвести съемку на мобильный телефон, доказательство своего «достижения» выложить в Интернет в специальную группу и получить за это баллы.

личных выступлениях. Активное использование информационно-телекоммуникационных сетей для распространения заведомо ложной информации потребовало внесения изменений в УК РФ. Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 538-ФЗ «О внесении изменения в статью 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» статья «Клевета» была дополнена еще одним квалифицирующим признаком, а именно: совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет (ч. 2 ст. 128.1 УК РФ) [7].

В целом, общедоступность Интернета и развитие технологий привели к необходимости переосмысления понятия частной жизни и персональных данных. В средствах массовой информации, преимущественно через социальные сети в системе Интернет, имеют место случаи умышленного распространения фотографий, видеоматериалов, сообщений информационного характера, содержание которых нарушает право другого лица на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну.

Частью 3 ст. 137 УК РФ установлена повышенная уголовная ответственность за незаконное распространение в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях информации, указывающей на личность несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего 16-летнего возраста, по уголовному делу, либо информации, содержащей описание полученных им в связи с преступлением физических или нравственных страданий, повлекшее причинение вреда здоровью несовершеннолетнего, или психическое расстройство несовершеннолетнего, или иные тяжкие последствия.

Обязательным признаком объективной стороны этого состава преступления является наступление последствий в виде причинения вреда здоровью несовершеннолетнего, или его психического расстройства, или иных тяжких последствий (например, покушения на самоубийство).

Находясь в виртуальном пространстве, дети неизбежно сталкиваются с множеством угроз, наиболее опасной среди которых выступает угроза стать жертвой преступления, в том числе, и против половой неприкосновенности.

Отсутствие возможности четкого регулирования содержащейся в Интернете информации упростило распространение порнографической продукции и су-

щественно расширило границы преступлений, предусмотренных ст. 132 «Насильственные действия сексуального характера» УК РФ и ст. 135 «Развратные действия» УК РФ. Мониторинг показал, что каждый пятый ребенок, проводящий время в online-чатах, подвергается сексуальному домогательству, а 70 % преступников, осужденных по преступлениям, связанным с сексуальной эксплуатацией детей, использовали в своих намерениях Интернет.

Сексуальное насилие — любые сексуальные действия, совершаемые без согласия.

Сексуальная эксплуатация — извлечение материальной или иной выгоды посредством склонения или принуждения к оказанию услуг сексуального характера, в том числе путем предложения, получения, передачи, предоставления или использования для занятия проституцией, в качестве объекта секс-туризма или модели для изготовления порнографии либо исполнителя в зрелищном мероприятии сексуального характера.

Сексуальное насилие и эксплуатация детей посредством использования информационно-коммуникационных технологий приобретает глобальный характер. Доступные статистические данные могут дать лишь некоторое представление о масштабах проблемы: база данных о сексуальной эксплуатации детей Интерпола содержит более 1,5 млн фото- и видеоматериалов сексуальной эксплуатации детей, которые фиксируют насилие в отношении более 19,4 тыс. детей [8]. В 2019 г. на горячую линию CyberTipline поступило 16,9 млн сообщений о подобных фактах, включая материалы из России (72 тыс.) [9]. Количество противозаконных изображений и видео, зафиксированных международной сетью горячих линий InternetHotlines, администрируемой INHOPE, возросло на 83 % в период с 2016 по 2020 г. [10]. В России по данным исследования с участием более 1,5 тыс. детей, проведенного в 2019 г., более 48 % детей сталкивались с сексуальными изображениями в Интернете, 25 % из них сообщили, что при этом испытывали сильный страх или дистресс. Нередко дети, пострадавшие от сексуальной эксплуатации, не могут никому рассказать об этом, находясь в подчиненном положении, получая угрозы, или опасаясь насильственных действий со стороны преступника.

Основными тенденциями преступлений против половой неприкосновенности по данным исследований стали:

- ◆ увеличение объемов распространения материалов сексуального характера, создаваемых самими детьми;

- ◆ увеличение количества выявляемых материалов, изображающих сексуальное насилие над детьми;

- ◆ увеличение прямых трансляций сексуального насилия над детьми;

- ◆ использование злоумышленниками мессенджеров с функциями шифрования, что создает существенные риски для совершения насилия над детьми и затрудняет выявление и расследование преступлений.

В соответствии с Руководящими принципами терминологии по защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия [11] подобные действия могут включать в себя следующие виды:

- ◆ кибергруминг (форма сексуального домогательства, реализуемая взрослыми людьми в процессе их онлайн-общения с несовершеннолетними с целью сексуального насилия или эксплуатации);

- ◆ секстинг (отправка, получение или пересылка откровенных сексуальных сообщений, фотографий или изображений посредством цифровых устройств);

- ◆ распространение, пропаганда, импорт, экспорт, предложение, продажа материалов, изображающих сексуальное насилие над детьми, владение такими материалами или сознательное получение доступа к ним в Интернете;

- ◆ создание и распространение материалов сексуального характера, созданных самими детьми;

- ◆ сексуальное принуждение и вымогательство.

Жертвами сексуального насилия в Интернете могут стать и девочки, и мальчики. Такие факторы, как материальные трудности и неблагоприятная обстановка в семье, пережитое в прошлом насилие, социальная изоляция повышают риск того, что ребенок станет жертвой сексуального насилия в Интернете. Преступники часто пользуются тем, что ребенок чувствует себя одиноким, поэтому они стараются имитировать интерес и внимание к ребенку при общении онлайн.

Рассматриваемая категория преступлений имеет множество уголовно-процессуальных особенностей от момента первоначальной проверки сообщения о преступлении вплоть до направления уголовного дела в суд. На стадии возбуждения уголовного дела возникают проблемы, связанные с квалификацией совершенного преступления, с организацией и производством первоначальных следственных действий,

собираемым, проверкой и оценкой доказательств, вследствие недопонимания схем организации преступления и знания, какую именно значимую для уголовного дела информацию можно получить.

Согласно действующему российскому уголовному законодательству и разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации [12] ведение интимной переписки и обмен откровенными фото- и видеоизображениями между совершеннолетним лицом и подростком в возрасте от 12 до 16 лет в сети Интернет, направленные на удовлетворение сексуального влечения первого или призванные пробудить сексуальное возбуждение или интерес к сексуальным отношениям у несовершеннолетнего, признаются развратными действиями и должны быть квалифицированы по соответствующей части ст. 135 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Помимо квалификации развратных действий по ст. 135 УК РФ, часть из них при определенных условиях составляет юрисдикцию ст. 132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера». Критериями разграничения действий по нормам, содержащимся в ст. 135 и 132 УК РФ, являются:

- 1) возраст потерпевшего (возраст до 12 лет и в силу чего ребенок находится в беспомощном состоянии);

- 2) наличие в действиях виновного лица насилия.

Таким образом, в настоящее время виртуальные развратные действия, совершенные в отношении лица, находящегося в возрасте от 12 до 16 лет, следует квалифицировать по ст. 135 «Развратные действия» УК РФ. В свою очередь, аналогичные действия, совершенные в отношении лица, находящегося в возрасте до 12 лет, составляют категорию насильственных действий сексуального характера и подлежат квалификации по ст. 132 УК РФ.

Федеральным законом от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» ч. 3 ст. 133 УК РФ «Понуждение к действиям сексуального характера» дополнена квалифицирующим признаком «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет [13].

Объективная сторона заключается в деянии в виде понуждения лица к половому сношению, мужеложеству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера с помощью шантажа

(т. е. угроза разгласить позорящие лицо сведения независимо от того, являются ли они вымышленными или нет); угрозой уничтожения, повреждения или изъятия имущества; использованием материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей). То, когда виновный обещает реализовать свои угрозы (немедленно или в будущем), не влияет на квалификацию содеянного. При этом угрозы могут быть высказаны как в отношении лица, которого понуждают к действиям сексуального характера, так и в отношении близких ему лиц.

Число видов киберпреступлений, в том числе против личности, продолжает увеличиваться, меняется характер преступности. Для повышения эффективности борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием компьютерных технологий, в последние годы были внесены значительные изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации. Вместе с тем, для успешной борьбы с преступлениями исследуемого вида этих мер недостаточно, и в данном направлении своей деятельности законодатель не всегда успевает отслеживать изменения вектора общественно опасных деяний, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет). Действующему уголовному законодательству присущи отсутствие унифицированного подхода к оценке природы преступлений, совершаемых с использованием компьютерных технологий, разночтения в понятийном аппарате, а подчас неточности в конструировании правовых норм, что не может не сказываться на качестве правоприменительной и профилактической деятельности, испытывающей серьезные затруднения в противодействии распространению общественно опасных деяний, связанных с использованием современных технологий на базе имеющихся ресурсов российского уголовного законодательства. Во многом именно несовершенство правовой системы позволяет преступникам уклоняться от ответственности, и существенно осложняет их уголовное преследование.

Список источников

1. Cooper A. Sexuality and the Internet: Surfing into the new millennium // *Cyber Psychology and Behavior*. 1998. № 1(2). P. 187–193.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) с поправками от 4 июля 2020 г. // *Российская газета*. 2020. 4 июля.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // *СЗ РФ*. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) // URL://<https://fedstat.ru/indicator/58547>.
5. Яровая назвала число совершивших суицид в 2016 г. детей // *РБК*. 2017. 13 февр. // URL://<https://www.rbc.ru/rbcfreenews/58a18e939a794724ef11f3f1>.
6. Федеральный закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» // *СЗ РФ*. 2017. № 24. Ст. 3489.
7. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 538-ФЗ «О внесении изменения в статью 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // *СЗ РФ*. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 77.
8. Международная база данных по сексуальной эксплуатации детей // URL://<https://www.interpol.int/Crimes/Crimes-against-children/International-Child-Sexual-Exploitation-database>.
9. Национальная централизованная система отчетности об эксплуатации детей в Интернете. National Center for Missing and Exploited Children, 2020 // URL://<https://www.missingkids.org/gethelpnow/cyber-tipline>.
10. Годовой отчет Ассоциации INHOPE за 2019 г. // URL://https://inhope.org/media/pages/the-facts/download-our-whitepapers/009c452175-1595854476/annualreport_inhope_2019.pdf
11. Terminology Guidelines for the Protection of Children from Sexual Exploitation and Sexual Abuse Adopted by the Interagency Working Group in Luxembourg, 28 January 2016.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Федеральный закон от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессу-

ального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1395.

References

1. Cooper A. Sexuality and the Internet: Surfing into the new millennium // *Cyber Psychology and Behavior*. 1998. No. 1(2). P. 187–193.

2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) as amended on July 4, 2020 // *Rossiyskaya Gazeta*. 2020. July 4th.

3. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (with amendments and additions) // *SZ RF*. 1996. No. 25. St. 2954.

4. Federal State Statistics Service (Rosstat) // URL: <https://fedstat.ru/indicator/58547>.

5. Yarovaya named the number of children who committed suicide in 2016 // *RBC*. 2017. February 13 // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/58a18e939a794724ef11f3f1>.

6. Federal Law No. 120-FZ of June 7, 2017 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the Establishment of additional mechanisms to counteract activities aimed at encouraging children to suicidal behavior» // *SZ RF*. 2017. No. 24. St. 3489.

7. Federal Law No. 538-FZ of December 30, 2020 «On Amendments to Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation» // *SZ RF*. 2021. No. 1 (Part I). St. 77.

8. International Database on Sexual Exploitation of Children // URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Crimes-against-children/International-Child-Sexual-Exploitation-database>.

9. National centralized system of reporting on the exploitation of children on the Internet. National Center for Missing and Exploited Children, 2020 // URL: <https://www.missingkids.org/gethelpnow/cybertipline>.

10. Annual report of the INHOPE Association for 2019 // URL: https://inhope.org/media/pages/the-facts/download-our-whitepapers/009c452175-1595854476/annualreport_inhope_2019.pdf

11. Terminology Guidelines for the Protection of Children from Sexual Exploitation and Sexual Abuse Adopted by the Interagency Working Group in Luxembourg, January 28, 2016.

12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 4, 2014 No. 16 «On judicial practice in cases of crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual» // *SPS «ConsultantPlus»*.

13. Federal Law No. 38-FZ of March 6, 2022 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 280 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // *SZ RF*. 2022. No. 10. St. 1395.

Информация об авторе

Е. В. Михайлова — старший преподаватель кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

E. V. Mikhaylova — Senior Lecturer of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 11.07.2022; одобрена после рецензирования 12.09.2022; принята к публикации 29.11.2022.

The article was submitted 11.07.2022; approved after reviewing 12.09.2022; accepted for publication 29.11.2022.

Научная статья

УДК 343.71

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-194-197>

ИПОН: 2003-0059-1/23-574

MOSURED: 77/27-003-2023-01-773

Некоторые вопросы квалификации убийства, совершенного в состоянии аффекта

Юлия Владимировна Никонорова

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Старотеряево, Россия, Nikonorova.rabota@mail.ru

Аннотация. Исследуются вопросы квалификации привилегированного состава убийства, предусмотренного ст. 107 УК РФ. Рассмотрено содержание понятий «аффект» и «сильное душевное волнение». Автор полагает, что последнее понятие необходимо исключить из содержания ч. 1 ст. 107 УК РФ.

Ключевые слова: аффект, сильное душевное волнение, убийство, состав преступления, привилегированный состав, преступление

Для цитирования: Никонорова Ю. В. Некоторые вопросы квалификации убийства, совершенного в состоянии аффекта // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 194–197. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-194-197>.

Original article

Some questions of qualification of a murder committed in a state of passion

Yulia V. Nikonorova

Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Staroteryaev, Russia, Nikonorova.rabota@mail.ru

Abstract. The questions of qualification of the privileged composition of the murder provided for in Article 107 of the Criminal Code of the Russian Federation are investigated. The content of the concepts «affect» and «strong emotional excitement» is considered. The author believes that the latter concept should be excluded from the content of p. 1 of art. 107 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: affect, strong emotional excitement, murder, corpus delicti, privileged composition, crime

For citation: Nikonorova Yu. V. Some questions of qualification of a murder committed in a state of passion. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):194–197. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-194-197>.

Законодатель, наряду с прочими смягчающими обстоятельствами, предусматривает пониженные санкции за посягательство на жизнь, совершенное виновным, находящимся в особом психологическом состоянии — в состоянии аффекта.

Согласно официальным данным МВД России, в последние пять лет ежегодно в среднем регистрируется около 300 убийств, совершенных в состоянии аффекта [5]. Причем, их количество снижается. Почти две трети убийств в состоянии аффекта происходят в сфере быта и досуга, а подавляющая их часть совершается в отношении близких людей. Как правило, аффективному бытовому убийству предшествует распитие убийцей спиртных напитков, иногда вместе с будущей жертвой.

Еще в советский период были выработаны сохраняющие свою значимость подходы к уголовно-правовой сущности и признакам убийства в сос-

тоянии аффекта. Действующее законодательство в этом отношении восприняло доктринальные положения, выработанные советской уголовно-правовой наукой и правоприменительной практикой.

Прежде всего, необходимо отметить, что аффект представляет собой особое психологическое состояние. В этой связи следует указать на то, что, несмотря на длительную историю развития научных представлений об убийствах, совершаемых при смягчающих обстоятельствах, криминальная психология, для которой личность преступника выступает в качестве основного объекта исследования, выделилась в качестве отдельной отрасли юридической психологии сравнительно недавно. Поэтому в настоящее время остро стоит вопрос о комплексном использовании психологических знаний в рамках уголовного права.

На взгляд Е. В. Авдеевой, «аффект — это реакция лица, детерминированная причиной, обусловившей

© Никонорова Ю. В., 2023

внезапно возникшее сильное душевное волнение, физиологической сущностной составляющей которого выступает интенсивно-эмоциональная кратковременная вспышка, которая независимо от сохранения способности к самообладанию и возможности действовать приобретает в сознании детерминирующую мотивацию» [1].

Аффекту требуется немедленная «разрядка в действиях». Ю. А. Шель в этой связи отмечает, что «чаще всего состояние аффекта возникает внезапно и продолжается всего несколько минут. Характерным для такого состояния является подавление способности мыслить» [10].

Преступные действия лица порождают преступный результат — смерть человека. Оконченным убийство признается, когда имеется не только деяние, но и последствие и причинная связь между ними.

Понятия «душевное волнение» и «аффект» не идентичны, хотя и однопорядковые, поскольку степень душевного волнения представляет собой далеко не единственный и не ключевой признак аффекта. С. Н. Шишков и С. В. Полубинская полагают, что данные понятия значительно отличаются между собой. В психологии понятие «душевное волнение» и вовсе отсутствует. Однако, для определения подобного состояния правоприменительные органы обращаются за помощью к экспертам-психологам [11].

Полагаем, что «сильное душевное волнение» необходимо исключить из содержания диспозиции, предусмотренной ст. 107 УК РФ, поскольку данный термин в юриспруденции имеет более широкое значение, чем понятие «аффект», «так как не всякое сильное душевное волнение по своей интенсивности достигает состояния аффекта» [3, с. 9]. Думается, что употребление различных терминов (например, термина «уменьшенная вменяемость») в данном случае носит лишь стилистический характер, так как все подобные термины связывают наличие у лица психического расстройства в рамках вменяемости.

Отнесение физиологического аффекта к состояниям «ограниченной вменяемости» не вполне верно. При этом, психическое расстройство лица, которое не исключает его вменяемости, вполне может спровоцировать состояние аффекта.

Как следует из ст. 107 УК РФ, аффект — это сильное душевное волнение, вызванное насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией,

возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

Нельзя не согласиться с С. В. Тасаковым и В. С. Тасаковым в том, что «нередко оценить действия людей как аморальные бывает достаточно сложно. Границы между добром и злом являются достаточно подвижными» [9].

Издевательство — чаще всего насильственные действия, если они характеризуются цинизмом и растянуты во времени.

По смыслу ст. 107 УК РФ длительная психотравмирующая ситуация должна быть обусловлена систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего [8].

Правоприменительной практике известны случаи признания судами психотравмирующей ситуации, которая измеряется десятилетиями.

Так, Приговором Прилузского районного суда Республики Коми от 25 июля 2019 г. по делу № 1-66/2019 установлено, что К. Т. Я. в период с 1979 г. по 3 апреля 2019 г., т.е. длительное время, находилась в психотравмирующей ситуации от действий ФИО1, который в вышеуказанный период времени устраивал скандалы, применял насилие в отношении К. Т. Я., выразившиеся в нанесении побоев, оскорблениях в грубой нецензурной форме, издевательстве. В период с 30 марта 2019 г. по 3 апреля 2019 г., в с. Объячево Прилузского района Республики Коми, Ф., находясь у себя дома, на почве личных неприязненных отношений и ревности вновь устроил ссору с К. Т. Я., вел себя агрессивно, высказывал угрозы убийством, которые К. Т. Я. восприняла реально и опасалась их осуществления, так как дома находились вдвоем, а Ф. приставил к ее горлу нож.

В результате этих действий, К. Т. Я., имея умысел на убийство, кувалдой, находившейся при ней, нанесла Ф., лежащему на диване, не менее шести ударов в область головы, от которых Ф. скончался на месте происшествия. Между полученной открытой черепно-мозговой травмой и наступлением смерти имеется прямая причинно-следственная связь [7].

Важным является вопрос о том, что необходимо понимать под тяжким оскорблением и в чем заключается величина такой тяжести. Очевидно, что тяжкое оскорбление представляет собой оценочную категорию, требующую разъяснения применительно к каждому квалифицируемому деянию. В связи с этим считаем целесообразным дополнить содержание постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной прак-

тике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [6] определением понятия «аморальные действия (бездействие)» потерпевшего. Тем самым, субъективные признаки состава убийства в состоянии аффекта имеют ключевое значение как для уяснения состава данного преступления, так и для квалификации деяний, в которых наличествуют соответствующие признаки.

Субъектом убийства, совершенного в состоянии аффекта, является вменяемое физическое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 16-летнего возраста. С. Ф. Милуков полагает, что лица, не достигшие к моменту совершения преступления указанного возраста не могут быть субъектами привилегированных составов убийства. «Соответственно, за совершение одного и того же деяния в этом случае несовершеннолетний будет подвергаться более строгому наказанию, чем взрослый» [4, с. 218–219]. Здесь, по мнению автора, вероятно, имеет место несовершенство законодательной техники. Представляется, что выделенная С. Ф. Милуковым проблема является несколько надуманной. Отмеченный «пробел» законодательной техники должен преодолеваться с учетом общих принципов уголовного закона. Если, например, будет установлено, что лицо, достигшее ко времени совершения преступления 15-летнего возраста, совершил не «простое убийство», а убийство в состоянии аффекта, он теряет признаки субъекта данного преступления и не подлежит уголовной ответственности за данное деяние.

С субъективной стороны убийство, совершенное в состоянии аффекта, характеризуется умышленной формой вины. При этом, по мнению Е. В. Авдеевой, при юридической оценке состава преступления, предусмотренного ст. 107 УК РФ, стоит уделять особое внимание содержанию «субъективной стороны преступления, сопряженной с детальным анализом качественных изменений, составляющих сущность, свойства и признаки аффектирования состояния, выявлением цели и мотива преступного поведения лица, особенностей его проявления» [2].

К примеру, Д. Н. А. совершила убийство в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным поведением потерпевшего, при следующих обстоятельствах. У Д. Н. А. и ее бывшего супруга, проживающих на территории одного домовладения, систематически происходили конфликты, сопровождавшиеся оскорблениями и применением физической силы со стороны потерпевшего по

отношению к Д. Н. А., в ходе которых он систематически оскорблял, унижал Д. Н. А., применял к последней физическую силу, угрожал нанесением телесных повреждений ей и ее близким, в результате чего для Д. Н. А. на фоне возникших стойких неприязненных отношений с потерпевшим, вызванных его противоправными действиями к последней, сложилась длительная психотравмирующая ситуация.

В период времени с 4 ч. 00 мин. до 7 ч. 00 мин., более точное время следствием не установлено, находящийся в состоянии алкогольного опьянения в жилой комнате домовладения, при очередном конфликте с Д. Н. А., действуя противоправно, применяя физическое насилие в отношении Д. Н. А., пытался нанести последней телесные повреждения кувалдой, высказывая при этом угрозы убийством.

Д. Н. А., находясь в жилой комнате домовладения в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), протекающего в виде кумулятивного аффекта, вызванного длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным поведением потерпевшего, реализуя внезапно возникший умысел на убийство, т. е. умышленное причинение ему смерти, взяла кувалду, которой потерпевший пытался нанести ей телесные повреждения, и нанесла не менее двух ударов рабочей частью кувалды по голове потерпевшего, причинив последнему, согласно заключению эксперта, телесные повреждения в виде открытой черепно-мозговой травмы: ушибленных ран: в правой теменной области, в правой теменно-височной области, в правой височно-затылочной области, на правой ушной раковине; кровоподтеков обоих век левого глаза; кровоизлияний в мягких покровах свода черепа в правой височно-теменно-затылочной области, многооскольчатого перелома костей свода и основания черепа; разрывов твердой мозговой оболочки в правой височной области [8].

Таким образом, как справедливо указывает Е. В. Авдеева, «при диагностике аффекта в ходе проведения психолого-психиатрической экспертизы для сопоставления имеющихся объективных данных о предшествовавшем преступлению неправомерном поведении потерпевшего и характере его действий необходимо установить: 1) причину аффекта; 2) момент возникновения аффекта; 3) динамику аффектированного состояния; 4) степень влияния аффекта на сознание обвиняемого и сознательно-волевой уровень восприятия; 5) динамику эмоционального состояния обвиняемого во время совершения пре-

ступления; 6) индивидуальные психологические особенности виновного, детерминирующие возникновение аффекта» [1].

Подводя итог, отметим, что «аффект» представляет собой психофизиологическое состояние, имеющее уголовно-правовое значение. Непосредственным объектом убийства, совершенного в состоянии аффекта, является жизнь человека, понимаемая не только как физиологический процесс, но и как обеспеченная законом возможность существования индивида в обществе.

Список источников

1. Авдеева Е. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты аффектированного убийства // Российский судья. 2017. № 5. С. 38.
2. Авдеева Е. В. Спорные вопросы квалификации убийства, совершенного в состоянии аффекта // Российский следователь. 2019. № 1. С. 32.
3. Горностаева И. В. Уголовно-правовое и криминологическое значение аффекта: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
4. Милуков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000.
5. Официальный Интернет-сайт МВД России // URL://https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics.
6. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Приговор Прилузского районного суда Республики Коми от 25 июля 2019 г. по делу № 1-66/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Приговор Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону от 5 сентября 2019 г. по делу № 1-568/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Тасаков С. В., Тасаков В. С. Нравственные основы некоторых обстоятельств, смягчающих наказание по уго-

ловному законодательству России // Российская юстиция. 2016. № 7. С. 23.

10. Шель Ю. А. Убийство в состоянии аффекта // Законность. 2015. № 2. С. 56.

11. Шишков С. Н., Полубинская С. В. Специальная неюридическая терминология в УК РФ: трудности и проблемы // Судья. 2017. № 8. С. 50.

References

1. Avdeeva E. V. Criminal-legal and criminological aspects of affected murder // Russian judge. 2017. No. 5. P. 38.
2. Avdeeva E. V. Controversial issues of qualification of murder committed in a state of passion // A Russian investigator. 2019. No. 1. P. 32.
3. Gornostaeva I. V. Criminal law and criminological significance of affect: abstract. diss. ... cand. jurid. M., 2008.
4. Milyukov S. F. Russian criminal legislation: experience of critical analysis. St. Petersburg., 2000.
5. Official website of the MIA of Russia // URL://https://Ministry of Internal Affairs.rf/Deljatelnost/statistics.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 of January 27, 1999 «On judicial practice in cases of murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)» // SPS «ConsultantPlus».
7. The verdict of the Priluzsky District Court of the Komi Republic dated July 25, 2019 in case No. 1-66/2019 // SPS «ConsultantPlus».
8. The verdict of the Oktyabrsky District Court of Rostov-on-Don dated September 5, 2019 in case No. 1-568/2019 // SPS «ConsultantPlus».
9. Tasakov S. V., Tasakov V. S. The moral foundations of some circumstances mitigating punishment under the criminal legislation of Russia // Russian justice. 2016. No. 7. P. 23.
10. Shel Yu. A. Murder in a state of passion // Legality. 2015. No. 2. P. 56.
11. Shishkov S. N., Polubinskaya S. V. Special non-legal terminology in the Criminal Code of the Russian Federation: difficulties and problems // Judge. 2017. No. 8. P. 50.

Информация об авторе

Ю. В. Никонорова — доцент кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

Yu. V. Nikonorova — Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 07.12.2022; принята к публикации 23.01.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 07.12.2022; accepted for publication 23.01.2023.

Научная статья

УДК 347.211

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-198-201>

ИПОН: 2003-0059-1/23-575

MOSURED: 77/27-003-2023-01-774

Цифровые права: анализ эффективности механизма правового регулирования

Никита Андреевич Петраков

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, petrackow.nikit@yandex.ru

Аннотация. Проведен ретроспективный анализ текстов нормативно-правовых актов и проектов нормативно правовых актов, регулирующих цифровые права, привлечение инвестиций с помощью утилитарных цифровых прав, цифровые финансовые активы. Сделаны выводы об эффективности механизма правового регулирования и его соответствия регулируемым правоотношениям.

Ключевые слова: цифровое право, цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права, цифровая экономика, цифровая валюта, криптовалюта, токен, цифровизация, майнинг, блокчейн

Для цитирования: Петраков Н. А. Цифровые права: анализ эффективности механизма правового регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 198–201. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-198-201>.

Original article

Digital rights: analysis of the efficiency of the mechanism of legal regulation

Nikita A. Petrakov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, petrackow.nikit@yandex.ru

Abstract. A retrospective analysis of the texts of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts regulating digital rights, attracting investments with the help of utilitarian digital rights, digital financial assets was carried out. Conclusions are drawn about the effectiveness of the mechanism of legal regulation and its compliance with regulated legal relations.

Keywords: digital law, digital financial assets, utilitarian digital rights, digital economy, digital currency, cryptocurrency, token, digitalization, mining, blockchain

For citation: Petrakov N. A. Digital rights: analysis of the effectiveness of the mechanism of legal regulation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):198–201. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-198-201>.

Национальная программа «Цифровая экономика» [1], под эгидой которой в гражданском законодательстве появились такие нормативно-правовые акты, как Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — ФЗ о цифровых правах), Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — ФЗ о ЦФА), а также Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — ФЗ о краудфандинге) должна была стать ответом на вызов цифровой трансформа-

ции. Благодаря данным актам в отечественном правовом поле возникли такие понятия, как «цифровой финансовый актив», «цифровая валюта», «утилитарное цифровое право» и др.

Однако, анализируя оказанное на фактические правоотношения воздействие данных нормативных актов, следует отметить, что, спустя более полутора лет их вступления в силу, сложившаяся правовая неопределенность в отношении криптовалюты и токенов не была преодолена, а созданный институт цифровых прав не доказал своей эффективности в данном вопросе.

Рассматривая генезис и эволюцию гражданского законодательства в данной сфере, прослеживается, что проекты ФЗ о ЦФА и ФЗ о цифровых правах претерпели значительные изменения. При этом редукция обоих законопроектов в части нормативного

© Петраков Н. А., 2023

урегулирования оборота криптовалюты и придание категории «цифровое право» статуса родового понятия, которое, как ни странно, не включает в себя цифровую валюту, привели к тому, что заявленные законодателем цели в полном объеме не были достигнуты. Рассмотрим каждый из федеральных законов, принятых в рамках национальной программы «Цифровая экономика» и проанализируем — насколько поставленная в начале законотворческого процесса цель правового регулирования была достигнута.

Итак, пояснительная записка законопроекта о цифровых правах гласит, что целью данного проекта закона является: «Закрепление в гражданском законодательстве нескольких базовых положений, отталкиваясь от которых, российский законодатель мог бы осуществлять регулирование рынка существующих в информационно-телекоммуникационной сети новых объектов экономических отношений (в обиходе — «токены», «криптовалюта» и пр.)...» [2]. Примечательно, что и в случае законопроекта о ЦФА законодатель также стремился создать в нем понятийный аппарат, преследуя следующую цель: «...законодательное закрепление в российском правовом поле определений наиболее широко распространенных в настоящее время финансовых активов, создаваемых и/или выпускаемых с использованием цифровых финансовых технологий, к которым законопроект относит распределенный реестр цифровых транзакций, а также создание правовых условий для привлечения российскими юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями инвестиций путем выпуска токенов, являющихся одним из видов цифровых финансовых активов» [3].

В ходе «гармонизации» законопроектов о цифровых правах и о ЦФА их нормы были трансформированы таким образом, что главенствующим и флагманским понятием цифровой трансформации стало «цифровое право», а цифровой финансовый актив стал его разновидностью. Не погружаясь в вопросы о необходимости разработки отечественных аналогов для терминов «токен» и «криптовалюта», следует отметить, что первый трансформировался в ЦФА и утилитарное цифровое право, а второй — в понятие «цифровая валюта». При этом ЦФА и утилитарное цифровое право на данный момент — единственные разновидности базового понятия «цифровое право»; места для криптовалюты, или цифровой валюты, следуя терминологии ФЗ о ЦФА, под эгидой цифрового

права не нашлось. Таким образом, можно сделать вывод о том, что законодателю не удалось создать такой понятийный аппарат, который бы мог без оговорок применяться к существующим неформальным институтам криптовалюты и токенов.

К достоинствам ФЗ о ЦФА стоит отнести детально описанные процедуры по созданию ЦФА, их содержанию, требования к операторам; однако норм именно гражданского права в этом акте минимум. Требования к операторам информационных систем, порядку выпуска ЦФА, необходимость получения одобрения правил информационной системы от Банка России — административные нормы, которые не дают прямого ответа на вопрос о том, является ли ЦФА токеном в том смысле, в котором данное понятие употребляется в сфере оборота криптовалют. Однако, на него красноречиво отвечает практика, и ответ, к сожалению, неутешителен. В настоящий момент, в соответствии с нормами ФЗ о ЦФА, выпущено всего пять разных ЦФА, на общую сумму 68,8 млн руб.¹, что конечно несопоставимо с многомиллиардными оборотами токенов на криптобиржах (схема 1).

В тексте закона о ЦФА содержится упоминание о «цифровых финансовых активах, выпущенных в информационных системах, организованных в соответствии с иностранным правом». Но эта формулировка не дает ответа на вопрос, какие именно активы считать иностранными ЦФА. О том, что данный правовой режим нуждается в доработке говорит и тот факт, что иностранные компании не выпускали в соответствии с российским правом свои ЦФА. Вероятно, закон под иностранными ЦФА признает криптовалютные токены, которыми, к примеру, являются USDT, BUSD, DAI и т. д.

Целью ФЗ о краудфандинге является «развитие альтернативного источника финансирования проектов субъектов малого и среднего предпринимательства на ранних стадиях развития (в первую очередь высокотехнологичных компаний) — коллективного финансирования (краудфандинга и краудинвестинга)» [4]. В соответствии с действующим законодательством привлечение инвестиций возможно с помощью выпуска и продажи утилитарных цифровых прав. Анализ зарегистрированных в реестре Банка России [5] операторов инвестиционных платформ показал, что за время действия ФЗ о краудфандинге с помо-

¹ По расчетам автора.

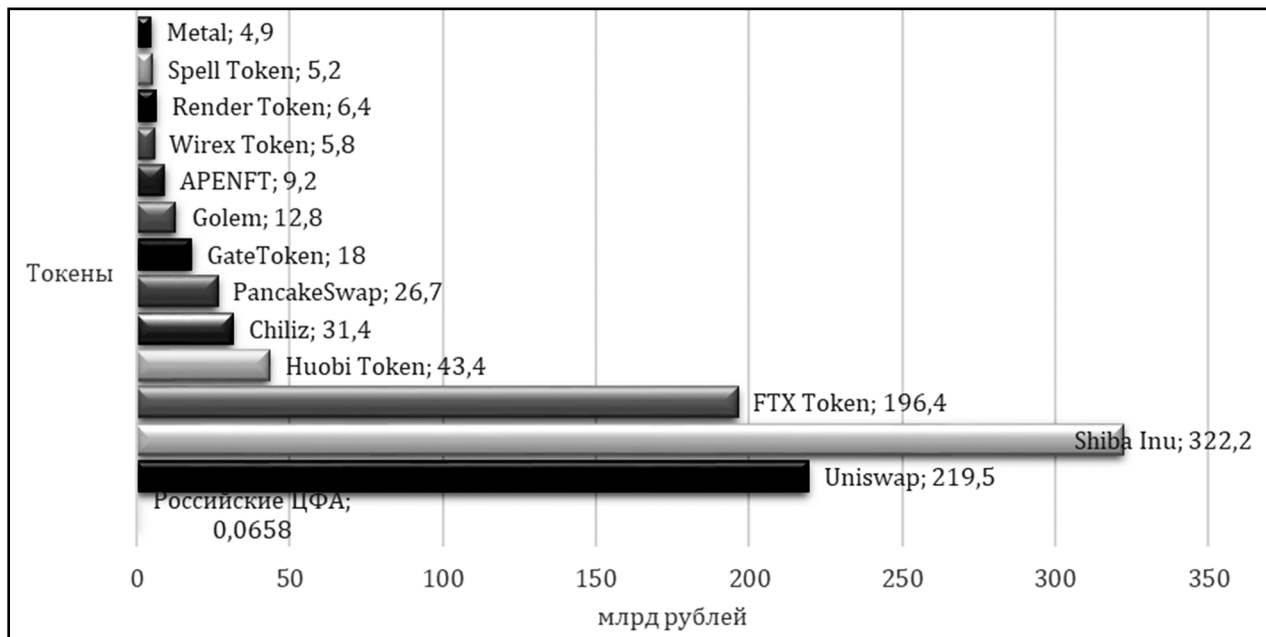

Схема 1. Рыночная капитализация некоторых токенов и отечественных ЦФА²

стью цифрового права (утилитарного цифрового права) были привлечены инвестиции лишь к одному проекту, размещенному на платформе «Компас инвестиций». В противовес этому крупнейшие российские краудфандинговые платформы «planeta.ru» и «boomstarter» в правилах своих платформ указали, что их деятельность не является деятельностью по привлечению инвестиций по смыслу ФЗ о краудфандинге. Это означает, что механизм правового регулирования, предложенный законом о краудфандинге, оказался неудобен или невыгоден данным компаниям. Данный факт приводит к неутешительным выводам: правовой режим утилитарного цифрового права в действующей редакции ФЗ о краудфандинге вряд ли жизнеспособен для целей краудфандинга. Однако, ничто не препятствует доведению до соответствующих стандартов закона информационных систем указанных сервисов, и, возможно, в случае признания фактической деятельности краудфандинговых платформ в судебном порядке деятельностью по привлечению инвестиций по смыслу ФЗ-259, изменение правил данных сервисов будет принудительным и может повлечь негативные последствия.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что и понятийный аппарат, и сами нормы законов, регулирующих цифровую экономику, подлежат изменению. Цифровое право в действующей редакции ГК РФ хотя и обозначено как самостоятельный объект прав, но в действительности все же уместнее говорить о цифровом способе фиксации правоотношений. Видится, что

дальнейшее направление развития категории «цифровое право» должно пойти по пути разработки уникального правового режима, связанного с абсолютным правом как на доступ, так и на распоряжение цифровыми объектами. Какие именно объекты считать истинно цифровыми, на которые должно распространяться цифровое право — вопрос, заслуживающий отдельного глубокого исследования.

Список источников

1. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержден президиумом совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16) // URL://<http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf>.

2. Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // URL://<https://sozd.duma.gov.ru/download/827EDED-92F1-46AE-A576-71C8113EB77C>.

3. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О цифровых финансовых активах» // URL://<https://sozd.duma.gov.ru/download/3B511CD9-429C-460F-A188-9925948CA9E9>.

² По состоянию на август 2022 г.

4. Пояснительная записка к проекту федерального закона «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинг)» // URL://<https://sozd.duma.gov.ru/download/49C089D5-9743-4C7F-B0B1-DF676A56DFA3>.

5. Банк России. Реестр операторов инвестиционных платформ // URL://https://www.cbr.ru/vfs/registers/infr/list_invest_platform_op.xlsx.

References

1. Passport of the national program «Digital Economy of the Russian Federation», approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects (Protocol No. 16 dated December 24, 2018) // URL://<http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf>.

2. The State Duma Committee on State Construction and Legislation. Explanatory Note to the draft Federal Law «On Amendments to Parts One, Two and Four of the Civil Code of the Russian Federation» // URL://<https://sozd.duma.gov.ru/download/827EDED-92F1-46AE-A576-71C8113EB77C>.

3. Explanatory Note to the draft federal law «About digital financial assets» // URL://<https://sozd.duma.gov.ru/download/3B511CD9-429C-460F-A188-9925948CA9E9>.

4. Explanatory Note to the draft federal law «On alternative ways of attracting investments (crowdfunding)» // URL://<https://sozd.duma.gov.ru/download/49C089D5-9743-4C7F-B0B1-DF676A56DFA3>.

5. Bank of Russia. Register of investment platform operators // URL://https://www.cbr.ru/vfs/registers/infr/list_invest_platform_op.xlsx.

Информация об авторе

Н. А. Петраков — адъюнкт кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

N. A. Petrakov — Adjunct of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 12.12.2022; принята к публикации 25.01.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 12.12.2022; accepted for publication 25.01.2023.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

2-е изд. Монография.
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
В. П. Малахов, Н. Д. Эриашвили

Продemonстрирована неразрывность методологических и мировоззренческих проблем, расширено понятие методологии; теория государства и права получила ряд специфических интерпретаций, выделено одно из наиболее перспективных направлений в развитии общеправовой теории, выработана матрица постановки методологических и мировоззренческих проблем юридической теории на основе органичного сочетания возможностей общеправовой теории и философии права. Рассмотрена проблема типов права, решение которой призвано быть мировоззренческой и методологической основой отраслевых наук.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений юридического профиля, а также всех интересующихся философскими и прикладными проблемами правовой жизни общества и личности.

Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя

В.П. Малахов
Н.Д. Эриашвили

Методологические
и мировоззренческие проблемы
современной юридической
теории

Второе издание

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-202-213>

NPON: 2003-0059-1/23-576

MOSURED: 77/27-003-2023-01-775

Институт референдума: проблемные вопросы квалификации и законодательство Российской Федерации

Ирина Геннадьевна Пирожкова¹, Алексей Михайлович Попов²

¹ Тамбовский государственный технический университет, Тамбов, Россия, 0_1_23456789@list.ru

² Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, pamtambov@yandex.ru

Аннотация. Анализируется содержание понятий «референдум», «плебисцит», «всенародное голосование» и другие родственные гибридные формы прямой демократии с точки зрения доктрины конституционного права, законодательства Российской Федерации и международных правовых источников. Дается сравнительная характеристика референдума и плебисцита; актуализируется проблема определения места этих форм в иерархии источников права; анализируется система законодательства СНГ, конституционного федерального и отраслевого законодательства России федерального уровня, регулирующего разные вопросы референдумного права. Делается вывод о незавершенности формирования легального понятия «референдум» законодательными средствами, отсутствии разработанного понятия «право на референдум», нечеткости юридической техники в деле определения принципов референдума как формы волеизъявления.

Ключевые слова: референдум, плебисцит, всенародное голосование, местный референдум, гибридные формы волеизъявления

Для цитирования: Пирожкова И. Г., Попов А. М. Институт референдума: проблемные вопросы квалификации и законодательство Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 202–213. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-202-213>.

Original article

Referendum institution: problematic issues of qualification and legislation of the Russian Federation

Irina G. Pirozhkova¹, Alexey M. Popov²

¹ Tambov State Technical University, Tambov, Russia, 0_1_23456789@list.ru

² Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, pamtambov@yandex.ru

Abstract. The content of the concepts «referendum», «plebiscite», «popular vote» and other related hybrid forms of direct democracy is analyzed from the point of view of the doctrine of constitutional law, the legislation of the Russian Federation and international legal sources. The comparative characteristics of the referendum and plebiscite are given; the problem of determining the place of these forms in the hierarchy of sources of law is actualized; the system of CIS legislation, constitutional federal and sectoral legislation of Russia at the federal level regulating various issues of referendum law is analyzed. The conclusion is made about the incompleteness of the formation of the legal concept of «referendum» by legislative means, the absence of a developed concept of «right to a referendum», the vagueness of legal technique in determining the principles of a referendum as a form of expression of will.

Keywords: referendum, plebiscite, popular vote, local referendum, hybrid forms of expression of will

For citation: Pirozhkova I. G., Popov A.M. Referendum institution: problematic issues of qualification and legislation of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):202–213. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-202-213>.

Институт референдума очень по-разному определяется в доктрине права. Буквальный перевод этого термина («должно быть сообщенным») косвенным образом проявляет его смысл. Существует несколько десятков определений понятия «референдум», как очень общих, так и весьма детальных. Среди них такие, как «обращение к избирательному

корпусу с целью принятия окончательного решения по конституции, законодательным или внутриполитическим и внешнеполитическим вопросам» [6, с. 410] или «принятие избирательным корпусом окончательного решения по конституционным, законодательным или иным внутри- и внешнеполитическим вопросам» [1, с. 225]. В. Е. Чиркин определяет референдум как

© Пирожкова И. Г., Попов А. М., 2023

«голосование избирателей за или против проекта определенного решения, в результате которого принимается решение государственного или местного уровня» [5, с. 267]. Причем он может иметь большую легитимность, чем принятый представительным органом закон, так как его результаты могут отменяться исключительно посредством нового референдума.

Таким образом, мы видим, что определение строится на выявлении субъектов принятия решений (избирательный корпус, население, частично — органы власти), на определении предмета референдума («по вопросам...»), частично — на указании на окончательный характер решения, его верховный иерархический статус.

Сходным термином, стоящим в ряду обозначений институтов прямой демократии является термин «плебисцит», народное голосование по важному вопросу общественной жизни. Есть государства, где эти термины употребляются как синонимы. Однако, ряд исследователей выделяют и различия, они представлены в табл. 1.

Таким образом, различия в терминологии связаны с лингвистическими нюансами происхождения терминов, а также с формальным закреплением их нормативного регулирования. Кроме того, признак обязательности решений референдума противоречит устоявшейся классификации референдумов на императивные и консультативные, которая присутствует в отечественной учебной и научной литературе. Можно сделать вывод, что плебисцит — термин более политологический, а референдум несет конкретно-правовой смысл.

Существуют и гибридные формы; такой формой иногда считают событие новейшей истории Российской Федерации — всенародное голосование по во-

просу внесения поправок в Конституцию РФ, проведенное в 2020 г. Конструкция «всенародное голосование» была введена в законодательство в 2020 г. ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [7], хотя сам термин в явном значении «референдум» содержится в Конституции 1993 г. в ст. 135, которая очерчивает роль Конституционного Собрания в изменении гл. 1, 2 и 9 Конституции. Синонимичность двух этих понятий также подтверждается ст. 21 ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» — реализация инициативы проведения всенародного голосования по проекту новой Конституции Российской Федерации — которая устанавливает единство процедур проведения всеобщего голосования в соответствии со ст. 135 Конституции и общероссийского референдума.

Изменения, внесенные в гл. 3–8 Конституции в 2020 г., не являются референдумом по формальным и процедурным причинам, так как его проведение не соответствует требованиям законодательства о референдуме [8]. Однако, такой признак референдума, отмеченный в табл. 1, как императивность принятого решения, был зафиксирован в законе: «Изменения в Конституцию Российской Федерации, предусмотренные ст. 1 настоящего Закона, считаются одобренными, если за них проголосовало более половины граждан Российской Федерации, принявших участие в общероссийском голосовании. Если за изменения в Конституцию Российской Федерации, предусмотренные ст. 1 настоящего Закона, проголосовало менее половины граждан Российской Федерации, принявших участие в общероссийском голосовании, такие изменения не считаются одобренными и ст. 1 настоящего Закона не вступает в силу» (п. 5 ст. 3).

Таблица 1.

Плебисцит и референдум: сравнительная характеристика

Плебисцит	Референдум
Происходит от термина «плебс», подчеркивает «простонародность», «демократию толпы», часто употребляется в значении «всенародного одобрения».	Имеет более нейтральные оценочные характеристики.
Применяется как синоним голосования по любым вопросам.	Часто применяется в узком смысле: проводится по конституционным вопросам.
Не зафиксирован в законодательстве РФ.	Зафиксирован в законодательстве РФ.
Не имеет четкой установленной формы и может означать любой опрос граждан.	Имеет четкую форму и процедуру проведения.
Результаты не имеют императивного значения.	Результаты имеют императивное значение.

При этом, термины «референдум» и «всенародное голосование» определяются законодательством друг через друга: «Референдум Российской Федерации — всенародное голосование граждан Российской Федерации, обладающих правом на участие в референдуме, по вопросам государственного значения» (ст. 3) [8].

Основной нормативный акт, создающий процедурные и концептуальные основы для конституционной реформы в формате плебисцита: «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, который вступил в силу 14 марта 2020 г.

Предыдущие изменения Конституции 2004 и 2014 гг. вносились в соответствии с гл. 9 Конституции, без генерирования дополнительного нормативного материала, уточняющего процедурные стороны внесения изменений.

Все нормативные акты о внесении поправок до 2020 г. содержали одну содержательную статью, отражающую форму нового конституционного текста, и одну статью, устанавливающую срок вступления поправки в силу. Конституционная реформа 2020 г. основана на ином механизме. В Законе № 33-ФЗ закреплены два новых условия:

1) положительное заключение КС РФ, в котором Суд должен был подтвердить либо опровергнуть конституционность обновленной процедуры изменения Конституции Российской Федерации и оценить вносимые изменения с точки зрения их соответствия неизменяемым гл. 1 и 2 Конституции, закрепляющим основы конституционного строя и базовые конституционные права и свободы. Положительное заключение Конституционного Суда было принято 16 марта 2020 г. [26];

2) назначение всероссийского голосования по вопросу об одобрении вносимых изменений избирательным корпусом Российской Федерации, что является важным для цели квалификации данной процедуры.

Такое голосование не является референдумом, но по всей вероятности является плебисцитом.

В новейшей аналитической литературе есть множество оценок проведенному голосованию, которые включают оценку политических рисков, оценку процедурных новелл. Все они сопоставляют всенародное голосование с избирательными и референдумными процедурами. Однако существует иная точка зрения, которая объявляет такие сравнения некор-

ректными в связи с тем, что разные формы волеизъявления должны иметь разное нормативное закрепление: ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» регулирует выборы в органы власти, ФЗ «О референдуме РФ» — вопросы референдума, Закона РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» — новый и специальный закон, касающийся единичной конституционной процедуры внесения поправок в Основную закон как политико-правовой акт [27].

Узкий смысл термина «референдум», который отождествляется с утверждением предложений органов публичной власти, на наш взгляд, не соответствует его действительному значению, так как референдумы с исторической точки зрения проводились по самым разным вопросам, сформулированным различными политическими, в том числе и общественными, акторами, особенно этот нюанс значим на муниципальном, местном уровне. В этом смысле референдум может быть близок к родственным институтам народной правотворческой инициативы.

Правовая природа референдума имеет также много общего с институтом выборов, что является основой для частого объединения в научной литературе вопросов избирательного и референдумного права.

Объединяет референдум и выборы следующие элементы правовой действительности.

1. Теоретическое обоснование необходимости институтов народовластия для существования демократии. Классификация и выборов, и референдумов как форм прямого волеизъявления населения, что подтверждается прямыми цитатами текста Конституции 1993 г.: ст. 3, которая относит эти институты к элементам конституционного строя и ст. 130., которая провозглашает их основой волеизъявления народа в рамках реализации права на самоуправление. Выявление основного субъекта для обеих процедур — народа. Схожесть целеполагания выборов и референдумов: организация формирования публичных институтов власти и правотворчества.

2. Схожесть принципов проведения обеих электоральных процедур, обусловленных современными демократическими стандартами (принцип свободного вотума, равенства, всеобщности, процедуры тайного выражения мнения и др.).

3. Процедурная и сущностная схожесть выражается в наличии стадий как и избирательного, так и референдумного процессов; например, информирование избирателей, агитация, образование участков для голосования, составление списков избирателей, акт голосования, установление итогов голосования и др.

Правовая природа референдума определяется также его процедурным характером, референдум сам по себе не является приметой демократического режима, но является действенным механизмом принятия решений большинством населения, что очевидным образом характеризует сущностный характер демократических процедур. С этой точки зрения включенность референдума в правовой процедурный арсенал может считаться организационно-правовой гарантией соблюдения прав человека.

С точки зрения доктрины прав и свобод человека, референдум является формой реализации политических прав граждан. Однако, специалисты отмечают, что: «...в рамках референдума конкретизируются и некоторые личные, социально-экономические права. При этом они обременяются набором ограничений, присущих сугубо политическим правам: наличие гражданства, достижение совершеннолетия и др.» [2]. Примечательно, что в законодательстве РФ отсутствует определение дефиниции «право на референдум», но закреплена конструкция «право на участие в референдуме».

Правовая основа организации, проведения референдума и инкорпорации решений, принятых народом, заключена в законодательных и иных нормативных актах международного и национально-правового уровня регулирования.

Международный уровень регулирования представлен, в первую очередь, базовыми документами о политических правах человека как общего характера: Пакт ООН о гражданских и политических правах граждан [28], Конвенция основных прав и свобод [29], Европейская Хартия местного самоуправления [30], так и специальными актами, регулирующими:

♦ во-первых, доступ к реализации политических прав особых групп граждан — Конвенция о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г., которая акцентирует необходимость введения «ассистивных и новых технологий, где это уместно» (п. 20); Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г., которая устанавли-

вает беспрепятственный доступ женщин к избирательным процедурам;

♦ во-вторых, процедурные детали организации референдумов: Европейская Конвенция о консульских функциях (от 11 декабря 1967 г.) и соответствующие Консульские Конвенции РФ и ряда зарубежных государств, а также Консульский устав Российской Федерации (ст. 24) [19].

Важное значение имеют обобщения международных органов по вопросу реализации гражданами своих прав, которые, с одной стороны, напоминают мировому сообществу о ценности доктрины прав и свобод, с другой стороны, могут указывать на некоторые теоретические нюансы их классификации. Так, упомянутый документ содержит фразу «выборы, референдумы и плебисциты, в ходе которых люди избирают своих представителей и выражают свои предпочтения...» [31], что указывает на разделение этих категорий, о чем говорилось ранее в данной работе.

Особое место среди международных актов о правах человека на участие в референдуме занимают акты СНГ, большая часть из которых является рамочными законами.

В преамбуле постановления межпарламентской Ассамблеи СНГ «О соблюдении прав человека и основных свобод в государствах – участниках СНГ» [32] говорится о необходимости установления наблюдения в ходе проведения выборов и референдумов и формулируются Рекомендации по этому поводу.

Модельный закон в сфере борьбы с коррупцией ставит целью создание механизма пресечения подкупа избирателя (ст. 3), описывает формы административных правонарушений при проведении референдума в сфере отчетности, незаконного использования данных, незаконной финансовой поддержки (ст. 8).

Модельный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления» [33] устанавливает в ст. 25 понятие местного референдума и дополняется специальным модельным актом, посвященным ему как важнейшему элементу народовластия при решении вопросов местного значения. Модельный закон «О местном референдуме» [34] предлагает организацию данного уровня электоральной демократии.

В основе национального законодательства о референдуме федерального конституционного уровня лежит два важнейших акта: Конституция России 1993 г. и ФКЗ «О референдуме Российской Федерации», принятый в 2004 г. и заменивший ФКЗ 1995 г.

[8], который, в свою очередь, был принят взамен действовавшего на тот момент Закона «О референдуме РСФСР» [35].

Конституция России устанавливает общие принципы народовластия, которое выражается, в том числе, в форме референдума и всеобщего голосования.

Преамбула действующего ФКЗ указывает, что референдум не может быть инструментом принятия решений, противоречащих действующей Конституции, что означает, очевидно, что законодатель не ставит референдум вверху иерархии источников конституционного права. При этом Закон РСФСР содержал в себе норму о высшем положении решений, принятых на референдуме, в системе нормативных источников: «Решения, принятые всероссийским референдумом, обладают высшей юридической силой, в каком-либо утверждении не нуждаются и обязательны для применения на всей территории РСФСР» (ст. 1). Отсутствие в действующем ФКЗ нормы о высшем положении акта референдума в действующем законодательстве, на наш взгляд, противоречит норме Конституции РФ 1993 г., изложенной в п. 3. ст. 3: «Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы» в правовой демократической доктрине в этой области.

Новейшая история России показывает также закрепление референдума как акта высшей силы, чье решение противоречит действующему конституционному законодательству применительно к ситуации в другой стране. Так, в Договоре между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов (2014 г.) [36] говорится, что свободное и добровольное волеизъявление народов Крыма является основой решения о воссоединении Крыма с Россией.

В отличие от предшествующего закона, действующий систематизирует законодательство о всероссийском референдуме в ст. 3 и относит к нему «Конституцию Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, настоящий Федеральный конституционный закон, другие федеральные конституционные законы, федеральный закон об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, другие федеральные законы».

При этом, как следует из цитаты, общепринятые принципы относятся к системе законодательства, хотя могут быть приняты и не в форме закона. Это наглядное указание на прижившуюся в отечественной доктрине традицию понимать термин «законодательство» расширительно.

Среди подзаконных актов ФКЗ называют акты Центральной избирательной комиссии РФ.

ФКЗ «О референдуме в Российской Федерации» имеет признаки кодификации: обладает развитой общей частью и даже преамбулой, формулирует основные категории референдумного права, устанавливает принципы проведения референдума, которые соответствуют общепринятым мировым стандартам и родственны принципам проведения выборов, также ФКЗ излагает процессуальные нормы, лежащие в основе организации референдума.

Рассматриваемый конституционный закон содержит два конкретных указания на необходимые случаи проведения референдума (всенародного голосования): 1) голосование по внесению поправок в Конституцию, на основе ст. 135 Конституции и ФКЗ о Конституционном Собрании; 2) референдум в соответствии с международным договором Российской Федерации. При этом ФКЗ о Конституционном Собрании на основе нормы, изложенной в п. 2. ст. 135 Конституции. История разработки такого ФКЗ не завершена, последний проект такого ФКЗ, подготовлен и внесен в 2017 г. [37].

Однако, в федеральном конституционном законодательстве есть еще одно прямое указание на ситуацию, когда должен проводиться референдум (регионального характера). ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» [9], который устанавливает обязательность референдума как средства выражения воли населения территории, которая может стать основой для образования нового субъекта РФ в ее составе.

К уровню федерального конституционного законодательства, регулирующего разные вопросы референдумного права в условиях введения особых административных режимов, относятся:

♦ ФКЗ «О чрезвычайном положении» [10], который в ст. 14 прямо запрещает проведение выборов и референдумов в условиях чрезвычайного положения и этим соотносится с ограничительными нормами Федерального закона «О защите населения и

территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [13];

♦ аналогичный ФКЗ «О военном положении» (ст. 7) [11].

Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» [12] в гл. 16 устанавливает полномочия Конституционного Суда как арбитра в делах о проверке соответствия вопроса, выносимого на референдум Российской Федерации.

Основным нормативным актом среди федеральных законов, посвященных правам человека в области организации референдума, является Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [14], его роль в системе законодательства — определение процедурных вопросов избирательного и референдумного процесса.

Уровень федерального законодательства дополняется специальными актами.

Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», который позволяет откладывать назначенный референдум в означенных условиях полномочиями избирательных комиссий любого уровня (ст. 11.2) [13].

Местный референдум регулируется ст. 22 ФЗ-131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [15] и делает отсылку к необходимости создания законодательства в сфере референдумного права в субъектах Российской Федерации.

Следующая группа федерального законодательства относится к установлению разных видов ответственности за нарушения законодательства в сфере реализации прав граждан на участие в референдуме.

Так, Закон «О средствах массовой информации» [20] устанавливает возможность приостановления действия СМИ в случае повторного нарушения законодательства об агитации во время подготовки референдума (ст. 16.1).

ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в ст. 15.3-1 [16] устанавливает субъектный состав действий по ограничению информации, признанной нарушающей законодательство о референдуме. Классические виды юридической ответственности установлены в уголовном, административном законодательстве.

УК РФ устанавливает ответственность за фальсификацию документов и итогов референдума, нарушение законодательства и о финансировании и др. [21].

КоАП РФ устанавливает ответственность в гл. 5 «Административные правонарушения, посягающие на права граждан» [22] за нарушение права гражданина на ознакомление со списком участников референдума (ст. 5.1), за неисполнение решения комиссии референдума и непредставление сведений и материалов по ее запросу (ст. 5.3), за нарушение порядка представления сведений об участниках референдума (ст. 5.4), за нарушение порядка участия средств массовой информации в информационном обеспечении выборов, референдумов, общероссийского голосования (ст. 5.5) и др.

Процессуальные особенности судебных споров, связанных с правом на участие в референдуме, регулируются КАС РФ (гл. 24. Производство по административным делам о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации) [23].

Следующим уровнем законодательства о референдуме является уровень субъектов Федерации: в силу ст. 72 Конституции «защита прав и свобод человека и гражданина» является предметом совместного ведения Федерации и ее субъектов. Ряд федеральных законов прямо предписывают необходимость создания регионального законодательства, обеспечивающего реализацию права на участие в референдуме.

Законодательство субъектов закрепляет право граждан на участие в референдуме и организационные нормы в Конституциях (Уставах), а также в избирательном законодательстве, в том числе, представленном в кодифицированном виде. Например, в Белгородской, Курской областях [24; 25].

Отметим, что законодательство РФ не содержит термина «региональный референдум», а оперирует термином «референдум субъекта Российской Федерации», подразумевая под ним проводимый в соответствии с Конституцией Российской Федерации и законодательством, и в частности, законом субъекта Российской Федерации среди обладающих правом на участие в референдуме граждан Российской Федерации, место жительства которых расположено на территории субъекта Российской Федерации. Доктрина референдумного права активно использует эквивалентное понятие «региональный референдум» или «референдум регионального уровня» [4].

Федеральное законодательство устанавливает необходимость проведения референдумов на региональном уровне (в частности такая необходимость предусмотрена в ситуации образования нового субъекта РФ), а также устанавливает право на проведение референдума в региональном и местном масштабе.

Среди названных в этой системе источников международного характера особенно важна для реализации права на участие в референдуме на региональном и местном уровнях Хартия Местного самоуправления. Хартия в своей преамбуле утверждает, что «право граждан участвовать в ведении государственных дел ... наиболее непосредственно может быть осуществлено именно на местном уровне» [30]. Основной нормативный материал по местному референдуму сосредоточен в ФЗ-131, являющемся рамочным для формирования системы местного самоуправления [15]. Обширная ст. 22 этого закона устанавливает основные нормы по подготовке и проведению местного референдума и помещает нормативный материал в гл. 5.

Материал данной главы подвергся довольно существенным модификациям в 2019–2020 гг., общий тренд такой модификации — расширение форм прямого волеизъявления, многие из которых, на наш взгляд, могут считаться разновидностями плебисцита, который, как это было описано выше, в теории референдумного права не до конца отделен от референдума. Среди форм прямого волеизъявления, наряду с референдумом, ФЗ-131 называет выборы, возможность отзыва выборного лица, сход граждан как форма замены представительного органа и родовой вариант такого схода (ст. 25 и 25.1), правотворческую инициативу граждан, инициативные проекты, территориальное общественное самоуправление, публичные слушания и общественные обсуждения, собрание граждан, конференция (собрание делегатов), опрос граждан. Помимо этого, в гл. 5 в перечне названных форм прямого волеизъявления не совсем, на наш взгляд, обоснованно присутствует ст. 27.1 «Староста сельского населенного пункта» (не совсем обосновано, так как название статьи отражает один из правовых статусов, а не форму плебисцита, формой волеизъявления было бы «выборы/назначение старосты...»). Также гл. 5 содержит такую форму, как «обращение граждан в органы местного самоуправления», которая регулируется отдельным федеральным законом [17].

Закон устанавливает цели проведения референдума — решение вопросов местного значения. Сам подход к определению таких вопросов носит формально-сущностный характер, т. е. законодательство содержит конкретный перечень таких вопросов, и сущностно определяет их признак, «привязывая» их к конкретной территории.

Устанавливается правило проведения такого референдума сразу на всей территории, так как единица местного самоуправления не может делиться на более мелкие территориальные части.

Важнейший вопрос, проливающий свет на создание реального механизма проведения форм плебисцитов, — это вопрос об инициативе и субъектах назначения референдумов и родственных ему форм прямой демократии. Назначает местный референдум представительный орган местного самоуправления. Инициаторами могут выступать граждане, «избирательные объединения, иные общественные объединения, уставы которых предусматривают участие в выборах и (или) референдумах и которые зарегистрированы в порядке и сроки, установленные федеральным законом», а также сам представительный орган муниципального образования вместе с главой местной администрации.

Все инициаторы, кроме представительного органа и главы местной администрации должны собрать подписи, число которых не может превышать 5 % от числа участников референдума, зарегистрированных на территории муниципального образования, конкретное число в рамках этих границ устанавливается законом субъекта федерации. Назначение референдума представительным органом в соответствии с оформленной инициативой должно уложиться в 30-дневный срок. Если этот срок упущен, законодатель предусматривает назначение референдума судом по обращению граждан, избирательных объединений, главы муниципального образования, органов государственной власти субъекта Российской Федерации, избирательной комиссии субъекта Российской Федерации или прокурора.

Важнейшей нормой, которая характеризует референдум как обязательный или консультативный, является императивно установленное применение решения населением, принятое в его результате. ФЗ-131 гласит, что «принятое на местном референдуме решение подлежит обязательному исполнению на территории муниципального образования и не

нуждается в утверждении какими-либо органами государственной власти, их должностными лицами или органами местного самоуправления» и таким образом устанавливает акт референдума на вершине иерархии источников права на муниципальном уровне. Теоретически возникает вопрос о возможной правовой коллизии в ситуации, когда на референдуме принимается решение, противоречащее Конституции РФ и федеральному законодательству.

Разрешение такого конфликта предусмотрено нормой об оспариваемости решений референдума «в судебном порядке гражданами, органами местного самоуправления, прокурором, уполномоченными федеральным законом органами государственной власти». Принципиальная оспариваемость решений референдума любого уровня устанавливается и ст. 73-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [18].

Последнее основание — несоответствие решения, принятого на референдуме Конституции Российской Федерации, федеральному закону, а на местном референдуме, также закону субъекта Российской Федерации — является сущностным, видовым ответом на вопрос: является ли любое решение, принятое путем законно проведенного референдума, выше любого другого источника права? На наш взгляд, в строгом смысле этого слова — нет, не является, вопреки установленному в законодательстве приоритету: «Решение, принятое на референдуме, является обязательным и не нуждается в дополнительном утверждении» (п. 1. ст. 73 № 67-ФЗ).

Подводя итоги и суммируя анализ доктрины референдумного права, законодательства, действующего на федеральном и региональном уровне, можно сделать следующие выводы и наблюдения.

В России, равно как в других зарубежных странах с либерально-демократическим конституционным устройством, Конституция рассматривает референдум как форму высшего непосредственного выражения власти народа. Международные акты, закрепляющие права человека в разных сферах, обязывают создавать в национальном праве действенные механизмы реализации права на участие в референдуме.

Терминология референдумного права в российской правовой доктрине не является полностью устоявшейся, в частности термины «референдум», «плебисцит», «всенародное голосование», а также

местоположение нормативного материала, регулирующего проведение референдума, среди норм, отражающих другие формы прямой демократии, не дают точного легального основания для создания дефиниций. Само право человека на участие в референдуме, закрепленное в российском законодательстве, может выражаться более обширным термином «право на референдум».

Законодательство о референдуме обширно, в частности за счет значительного количества актов регионального и местного нормотворчества, в целом, однако типичных, за счет жесткой «рамки» федерального законодательства, в том числе в формате федерального конституционного закона. Основной специальный закон, представляющий систему источников референдумного права, определяет фактическую возможность его реализации волей Президента государства. Распространенность общероссийского референдума невысока и представлена отдельными, наиболее значимыми плебисцитарными формами, которые именуются «голосованием по вопросу» и регулируются смежным законодательством, в том числе, созданным специально для таких форм.

Региональный уровень референдумного волеизъявления представлен в основном референдумами по вопросу создания нового субъекта федерации в составе РФ, проводимых на основании императивных норм федерального законодательства.

Наиболее активно осуществляется волеизъявление в формате местного референдума проводимого по вопросам местного значения. Большая часть таких референдумов проводится по вопросам изменений границ муниципальных единиц и их преобразования, а также по вопросам самообложения.

При подчеркивании важности и высокого нормативного статуса результатов прямого волеизъявления, в доктрине зафиксировано двойное отношение к референдуму, выражающееся в его громоздкости, потенциальной возможности дестабилизации общественных отношений.

Система законодательства о референдуме подчинена общей схеме иерархии конституционного законодательства, соотносится с международно-правовыми документами референдумного права, доктриной, которая классифицирует референдум по уровню проведения как общенациональный (федеральный), региональный (субъектов федерации) и местный.

Законодательство имеет пробелы в формировании норм об изменении Конституции путем референдума, так как не содержит специального ФКЗ о Конституционном Собрании, не содержит четкого разграничения понятий «референдум», «всеобщее голосование» и «плебисцит».

Сравнительный анализ законодательства позволяет сделать вывод, что Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г., по сравнению с предшествующим Федеральным конституционным законом от 10 октября 1995 г., значительно усложнил процедуру реализации конституционного права граждан РФ на участие в референдуме. Такое мнение о референдуме по закону 2004 г. высказали В. О. Лучин и А. В. Мазуров. По мнению А. Вешнякова: «действующий в Российской Федерации порядок организации референдума является «прямой и абсолютной демократией». С ним согласен Б. Грызлов: «Это, безусловно, закон демократичный. Но мы убеждены в другом: новые условия подготовки и проведения референдума беспрецедентно ужесточены, забюрократизированы и не имеют с демократией ничего общего. Провести в соответствии с ними референдум без согласия Президента и высших органов власти нереально» [3].

Список источников

1. Большая советская энциклопедия. М., 1972.
2. Курячая М. М. Право на референдум в системе основных прав и свобод граждан Российской Федерации // Человек. Сообщество. Управление. 2004. № 3-4. С. 20–32.
3. Лучин В. О., Мазуров А. В. Новый закон о референдуме // URL:// <https://www.lawmix.ru/comm/2553>.
4. Сравнительное конституционное право / Ред. кол. А. И. Ковлер, В. Е. Чиркин, Ю. А. Юдин. М.: Наука, 1996.
5. Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран. М.: Наука, 2006.
6. Юридический энциклопедический словарь. М., 1987.
7. Федеральный конституционный закон от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
8. Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2710.
9. Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4916.
10. Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.
11. Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» // СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 375.
12. Федеральный конституционный закон от 9 октября 2020 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»» // СЗ РФ. 2020. № 46. Ст. 7196.
13. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.
14. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
15. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
16. Федеральный закон от 27 июня 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.
17. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.
18. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
19. Федеральный закон от 5 июля 2010 г. № 154-ФЗ «Консульский устав Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 28. Ст. 3554.
20. Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.
21. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

22. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

23. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

24. Избирательный Кодекс Белгородской области: принят Белгородской Областной Думой 24 марта 2005 г.

25. Кодекс о референдумах в Костромской области: принят Костромской Областной Думой // СПС «КонсультантПлюс».

26. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации о соответствии положениям гл. 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации, не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу ст. 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-3 (г. Санкт-Петербург) // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347691.

27. 10 главных попыток дискредитировать голоование по поправкам в Конституцию РФ. Российское Агентство правовой и судебной информации // URL://http://rapsinews.ru/legislation_publication/20200609/305900574.html.

28. Международный пакт о гражданских и политических правах, принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. // URL://<https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540295/chapter/049c8ff5aea691880bcd32449444cd1/>

29. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 13 мая 2004 г.) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (подписан в г. Париже 20 марта 1952 г.), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (подписан в г. Страсбурге 16 сентября 1963 г.), «Протоколом № 7» (подписан в г. Страсбурге 22 ноября 1984 г.)) // СПС «КонсультантПлюс».

30. Европейская хартия местного самоуправления ETS № 122 (Страсбург, 15 октября 1985 г.) // URL:// <https://docs.cntd.ru/document/1901042>.

31. Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты (управление систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, 2019 г.) // URL:// <http://ivo.garant.ru/#/doclist/2301:1>.

32. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ: принято на XXII пленарном заседании 15 октября 2003 г. «О соблюдении прав человека и основных свобод в государствах – участниках СНГ» // URL://<http://docs.cntd.ru/document/901898824>.

33. Модельный закон: принят на X пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 6 декабря 1997 г. № 10-17 «Об общих принципах организации местного самоуправления» // URL://<http://docs.cntd.ru/document/901898824>.

34. Модельный закон: принят постановлением на XIV пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 16 октября 1999 г. № 14-15 «О местном референдуме» // URL://<http://docs.cntd.ru/document/901820078>.

35. О референдуме РСФСР (утратил силу с 16 октября 1995 г. на основании Федерального конституционного закона от 10 октября 1995 г. № 2-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации») // URL://<http://docs.cntd.ru/document/901700158>.

36. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов (Москва, 18 марта 2014 г.) // СЗ РФ. 2014. № 14. Ст. 1570.

37. Паспорт проекта Федерального конституционного закона № 316307-7 «О Конституционном Собрании Российской Федерации» // URL://<https://sozd.duma.gov.ru/bill/316307-7>.

References

1. The Great Soviet Encyclopedia. M., 1972.
2. Kuryachaya M. M. The right to a referendum in the system of fundamental rights and freedoms of citizens of the Russian Federation // Man. Community. Management. 2004. No. 3-4. P. 20–32.
3. Luchin V. O., Mazurov A. V. The new law on the referendum // URL:// <https://www.lawmix.ru/comm/2553>.

4. Comparative constitutional law / Ed. Col. A. I. Kovler, V. E. Chirkin, Yu. A. Yudin. M. : Nauka, 1996.
5. Chirkin V. E. Constitutional law of foreign countries. M. : Nauka, 2006.
6. Legal Encyclopedic Dictionary. M., 1987.
7. Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of March 14, 2020 «On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Power» // SZ RF. 2020. No. 11. St. 1416.
8. Federal Constitutional Law No. 5-FKZ of June 28, 2004 «On the Referendum of the Russian Federation» // SZ RF. 2004. No. 27. St. 2710.
9. Federal Constitutional Law of December 17, 2001 No. 6-FKZ «On the Procedure for Admission to the Russian Federation and the Formation of a New Subject of the Russian Federation in its Composition» // SZ RF. 2001. No. 52 (Part I). St. 4916.
10. Federal Constitutional Law of May 30, 2001 No. 3-FKZ «On the state of emergency» // SZ RF. 2001. No. 23. St. 2277.
11. Federal Constitutional Law of January 30, 2002 No. 1-FKZ «On martial law» // SZ RF. 2002. No 5. St. 375.
12. Federal Constitutional Law No. 5-FKZ of October 9, 2020 «On Amendments to the Federal Constitutional Law «On the Constitutional Court of the Russian Federation» // SZ RF. 2020. No. 46. St. 7196.
13. Federal Law No. 68-FZ of December 21, 1994 «On the Protection of the Population and territories from natural and Man-made emergencies» // SZ RF. 1994. No. 35. St. 3648.
14. Federal Law No. 67-FZ of June 12, 2002 «On Basic guarantees of Electoral rights and the rights of citizens of the Russian Federation to participate in a referendum» // SZ RF. 2002. No. 24. St. 2253.
15. Federal Law of October 6, 2003 No. 131-FZ «On General Principles of the Organization of local Self-Government in the Russian Federation» // SZ RF. 2003. No. 40. St. 3822.
16. Federal Law No. 149-FZ of June 27, 2006 «On Information, Information Technologies and Information Protection» // SZ RF. 2006. No. 31 (Part I). St. 3448.
17. Federal Law No. 59-FZ of May 2, 2006 «On the procedure for consideration of appeals Citizens of the Russian Federation» // SZ RF. 2006. No. 19. St. 2060.
18. Federal Law No. 67-FZ of June 12, 2002 «On Basic guarantees of electoral rights and the Right to participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation» // SZ RF. 2002. No. 24. St. 2253.
19. Federal Law No. 154-FZ of July 5, 2010 «Consular Charter of the Russian Federation» // SZ RF. 2010. No. 28. St. 3554.
20. Law of the Russian Federation of December 27, 1991 No. 2124-I «On Mass Media» // Vedomosti of the SND of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1992. No. 7. St. 300.
21. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 // SZ RF. 1996. No. 25. St. 2954.
22. Code of the Russian Federation on Administrative Offences of December 30, 2001 // SZ RF. 2002. No. 1 (part I). St. 1.
23. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of March 8, 2015 // SZ RF. 2015. No. 10. St. 1391.
24. The Electoral Code of the Belgorod Region: adopted by the Belgorod Regional Duma on March 24, 2005.
25. The Code on referendums in the Kostroma region: adopted by the Kostroma Regional Duma // SPS «ConsultantPlus».
26. Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation on compliance with the provisions of Chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation, the provisions of the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation «On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Power» that have not entered into force, as well as on compliance with the Constitution of the Russian Federation with the procedure for entry into force of Article 1 this Law in connection with the request of the President of the Russian Federation dated March 16, 2020 No. 1-Z (g. Saint Petersburg) // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347691.
27. 10 main attempts to discredit the vote on amendments to the Constitution of the Russian Federation. Russian Agency of Legal and Judicial Information // URL://http://rapsinews.ru/legislation_publication/20200609/305900574.html.
28. The International Covenant on Civil and Political Rights, adopted by General Assembly resolution 2200 A (XXI) of December 16, 1966 // URL://<https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540295/cha-pter/049c8ff5aea691880bcd324494444cd1/>
29. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (concluded in Rome on November 4, 1950) (with amendments dated May 13,

2004) (together with «Protocol [No. 1]» (signed in Paris on March 20, 1952), «Protocol No. 4 on ensuring certain Rights and Freedoms in addition to those already included in the Convention and the First Protocol thereto» (signed in Strasbourg on September 16, 1963), «Protocol No. 7» (signed in Strasbourg on November 22, 1984) // SPS «ConsultantPlus».

30. European Charter of Local Self-Government ETS No. 122 (Strasbourg, October 15, 1985) // URL://<https://docs.cntd.ru/document/1901042>.

31. Generalization of the legal positions of interstate bodies for the protection of human rights and freedoms and special rapporteurs (working groups) acting within the framework of the UN Human Rights Council on the issue of protection (Department of Systematization of Legislation and analysis of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation, 2019) // URL://<http://ivo.garant.ru/#/doclist/2301:1>.

32. Resolution of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States: adopted at the XXII plenary session on October 15, 2003. «On the observance of human rights and fundamental freedoms in the CIS member States» // URL://<http://docs.cntd.ru/document/901898824>.

33. Model Law: adopted at the X plenary session of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States on December 6, 1997 No. 10-17 «On General principles of the organization of local self-government» // URL://<http://docs.cntd.ru/document/901898824>.

34. Model Law: adopted by Resolution at the XIV plenary session of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States of October 16, 1999 No. 14-15 «On the local referendum» // URL://<http://docs.cntd.ru/document/901820078>.

35. On the referendum of the RSFSR (expired on October 16 1995 on the basis of Federal Constitutional Law No. 2-FKZ of October 10, 1995 «On the Referendum of the Russian Federation») // URL://<http://docs.cntd.ru/document/901700158>.

36. Agreement between the Russian Federation and the Republic of Crimea on the admission of the Republic of Crimea to the Russian Federation and the formation of new subjects within the Russian Federation (Moscow, March 18, 2014) // SZ RF. 2014. No. 14. St. 1570.

37. Passport of the draft Federal Constitutional Law No. 316307-7 «On the Constitutional Assembly of the Russian Federation Federation» // URL://<https://sozd.duma.gov.ru/bill/316307-7>.

Информация об авторах

И. Г. Пирожкова — доцент кафедры «Конституционное и административное право» Тамбовского государственного технического университета, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент;

А. М. Попов — доцент кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

I. G. Pirozhkova — Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Tambov State Technical University, Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

A. M. Popov — Associate Professor of the Department of Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.11.2022; одобрена после рецензирования 21.12.2022; принята к публикации 25.01.2023.

The article was submitted 24.11.2022; approved after reviewing 21.12.2022; accepted for publication 25.01.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-214-218>

ИПОН: 2003-0059-1/23-577

MOSURED: 77/27-003-2023-01-776

Особенности договора фрахтования морского судна в Российской Федерации

Елена Васильевна Протас¹, Светлана Евгеньевна Павлюченкова²

¹ Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия, evprotas@mail.ru

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются морские перевозки, которые в настоящее время являются достаточно популярным способом перевозки груза, пассажиров и багажа. Дается характеристика одного из традиционных договоров — договора фрахтования. Прослеживаются отличительные особенности каждого из видов чартерных перевозок. Затронут вопрос соотношения договора фрахтования морского судна и других гражданско-правовых договоров.

Природа фрахтования является достаточно неоднозначной и сложной. На сегодняшний день выделяют три вида чартера, для каждого из которых характерны свои особенности. Для того, чтобы повысить эффективность предоставляемых морских транспортных услуг в Российской Федерации, в частности, в сфере международных перевозок грузов, приоритетной задачей перед отечественным законодательством выступает упрощение условий перевозок грузов морским транспортом. Это может быть достигнуто путем унификации правовых норм и совершенствования законодательства, регулирующего положения о договоре фрахтования, занимающего ведущую роль среди морских перевозок.

Ключевые слова: договор фрахтования, чартерные перевозки, перевозка грузов, морское судно

Для цитирования: Протас Е. В., Павлюченкова С. Е. Особенности договора фрахтования морского судна в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 214–218. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-214-218>.

Original article

Features of the contract of chartering a marine vessel in the Russian Federation

Elena V. Protas¹, Svetlana E. Pavlyuchenkova²

¹ Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia, evprotas@mail.ru

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. Sea transportation is considered, which is currently a fairly popular way of transporting cargo, passengers and luggage. The characteristic of one of the traditional contracts — the chartering contract is given. The distinctive features of each type of charter transportation are traced. The issue of the correlation between the contract of chartering a marine vessel and other civil law contracts is touched upon.

The nature of chartering is quite ambiguous and complex. To date, there are three types of charters, each of which has its own characteristics. In order to increase the efficiency of the maritime transport services provided in the Russian Federation, in particular in the field of international cargo transportation, the simplification of the conditions of cargo transportation by sea is a priority task before the domestic legislation. This can be achieved by unifying legal norms and improving legislation governing the provisions of the charter agreement, which occupies a leading role among maritime transport.

Keywords: chartering agreement, charter transportation, cargo transportation, sea vessel

For citation: Protas E. V., Pavlyuchenkova S. E. Features of the contract of chartering a marine vessel in the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):214–218. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-214-218>.

Морские перевозки грузов, пассажиров и багажа известны человечеству на протяжении сотен лет. С развитием технологий появилась возможность осуществлять транспортировку другими, более быстрыми видами транспорта, но, несмотря на это, морской фрахт остается востребованным среди предпринимателей и коммерческих организаций. Морские перевозки играют особую роль в международном торговом обороте, участником которого является Россия.

Тем не менее, исходя из индекса эффективности логистики (Logistics Performance Index), созданного Всемирным банком, по уровню эффективности транспортных перевозок Россия находится на 85-м месте в мировом рейтинге [2]. Модернизация системы предоставления транспортных услуг позволит повысить инвестиционную привлекательность России на международном рынке, что даст позитивный экономический эффект, потому представляется необходи-

© Протас Е. В., Павлюченкова С. Е., 2023

мым разрабатывать новые направления повышения эффективности транспортного обеспечения как внутри государства, так и во внешнем формате. В связи с этим возрастает актуальность совершенствования нормативно-правовой базы, регулирующей сферу морских перевозок.

Фрахтование судов является одним из наиболее востребованных способов реализации морских перевозок грузов и пассажиров. Такую популярность судоходства можно объяснить следующими положениями:

- 1) вместимость судов и большая пропускная способность морских путей позволяют за привлекательную цену за один раз транспортировать большую партию грузов, тем самым экономя финансы и время;
- 2) развитие международных экономических связей и туризма;
- 3) чартер позволяет осуществлять внеплановые перевозки, которые невозможно запланировать регулярными рейсами.

Популярность чартерных перевозок вызывает интерес к исследованию договора, на основании которого выполняются перевозки грузов, пассажиров и багажа — договора фрахтования (чартера). В настоящее время существует ряд спорных положений, связанных с особенностями предмета договора фрахтования, разграничения между фрахтованием и смежными гражданско-правовыми институтами. Ежегодно арбитражными судами разрешается множество споров, связанных с морскими перевозками. Можно говорить о том, что отсутствие надлежащего правового регулирования отношений, вытекающих из договора фрахтования морского судна, является препятствием в развитии морской транспортной системы на национальном и международном уровнях. В связи с этим представляется актуальным исследование договора фрахтования морских судов.

Понятие договора фрахтования законодательно получило отражение в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ). Согласно п. 1 ст. 787 ГК РФ, по договору фрахтования (чартер) одна сторона (фрахтовщик) обязуется предоставить другой стороне (фрахтователю) за плату всю или часть вместимости одного или нескольких транспортных средств на один или несколько рейсов для перевозки грузов, пассажиров и багажа. Норма ст. 787 ГК РФ является отсылочной. Так, в ней указано, что порядок заключения договора фрахтования и его форма устанавливаются транспортными

уставами, кодексами и иными законами. В России таким нормативно-правовым актом выступает Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации (далее — КТМ РФ) [4].

Договором фрахтования закрепляются отношения между сторонами по поводу предоставления транспортного средства полностью или в части для перевозки груза, пассажиров или багажа за определенную плату. Другими словами, по договору морской перевозки фрахтовщик принимает на себя обязательство перевезти объект договорных отношений из порта отправления в порт назначения и выдать его грузополучателю, а фрахтователь обязуется перечислить обусловленную плату (фрахт).

Объектом договора фрахтования морского судна чаще всего выступает груз, который по каким-то причинам не может быть транспортирован публичным перевозчиком. Таким обстоятельством может выступать большой объем груза или нерегулярная отгрузка.

Субъектами договора являются фрахтовщик и фрахтователь. Фрахтовщиком называют судовладельца, предоставляющего тоннаж (судно) для морской перевозки. Транспортное средство может принадлежать лицу как на праве собственности, так и на ином, предусмотренном законом, основании. Физическое или юридическое лицо, которое фрахтует тоннаж (судно) для перемещения груза или перевозки пассажиров, называют фрахтователем. Фрахтователь может выступать в качестве отправителя груза, но может и не являться таковым, например, если договором предусмотрено, что отправку груза осуществит изготовитель товара. Фрахтование обычно производит специальный посредник, в качестве которого могут выступать отдельные лица или брокерские фирмы. При этом фрахтовый брокер — это специалист, обладающий специальными знаниями о конъюнктуре мирового рынка относительно спроса и предложения на морские перевозки. Таким образом, договор фрахтования может быть заключен как самим перевозчиком, так и его представителем, но от его (перевозчика) имени.

Договор фрахтования судна называют чартером. Чартер — это договор между судовладельцем и фрахтователем для проката, перевозки пассажиров или грузов, или для аренды в развлекательных, исследовательских, иных целях. Иногда используется термин чартер-партия (charter-party), что в переводе с английского означает «разделенная бумага», т. е. документ, написанный в двух экземплярах, каждая

половина которого находится на сохранении у сторон договора. В. Н. Гуцуляк называет следующие виды чартеров: рейсовый чартер, тайм-чартер и бербоут-чартер [1].

Рейсовый чартер (voyage charter) применяется в трамповом (нерегулярном) и линейном (регулярном) судоходстве для перевозки массовых грузов. Судовладелец обязуется перевезти конкретный груз на оговоренном судне, а фрахтователь обязуется передать этот груз и уплатить фрахт. Такое фрахтование может происходить на один или несколько рейсов. Фрахтовщик при этом сохраняет полный контроль над судном и экипажем без изъятий в пользу фрахтователя. В специальных статьях чартера определяются род и количество груза, порты погрузки-выгрузки и порядок их доминирования, сроки стальнойного времени (срок, в течение которого перевозчик предоставляет судно для погрузки груза и держит его под погрузкой груза без дополнительных к фрахту платежей), количество причалов, распределение расходов и другие условия перевозки. По каждому из этих пунктов предусмотрены права и обязанности сторон в случае отклонения от условий рейса.

Определение тайм-чартера содержится в ст. 198 КТМ РФ: «По договору фрахтования судна на время (тайм-чартеру) судовладелец обязуется за обусловленную плату (фрахт) предоставить фрахтователю судно и услуги членов экипажа судна в пользование на определенный срок для перевозок грузов, пассажиров или для иных целей торгового мореплавания». При этом цели могут быть различными (перечень не является исчерпывающим): перевозка грузов, пассажиров, багажа, рыболовство, учебные, спортивные, культурные мероприятия и т. д. Характерным признаком тайм-чартера выступает то, что судовладелец предоставляет фрахтователю в пользование на определенный срок как само судно, так и услуги экипажа. Можно говорить о том, что по этому договору у судовладельца остается право навигационной эксплуатации судна, а к фрахтователю переходит право его коммерческой эксплуатации. Правовая природа тайм-чартера в мировой практике понимается по-разному. В США, Германии, Великобритании нет разделения на тайм-чартер и рейсовый чартер, тогда как в Польше он считается самостоятельным договором, предмет которого не совпадает ни с договором морской перевозки, ни с имущественным наймом [3].

По договору фрахтования судна без экипажа (бербоут-чартеру) судовладелец обязуется за обусловлен-

ную плату (фрахт) предоставить фрахтователю в пользование и во владение на определенный срок не укомплектованное экипажем и не снаряженное судно для перевозок грузов, пассажиров или для иных целей торгового мореплавания (ст. 211 КТМ РФ). Таким образом, отличительной чертой бербоут-чартера является то, что фактическое владение судном в течение действия договора переходит фрахтователю. Он несет ответственность за управление судном и его эксплуатацию. Фрахтователь наделен широкими правами относительно комплектации экипажа, в его обязанности входит снабдить судно всем необходимым, т. е. все расходы и возникающие в связи с работой судна риски перекладываются на фрахтователя.

По своей природе договор фрахтования является консенсуальным, так как он считается заключенным с момента достижения сторонами согласия по всем существенным условиям. К таким условиям относят название и тип судна, его тоннаж, характеристика груза, размер фрахта, наименование места отправления и места отгрузки, либо направление судна. Кроме того, договор является двусторонним и возмездным.

Одним из дискуссионных представляется вопрос о том, как соотносится чартер с другими гражданско-правовыми договорами. Согласно чартеру, фрахтователю предоставляется все судно или его часть, что роднит его с договором аренды. Как уже было отмечено, в рамках международного судоходства договор фрахтования морского судна в некоторых странах принято относить к договорам перевозки груза или к отдельным видам договоров.

Морское законодательство является наиболее показательным, когда встает вопрос о самостоятельности правовой природы договора фрахтования. Так, из определения договора тайм-чартера вытекает, что судовладелец предоставляет фрахтователю в пользование на определенный период за плату не только само судно, но и услуги экипажа, что является его отличительной чертой. В тайм-чартере судно и его экипаж при заключении договора выступают одним целым, в ином случае меняется сущность договора фрахтования. В соответствии со ст. 606 ГК РФ по договору аренды (имущественного найма) арендодатель (наймодатель) обязуется предоставить арендатору (нанимателю) имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование. Таким образом, договор аренды может быть заключен только в отношении определенного имущества, когда как по договору фрахтования могут пере-

даваться еще и услуги экипажа. Согласно п. 3 ст. 203 КТМ РФ, судовладелец обязан в течение срока договора поддерживать судно в мореходном состоянии, оплачивать расходы на страхование и на содержание членов экипажа судна. Таким образом, фрахтовщик сохраняет контроль над судном и экипажем в течение действия тайм-чартера, что отличает последний от договора аренды.

Существенные различия между чартером и договором аренды просматриваются в отношении полученных по этим договорам доходов. В отношении договора аренды плоды, продукция и доходы, полученные арендатором в результате использования арендованного имущества в соответствии с договором, являются его собственностью (ст. 606 ГК РФ). Доходы, полученные в результате пользования зафрахтованным судном и услугами членов его экипажа, являются собственностью фрахтователя, за исключением доходов, полученных от спасания, которые распределяются между судовладельцем и фрахтователем в равных долях (ст. 204 КТМ РФ).

Также необходимым представляется разграничить договор фрахтования и договор морской перевозки грузов, поскольку эти договоры имеют сходную, но неоднородную правовую природу. Исходя из конечной цели тайм-чартера, его можно соотнести с договором перевозки. Если фрахтователь преследует цель перевозки груза, то, соответственно, мы имеем дело с разновидностью договора морской перевозки груза. Ст. 2 КТМ РФ устанавливает широкий список целей, для которых может фрахтоваться судно. Если транспортное средство используется для других целей, то можно говорить о том, что чартер в этом случае будет выступать в качестве самостоятельного договора.

Таким образом, договор фрахтования по распределению прав и обязанностей между участниками договора, объекту и целям имеет существенные различия с договорами аренды и перевозки. Разграничение между этими договорами носит и практический смысл, поскольку налоговые органы при расчете обязательных платежей используют методы расчета, применяемые к договору аренды, тогда как владельцы судов рассматривают тайм-чартер в качестве договора морской перевозки груза. В результате возникают споры, по которым сложилась противоречивая судебная практика.

Так, 15 июля 2020 г. Арбитражным судом Республики Крым было вынесено решение по делу между

ООО «Морская дирекция» и налоговой службой. Предметом спора стала квалификация выплат, произведенных Обществом в пользу иностранной организации по договору фрахтования судов, подлежащих налогообложению. «Морская дирекция» рассматривала указанные выплаты в качестве вознаграждения за оказание услуг по перевозке груза. Налоговый орган расценил данные действия как занижение налоговой базы. Суд отказал Обществу в удовлетворении требований в части признания неправомерными сделанные ФНС доначисления неударжанного налога. Арбитражный суд в своем решении отметил, что отношения, возникающие из договора фрахтования судна на время с использованием услуг членов экипажа, не могут рассматриваться в качестве отношений, возникающих из договоров об оказании услуг перевозки, поскольку в самом договоре фрахтования не содержалось положений, квалифицирующих его в качестве договора перевозки. К таким положениям относятся вопросы о предоставлении полной или частичной грузоподъемности судна, о доставке груза как предмета договора, о времени приблизительного окончания рейса и стальной времени, о ставке фрахта и др. [5].

Таким образом, разграничение договора фрахтования морских судов и смежных правовых институтов требует внимания со стороны законодателя и правового сообщества.

Предмет договора фрахтования достаточно сложен и имеет свои особенности заключения, связанные с привлечением третьих лиц — брокеров. Они представляют интересы сторон торгового судоходства. Сложность взаимоотношений между сторонами договора становится следствием того, что заключению договора предшествует процесс долгих переговоров и обмен предложениями и контрпредложениями. Брокер или агентская фирма подбирают груз или судно, которые подходили бы под все условия, необходимые для перевозки. С целью облегчения данного процесса существует система проформ чартеров, разработанных международными и национальными организациями. В настоящее время известно более 400 таких проформ, разработанных под эгидой Английской палаты судоходства, Балтийского и международного морского совета (БИМКО). По своей природе проформы представляют собой примерные условия договора, которые отличаются по особенностям перевозки груза определенного вида или направлениям рейса. Использование проформ ускоряет

процесс согласований условий договора между сторонами и содействует унификации отношений, возникающих из договора фрахтования. Так, проформы используются как некий международный регулятор отношений между сторонами договора [3].

Подводя итог, хочется отметить, что природа договора фрахтования является достаточно неоднозначной и сложной. На сегодняшний день выделяют три вида чартеров, для каждого из которых характерны свои особенности. Для того, чтобы повысить эффективность предоставляемых морских транспортных услуг внутри нашей страны, а в особенности — в сфере международных перевозок грузов, приоритетной задачей перед отечественным законодательством выступает упрощение условий перевозок грузов морским транспортом. Это может быть достигнуто путем унификации правовых норм и совершенствования законодательства, регулирующего положения о договоре фрахтования, занимающего ведущую роль среди морских перевозок.

Список источников

1. Гуцуляк В. Н. Виды чартеров в международном торговом судоходстве. Труды Института государства и права РАН. 2019. № 4. С. 108–130.
2. Logistics Performance Index 2018 // URL://<https://lpi.worldbank.org/international/aggregated-ranking>.
3. Пашковская Л. Виды договоров фрахтования судна // *Maritime Law and Practice*. 30 января 2019 // URL://<https://maritimelaw.space/tag/>
4. Протас Е. В. Гражданское право: учеб. пособие. М. : Юридический институт РУТ (МИИТ), 2020.

Информация об авторах

Е. В. Протас — профессор кафедры «Теория права, гражданское право, гражданский процесс» Российского университета транспорта (МИИТ), доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;

С. Е. Павлюченкова — магистрант Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Information about the authors

E. V. Protas — Professor of the Department «Theory of Law, Civil Law, Civil Procedure» of the Russian University of Transport (MIIT), Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor;

S. E. Pavlyuchenkova — Graduate student of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 12.12.2022; принята к публикации 25.01.2023. The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 12.12.2022; accepted for publication 25.01.2023.

5. Решение Арбитражного суда Республики Крым от 15 июля 2020 г. по делу № А83-10890/2019 // URL://<https://sudact.ru/arbitral/doc/54CAepTrVpQt/>

References

1. Gutsulyak VN Types of charters in international commercial shipping. Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2019. No. 4. P. 108–130.
2. Logistics Performance Index 2018 // URL://<https://lpi.worldbank.org/international/aggregated-ranking>.
3. Pashkovskaya L. Types of vessel charter agreements // *Maritime Law and Practice*. January 30, 2019 // URL://<https://maritimelaw.space/tag/>
4. Protas E. V. Civil law: textbook. allowance. M. : RUT Law Institute (MIIT), 2020.
5. Decision of the Arbitration Court of the Republic of Crimea dated July 15, 2020 in case No. А83-10890/2019 // URL://<https://sudact.ru/arbitral/doc/54CAepTrVpQt/>

Библиографический список

1. Фастунова А. О., Кузьмина А. С. Правовая природа договоров, заключаемых в сфере перевозки грузов: сб. тр. V всерос. студ. науч.-практ. конф. Молодая наука, 2018. С. 335–339.

Bibliographic list

1. Fastunova A. O., Kuzmina A. S. Legal nature of contracts concluded in the sphere of cargo transportation: Sat. tr. V all-Russian stud. scientific-practical. conf. Young Science, 2018, P. 335–339.

Научная статья
УДК 343.9.018
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-219-224>
НИОН: 2003-0059-1/23-578
MOSURED: 77/27-003-2023-01-777

Идеологическое обоснование террористической деятельности, осуществляемой неонацистскими группами

Сергей Федорович Самойлов¹, Анна Анатольевна Базулина², Александр Владимирович Жуланов³

¹ Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, inkognito13@inbox.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, anna.bazulina@mail.ru

³ Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, sandrik111@mail.ru

Аннотация. По материалам деятельности российских праворадикальных организаций, исследуется актуальная для современной системы противодействия экстремизму тема — проблема определения специфики обоснования террористической деятельности неонацистских групп. Особенность авторского подхода заключается в отказе от абсолютизации роли идеологической составляющей в структуре праворадикального сознания. Теоретико-методологические выводы базируются на обобщении эмпирического материала по рассматриваемой проблематике.

Ключевые слова: терроризм, праворадикализм, национал-социализм, неонацизм, «Шульц-88», боевая террористическая организация, национал-социалистическое общество, «Линкольн-88», «Общество белых-88», «чистильщики»

Для цитирования: Самойлов С. Ф., Базулина А. А., Жуланов А. В. Идеологическое обоснование террористической деятельности, осуществляемой неонацистскими группами // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 219–224. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-219-224>.

Original article

Ideological justification of terrorist activities carried out by neo-nazi groups

Sergey F. Samoilo¹, Anna A. Bazulina², Alexander V. Zhulanov³

¹ Krasnodar University Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia, inkognito13@inbox.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, anna.bazulina@mail.ru

³ Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia, sandrik111@mail.ru

Abstract. Based on the materials of the activities of Russian right-wing radical organizations, the topic relevant to the modern system of countering extremism is investigated — the problem of determining the specifics of justifying the terrorist activities of neo-Nazi groups. The peculiarity of the author's approach is the rejection of the absolutization of the role of the ideological component in the structure of right-wing radical consciousness. Theoretical and methodological conclusions are based on the generalization of empirical material on the problem under consideration.

Keywords: terrorism, right-wing radicalism, national socialism, neo-nazism, «Schultz-88», militant terrorist organization, national socialist society, «Lincoln-88», «White Society-88», «cleaners»

For citation: Samoilo S. F., Bazulina A. A., Zhulanov A. V. Ideological justification of terrorist activities carried out by neo-nazi groups. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):219–224. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-219-224>.

Несмотря на тенденцию к атомизации праворадикального терроризма, в нем продолжает сохраняться групповой характер террористической деятельности. В этом отношении достаточно показательным российское праворадикальное движение, а точнее — противоправная деятельность неонацистских групп, представляющих собой расистский полюс праворадикальной среды, в ряде идеологических моментов противостоящий националистическому полюсу.

Говоря об идеологии неонацизма, необходимо помнить, что он представляет собой лишь одно из пяти

основных направлений современного российского праворадикализма. Помимо него, к ним можно отнести: национал-монархизм, национал-республиканство, национал-коммунизм, национал-демократию.

Для социально-идеологического анализа праворадикального терроризма данное обстоятельство играет большую роль, поскольку позволяет конкретизировать экстремистскую угрозу, исходящую от праворадикальной среды. Так, террористические акты совершают, как правило, представители различных направлений неонацистской идеологии [4]. По этой

© Самойлов С. Ф., Базулина А. А., Жуланов А. В., 2023

причине представляется целесообразным раскрыть характерные черты идеологии неонацизма:

♦ *расизм*, предполагающий отказ от нацистского признания потомками высшей (арийской) расы только народов Западной Европы и отнесение к ней большинства представителей европеоидной расы, что позволяет признать славянские народы арийцами;

♦ *национализм* — признание нации высшей ценностью после расы и стремление к построению мононационального государства в условиях российского многонационального общества, что приводит к межнациональной напряженности;

♦ *шовинизм* — убеждение в превосходстве собственной нации, приводящее к идеологическому обоснованию ущемления прав других наций и проявляющееся в российских условиях в культивировании неприязни к представителям небелых рас, народов Северного Кавказа и Средней Азии;

♦ *тоталитаризм* — приверженность к идее абсолютного контроля государства за всеми аспектами политической, социальной, духовной, экономической жизни общества, представленная идеями «белой власти» и национального русского государства;

♦ *антисемитизм* — одна из разновидностей ксенофобии, предполагающая неприятие евреев как нации и иудаизма как религии и лежащая в основе теории еврейского заговора и тайного мирового правительства;

♦ *неопоганизм* — приверженность к различным религиозным культам, представляющая собой попытку реконструкции верований и религиозных ритуалов древнего язычества, которые представлены в праворадикальной среде сторонниками славянского и германо-скандинавского неоязычества.

Данные характерные черты, так или иначе, нашли свое выражение в целом ряде идеологических доктрин, сформировавшихся в рамках современного российского национал-социализма [5], представленного различными организациями и молодежными субкультурами. Важнейшими из них следует признать:

♦ *неогитлеризм*, ориентированный на адаптацию классического национал-социализма к современным российским условиям; повлиял на идеологию таких праворадикальных организаций, как «Шульц-88», Национал-социалистическое общество, Национал-социалистическая инициатива;

♦ *славянский неонацизм* — условное наименование русской версии идеологии движения не-скинхе-

дов, основанной на мифологизации славянства и рассмотрения его в качестве квинтэссенции белой расы, которая нашла свое выражение в идеологии таких организаций, как «Славянский союз», «Народно-державная партия России», «Славянская сила»;

♦ *русизм*, представляющий собой доктрину, сформулированную Александром Сухаревским с учетом принципов сословного социализма, этатизма, антисемитизма и белого расизма, являющуюся идеологической основой Народной национальной партии;

♦ *русский штрассеризм* — российская версия национал-социализма, предложенная братьями Г. и О. Штрассерами и представляющая собой соединение идей авторитаризма, корпоративизма, национализма и расизма. Данная идеология оказала определенное влияние на программы таких праворадикальных партий, как «Фронт национал революционного действия», «Партия свободы», «Национал-социалистический союз», «Народно-социалистическая партия».

Выделение основных черт и направлений идеологии современного российского национал-социализма позволяет зафиксировать главные мировоззренческие ценности и социально-политические ориентиры, лежащие в основании экстремистской и террористической деятельности групп, возникших на базе данной идеологии. Базовой мировоззренческой установкой современного неонацизма в целом и его российской версии в частности является представление о человеке как о совершенном животном. Подобно тому, как в животном мире существуют различные степени приспособленности к среде обитания, человечество также состоит из совершенных и несовершенных рас, и также как в животном мире, между человеческими расами происходит борьба за выживание, в которой белая, как наиболее совершенная, раса не может позволить себе быть слабой. Во многом это обусловлено тем, что сегодня происходит постепенное размывание ее чистоты и замещение ее представителями других рас. В силу данного обстоятельства белая раса ради своего сохранения должна, с одной стороны, избегать внутреннего разложения, а с другой, — активно сопротивляться вторжению на традиционные места своего обитания представителями других рас. Важнейшими внутренними врагами белой расы являются: демократия, сотрудник правоохранительных органов, политика мультикультурности, процессы глобализации, пацифизм, нетрадиционные сексуальные культуры, проникновение евреев во все

основные сферы социальной, политической, экономической и культурной жизни. Кроме того, сохранение доминирования белой расы в мире невозможно без демонстрации ею своей силы. Однако такого рода демонстрация подавляется находящимися у власти либеральными режимами, которые своей политикой мультикультуризма ставят представителей высшей расы на грань выживания. По этой причине террористическая деятельность является единственным выходом в борьбе как с внешними, так и с внутренними врагами белой расы.

Приведенный выше краткий анализ идеологии неонацизма позволяет выделить основные аспекты террористической деятельности неонацистских группировок:

◆ главным *идеологическим обоснованием* террористической деятельности праворадикальных групп служит концепция расовой войны, которая может получать различные интерпретации и из которой можно делать различные выводы относительно выбора объектов преступных посягательств;

◆ основными *объектами* противоправных посягательств неонацистских террористических групп являются выходцы из стран Азии, Африки, евреи, мусульмане, лица, разделяющие либеральные и левые взгляды, сотрудники правоохранительных органов, представители секс-меньшинств, лица без определенного места жительства;

◆ основной *целью* террористической деятельности служит призыв к осуществлению так называемой «Белой революции», направленной на построение общества на принципах расовой национальной сегрегации [2];

◆ важнейшим *методами* осуществления террористических актов являются: убийства представителей иных рас и национальностей, совершение взрывов в местах концентрации выходцев из стран Азии и Африки, культурные и религиозные объекты еврейства;

◆ *субъектами* террористической и экстремистской деятельности неонацистских групп выступают представители праворадикального движения, молодое поколение различных славянских народов, верующие сторонники различных неоязыческих культов;

◆ социальной *базой* террористической и экстремистской деятельности являются представители молодежных националистически окрашенных субкультур — не-скинхеды, праворадикально настроенные футбольные фанаты, автономные праворадикалы [7, с. 324];

◆ *источники финансирования* — различные политические силы, заинтересованные в дестабилизации социально-политической обстановки в стране, представители бизнеса, стремящиеся к устранению своих конкурентов, состоятельные лица, разделяющие праворадикальные взгляды.

Данная структура представляет собой результат обобщения террористических актов, совершенных неонацистскими праворадикальными группировками. Напомним, что наиболее известными террористическими организациями неонацистов являются:

◆ «Шульц-88», действовавшая под руководством Дмитрия Боброва в 2001 г. и печально прославившаяся многочисленными нападениями и грабежами, в том числе с использованием оружия;

◆ *Mad Crowd*, основанная Русланом Мельником в 2002 г., совершившая ряд нападений на иностранных граждан, а также на кафе «Три ступени» и закусочную «Макдоналдс». В последнем случае был произведен взрыв бомбы малой мощности;

◆ *Боевая террористическая организация «Невоград»*, созданная в 2003 г. Дмитрием Боровиковым и совершившая ряд убийств на почве этнической ненависти, а также поджоги православных храмов;

◆ «НСО-Север» — отделение неонацистской организации «Национал-социалистическое общество», совершившее 28 убийств под непосредственным руководством Максима Базылева;

◆ «СПАС», основанный Николаем Королевым как спортивный клуб, осуществивший в 2006 г. взрыв на Черкизовском рынке в Москве;

◆ «Линкольн-88», возглавляемая Андреем Линоком и совершившая в 2007 г. 12 нападений и два убийства;

◆ «Общество белых-88», созданное в 2008 г. Артемом Сурковым, на счету которого пять доказанных убийств и девять нападений;

◆ «Боевая организация русских националистов (БОРН)», созданная Ильей Горячевым в 2008 г. и совершившая в 2011 г. убийство двух журналистов, а также ряд других убийств;

◆ «Автономное славянское сопротивление», возглавляемое Антоном Васильевым и совершившее в 2008–2009 гг. четыре убийства и 11 покушений на убийство, а также целую серию взрывов;

◆ «Орловские партизаны», действовавшие в 2009–2010 гг., возглавляемые Виктором Лукониным,

совершившие ряд поджогов участковых пунктов милиции, кафе, магазинов, а также храмов в г. Орле;

♦ «Чистильщики», созданные Павлом Войтовым и в 2014–2015 гг. совершившие 15 убийств лиц без определенного места жительства и алкоголиков.

Анализ преступлений, совершенных неонацистскими террористическими группировками, позволяет сделать уверенный вывод о том, что их противоправная деятельность во многом была обусловлена концепцией двухсторонней борьбы с внешними и внутренними врагами высшей расы. При этом сама идеологическая составляющая террористической деятельности дополнялась другими неидеологическими компонентами, прежде всего, стремлением к самоутверждению лидера и участников группировки и выражением агрессивности. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что сама неонацистская идеология террористических группировок носит во многом рамочный и недетализированный характер, поскольку подчинена принципу приоритета действия над доктринальными положениями.

Аморфность и доминирование иррациональной составляющей в идеологии неонацистских террористических группировок создает серьезные трудности, связанные с организацией идеологического противодействия. Тем не менее, представляется возможным предложить ряд мер по недопущению как распространения идеологии неонацизма, прежде всего, в молодежной среде, так и по опровержению основных доктринальных положений, оправдывающих совершение террористических актов. В соответствии с основными направлениями борьбы с идеологией терроризма, сформулированными в соответствующем нормативном правовом акте [3], представляется целесообразным предложить следующий комплекс мер.

1. К числу *профилактических мероприятий* с лицами, подверженными воздействию идеологии неонацизма и являющимися участниками террористических группировок, следует отнести:

♦ проведение с лицами, отбывающими наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы, информационно-просветительских и информационно-пропагандистских мероприятий, направленных на развенчание исторических мифов, постулатов экстремистских политических доктрин и противоправных установок, лежащих в основании противоправного поведения;

♦ осуществление с лицами, осужденными за совершение преступлений террористического характера, профилактических бесед с привлечением представителей религиозных (как неоязыческих, так и иных) конфессий [6], а также общественных организаций умеренно-консервативного толка, способных оказать на них положительное воздействие с целью возвращения их мировоззрения и модели поведения в правовое поле;

♦ организацию профилактических бесед с членами семей и ближайшим социальным окружением лиц, причастных к совершению террористических актов, с целью разъяснения им нормативно-правовых норм, возлагающих ответственность за оказание содействия террористической деятельности в различной форме;

♦ формирование у членов семей и ближайшего социального окружения устойчивого неприятия к идеологии неонацизма и террористической деятельности;

♦ привлечение профессиональных историков, политологов, религиоведов и психологов к проведению с лицами, состоящими на профилактическом учете или находящимися под административным надзором, бесед, направленных на выведение их из-под зависимости от идеологии неонацизма.

2. *В рамках осуществления мер* по формированию в широких слоях населения неприятия идеологии праворадикализма в целом и неонацизма в частности предлагается:

♦ проводить на базе различных образовательных организаций культурно-просветительские мероприятия, нацеленные на формирование у молодежи понимания несовместимости идеологии национализма и расизма с ценностями традиционной российской духовной культуры;

♦ организовывать специализированные российские региональные молодежные форумы, посвященные детальному анализу и опровержению идеологии неонацизма, а также демонстрации ее социальной опасности;

♦ выявлять места концентрации праворадикально настроенных лиц, функционирующие под видом спортивных центров и военно-патриотических клубов;

♦ проводить систематические встречи с представителями различных неоязыческих организаций с целью разъяснения недопустимости религиозного оправдания идеологии национализма и расизма.

3. Среди мер по защите информационного пространства от идеологии неонацизма наиболее востребованными следует признать:

- ◆ своевременное выявление интернет-сообществ и лиц, осуществляющих пропаганду идей неонацизма и оправдывающих совершение террористической деятельности;

- ◆ создание и своевременное пополнение информационной базы о различных радикальных и экстремистских сообществах праворадикального характера;

- ◆ совершенствование подготовки специалистов, способных выявлять различные интернет-сообщества и лиц, пропагандирующих идеи национализма и неонацизма посредством распространения экстремистских материалов, а также нацистской и экстремистской атрибутики и символики [1; 8];

- ◆ распространение в информационном пространстве и прежде всего в сети Интернет различных информационных материалов, исходящих от популярных блогеров и лиц, вышедших из-под зависимости от идеологии неонацизма с осуждением различных форм насилия на национальной и расовой почве;

- ◆ поощрять создание документальных и художественных фильмов, популяризирующих героев борьбы с националистическим и неонацистским терроризмом;

- ◆ всемерно противодействовать распространению идей национализма и нацизма в российском обществе, осуществляемых иностранными государствами и общественными организациями.

4. К числу мер, нацеленных на повышение эффективности деятельности субъектов противодействия экстремизму, можно отнести:

- ◆ разработку программ повышения квалификации государственных и муниципальных служащих, а также сотрудников правоохранительных органов, посвященных как изложению основных положений идеологии национализма и неонацизма, так и современных способов ее опровержения;

- ◆ составление перечня проблем, связанных с противодействием националистическому и неонацистскому терроризму, требующих проведения научного исследования;

- ◆ периодическое составление и опубликование обзоров международного опыта борьбы с различными проявлениями национализма и расизма;

- ◆ проведение политологических и социологических исследований идеологии и противоправной

практики как неонацистских террористических группировок, так и праворадикальной среды в целом.

Говоря о специфике идеологии неонацистских террористических групп, нельзя не коснуться вопроса о действенности и характере идеологического противодействия им. Несмотря на то, что участники неонацистских группировок оправдывают свои противоправные действия идеологическими мотивами, роль идеологии в их сознании не стоит преувеличивать. Как правило, в основании создания таких группировок и осуществления ими противоправной деятельности лежат психологические, социальные и политические причины:

- ◆ желание выразить свои низменные инстинкты;
- ◆ желание создать образ врага и выместить на нем свою агрессию;

- ◆ стремление самоутвердиться в своем ближайшем окружении;

- ◆ реализовать свою потребность во власти при одновременном неприятии легальных путей ее удовлетворения и т. д.

В силу данного обстоятельства идеологическое противодействие неонацистскому терроризму представляется целесообразным использовать для:

- ◆ профилактики праворадикального экстремизма и терроризма и недопущения вовлечения в террористические группировки новых членов;

- ◆ формирования нетерпимости в обществе к идеологии и практике неонацизма;

- ◆ своевременного выявления в праворадикальной среде групп неонацистской направленности;

- ◆ фиксации идеологического «почерка» террористической группировки;

- ◆ установления психологических мотивов поведения членов террористических группировок посредством исследования их социально-политических взглядов;

- ◆ раскола экстремистской или террористической группировки по идеологическим мотивам;

- ◆ выведения лица из зависимости от неонацистской идеологии, осуществляемого при помощи различных средств социально-психологического воздействия.

Итак, политическую идеологию не следует рассматривать в качестве главного средства понимания характера неонацистских группировок и разработки мер противодействия им. Однако, знание различных направлений неонацистской идеологии и оправды-

ваемых ими противоправных моделей поведения является важным элементом системы мер противодействия националистическому и расистскому терроризму. Данная система, соединяя в себе различные виды знания и социальных практик, может быть названа интегративной моделью противодействия неонацистскому терроризму.

Список источников

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 гг. (утвержден Президентом Российской Федерации 28 декабря 2018 г. № Пр-2665) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Неонацизм // Большая российская энциклопедия // URL://https://bigenc.ru/world_history/text/2260142.
5. Национал-социализм // Большая российская энциклопедия // URL://https://bigenc.ru/world_history/text/2252826.
6. Бурковская В. А. Актуальные проблемы борьбы с криминальным религиозным экстремизмом в современной России. М., 2015.

Информация об авторах

С. Ф. Самойлов — начальник кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России, доктор философских наук, профессор;

А. А. Базулина — доцент кафедры педагогики учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности в органах внутренних дел Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, кандидат педагогических наук;

А. В. Жуланов — доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат педагогических наук.

Information about the authors

S. F. Samoilov — Head of the Department of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philosophical Sciences, Professor;

A. A. Bazulina — Associate Professor of the Department of Pedagogy of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity in the Internal Affairs Bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Pedagogical Sciences;

A. V. Zhulanov — Associate Professor of the Department of Criminology of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 27.09.2022; принята к публикации 02.12.2022. The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 27.09.2022; accepted for publication 02.12.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-225-230>

НИОН: 2003-0059-1/23-579

MOSURED: 77/27-003-2023-01-778

К вопросу об ответственности за распитие спиртных напитков в салоне припаркованного личного транспортного средства в общественном месте

Наталья Георгиевна Семионкина¹, Оксана Сергеевна Горынина²

^{1,2} Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

¹ semionkina-orel@ro.ru

² osgorynina@gmail.com

Аннотация. Проанализирована судебная практика и практика привлечения к административной ответственности водителей, распивающих алкогольные напитки в припаркованном транспортном средстве в общественных местах. Представлены результаты анкетирования по рассматриваемой проблематике слушателей факультета профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, имеющих опыт практической работы. Внесены предложения, позволяющие квалифицировать данный вид деяния.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, водитель в состоянии алкогольного опьянения, распитие спиртных напитков в припаркованном транспортном средстве, общественное место

Для цитирования: Семионкина Н. Г., Горынина О. С. К вопросу об ответственности за распитие спиртных напитков в салоне припаркованного личного транспортного средства в общественном месте // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 225–230. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-225-230>.

Original article

On the issue of responsibility for drinking alcoholic beverages in the passenger compartment of a parked personal vehicle in a public place

Natalya G. Semionkina¹, Oksana S. Gorynina²

^{1,2} Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, Orel, Russia

¹ semionkina-orel@ro.ru

² osgorynina@gmail.com

Abstract. The judicial practice and the practice of bringing to administrative responsibility drivers who drink alcoholic beverages in a parked vehicle in public places are analyzed. The article presents the results of a questionnaire on the issues under consideration of students of the Faculty of Vocational Training, Retraining and Advanced Training of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, who have practical experience. Proposals have been made to qualify this type of act.

Keywords: traffic accident, the driver is intoxicated, drinking alcoholic beverages in a parked vehicle, public place

For citation: Semionkina N. G., Gorynina O. S. On the issue of responsibility for drinking alcoholic beverages in the passenger compartment of a parked personal vehicle in a public place. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):225–230. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-225-230>.

Введение. В Российской Федерации проводятся мероприятия по обеспечению безопасности дорожного движения, направленные на снижение основных показателей дорожно-транспортной аварийности и уменьшение количества погибших (раненых) в результате дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП) с участием и по вине водителей в состоянии алкогольного опьянения. Предпринимаемые меры обеспечили некоторое относительное снижение показателей аварийности, которые все-таки остаются на довольно высоком уровне.

Относительность показателей снижения выявляемости водителей, управляющих транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения в последние годы, обусловлена значимым сокращением личного состава Госавтоинспекции — за последние пять лет число сотрудников уменьшилось на 43 тыс., что составляет 30,5 %.

На основе наших исследований, статистических показателей аварийности с участием водителей с признаками алкогольного опьянения в Российской Федерации за 2021 г. [1], анкетирования действующей

© Семионкина Н. Г., Горынина О. С., 2023

щих сотрудников МВД России, обучающихся по дополнительным программам профессионального обучения в ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, а также научных источников по рассматриваемой теме, мы попытались выявить наиболее проблемные вопросы и причины такой ситуации, проанализировать существующее нормативное регулирование и обосновать новые законодательские инициативы, чтобы выйти с предложениями для минимизации факторов, создающих условия для управления транспортным средством, являющимся источником повышенной опасности [2; 3], в состоянии алкогольного опьянения.

Так, по данным НЦ БДД МВД России, в 2021 г. с участием водителей в состоянии опьянения или с его признаками (в том числе те водители, которые отказались от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения) произошло 15 719 ДТП (11,8 %, а в 2020 г. — 13,5 %). Погибли в таких автокатастрофах 3866 и травмированы — 20 796 человек. От общего числа летальных исходов в данном виде дорожно-транспортных происшествий удельный вес погибших составил 26 %. Показатель тяжести последствий дорожно-транспортных происшествий с участием водителей в состоянии алкогольного опьянения в два раза выше, чем средний показатель всех ДТП.

В некоторых субъектах нашей страны число погибших в ДТП с участием водителей с признаками алкогольного опьянения составило более половины от всех летальных исходов (от 62 до 73 %) [1].

Водители с признаками алкогольного опьянения оказались виновными в автокатастрофах в девяти случаях из десяти. В 2021 г. таких ДТП было 14 487, в них погиб 3561 и травмированы 19 180 человек [1].

Водители в алкогольном опьянении нарушили:

- ♦ скоростной режим движения почти в 35 % всех ДТП, что стало причиной гибели почти 40 % (1343) и получили ранения 35 % (6073) человек;

- ♦ правила расположения транспортного средства на проезжей части, в том числе выезд на полосу встречного движения, в 26 % всех ДТП, что стало причиной гибели почти 25 % (904) и получили ранения 24 % (4634) человек [1].

Из-за нарушения очередности проезда, пренебрежения требованиями сигналов светофора, несоблюдения необходимой дистанции, игнорирования преимущественных прав пешехода, непозволитель-

ного сокращения бокового интервала, допускаемого пьяными водителями число погибших в два и более раз выше показателя в общей структуре ДТП по вышеуказанным причинам.

Почти у 33 % водителей с признаками алкогольного опьянения не было права управления транспортным средством, доля погибших, в этих случаях, составила 30 % (1180 человек) и раненых 32 % (6732 человека).

В 2021 г. число автокатастроф с участием пьяных водителей, лишенных права управления транспортным средством, составило 1087, что составляет 7 % всех ДТП. Алкогольное опьянение водителей, и повторная езда в нетрезвом виде привела к фатальным последствиям для 267 человек. Более 40 % погибших в анализируемом периоде, а это 1391 человек — трагический результат управления транспортным средством в состоянии тяжелого алкогольного опьянения (показатели: в крови — 3 и более мг/л; в выдыхаемом воздухе — 1,5 и более мг/л) [4]. Большая часть автокатастроф с участием нетрезвых водителей в 2021 г. пришлось на территории вблизи индивидуальных домов (31 %, 3341) и многоквартирных домов (25 %, 2859) [1].

Проанализировав сложившуюся ситуацию, особо хотим выделить возрастные и личностные характеристики водителя транспортного средства, совершившего дорожно-транспортное происшествие в состоянии алкогольного опьянения. Исходя из анализа статистических показателей аварийности 2021 г., постараемся дать примерную характеристику такому водителю автомобиля:

- ♦ мужчина 30–39 лет (на их долю приходится почти 40 % ДТП);

- ♦ имеет среднее или среднее специальное образование (81 %);

- ♦ официально нигде не трудоустроен (47 %);

- ♦ управлял легковым автомобилем (83 %), с года выпуска которого прошло 10–15 лет (почти 30 %).

На таком усредненном образе нетрезвого водителя лежит ответственность за гибель почти 30 % (3,5 тыс.) и за тяжкие ранения также 30 % (43 тыс.) человек.

Приведенные нами статистические показатели подтверждают безусловный рост аварийности со смертельным исходом и тяжкими последствиями при управлении транспортным средством лицом в состоянии алкогольного опьянения.

Рассмотрим состояние опьянения с позиции физиологии процессов, происходящих в организме человека.

Под алкогольным опьянением водителя транспортного средства понимают состояние, вызванное употреблением спиртосодержащих продуктов, которое порождает системные функциональные нарушения физических и психических процессов, происходящих в организме водителя, многократно увеличивая риск совершения ДТП, в том числе с тяжкими последствиями.

Широко известно, что алкоголь, воздействуя, прежде всего, на центральную нервную систему, приводит к изменению ее контролирующей функции, при этом у водителя утрачивается способность к плавным скоординированным действиям, нарушается пространственно-ориентационная деятельность, слабеет концентрация внимания, теряется способность к критическому анализу быстро изменяющихся событий, происходит непредсказуемый резкий переход от эйфорично-дурашливого настроения к агрессивно-гневливому, утрачивается критическое мышление. Все это обуславливает:

- ◆ концентрическое сужение полей зрения, вплоть до туннельного;
- ◆ потерю способности к правильному цветовосприятию;
- ◆ длительную адаптацию сумеречного зрения;
- ◆ неспособность правильно и корректно оценить скоростной режим и расстояние;
- ◆ иные нарушения восприятия окружающей обстановки.

Факт распития спиртных напитков в припаркованном автомобиле в общественном месте авторами статьи считается предрасполагающим к дальнейшим общественно опасным деяниям, так как в состоянии алкогольного опьянения теряются ситуационный контроль и критическое мышление, притупляется чувство ответственности за последствия. Выше в статье нами выведен среднестатистический образ такого водителя, который, в силу недостаточно развитого чувства ответственности перед обществом, распивая алкогольные напитки в автомобиле, способен начать движение транспортного средства в любой момент.

Административное законодательство России, как и законодательство большинства стран, предусматривает достаточно серьезную ответственность

за управление транспортным средством в нетрезвом состоянии, а также за передачу права управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии алкогольного опьянения. Эти правонарушения влекут наложение административного штрафа в размере 30 тыс. руб. с лишением права управления транспортным средством на срок от полутора до двух лет [5, ст. 12.27]. При этом за распитие спиртных напитков в припаркованном автомобиле никакой ответственности не предусмотрено. Чтобы обеспечить общественную безопасность, сотрудники полиции (патрульно-постовой службы или ГИБДД) должны оказаться рядом с припаркованным автомобилем, в котором гражданин распивает спиртные напитки, и по логике действующего законодательства, в такой ситуации вынуждены наблюдать и дожидаться начала движения транспортного средства под управлением выпившего спиртные напитки водителя. Но это абсурдная ситуация! И даже если сотрудникам полиции удастся после длительного наблюдения дождаться движения автомобиля под управлением такого водителя, то поведение при управлении источником повышенной опасности будет непредсказуемым, чаще всего агрессивным, водитель способен в таком состоянии при помощи автомобиля причинить тяжкие последствия, вплоть до смерти человека. В средствах массовой информации не редко демонстрируют сюжеты, как сотрудников полиции, пытавшихся пресечь такое противоправное поведение, водители, продолжая агрессивный стиль управления транспортным средством, сбивают, провозят их на капоте машины или волоком, зацепившись за дверь! Но, если бы сотрудник полиции имел полномочия еще до начала движения автомобиля задержать водителя, распивающего спиртные напитки в салоне машины, которая припаркована в общественном месте или в местах, где законом запрещено распитие алкогольной продукции, причем независимо, является он владельцем транспортного средства или нет (так как управлять автомобилем может и другое лицо, даже не имеющее права управления транспортным средством), привлечь его к ответственности, — то можно было бы избежать огромного количества случаев с тяжкими, смертельными последствиями.

В настоящее время без такой, предусмотренной законом ответственности, суд стал на сторону лиц, распивающих алкоголь в припаркованном автомо-

биле, мотивируя тем, что ответственность за распитие спиртных напитков в припаркованном транспортном средстве, пока водитель не начал движение на данном автомобиле, отсутствует. Об этом свидетельствует и судебная практика. Так, в электронном журнале «Азбука права» за 2022 г. разъясняется, что «управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния, влечет административную ответственность по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ. В случае выявления у водителя признаков опьянения, он отстраняется от управления автомобилем и направляется на освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование на состояние опьянения (ч. 1 ст. 27.12 КоАП РФ; п. 2.3.2 ПДД РФ; п. 223 Административного регламента, утв. Приказом МВД России от 23 августа 2017 г. № 664). Если же собственник транспортного средства в состоянии опьянения находится в припаркованном автомобиле и отсутствуют доказательства управления автомобилем в таком состоянии, то основания для привлечения его к ответственности отсутствуют (ч. 1, 4 ст. 1.5 КоАП РФ; постановление Верховного Суда РФ от 6 февраля 2018 г. № 5-АД18-10; постановление Московского городского суда от 19 сентября 2018 г. № 4а-5203/2018)» [8].

В соответствии с нормами КОАП РФ нельзя потреблять алкогольную продукцию в местах, запрещенных федеральным законом [6], а именно: во дворах, на детских площадках, в границах территорий, занятых городскими лесами, скверами, парками, городскими садами, прудами, озерами, пляжами, в границах иных территорий, используемых и предназначенных для отдыха, туризма, занятиями физкультурой и спортом, на рынках, АЗС, в местах нахождения источников повышенной опасности, определенных органами государственной власти субъектов РФ, в местах массового скопления граждан при проведении публичных мероприятий. Согласно ст. 20.20 КоАП РФ, за употребление спиртных напитков в выше указанных местах предусмотрено административное наказание в виде штрафа в размере от 500 до 1500 руб.

Исходя из норм действующего права, запрещается потребление спиртосодержащих напитков в общественных местах, например, во дворе многоквартирного дома, несмотря на то, что кроме эстетиче-

ского и воспитательно-негативного ущерба обществу, последствий может и не быть, а употребление алкогольной продукции в источнике повышенной опасности, к которым относится автотранспортное средство, у нас законом не преследуется, хотя последствия от этого бывают гораздо более тяжкими для общества.

При этом, действующим законом предусмотрен запрет на продажу и распитие алкогольной продукции в местах нахождения источников повышенной опасности, определенных органами государственной власти субъектов РФ, а именно в самом источнике повышенной опасности — транспортном средстве — такого запрета нет [6].

Раскроем понятие «источник повышенной опасности». Он определен как объект, особые свойства которого создают повышенную вероятность причинения вреда окружающим (транспортные средства, механизмы), в силу естественных или приданных человеком свойств на достигнутом уровне техники и не поддаются полностью контролю человека и поэтому способны причинить вред, несмотря на принятие всех мер предосторожности и осмотрительности [2]. От среднестатистического водителя в состоянии алкогольного опьянения не приходится ожидать адекватного дорожной ситуации принятия мер предосторожности и осмотрительности в силу угнетающего действия этилсодержащих напитков на головной мозг.

Статьей 1079 ГК РФ также предусмотрено, что причинение вреда деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, в том числе управление транспортным средством, — подлежит возмещению.

Результаты и обсуждение. При подготовке материалов данной публикации мы использовали результаты анкетирования слушателей факультета профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации, имеющих стаж службы в органах внутренних дел не менее трех лет (всего 86 человек), учитывая, что с 2008 г. Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова является профильным ведомственным образовательным учреждением высшего профессионального образования по подготовке сотрудников подразделений ГИБДД территориальных органов МВД России. Методом математического сравнительного анализа обработали полученные анкетные данные и получили следующие результаты:

◆ 78 % опрошенных считают, что необходимо запретить водителям употреблять алкогольные напитки в салоне припаркованного транспортного средства, подкрепляя ответы случаями из личной практики, когда сотрудники полиции, увидев компанию людей, распивающих спиртные напитки в салоне припаркованного автомобиля в общественном месте, были вынуждены оставаться рядом и дожидаться начала движения, передавая по средствам связи информацию о правонарушении в дежурную часть территориального органа МВД РФ. Сотрудники полиции в этих ситуациях правильно оценивали возможные общественно опасные последствия и предупреждали о них в соответствии с требованиями закона. Но ожидание момента начала движения может затянуться на неопределенное время и, что крайне важно, розыск, погоня и задержание таких правонарушителей сопряжены со значительным риском для сотрудников полиции, окружающих, да и самого нетрезвого водителя;

◆ 14 % опрошенных высказали негативное отношение к введению «еще одного запрета», поясняя, что это дополнительная нагрузка, которая будет увеличивать объем должностных обязанностей и ограничивает возможность «распоряжаться собственностью по своему усмотрению»;

◆ 8 % опрошенных затруднились ответить, так как «не изучали предметно» данный вопрос.

Выводы. Учитывая, что в состоянии алкогольного опьянения утрачивается ситуационный контроль (а у среднестатистического водителя в состоянии алкогольного опьянения контроль и ответственное отношение изначально ниже должного гражданского уровня), что обуславливает возможность наступления особо тяжких последствий; водителем пренебрегаются правила безопасного для себя и окружающих поведения; значительно возрастает склонность к аффективным и агрессивным действиям, при отсутствии необходимой критической оценки своего состояния и невозможности предвидеть наступление катастрофических для общества последствий, авторы статьи предлагают:

1) пересмотреть действующее административное законодательство и ввести запрет на употребление спиртных напитков в припаркованном транспортном средстве, в общественных местах (или в местах, запрещенных федеральным законом), не исключая возможность начать на нем движение, и преду-

смотреть ответственность за данное правонарушение, учитывая создание реальной опасности охраняемым законом общественным отношениям;

2) полномочиями предупреждать, пресекать и осуществлять производство по делам о таких административных правонарушениях, наделить широкий круг сотрудников органов внутренних дел РФ: патрульно-постовую службу, дорожно-патрульную службу, участковых уполномоченных и сотрудников иных подразделений, выполняющих функцию обеспечения общественного порядка и общественной безопасности;

3) предлагаем предусмотреть по данному административному правонарушению следующие санкции:

- ◆ административный арест до 15 суток;
- ◆ меру наказания — штраф в сумме не менее 5 тыс. руб.

Список источников

1. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2021 г.: информационно-аналитический обзор. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2022.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. II) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г., с изм. от 8 июля 2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2022 г.).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина».

4. Приказ Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933н (ред. от 25 марта 2019 г.) «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)» (зарегистрировано в Минюсте России 11 марта 2016 г. № 41390).

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 5 декабря 2022 г.).

6. Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ (последняя ред.) «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции».

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

8. Ситуация: Что грозит собственнику за отсутствие у него документов или за нахождение в алкогольном опьянении в припаркованном автомобиле? // Электронный журнал «Азбука права», 2022.

References

1. Road traffic accidents in the Russian Federation for 2021: information and analytical review. М. : FKU «NC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia», 2022.

2. Civil Code of the Russian Federation (Part II) of January 26, 1996 No. 14-FZ (ed. of July 1, 2021, with amendments. dated July 8, 2021) (with amendments and additions, intro. effective from January 1, 2022).

3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 dated January 26, 2010 «On the application by courts of civil legislation Regulating Relations on Obligations due to harm to the Life or health of a citizen».

4. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated December 18, 2015 No. 933n (ed. dated March 25, 2019) «On the procedure for conducting a medical examination for intoxication (alcoholic, narcotic or other toxic)» (registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on March 11, 2016 No. 41390).

5. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses from December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on December 5, 2022).

6. Federal Law No. 171-FZ of November 22, 1995 (last ed.) «On State regulation of production and turnover of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products and on restriction of consumption (drinking) of alcoholic products».

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 dated June 23, 2015 «On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation».

8. The situation: What threatens the owner for his lack of documents or for being intoxicated in a parked car? // Electronic journal «Abc of Law», 2022.

Информация об авторах

Н. Г. Семьонкина — преподаватель кафедры специальной подготовки Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат юридических наук;

О. С. Горынина — преподаватель кафедры специальной подготовки Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

Information about the authors

N. G. Semionkina — Lecturer of the Department of Special Training of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, Candidate of Legal Sciences;

O. S. Gorynina — Lecturer of the Department of Special Training of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.12.2022; одобрена после рецензирования 25.01.2023; принята к публикации 10.02.2023.

The article was submitted 06.12.2022; approved after reviewing 25.01.2023; accepted for publication 10.02.2023.

Научная статья
УДК 343.98
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-231-236>
НИОН: 2003-0059-1/23-580
MOSURED: 77/27-003-2023-01-779

Оценка заключения судебно-портретной экспертизы в отношении лиц с измененной внешностью

Татьяна Анатольевна Солодова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, tatyana.solodova@mail.ru

Аннотация. Изложены проблемные вопросы, касающиеся оценки экспертизы в отношении лиц с измененной внешностью. Отмечено, что, помимо элементов формального характера, следователь, судья и иные участники процесса должны оценить достоверность и полноту заключения эксперта. Проанализированы возможные трудности, которые могут возникнуть при анализе правильности применения методик, выборе конкретных методов исследования, оценке совпадений и различий, выявленных в процессе экспертного исследования. Акцентируется внимание на крайней желательности привлечения специалиста, а также на необходимости изложения хода и результатов экспертного исследования доступным и понятным языком.

Ключевые слова: методика экспертного исследования, идентификационные признаки, внешний облик, оценка экспертизы, достоверность, специалист, изменение внешности

Для цитирования: Солодова Т. А. Оценка заключения судебно-портретной экспертизы в отношении лиц с измененной внешностью // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 231–236. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-231-236>.

Original article

Evaluation of the conclusion of the forensic portrait examination in relation to persons with altered appearance

Tatiana A. Solodova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, tatyana.solodova@mail.ru

Abstract. The problematic issues concerning the assessment of expertise in relation to persons with altered appearance are outlined. It is noted that, in addition to formal elements, the investigator, the judge and other participants in the process should assess the reliability and completeness of the expert's conclusion. The possible difficulties that may arise when analyzing the correctness of the application of methods, the choice of specific research methods, the assessment of coincidences and differences identified in the process of expert research are analyzed. The attention is focused on the extreme desirability of attracting a specialist, as well as on the need to present the progress and results of expert research in an accessible and understandable language.

Keywords: methodology of expert research, identification signs, appearance, assessment of expertise, reliability, specialist, change of appearance

For citation: Solodova T. A. Evaluation of the conclusion of the forensic portrait examination in relation to persons with altered appearance. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):231–236. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-231-236>.

Общие принципы оценки доказательств как на предварительном следствии, так и в суде сформулированы в положениях ст. 17 УПК РФ. В соответствии с ее положениями судья, присяжные заседатели, прокурор, следователь, дознаватель должны руководствоваться своим внутренним убеждением, основанным на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, при этом «никакие доказательства не имеют заранее установленной силы» [1].

Применительно к оценке фактических данных, установленных судебно-портретной экспертизой лиц

с измененной внешностью, это означает, что участники процесса должны, во-первых, удостовериться в соблюдении установленного законом порядка назначения и производства экспертизы, а во-вторых, учесть все обстоятельства, которые могли повлиять на достоверность выводов эксперта [2, с. 76].

Как правило, не вызывает затруднений оценка элементов формального характера: соблюдение прав подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля при назначении и производстве экспертизы (ст. 198 УПК РФ); соответствие процедуры постановки во-

© Солодова Т. А., 2023

просов перед экспертом положениям ст. 283 УПК РФ; наличие сведений о предупреждении об ответственности за дачу заведомо ложного заключения (ст. 307 УПК РФ), правильность оформления заключения эксперта, наличие всех сведений, перечисленных в ст. 204 УПК РФ; наличие оснований для отвода эксперта, предусмотренных ст. 70 УПК РФ.

Менее очевидными для лиц, не обладающих специальными знаниями в соответствующей области, представляются некоторые аспекты оценки достоверности заключения эксперта.

А. М. Зинин и Н. П. Майлис к положениям, касающимся существа заключения эксперта, рассматриваемым при его оценке, относят:

- ◆ допустимость объектов, исследовавшихся экспертом;
- ◆ определение достоверности заключения;
- ◆ достаточность представленного эксперту материала для проведения исследования;
- ◆ правильность представленных эксперту исходных данных;
- ◆ определение полноты проведенного экспертом исследования;
- ◆ подтвержденность вывода эксперта проведенными им исследованиями;
- ◆ определение доказательственного значения (силы) заключения эксперта [3, с. 186–195].

При оценке *допустимости* объектов, подлежащих исследованию, устанавливается, не был ли нарушен предусмотренный УПК РФ порядок производства следственных действий, в рамках которых осуществлялось их изъятие. Например, для выемки документов медицинского характера, содержащих сведения о хирургических вмешательствах во внешность исследуемого лица и их возможных осложнениях, а также фотоизображения пациента до и после проведения операции, постановления следователя недостаточно. «Проведение выемки документов, имеющих сведения, относящиеся к ...персональным данным, закономерно сопровождается более усложненным порядком принятия такого решения. В более ранний период действия УПК РФ требовалось согласие прокурора либо судебное решение (в зависимости от конкретной разновидности этих документов), впоследствии — судебное решение» [4, с. 19].

Заключение эксперта может быть признано недопустимым, если выяснится, что в процессе изъятия объектов, подлежащих исследованию, были нару-

шены права граждан, либо есть основания сомневаться в достоверности результатов следственного действия.

Определение *достоверности* экспертного заключения формальных критериев не имеет. Оценке подлежат обоснованность и аргументированность выводов эксперта, научная обоснованность и правомерность применения конкретной методики, а также логическая связь выводов с проделанным исследованием. Прогнозируемыми представляются затруднения, возникающие у следователей, судей и иных участников процесса на этом этапе. Так, А. В. Кудрявцева пишет: «Сложность оценки научной обоснованности заключений экспертов и специалистов предопределяется тем фактом, что субъекты доказывания не могут применять при этом специальные знания, даже если они ими обладают» [5, с. 165].

При оценке достоверности судебно-портретной экспертизы, проводимой в отношении лиц с измененной внешностью, следует учитывать, что, помимо перечня методических материалов, рекомендации которых использовались во время производства исследования, следует изложить, каким образом типовая методика была преобразована в конкретную «с учетом особенностей объектов исследования и условий применения методов, рекомендованной типовой методикой» [6, с. 53].

Кроме того, сам по себе факт изменения внешности подразумевает, что по результатам сравнительного исследования будет выявлен комплекс различающихся признаков, часть которых объясняется влиянием фотографических факторов (например, вид и характер освещения, ракурс и т. д.), факторов, характеризующих состояние внешности в момент съемки, факторов видеосъемки и видеозаписи [7, с. 45–62], а часть будет являться закономерным следствием пластической операции.

Считаем, что в подобных ситуациях крайне желательным воспользоваться рекомендацией Т. Ф. Моисеевой, отмечающей целесообразность привлечения специалиста, который устно, либо, оформив письменное заключение, сможет оказать помощь в оценке достоверности заключения эксперта [8, с. 97].

При оценке *достаточности* представленного эксперту материала для проведения исследования следует учитывать наличие необходимой совокупности материалов. По мнению Н. П. Майлис, достаточность материалов является одним из значимых эле-

ментов профилактики экспертных ошибок [9, с. 17]. С целью обеспечения полноты исследования эксперт может ходатайствовать о предоставлении в качестве сравнительных образцов фотоизображений исследуемого лица, максимально приближенных к периоду получения исследуемого объекта. Кроме того, в случаях, когда есть основания полагать, что воздействие на внешность исследуемого осуществлялось методами инъекционной косметологии, эксперт может рекомендовать органам следствия, дознания или суда проведение «ультразвукового исследования кожи и мягких тканей лица для определения уровня отека, наличия филлера в мягких тканях» [10, с. 42].

Факт реализации экспертом своего права на заявление ходатайства о предоставлении дополнительных материалов также подлежит оценке.

В силу специфики данного вида экспертиз, обоснованность вывода эксперта находится в прямой зависимости от *правильности* представленных эксперту исходных данных. Эксперт, проводящий судебно-портретную экспертизу лица с измененной внешностью, по объективным причинам должен выявить комплекс различающихся признаков. При этом его компетенция позволяет дифференцировать признаки, возникающие под влиянием изменения положения головы относительно фотовидеокамеры; расстояния между сфотографированным лицом и фотокамерой, различных характеристик примененной оптики, состояний внешности человека в момент его фотографирования (в том числе мимических изменений). Наряду с различиями, возникшими под влиянием факторов, влияющих на отображение внешнего облика лица, запечатленного на фотоснимках и видеоизображениях [7, с. 43–62], будут наблюдаться признаки, происхождение которых объясняется хирургической операцией, косметологической процедурой либо возникшими в связи с этим осложнениями. При этом эксперт при оценке этих различий будет вынужден опираться на выходящие за рамки его компетенции данные, почерпнутые из представленных ему материалов, содержащих медицинскую документацию, результаты исследований УЗИ и т. д., оценить достоверность которых он вероятнее всего не сможет. В случае, если по тем или иным причинам эти данные оказались неверными, результаты экспертного исследования будут признаны недостоверными [11, с. 124].

О *полноте* проведенного экспертом исследования можно составить объективное мнение, если подверг-

нуть анализу научную обоснованность примененной методики, а также эффективность выбора методов исследования. Согласимся с мнением Н. П. Майлис и А. М. Зинина о том, что вывод о полноте либо неполноте проведенного экспертом исследования «формируется у следователя (судьи), хорошо ориентированного в вопросах современных возможностей судебных экспертиз» [3, с. 192]. Сложность оценки заключается в том, что весьма ограничен круг лиц, знакомых с такими методами, как сопоставление с использованием координатной сетки, биологическая симметрия лица, сопоставление с использованием «масок», совмещение изображений, сопоставление с помощью аппликаций, наложение одного изображения на другое, угловые измерения признаков лица, сопоставление относительных величин, вероятно-статистический метод. Каждый из перечисленных методов имеет свою специфику применения, не соблюдение которой может привести к экспертной ошибке. Так, например, незначительная разница в положениях сравниваемых лиц не исключает сопоставления с помощью аппликаций, но делает невозможным использование метода биологической симметрии лица.

Представляется целесообразной рекомендация А. М. Зинина, который отмечает, что для повышения своей осведомленности в этой области лицу, назначившему экспертизу, может понадобиться консультация у специалиста или частного эксперта [11, с. 124]. Эту же позицию высказывает и О. Г. Дьяконова, которая пишет: «...полагаем, нельзя пренебрегать консультациями и помощью специалистов при оценке заключения эксперта» [12, с. 86].

Подтвержденность вывода эксперта проведенными им исследованиями также может вызвать ряд серьезных затруднений у инициатора экспертизы. Как указывают Е. В. Давыдов и В. Ф. Финогенов: «...вывод эксперта может быть признан объективным и обоснованным только при условии строгого соблюдения особенностей методики, при тщательном и последовательном изучении и оценке идентификационных признаков внешности на всех четырех ее стадиях, а также при оптимальном использовании комплекса методов оценки, установленных при сравнении анатомических элементов и признаков внешности» [13, с. 55–56]. Если анализ выявленных совпадений и различий в заключении эксперта изложен развернуто, с учетом устойчивости и идентификационной значимости совпадений, а также с указа-

нием конкретных причин различий, это свидетельствует о полном и объективном характере экспертного исследования.

Кроме того, правильность заключения эксперта будет подтверждать отсутствие противоречий в совокупности доказательств по делу, в том числе и с иными заключениями экспертов. Оценивая заключение эксперта, ошибочно как переоценивать его, так и игнорировать без какой бы то ни было мотивировки, поскольку это может привести к судебной ошибке. Противоречие выводов эксперта другим источникам доказательств не должно означать, что суд либо следственные органы должны отнестись с максимальным доверием к выводам эксперта. Вопрос, какое из доказательств соответствует объективной действительности, можно решить только в совокупности со всеми другими доказательствами по делу [2, с. 164–168].

Для определения доказательственного значения заключения эксперта необходимо выяснить, относятся ли фактические данные, установленные в результате экспертного исследования, к перечисленным в ст. 73 УПК РФ [1] обстоятельствам, подлежащим доказыванию. В тех случаях, когда факт, установленный в процессе решения вопроса, поставленного перед экспертом, не входит в предмет доказывания, он будет отнесен к косвенным доказательствам.

Кроме того, форма выводов оказывает непосредственное влияние на доказательственную силу заключения эксперта. При идентификации лица по измененным признакам внешности, как правило, формулируются выводы о тождестве либо его отсутствии в категорической и вероятной формах.

Категорический вывод «на практике считается весьма веским, а иногда и неопровержимым доказательством» [14, с. 30]. Выводы, сформулированные в вероятной форме, используются следователями и судами в основном для оценки существования факта либо проверки выдвигаемых версий, они не имеют определенного доказательственного значения и их использование судьей, присяжными заседателями, прокурором, следователем, дознавателем носит ограниченный характер.

Подводя итог изложенному, считаем нужным отметить следующее: «... в отличие от большинства других доказательств (показаний, протоколов следственных действий и судебного заседания и т. д.) заключение эксперта по своему характеру является безальтер-

нативным источником полезных сведений — эти сведения не могут быть установлены никакими иными способами и отражены ни в каком ином документе» [15, с. 18]. Следовательно, судья или иные участники процесса, перечисленные в УПК РФ, могут адекватно оценить соблюдение порядка назначения и производства экспертизы, правильность оформления ее результатов, основания для отвода эксперта, а также допустимость исследуемых объектов, правильность представленных эксперту исходных данных и определение доказательственного значения экспертизы. Вместе с тем, определение полноты и достоверности заключения судебно-портретной экспертизы в отношении лиц, внешность которых подвергалась изменениям, может вызвать серьезные затруднения. В этом случае крайне желательно привлечь специалиста, который может «помочь проанализировать содержание стадий исследования, обоснованности применения методов исследования, исходя из специфики объектов, представленных на экспертизу. Пояснить, почему не могли быть применены определенные методы, которые эксперт использовал в ходе производства экспертизы» [6, с. 52–53].

При этом независимо от того, будет ли принято решение о привлечении специалиста, или нет, эксперт, помня о том, кому адресованы результаты его исследования, должен описывать его ход и результаты доступным литературным языком, указывая при этом на совпадения и различия, мотивированно объясняя их, объяснять цель и результаты применения специальных методов [16, с. 469–470].

Список источников

1. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. М. : Инфра-М, 2009.
2. Бондаренко И. Н. Ультразвуковое исследование высокого разрешения в диагностике отеков после контурной пластики // Кубанский научный медицинский вестник. 2021. Т. 28. № 1. С. 32–42.
3. Бородин С. В., Палиашвили А. Я. Вопросы теории и практики судебной экспертизы. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1963.
4. Варданян А. В. Новеллы в регламентации обыска и выемки как потребность в модернизации тактико-криминалистических приемов // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: мат. междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск,

15–16 марта 2019 г.). Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2019. С. 16–21.

5. Давыдов Е. В., Финогенов В. Ф. Особенности оценки признаков внешности и формирования выводов в практике производства портретных экспертиз по цифровым видеоизображениям // Судебная экспертиза. 2021. № 4(68). С. 53–61.

6. Дьяконова О. Г. Заключение эксперта и его оценка в арбитражном процессе // Совершенствование цивилистического процессуального законодательства и законодательства об исполнительном производстве: теория и практика: мат. междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 24 апреля 2014 г.). СПб., 2014. С. 82–87.

7. Зинин А. М. Криминалист в следственных действиях: учеб.-практ. пособие. М. : Экзамен, 2004.

8. Зинин А. М. Некоторые особенности оценки заключения эксперта по результатам проведения судебной портретной экспертизы // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 1. С. 52–53.

9. Кудрявцева А. В. Оценка результатов использования специальных знаний на стадии предварительного расследования // Вопросы экспертной практики. 2017. № S1. С. 163–168.

10. Криминалистическая идентификация человека по признакам внешности / А. М. Зинин, В. А. Газизов, М. Н. Овсянникова [и др.]. М. : Юрайт, 2019.

11. Майлис Н. П., Зинин А. М. Судебная экспертиза. М. : Юрайт, 2002.

12. Майлис Н. П. О дополнении классификационной системы экспертных ошибок // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 15–17.

13. Моисеева Т. Ф. Допустимость использования некоторых видов психологических исследований в рамках судебной экспертизы // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1. С. 95–98.

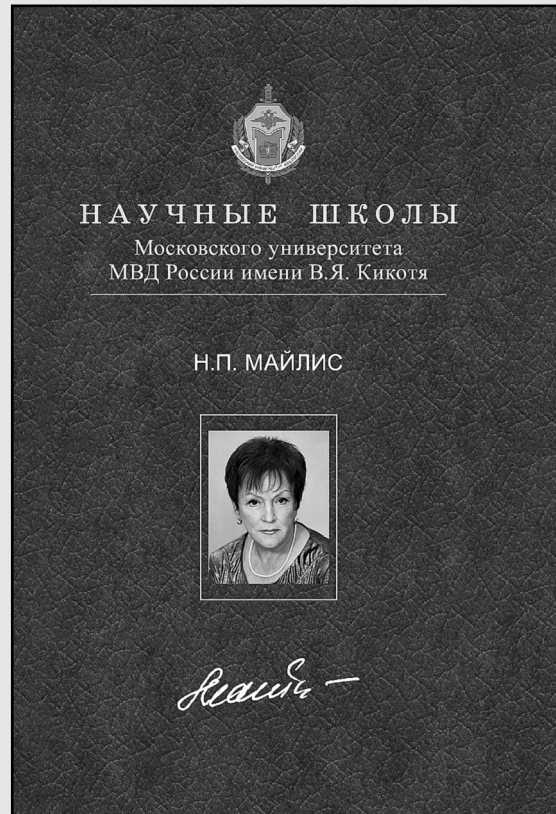
14. Орлов Ю., Шишков С., Гришина Е. П. Оценка судом достоверности заключения эксперта // Российская юстиция. 1995. № 11. С. 29–30.

15. Россинский С. Б., Расулова Н. С. Заключение эксперта и заключение специалиста как средства доказывания в уголовном судопроизводстве: каковы критерии их разграничения? // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2(34). С. 15–20.

16. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. (ред. от 24 сентября 2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

КОНЦЕПЦИЯ УЧЕНИЯ О СЛЕДАХ И ПРОБЛЕМЫ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Научное издание
Гриф НИИ образования и науки
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф МНИЦ Судебной экспертизы
и исследований
Н. П. Майлис

Изложены истоки формирования и развития судебной экспертизы, основные теоретические понятия. Рассмотрены вопросы формирования теории идентификации и диагностики в судебной экспертизе, современная классификация судебных экспертиз и перспективы их развития, субъекты судебно-экспертной деятельности и ее правовое обеспечение. В соответствии с процессуальным уголовным, гражданским, арбитражным законодательством и Кодексом об административных правонарушениях рассмотрены виды назначаемых экспертиз, особенности проведения комплексных экспертиз, информационное обеспечение судебно-экспертной деятельности и отдельных видов экспертиз, а также экспертная этика как важная составляющая профессиональной деятельности. Должное внимание уделено экспертным ошибкам и подготовке судебных экспертов.

References

1. Averyanova T. V. Forensic examination. M. : Infra-M, 2009.
2. Bondarenko I. N. High-resolution ultrasound examination in the diagnosis of edema after contouring // *Kuban Scientific Medical Bulletin*. 2021. Vol. 28. No. 1. P. 32–42.
3. Borodin S. V., Paliashvili A. Ya. Questions of theory and practice of forensic examination. M. : State Publishing House of Legal Literature, 1963.
4. Vardanyan A.V. Novellas in the regulation of search and seizure as a need for modernization of tactical and forensic techniques // *Actual problems of criminalistics and forensic examination: mat. international scientific and practical conference (Irkutsk, March 15–16, 2019)*. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2019. P. 16–21.
5. Davydov E. V., Finogenov V. F. Features of the assessment of the signs of appearance and the formation of conclusions in the practice of production of portrait examinations on digital video images // *Forensic examination*. 2021. No. 4(68). P. 53–61.
6. Dyakonova O. G. Expert's conclusion and its assessment in the arbitration process // *Improvement of civil procedural legislation and legislation on enforcement proceedings: theory and practice: mat. international scientific and practical conference. (St. Petersburg, April 24, 2014)*. St. Petersburg, 2014. P. 82–87.
7. Zinin A. M. Criminalist in investigative actions: study.-practice. manual. M. : Exam, 2004.
8. Zinin A. M. Some features of the evaluation of the expert's conclusion based on the results of the forensic portrait examination // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. No. 1. P. 52–53.
9. Kudryavtseva A. V. Evaluation of the results of the use of special knowledge at the stage of preliminary investigation // *Questions of expert practice*. 2017. No. S1. P. 163–168.
10. Criminalistic identification of a person by signs of appearance / A. M. Zinin, V. A. Gazizov, M. N. Ovsyannikova [et al.]. M. : Yurayt, 2019.
11. Mailis N. P., Zinin A. M. Forensic examination. M. : Yurayt, 2002.
12. Mailis N. P. On the addition of the classification system of expert errors // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015. No. 3. P. 15–17.
13. Moiseeva T. F. The admissibility of the use of certain types of psychological research in the framework of forensic examination // *Bulletin of Economic Security*. 2018. No. 1. P. 95–98.
14. Orlov Yu., Shishkov S., Grishina E. P. Assessment by the court of the reliability of the expert opinion // *Russian justice*. 1995. No. 11. P. 29–30.
15. Rossinsky S. B., Rasulova N. S. Expert opinion and expert opinion as a means of proof in criminal proceedings: what are the criteria for their differentiation? // *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. No. 2(34). P. 15–20.
16. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001. (ed. of September 24, 2022) // SPS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

Т. А. Солодова — преподаватель кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

T. A. Solodova — Lecturer at the Department of Expert Criminalistic Activity of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 12.12.2022; принята к публикации 25.01.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 12.12.2022; accepted for publication 25.01.2023.

Научная статья
УДК 343.14
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-237-243>
НИОН: 2003-0059-1/23-581
MOSURED: 77/27-003-2023-01-780

Расширение процессуальной формы через научно-практический вид доказательств по уголовным делам

Олег Александрович Тарнавский
ООО «Газпром энерго», Москва, Россия, mellert.@bk.ru

Аннотация. Исследуются специфические особенности проведения правовых судебных экспертиз в уголовном судопроизводстве с учетом позиций Верховного Суда Российской Федерации. Приведена практика назначения на досудебном этапе данного вида исследований, показана их эффективность. Отмечается отсутствие надлежащего регулирования правовой экспертизы в законодательстве; предлагается классифицировать ее как научно-практический вид доказательств по уголовному делу.

Ключевые слова: процессуальная форма, правовая судебная экспертиза, заключение эксперта, специалиста, предварительное расследование, позиция Верховного Суда РФ, виды доказательств

Для цитирования: Тарнавский О. А. Расширение процессуальной формы через научно-практический вид доказательств по уголовным делам // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 237–243. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-237-243>.

Original article

Expansion of the procedural form through the scientific and practical type of evidence in criminal cases

Oleg A. Tarnavsky
Gazprom Energo LLC, Moscow, Russia, mellert.@bk.ru

Abstract. The specific features of conducting legal forensic examinations in criminal proceedings are investigated, taking into account the positions of the Supreme Court of the Russian Federation. The practice of prescribing this type of research at the pre-trial stage is given, their effectiveness is shown. The lack of proper regulation of legal expertise in the legislation is noted and it is proposed to classify it as a scientific and practical type of evidence in a criminal case.

Keywords: procedural form, legal forensic examination, expert, specialist opinion, preliminary investigation, position of the Supreme Court of the Russian Federation, types of evidence

For citation: Tarnavsky O. A. Expansion of the procedural form through a scientific and practical type of evidence in criminal cases. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):237–243. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-237-243>.

Защита прав и свобод человека в уголовном процессе возможна только в рамках и путем соблюдения процессуальной формы производства следственных и процессуальных действий, нацеленных на получение доказательственной информации. Такое целеполагание закреплено в ряде положений уголовно-процессуального законодательства, ключевым из которых выступает назначение деятельности органов предварительного расследования и суда [1] (ст. 6 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)). Последние годы процессуальная форма подвергается значительным изменениям: введение упрощенных процедур, расширение конфиденциального начала и способов доследственной проверки, введение новых участников уголовного про-

цесса и проч. В связи с этим возникают вопросы о месте и возможностях расширения системы сведений об обстоятельствах, подлежащих установлению в ходе досудебного производства, почерпнутых из источников, непоименованных законом в качестве допустимых; насколько обоснованно введение апробированных на практике способов уголовно-процессуального познания; не приведет ли это в своей совокупности к затягиванию производства по уголовному делу, воспрепятствованию реализации гарантированных прав и законных интересов участников процесса.

Одним из спорных видов применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве является проведение правовых экспертиз. На практике такие исследования получили значительную популярность

© Тарнавский О. А., 2023

у стороны защиты с 2010 г. Особую роль в этом сыграло соответствующее разъяснение Верховного Суда Российской Федерации «О судебной экспертизе по уголовным делам» [2], в п. 4 которого был установлен только лишь запрет на формулирование перед экспертом вопросов, связанных с оценкой деяния, что относится к компетенции следователя, дознавателя, прокурора, суда. Иных ограничений Верховный Суд РФ не назвал. Также была оговорена возможность обращения в негосударственные экспертные учреждения, в том числе с поручением производства экспертизы «сотруднику научно-исследовательского института, вуза, иной организации, обладающему специальными знаниями и имеющему в распоряжении необходимое экспертное оборудование» (п. 5 названного постановления).

Уголовно-процессуальный закон не ограничивает и не регулирует (по большей части) вне процессуальные формы получения информации. Однако, имеется специфика назначения и производства судебной правовой экспертизы (или как иначе ее называют исследователи [3, с. 14; 4, с. 23] — «юридической»), что обусловлено, в первую очередь, отсутствием прямого закрепления такого вида в перечне [5] судебных экспертиз, поручаемых государственным экспертным учреждениям. Деятельность последних строго регламентирована самостоятельным законодательством [6]. В числе регулятивных норм следует выделить положения ст. 11, 38 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», предписывающих организацию единого научно-методического подхода к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов, которые не могут быть обеспечены надлежащим образом при производстве отдельных исследований, в том числе правовых. Однако, в исключительных случаях, экспертное исследование может быть поручено негосударственной некоммерческой организации, научно-исследовательскому институту и т. д.

В рамках настоящего исследования, нами проанализированы и обобщены результаты более 50 таких экспертиз, назначенных и проведенных в Москве и Московской области, Оренбургской области, Республике Башкортостан за период с 2012 по 2014 гг. Так, к примеру, по нижеперечисленным уголовным делам следователями назначались правовые судебные экспертизы:

♦ № 4/1266, возбужденному 22 августа 2012 г. по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, для выяснения порядка правопреемства в отношении имущества ликвидированного муниципального унитарного предприятия и порядка приобретения права (постановление от 12 сентября 2012 г.);

♦ № 3010105, возбужденному 21 июня 2013 г. по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 в отношении нескольких подозреваемых, для выяснения порядка заключения, исполнения и расторжения нескольких договоров, порядка признания юридического лица несостоятельным (банкротом) и ведения конкурсного производства и другие вопросы (постановление от 23 декабря 2013 г.);

♦ № 3010141, возбужденному 26 сентября 2013 г. по признакам преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ в отношении неустановленных лиц, для выяснения порядка передачи движимого и недвижимого имущества муниципальных образований в ведение муниципальных унитарных предприятий в соответствии с законодательством Российской Федерации, действовавшим в определенный в постановлении период (постановление от 19 ноября 2013 г.);

♦ № 3090074, возбужденному 22 марта 2013 г. по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159.4 УК РФ в отношении гр. М., для выяснения юридического порядка заключения сделки — договора залога по кредитному договору, подлежащего применению с целью избежания правовых рисков (постановление от 16 августа 2013 г.);

♦ № 0060863, возбужденному 8 июня 2010 г. по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 УК РФ в отношении гр. С., для выяснения юридического порядка регистрации права, а также других вопросов (постановление о назначении экспертизы от 25 февраля 2014 г.) и др.

Таким образом, на разрешение экспертов ставились вопросы применения цивилистических норм к конкретным правоотношениям. Заключение перечисленных правовых судебных экспертиз были приобщены к материалам уголовных дел, которые в настоящий момент окончены производством. По некоторым из заключений возникали сомнения о полноте, что устранялось назначением дополнительных исследований по уточненным вопросам и допросами экспертов, в том числе на последующих судебных стадиях.

Распространенным подходом в решении вопроса о допустимости производства правовых экспертиз по

уголовным делам является умозаключение об отсутствии необходимости получения «специального познания» при применении норм уголовного права к преступному событию и установлению виновности лица в совершенном им деянии (бездействии) со стороны дипломированного по соответствующему направлению подготовки следователя, дознавателя, суда. Подобные высказывания и аргументацию к ним осветили в своих работах современные ученые, такие как О. Ю. Ватутина [7], Д. В. Зотов [8], Е. И. Галяшина, В. В. Голикова, Е. Н. Дмитриев Е. Р. Россинская [9] и др. Объективная необходимость в производстве правовых экспертиз существует и обусловлена бланкетным характером норм Особенной части действующего уголовного законодательства, тенденцией снижения уровня квалификации работников органов предварительного расследования, необходимостью усиления состязательного начала досудебного производства, расширением доказательственной базы по уголовному делу. К тому же практика изобилует примерами приобщения к материалам уголовного дела «правовых заключений», «заключений по правовым вопросам» и другими аналогичными исследованиями, а, значит, назрела необходимость в их официальной регламентации. Своеобразным «камнем преткновения» является последняя позиция Верховного Суда о недопустимости постановки перед экспертами юридических вопросов оценки деяния или о достоверности иных имеющихся в материалах дела доказательств под угрозой признания заключения недопустимым (подп. 4 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» [10]). Подобные изменения всколыхнули адвокатское сообщество и отдельные центры исследований. По их мнению, Верховный Суд РФ уничтожил возможность специалиста помогать защите при оценке судебной экспертизы [11]. Не считаем, что подобным опасениям есть место. Ни законодатель, ни Пленум не запрещают обращаться за заключением эксперта либо специалиста, по вопросам применения специальных знаний в области гражданского права; в области трудового права; в области муниципального и государственного права; в области регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним; в области правового регулирования обязательственных отношений в предпринимательской деятельности и т. д.

Заключение эксперта, специалиста являются результатом проведенной экспертизы, исследования, выдвижения мнений и в последующем выступают доказательствами по делу. Стоит отметить, что Ю. К. Орлов считает, что мнение специалиста, в отличие от эксперта, имеет более свободную форму (информационная справка, консультация и пр.), но не форму заключения, в связи с чем, возникает терминологическая неточность [12, с. 144]. Основным различием в заключениях данных субъектах является то, что заключение эксперта в соответствии с нормами УПК РФ представляет собой описание проведенного исследования и выводы по нему, а к заключению специалиста законодательно требования по форме не предъявляются. Законодательное закрепление заключения специалиста позволило уравнивать стороны обвинения и защиты в доступе к специальным знаниям для доказывания и опровержения иных доводов. Однако, стоит отметить, что заключение специалиста основано на его мнении, и он не проводит как такового исследования. К заключению эксперта более жесткие требования по соблюдению методических и иных рекомендаций; специалист, в свою очередь, руководствуется своими знаниями, не прибегая к рекомендациям по фиксации результатов исследования. Ученые полагают, что заключение специалиста является одним из основных источников доказательств стороны защиты, которое, в свою очередь, позволяет гражданам в полной мере реализовывать свои права на защиту [13, с. 152].

Процессуальные фигуры эксперта и специалиста достаточно схожи, но, в свою очередь, каждый имеет свои особенности, в том числе в правах и обязанностях данных лиц. Основной проблемой при использовании заключения в качестве доказательства по делу является его достоверность. Так, заведомо ложное заключение эксперта может отражать сознательно неправильный ход и результаты исследования материалов дела, представленные на экспертизу. Заведомо ложное заключение специалиста аналогично может сознательно отражать неверные сведения по делу. Данные сведения являются одним из распространенных источников противодействия осуществления правосудия.

Деятельность эксперта и специалиста подлежит верификации со стороны должностного лица, которое привлекало данных лиц. Так, например, проверка за-

ключения эксперта, не смотря на прочный научный фундамент, пожелит критической оценке лицами, назначившими производство правовой экспертизы. Проверка заключения эксперта производится с учетом ряда стадий. На первой стадии обязательным условием является соблюдение правовых норм при назначении судебной экспертизы. На второй — устанавливается достаточность и достоверность материалов, которые были подвержены исследованию. На третьей стадии проверяется научная обоснованность выбранной методики исследования. На четвертой и пятой стадиях проверяется полнота, объективность заключения и логическая обоснованность самого исследования и полученных результатов. На последующих стадиях происходит проверка и оценка относимости полученных результатов и сопоставление выводов эксперта с имеющимися доказательствами по делу.

Стоит отметить, что не всегда следователь, дознаватель, прокурор, суд имеют достаточные знания для оценки деятельности эксперта, специалиста. В большинстве случаев происходит оценка полноты выводов эксперта, специалиста и соответствие их другим собранным по делу доказательствам. В связи с этим И. Л. Александрова в своем исследовании считает нецелесообразным обязывать должностных лиц проводить проверку по данным стадиям, важнее обладать знаниями и умениями практического применения рекомендаций, которые включают в себя особенности исследования эксперта и специалиста [14, с. 145]. Соответственно заключение и показания эксперта и специалиста подлежат оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности доказательств. При оценке заключения эксперта необходимо первоначально проверить соблюдение прав участников уголовного дела (например, ознакомился ли обвиняемый с постановлением о назначении экспертизы, ознакомлен ли он с заключением эксперта и протоколом допроса и пр.), компетентность эксперта и специалиста, пределы его компетенции, установить их беспристрастность к исходу дела. Также необходимо проверить формальную сторону заключения, его оформление в соответствии с законом. Заключительным этапом оценки является определение роли установленных фактов в доказывании виновности или невиновности лица, которое привлечено к уголовной ответственности, а также иных обстоятельств, которые имеют значение для уголовного дела. Большинство ошибок допускается на заключительной стадии

оценки, что в последующем может привести к серьезным следственным и судебным ошибкам. Стоит отметить, что в следственной и судебной практике существуют случаи, когда отдается предпочтение заключению эксперта, т. е. негласно устанавливается определенная процессуальная сила данного документа, что, в свою очередь, является грубой ошибкой. В целях недопущения получения в исследованиях ложной и недостоверной информации возникает необходимость проведения публичных семинаров для разбора наиболее важных вопросов; в настоящее время возможно применение дистанционных технологий, а также соблюдение существующих рекомендаций по поводу оценки исследований и заключений эксперта и специалиста. Отличительной особенностью заключений эксперта и специалиста является то, что в нем содержится новое знание, полученное путем логических умозаключений.

Заключение эксперта можно подразделить на виды: категорическое заключение (содержит четкие ответы на поставленные вопросы, может быть как положительным, так и отрицательным), вероятное заключение (не дает в полной мере ответа на вопрос), заключение, которое содержит в себе информацию о невозможности решения поставленного вопроса.

Само заключение представляет собой документ, который состоит из связанных между собой частей (вводной, исследовательской, синтезирующей, заключительной). Вводная часть освещает организационные моменты экспертизы, в исследовательской части описывается состояние предоставленных объектов, использованные методики, результаты исследования, синтезирующая часть содержит обобщенное мнение экспертов и формулирование ответов, в заключительной части отражаются полученные выводы, даются ответы на вопросы.

Таким образом, при практическом анализе заключения эксперта, устанавливается наличие трех обязательных частей: вводной, исследовательской, заключительной. Присутствие синтезирующей части возможно в содержании исследовательской части, либо возможно ее полное отсутствие. Особое внимание при работе с заключением эксперта следует уделять не только заключительной части, но и исследовательской.

Следует также отметить, что согласно ст. 283 УПК РФ суд имеет право, по ходатайству сторон или по собственной инициативе, назначать про-

изводство экспертизы. В связи с этим во время рассмотрения дела в суде может назначаться экспертиза любого вида, в данном случае не предусмотрено ограничений. Однако, назначение экспертизы в суде доставляет некоторые ограничения эксперту. Данные ограничения не нарушают права эксперта, но негативно могут сказаться на качестве исследования. Это связано, прежде всего, с ограниченностью сроков. Хотя конкретные сроки не устанавливаются, но при производстве ряда исследований необходимо достаточно продолжительное время. В данном случае возникает проблема с разумностью сроков. С одной стороны, если эксперт будет проводить исследование продолжительное время, возникнет так называемое затягивание процесса, хотя и обоснованное. С другой стороны, если эксперту установят сроки производства экспертизы, то исследование может быть проведено не в полном объеме или недолжным образом, с нарушением качества проводимого исследования. В данном проблемном случае предлагается минимизировать назначение экспертизы на судебных стадиях и осуществлять большой объем экспертиз на досудебных стадиях. Это, тем самым, позволит предотвратить затягивание сроков уголовного процесса, а также будет выступать преимуществом доказательственной базы, а именно подтверждать полноту и достаточность доказательств.

Но все же за судом необходимо оставить право назначения экспертного исследования. Это обусловлено рядом объективных и субъективных факторов. К объективным факторам можно отнести появление новых моментов, возникновение новых обстоятельств, при которых назначение экспертизы необходимо при судебном разбирательстве. Субъективные факторы в данном случае — это отношение следователя, его профессионализм, наблюдательность; т. е. данная группа факторов зависит от человека и его поведенческих, профессиональных особенностей. В настоящее время на следователя, дознавателя возлагается достаточно большой объем дел, что, в свою очередь, сказывается на загруженности работников. В связи с ненормированным рабочим днем, большим объемом работы в некоторых случаях происходят упущения, в том числе в назначении экспертизы. Также могут возникнуть ситуации некоторым образом ограничивающие права и положение эксперта, в связи с установленными сроками производства и действиями следователя. Данные проблемы предлага-

ется решать комплексно, а именно, необходимо увеличение штатных сотрудников следственных органов, сокращение количества дел на одного сотрудника, применение различного рода разгрузки (в том числе психологической), приближенная нормированность рабочего времени, а также проведение семинаров с работниками органов предварительного расследования. В том числе данного рода мероприятия могут проводиться и в экспертных учреждениях, в особенности проведение различного рода семинаров, курсов повышения профессиональной квалификации, на которых эксперты будут обретать новые знания в своей области, а также учиться действовать в конфликтной ситуации и ситуации, в которой необходимо быстрое проведение исследований.

Выводы эксперта и специалиста, которые являются косвенными доказательствами, могут использоваться только в совокупности с другими доказательствами. Роль таких косвенных доказательств зависит от каждой конкретной ситуации и от наличия иных доказательств по делу. Часто косвенные данные используются на первоначальном этапе, для установления прямых доказательств. В результате оценки заключения эксперта и специалиста может быть проведен их допрос либо назначена дополнительная или повторная экспертиза. Целью допроса является уточнение сведений.

Как уже говорилось ранее, наряду с заключением эксперта, специалиста к доказательствам также отнесены и их показания. Это является весьма логичным и обоснованным подходом, так как заключение эксперта, специалиста в большинстве случаев требует разъяснения. В связи с этим заключения и показания взаимосвязаны и использование их в данной взаимосвязи наиболее эффективно. Показания как эксперта, так и специалиста получаются в ходе проведения допроса, соответственно по форме, установленной в законе. Что касается непосредственно показаний эксперта, то из определения вытекает их основная особенность — дача показаний после предоставления заключения. Все полученные сведения от данных лиц подлежат фиксации в протоколе. Эксперт может отказаться от дачи ответа на вопрос, который не входил в содержание предмета экспертизы.

В данном случае возникает проблема дачи заведомо ложных показаний и заключений эксперта и специалиста. Показания будут считаться ложными, если в них полностью или частично были искажены

обстоятельства по уголовному делу. А. А. Коропова уточняет, что преступными будут считаться ложные показания, которые относятся к предмету доказывания и касаются существенных обстоятельств дела, что, в свою очередь, может привести к вынесению незаконного и необоснованного приговора [15, с. 332]. Чаще всего причиной дачи ложных показаний экспертами и специалистами могут быть: родственные или близкие связи с участниками процесса, заинтересованность в исходе дела, страх, влияние со стороны участников процесса, коммерческий интерес, боязнь собственного разоблачения, неквалифицированный допрос.

В целях недопущения дачи ложных показаний и заключений специалистом, некоторыми учеными предлагается закрепление в законодательстве уголовной ответственности данного лица. Это будет являться гарантией стороны защиты на достоверность сведений данными специалистом [13, с. 153].

Таким образом, заключения и показания эксперта и специалиста можно негласно отнести к научно-практическому виду доказательств по уголовному делу. Так, в основе получения данного вида доказательств лежит исследование с использованием специальных знаний, либо мнение, основанное на имеющихся знаниях. Однако, не смотря на научную подкрепленность данных сведений, это не обуславливает их заведомо определенную силу. Данные сведения также оцениваются с точки зрения свойств доказательств, а в последующем используются для разрешения уголовных дел.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 7 октября 2022 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Российская газета. 2010. 30 дек.
3. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М. : Проспект, 2016.
4. Зотов Д. В. Юридические экспертизы в уголовном судопроизводстве: постановка проблемы и возможные пути регламентации // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 4. С. 23–59.
5. Приказ Министерства юстиции РФ от 27 декабря 2012 г. № 237 (ред. от 28 декабря 2021 г.) «Об утверждении перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и перечня специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» // Российская газета. 2013. 6 февр.
6. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.
7. Ватутина О. Ю. Использование защитником правовой экспертизы в доказывании // Проблемы защиты прав: история и современность: XV междунар. науч.-практ. конф. СПб. : Издательство ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2021. С. 320–322.
8. Зотов Д. В. Правовая экспертиза в уголовном производстве: от легализации к процессуальной регламентации. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2015.
9. Судебная экспертиза: типичные ошибки / Е. И. Галяшина, В. В. Голикова, Е. Н. Дмитриев и др.; под ред. Е. Р. Россинской. М. : Проспект, 2012.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Официальный сайт Верховного Суда РФ // URL://<https://vsrf.ru/documents/own/30189/>
11. Пленум ВС исключил из своего постановления указание на возможность рецензирования судебных экспертиз // СОВА. Информационно-аналитический центр // URL://<https://www.sova-center.ru/misuse/news/lawmaking/2021/07/d44505/>
12. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М. : Юрист, 2009.
13. Султанов Ф. Ф. Показания и заключение эксперта и специалиста как источник доказательств в российском уголовном процессе // Научные достижения и открытия 2019: сб. ст. X междунар. науч.-исслед. конкурса. Пенза : Издательство «Наука и Просвещение», 2019. С. 151–153.
14. Александрова А. Л. Судебный эксперт: некоторые особенности деятельности // Социология власти. 2018. № 4. С. 140–146.
15. Коропова А. А. Заведомо ложное показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод как препятствие осуществления правосудия // Уголовно-правовые и криминологические

направления противодействия преступности: сб. мат. межрег. науч.-практ. конф. Симферополь, 2019. С. 331–335.

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on October 7, 2022) // SZ RF. 2001. No. 52 (Part 1). St. 4921.

2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 28 of December 21, 2010 «On Forensic examination of criminal cases» // Rossiyskaya Gazeta. 2010. 30 Dec.

3. Rossinskaya E. R., Galyashina E. I. Judge's handbook: forensic examination. M. : Prospect, 2016.

4. Zotov D. V. Legal expertise in criminal proceedings: problem statement and possible ways of regulation // Judicial power and criminal procedure. 2018. No. 4. P. 23–59.

5. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 237 dated December 27, 2012 (ed. dated December 28, 2021) «On Approval of the List of Types (Types) of Forensic Examinations Performed in Federal Budgetary Forensic Expert Institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation, and the list of specialties for which the Right to Independently Conduct forensic examinations in Federal Budgetary forensic expert institutions is presented institutions of the Ministry of Justice of Russia» // Rossiyskaya Gazeta. 2013. February 6.

6. Federal Law No. 73-FZ of May 31, 2001 (as amended on July 1, 2021) «On State forensic expert activity in the Russian Federation» // SZ RF. 2001. No. 23. St. 2291.

7. Vatutina O. Yu. The use of legal expertise by a defender in proving // Problems of protection of rights: history and modernity: XV International Scientific and

Practical Conference St. Petersburg : Publishing House of the Pushkin State University, 2021. P. 320–322.

8. Zotov D. V. Legal expertise in criminal proceedings: from legalization to procedural regulation. Voronezh : VSU Publishing House, 2015.

9. Forensic examination: typical mistakes / E. I. Galyashina, V. V. Golikova, E. N. Dmitriev, etc.; edited by E. R. Rossinskaya. M. : Prospect, 2012.

10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 29, 2021 No. 22 «On Amendments to Certain Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal cases» // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation // URL://<https://vsrf.ru/documents/own/30189/>

11. The Plenum of the Supreme Court excluded from its resolution an indication of the possibility of reviewing forensic examinations // SOVA. Information and Analytical Center // URL://<https://www.sova-center.ru/misuse/news/lawmaking/2021/07/d44505/>

12. Orlov Yu. K. Problems of the theory of evidence in criminal proceedings. M. : Lawyer, 2009.

13. Sultanov F. F. Testimony and conclusion of an expert and specialist as a source of evidence in the Russian criminal process // Scientific achievements and discoveries 2019: collection of art. X International scientific research. competition. Penza : Publishing House «Science and Enlightenment», 2019. P. 151–153.

14. Alexandrova A. L. Forensic expert: some features of the activity // Sociology of power. 2018. No. 4. P. 140–146.

15. Koropova A. A. Knowingly false testimony, expert opinion, specialist or incorrect translation as an obstacle to the implementation of justice // Criminal law and criminological directions of combating crime: sat. mat. interreg. scientific-practical conf. Simferopol, 2019. P. 331–335.

Информация об авторе

О. А. Тарнавский — заместитель генерального директора по правовым и общим вопросам ООО «Газпром энерго», кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

O. A. Tarnavsky — Deputy General Director for Legal and General Affairs of Gazprom Energo LLC, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.12.2022; одобрена после рецензирования 26.01.2023; принята к публикации 09.02.2023.

The article was submitted 29.12.2022; approved after reviewing 26.01.2023; accepted for publication 09.02.2023.

Научная статья

УДК 349.3

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-244-249>

ИПОН: 2003-0059-1/23-582

MOSURED: 77/27-003-2023-01-781

Использование категории притязания в праве социального обеспечения

Анна Васильевна Трутаева

Сибирский юридический университет, Омск, Россия, annatrutaeva@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается возможность применения в праве социального обеспечения разработанной в теории права категории притязания. Раскрывается смысл понятия и ставится вопрос значения этого термина для исследования предпосылок формирования отраслевой юридической нормы. Сделан вывод о наличии у категории притязания потенциала с точки зрения исследований в праве социального обеспечения.

Ключевые слова: право на социальное обеспечение, притязание, социальное притязание, правовая норма

Для цитирования: Трутаева А. В. Использование категории притязания в праве социального обеспечения // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 244–249. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-244-249>.

Original article

Use of the category of claim in social security law

Anna V. Trutaeva

Siberian Law University, Omsk, Russia, annatrutaeva@yandex.ru

Abstract. The possibility of applying the category of claim developed in the theory of law in social security law is considered. The meaning of the concept is revealed and the question of the meaning of this term is raised for the study of the prerequisites for the formation of an industry legal norm. It is concluded that the category of claims has potential from the point of view of research in social security law.

Keywords: right to social security, claim, social claim, legal norm

For citation: Trutaeva A. V. Use of the category of claim in social security law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):244–249. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-244-249>.

В условиях стремительно меняющейся социальной реальности, возникающих локальных и глобальных вызовов безопасности человека все большее значение приобретает способность системы социального обеспечения эффективно реагировать на последствия объективации социальных рисков. Эта способность напрямую связана с объемом и содержанием права на социальное обеспечение, результатом его закрепления и реализации.

Складывающаяся практика проживания ситуации реализовавшегося социального риска и преодоления последствий его реализации формирует в обществе запрос на социальное обеспечение. Этот запрос основывается на потребностях, испытываемых гражданами, столкнувшимися со старостью, инвалидностью и нездоровьем, потерей кормильца, утратой работы или бедностью. Непосредственная связь социального обеспечения с требованиями пролетариата о повышении уровня благосостояния и поддержки в случаях старости, инвалидности и др. в классовой борьбе была взята на вооружение В. С. Андреевым при обосновании места и роли права соци-

ального обеспечения в правовой системе СССР [2, с. 3]. Характеризуя объективные основания социального обеспечения, Р. И. Иванова писала, что являющаяся предметом внимания права социального обеспечения потребность в получении источников жизнеобеспечения обуславливается старостью, болезнью, инвалидностью, потерей кормильца, деторождением и т. д. [5, с. 9]. Объектом потребности граждан в социальном обеспечении служат предметы, вещи. Потребность эта, в свою очередь, может быть общей или в различной мере специфичной, сообразно численности субъектов такой потребности и существующей в их жизни ситуации [5, с. 40]. В целом, потребности и, в частности, потребности в социальном обеспечении выступали предметом внимания юридической науки. При этом отраслевой наукой использовались категории социально значимых потребностей, социальных потребностей, жизненных потребностей [см. напр.: 12, с. 197; 7, с. 194, 202, 203; 13, с. 240].

Потребность принято понимать как необходимость в чем-либо объективно важном для поддержания жизнедеятельности организма человека (разви-

© Трутаева А. В., 2023

тия, здоровья, активного творчества, воспроизводства) и удовлетворения его интересов как личности, принадлежащей к определенным социальным группам общества [14]. В психологии потребностью именуется состояние индивида, создаваемое испытываемой им нужной в объектах, необходимых для его существования и развития и выступающей источником его активности [16]. Применяв доступные сегодня науке признаки потребности, предложим понимать под потребностью в социальном обеспечении социально значимую (т. е. релевантную интересам всего общества и ощутимую для социального благополучия) и предполагающую субъективно осознаваемую лицом необходимость (нуждаемость) в получении им мер социального обеспечения в связи с объективацией социального риска и в целях минимизации, преодоления его негативных последствий. Испытываемая лицом потребность в таких мерах может служить основанием социального притязания.

В теории права категория притязания не является новой. Вместе с тем, ее применение не лишено проблем. Представителями теории права притязанием в течение длительного периода времени называется элемент субъективного права. Н. М. Коркуновым категория притязания использовалась при описании правомочия для целей рассмотрения субъективного права: с внутренней стороны таковое представляет собой возможность осуществления присущего субъекту интереса при задействовании для того каких-либо сил, тогда как с внешней стороны правомочие является притязанием управомоченного на исполнение обязанности со стороны правообязанного [6, с. 216]. Притязание мыслилось автором как форма воздействия на правообязанного, непременно сознательно направленная к осуществлению интереса воля.

В теории права советского периода эта идея получила распространение. Л. С. Явичем притязание считалось требованием управомоченного лица к обязанному, не исполнившему возложенной на последнее юридической обязанности [9, с. 126]. Такое требование было обращено к обязанному лицу через уполномоченный на применение санкций орган государства. С. С. Алексеев именовал притязанием правомочие, также относимое к элементам субъективного права. Общая его формула раскладывалась автором на конкретные правомочия: право требования, право на положительные действия управомоченного, правопритязание [1, с. 118]. При этом право требования определялось как правомочие, состоящее в возможности

требовать исполнения или соблюдения юридической обязанности (правомочие на чужие действия), право на положительные действия — как возможность собственных активных поступков, а притязание — как возможность привести в действие аппарат государственного принуждения против обязанного лица. Притязание описывалось С. С. Алексеевым как продолжение исходного и обязательного элемента любого субъективного права — права требования, однако с иным непосредственным адресатом (государственные органы, обеспечивающие принудительное воздействие) и изменившимся содержанием (требование об исполнении обязанности при помощи этого государственно-принудительного воздействия).

Ю. К. Толстым субъективное право связывалось со способностью управомоченного к определенному поведению, в том числе способностью вызывать требуемое для удовлетворения интересов управомоченного поведение обязанных лиц [8, с. 46]. При этом автор выражал солидарность с высказанным С. Н. Братусем суждением о том, что обеспеченность возможностью притязания уже включена в определение субъективного права как обеспеченной законом меры возможного поведения.

Таким образом, притязание рассматривается как элемент субъективного права, правомочие. В правовой науке эта категория использовалась и в ином значении. Так, например, И. А. Ильин писал: «Люди могут вести совместную мирную жизнь лишь в том случае, если каждый осуществляет свои притязания и преследует свои интересы только до известных пределов. <...> Круги, очерченные каждым вокруг себя, рано или поздно, но неизбежно придут в соприкосновение и столкнутся; конфликт притязаний неизбежно породит вопрос о правоте притязаний, и произвольному установлению своих пределов придет конец: вопрос о правом притязании есть уже вопрос о праве, зрело разрешаемый ныне признанием определенного правового статуса за каждым субъектом» [15]. По прошествии нескольких лет, после издания работы «Проблемы правового регулирования советских общественных отношений», Л. С. Явич также использовал категорию притязания в ином значении. В «Общей теории права» автор препарировал социальное содержание объективного и субъективного права, выделяя притязания (личности, классов, народа), а также лежащие в основе этих притязаний интересы и потребности [10, с. 89]. Л. С. Явичем подчеркивалось, что сущностью права второго порядка выступают притязания индивидов и классов на юридическое и

политическое признание их интересов, которые диктуются многими обстоятельствами.

Следовательно, притязание понималось и как некоторое обобщенное требование, основанное на потребностях и преследующее целью осуществление интереса. При этом адресатом могли выступать как государство, так и другие субъекты, а субъектом притязания могли быть как индивид, так и группа.

На современном этапе развития правовой науки закономерно было обращено внимание на вопрос параллельного наделения категории социального притязания значением явления, предшествующего объективному праву, и значением структурного элемента субъективного права [18, с. 6]. М. Г. Смирновой предложено в широком смысле социальное притязание считать проявлением политического, нравственного, правового сознания субъектов, их стремления к изменению своего положения. В узком смысле притязание, по мнению автора, возможно понимать как элемент субъективного права, выражающий требование, обращенное к государству, для приведения в действие механизма государственного принуждения.

В рамках научной дискуссии заметим, что, как правило, формулирование широкого и узкого смысла того или иного понятия требуют некоторого общего структурного основания, тогда как в настоящем случае оно ускользает от понимания. Правосознание субъекта проявляется и при реализации субъективного права (в том числе правомочия притязания), но что же тогда разграничивает широкий и узкий смысл понятия притязания, за счет каких именно составляющих понятие в узком смысле трансформируется в понятие в смысле широком? Следует ли считать таким структурным основанием понятия требование или ожидание? Может ли требование служить таким основанием, если в узком смысле притязание — лишь его часть? И насколько значимо различие, заключающееся в правовой природе субъективного права и «доправовой» природе, присущей социальному притязанию? Ответы на эти вопросы, представляется, требуют исследования и весьма значимы для анализа вопросов формирования социально-обеспечительного правового регулирования.

При этом М. Г. Смирновой сформулировано авторское определение социальных притязаний как требований, которые предъявляют индивиды, социальные группы, иные субъекты к обществу и государству об осуществлении практических действий, способствующих реализации конкретных социальных интересов, а также их институционализации [18,

с. 5]. Приведенное определение отсылает ко второму воспринятому юридической наукой значению термина «притязание».

Примечательно, что Р. И. Иванова ограничивала возможность использования категории притязания в праве социального обеспечения. Рассматривая правопритязательность в праве социального обеспечения, исследователь отмечала, что отраслевая специфика выражается в возникновении правосубъектности лица по общему правилу одновременно с так называемой правопритязательностью. При этом правопритязательность лица проистекает, по мнению Р. И. Ивановой, не из правонарушения и не обозначает элемент субъективного права на социальное обеспечение, но являет собой некоторое состояние, возникающее в момент появления оснований назначения конкретного вида социального обеспечения [5, с. 94]. Таким образом, в советском праве социального обеспечения правопритязание предлагалось мыслить как разновидность прав-требований, как полноценное самостоятельное субъективное право граждан (например, право — требование о назначении пенсии). Потому притязание определялось как категория, обозначающая отмеченный отраслевой спецификой типичный способ реализации права на социальное обеспечение.

Отвечая сегодня на вопрос о возможности применения категории притязания в первом значении (т. е. как элемента субъективного права) в сфере социального обеспечения, следует установить, что, во всех ли случаях, право лица в обозначенной сфере изначально является защищаемым требованием. Безусловно, реализуя право на социальное обеспечение, гражданин требует у государства некоторое предоставление. Но значит ли это задействование с самого начала процесса реализации права механизма принудительного исполнения обязанности другим субъектом? И обстоит ли так дело в случае реализации иных прав в отношениях, составляющих предмет права социального обеспечения? Представляется, этого не происходит в случае, когда по обращению гражданина пенсионным органом ему назначается и выплачивается пенсия, и потребность в обжаловании каких-либо решений в административном или судебном порядке не возникает. До необходимости реализации правомочия притязания процесс развития правоотношения просто не доходит. Следовательно, не любое субъективное право реализуется изначально как притязание, и выработанная теорией права категория притязания может использоваться в праве социального обеспечения в значении элемента субъективного права.

В науке отмечалась ошибочность придания главного значения одному только правопритязанию и отождествления притязания со всем субъективным правом. Действительно, в публичном праве ярче и определеннее выступают именно обязанности. Так называемые публичные права неслучайно описывались Н. М. Коркуновым как, в большей мере, отражение обязанностей других лиц по отношению к управомоченному [6, с. 204]. По мнению автора, речь при рассмотрении субъективного права обозначенной принадлежности должна идти не о фактической, конкретной возможности принуждения, а лишь об общей, предполагаемой. В этой связи следует упомянуть и идеи Г. Еллинека. Юристом все множество существовавших взглядов на обозначенный вопрос разделялось на две позиции: согласно одной — эти права представляют собой конкретные правомочия лица и, в этом смысле, ничем не отличаются от субъективных частных прав; другая — отрицала существование субъективного публичного права индивида и усматривала в нем только «рефлекс положений публичного права». При этом Г. Еллинек сам определял субъективное частное право как притязание индивида к другим индивидам, а субъективное публичное право — как притязание индивида к государству [4, с. 404]. Различие между субъективным частным и публичным правом усматривалось автором в объекте прав. Если объектом первых могут быть самые разнообразные общественные блага, то субъективные публичные права связаны непосредственно с личностью и потому неотчуждаемы.

Стало быть, отраслевая специфика права социального обеспечения предполагает особенности как содержания субъективных прав, так и адресата соответствующих требований (обязанного субъекта).

С учетом изложенного, позицию Р. И. Ивановой следует понимать в большей степени как описание специфики социально-обеспечительных правоотношений, содержания субъективных прав в области социального обеспечения. При этом сложно согласиться с тезисом о том, что субъективное право в области социального обеспечения состоит только из правомочия притязания. Практика свидетельствует об ином. Не всякий акт реализации лицом такого права обусловлен априори нарушением прав гражданина и требует защиты посредством участия аппарата принуждения. При этом возникновение права на социальное обеспечение всегда связано с некоторым негативным обстоятельством в жизни лица. Это может быть не нарушением прав, но это неблагопри-

ятная жизненная ситуация, именуемая реализовавшимся социальным риском.

Влияние потребностей индивидуальных и коллективных субъектов на содержание норм права неоднократно выступало предметом рассмотрения в науке на разных этапах ее становления. Р. О. Халфиной подчеркивалось отражение правом интересов и потребностей того или иного класса [17]. Связь социальных притязаний и позитивного права сегодня также подтверждается [3, с. 278]. М. Г. Смирнова считает социальные притязания основой, прообразом права. Рассматривая социальное притязание как предпосылку возникновения юридической нормы, необходимо отметить, что таковое проистекает из потребностей человека и общества, и в этом отношении является полноценным основанием формирования нормы. Поэтому в таком случае речь идет не об установлении права на социальное обеспечение как о некотором акте милосердия, волевом решении субъекта правотворчества, противопоставляемом сегодня представителями науки и практики признанию права ввиду его естественной природы: социальное притязание — это полноценное требование, проистекающее из биологических и социальных потребностей человека и продиктованное порядком и устройством отношений между человеком, обществом и государством.

При задействовании предложенной в теории права категории социального притязания в праве социального обеспечения во втором значении (как требования, выступающего основой правовой нормы), необходимо, следуя логике этой категории, признать, что у социальных притязаний в сфере социального обеспечения есть субъекты, объект, содержание и факторы формирования. Так, возможно предположить, что субъектами социальных притязаний могут выступать граждане, их объединения и общество в целом, действия которых служат отправной точкой процесса институционализации интересов в нормах права. Сопоразно тому, кто является субъектом притязания, возможно предположить рассмотрение в качестве объекта последнего как какое-либо определенное благо (например, социальное обеспечение в связи с бедностью — у испытывающего соответствующую потребность малоимущего гражданина или социальное обеспечение в связи с инвалидностью — у инвалида), так и социальное благополучие, определенный уровень жизни — у всего населения. Отраслевая специфика может быть присуща и факторам формирования притязания и проявиться в значимости для такового социального риска (как на стадии фактора риска,

так и на стадии последствий его реализации и связанных с ними переживаний гражданина). При этом вызывают интерес состав и соотношение свойственных сфере социального обеспечения объективных факторов социальных притязаний (культурно-исторические, политические, экономические, социальные и правовые факторы) и субъективных факторов (воля, эмоции, чувства, мышление и др.).

Необходимо заметить, что на сегодняшний день многие социальные притязания не могут считаться в достаточной степени определенными и получившими разработку, что ощутимо вредит их способности выступать средством правового обоснования [11]. При этом следует согласиться с вопросом о том, значит ли это, что отдельные права сугубо позитивны и лишены каких-либо оснований [3, с. 279]?

Описанное вызывает необходимость постановки вопросов и о том, какое место в формировании притязания и нормы права занимает интерес в сфере социального обеспечения, каковы субъект, природа и содержание такого интереса. Сегодня внимание юридической науки позволяет приблизиться к этим вопросам. Требуется изучения и период существования в сфере социального обеспечения притязаний во втором значении: прекращаются ли они в момент возникновения правовой нормы или существуют в течение более длительного периода времени? Если жизнь притязания завершается рождением юридической нормы, о каких тогда притязаниях говорит судебная практика? Так, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно упоминал социальные притязания, например, в контексте закрепления Конституцией РФ содержания и общих условий субъективных притязаний лица к государству в сфере социального обеспечения [19] или в контексте корреспонденции социальных обязательств Российской Федерации перед населением и юридических притязаний индивидов [20]. Значимо, что практике Конституционного Суда Российской Федерации известна и категория социальных ожиданий, используемая в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2013 г. № 9-П в значении нетождественном притязанию, обозначающему индивидуальные требования заявителя в конкретном случае, хотя бы и основанные, предположительно, на социальных ожиданиях [21]. Притязанием Конституционный Суд Российской Федерации именовал и коллективные требования гражданского общества, обращенные к государству [22].

Выше даны лишь основные акценты, значимые для рассмотрения вопроса о применении категории

притязания в праве социального обеспечения. Актуальность же изучения его объясняется необходимостью получения очертаний, конкретного содержания права на социальное обеспечение, определения связи потребностей с объемом прав. Этот поиск будет служить достижению реального характера социального обеспечения, гарантируемого государством, его эффективности, определенности объема и содержания прав граждан и обязательств государства. Категория притязания может быть полезна инструментарию науки права социального обеспечения и в этом смысле представляет потенциал для исследования.

Список источников

1. Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. II. М. : Юрид. лит., 1982.
2. Андреев В. С. Право социального обеспечения в СССР: учебник для вузов по спец. «Правоведение». 2-е изд. с изм. и доп. М. : Юрид. лит., 1980.
3. Велиева Д. С. Пресняков М. В. Правовая определенность и права человека: моногр. Саратов, 2021.
4. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2004.
5. Иванова Р. И. Правоотношения по социальному обеспечению в СССР. М. : Изд-во МГУ, 1986.
6. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
7. Лушникова М. В. Лушников А. М. Курс права социального обеспечения. 2-е изд., доп. М., 2009.
8. Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Л. : Из-во Ленинградского ун-та, 1959.
9. Явич Л. С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., 1961.
10. Явич Л. С. Общая теория права. Л. : Изд-во ЛГУ, 1976.
11. Арановский К. В., Князев С. Д., Хохлов Е. Б. О правах человека и социальных правах // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 61–91.
12. Бутенко Е. И. Понятие и признаки нуждаемости в праве социального обеспечения России // Российский юридический журнал. 2010. № 1. С. 195–202.
13. Иванчина Ю. В. Истомина Е. А. Трудовое право и право социального обеспечения: взаимодействие в сфере удовлетворения социально значимых потребностей индивида // Ежегодник трудового права: сб. науч.х ст. СПб., 2020. С. 240–254.
14. Большая советская энциклопедия. В 30 т. / под ред. А. М. Прохорова, Н. К. Байбакова, А. А. Благоврава // URL://http://bse.uaio.ru/BSE/2003.htm.

15. Ильин И. А. Теория права и государства / под ред. В. А. Томсинова // URL://<https://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=392>.

16. Карпенко Л. А., Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Краткий психологический словарь // URL://<https://psychology.academic.ru/1748/потребность>.

17. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении // URL://<https://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=292>.

18. Смирнова М. Г. Социальные притязания в праве: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. СПб., 2011.

19. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 февраля 2007 г. № 321-О-П // СПС «КонсультантПлюс».

20. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13 октября 2009 г. № 1350-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

21. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 мая 2011 г. № 10-П // СПС «КонсультантПлюс».

22. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2013 г. № 9-П // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Alekseev S. S. General theory of law. In 2 vols. Vol. II. M. : Jurid. lit., 1982.

2. Andreev V. S. The law of social security in the USSR: a textbook for universities on spec. «Jurisprudence». 2nd ed. with ed. and add. M. : Jurid. lit., 1980.

3. Veliyeva D. S. Presnyakov M. V. Legal certainty and human rights: monogr. Saratov, 2021.

4. Jellinek G. General doctrine of the state. St. Petersburg : Legal Center «Press», 2004.

5. Ivanova R. I. Legal relations on social security in the USSR. M. : Publishing House of Moscow State University, 1986.

6. Korkunov N. M. Lectures on the general theory of law. M. : Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2010.

7. Lushnikova M. V. Lushnikov A.M. Course of social security law. 2nd ed., supplement M., 2009.

8. Tolstoy Yu. K. To the theory of legal relations. L. : From Leningrad University, 1959.

9. Yavich L. S. Problems of legal regulation of Soviet public relations. M., 1961.

10. Yavich L. S. General theory of law. L. : LSU Publishing House, 1976.

11. Aranovsky K. V., Knyazev S. D., Khokhlov E. B. On human rights and social rights // Comparative Constitutional review. 2012. No. 4. P. 61–91.

12. Butenko E. I. The concept and signs of need in the law of social security of Russia // Russian Law Journal. 2010. No. 1. P. 195–202.

13. Ivanchina Yu. V. Istomina E. A. Labor law and social security law: interaction in the sphere of satisfying socially significant needs of an individual // Yearbook of labor law: Collection of scientific articles of St. Petersburg, 2020. P. 240–254.

14. The Great Soviet Encyclopedia. In 30 t. / edited by A.M. Prokhorov, N. K. Baibakov, A. A. Blagonravov // URL://<http://bse.uaio.ru/BSE/2003.htm>.

15. Ilyin I. A. Theory of law and the state / edited by V. A. Tomsinova // URL://<https://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=392>.

16. Karpenko L. A., Petrovsky A. V., Yaroshevsky M. G. Brief psychological dictionary // URL://<https://psychology.academic.ru/1748/need>.

17. Khalfina R. O. General doctrine of legal relations // URL://<https://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=292>.

18. Smirnova M. G. Social claims in law: abstract. diss. ... doct. jurid. nauk. SPb., 2011.

19. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 8, 2007 No. 321-O-P // SPS «ConsultantPlus».

20. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1350-O-O dated October 13, 2009 // SPS «ConsultantPlus».

21. Resolution of the Constitutional Court of the Russia No. 10-P of May 26, 2011 // SPS «ConsultantPlus».

22. Resolution of the Constitutional Court of the Russia No. 9-P of May 14, 2013 // SPS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

А. В. Трутаева — старший преподаватель кафедры гражданского права Сибирского юридического университета, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. V. Trutaeva — Senior Lecturer at the Department of Civil Law of the Siberian Law University, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 27.06.2022; одобрена после рецензирования 12.08.2022; принята к публикации 29.09.2022.
The article was submitted 27.06.2022; approved after reviewing 12.08.2022; accepted for publication 29.09.2022.

Научная статья

УДК 343.85

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-250-254>

НИОН: 2003-0059-1/23-583

MOSURED: 77/27-003-2023-01-782

Государственная информационная система «Посейдон»: современный взгляд на противодействие коррупции

Динар Минзеферович Фарахийев

Управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД
по Республике Татарстан, Казань, Россия, dfarakhiev@mail.ru

Аннотация. Рассматривается актуальная проблема коррупции. За последние пять лет, количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности увеличилось на 15%. При этом, следует учитывать, что множество коррупционных фактов не отражаются в официальной статистике, поскольку коррупции свойственен высокий уровень латентности. На основе имеющихся проблем противодействия коррупции государство применяет предупредительные меры социально-правовой направленности: в 2020 г. принят Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; в 2022 г. вступил в силу Федеральный закон № 44-ФЗ, который внес изменения в Федеральные законы «О банках и банковской деятельности» и «О противодействии коррупции»; в 2022 г. Президент РФ подписал Указ № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации».

Представлен современный взгляд на принятие государственной информационной системы «Посейдон» в целях противодействия коррупции в процессе цифровизации. На основе проведенного исследования делается вывод, что система Посейдон весьма эффективно отразится на общей картине коррупционной составляющей в России. Предлагается использовать систему Посейдон совместно с системой blockchain.

Ключевые слова: преступность, коррупция, противодействие, инновационные технологии, система blockchain, цифровизация

Для цитирования: Фарахийев Д. М. Государственная информационная система «Посейдон»: современный взгляд на противодействие коррупции // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 250–254. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-250-254>.

Original article

State information system «Poseidon»: a modern view on combating corruption

Dinar M. Farakhiev

Department of Economic Security and Anti-Corruption of the Ministry of Internal Affairs
for the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia, dfarakhiev@mail.ru

Abstract. The actual problem of corruption is considered. Over the past five years, the number of registered corruption-related crimes has increased by 15%. At the same time, it should be borne in mind that many corruption facts are not reflected in official statistics, since corruption is characterized by a high level of latency. Based on the existing problems of combating corruption, the state applies preventive measures of a socio-legal orientation: in 2020 Federal Law No. 259-FZ «On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» was adopted; Federal Law No. 44-FZ entered into force in 2022, which amended the Federal Laws «On Banks and Banking Activities» and «On Combating Corruption»; In 2022, the President of the Russian Federation signed Decree No. 232 «On the State information system in the field of anti-corruption «Poseidon» and amendments to Certain Acts of the President of the Russian Federation».

A modern view of the adoption of the state information system «Poseidon» in order to counter corruption in the process of digitalization is presented. Based on the conducted research, it is concluded that the Poseidon system will very effectively affect the overall picture of the corruption component in Russia. It is proposed to use the Poseidon system in conjunction with the blockchain system.

Keywords: crime, corruption, counteraction, innovative technologies, blockchain system, digitalization

For citation: Farakhiev D. M. State information system «Poseidon»: a modern view on combating corruption. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):250–254. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-250-254>.

© Фарахийев Д. М., 2023

Коррупция во все времена была одним из негативных и общественно опасных социальных явлений, подрывающих все сферы жизнедеятельности общества. Согласно исследованиям Всероссийского центра изучения общественного мнения (далее — ВЦИОМ), коррупция является самым осуждаемым из аморальных поступков, после наркомании [11].

В настоящее время государством применяется множество мер противодействия преступлениям, однако, в век высоких технологий, на современном этапе развития общества преступность трансформируется. Большим модификациям в процессе цифровизации подвергаются способы, средства и механизмы совершения преступлений. Преступления коррупционной направленности не являются исключением.

В целях эффективного противодействия коррупции необходимо использовать инновационные технологии. Большое внимание при противодействии коррупции в настоящее время уделяется именно инновационным технологиям. К примеру: 1) система *blockchain*, является эффективным средством противодействия коррупции, которое в будущем может быть использовано в России. Однако, в целях ее благополучной реализации следует принимать во внимание специфику функционирования правовой системы страны и тенденции распространения коррупции в отдельных сферах экономики и государственного управления, особенно наличие современных информационно-коммуникационных технологий [2, с. 86]; 2) искусственный интеллект и его возможности; 3) краудсорсинговые антикоррупционные платформы и др.

Государством разрабатываются новые меры противодействия преступлениям коррупционной направленности и коррупции в целом. Так, 25 апреля 2022 г. Президент Российской Федерации подписал Указ № 232, регламентирующий деятельность государственной информационной системы в области противодействия коррупции «Посейдон» (далее — Посейдон) [6]. Указом от 25 апреля 2022 г. № 232, подписанным Президентом РФ Владимиром Владимировичем Путиным, закреплено, что координатором Посейдона является Администрация Президента; оператор системы — Федеральная служба охраны РФ (далее — ФСО России); оказание методической помощи и рекомендаций осуществляет Министерство труда и социальной защиты РФ (далее — Минтруд) [6]. Однако, в Указе от 25 апреля 2022 г. № 232 не говорится об основном субъекте

противодействия коррупции — Министерстве внутренних дел РФ (далее — МВД России), что на наш взгляд, является упущением. Наделение полномочиями сотрудников подразделений органов внутренних дел в рамках реализации системы Посейдон является необходимым элементом эффективной борьбы с коррупцией в России, поскольку различные аспекты противодействия коррупции закреплены в обязанностях подразделений в приказе МВД России от 17 января 2006 г. № 19 [7].

Также в Указе от 25 апреля 2022 г. № 232 не говорится о Генеральной прокуратуре РФ (далее — Генпрокуратура России). По мнению Президента РФ В. В. Путина: «Одна из ваших приоритетных задач — противодействие коррупции, экстремизму и другим видам преступлений. Именно прокуратуре доверена координация действий всех правоохранительных органов в борьбе с криминальной угрозой. И надо эффективнее использовать представленные вам широкие полномочия на всех этапах: от профилактики и выявления преступлений до поддержания обвинений в суде, действовать грамотно, твердо, последовательно» [10].

Согласно Указу Президента РФ от 25 апреля 2022 г. № 232 следует, что Посейдон предназначен для информационно-аналитической деятельности органов государственной власти России, ее субъектов, Банка России и иных субъектов по противодействию преступлениям коррупционной направленности. Также в данном Указе закреплено, что Посейдон применяется в целях проведения анализа и проверок по соблюдению запретов и ограничений в процессе осуществления своих профессиональных полномочий и компетенций в соответствии с законодательством России. По смыслу предписаний следует, что Посейдон хранит в себе сведения, получаемые системой ранее в тех случаях, когда это предусмотрено законодательством, в том числе сведения о должностных лицах, которые соблюдают или не соблюдают ограничения и запреты, которые возложены на них законодательными актами нашей страны [6].

Сведения коррупционной направленности могут поступать от субъектов, прямо указанных в Указе от 25 апреля 2022 г. № 232, а также иных лиц, которые определяются Администрацией Президента РФ. Следует отметить, что на субъекты противодействия коррупции возлагаются профессиональные компетенции, которые закреплены в Указе от 25 апреля

2022 г. № 232. На наш взгляд, в список субъектов противодействия коррупции необходимо внести институты гражданского общества, поскольку одним из направлений, закрепленным в Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 гг., является «Применение дополнительных мер по расширению участия граждан и институтов гражданского общества в реализации государственной политики в области противодействия коррупции» [8].

К основным задачам Посейдона законодатель отнес:

1) автоматизацию приема сведений, предоставляемых субъектами противодействия коррупции, которые непосредственно закреплены в Указе от 25 апреля 2022 г. № 232, в систему; сбор, учет, хранение, анализ и предоставление коррупционных сведений, которые содержатся в системе;

2) информационно-аналитическое обеспечение деятельности внутренних и внешних пользователей системы по анализу и проверке соблюдения запретов и ограничений в процессе осуществления своих профессиональных полномочий и компетенций, возложенных на них законодательством;

3) формирование и ведение статистической отчетности и информационно-аналитических материалов по вопросам противодействия коррупции;

4) взаимодействие Посейдона с иными системами, в которых хранятся сведения, позволяющие эффективно бороться с коррупцией.

Посейдон состоит из трех неотъемлемых элементов.

1. Программно-аппаратный комплекс центрального сегмента системы.

Данный комплекс необходим в целях автоматизации деятельности внутренних и внешних субъектов Посейдона, связанных с профилактическими мероприятиями по отношению к преступлениям коррупционной направленности.

2. Программно-аппаратный комплекс многоцелевого назначения.

Данный комплекс необходим для обеспечения работы внутренних и внешних субъектов Посейдона с программно-аппаратным комплексом центрального сегмента системы, а также для автоматизированного ввода, учета и хранения справок о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

3. Специальное программное обеспечение «Справки БК».

Данное программное обеспечение направлено на автоматизацию процесса оформления (заполнения) и перевода в машиночитаемый формат данных о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

Как справедливо указывает Иван Бегтин, долгое время для заполнения отчетных документов государственные служащие и должностные лица используют программу «Справка БК», однако, сформированные документы о доходах госслужащих и их расходах, включая всех членов семьи, необходимо распечатывать, подписывать и передавать ответственным подразделениям [9]. Использование специального программного обеспечения «Справки БК» — в сущности исполнение предписаний Указа от 25 апреля 2022 г. № 232 — должно сократить время на проверку сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также упростить проверку сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера должностных лиц.

Председатель Национального антикоррупционного комитета К. В. Кабанов объяснил принцип работы системы Посейдон: «Она работает сразу с несколькими базами, объединенными в единое целое: база ФНС, база Росфинмониторинга, база Росимущества, а также информация из соцсетей. Посейдон позволяет создать цифровой портрет проверяемого человека и узнать, нет ли у него пересечения интересов, неформального общения с людьми, в котором могут быть скрыты коррупционные отношения» [4]. По мнению, члена Совета по правам человека, с использованием системы Посейдон возможно сформировать информационный портрет преступника-коррупционера, что позволит отслеживать вероятные преступные (коррупционные) связи должностных лиц.

Как ранее нами уже было отмечено, МВД России не является ни координатором, ни оператором инновационной системы Посейдон. Однако, сотрудники органов внутренних дел могут предоставлять коррупционные сведения в Посейдон и направлять запросы в целях проверки лиц, склонных или заподозренных в коррупционном проявлении и поведении. Запрос на проверку следует направлять координатору или оператору¹ системы Посейдон. Конфи-

¹ В Управление Президента РФ по вопросам противодействия коррупции или в ФСО России.

денциальность системы подтверждается высоким уровнем проверяемых лиц в системе Посейдон.

На наш взгляд, система Посейдон является системой с функцией Big Data, поскольку предназначена для обработки большого массива данных. В. Б. Батоев под инновационной технологией «Big Data» понимает: «совокупность структурированной и неструктурированной информации, генерируемой и поступающей из различных источников в объеме, не позволяющим ее обработать вручную, при этом обрабатываемой автоматизированным путем, хранящейся и передаваемой в электронно-цифровой форме» [1, с. 12]. Несомненно, с совершенствованием информационной инфраструктуры деятельность оперативных подразделений, системные особенности взаимодействия субъектов общественных отношений становятся все более прозрачными. Посредством использования массивов «больших данных» появляется возможность реализации антикоррупционного контроля за деятельностью должностных лиц, поскольку Big Data дает возможность использовать фрагментированные сведения в целях получения общей картины системной коррупционной активности [3, с. 66].

Кроме того, с внедрением системы Посейдон появляется возможность оперативного и автоматизированного сбора статистических данных по большому количеству параметров коррупционных отношений: о наиболее вероятных коррупционных отношениях; о вновь возникающих динамических рисках коррупции; и в определенной степени о статистике преступлений коррупционной направленности. Это дает возможность объективно оценивать коррупционные риски отдельных должностных лиц в зависимости от их местонахождения, социально-экономических условий, а также культурно-исторических признаков того или иного субъекта.

Таким образом, борьба с коррупцией и преступлениями коррупционной направленности с использованием системы Посейдон будет усовершенствована и эффективна во всех аспектах. На наш взгляд, использование данной технологии — это всестороннее исследование информационного пространства, включая социальные сети, в целях выявления скрытых коммуникативных возможностей государственных служащих и должностных лиц в области коррупционной составляющей. По мнению автора, эффективным направлением в процессе противодей-

ствия коррупции является взаимодействие системы Посейдон с системой blockchain, которая позволит не только сделать все покупки прозрачными, но и в процессе применения смарт-контрактов ограничит возможность теневого вмешательства в ценообразование. Так, в Дании система blockchain используется правоохранительными органами для надзора за корпорациями (организациями), правительствами и заинтересованными группами, вследствие чего разрушаются многие коррупционные связи [5].

Посейдон — эффективная инновационная система, направленная на информационно-аналитическую деятельность правоохранительных органов в борьбе с коррупцией, структура которой обусловлена тремя элементами (Посейдон, Посейдон-Р, Справки БК). Механизм совершения коррупционных преступлений за последние годы значительно трансформировался (к примеру, предмет коррупционного преступления передается посредством использования электронных кошельков, банковских карт и систем денежных переводов (WesternUnion, CONTACT) и др.). Внедрение в деятельность государственных органов и служб системы Посейдон в процессе противодействия коррупции на современном этапе развития общества является первым шагом информационной борьбы с преступлениями коррупционной направленности в процессе цифровизации.

Список источников

1. Батоев В. Б. «Большие данные (Big Data)» и предиктивная аналитика в оперативно-разыскной деятельности: проблемы использования и пути решения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 1 (52). С. 11–17.
2. Гумаров И. А., Фарахiev Д. М. Технология blockchain как средство противодействия коррупции // Научный компонент. 2022. № 1 (13). С. 81–87.
3. Иванова А. А. Программирование противодействия коррупции: региональный аспект // Юридическая наука и практика. 2012. № 20. С. 64–68.
4. Как работает кремлевский антикоррупционный проект «Посейдон» // URL://<https://ura.news/articles/1036284502>.
5. Министерство в Дании рассказало, как блокчейн победит коррупцию // URL://<https://clck.ru/ao632>.
6. Указ Президента РФ от 25 апреля 2022 г. № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «По-

сейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 18. Ст. 3053.

7. Приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» // СПС «Консультант-Плюс».

8. Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» // СЗ РФ. 2021. № 34. Ст. 6170.

9. «Посейдон» выловит коррупционеров // URL://<https://www.kommersant.ru/doc/5329955>.

10. Путин назвал приоритетные задачи прокуратуры // URL://<https://ria.ru/20220112/prokuratura-1767479171.html>.

11. Россияне определились с моралью. Топ-5 аморальных поступков // URL://<https://clck.ru/qTj9m>.

Reference

1. Batoev V. B. «Big Data» and predictive analytics in operational investigative activities: problems of use and solutions // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 1 (52). P. 11–17.
2. Gumarov I. A., Farakhiev D. M. Blockchain technology as a means of countering corruption // Scientific component. 2022. No. 1 (13). P. 81–87.

3. Ivanova A. A. Anti-corruption programming: a regional aspect // Legal Science and Practice. 2012. No. 20. P. 64–68.

4. How the Kremlin anti-corruption project «Poseidon» works // URL://<https://ura.news/articles/1036284502>.

5. The Ministry in Denmark told how the blockchain will defeat corruption // URL://<https://clck.ru/a0632>.

6. Decree of the President of the Russian Federation No. 232 dated April 25, 2022 «On State information system in the field of anti-corruption «Poseidon» and amendments to some acts of the President of the Russian Federation» // SZ RF. 2022. No. 18. St. 3053.

7. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated January 17, 2006 No. 19 «On the activities of internal affairs bodies for the prevention of crimes» // SPS «ConsultantPlus».

8. Decree of the President of the Russian Federation dated August 16, 2021 No. 478 «On the National Anti-Corruption Plan for 2021-2024» // SZ RF. 2021. No. 34. St. 6170.

9. «Poseidon» will catch corrupt officials // URL://<https://www.kommersant.ru/doc/5329955>.

10. Putin named the priority tasks of the prosecutor's office // URL://<https://ria.ru/20220112/prokuratura-1767479171.html>.

11. Russians have decided on morality. Top 5 immoral acts // URL://<https://clck.ru/qTj9m>.

Информация об авторе

Д. М. Фарахиев — оперуполномоченный Управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД по Республике Татарстан.

Information about the author

D. M. Farakhiev — Detective of the Department of Economic Security and Anti-Corruption of the MIA for the Republic of Tatarstan.

Статья поступила в редакцию 19.08.2022; одобрена после рецензирования 27.09.2022; принята к публикации 02.12.2022.

The article was submitted 19.08.2022; approved after reviewing 27.09.2022; accepted for publication 02.12.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-255-261>

NION: 2003-0059-1/23-584

MOSURED: 77/27-003-2023-01-783

Конституционное судопроизводство как конституционно-процессуальная форма осуществления судебной власти: правовая природа, титульные особенности

Владимир Иванович Червонюк

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, v.chervonyuk@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается конституционное судопроизводство как осуществляемая в конституционно-процессуальной форме деятельность Конституционного суда по поводу разрешения дел, отнесенных к его компетенции и имеющая своим назначением утверждение верховенства конституции и конституционной законности, реализуемости основных прав и свобод.

Являясь частью правосудия (судопроизводства), конституционное судопроизводство, вместе с тем, сохраняет ряд специфических особенностей и отличается: целевым назначением, особенностью той категории дел, которые являются объектом рассмотрения в конституционном судопроизводстве; видом судебного органа, осуществляющего конституционное правосудие, который по своему составу, порядку формирования существенно отличается от судов общей юрисдикции; особенной процессуальной формой осуществления правосудия (в определенном смысле сходной с гражданско-процессуальной); юридическими формами урегулирования порядка разбирательства в конституционном судопроизводстве; более «мягкими» процедурами, фактически неприменением мер процессуального принуждения к участникам судебного разбирательства; предельно короткими сроками рассмотрения дел в Конституционном суде; коллегиальным составом суда и пр.; значительно меньшей по объему «процессуальной стадийностью»: для конституционного судопроизводства не специфично досудебное производство по делу, производство по пересмотру дела в апелляционном, кассационном и надзорном порядке или ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, а также разрешение вопросов, возникающих в связи с исполнением судебных актов по гражданским, административным и уголовным делам. Имплицитно присущая Конституционному суду деятельность по исследованию, главным образом, вопросов права (толкование Конституции, определение принадлежности спорной компетенции, проверка конституционности международных договоров, инициативы проведения референдума или соблюдения процедуры отрешения от должности и др.), не дает оснований для расхожего вывода относительно его признания исключительно судом права. Закон не только допускает, но в оговоренных случаях указывает на необходимость исследования фактического при разрешении конкретных дел. На практике такие случаи не единичны: при оспаривании даты обнародования закона, выяснении обстоятельств относительно того, ухудшит ли налоговый закон, которому придана обратная сила, положение налогоплательщика и пр.

Ключевые слова: юридический процесс, юридические производства, конституционное правосудие, процессуальная форма осуществления судебной власти, конституционно-процессуальная форма, Конституционный суд — «суд права», установление фактических обстоятельств в конституционном судопроизводстве

Для цитирования: Червонюк В. И. Конституционное судопроизводство как конституционно-процессуальная форма осуществления судебной власти: правовая природа, титульные особенности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 255–261. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-255-261>.

Original article

Constitutional legal proceedings as a constitutional procedural form of exercising judicial power: legal nature, titular features

Vladimir I. Chervonyuk

Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, v.chervonyuk@yandex.ru

Abstract. The constitutional legal proceedings is the activity of the Constitutional Court carried out in a constitutional procedural form relating to the settlement of cases within its competence and being the subject of judicial proceedings and being the subject of judicial proceedings, and having as its purpose the assertion of the supremacy of the constitution and constitutional legality, the realizability of fundamental rights and freedoms.

Being a part of justice (legal proceedings), constitutional legal proceedings at the same time retains a number of specific features and differs: the specific purpose, peculiarities of the category of cases that are the subject of consideration in constitutional proceedings; the type of judicial body exercising constitutional justice, which in its composition, the order of formation differs significantly from the courts of general jurisdiction; a special procedural form of the administration of justice (in a certain sense similar to civil procedure);

© Червонюк В. И., 2023

legal forms of regulation of the procedure of proceedings in constitutional court proceedings; more «soft» procedures, in fact, the non-application of measures of procedural coercion to the participants of court proceedings; extremely short terms of consideration of cases in the Constitutional Court; collegial composition of the court, etc.; significantly less «procedural stage» in terms of volume: pre-trial proceedings in a case, proceedings for the review of a case in an appeal, cassation and supervisory procedure or due to new or newly discovered circumstances, as well as the resolution of issues arising in connection with the execution of judicial acts in civil, administrative and criminal cases are not specific for constitutional proceedings. Implicitly, the inherent activity of the Constitutional Court to study mainly legal issues (interpretation of the Constitution, determination of the disputed competence, verification of the constitutionality of international treaties, the initiative to hold a referendum or compliance with the impeachment procedure, etc.), does not give grounds for a common conclusion regarding its recognition exclusively by the court of law. The law not only allows, but in specified cases indicates the need to study the actual when resolving specific cases. In practice, such cases are not isolated: when challenging the date of promulgation of the law, clarifying the circumstances as to whether the tax law, which is retroactive, will worsen the taxpayer's position, etc.

Keywords: legal process, legal proceedings, constitutional justice, procedural form of exercise of judicial power, constitutional procedural form, Constitutional Court — «court of law», establishment of factual circumstances in constitutional proceedings

For citation: Chervonyuk V. I. Constitutional legal proceedings as a constitutional procedural form of exercising judicial power: legal nature, titular features. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):255–261. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-255-261>.

Введение: конституционное судопроизводство как вид юридических производств

В формально-юридическом значении понятие «процесс» означает определенную совокупность процедур, соответствующих им юридически значимых процессуальных действий, а также складывающихся на их основе процессуальных правоотношений [8, с. 234; 9, с. 95]. В своем единстве перечисленные компоненты характеризуют конструкт судопроизводства, или процесса, понимаемого в специальном, формально-юридическом, значении. При этом для характеристики судебного процесса первостепенное значение имеет категория *формы деятельности*. Форма — это правовая конструкция нормативного упорядочивания деятельности и соответствующих документов¹; она представляет собой совокупность требований к действиям участников процесса, подчиненным достижению конкретного результата. Присущая любой юридически значимой деятельности, в том числе и осуществлению конституционного контроля, правовая форма служит одной из гарантий точного и неуклонного использования субъектом деятельности властного ресурса. Следовательно, для оценки феномена судопроизводства логично включение в его содержание понятия процессуальной формы. Установление процессуальной формы является не только отличительным признаком правосудия как вида государственной деятельности, но и создает оптимальные условия для выполнения правосудием социальной функции защиты средствами права гарантированных законом прав и свобод.

Основываясь на господствующем понимании юридического процесса как комплексной системы правовых порядков (форм) деятельности уполномоченных органов государства, должностных лиц, а

также заинтересованных в разрешении различных юридических дел иных субъектов права, конституционное судопроизводство правомерно квалифицировать как нормативно установленные формы упорядочения деятельности судебного органа конституционного контроля в связи с осуществлением конституционного правосудия. В свою очередь, конституционное правосудие есть осуществляемые в процессуальной форме действия определенных законом лиц и органов по поводу защиты в суде своих прав и не противоречащих закону интересов. В указанном, конституционном, смысле конституционное правосудие и конституционная юстиция могут восприниматься в качестве однопорядковых. Конституционное судопроизводство — составная часть конституционного правосудия, осуществляемая судебным (квазисудебным) органом конституционного контроля.

¹ Правильно обращено внимание на необходимость различать форму деятельности и форму правовых документов. Своеобразие формы деятельности в том, что содержательно она предполагает (устанавливает), кто, какие действия, в какой последовательности и в какой срок может/должен совершить, придание всем этим компонентам юридического (обязательного) значения. В указанном смысле юридический процесс — это всегда динамичный состав имеющих юридическое значение фактов — отвечающих формальным требованиям действий и поступков участников процесса. Нормативно или в индивидуально-правовом порядке определены сроки (время) совершения (наступления) таких фактов, правовые санкции за несоблюдение формальных требований, или требований юридической формы. В отличие от формы деятельности, юридическая форма документов обуславливает их содержание (юридический формат) и юридическую действительность; выражается в требованиях относительно обязательных реквизитов документов; композиции составляющих компонентов и последовательности их расположения в документе; времени составления документа; правовых последствий принятия, а также условий юридической ничтожности и оснований к отмене и изменению данного документа.

Понятием конституционного судопроизводства охватывается самый широкий набор действий, возникающих на их основе правоотношений и соответствующих им процедур, притом, что каждая из составляющих конституционного процесса — действия, правоотношения, процедуры — в одинаковой мере важна. Игнорирование какой-либо из них одинаково нежелательно [9, с. 162–163]. Конституционное судопроизводство — сложная, длящаяся во времени деятельность, состоящая из процессуальных стадий, имеющих строго определенную последовательность (цикличность); по своему содержанию представляет цепочку, или нормативно упорядоченный комплекс взаимосвязанных процессуальных действий и процессуальных решений, фиксируемых в юридически значимых документах. С рассматриваемых позиций конституционное судопроизводство (конституционный судебный процесс) представляет собой определенную национальную конституцией и основанную на ней законодательством процессуальную форму деятельности Конституционного суда, имеющую своим назначением охрану и защиту прав, интересов, нарушенных неконституционными действиями, решениями публичных властей (органов и лиц, осуществляющих публично значимые функции); это осуществляемые в определенной последовательности для достижения материально-правовых целей процессуальные действия Суда и иных участников конституционного судопроизводства.

Понятие и назначение конституционного судопроизводства

Правосудие является титульной, или сущностной характеристикой судебной власти. При этом, выступая функцией государственной власти, правосудие осуществляется исключительно судами и только в строго определенном законом порядке и процессуальной форме. Государственно-правовой опыт демократических стран доказывает, что такой порядок отправления правосудия — важная гарантия обеспечения защиты прав, свобод и охраняемых законом интересов граждан и организаций, обратившихся в суд, и вынесения законного и справедливого решения по делу.

Исчерпывающий перечень видов правосудия, как правило, устанавливается в национальной конституции. Согласно ч. 2 ст. 118 Конституции РФ правосудие осуществляется посредством конституционного,

гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства, т. е. деятельности по рассмотрению и разрешению судом дел. Обособление видов судопроизводства основывается на сочетании материально-правового и процессуального критериев [7, с. 189]. Каждому виду судопроизводства присущи особенные цели и задачи, содержание, процессуальная форма, особенности реализации процессуальных прав и обязанностей их участников, включая полномочия суда [5].

Являясь разновидностью судебных органов страны и будучи встроенным в ее судебную систему, Конституционный суд осуществляет свою деятельность, или судопроизводство, соотносясь с демократическими принципами судопроизводства, установленными конституционным законодательством процедурами. Осуществление правосудия в процессуальной форме, на основе установленных законом процедур, гарантирует равную для всех участников процесса защиту их прав и интересов, справедливый характер разбирательства. Таким образом, судебная власть осуществляется в том числе специализированным судебным органом в формате конституционного судопроизводства.

Деятельность Конституционного суда в процессуальной форме обеспечивает его самостоятельность в механизме властвования, создает прочный правовой фундамент для принятия решений, основывающихся не на политической целесообразности, дискреции Суда, а на объективном и справедливом разбирательстве. С этой точки зрения конституционное судопроизводство представляет собой основанную на конституционных установлениях (нормах, принципах) деятельность судебного органа конституционного контроля по поводу разрешения относящихся к его компетенции дел, имеющая своим назначением утверждение верховенства конституции и конституционной законности, обеспечение (гарантирование) реализуемости основных прав и свобод.

Титульные особенности конституционного судопроизводства

Конституционное судопроизводство — сложное составное образование, включающее несколько классов разнородных, но связанных между собой составляющих. Это: субъекты конституционного судопроизводства, наделенные конституционной правосубъектностью в данной сфере; процессуальные действия;

процессуальные процедуры; процессуальные правоотношения. В своем единстве они образуют юридически определенную конструкцию конституционного судопроизводства.

С технолого-юридической точки зрения конституционное судопроизводство может быть представлено комплексом однородных процессуальных действий и соответствующих им процессуальных процедур, образующих в своем единстве относительно замкнутый цикл, стадию конституционного судопроизводства.

Являясь конституционно определенным видом судопроизводства (процессуальной формой осуществления судебной власти), конституционное судопроизводство, вместе с тем, отличает ряд специфических особенностей.

Во-первых, данный вид судопроизводства обособляется целевым назначением, своеобразием той категории дел, которые являются объектом рассмотрения в конституционном судопроизводстве: разрешение дел о соответствии конституционности законов и иных нормативных правовых актов, а также конституционности правоприменительной практики; толкование национальной конституции; разрешение конституционных споров и др.

Во-вторых, конституционное судопроизводство идентифицирует вид судебного органа, его осуществляющего. По своему составу, порядку формирования, характеру полномочий конституционные суды существенно отличаются от судов общей юрисдикции, административных и иных судов. При этом в ряде стран конституционная юстиция представлена квазисудебным органом, который тем не менее осуществляет конституционное судопроизводство в присущей судам процессуальной форме.

В-третьих, своеобразие конституционного судопроизводства — в особенном составе его участников. Это прежде всего особенные стороны судопроизводства: 1) заявители — органы или лица, направившие в Конституционный Суд Российской Федерации обращение; 2) органы или должностные лица, издавшие либо подписавшие акт, конституционность которого подлежит проверке; 3) государственные органы, компетенция которых оспаривается (ст. 53 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ) [10]. В этом смысле конституционно-процессуальная форма оказывается сходной с гражданско-процессуальной: инициатором гражданского судопроизводства в частноправовой или публично-пра-

вовой сферах защиты прав, где предметом судебного разбирательства является гражданское дело, само заинтересованное лицо (граждане, организации, органы государственной власти, органы местного самоуправления и др.).

В-четвертых, существуют значительные особенности процессуальной формы осуществления конституционного судопроизводства. Несомненно, что этот вид судебного производства отличается более «мягкими» процедурами, фактически неприменением мер процессуального принуждения к участникам судебного разбирательства, предельно короткими сроками рассмотрения дел в Конституционном суде, коллегиальным составом суда и пр.

В-пятых, это также специфическая для конституционного судопроизводства юридическая сила принимаемого решения. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ императивно устанавливает: «Решение Конституционного Суда Российской Федерации окончательно и не подлежит обжалованию (1-е предлож. ч. 1 ст. 79)». Это также значительное своеобразие конституционно-правовых санкций — тех правовых последствий, которые могут быть применены Конституционным судом по результатам рассмотренного дела.

В-шестых, юридические формы урегулирования порядка разбирательства в конституционном судопроизводстве — еще одна из его титульных особенностей. Может быть, за редким исключением (как это, к примеру, имеет место в Перу, где действует Конституционный процессуальный кодекс (хотя его действие имеет комплексный, или межотраслевой, характер), порядок осуществления конституционными судами полномочий и разбирательства не урегулирован специальным процессуальным законом (кодексом). Чаще всего для этой цели используются органические или конституционные законы; иногда, как это, к примеру, характерно для Литовской Республики и Китайской Республики, правовую основу конституционного правосудия составляют «обычные» (не конституционные) законы.

В-седьмых, особенность конституционного судопроизводства заключается и в его значительно меньшей по объему «процессуальной стадийности». Действующее процессуальное законодательство предусматривает, что судопроизводство каждого вида, кроме конституционного, включает в себя не только деятельность суда по рассмотрению и разрешению

дела по существу, но и досудебное производство по делу, производство по пересмотру дела в апелляционном, кассационном и надзорном порядке или ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, а также разрешение судом вопросов, возникающих в связи с исполнением судебных актов по гражданским, административным и уголовным делам. Для конституционного судопроизводства отмеченные стадии процесса не специфичны².

Конституционный суд — не только «суд права»: полемика и правовая реальность

Имплицитно присущая Конституционному суду деятельность по исследованию, главным образом, вопросов права (толкование Конституции, определение принадлежности спорной компетенции, проверка конституционности международных договоров, инициативы проведения референдума или соблюдения процедуры отрешения от должности и др.), не дает оснований для расхожего вывода относительно его признания исключительно судом права.

Часть 3 ст. 3 («Полномочия Конституционного Суда Российской Федерации») Закона о Конституционном суде устанавливает: «Конституционный Суд Российской Федерации решает исключительно вопросы права». Тем самым, законодатель формально-юридически устанавливает пределы осуществления полномочий Конституционного суда. Вместе с тем, положение ч. 3 ст. 3 не следует понимать абсолютно. В ч. 4 анализируемой статьи посредством оговорки законодатель презюмирует: «Конституционный Суд Российской Федерации при осуществлении конституционного судопроизводства воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов». Буквальное истолкование положения ч. 4 ст. 3 означает, что фактические обстоятельства могут (а в зависимости от характера рассматриваемого спора, а не усмотрения Суда должны) становиться объектом судебного разбирательства, но при условии, если их установление и исследование не является прерогативой других судов или иных органов. В последнем случае исследованные и установленные, к примеру, судом общей юрисдикции фактические обстоятельства имеют преюдициальное значение для Конституционного суда.

Действительно, можно согласиться с тем, что Конституционный суд не является кассационной,

апелляционной или надзорной инстанцией по отношению к судам общей, административной и арбитражной юрисдикции; не проверяет обоснованность и законность судебных решений и приговоров. В этой связи едва ли не а priori считается, что вопросы политического, экономического, социального и иного характера Конституционный суд решать не вправе [3, с. 47–48].

Вместе с тем, характер полномочий Конституционного суда не исключает возможности установления и исследования фактических обстоятельств. Исследователи обращают внимание, что потенциально возможность обращения к установлению и исследованию фактических обстоятельств вытекает из содержания Закона о Конституционном суде [2]. Так, исследование (установление) в конституционном судопроизводстве фактического упомянутый Закон связывает с разрешением споров о компетенции, в частности, по вопросам использования согласительных процедур (п. 7 ч. 1 и п. 1 ч. 2 ст. 93); оценкой конституционности соблюдения порядка выдвижения обвинения Президента РФ в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления (ст. 108, 109); рассмотрением конкретных дел по жалобам граждан на нарушение законом конституционных прав и свобод и по запросам судов (ч. 2 ст. 96 и п. 2 ст. 97); оценкой соблюдения порядка подписания, заключения, принятия, опубликования или введения в действие нормативных актов государственных органов и договоров между ними (п. 3 ч. 1 ст. 86).

С учетом отмеченного утверждение о том, что Закон о Конституционном суде предусматривает запрет исследовать политические вопросы, «поскольку в ч. 3 ст. 29 Закона решения Конституционного суда должны быть свободны «от политических пристрастий» [4, с. 359], думается, не следует воспринимать однозначно. Такой вывод не устраняется ссылкой на положение ч. 3 ст. 29 упомянутого Закона, согласно которому «решения и другие акты Конституционного Суда Российской Федерации выражают соответствующую Конституции Российской Федерации

² Следует иметь в виду, что кассационное и надзорное производство по гражданским, административным и уголовным делам не характерны для судопроизводства многих стран. Видимо, по этой причине Европейский Суд по правам человека принимал (до апреля 2022 г.) к рассмотрению обращения российских граждан, дела, в отношении которых были рассмотрены судом первой и апелляционной инстанциями.

правовую позицию судей, свободную от политических пристрастий» [4, с. 360].

Как показывает анализ проблемы, Закон не только допускает, но в оговоренных им случаях указывает на необходимость исследования фактического при разрешении конкретных дел. Причем на практике, как будет далее доказано, такие случаи далеко не единичны. Исследование практики конституционного правосудия свидетельствует о том, что установление и исследование фактических обстоятельств входит в предмет разбирательства в конституционном судопроизводстве [6, с. 177]. Справедливо обращено внимание, что к исследованию фактического Конституционный суд обращается при оспаривании даты обнародования закона (постановление Конституционного суда от 24 октября 1996 г. № 17-П) [11], при оценке вступления закона в силу (определение от 8 июля 2004 г. № 220-О), при выяснении обстоятельств относительно того, ухудшит ли налоговый закон, которому придана обратная сила, положение налогоплательщика (определение от 3 июля 2007 г. № 747-О-О), при оценке соблюдения законодателем принципа соразмерности налогового бремени (постановление от 4 апреля 1996 г. № 9-П), а также по другим делам, в частности, при определении необходимости включения в состав процессуальных издержек расходов адвоката-защитника, участвующего в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя или суда (определение от 5 февраля 2009 г. № 289-О-П).

Справедливо обращено внимание, что в конституционном судопроизводстве иногда невозможно установить состояние правового регулирования, правоприменительной практики вне учета (установления и исследования) разнообразных факторов; для этого введена процессуальная фигура свидетеля, оглашение документов [6, с. 64–65]; в этих же целях к участию в конституционном процессе привлекаются эксперты [1].

Допущение (предварительно сделанный вывод) о том, что в конституционном судопроизводстве допускается установление и исследование фактических обстоятельств, находит прямое подтверждение в Законе о Конституционном суде, в Регламенте Конституционного суда (в ред. от 28 января 2021 г.). Согласно ст. 52. Закона о Конституционном суде, «участниками процесса в Конституционном Суде Российской Федерации считаются стороны, их представители, свидетели, эксперты, переводчики».

Статья 63 упомянутого Закона устанавливает, что в заседание Конституционного суда на основании его решения «может быть вызвано в качестве эксперта лицо, обладающее специальными познаниями по вопросам, касающимся рассматриваемого дела, но непосредственно не относящимся к сфере российского права». При необходимости исследования фактических обстоятельств, установление которых отнесено к ведению Конституционного суда, Закон предусматривает, что «в заседание могут быть вызваны в качестве свидетелей лица, располагающие сведениями или материалами о таких обстоятельствах» (ст. 63). Законом допускается также исследование документов (ст. 65).

Список источников

1. Басангов Д. А. Значение экспертных заключений в конституционном судопроизводстве // Журнал российского права. 2003. № 11. С. 147.
2. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / Ю. А. Андреева В. В. Балытников Н. С. Бондарь и др.; под ред. Г. А. Гаджиева. М.: Норма, Инфра-М, 2012.
3. Мазуров А. В. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном суде Российской Федерации». М.: Частное право, 2009.
4. Петров А. А. Решения Конституционного Суда РФ в доктрине и практике конституционного правосудия: моногр. / под ред. В. В. Игнатенко. Иркутск: Изд. Дом Байкал. гос. ун-та, 2021.
5. Правосудие в современном мире: моногр. / В. М. Лебедев; под ред. Т. Я. Хабриевой, В. М. Лебедева. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014.
6. Тарибо Е. В. Судебный конституционный контроль: осмысление российского опыта: моногр. М.: Норма, 2018.
7. Фурсов Д. А., Харламова И. В. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. Т. 2. М., 2009.
8. Червонюк В. И. Теория государства и права: учебник для вузов. М.: ИНФРА-М, 2006.
9. Червонюк В. И. Конституционный судебный процесс: учеб. пособие. М.: Московский университет МВД России, 2017.
10. СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
11. СЗ РФ. 1996. № 45. Ст. 5202.

References

1. Basangov D. A. The significance of expert opinions in constitutional legal proceedings // Journal of Russian Law. 2003. No. 11. P. 147.
2. Commentary to the Federal Constitutional Law «On the Constitutional Court of the Russian Federation» (article by article) / Yu. A. Andreeva V. V. Balytnikov N. S. Bondar et al.; edited by G. A. Gadzhieva. M. : Norm , Infra-M, 2012.
3. Mazurov A. V. Commentary on the Federal Constitutional Law «On the Constitutional Court of the Russian Federation». M. : Private Law, 2009.
4. Petrov A. A. Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the doctrine and practice of constitutional justice: monograph / edited by V. V. Ignatenko. Irkutsk : Ed. Baikal House.state University, 2021.
5. Justice in the modern world: monograph / V. M. Lebedev; edited by T. Ya. Khabrieva, V. M. Lebedev. M. : Norm : SIC INFRA-M, 2014.
6. Taribo E. V. Judicial constitutional norm control: understanding the Russian experience : monograph. M. : Norm, 2018.
7. Fursov D. A., Kharlamova I. V. Theory of justice in a brief three-volume presentation on civil cases. Vol. 2. M., 2009.
8. Chervonyuk V. I. Theory of state and law: textbook for universities. M. : INFRA-M, 2006.
9. Chervonyuk V. I. Constitutional judicial process: textbook. manual. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017.
10. SZ RF. 1994. No. 13. St. 1447.
11. SZ RF. 1996. No. 45. St. 5202.

Информация об авторе

В. И. Червонюк — профессор Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук.

Information about the author

V. I. Chervonyuk — Professor of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 12.08.2022; принята к публикации 29.09.2022.

The article was submitted 15.06.2022; approved after reviewing 12.08.2022; accepted for publication 29.09.2022.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ

9-е изд., перераб. и доп. Учебник.
Гриф МО РФ
Гриф НИИ образования и науки
Гриф УМЦ «Профессиональный учебник»
(Серия «Dura lex, sed lex»)
Под ред. В. О. Лучина, Б. С. Эбзеева

Рассмотрены вопросы, традиционно относящиеся к предмету науки конституционного права: конституционные основы гражданского общества, юридические механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина, федеративное устройство, система органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации и др. Большое внимание уделено избирательной системе в России. Отражены законодательные нормы об объединении арбитражных судов с Верховным Судом РФ.

Для студентов юридических вузов и факультетов, аспирантов (адъюнктов), преподавателей, практических работников, а также для всех интересующихся проблемами отечественного конституционного права.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ

УЧЕБНИК

ДЕВЯТОЕ ИЗДАНИЕ

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-262-265>

NPON: 2003-0059-1/23-585

MOSURED: 77/27-003-2023-01-784

Защита информации как приоритетная задача обеспечения информационной безопасности России

Танзиля Фаридовна Шайхутдинова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, TanzilyaV@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы, связанные с защитой информации как приоритетной задачей обеспечения информационной безопасности России.

Ключевые слова: защита информации, информационная безопасность России, административная ответственность в информационной сфере

Для цитирования: Шайхутдинова Т. Ф. Защита информации как приоритетная задача обеспечения информационной безопасности России // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 262–265. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-262-265>.

Original article

Information protection as a priority task of ensuring information security in Russia

Tanzilya F. Shaikhutdinova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, TanzilyaV@mail.ru

Abstract. Topical issues related to the protection of information as a priority task of the information security ensuring in Russia are considered.

Keywords: information protection, information security of Russia, administrative responsibility in the information sphere

For citation: Shaikhutdinova T. F. Information protection as a priority task of ensuring information security in Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):262–265. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-262-265>.

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий связано с потенциально возможным возникновением угроз безопасности граждан, общества и государства.

Представляется, что определение термина «информационная безопасность» является одним из ключевых в области оборота информации. В российском законодательстве понятие «информационная безопасность» содержится в Доктрине информационной безопасности (далее — Доктрина ИБ) [1]. В п. 22 данного нормативного правового акта перечислены стратегические цели обеспечения информационной безопасности в области государственной и общественной безопасности. При этом непосредственные цели обеспечения информационной безопасности определяются применительно к конкретной сфере функционирования государственного механизма (обо-

ронная сфера, государственная и общественная безопасность, сфера науки и культуры, экономическая сфера и т. д.).

В Стратегии национальной безопасности [2] (далее — Стратегия), информационная безопасность определена в качестве стратегического национального приоритета, реализация которого обеспечивает защиту национальных интересов Российской Федерации. Стратегия, в свою очередь, детерминировала развитие административно-правового взгляда на обеспечение информационной безопасности. Согласно Стратегии, обеспечение информационной безопасности осуществляется посредством взаимообусловленных правовых, организационных, оперативно-розыскных, научно-технических и иных мероприятий, направленных на обнаружение и предотвращение угроз, возникающих в информационном

© Шайхутдинова Т. Ф., 2023

пространстве. Вместе с тем, в современных условиях глобального распространения информационных технологий, а также трансграничного оборота информации важность надлежащего механизма административно-правового воздействия на упорядочивание общественных отношений в информационном пространстве не вызывает сомнений.

Защита информации является приоритетной задачей обеспечения информационной безопасности Российской Федерации. Доступным для восприятия представляется построение целей мер, принимаемых для защиты информации, и представленных в Федеральном законе, правовое поле которого охватывает отношения, связанные с защитой информации, реализацией прав на распространение, поиск, производство, распространение, передачу информации, применением информационных технологий [3, ст. 16].

Итак, отдельная статья данного нормативного правового акта посвящена защите информации, под которой понимается целый ряд мер (технических, правовых, организационных), принимаемых для достижения следующих целей: обеспечение защиты информации от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также от иных неправомерных действий в отношении такой информации; соблюдение конфиденциальности информации ограниченного доступа; реализация права на доступ к информации.

Правовой статус обладателя информации представляется недостаточно проработанным в связи с отсутствием норм о его ответственности за нарушение обязанности принимать меры по защите информации. Ответственность за непринятие мер по защите информации предусмотрена лишь в отношении отдельных категорий информации (персональные данные, государственная тайна и т. д.). Кроме того, возможно положения ч. 4 ст. 16 рассматриваемого нормативного правового акта нацелены восполнить недостаток в допущенной декларативности закрепленных прав и обязанностей обладателя информации путем указания на то, что обладатель информации должен обеспечивать комплекс мер, направленных на защиту информации, лишь в случаях, установленных законодательством РФ.

Для обеспечения достижения целей, изложенных в рассматриваемом нормативном правовом акте, разработаны требования о защите информации, а

также предусмотрена ответственность за нарушение положений российского законодательства об информации, информационных технологиях и о защите информации.

Следует отметить определенные требования по защите информации, установленные для следующих видов информации ограниченного доступа: государственная тайна, персональные данные, государственные информационные ресурсы, информация в ключевых системах информационной инфраструктуры критически важных объектов, банковская тайна.

Институт административной ответственности является средством обеспечения информационной безопасности. Административная ответственность [4, ст. 13.11, 13.12, 13.13, 13.14] в информационной сфере выступает в качестве реакции государства на совершение лицом информационного правонарушения.

Примечательным является введение в условиях пандемии, связанной с распространением коронавирусной инфекции, административной ответственности для юридических лиц (ч. 10.1 и ч. 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ [5]) за распространение заведомо ложной, представляющей угрозу безопасности и жизни граждан информации, что влечет назначение достаточно крупных штрафов, особенно при установлении признаков квалифицированного состава административного правонарушения. При этом в отношении физических лиц за совершение по сути схожего правонарушения установлена уголовная ответственность [6, ст. 207.1, 207.2] т. е. критерием разграничения выше рассмотренных видов ответственности за данное правонарушение является субъект правонарушения [7].

Административная ответственность выступает своего рода сдерживающим механизмом на пути совершения уголовных преступлений в области информационной безопасности, следовательно, административное законодательство должно содержать нормы, запрещающие те или иные действия в информационном пространстве, сдерживая, тем самым, противоправные явления.

Законодательством также предусмотрена уголовная ответственность за нарушение установленных требований к защите информации [8, ст. 274], а также гражданско-правовая, дисциплинарная ответственность.

Законодательно закреплены меры, нацеленные на защиту информации. Данные меры должны приниматься оператором информационной системы или обладателем информации. Та или иная мера приме-

няется, когда возникает случай, отраженный в законодательстве РФ. Так, например, нередко в судебной практике возникает вопрос, связанный с распределением рисков между абонентами и операторами связи, касающихся незаконного подключения к линии связи третьих лиц, злоупотребляющих данными услугами в личных целях. Судами была выработана правовая позиция, согласно которой лицо, в чьей зоне ответственности находится оборудование, обязано принимать меры по защите информации.

Исходя из положений нормативных правовых актов, можно утверждать, что те или иные риски деятельности оператора связи как оператора информационной системы возлагаются именно на него.

Нормативно закреплён комплекс аппаратно-программных средств, используемых оператором связи, который должен отслеживать «подозрительную» сигнальную нагрузку, что, в свою очередь, является одной из технических мер, направленных на предотвращение несанкционированного доступа [9].

Государственные органы, при наличии затронутых интересов в сфере своей деятельности, могут являться участником административно-правовых отношений в области обеспечения информационной безопасности. Со стороны государственных органов правовое регулирование требований, нацеленных на защиту содержащейся в государственных информационных системах информации, осуществляют Федеральная служба безопасности РФ, определяющая требования к защите информации, касающиеся криптографии, и Федеральная служба по техническому и экспортному контролю Российской Федерации, определяющая остальные требования [10].

Федеральными законами могут быть установлены ограничения использования определенных средств защиты информации и осуществления отдельных видов деятельности в области защиты информации [11]. Следует отметить, что в рамках вопроса о лицензировании отдельных видов деятельности в области оборота информации были приняты отдельные Постановления Правительства Российской Федерации, разъясняющие порядок лицензирования.

Таким образом, государственная политика в области лицензирования в сфере оборота информации развивается достаточно быстрым темпом, что способствует предотвращению административных правонарушений в данной сфере.

На современном этапе развития законодательства в области информационной безопасности присутствует тенденция к усилению роли государственного воздействия на процессы, протекающие в информационном пространстве. Это обусловлено тем, что информация, информационные данные стали неотъемлемым элементом устойчивого развития современного общества, фундаментом для успешного планирования и реализации принятых решений органами государственной власти и их должностными лицами. Нормативные правовые акты в области оборота информации приняты с целью оказания соответствующего правового воздействия на административные правоотношения в информационном пространстве. Многие из указанных актов предусматривают меры по обеспечению оборота информации и, в частности, информационной безопасности России, которые нацелены на решение ее приоритетной задачи — защиту информации. Ведь информационная безопасность представляет собой процесс обеспечения целостности, доступности и конфиденциальности информации.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL://http://pravo.gov.ru.
3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.
5. Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. 2020. 3 апр.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
7. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирус-

ной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21 апреля 2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс».

9. Приказ Минсвязи РФ от 27 июня 2002 г. № 67 «О введении в действие технических требований» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Приказ ФСТЭК России от 11 февраля 2013 г. № 17 «Об утверждении Требований о защите информации, не составляющей государственную тайну, содержащейся в государственных информационных системах» // Российская газета. 2013. 26 июня.

11. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // СЗ РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 646 of December 5, 2016 «On the approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».

2. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // URL://http://pravo.gov.ru.

3. Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 «On Information, Information Technologies and Information Protection» // SPS «ConsultantPlus».

4. Code of the Russian Federation on Administrative Offences of December 30, 2001 No. 195-FZ // SZ RF. 2002. No. 1 (Part I). St. 1.

5. Federal Law No. 99-FZ of April 1, 2020 «On amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2020. 3 Apr.

6. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 // SZ RF. 1996. No. 25. St. 2954.

7. Review on certain issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counteract the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) in the territory of the Russian Federation No. 1 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 21, 2020) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020. № 5.

8. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 // SPS «ConsultantPlus».

9. Order of the Ministry of Communications of the Russian Federation No. 67 of June 27, 2002 «On the introduction of technical requirements» // SPS «ConsultantPlus».

10. Order of the FSTEC of Russia dated February 11, 2013 No. 17 «On approval of Requirements for the protection of information not constituting a State secret contained in State information systems» // Rossiyskaya Gazeta. 2013. June 26.

11. Federal Law No. 99-FZ of May 4, 2011 «On licensing of certain types of activities» // SZ RF. 2011. No. 19. St. 2716.

Информация об авторе

Т. Ф. Шайхутдинова — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

T. F. Shaikhutdinova — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 06.05.2022; одобрена после рецензирования 01.08.2022; принята к публикации 29.09.2022.

The article was submitted 06.05.2022; approved after reviewing 01.08.2022; accepted for publication 29.09.2022.

Научная статья

УДК 347.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-266-269>

ИПОН: 2003-0059-1/23-586

MOSURED: 77/27-003-2023-01-785

Электронные денежные средства как объект гражданского оборота: проблема правового определения

Виктория Вячеславовна Шумилова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, vichka.shumilova@bk.ru

Аннотация. Исследуется проблема отнесения электронных денежных средств к объектам гражданских прав. Дается понятие правового режима электронных денежных средств, исследуются его гражданско-правовые аспекты, рассматриваются особенности оборотоспособности данного объекта. Делается вывод о системном характере правового режима электронных денежных средств, который складывается из разностороннего проявления их гражданско-правовой сущности.

Ключевые слова: электронные денежные средства, объект гражданских прав, деньги, правовой режим, оборотоспособность, право требования, имущественное право, безналичные расчеты

Для цитирования: Шумилова В. В. Электронные денежные средства как объект гражданского оборота: проблема правового определения // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 266–269. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-266-269>.

Original article

Electronic money as an object of civil circulation: the problem of legal definition

Victoria V. Shumilova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, vichka.shumilova@bk.ru

Abstract. The problem of attribution of electronic money to objects of civil rights is investigated. The concept of the legal regime of electronic money is given, its civil-legal aspects are investigated, the peculiarities of the turnover of this object are considered. The conclusion is made about the systemic nature of the legal regime of electronic money, which consists of a versatile manifestation of their civil-legal essence.

Keywords: electronic money, object of civil rights, money, legal regime, turnover capacity, right of claim, thing in action, non-cash payments

For citation: Shumilova V. V. Electronic money as an object of civil circulation: the problem of legal definition. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):266–269. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-266-269>.

Информационная революция привела к смене существующих характеристик некоторых объектов имущественного оборота. Если еще совсем недавно деньги существовали исключительно на бумажном носителе, то уже сегодня стремительно происходит их виртуализация и перевод в физически не осязаемую, безбумажную форму. Гражданское право как наука и отрасль права не может стоять в стороне от поступательных и интеграционных процессов цифровизации имущества и общественных отношений. Это неизбежно приводит к вовлечению в имущественный оборот качественно новых, неизвестных ранее виртуальных объектов общественных отношений, таких как, например, электронные денежные средства. Включение электронных денежных средств

в область частноправового регулирования общественных отношений закономерно поднимает проблему их отнесения к объектам гражданских прав. Объективное восприятие указанного феномена имеет особое правовое значение, поскольку от этого в значительной степени зависит реализация субъектами гражданского оборота своих субъективных прав и исполнение возлагаемых на них обязанностей.

Объектом гражданских прав могут быть только блага, поскольку прикладное значение вступления субъектов гражданского правоотношения в них и состоит в распоряжении этими благами в целях приобретения и осуществления уже имеющихся гражданских прав. Однако, как отмечают Т. В. Дерюгина и А. О. Иншакова, появляющиеся блага обла-

© Шумилова В. В., 2023

дают столь специфическим признаками, что назрела необходимость в выработке новых правовых средств, которые в итоге и оформят правовые режимы новых объектов гражданских прав [1]. Вовлеченность электронных денежных средств в имущественный оборот уже дает возможность рассматривать эти права требования как некую имущественную ценность. Однако, если с точки зрения практической значимости присутствует достаточно четкое понимание того, могут ли они рассматриваться в качестве объекта гражданских прав, то с теоретической точки зрения этот вопрос по-прежнему остается открытым и не до конца аргументированно решенным.

Правовой режим как основополагающая правовая характеристика объекта гражданских прав наиболее полно, объективно и последовательно раскрывает проблему определения объекта гражданских прав в юридической картине мира, поскольку именно в нем выражается то практическое значение, которое заложено в законодательной конструкции того или иного правового института. Более того, материальные и нематериальные блага могут выступать в качестве объектов гражданских прав только в случае их признания путем установления в отношении них соответствующего правового режима.

Вовлечение электронных денежных средств в экономический оборот также требует установления для них особого правового режима, учитывающего их естественные свойства, в соответствии с которыми электронные денежные средства сами по себе не существуют и не могут обращаться как товар ни в физическом, ни в юридическом смысле, не могут существовать вне информационной системы. При этом в действительности рассматриваемые правоотношения являются не только частью экономического оборота, но и частью денежного оборота государства, в связи с чем регулируются нормами целого ряда правовых отраслей и подотраслей как частного, так и публичного права, в том числе: конституционным правом (ст. 75 Конституции РФ); уголовным правом (п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ установлена ответственность за незаконное приобретение права на чужое имущество, в том числе в отношении электронных денежных средств), финансовым правом (ст. 1 ФЗ от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле, ст. 29 ФЗ от 10 декабря 2002 г. № 86-ФЗ «О центральном банке Российской Федерации (Банке России)»); налоговым правом (ст. 46 НК РФ, в соот-

ветствии с которой электронные денежные средства включаются в состав имущества налогоплательщика, на которое может быть обращено взыскание в случае неуплаты или неполной уплаты налога в установленный срок) и др.

В этой связи необходимо определить направленность правового регулирования экономического оборота электронных денежных средств как межотраслевого правового института, возникшего на стыке различных отраслей права (прежде всего гражданского права и финансового права). Исходя из сказанного, правовой режим электронных денежных средств как объекта гражданских прав можно определить как сочетание частноправовых и публично-правовых средств регулирования по поводу признания данного блага объектом гражданского оборота, определения правил его оборота, особенности возникновения выраженных в нем прав, учитывающие их, прежде всего, экономическое начало. Поэтому в правовом режиме электронных денежных средств отражаются не только частноправовые, но и публично-правовые, экономические и иные детерминанты, раскрывающие их суть как объекта обязательственных прав, где экономический оборот электронных денежных средств представляет собой отношения по переходу прав на данное благо, «для осуществления которого применяются специальные правила, а именно правила расчета, действующие в отношении безналичных денежных средств» [4].

Первым вопросом при определении содержания правового режима электронных денежных средств является определение критериев признания соответствующего блага объектом гражданского оборота.

В гражданском законодательстве утвердился подход, в соответствии с которым электронные денежные средства имеют обязательственную природу и представляют собой имущественные права требования особого рода на совершение определенных действий. Подтверждением указанного вывода является п. 18 ст. 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. «О национальной платежной системе», в котором законодатель, раскрывая признаки рассматриваемого явления, отмечает, что оператор получает денежные средства в целях исполнения денежных обязательств клиента перед третьими лицами по основному обязательству, в котором клиент выступает в качестве должника, а оператор — в качестве третьего лица (п. 1 ст. 313 ГК РФ, ст. 382 ГК РФ).

Чем же отличается правовой режим электронных денежных средств от иных гражданско-правовых обязательств в смысле ст. 307 ГК РФ?

Согласно классическому определению, обязательство есть правовая связь (правоотношение), в силу которого одно лицо (кредитор) имеет право требования, а другое лицо (должник) обязано совершить определенное действие или воздержаться от определенного действия. Одной из ключевых классификаций гражданско-правовых обязательств, в зависимости от средства платежа (средства погашения долга), является подразделение их на денежные и неденежные (натуральные). При этом денежным обязательством в науке гражданского права принято считать такое правоотношение, содержанием которого являются право требования кредитора и корреспондирующая ему обязанность должника по передаче определенной суммы денег, и, следовательно, предметом которого выступают деньги.

Ключевым аспектом любого обязательства является наличие у сторон интереса в получении некоего блага. В этом смысле обязательство по поводу электронных денежных средств не является исключением, несмотря на то, что оператор электронных денежных средств не является стороной в обязательстве, в результате которого возникла обязанность совершить платеж, он становится стороной в расчетном обязательстве: получением оператором электронных денежных средств имущественной выгоды — вознаграждения, оправдывается его обязанность по исполнению денежных обязательств клиента перед третьими лицами в размере принятых денежных средств. Принятие оператором денежных средств клиента означает его согласие на некое юридически значимое поведение. Оператор в этом смысле оформляет переход прав требований к нему от должника (клиента) к кредитору (третьему лицу). При этом, прекратив обязательство в смысле п. 1 ст. 408 ГК РФ в отношении одного кредитора (уменьшение остатка электронных денежных средств клиента, а равно и уменьшение прав требований к нему должника в основном обязательстве), оператор электронных денежных средств приобретает обязательство в отношении иного кредитора (кредитора в основном обязательстве и третьего лица в факультативном) в том же объеме.

С позиции гражданского права первостепенное значение имеет вопрос оборотоспособности электронных денежных средств, т. е. возможность их отчуждения в возмездной форме по различным основаниям.

Несмотря на то, что электронные денежные средства — виртуальный объект, воспринимаются правом они как имеющий вполне реальную ценность и оборотоспособность. Оборот данных идеальных объектов обеспечивается посредством обращения особого рода прав. Очевидно, что единственным способом правового оформления оборота рассматриваемого объекта может быть передача права, которая позволяет его обладателю распоряжаться определенным сумой денег или денежных средств по своему усмотрению.

Исходя из этого, можно утверждать, что оборот электронных денежных средств представляет собой разновидность уступки права требования обязательств в порядке цессии (п. 1 ст. 382, ст. 388 ГК РФ). Возможность такой уступки права требования предполагается в договоре между оператором и должником в основном обязательстве (клиентом). Особенность рассматриваемых правоотношений состоит также в том, что при переводе электронных денежных средств (переходе прав требований) оператор не занимает такую пассивную позицию, как должник в классическом понимании цессии, а принимает непосредственное участие в передаче прав требований своего клиента к себе другому лицу. Как только права требования к оператору перешли от клиента к третьему лицу, обязательство считается надлежаще исполненным.

В то же время, как известно, существующая в рамках договора купли-продажи обязанность продавца по передаче товара в собственность покупателя корреспондируется встречной обязанностью покупателя по его принятию и оплате (ст. 454 ГК РФ). Поскольку электронные денежные средства принимаются продавцами товаров в качестве исполнения покупателем обязанности по уплате покупной цены, указанной в договоре купли-продажи, практически на всех существующих в России интернет-площадках для осуществления онлайн-продаж и интернет-магазинах, можно смело утверждать о том, что в гражданском обороте они используются наряду с деньгами, в качестве денег и вместо них. Вышеизложенное указывает на то, что, являясь по своей природе денежным обязательством (исходя из непосредственного толкования формирования каузы договоров о переводе электронных денежных средств), электронные денежные средства признаются платежным средством не только законом (ФЗ № 161-ФЗ), но и участниками гражданского оборота, где перевод (передача) электронных денежных средств прекращает денежное обязательство исполнением. Представляется,

что рассматриваемые правоотношения есть ни что иное как расчетное обязательство.

Таким образом, обязательственная природа денег не препятствует интерпретации электронных денежных средств в качестве денег. Как сказал известный немецкий мыслитель и правовед Р. Иеринг: «Обязательство функционирует в обороте нового времени совершенно так же, как в обороте старого времени функционирует вещь» [3].

Гражданско-правовой аспект понятия «электронные денежные средства» неоднороден: электронные денежные средства в значении субъективного права управомоченного лица; электронные денежные средства в контексте квинтэссенции обязательственного правоотношения, электронные денежные средства в качестве денег и средства платежа; электронные денежные средства как объект гражданских прав и т. д. Перечень этот можно продолжить, поскольку электронные денежные средства «проецируются» на юридической плоскости под различными углами, и, несмотря на то, что они чаще всего находят свое отражение в обязательственном правоотношении как деятельность, осуществляемая во исполнение взятой гражданско-правовой обязанности, данная характеристика электронных денежных средств является не единственным проявлением их гражданско-правовой сущности.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что электронные денежные средства — специфические гражданско-правовые обязательства денежного характера с определенными условиями возникновения, существующие исключительно в информационной среде, которые связаны с наступлением определенных юридических фактов, образующих их сложный юридический состав: заключение договора о переводе электронных денежных средств, передача клиентом соответствующей денежной суммы и зачисление на его электронный кошелек электронных денежных средств в размере внесенных средств. При

этом, основываясь на уже предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации видов обязательств (разд. IV ГК РФ), электронные денежные средства «как платежная услуга» [2] органично вписываются в систему форм безналичных расчетов, предусмотренных гл. 46 ГК РФ (п. 3 ст. 861 и п. 1 ст. 862 ГК РФ).

Список источников

1. Дерюгина Т. В., Иншакова А. О. Оборотоспособность и правовой режим объектов гражданских прав: соотношение понятий // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2019. С. 31–34.
2. Иванов В. Юридические особенности переводов электронных денежных средств как формы безналичных расчетов // *Хозяйство и право*. 2016. № 8. С. 30–40.
3. Иеринг Р. Об основании защиты владения. Пересмотр учения о владении. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1883.
4. Хмаладзе Д. З. Особенности расчетов электронными денежными средствами // *Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право*. 2016. № 2. С. 249–253.

References

1. Deryugina T. V., Inshakova A. O. Turnover and legal regime of objects of civil rights: correlation of concepts // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2019. P. 31–34.
2. Ivanov V. Legal features of electronic money transfers as a form of non-cash payments // *Economy and Law*. 2016. No. 8. P. 30–40.
3. Iering R. On the basis of the protection of ownership. Revision of the doctrine of possession. M.: Type. A. I. Mamontova and Co., 1883.
4. Khmaladze D. Z. Features of calculations by electronic means of money // *Scientific Review. Series 1: Economics and Law*. 2016. No. 2. P. 249–253.

Информация об авторе

В. В. Шумилова — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

V. V. Shumilova — Adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 12.12.2022; принята к публикации 25.01.2023.
The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 12.12.2022; accepted for publication 25.01.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-270-275>

НИОН: 2003-0059-1/23-587

MOSURED: 77/27-003-2023-01-786

Федерализм как основа государственно-правового строительства Российской Федерации

Нодари Дарчоевич Эриашвили

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, professor60@mail.ru

Аннотация. Раскрывается юридическая сущность федерализма как основы государственно-правового строительства Российской Федерации.

Ключевые слова: Российская Федерация, государственно-правовое строительство Российской Федерации, федерализм

Для цитирования: Эриашвили Н. Д. Федерализм как основа государственно-правового строительства Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 270–275. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-270-275>.

Original article

Federalism as the basis of the state-legal construction of the Russian Federation

Nodari D. Eriashvili

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, professor60@mail.ru

Abstract. The work reveals the legal essence of federalism as the basis of the state-legal construction of the Russian Federation.

Keywords: Russian Federation, state-legal construction of the Russian Federation, federalism

For citation: Eriashvili N. D. Federalism as the basis of the state-legal construction of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):270–275. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-270-275>.

Международно-правовое позиционирование Российской Федерации в системе современных международных отношений как Великой державы, постоянного члена Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, обозначенное заявленной приверженностью верховенству права (Декларация тысячелетия 2000 г. п. 30; Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г., п. 134), установлено в параметрах статусности России как демократического федеративного правового государства с республиканской формой правления (п. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации). Предписание федерализма в режиме государственно-правового строительства Российской Федерации определено в формате союза согласно латинскому значению федерализма как союза (foedus) субъектов государственно-правового обустройства соответствующего суверена системы международных правоотношений. Позитив правоприменительной практики Российской Федерации в плане государственно-правового строительства по-

казательно представлен в параметрах преемственности и последовательности государственно-правовых институтов и системного государственно-правового обустройства страны на всем пространстве суверенного верховенства Российского государства. Постановочно, Российская Федерация, согласно п. 1 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации, обозначена как правопреемник Союза ССР на своей территории и соответственно, как правопреемник (правопродолжитель) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, равно как в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов Союза ССР за пределами территории Российской Федерации. Конституция РСФСР 1918 г., Конституция РСФСР 1925 г., Конституция РСФСР 1937 г., Конституция РСФСР 1978 г. и, наконец, Конституция Российской Федерации 1993 г. — все в формате Основного закона страны были упорядочены в режиме федерализма. В предметно юри-

© Эриашвили Н. Д., 2023

дическом плане государственно-правовое строительство Российской Федерации как поступательный процесс федерализма установлено в своем развитии от автономных областных союзов (Конституция РСФСР 1918 г.) до республик, краев, областей, городов федерального значения, автономных областей, автономных округов (Конституция Российской Федерации 1993 г.) По обстоятельствам объективный конституции многообразия режима статусности субъектов Российской Федерации позитив федеративного устройства Российской Федерации показательно обозначен тем обстоятельством, что во взаимоотношениях с федеральными органами все субъекты Российской Федерации в целом между собой юридически равноправны (п. 4 ст. 5 Конституции Российской Федерации).

В параметрах своей включенности в формат федеративного устройства Российской Федерации субъекты Российской Федерации через поступательный процесс преемственности в развитии Российского государства обеспечивают позитив юридического действия в режиме исторически сложившегося государственного единства России.

Федерализм в параметрах федеративного устройства Российской Федерации позиционно предметно (как институционно обустроенный позитив государственно-правового строительства Российской Федерации) обозначен в системе целостно-определяемых принципов, а именно:

- 1) государственная целостность;
- 2) единство системы государственной власти;
- 3) разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации;
- 4) равноправие и самоопределение народов в Российской Федерации (п. 3 ст. 5 Конституции Российской Федерации).

По обстоятельствам показательного применения всех принципов федеративного устройства Российской Федерации в режиме целостности их регулятивного всестороннего действия на всем территориальном пространстве Российской Федерации, федерализм как основа государственно-правового строительства Российской Федерации подтверждает свою юридическую действенность и эффективность. Таким образом, федерализм в параметрах своего юридического качества обеспечивает в оптимальном порядке

поступательное развитие государства с учетом многоформатности составляющих его частей и многообразия представленных на его территории народов, результативно содействует упорядоченному государственно-правовому строительству Российской Федерации в режиме верховенства права.

Постановочно, государственная целостность Российской Федерации в параметрах федеративного устройства Российской Федерации юридически результативно себя проявляет в параметрах исторически сложившегося государственного единства. При этом сам феномен государственного единства Российской Федерации всецело юридически сопоставим с равноправием и самоопределением народов в Российской Федерации. Показательным правовым фактором здесь установлено положение, при котором во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти все субъекты Российской Федерации между собой всесторонним образом равноправны юридически.

В своем концептуальном восприятии юридическое взаимодействие субъектов Российской Федерации и Российской Федерации как суверена система международных правоотношений на пространстве союза (в форме федеративного устройства Российской Федерации) показательно установлена в режиме принципа добросовестности *bona fides* и принципа недопустимости злоупотребления правом.

Каждый субъект Российской Федерации пользуется своими субъективными правами в той степени, в какой он не нарушает суверенные права и законные интересы другого субъекта государственно-правового обустройства Российской Федерации, а именно: либо субъективные права и законные интересы какого-либо конкретного субъекта Российской Федерации, либо субъективные права и законные интересы всего федерального союза в лице Российской Федерации как суверенного государства на пространстве современного миропорядка.

Позиционирование единства системы государственной власти в параметрах государственно-правового строительства Российской Федерации обозначено в режиме целостности как юридически, так и фактически. Формат исторически сложившегося государственного единства Российской Федерации в качестве суверенного субъекта международного права, с учетом признанных постулатов верховенства на всем пространстве территориального подчинения

Российской Федерации, в сочетании с независимостью во внешних делах, предопределяет в логическом контексте как сам формат единства системы государственной власти, так, собственно, и целостность всей системы государственной власти системы правовых предписаний прямого действия. Конституция Российской Федерации в ее юридическом качестве Основного закона страны действует в параметрах совокупности записанных в ней предписаний, их целостности и востребованности всестороннего соблюдения на основе принципа добросовестности как общего принципа права.

Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, как конституционный элемент федеративного устройства Российской Федерации, обустроено в параметрах общепризнанных постулатов федерализма, а именно:

- 1) исключительная компетенция федеральных органов власти Российской Федерации;
- 2) юридическое пространство совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (ст. 72 Конституции Российской Федерации);
- 3) предметно конституционно обозначенная компетенция субъектов Российской Федерации (ст. 73 Конституции Российской Федерации).

В параметрах своего триединого юридического действия конститутивные элементы федеративного устройства Российской Федерации обеспечивают режим единства системы государственной власти на всем пространстве Российской Федерации как суверенного субъекта системы международных правоотношений.

Позиционно, в параметрах исключительной компетенции Российской Федерации, юридическое пространство ведения Российской Федерации обозначено в комплексе правовых позиций, а именно:

- 1) принятие и изменение Конституции Российской Федерации и федеральных законов, контроль за их соблюдением;
- 2) федеративное устройство и территория Российской Федерации;
- 3) регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина, режим гражданства в Российской Федерации, регулирование и защита прав национальных меньшинств на общегосударственном уровне;

4) организация публичной власти на пространстве Российской Федерации; установление системы федеральных органов законодательной, исполнительной, публичной власти, порядка их организации и деятельности; формирование федеральных органов государственной власти;

5) управление федеральной государственной собственностью;

6) установление основ федеральной политики и конституирование федеральных программ в области государственного, экономического, экологического, научно-технологического, социального, культурного, национального развития Российской Федерации; установление единых правовых основ системы здравоохранения, системы воспитания и образования, в том числе непрерывного образования;

7) установление правовых основ единого рынка; финансовое, валютное, кредитное, таможенное регулирование, денежная эмиссия, основы ценовой политики; федеральные экономические службы, в том числе федеральные банки;

8) федеральный бюджет; федеральные налоги и сборы; федеральные фонды регионального развития;

9) федеральные энергетические системы, ядерная энергетика, расщепляющиеся материалы, федеральный транспорт, пути сообщения, информация, информационные технологии и связь; космическая деятельность;

10) внешняя политика и международные отношения Российской Федерации, международные договоры Российской Федерации; вопросы войны и мира;

11) внешнеэкономические отношения Российской Федерации;

12) оборона и безопасность; оборонное производство; определение порядка продажи и покупки оружия, боеприпасов, военной техники и военного имущества как такового; производство и порядок использования ядовитых веществ, наркотических средств; обеспечение безопасности личности, общества государства при применении информационных технологий, обороте цифровых показателей;

13) определение статуса и защита государственной границы, территориального моря, воздушного пространства, исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации;

14) судоустройство; прокуратора; уголовное и условно-исполнительное законодательство; амнистия и помилование; гражданское законодательство;

процессуальное законодательство; правовое регулирование интеллектуальной собственности;

15) федеральное коллизийное право;

16) установление метрологической службы, стандарты, эталоны, метрическая система, процедура исчисления времени; администрация службы геодезии и картографии; процедура наименования географических объектов; метеорологическая служба; процедура официального статистического и бухгалтерского учета;

17) организация процедуры присвоения государственных наград и почетных званий Российской Федерации;

18) проведение федеральной государственной службы; установление ограничений для замещения государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы, равным образом ограничений, связанных с наличием гражданства иностранного государства либо вида на жительство, иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, равным образом ограничений, связанных с открытием и наличием счетов (вкладов), хранением наличных денежных средств и ценностей в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации.

Констатация в объективном порядке позиционирования правового режима совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации как второго конститутивного элемента федеративного устройства Российской Федерации определяет целостность юридической системы предметного упорядочения пространства совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Соответственно, согласно предписаниям ст. 72 Конституции Российской Федерации о совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации обозначено следующее:

1) обеспечение соответствия конституций и законов республик, уставов, законов, иных нормативных правовых актов краев, областей городов федерального значения, автономной области, автономных округов Конституции РФ и федеральным законам;

2) защита прав и свобод человека и гражданина; защита прав национальных меньшинств; обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности; режим пограничных зон;

3) вопросы владения, использования и распоряжения землей, недрами, водным, другими природными ресурсами;

4) разграничение государственной собственности;

5) природопользование; сельское хозяйство; охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности; особо охраняемые природные территории; охрана памятников истории и культуры;

6) общие вопросы воспитания, образования науки культуры, физической культуры и спорта, молодежной политики;

7) координация вопросов здравоохранения; включая обеспечение оказания доступной и качественной медицинской помощи, сохранение и укрепление общественного здоровья, создание условий для ведения здорового образа жизни, формирование культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью; социальная защита, включая социальное обеспечение;

8) защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, равно как для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях;

9) осуществление мер по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями, ликвидация их последствий;

10) установление общих принципов налогообложения и сборов Российской Федерации;

11) административное, административно-процессуальное, трудовое, семейное, жилищное, земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды;

12) кадры судебных и правоохранительных органов; адвокатура; нотариат;

13) защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей;

14) установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления;

15) координация международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации, выполнение международных договоров Российской Федерации.

Позитив правоприменительной практики государственно-правового строительства Российской

Федерации в части федеративного устройства Российской Федерации показательно обозначен тем обстоятельством, что режим совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, как он определяется Конституцией Российской Федерации, распространяется на республики, края, области, города федерального значения, автономную область, автономные округа.

Выход на предметную результативность прямого юридического действия конструирования режима целостности системы федеративного устройства Российской Федерации позиционно обозначен в третьем конститутивном элементе федеративного устройства Российской Федерации, а именно в режиме исключительной компетенции субъектов Российской Федерации. Соответственно, согласно предписаниям Конституции Российской Федерации (ст. 73), вне пределов ведения Российской Федерации как суверена системы международных правоотношений и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти и показательно в конечном итоге осуществляют деятельность в общих интересах Российской Федерации в целом.

Именно общий юридический интерес всей Российской Федерации в целом обеспечить поступательное развитие государственно-правового строительства Российской Федерации в режиме федерализма предопределяет эффективность феномена, «кооперативный федерализм» и юридическую действительность созданного таким образом принципа кооперативного разделения государственной власти между Российской Федерацией как суверена системы международных правоотношений и субъектами Российской Федерации [1, с. 262–263].

Выстроенный в параметрах общего юридического интереса заявительный посыл Российской Федерации консолидировать на пространстве исторически сложившегося государственного единства Российской Федерации позитив кооперативного федерализма обозначен действенным взаимодействием Российской Федерации (как суверена системы международных правоотношений) и субъектов Российской Федерации (как составных образований в рамках Российской Федерации) обеспечить в формате договорно-конституционного пост-

роения Российского государства всестороннюю реализуемость предписаний Конституции Российской Федерации 1993 г. и Федеративного договора 1992 г.

Констатация целостности государственно правового строительства Российской Федерации в параметрах федерализма обозначена по обстоятельствам предметной юридической упорядоченности процедур нормопроизводства Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в формате законодательного правотворчества. Соответственно, согласно предписаниям Конституции Российской Федерации (ст. 76) по предметам ведения Российской Федерации принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы с прямым действием на всей территории Российской Федерации. Правовое пространство предмета совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации обозначено изданием федеральных законов и принимаемых в соответствии с ними законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. Позиционирование правового пространства вне пределов ведения Российской Федерации, совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации определено режимом, в соответствии с которым республики, края, города федерального значения, автономная область и автономные округа осуществляют собственное правовое регулирование, в том числе принятие законов и иных нормативных актов. Позитив юридического действия в плане упорядоченности процедур нормопроизводства Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в формате законодательного правотворчества показательно заявлен и предметно реализован.

Поступательное развитие государственно-правового строительства Российской Федерации в параметрах федерализма предметно вписывается в последовательный внешнеполитический курс Российской Федерации на обеспечение международной законности и правопорядка.

Список источников

1. Конституционное право России: учебник для студентов вузов / А. С. Прудников и др.; под ред. Б. С. Эбзеева, А. С. Прудникова, В. И. Авсеенко. 4-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ ДАНА, 2010.

References

1. Constitutional Law of Russia: textbook for university students / A. S. Prudnikov et al.; edited by B. S. Ebzeev, A. S. Prudnikov, V. I. Avseenko. 4th ed., reprint. and additional M. : UNITY DANA, 2010.

Библиографический список

1. Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М. : Норма, 2008.
2. Чиркин В. Е. Современное федеративное государство. М., 1997.
3. Федерализм: теория, институты, отношения (сравнительно правовое исследование / отв. ред. Б. Н. Топорнина. М. : Юрист, 2001.

4. Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма: учеб.-практ. пособие. М., 1998.

Bibliographic list

1. Kutafin O. E. Russian Constitutionalism. M. : Norm, 2008.
2. Chirkin V. E. Modern Federal state. M., 1997.
3. Federalism: theory, institutions, relations (comparative legal research / ed. B. N. Topornin. M. : Lawyers, 2001.
4. Umnova I. A. Constitutional foundations modern Russian federalism: textbook-practice. manual. M., 1998.

Информация об авторе

Н. Д. Эриашвили — профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ в области образования, почетный адвокат России.

Information about the author

N. D. Eriashvili — Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Laureate of the Russian Government Prize in Science and Technology, Winner of an Award of the Government of Russia in the field of education, Honorary Lawyer of Russia.

Статья поступила в редакцию 06.12.2022; одобрена после рецензирования 25.01.2023; принята к публикации 09.02.2023.

The article was submitted 06.12.2022; approved after reviewing 25.01.2023; accepted for publication 09.02.2023.

ПРАВОВЕДЕНИЕ

4-е изд., перераб. и доп. Учебник.
Гриф МО РФ
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Под ред. С. С. Маиляна

Представлены важнейшие аспекты существования государства и права.

Рассмотрены основы наиболее значимых отраслей российского права — конституционного, гражданского, наследственного, семейного, трудового, административного, налогового, земельного, уголовного, международного, конституционного процессуального, гражданского процессуального, арбитражного процессуального, уголовного процессуального, таможенного и экологического.

Для обучающихся в высших и средних специальных учебных заведениях неюридического профиля.

ПРАВОВЕДЕНИЕ

Учебник

Четвертое издание

Научная статья
УДК 338.24:004
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-276-277>
NIION: 2003-0059-1/23-588
MOSURED: 77/27-003-2023-01-787

Проблемы обеспечения эффективного контроля за операциями в межкорпоративном закупочно-логистическом сетевом пространстве

Владимир Иванович Абрамов

Институт управления образованием Российской академии образования, Москва, Россия,
vladimir.abramow@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются проблемы формирования цифрового мониторинга в отношении межкорпоративного закупочно-логистического сетевого пространства.

Ключевые слова: экономика, закупочные операции, управление, экономическая безопасность, информационная система

Благодарности: статья выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-010-00351 А.

Для цитирования: Абрамов В. И. Проблемы обеспечения эффективного контроля за операциями в межкорпоративном закупочно-логистическом сетевом пространстве // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 276–277. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-276-277>.

Original article

Problems of ensuring effective control over the activities of the intercorporate procurement and logistics network space

Vladimir I. Abramov

Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia,
vladimir.abramow@gmail.com

Abstract. The problems of forming digital monitoring in relation to intercorporate procurement and logistics network space are considered.

Keywords: economics, procurement operations, management, economic security, information system

Acknowledgements: the article was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-010-00351 A.

For citation: Abramov V. I. Problems of ensuring effective control over the activities of the intercorporate procurement and logistics network space. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):276–277. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-276-277>.

Обеспечение эффективного взаимодействия всех российских закупочно-логистических цифровых мониторинговых систем может обеспечить лучшую наблюдаемость закупочно-логистического комплекса со стороны органов законодательной и исполнительной власти [1; 2].

Под цифровой адаптацией правоохранительно-контрольного механизма экономики мы будем понимать способность субъекта государственного контроля реализовывать компетенции антикриминального оздоровления экономики через развитие информационных сервисов закупочно-логистических цифровых мониторинговых систем.

С точки зрения зарубежного опыта развитых стран, под действие мониторинга закупочных операций как правоохранительно-контрольного института попадают электронные торговые площадки (ЭТП).

Нормативно-институциональные основы формирования цифрового мониторинга закупочных опера-

ций позволяют определить особенности совершенствования механизмов осуществления закупочно-логистических преобразований путем формирования межкорпоративного закупочно-логистического сетевого пространства.

Важной задачей совершенствования механизмов осуществления антикриминальных преобразований в России является ограничение нелегитимной закупочной деятельности в рыночной экономике как фактора снижения криминальной конкуренции [3].

Контроль и надзор за деятельностью межкорпоративного закупочно-логистического сетевого пространства должен осуществлять комплекс правоохранительных и контролирующих органов исполнительной власти [4]. Особенно важно своевременное принятие нормативных актов, имеющих обязательную силу в отношении деятельности закупочных структур [5]. Необходимо обеспечивать условия для развития российских закупочно-логистических циф-

© Абрамов В. И., 2023

ровых мониторинговых систем в экономике для организации цивилизованного легитимного оборота товарных ресурсов средств в объекты экономики [6].

Более конкретные задачи заключаются в поиске приемлемых форм совершенствования механизмов правоохранительно-контрольного антикриминального оздоровления экономики, в том числе путем формирования межкорпоративного закупочно-логистического сетевого пространства, инструментов осуществления мониторинга закупочно-логистических систем в рамках объединенного закупочно-логистического пространства России.

Текущее состояние и перспективы адаптации российских правоохранительно-контрольных механизмов, лежащих в основе снижения уровня теневой экономики, позволяют выделить проблемы совершенствования механизмов осуществления мониторинговых преобразований при формировании межкорпоративного закупочно-логистического сетевого пространства.

Комплексный анализ возможностей мониторинга межкорпоративного закупочно-логистического сетевого пространства в корпорациях России подчеркивает перспективы развития интегрированного закупочного пространства, сегментированного по критериям законопослушности (легитимности) при реализации закупочной деятельности.

В этом аспекте формирование единого межкорпоративного закупочно-логистического пространства, сегментированного по критериям законопослушности (легитимности) при реализации закупочной деятельности, может стать успешным при согласованной политике.

Требуется разработка стратегии развития правоохранительно-контрольного механизма для формирования и деятельности мониторинга закупочных операций. Должен быть разработан типовой пакет методов, механизмов, инструментов и технологий функционирования корпоративных закупочно-логистических комплексов, подверженных мониторингу закупочных операций.

Информация об авторе

В. И. Абрамов — исполняющий обязанности директора Института управления образованием Российской академии образования, кандидат экономических наук.

Information about the author

V. I. Abramov — Acting Director of the Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 23.09.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 16.01.2023.

The article was submitted 23.09.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Список источников

1. Абрамов В. И., Григорьев В. В., Логинов Е. Л. Цифровые технологии обеспечения экономической безопасности в бюджетной сфере в условиях системных криминально-коррупционных проявлений. М., 2021.
2. Агеев А. И. Криптовалюты, рынки и институты // Экономические стратегии. 2018. Т. 20. № 1 (151). С. 94–107.
3. Дубровин С. В., Глушков А. И., Казанцев С. Я. и др. Основы теории криминалистической верификации // Государственная служба и кадры. 2022. № 3. С. 150–157.
4. Маилян С. С., Эриашвили Н. Д. О допустимости включения цифрового права в систему права и правоохранительной деятельности в РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 399–402.
5. Райков А. Н. Цифровая экономика: уязвимость к сетевым атакам и возможности обеспечения устойчивости управления // Проблемы рыночной экономики. 2017. № 4. С. 4–10.
6. Шкута А. А. Искусственный интеллект в органах госуправления // Государственная служба. 2017. Т. 19. № 5 (109). С. 24–29.

References

1. Abramov V. I., Grigoriev V. V., Loginov E. L. Digital technologies for ensuring economic security in the public sector in conditions of systemic criminal and corruption manifestations. M., 2021.
2. Ageev A. I. Cryptocurrencies, markets and institutions // Economic strategies. 2018. Vol. 20. No. 1 (151). P. 94–107.
3. Dubrovin S. V., Glushkov A. I., Kazantsev S. Ya. et al. Fundamentals of the theory of forensic verification // Public service and personnel. 2022. No. 3. P. 150–157.
4. Mailyan S. S., Eriashvili N. D. On the permissibility of including digital law in the system of law and law enforcement in the RF // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 6. P. 399–402.
5. Raikov A. N. Digital economy: vulnerability to network attacks and the possibility of ensuring the stability of management // Problems of the market economy. 2017. No. 4. P. 4–10.
6. Shkuta A. A. Artificial intelligence in public administration bodies // Public service. 2017. Vol. 19. No. 5 (109). P. 24–29.

Научная статья

УДК 330.101

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-278-283>

ИПОН: 2003-0059-1/23-589

MOSURED: 77/27-003-2023-01-788

Мобилизационная экономика как приоритетная модель экономического развития в современных условиях

Георгий Варганович Гюев¹, Максим Ильич Комаров², Николай Николаевич Кузин³

^{1,2,3} Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

¹ gioev_g@mail.ru

² mogol.rus@mail.ru

³ nn.kuzin@mail.ru

Аннотация. Проведен краткий обзор дефиниций понятия «мобилизационная экономика». Рассмотрены содержание и характеристики мобилизационной экономики, перспективы ее развития.

Ключевые слова: мобилизационная экономика, ресурсы, норма накопления, фактор, концентрация, идеология, государство, синергия

Для цитирования: Гюев Г. В., Комаров М. И., Кузин Н. Н. Мобилизационная экономика как приоритетная модель экономического развития в современных условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 278–283. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-278-283>.

Original article

Mobilization economy as a priority model of economic development in modern conditions

Georgij V. Gioev¹, Maxim I. Komarov², Nikolay N. Kuzin³

^{1,2,3} St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia

¹ gioev_g@mail.ru

² mogol.rus@mail.ru

³ nn.kuzin@mail.ru

Abstract. A brief overview of the definitions of the concept of «mobilization economy» is carried out. The content and characteristics of the mobilization economy, prospects for its development are considered.

Keywords: mobilization economy, resources, accumulation rate, factor, concentration, ideology, state, synergy

For citation: Gioev G. V., Komarov M. I., Kuzin N. N. Mobilization economy as a priority model of economic development in modern conditions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):278–283. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-278-283>.

Сегодня одним из актуальных вопросов, обсуждаемых в научной среде, является феномен «мобилизационной экономики» и связанные с ним представления о «мобилизационной модели» (О. А. Котолупов, П. А. Хриенко), «мобилизационном режиме» (М. В. Воронов, Н. Г. Леонова, И. Г. Стамов), «мобилизационном типе развития» (А. Г. Фонотов), «мобилизационном развитии» (С. А. Баканов), «мобилизационной системе» (Дж. Спиро) и даже о «мобилизационном обществе» (В. Ю. Даренский). Обращение к данному вопросу можно объяснить, с одной стороны, складывающимися новыми реалиями, «новой нормальностью» и новым балансом сил между мировыми державами в результате трансформации одно-

полярного мира, а с другой, — очевидной на этом фоне малоэффективностью сложившихся в России с начала 90-х гг. экономических отношений.

Феномен «мобилизационной экономики» стал предметно обсуждаться уже с 1993 г. В работе «Россия: от мобилизационного общества к инновационному» А. Г. Фонотов выделяет особенности мобилизационной экономики через тип ее развития: «Развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм, будем называть мобилизационным типом развития» [10].

С. Ю. Глазьев в 1999 г., в рамках обсуждения темы: «Мобилизационная экономика: путь к процве-

танию или развалу России?», высказался следующим образом: «...мобилизационная экономика — это такая система регулирования экономической деятельности, которая позволяет обеспечить максимально полное использование имеющихся производственных ресурсов» [13].

Обсуждение рассматриваемой темы на площадке Челябинского государственного университета в 2010 г. выявило широкий разброс мнений относительно сущности мобилизационной экономики, который был охарактеризован как понятийный плюрализм (В. В. Седов). Так, П. А. Кюнг дал такое определение: «мобилизационная экономика — это государственная политика, которая подразумевает регулярные и чрезвычайные меры в экономике, которые нарушают существующие нормы и правила»; В. Н. Пармонов считает, что мобилизационная экономика — это «достижение обычных целей чрезвычайными мерами»; Е. Е. Баканов полагает, что «мобилизационная экономическая модель — это модель, в которой происходит концентрация всех ресурсов, людских, сырьевых, финансовых, политических, государственных для максимально эффективного достижения поставленной цели [4].

Продолжение обсуждения данной темы, которое состоялось там же спустя три года, позволило расширить границы понятийного аппарата мобилизационной экономики. Так, В. В. Седов, выделил такие принципы мобилизационной модели развития, как: 1) принцип целевой направленности политики; 2) принцип главного звена; 3) принцип достижения цели любой ценой; 4) принцип идеократизма; 5) принцип командности («монолитного единства»); 6) принцип сознательности и личной ответственности; 7) принцип сильной власти; 8) принцип дискретности. Высказал мнение о том, что «мобилизационная экономика — это экономика не прошлого, а будущего. Современный мир таит в себе множество угроз, ответом на которые могут стать мобилизационные меры». В. Л. Некрасов предлагает «воспринимать мобилизацию не только как феномен, возникающий при какой-либо угрозе (войне и т. п.), а как механизм координации в экономических системах». Г. А. Гончаров считает, что «мобилизационная модель развития экономики всегда реализуется на определенном этапе развития общества. Если государство находится в догоняющем состоянии, оно зачастую предпочитает мобилизационную модель,

ожидая от нее немедленной отдачи. Тем более это становится жизненно необходимым, когда угроза «не догнать» может перерасти в угрозу проиграть войну и потерять суверенитет [5].

М. В. Воронов, Н. Г. Леонова, И. Г. Стамов используют «термин «мобилизационная экономика» в самом широком смысле, а именно: мобилизационность означает нарушение существующих положений дел в жизни страны в целом при одновременной целенаправленной концентрации всех усилий в интересах поставленной цели; экономика воспринимается как система хозяйствования в своем доме. В этом случае более приемлемым представляется термин «мобилизационный режим укрепления РФ», однако ввиду широкого распространения устоявшегося термина «мобилизационная экономика» будем пользоваться им [3].

Актуальность рассматриваемого термина подтверждается и частотой обращения к нему пользователей Интернета. Так, если по состоянию на июль 2012 г. поиск по словосочетанию «мобилизационная экономика» выявил 4 тыс. результатов в Yandex и свыше 9,7 тыс. результатов в Google [9, с. 109], то на август 2022 г. нашелся уже 1 млн результатов в Yandex и примерно 126 тыс. результатов в Google (дата обращения 17 августа 2022 г.), т. е. налицо рост показателя за десять лет в 250 и 13 раз соответственно.

Теперь рассмотрим содержание, характеристики и перспективы мобилизационной экономики, ее место в экономике как таковой.

Если резюмировать приведенные выше определения термина «мобилизационная экономика», то можно сформулировать следующую констатацию: мобилизационная экономика — это одна из форм организации хозяйственной жизни общества, характеризующаяся предельной концентрацией ресурсов, сосредоточенностью на достижении жизненно важных целей в сложных небезопасных условиях внешней и внутренней среды.

Будучи одной из форм организации хозяйственной жизни общества, мобилизационную экономику можно считать ее особой разновидностью наряду с такими общепринятыми реализациями, как натуральное хозяйство или товарное производство. Обращение к данной форме организации хозяйства является мерой вынужденной, необходимой, призванной повысить управляемость и прочность структурных связей, обеспечить устойчивость ее развития, в первую очередь, в

системообразующих отраслях промышленности, сельского хозяйства, строительстве, транспорте и связи. Другими словами, речь идет об укреплении экономических отношений в предкризисный, кризисный либо посткризисный период ее развития.

При попытке формулирования характеристик мобилизационной экономики бесполезно обратиться к признанному авторитету в области экономического строительства Советского Союза, ученому и государственному деятелю Н. А. Вознесенскому, который выделил характерные признаки мобилизационной экономики в виде списка укрупненных мероприятий по мобилизации (перестройке):

- 1) производственных мощностей промышленно-сти, рабочих и инженерно-технических кадров;
- 2) материальных ресурсов сельского хозяйства и труда колхозного крестьянства;
- 3) транспорта;
- 4) строительных кадров и механизмов на строительство военных заводов и кооперированных с ними предприятий;
- 5) рабочей силы, переквалификация рабочих в промышленности и подготовка новых кадров взамен призванных в Советскую Армию;
- 6) продовольственных резервов страны;
- 7) средств населения и ресурсов народного хозяйства на финансирование Отечественной войны;
- 8) государственного аппарата для обеспечения мобилизации всех сил на нужды Отечественной войны [1].

Несмотря на привязку данных мероприятий к военному периоду, можно выделить следующие характерные черты мобилизационной экономики: во-первых, прямая ориентированность на ключевые направления развития материальной сферы — производство, сельское хозяйство, транспорт, строительство, продовольствие; во-вторых, повышение уровня ресурсообеспеченности: материалами, кадрами, финансами; в-третьих, включенность в мобилизационную работу государственного аппарата, т. е. организационно-координирующего фактора управления.

Интересно мнение относительно характеристик мобилизационной экономики известного российского экономиста В. Ю. Катасонова, который выделяет среди количественных характеристик, в первую очередь, «высокую норму накопления», под которой понимает «объем инвестиций в наращивание основ-

ного капитала (реального производства). Страны, которые в разное время демонстрировали экономическое чудо, как Германия или Япония после войны, увеличивали норму накопления. Она достигала у них 30–35 % и иногда 40 % от ВВП. В СССР после Великой Отечественной войны норма накопления была на уровне 25 %, а во время индустриализации, по оценкам экспертов, — 50–60 %».

Далее В. Ю. Катасонов, среди качественных характеристик, приводит максимальную защиту от внешних факторов, как-то: падение цен на нефть, мировые финансовые кризисы, через механизм введения «монополии на внешнюю торговлю и операции с валютой». Здесь же им перечисляются: «централизованное управление, максимальное вмешательство государства в экономику, увеличение доли государственных предприятий, особенно в сфере производства средств производства», а также планирование на среднесрочную и долгосрочную перспективу с преимущественным использованием натуральных показателей перед стоимостными. При этом он допускает «сочетание мобилизационной экономики с рыночными отношениями» [6].

Т. В. Мартыненко выделяет в качестве характеристик мобилизационной экономики такие меры органов власти, как: «усиление государственной поддержки промышленности на стратегически важных направлениях, способных обеспечить России конкурентные преимущества; расширение спектра продукции, замещающей импортную продукцию в наиболее значимых отраслях экономики (станкостроение, машиностроение, электроника, двигателестроение и др.); уменьшение зависимости рубля от иностранной валюты в международной торговле» [7].

В сходном ключе рассуждают И. С. Харченко, Л. И. Харченко, В. Е. Иванов, Д. Е. Иванова, давая уже оценочные характеристики «мобилизационному механизму, [который], концентрируя материальные, трудовые и финансовые ресурсы на главных прорывных направлениях, давал возможность в кратчайшие по историческим меркам сроки достигать стратегических целей и задач политического и социально-экономического характера». Ученые в качестве примера приводят результаты проведенной перед войной индустриализации страны. «Она осуществлялась фантастически высокими темпами, что позволило преодолеть вековую отсталость и превратиться в первоклассную промышленную державу. В 1913 г. доля

России в мировом промышленном производстве составляла порядка 4 %, а в 1937 г. — уже 10 %. За 1928–1941 гг. в СССР было построено 364 новых города и введено в действие 9 тыс. крупных промышленных предприятий». Более того, на их взгляд «преимущества и эффективность мобилизационных мер сказались в ходе Великой Отечественной войны», а «мобилизационная модель управления и организации помогла быстро восстановить разрушенное войной народное хозяйство страны. Но особенно ее преимущества сказались при реализации атомного и космического проектов, закрепивших за СССР статус сверхдержавы, научно-технического и технологического лидера». И делают вывод о том, что «в современных условиях практическое использование мобилизационной модели организации и управления встрянуло бы систему, придало бы нужную динамику в решения экономических, социальных и других проблем. Если не повсеместно, то в ряде отраслей и сферах экономики они просто необходимы» [8].

Суммируя высказанные мнения, можно выделить основные характеристические черты мобилизационной экономики. Несомненно, к этим характеристикам можно отнести: главенствующую роль государства во всех основных отраслях (секторах) экономики (станкостроение, машиностроение, электроника, двигателестроение и др.); концентрацию ресурсов (кадровых, материальных, финансовых, информационных и др.), централизацию управления с организацией среднесрочного и долгосрочного планирования с преимущественным использованием натуральных показателей перед стоимостными и координацию работы подавляющего большинства хозяйствующих субъектов, включая и предприятия так называемого малого бизнеса.

Данный перечень является, конечно, далеко не исчерпанным, и, на наш взгляд, его можно расширить как минимум за счет еще одной характеристики — мобилизационной идеологии. По словам В. Ю. Даренского, в ее рамках «Россия должна действовать по тому алгоритму духовно нравственной и социальной мобилизации, который был отработан нашими великими предками и уже не раз спасал страну. Решающим фактором мобилизации является человеческий ресурс — отбор людей». И далее: «Высшей целью общества является не экономическое развитие, а создание более сложного и содержательного типа личности», которым может слу-

жить «...традиционный тип русского человека, homo russicus» [2].

Каковы перспективы развития мобилизационной экономики?

Ряд экономистов сходятся во мнении, что «мобилизация — это приведение в движение, активизация хозяйственной жизни» [14], а в качестве механизма, посредством которого может быть осуществлен переход к мобилизационной модели экономики, предлагается избрать «Обязательный Государственный Заказ (ОГЗ)». Как представляется, «он планируется, в том числе «снизу» по запросу бизнеса в номенклатуре, и распределяется по предприятиям в плановом порядке независимо от форм собственности на производство продукции, имеющей стратегическое значение для экономической, социальной, политической и военной безопасности страны» [12].

Кроме того, выбор мобилизационной формы организации экономики воспринимается как средство решения системных проблем: «для форсированного выхода из системного кризиса, необходимо на переходный период использовать мобилизационную модель экономики, что неоднократно подтверждалось успешной антикризисной деятельностью ряда государств. ...Экономическая мобилизация дает возможность концентрации государственных и частных ресурсов для решения задач на приоритетных стратегических направлениях управляемого развития отечественной экономики, уходу от экспортно-сырьевой зависимости и обеспечению национальной безопасности».

Г. М. Гатауллин, рассуждая о синергетических эффектах применительно к мобилизационной экономике Советского Союза, выдвинул важный, более того, принципиальный тезис: «Нам всегда говорили, что специализация и разделение — источник эффективности. Однако соединение и кооперация — также источник эффективности. Какая комбинация выгоднее — зависит от конкретных условий. В условиях СССР именно соединение и кооперация были эффективнее, нежели обмен и конкуренция; они и превалировали в хозяйстве». И далее, заключает, что «кроме конкуренции, есть и другие движущие силы хозяйства — синергетические эффекты от соединения разных сторон хозяйства не с целью получения прибыли от купли-продажи произведенной продукции, а для совместного использования в общих целях разных сторон так организованного хозяйства [11].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1) феномен мобилизационной экономики, имеющий почти 20-летний период исследования, до сих пор так и не получил единого толкования ввиду как многозначности и многоаспектности самого понятия, так и несостоявшегося консенсуса между различными научными школами и направлениями. Такое состояние может быть охарактеризовано как понятийный плюрализм;

2) в авторской трактовке мобилизационная экономика — это одна из форм организации хозяйственной жизни общества, характеризующаяся предельной концентрацией ресурсов, сосредоточенностью на достижении жизненно важных целей в сложных небезопасных условиях внешней и внутренней среды;

3) ключевыми характеристиками мобилизационной экономики можно считать: доминирование государства в отраслях, занимающих в экономике стратегические высоты; концентрация ресурсов в руках федерального правительства; централизация управления и планирования с преимущественным использованием в учетной политике натуральных показателей перед стоимостными; тесная координация и строгий контроль за работой подавляющего числа хозяйствующих субъектов;

4) в условиях мобилизационной экономики соединение и кооперация, являясь маркерами такого хозяйства, дают гораздо больший эффект, в отличие от обмена и конкуренции;

5) мобилизационную экономику следует рассматривать во взаимосвязи мобилизационной идеологией, так как перевод экономики на усиленный (форсированный) режим работы в масштабе страны требует разъяснений и поддержки как со стороны руководящих работников, так и со стороны гражданского персонала и служащих государственных учреждений;

6) предлагается механизм перехода к мобилизационной модели экономики через возрождение госзаказа под названием «Обязательный Государственный Заказ». Его формирование видится «снизу» по запросу бизнеса, и далее распределяется по предприятиям на производство продукции, имеющей стратегическое значение.

Список источников

1. Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М. : ОГИЗ, 1948.

2. Даренский В. Ю. Идеология цивилизационного суверенитета России (в контексте отношений Россия – Запад) // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения, 2020. Т. 4. Вып. 1. С. 51–62.

3. Воронов М. В., Леонова Н. Г., Стамов И. Г. Критерии перехода к мобилизационной экономике // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021.

4. Мобилизационная экономика: понятие, его границы и содержание. Круглый стол // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 15 (196). Вып. 40. С. 142–147.

5. Мобилизационное развитие и его компоненты. Круглый стол // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 6 (297). Вып. 54. С. 127–132.

6. Иванов А. Мобилизационная экономика: какой она может быть? // URL://<https://svpressa.ru/economy/article/102320/>

7. Мартыненко Т. В. Мобилизационная экономика: актуальна ли она для современной России? // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1. С. 151–155.

8. Харченко И. С., Харченко Л. И., Иванов В. Е., Иванова Д. Е. Мобилизационная экономика: история и современность // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 146–153.

9. Фокин А. А. Мобилизационная экономика за пределами науки: рецепция термина в Рунете // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Челябинск, 2012. С. 107–113.

10. Фонотов А. Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993.

11. Гатауллин Т. М. Синергетические эффекты и конкуренция // Вестник Университета. 2013. № 16. С. 148–151.

12. Котолупов О. А., Хриенко П. А. Стратегическое планирование — основа управляемого развития экономики // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-planirovanie-osnova-upravlyaemogo-razvitiya-ekonomiki/>

13. Круглый стол «Мобилизационная экономика: путь к процветанию или развалу России?» // URL://<http://rusotechstvo.narod.ru/finansy/f49.html>.

14. Черемисинов Г. А. Столетие мобилизационного развития российской экономики // Изв. Саратовского государственного университета. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17. Вып. 4. С. 368–389.

References

1. Voznesensky N. A. The military economy of the USSR during the Patriotic War. M. : OGIZ, 1948.
2. Darensky V. Yu. Ideology of civilizational sovereignty of Russia (in the context of Russia – West relations) // Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International Relations, 2020. Vol. 4. Issue 1. P. 51–62.
3. Voronov M. V., Leonova N. G., Stamov I. G. Criteria of transition to the mobilization economy // Russia: trends and prospects of development. 2021.
4. Mobilization economy: the concept, its boundaries and content. Round table // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2010. No. 15 (196). Issue 40. P. 142–147.
5. Mobilization development and its components. Round table // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2013. No. 6 (297). Issue 54. P. 127–132.
6. Ivanov A. Mobilization economy: what can it be? // URL://https://svpressa.ru/economy/article/102320/
7. Martynenko T. V. Mobilization economy: is it relevant for modern Russia? // State and municipal administration. Scientific notes. 2021. No. 1. P. 151–155.
8. Kharchenko I. S., Kharchenko L. I., Ivanov V. E., Ivanova D. E. Mobilization economy: history and modernity // State and municipal administration. Scientific notes. 2021. No. 3. P. 146–153.
9. Fokin A. A. Mobilization economy beyond science: reception of the term in Runet // Mobilization model of economy: historical experience of Russia of the twentieth century. Chelyabinsk, 2012. P. 107–113.
10. Fonotov A. G. Russia: from a mobilization society to an innovative one. M., 1993.
11. Gataullin T. M. Synergetic effects and competition // Bulletin of the University. 2013. No. 16. P. 148–151.
12. Kotolupov O. A., Khrienko P. A. Strategic planning — the basis of managed economic development // URL://https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-planirovaniye-osnova-upravlyayemogo-razvitiya-ekonomiki/
13. Round table «Mobilization economy: the path to prosperity or the collapse of Russia?» // URL://http://rusotechestvo.narod.ru/finansy/f49.html .
14. Cheremisinov G. A. Centenary of mobilization development of the Russian economy // Izv. Sarat. unta. Nov. ser. Ser. Economy. Management. Right. 2017. Vol. 17. Issue 4. P. 368–389.

Информация об авторах

Г. В. Гюев — профессор кафедры финансово-хозяйственной деятельности Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор экономических наук, доцент;

М. И. Комаров — начальник кафедры финансово-хозяйственной деятельности Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат экономических наук, доцент;

Н. Н. Кузин — доцент кафедры финансово-хозяйственной деятельности Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат технических наук, доцент.

Information about the authors

G. V. Guev — Professor of the Department of Financial and Economic Activity of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor;

M. I. Komarov — Head of the Department of Financial and Economic Activity of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor;

N. N. Kuzin — Associate Professor of the Department of Financial and Economic Activity of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.12.2022; одобрена после рецензирования 16.01.2023; принята к публикации 03.02.2023.

The article was submitted 07.12.2022; approved after reviewing 16.01.2023; accepted for publication 03.02.2023.

Научная статья
УДК 65.013
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-284-289>
NIJON: 2003-0059-1/23-590
MOSURED: 77/27-003-2023-01-789

Корпоративные программы по повышению качества человеческих ресурсов как направление КСО¹ в рамках устойчивого развития компании

Татьяна Михайловна Гололобова

Научно-исследовательский институт образования и науки, Москва, Россия, t.gololobova@gmail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема повышения качества человеческих ресурсов посредством использования направленной деятельности КСО, в виде вложения инвестиций в сотрудников, в их здоровье и благополучие. Указывается, что данная деятельность формирует новую ценностную парадигму и ориентацию бизнеса, которая повышает привлекательность компаний, их устойчивое развитие и успешность в своем сегменте бизнеса. Отдельно рассматривается организационная культура компании, которая определяет качество работы персонала, вовлеченность сотрудников и их преданность организации, представляющая собой ядро бизнес-среды, детерминирующей создание ценностной модели функционирования этой среды. Представлена модель создания бизнес-системы по внедрению программ КСО на основе корпоративной культуры компании. В заключении приводятся результаты формирующегося тренда устойчивого развития компании с использованием направленной деятельности КСО.

Ключевые слова: инвестиции, сотрудники, КСО, корпоративная/организационная культура, здоровье, качество человеческих ресурсов, благополучие персонала, модель, бизнес-среда

Для цитирования: Гололобова Т. М. Корпоративные программы по повышению качества человеческих ресурсов как направление КСО в рамках устойчивого развития компании // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 284–289. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-284-289>.

Original article

Corporate programs for improvement of the quality of human resources as a CSR direction within the framework of the company's sustainable development

Tatiana M. Gololobova

Scientific-Research Institute of Education and Science, Moscow, Russia, t.gololobova@gmail.ru

Abstract. The article deals with the problem of improving the quality of human resources through the use of CSR activities, in the form of investments in employees, in their health and well-being. It is indicated that this activity forms a new value paradigm and business orientation, which increases the attractiveness of companies, their sustainable development and success in their business segment. Separately, the organizational culture of the company is considered, which determines the quality of staff work, employee engagement and their dedication to the organization, which is the core of the business environment that determines the creation of a value model for the functioning of this environment. The model of creating a business system for the implementation of CSR programs based on the corporate culture of the company is presented. In conclusion, the results of the emerging trend of sustainable development of the company using CSR activities are presented.

Keywords: investments, employees, CSR, corporate/organizational culture, health, quality of human resources, staff well-being, model, business environment

For citation: Gololobova T. M. Corporate programs for improvement of the quality of human resources as a CSR direction within the framework of the company's sustainable development. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):284–289. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-284-289>.

В недавнем прошлом крупнейшие корпорации в качестве основной цели своего развития обозначали максимизацию прибыли. В настоящее время корпоративные цели все чаще фокусируются на вкладе в развитие и благополучие людей, общества, стран и т. д. Инвестиции направляются в «зеленую» экономику, КСО, общество, а не только на получение сверхприбыли и обслуживание финансовых интересов корпораций и их акционеров. В долгосрочной перспективе

залогом успеха станут инвестиции в благополучие общества и сотрудников, способствующие повышению качества человеческих ресурсов, определяющего,

¹ КСО (корпоративная социальная ответственность) — концепция, в соответствии с которой организация учитывает интересы общества, сотрудников, возлагая на себя ответственность за влияние их деятельности на внутреннюю и внешнюю среду, дополнительно вкладывается в своих работников, окружающую среду, территорию присутствия.

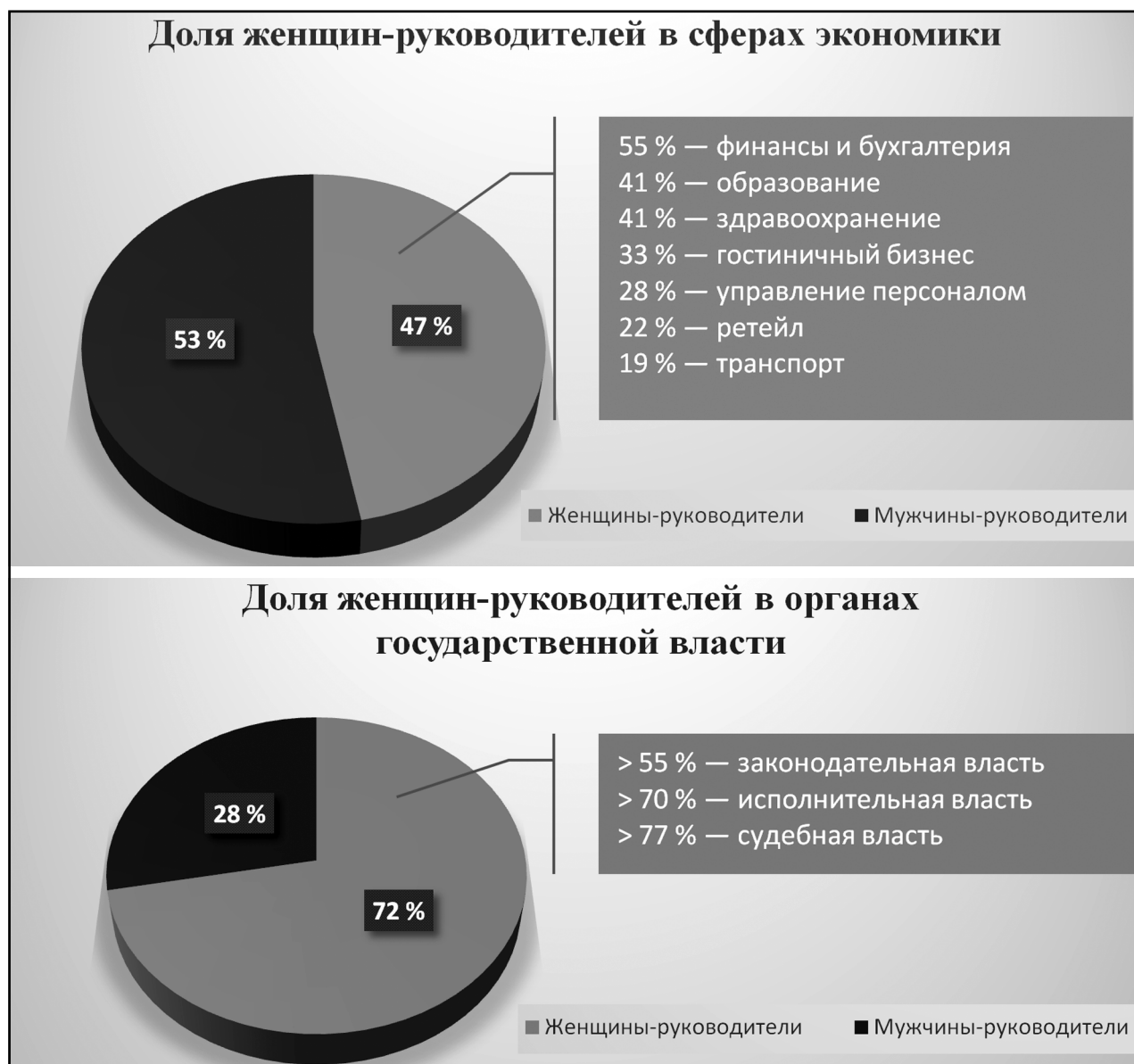
в свою очередь, конкурентоспособность корпораций/организаций/предприятий/фирм/компаний. Иными словами, развитие тренда вложения инвестиций в сотрудников в условиях нестабильности, сложности, неопределенности и неоднозначности, формирует новую ценностную парадигму и ориентацию бизнеса, представляющую одно из направлений деятельности КСО в контексте повышения, в частности, привлекательности организаций.

Тенденции направленности внедряемых программ КСО

В предыдущих своих работах [2; 3], рассматривая мегатренды будущего и их влияние на процессы

управления через призму гендерных особенностей, а также учитывая тенденцию расширения участия женщин-руководителей в различных сферах экономики и органах государственной власти (рис. 1), мы обнаружили некоторые тенденции, фокусирующие направленность внедряемых программ КСО в рамках устойчивого развития компаний.

Постоянно повышающиеся требования к индивидуально-психологическим и интеллектуальным характеристикам персонала, к скорости их восприятия, реагированию, быстроте принятия решений и т. д., формируют все большие риски психологической дезадаптации, угрозы для здоровья сотрудников (в том числе, ментального), создавая постоянный стрессоген-

Составлено автором по материалам источника [8].

Рис. 1. Отраслевое распределение женщин-руководителей в сферах экономики и органах государственной власти

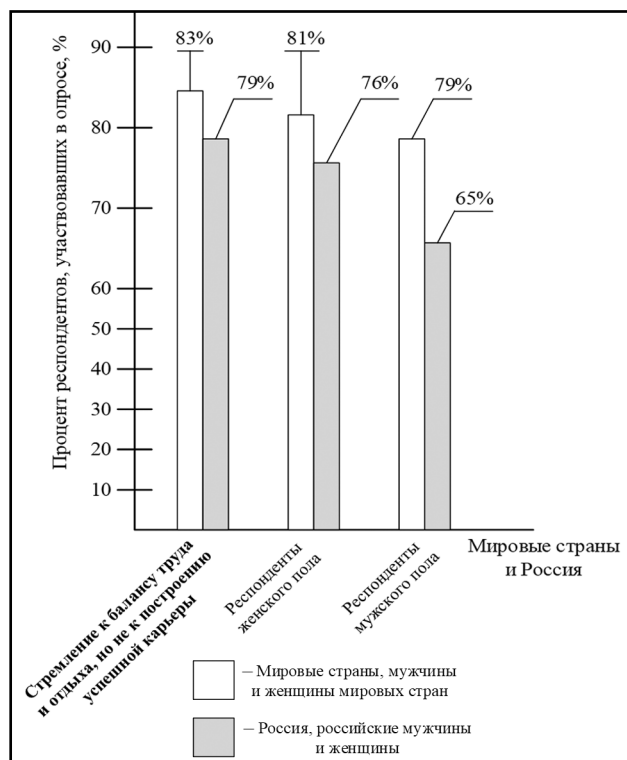
ный контент, переходящий в такие заболевания, как депрессия, тревожное расстройство, синдром эмоционального выгорания и др. Несмотря на это, корпорации не всегда осознают свое возрастающее влияние на здоровье экономически активного населения. Однако, в своем исследовании М. Безуглова констатирует тот факт, что «...ментальное здоровье и управление стрессом все чаще становятся фокусом корпоративных программ благополучия персонала» [1, с. 43].

Таким образом, можно прийти к заключению о том, что в основе устойчивого успеха и развития компаний в долгосрочной перспективе будут находиться инвестиции в сотрудников и общество, соответствующая базовым ценностям и потребностям людей. Более того, привлекательность компании, в которой провозглашаются ценностями благополучие и здоровье персонала напрямую коррелирует с ее успешностью в своем сегменте бизнеса.

Современный технологичный мир быстро меняясь способствует формированию различных потребностей, одной из которых является потребность в заботе о здоровье. Исходя из этого, приведем результаты интересного международного исследования по источникам счастья. В современном мире, по

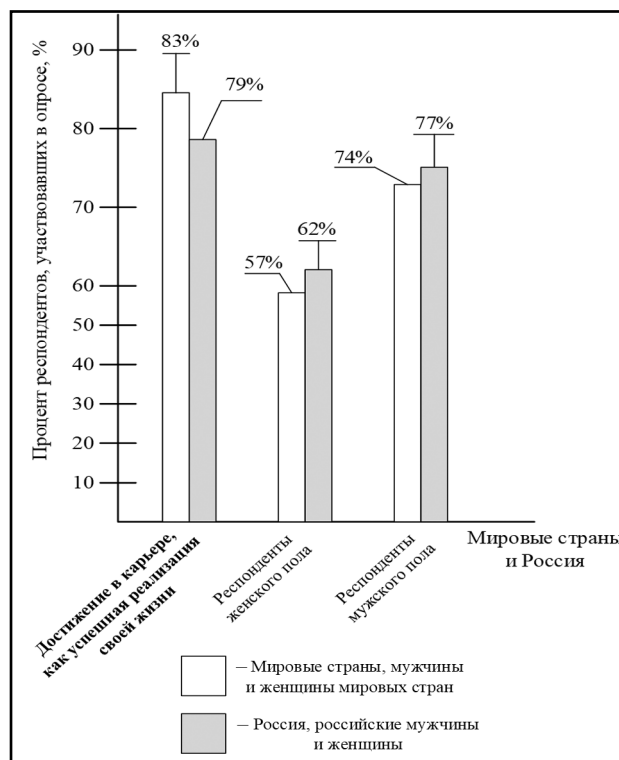
мнению 89 % опрошенных из 33 стран, именно здоровье является важнейшим источником счастья [11].

Вполне очевидно, что руководство компаний посредством реализации различных корпоративных программ КСО, способствующих улучшению, например, условий труда, повышения благополучия и заботы о здоровье сотрудников, может повысить вовлеченность персонала, привлечь более профессиональные кадры или удержать их, снижая при этом различные риски. Так, согласно результатам проведенного исследования по выявлению приоритетов в жизни среди руководителей и сотрудников различных компаний и организаций мужского и женского пола, были выявлены интересные тенденции в доминировании целеполагания в жизнедеятельности. В частности, стремление к балансу труда и отдыха, а не к построению успешной карьеры выражают в среднем 80 % респондентов с преобладанием участников женского пола (81 % женщин в мире и 76 % в России) (рис. 2а). При этом менее половины респондентов (в среднем 40 %) связывают успешную реализацию своей жизни с достижениями в карьере (57 % женщин в мире и 62 % в России; 71 % мужчин в мире и 68 % в России) (рис. 2б).

Составлено автором по материалам источника [8; 11].

Рис. 2а. Гистограмма ответов респондентов разного пола по выявлению баланса труда и отдыха по отношению к построению успешной карьеры

Составлено автором по материалам источника [8; 11].

Рис. 2б. Гистограмма ответов респондентов разного пола по выявлению факторов успешности в реализации своей жизни

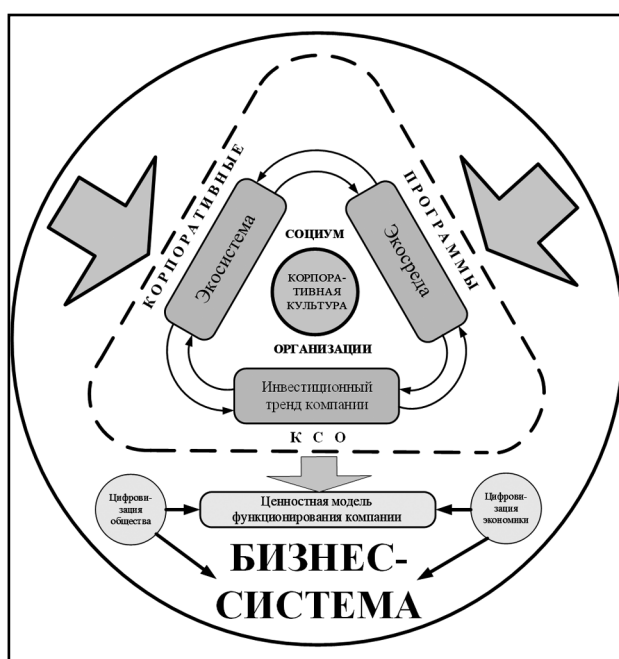
В этом плане достаточно много исследований демонстрируют и подтверждают факт существенного возврата инвестиций, связанного с областью здоровья (ROT) [1]. Это способствует тому, что привлекательность компании, для которой здоровье становится наивысшей ценностью, повышая благополучие персонала и активно способствуя вложению инвестиций в сотрудников, оказываются более конкурентоспособными.

**Организационная культура —
основа инвестиционного тренда компаний
по повышению качества человеческих ресурсов**

Для устойчивого результата внедряемых программ КСО, их необходимо имплементировать в организационную культуру компании, посредством которой определяется качество работы персонала, его преданность компании, вовлечение сотрудников всех уровней, включая топ-менеджмент, в ценностную парадигму здоровья и благополучия. Организационная культура, включая развитие персонала, формирует фокус на его благополучие, при этом гармонизируя ценности компании и сотрудника(ов) [9]. Приверженность здоровому образу жизни и соблюдению баланса работы и отдыха, созданию мотивационной среды для поддержания ментального здоровья, демонстрируются, прежде всего, топ-менеджерами и лидерами организации, которые являются (и воспринимаются) носителями корпоративной культуры. Именно такое взаимодействие позволит защитить персонал от изменчивости и неопределенности современного мира в целом и корпоративной среды в частности, повысив его адаптивность и стрессоустойчивость. Снижение влияния факторов риска, повышение осознанности, рост ответственности сотрудников возможны посредством обеспечения комфортной внутренней среды в процессе производственной деятельности.

Отмечая роль и значение организационной культуры в современном инвестиционном тренде компаний, необходимо отметить следующее. Являясь ядром любой бизнес-системы и трансформируясь в связи с цифровизацией жизни общества и экономики [10], корпоративная культура, безусловно, приобретает такую форму, которая будет способствовать созданию ценностной модели функционирования бизнес-среды компаний с опорой, в частности, на вложение инвестиций в сотрудников. При этом, создавая

для данного процесса определенные условия (эко-среду) и систему взаимодействия (экосистему), через которые будут, не только преломляться внедряемые программы КСО, но и определяться их выбор, объем потребления, формы взаимодействий и взаимоотношений сотрудников в компании. Создаваемый при этом социум организации, ее экосистема будут характеризоваться единым концептуальным подходом, в основе которого будет находиться определенная ценностная парадигма, разделяемая персоналом и подкрепляемая корпоративной культурой, тем самым способствуя совместной «ценностной эволюции» компании (рис. 3).

Составлено автором по материалам исследования.

Рис. 3. Модель создания бизнес-системы по внедрению программ КСО на основе корпоративной культуры компании

Организационные экосистемы, реализующие программы КСО, преуспевают в своем качественном изменении за счет развития своих сотрудников через сознательное «воспитание» сообщества единомышленников [7]. Именно поэтому корпоративные программы по повышению качества человеческих ресурсов предлагается рассматривать, во-первых, как способ реализации направления КСО и, во-вторых, как способ решения конкретных бизнес-задач, включающих в себя и приверженность персонала через актуальность, возможность выбора, доступность для сотрудников средств сохранения здоровья и благополучия.

Методология формирования ценностной парадигмы здоровья и благополучия персонала компании

Процесс формирования организационно-ценностной среды компании включает в себя четыре основных этапа, определяющих методологию ее становления [1; 4; 5] (рис. 4):

- ◆ рождение;
- ◆ расширение и внедрение;
- ◆ лидерство и доминирование;
- ◆ самообновление.

На рис. 4 представлены этапы и их реализация в деятельности компании, которые способствуют формированию ценностной парадигмы здоровья и благополучия персонала.

Заключение

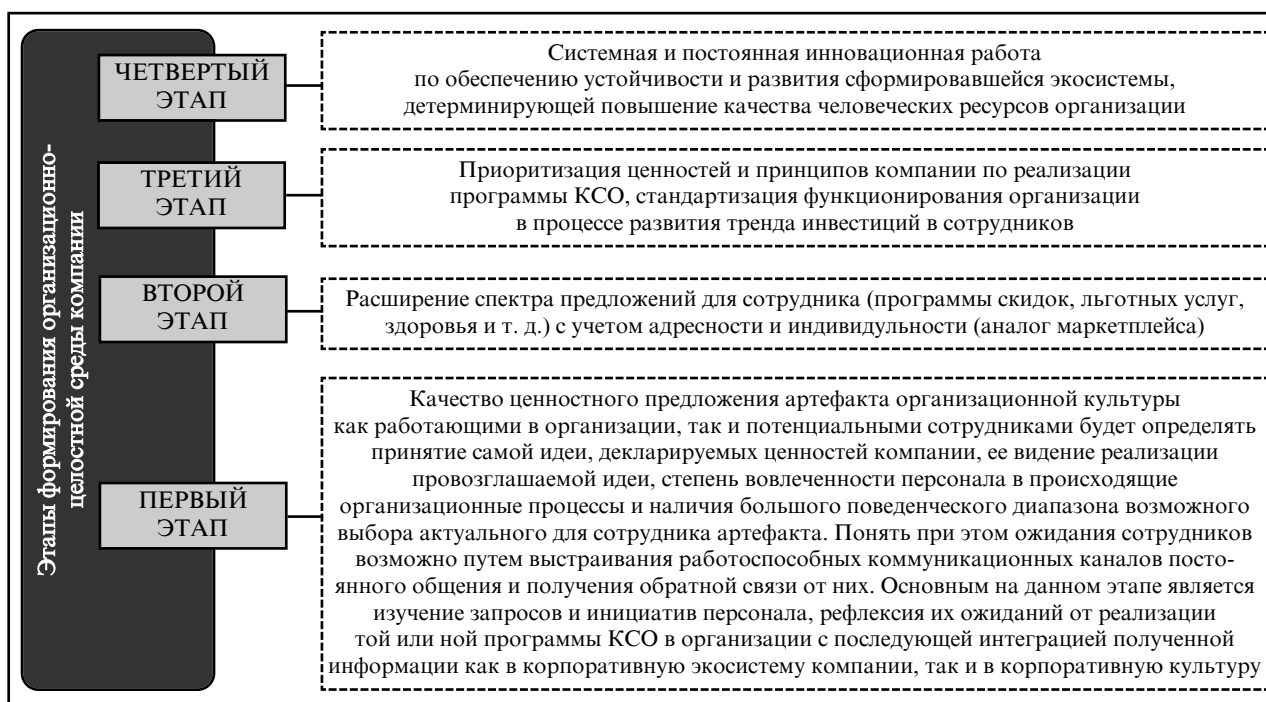
Таким образом, трансформация механизмов, инструментов и артефактов [более подробно см.: 6] организационной культуры с целью создания ценностной модели функционирования бизнес-среды компании с опорой на вложения инвестиций в сотрудников, как одного из направлений КСО, позволит:

- ◆ повысить качество и эффективность управления компанией;
- ◆ оптимизировать каналы коммуникаций и механизмы контроля;

- ◆ усилить корпоративный бренд;
- ◆ расширить возможности для большего вовлечения персонала в организационные процессы;
- ◆ снизить стресс-факторы;
- ◆ усилить адресность индивидуального стимулирующего влияния на сотрудников;
- ◆ увеличить диапазон артефактов ценностного предложения по реализации внедряемых программ КСО и формированию ценностной парадигмы здоровья и благополучия персонала, по повышению качества человеческих ресурсов в рамках устойчивого развития компании.

Список источников

1. Безуглова М. Wellbeing как ДНК корпоративной культуры // Business Excellence. 2020. № 5. С. 41–46.
2. Гололобова Т. М. Особенности женского стиля управления компаниями // Вестник университета. 2021. № 12. С. 5–9.
3. Грошев И. В., Гололобова Т. М. Мегатренды будущего и их влияние на процессы управления: гендерные особенности // E-Management. 2022. Т. 5. № 4. С. 90–97.
4. Грошев И. В., Жерегеля А. В., Школьный Д. В. Менеджмент организационной культуры в условиях цифровизации предприятий // Управление. 2019. Т. 7. № 1. С. 94–101.

Составлено автором по материалам источника [1].

Рис. 4. Процесс формирования организационно-ценностной среды компании

5. Грошев И. В., Коблов С. В. От корпоративной культуры к корпоративной экосистеме в условиях digital-эпохи // Менеджмент в России и за рубежом. 2022. № 5. С. 41–49.

6. Грошев И. В., Краснослободцев А. А. Организационная культура. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2013.

7. Кармазин Т. Корпоративная культура digital-эпохи: маркетплейс в экосистеме // Business Excellence. 2021. № 4. С. 27–32.

8. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации (2018–2020): стат. сб. М. : Росстат, 2018–2020.

9. Ци Жунчао. Влияние организационной культуры на эффективность деятельности предприятий // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 1. С. 119–123.

10. Ци Жунчао. Управленческая культура как часть организационной культуры в формировании и реализации стратегии организации // Вестник университета. 2021. № 4. С. 25–31.

11. Women in Business 2020: Putting the Blueprint into action International. New York, 2020.

References

1. Bezuglova M. Wellbeing as the DNA of corporate culture // Business Excellence. 2020. No. 5. P. 41–46.

2. Gololobova T. M. Features of the female style of company management // Bulletin of the University. 2021. No. 12. P. 5–9.

3. Groshev I. V., Gololobova T. M. Megatrends of the future and their impact on management processes: gender characteristics // E-Management. 2022. V. 5. No. 4. P. 90–97.

4. Groshev I. V., Zheregelya A. V., Shkolny D. V. Management of organizational culture in the conditions of digitalization of enterprises // Management. 2019. V. 7. No. 1. P. 94–101.

5. Groshev I. V., Koblov S. V. From corporate culture to corporate ecosystem in the digital era // Management in Russia and abroad. 2022. No. 5. P. 41–49.

6. Groshev I. V., Krasnoslobodtsev A. A. Organizational culture. M. : UNITY-DANA, 2013.

7. Karmazin T. Corporate culture of the digital era: marketplace in the ecosystem // Business Excellence. 2021. No. 4. P. 27–32.

8. Regions of Russia. Main characteristics of the constituent entities of the Russian Federation (2018–2020): stat. Sat. M. : Rosstat, 2018–2020.

9. Qi Rongchao. Influence of organizational culture on the efficiency of enterprises. Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2020. No. 1. P. 119–123.

10. Qi Rongchao. Management culture as a part of organizational culture in the formation and implementation of an organization's strategy. Bulletin of the University. 2021. No. 4. P. 25–31.

11. Women in Business 2020: Putting the Blueprint into action International. New York, 2020.

Информация об авторе

Т. М. Гололобова — соискатель Научно-исследовательского института образования и науки.

Information about the author

T. M. Gololobova — Applicant of the Scientific-Research Institute of Education and Science.

Статья поступила в редакцию 29.12.2022; одобрена после рецензирования 18.01.2023; принята к публикации 03.02.2023.

The article was submitted 29.12.2022; approved after reviewing 18.01.2023; accepted for publication 03.02.2023.

Научная статья

УДК 338.2

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-290-292>

NPON: 2003-0059-1/23-591

MOSURED: 77/27-003-2023-01-790

К вопросу об обеспечении экономической безопасности регионов России

Владимир Артурович Кайтмазов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, Vk13289@yandex.ru

Аннотация. Обосновывается концепция обеспечения экономической безопасности регионов России. Рассматривается позиция, согласно которой экономическая безопасность региона реализуется через его способность противодействовать внутренним и внешним угрозам с целью обеспечения реализации экономических интересов региона при эффективном использовании конкурентных преимуществ.

Ключевые слова: регион, региональная политика, экономическая безопасность регионов, институциональная основа

Для цитирования: Кайтмазов В. А. К вопросу об обеспечении экономической безопасности регионов России // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 290–292. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-290-292>.

Original article

To the question of ensuring the economic security of Russian regions

Vladimir A. Kaitmazov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, Vk13289@yandex.ru

Abstract. The concept of ensuring the economic security of the regions of Russia is substantiated. The article considers the position according to which the economic security of the region is realized through its ability to counter internal and external threats in order to ensure the realization of the economic interests of the region with the effective use of competitive advantages.

Keywords: region, regional policy, economic security of regions, institutional framework

For citation: Kaitmazov V. A. To the question of ensuring the economic security of Russian regions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):290–292. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-290-292>.

Основой обеспечения экономической безопасности является степень независимости и способность региона проводить собственную экономическую политику с учетом своих особенностей, где первым этапом является децентрализация, распределение административных функций между централизованной государственной властью и региональной администрацией.

Децентрализация дает импульс экономическому развитию регионов, повышению конкурентоспособности хозяйствующих субъектов, улучшению качества и уровня жизни населения в регионах.

Независимо от начатого реформирования государственной системы управления региональным развитием в России, внедрение новых подходов к стимулированию развития территорий и современных механизмов по-прежнему остается в основном декларативными, а отношения на уровне «центр–реги-

он–территория» устанавливаются под строгим контролем государства.

Таким образом, опыт в отношении политики укрепления экономической безопасности регионов имеет огромное значение и ценность.

Исследование теоретических и методологических основ и разработка методических и практических предложений по обеспечению экономической безопасности регионов России в настоящее время приобретают особую значимость.

Исследование проблем региональной экономической безопасности проводилось многими учеными.

Среди отечественных ученых следует выделить, в частности, тех, кто акцентирует внимание на проблемах определения и механизмах обеспечения экономической безопасности региона; изучает ряд ключевых проблем относительно оптимального механизма обеспечения экономической безопасности регионов

© Кайтмазов В. А., 2023

России; подчеркивает безопасность структурных и институциональных трансформаций экономики в регионе. Некоторые ученые, в частности, видят проблему в установлении экономической безопасности региона через реализацию его экономических интересов как условия обеспечения регионального развития. Процесс укрепления экономической безопасности регионов изучается в контексте перспектив социально-экономического развития регионов.

Вопрос экономической безопасности регионов рассматривается с точки зрения укрепления внешнеэкономической безопасности, международного экономического сотрудничества и т. д.

Независимо от имеющихся исследований, инициированных реформированием государственной системы управления региональным развитием в России, укреплению экономической безопасности регионов, в частности, ее правовому и финансовому обеспечению, не уделяется достаточного внимания. В этом контексте исследование проблем обеспечения экономической безопасности регионов России становится еще более актуальным.

Экономическая безопасность региона реализуется через его способность противодействовать внутренним и внешним угрозам с целью обеспечения реализации экономических интересов региона при эффективном использовании конкурентных преимуществ.

Интенсификация региональной интеграции в современных условиях сопровождается усилением влияния на состояние экономической безопасности регионов внешней среды, которая характеризуется высоким уровнем организационной сложности, нестабильности и неопределенности. Укрепление экономической безопасности региона – участника международных отношений зависит от уровня его адаптационной способности к внешним вызовам и способности максимально эффективно использовать возможности и преимущества международного сотрудничества.

Экономическая безопасность региона реализуется через изменение состояний экономической системы региона, которые характеризуют ее способность противостоять внутренним и внешним угрозам, с целью обеспечения реализации экономических интересов региона с эффективным применением конкурентных преимуществ.

Смена биполярного глобального порядка на многополярный не уменьшила количества вызовов

государствам, а лишь переформатировала систему их внешних отношений и безопасности.

Проблемы региональной безопасности в современных условиях включают в себя проблему военного и этнического характера, конфликты, политическое, экономическое и военное взаимодействие, создание и роспуск межгосударственных и международных объединений.

Безопасность субнациональных объединений включает в себя совокупность элементов национальной безопасности, факторов региональной системы международных отношений и пространственно-временных мер по их реализации.

Безопасность отдельных участников региональной системы в основном рассматривается как комплекс мер по устранению внутренних и внешних угроз. Многие европейские государства, в частности так называемые «новые демократии», обладают весьма ограниченными собственными силовыми ресурсами для обеспечения безопасности. Для организации обеспечения собственной безопасности им объективно приходится создавать определенные формы коалиций, союзов или региональных ассоциаций. Таким образом, региональная безопасность основывается на общих усилиях членов интеграционных объединений и имеет бинарный характер: с одной стороны, это фактор стабильности и безопасности региона в целом, а с другой, — гарантия безопасности каждого члена в частности.

Региональная безопасность в современных условиях предполагает одновременно определенный уровень региональной идентификации, который охватывает не только военные или политические аспекты, но и культурные и ментальные особенности сотрудничества и взаимодействия между участниками региональных образований.

Эффективность защиты интересов в рамках регионального или межрегионального объединения зависит от способности регионов–участников совместно противостоять внутренним и внешним угрозам, экономическим и институциональным противоречиям во взаимоотношениях различных уровней. Экономическая безопасность субнационального уровня зависит от уровня согласованности интересов всех участников, соответствия их интересов интересам каждого участника в отдельности и общим целям в целом.

Разрабатывая стратегию участия государства или региона в межрегиональном сотрудничестве в

области безопасности, следует согласовать ее с основными программными документами международного, национального и регионального уровня.

Такая стратегия должна стать основой для разработки среднесрочных и краткосрочных программ экономического и социального развития отдельного региона — участника ассоциации.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» // URL://http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/
2. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: официальное издание. М. : Проспект, 2016.

Bibliographic list

1. Decree of the President of the Russian Federation dated May 13, 2017 No. 208 «On the Strategy of economic security of the Russian Federation for the period up to 2030» // URL://http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/
2. Decree of the President of the Russian Federation No. 683 of December 31, 2015 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».
3. The National Security Strategy of the Russian Federation: official publication. M. : Prospect, 2016.

Информация об авторе

В. А. Кайтмазов — соискатель факультета подготовки научно-педагогических кадров по кафедре экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

V. A. Kaitmazov — Applicant for the Faculty of Training Scientific and Pedagogical Personnel at the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 29.12.2022; одобрена после рецензирования 18.01.2023; принята к публикации 03.02.2023. The article was submitted 29.12.2022; approved after reviewing 18.01.2023; accepted for publication 03.02.2023.

	ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
	Учебное пособие Гриф НИИ образования и науки Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник» Г. Я. Остаев, Б. Н. Хосиев, Н. Д. Эриашвили
	Исследованы направления развития теории и методики судебной экономической экспертизы. В пособие включены также тестовые вопросы и задачи ситуационного характера. Для магистров, аспирантов, преподавателей экономических специальностей, а также аудиторов, экспертов, экономистов, бухгалтеров и финансовых менеджеров организаций.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-293-297>

НИОН: 2003-0059-1/23-592

MOSURED: 77/27-003-2023-01-791

Кейнсианская концепция «циклического балансирования бюджета» и ее реализация в современной России

Михаил Евгеньевич Косов^{1,2,3}

¹ Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия, kosovme@mail.ru

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

³ Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается использование кейнсианской концепции повышения экономической активности государства и увеличения уровня занятости в ситуации кризиса. В процессе балансирования бюджета Российская Федерация сталкивается с бюджетным дефицитом, для покрытия которого используются различные методы. Концепция Кейнса в современном мире остается релевантной ввиду схожести экономических циклов. Российская Федерация также использует концепцию балансирования бюджета, однако сталкивается с рядом трудностей ввиду необходимости решения проблемы разной бюджетной обеспеченности регионов.

Ключевые слова: балансирование бюджета, экономический кризис, Российская Федерация, бюджетный дефицит

Для цитирования: Косов М. Е. Кейнсианская концепция «циклического балансирования бюджета» и ее реализация в современной России // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 293–297. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-293-297>.

Original article

The Keynesian concept of «cyclical balancing of the budget» and its implementation in modern Russia

Mikhail E. Kosov^{1,2,3}

¹ Russian Economic University named after G. V. Plekhanov, Moscow, Russia, kosovme@mail.ru

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

³ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The use of the Keynesian concept of increasing the economic activity of the state and increasing the level of employment in a crisis situation is considered. In the process of balancing the budget, the Russian Federation faces a budget deficit, which is covered by various methods. The concept of Keynes in the modern world remains relevant due to the similarity of economic cycles. The Russian Federation also uses the concept of balancing the budget, but faces a number of difficulties due to the need to solve the problem of different budget provision of the regions.

Keywords: budget balancing, economic crisis, Russian Federation, budget deficit

For citation: Kosov M. E. The Keynesian concept of «cyclical balancing of the budget» and its implementation in modern Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):293–297. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-293-297>.

Джон Мейнард Кейнс жил в такое время, когда роль государства начала смещаться от исключительно политического института к предпринимателю, инвестору, кредитору и, в то же время, потребителю и должнику. Это начало происходить в первой половине двадцатого века.

Причиной появления таких идей послужил поток хронических бюджетных дефицитов, с которыми столкнулись государства в 1930-е гг. Ввиду необходимости решения возникшей проблемы ряд эконо-

мистов осознали необходимость отказа от ежегодного балансирования национальных бюджетов.

Появление новых теорий, связанных с увеличением государственных расходов и растущим государственным долгом, сталкивалось с консервативностью экономической мысли. В этот же период началась Великая депрессия, которая существенно повлияла на экономическое состояние и развитие не только Соединенных штатов Америки, но и многих других государств.

© Косов М. Е., 2023

Снижение баланса бюджета во время депрессии, в первую очередь, было не преднамеренной политикой, а практической необходимостью. За исключением нескольких случаев, бюджеты никогда не были сбалансированы во время депрессии. Депрессия вызвала падение всех видов государственных доходов и, в то же время, увеличение общих государственных расходов, особенно на социальные услуги. Меры по согласованию двух частей бюджета за счет увеличения налоговых ставок и максимального сокращения расходов не привели к сбалансированности бюджета.

В таких условиях и появилась теория циклического балансирования бюджета, став одной из наиболее популярных теорий того периода. Стоит рассмотреть, что предполагает данная теория и как она использовалась государствами в XX в.

В противовес ежегодному балансированию бюджета Кейнс предложил балансировать бюджет в течение экономического цикла, т. е. каждые 5–7 лет. Для стимулирования экономического роста в период рецессии он предложил использовать бюджетно-налоговые инструменты и прибегать к увеличению государственных расходов и снижению налоговых ставок. До этого, опасаясь дефицита и роста государственного долга, правительства использовали только сдерживающие меры, которые вызывали ускорение инфляции.

Примером использования кейнсианской теории могут служить США во времена президентства Рузвельта. Правительство пошло на беспрецедентный шаг увеличения государственных расходов. Очевидно, дефицит федерального бюджета значительно увеличился, но, вместе с тем, повысилась экономическая активность, уменьшился уровень безработицы.

Успешное применение теории Кейнса в США сделало ее преобладающей как в экономической теории, так и на практике среди развитых государств. При этом экономисты пришли к тому, что бюджетный дефицит может иметь как краткосрочные, так и долгосрочные последствия.

Если в краткосрочной перспективе дефицит бюджета приводит к положительным последствиям в виде увеличения производственных возможностей и роста занятости, то в долгосрочной — ситуация меняется. Вследствие бюджетного дефицита растет государственный долг, что только усугубляет положение государства.

Существуют и критики концепции Кейнса, которые приводят следующие аргументы:

- ◆ увеличение государственных расходов влияет на «присутствие» частных инвестиций;
- ◆ периоды подъема и рецессии не всегда совпадают по продолжительности;
- ◆ не решается проблема возрастающей инфляции, которая всегда сопровождает бюджетный дефицит;
- ◆ сложность выбора времени для балансирования ввиду разной продолжительности периодов.

Опять же, циклическое балансирование бюджета может быть затруднено, если в период бума, когда доходы растут, есть потребность в снижении налогообложения или дополнительных расходов на определенные социальные услуги. Наконец, отсутствие точных знаний о продолжительности цикла представляет собой важное практическое препятствие.

Существуют различные методы балансирования бюджета, которые приводят к преодолению бюджетного дефицита:

- 1) секвестрование — бюджетные средства пропорционально сокращаются для покрытия дефицита;
- 2) заимствования — у физических, юридических лиц, у других государств, у международных организаций;
- 3) эмиссия денежных средств на сумму, покрывающую дефицит или увеличение объема денег в обороте;
- 4) введение новых налоговых или увеличение существующих налоговых ставок;
- 5) «подушка безопасности» — финансовый запас, находящийся в неприкосновенности, обычно сумма на полгода в кризисной ситуации.

В Российской Федерации реализуется именно эта модель балансирования бюджета. Принцип сбалансированности юридически закреплен ст. 28 Бюджетного кодекса Российской Федерации наряду с основными принципами бюджетной деятельности.

На региональном уровне принцип балансирования бюджета обеспечивается как через вертикальную сбалансированность местных бюджетов (сокращение разрыва между доходами и расходами на местном уровне), так и через горизонтальную (бюджетное выравнивание с целью сокращения дифференциации по уровню обеспеченности).

Существует ряд факторов, которые влияют на сбалансированность региональных бюджетов в Рос-

сийской Федерации. Они подразделяются на внешние и внутренние. К внешним факторам можно отнести:

- ◆ макроэкономическую ситуацию в государстве;
- ◆ состояние и развитие межбюджетных отношений;
- ◆ нормативно-правовые акты, которые регулируют межбюджетную деятельность;
- ◆ Бюджетный потенциал субъекта РФ.

В свою очередь, внутренние факторы могут быть следующими:

- ◆ исполнение регионального бюджета;
- ◆ формирование и распоряжение резервным фондом;
- ◆ планирование и прогнозирование регионального бюджета;
- ◆ долговая политика региона.

Стоит отметить, что реализация концепции балансирования бюджета в Российской Федерации не является эффективной. Было проведено исследование по анализу сбалансированности регионов России, которое показало, что только девять субъектов имеют профицит бюджета. Это приводит к необходимости межбюджетного выравнивания, которое может быть осуществлено за счет:

- 1) межбюджетных трансфертов;
- 2) бюджетных кредитов;
- 3) государственных заимствований;
- 4) покрытия кассовых разрывов.

Таким образом, мы можем прийти к следующим выводам.

Во-первых, концепция «циклического балансирования бюджета» Кейнса была инновационной в XX в. и способствовала повышению экономической активности государств.

Во-вторых, данная модель продолжает функционировать до сих пор во многих государствах и становится особенно релевантной в период экономического кризиса.

В-третьих, бюджетный дефицит, возникающий в результате использования данной концепции, может быть полезен в краткосрочном промежутке времени, но должен быть покрыт до начала активного роста государственного долга.

В-четвертых, Российская Федерация также использует концепцию балансирования бюджета, однако сталкивается с рядом трудностей ввиду необходимости решения проблемы разной бюджетной обеспеченности регионов.

Библиографический список

1. Абрекова А. М., Романенко Л. С. Основные методы балансирования государственного бюджета в Российской практике // *World science: problems and innovations: сб. ст. XXIX междунар. науч.-практ. конф.* (Пенза, 28 февраля 2019 г.). Пенза : «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2019. С. 139–141.
2. Алехин Б. И. Золотое правило фискальной стабильности в Европе // *Экономический журнал.* 2012. № 2(26). С. 7–22.
3. Алпатов А. А., Черноус А. А. Концептуальные подходы к управлению дефицитом национального бюджета // *Финансовая экономика.* 2012. № 1. С. 45–50.
4. Ахинов Г., Закирова Ю. Бюджетная политика: вопросы теории и практики // *Проблемы теории и практики управления.* 2013. № 7. С. 44–48.
5. Балицкая О. И. Эволюция взглядов на понятие государственных расходов // *Актуальные вопросы современной науки.* 2014. № 37. С. 158–167.
6. Глушакова О. В. Подходы к обеспечению сбалансированности бюджетов в условиях цикличности развития экономики в контексте совершенствования казначейских технологий управления бюджетной ликвидностью // *Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях.* 2017. № 15 (423). С. 19–40.
7. Камашева Т. Ю., Файберг Т. В. Управление ликвидностью единого счета бюджета субъекта Российской Федерации как метод обеспечения бюджетной сбалансированности // *Baikal Research Journal.* 2016. № 6.
8. Капогузов Е. А. Роль кейнсианских идей в эволюции парадигм государственного управления // *Историко-экономические исследования.* 2017. Т. 18. № 2. С. 244–256.
9. Кибизов Э. Г., Боброва В. А. Теоретические аспекты состояния государственного долга // *Синергия Наук.* 2020. № 47. С. 107–111.
10. Клочкова М. В., Иваненко О. Б. Балансирование бюджета: мировой опыт и Российская практика // *Стратегии развития государства и экономики в условиях турбулентности: сб. ст. Мюнхен : GRIN Verlag,* 2021. С. 114–122.
11. Козырев В. М. Джон Мейнард Кейнс: его вклад в экономическую науку // *Вестник РМАТ.* 2013. № 1(7). С. 24–42.
12. Лысенко Ю. А. Дефицит и профицит бюджета // *Фундаментальные и академические приклад-*

ные исследования: сб. науч. тр. по мат. I междунар. науч.-практ. интердисциплинар. конф. (Москва, 15 мая 2017 г.). М. : Научная общественная организация «Профессиональная наука», 2017. С. 91–99.

13. Николина М. В. Методы балансирования государственного бюджета в Российской практике // Научная дискуссия современной молодежи: экономика и право: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 28 сентября 2016 г.). Пенза : «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2016. С. 326–329.

14. Ромащенко Т. Д., Герсонская И. В. Кейнсианская концепция государственного регулирования экономики: границы применения в российских реалиях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2019. № 2. С. 5–10.

15. Сажина М. А. Бюджетная политика государства // Финансы и кредит. 2005. № 27(195). С. 2–12.

16. Сембиева Л. М. Роль фондов благосостояния в социальноэкономическом развитии стран ЕАЭС // Проблемы современной экономики: глобальный, национальный и региональный контекст: сб. науч. ст. В 2 ч. Гродно : Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2017. С. 115–127.

17. Семкина А. Е. Дефицит бюджета: причины и способы финансирования // Развитие предпринимательства в России — история, опыт, перспективы: региональный аспект: сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, студентов, магистрантов, аспирантов (Симферополь, 21 апреля 2021 г.). В 2 ч. Симферополь : Университет экономики и управления, 2021. С. 37–40.

18. Синицкая Ю. П. Эволюция теорий долговых финансовых инструментов // Философия права. 2007. № 1(20). С. 59–63.

19. Хузина А. Ф. Теоретические основы обеспечения долгосрочной сбалансированности федерального (государственного) бюджета // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 2–7. С. 115–120.

20. Черковская М. Ю. Государственный бюджет как инструмент государственного регулирования // Государственное администрирование и государственная служба: вчера, сегодня, завтра в условиях электронного правительства и цифровой экономики: сб. науч. ст. / под общ. ред. В. Л. Макарова; ред. англ. яз. Е. В. Нестеренко. М. : ООО «МАКС Пресс», 2019. С. 57–67.

Bibliographic list

1. Abrekova A. M., Romanenko L. S. Basic methods of balancing the state budget in Russian practice // World science: problems and innovations: coll. Article XXIX International scientific-practical conf. (Penza, February 28, 2019). Penza : «Science and Education» (IP Gulyaev G. Yu.), 2019. P. 139–141.

2. Alekhin B. I. Golden rule of fiscal stability in Europe // Economic magazine. 2012. No. 2(26). P. 7–22.

3. Alpatov A. A., Chornous A. A. Conceptual approaches to managing the deficit of the national budget // Financial economy. 2012. No. 1. P. 45–50.

4. Akinov G., Zakirova Yu. Budget policy: questions of theories and practices // Problems of theories and practices of management. 2013. No. 7. P. 44–48.

5. Balitskaya O. I. Evolution of views of the concept of state expenditures // Current issues of modern science. 2014. No. 37. P. 158–167.

6. Glushakova O. V. Approaches to the implementation of budget balances in the conditions of cyclical development of the economy in the context of the improvement of treasury technologies of budget liquidity management // Accounting accounting in budget and non-commercial organizations. 2017. No. 15 (423). P. 19–40.

7. Kamasheva T. Yu., Faiberg T. V. Liquidity management of the single budget account of the subject of the Russian Federation as a method of ensuring budget balance // Baikal Research Journal. 2016. No. 6.

8. Kapoguzov E. A. The role of Keynesian ideas in the evolution of government paradigms // Historical and economic studies. 2017. Vol. 18. No. 2. P. 244–256.

9. Kibizov E. G., Bobrova V. A. Theoretical Aspects of State Government Debt // Synergy Nauk. 2020. No. 47. P. 107–111.

10. Klochkova M. V., Ivanenko O. B. Balancing the budget: international experience and Russian practice // State strategies and economies in turbulence conditions: coll. St. Munich : GRIN Verlag, 2021. P. 114–122.

11. Kozyrev V. M. John Maynard Keynes: ego contribution to economic science // Vestnik RMAU. 2013. No. 1(7). P. 24–42.

12. Lysenko Yu. A. Budget deficit and surplus // Fundamental and academic applied studies: collection. science tr. by mat. I international scientific-practical interdiscip. conf. (Moscow, May 15, 2017). М. : Scientific public organization «Professional science», 2017. P. 91–99.

13. Nikolina M.V. Methods of balancing the state budget in Russian practice // Scientific discussion of mo-

dern youth: economics and law: coll. st. int. scientific-practical conf. (Penza, September 28, 2016). Penza : «Science and Education» (IP Gulyaev G. Yu.), 2016. P. 326–329.

14. Romashchenko T.D., Gersonskaya I.V. Keynesian concept of government regulation of economics: fringes of applications in Russian realities // Journal of Voronezh State University. Series: Economics and Management. 2019. No. 2. P. 5–10.

15. Sazhina M.A. State budget policy // Finance and credit. 2005. No. 27(195). P. 2–12.

16. Sembiyeva L.M. The role of fund welfare in the social economic development of EAEU countries // Problems of modern economics: global, national and regional context: coll. science St. At 2 p.m. Grodno : Yanki Kupaly Grodno State University, 2017. P. 115–127.

17. Semkina A.E. Budget deficit: reasons and ways of financing // Entrepreneurship development in Russia — history, experience, perspectives: regional aspect: coll.

mat. international scientific-practical conf. teachers, students, graduate students, postgraduate students (Simferopol, April 21, 2021). At 2 p.m. Simferopol : University of Economics and Management, 2021. P. 37–40.

18. Sinitskaya Yu. P. Evolution of the theory of debt financial instruments // Philosophy of law. 2007. No. 1(20). P. 59–63.

19. Khuzina A.F. Theoretical foundations of the long-term balance of the federal (state) budget // Contemporary trends in science and technology development. 2015. No. 2–7. P. 115–120.

20. Cherkovskaya M. Yu. State budget as an instrument of state regulation // State administration and state service: yesterday, today, tomorrow in the conditions of electronic government and digital economy: coll. science st. / under general row V. L. Makarova; row English language EV Nesterenko. M. : ООО «MAX Press», 2019. P. 57–67.

Информация об авторе

М. Е. Косов — заведующий кафедрой «Государственные и муниципальные финансы» Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доцент департамента общественных финансов Финансового университета при Правительстве РФ, профессор, директор института «Юридического менеджмента» Высшей школы юриспруденции и администрирования Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

M. E. Kosov — Head of the Department of State and Municipal Finance of the Russian Economic University named after G. V. Plekhanov, Associate Professor of the Department of Public Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor, Director of the Institute of Legal Management of the Higher School of Jurisprudence and Administration of the of the National Research University Higher School of Economics, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 05.12.2022; принята к публикации 18.01.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 05.12.2022; accepted for publication 18.01.2023.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-298-304>

ИПОН: 2003-0059-1/23-593

MOSURED: 77/27-003-2023-01-792

Влияние миграционных процессов на экономику регионов России в современных условиях

Николай Пиманович Купрещенко¹, Елена Алексеевна Федотова²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kuper52@mail.ru

² Российский технологический университет — МИРЭА, Москва, Россия, elena.fedotova.25@inbox.ru

Аннотация. Рассмотрены основные миграционные процессы, влияющие на развитие экономики России в современных условиях. Зафиксированы плюсы и минусы основных проблем на рынке труда. Проведен анализ и оценка рисков сокращения рабочих кадров, которое напрямую связано с миграционными процессами, негативно влияющими на экономику, а также способствующими повышению уровня инфляции, отрицательно сказывающимися на привлечении иностранных специалистов и на конкурентоспособность страны, на экономическую безопасность регионов Российской Федерации.

Ключевые слова: миграция, эмиграция, иммиграция, миграционные процессы, уровень миграции, рынок труда, безработица, трудовая миграция, миграция населения, демографические процессы, частичная мобилизация населения, специальная военная операция, экономическая безопасность регионов

Для цитирования: Купрещенко Н. П., Федотова Е. А. Влияние миграционных процессов на экономику регионов России в современных условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 298–304. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-298-304>.

Original article

The impact of migration processes on the economy of Russian regions in modern conditions

Nikolay P. Kupreschenko¹, Elena A. Fedotova²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, kuper52@mail.ru

² Russian Technological University — MIREA, Moscow, Russia, elena.fedotova.25@inbox.ru

Abstract. The main migration processes affecting the development of the Russian economy in modern conditions are considered. The pros and cons of the main problems in the labor market are fixed. The analysis and assessment of risks for the reduction of working personnel, which is directly related to migration processes that negatively affect the economy, as well as contributes to an increase in the inflation rate, negatively affect the attraction of foreign specialists and the competitiveness of the country, the economic security of the regions of the Russian Federation.

Keywords: migration, emigration, immigration, migration processes, migration level, labor market, unemployment, labor migration, population migration, demographic processes, partial mobilization of the population, special military operation, economic security of the regions

For citation: Kupreschenko N. P., Fedotova E. A. The impact of migration processes on the economy of Russian regions in modern conditions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):298–304. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-298-304>.

Уровень миграции в современном мире является одним из важнейших факторов стабильной экономики государства. Равномерно протекающие процессы миграционной деятельности способствуют улучшению привлекательности страны и ее экономическому потенциалу.

Для того, чтобы минимизировать риски утечки специалистов в зарубежные страны, государство каждый год привлекает рабочий персонал из стран

СНГ; качество профессиональной подготовки у таких кадров значительно ниже российского, но для стабилизации необходимо прибегать к крайним мерам.

Проблема миграции является острым вопросом в области экономики труда. Разрешения представленной проблемы приведены в работах следующих ученых: Н. В. Петрова, И. А. Романова, О. Д. Воробьевой, А. Е. Шарпова и др.

© Купрещенко Н. П., Федотова Е. А., 2023

Рассматривая последние 20 лет можно с уверенностью заявить, что влияние международной трудовой миграции на различные сферы жизнедеятельности населения существенно возросло. К таким сферам, главным образом, относятся политическая и экономическая сфера. Масштабы и роль международной миграции в развитии мировой экономики растут год от года.

Так, если в 2000 г. общее число международных мигрантов в мире составляло только 155 млн человек (2,8 % населения земного шара), то к 2015 г. их число выросло до 244 млн человек (3,3 % населения мира).

В новом докладе Международной организации по миграции (МОМ), опубликованном на официальном сайте 1 декабря 2021 г., говорится уже о 281 млн международных мигрантов. Это примерно 3,6 % населения планеты.

Не следует забывать и о внутригосударственной миграции, которая является масштабным явлением: более 740 млн человек мигрировали в пределах своей страны [2].

Эти перемещения играют важную роль в распределении населения по территории стран и формировании национальных рынков труда. Масштабные перемещения населения влияют не только на мировую экономику, но и на демографическую ситуацию в странах происхождения и странах приема мигрантов, меняя этнический и конфессиональный состав населения, половозрастную структуру и режим воспроизводства, и оказывая воздействие на архитектуру политических отношений [1].

Миграция способна изменить политическую, экономическую, демографическую и социальную структуру государства. Этот процесс способен воссоздать что-то новое, что будет идти в разрез с национальной идентичностью.

Необходимо уделить внимание основным главным причинам международной трудовой миграции, благодаря которым объемы пребывающих иностранных граждан будут сохраняться на прежнем уровне или увеличатся.

В качестве первой причины выделим неравномерность экономического развития стран всего мира. Неравенство между богатыми и бедными странами с каждым годом увеличивается и наталкивает массив людей переехать в другую страну для лучшего устройства.

По данным NONEWS абсолютное большинство мигрантов живет на территории США — 49 776 970 человек (доля населения 15,3 %). Первое место по доле населения занимают Объединенные Арабские Эмираты, где проживает 88,4 % от населения страны (рис. 1) [3].

Второй важной проблемой является фактор безработицы. В отличие от первого, выделяемого нами фактора, безработица характерна как для развивающихся, так и для уже развитых стран (рис. 2) [4].

Глобальной проблемой миграции является безработица, что показано в сравнении двух представленных выше диаграмм на рис. 1, 2. В странах, где высокий уровень безработицы замечается наименьшая миграция населения, высокая эмиграция и наоборот. Большой проблемой безработицы на данный

Рис. 1. Место России среди стран с высоким уровнем миграции, 2021 г., млн человек

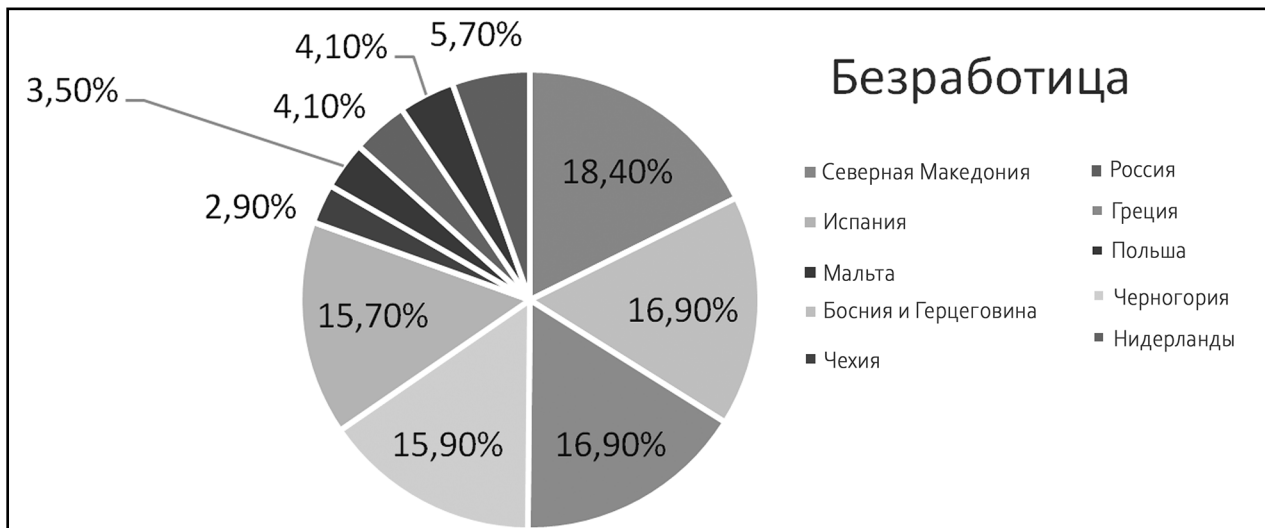

Рис. 2. Место России среди стран с высоким уровнем безработицы в 2021 г., %

момент является глобализация, которая уменьшает способность трудоустройства и увеличивает дисбаланс неравенства социальных слоев населения, страдает уровень жизни граждан соответствующих стран.

Рассмотрим влияние демографических процессов на уровень международной трудовой миграции. С сокращением рождаемости и быстрого старения населения напрямую связаны финансовые проблемы государства, что отражается на благосостоянии и уровне жизни населения. Дисбаланс в рождаемости проявляется в уровне развития стран. Население планеты в конце 2022 г. будет составлять 8 046 949 318 человек.

Рассмотрим, насколько связаны демографические процессы страны с уровнем международной миграции населения (табл. 1) [5].

Основная часть прироста приходится на Азию и Африку, т. е. малоразвитых стран, где высок уровень рождаемости, но также высок и уровень смертности

детей. В промышленно-развитых западных странах, наоборот, наблюдается снижение уровня рождаемости. Если нынешние тенденции сохранятся, ситуация не будет урегулирована, то население таких стран, как Латвия, Эстония, Италия и многие другие промышленно развитые страны потеряют от 20 до 45 % населения. Миграция не сможет перекрыть весь уровень смертности граждан представленных стран на данный момент, но если отрегулировать меры миграционной политики и направлять миграционные потоки в страны с низким уровнем рождаемости, то благодаря налоговой базе финансовый ущерб будет минимизирован.

Основные мотивы миграции рабочей силы связаны не только с безработицей или демографическими проблемами в определенной стране, но и с экономическими отношениями, взаимосвязями, взаимозависимостью всех национальных экономик.

Таблица 1.

Численность населения отдельных стран в 2022 г., млн человек

Страна	Население	Соотношение, %
Китай	1 454 612 937	18,21 %
Индия	1 415 572 275	17,72 %
США	336 099 488	4,21 %
Индонезия	280 595 989	3,51 %
Пакистан	230 074 119	2,88 %
Нигерия	216 998 850	2,72 %
Россия	146 048 619	1,83 %

Людам свойственно искать лучшие условия для обитания, поэтому они и ищут хорошую работу с достойным заработком, чтобы прокормить себя и семью, ни в чем не нуждаться. Неважно, где будет находиться такая работа: в своей стране или за рубежом.

Из представленных выше рисунков видно, что иммигранты в странах Ближнего Востока составляют подавляющее большинство. В странах Западной Европы порядка 10 млн приезжих являются рабочей силой. В Италии, например, более распространена внутренняя миграция, нежели внешняя, хотя за последние 100 лет по официальным данным ее покинуло порядка 27 млн граждан.

Россия является крупнейшей страной, после США, по количеству мигрантов.

По состоянию на 1 января 2022 г. на территории Российской Федерации находилось 5,9 млн иностранных граждан, количество въездов иностранных граждан в 2021 г. составило 7,3 млн, выездов — 5,5 млн, 236,3 тыс. иностранных граждан имели действительные разрешения на временное проживание, 550,5 тыс. иностранных граждан имели действительные виды на жительство [6].

При этом мигранты отправляют в родные страны денежные средства до 11,4 млрд долл. ежегодно. Однако, по нашему мнению, в настоящее время России необходим иммиграционный прирост еще 300–350 тыс. человек. Причиной тому является специальная военная операция (СВО) России на территории Украины, объявленная 21 сентября 2022 г. Президентом России В. В. Путиным частичная мобилизация в связи с проводимой специальной военной операцией на Украине. Принятие в состав Российской Федерации четырех новых территорий — ДНР, ЛНР, Запорожская область, Херсонская область — означает появление новых регионов (субъектов хозяйствования), которым потребуются дополнительные трудовые ресурсы.

У граждан регионов Российской Федерации остро стоит вопрос, отнимают ли мигранты их рабочие места и как это сказывается на заработной плате россиян. В России довольно хорошо урегулирован вопрос о рабочих местах, ибо для принятия на работу граждан других государств необходимо получить соответствующее разрешение на работу, но вот, что думают коренные жители нашей страны: по данным ВЦИОМ положительно к миграции рабочей силы относятся больше половины россиян, что составляет 60 % опрошенных. Довольно хоро-

ший показатель, который с каждым годом увеличивается. 56 % россиян согласны тем, что мигранты позитивно влияют на экономику страны и восполняют нехватку рабочей силы на малоквалифицированных местах. Негативно настроенных жителей в регионах также много, 46 % граждан считают, что заработная плата на рынке не увеличивается из-за наличия трудовых мигрантов [7].

Можно сделать вывод о том, что экономические проблемы в стране являются первостепенными в условиях международной трудовой миграции. Эта сфера преобладает над любой другой в разы, поскольку люди сначала задумываются о том, как им прокормить семью, а уже потом размышляют о политических и религиозных вопросах. Экономический смысл заключается в уровне развитости страны, заработной плате рабочих, уровне безработицы, функционировании миграционного аппарата, миграционной политике.

Главными факторами, влияющими на уровень миграции, являются следующие: социально-экономические, природно-климатические, политические, демографические, этнические, военные и проч.

Данной классификации на группы характерно влияние как на отдельные регионы, так и на целостность страны.

На протяжении многих лет просматривается взаимосвязь миграционных потоков с экономической активностью населения, уровнем безработицы и занятости. На рынке труда всегда присутствуют граждане, которые являются безработными и перемещаются как внутри страны, так и за ее пределы в поисках лучшего места для заработка. Для отдельно взятого гражданина важна заработная плата, возможность трудоустройства, характер труда, занятость, перспективы рабочей деятельности, возможность получения дополнительного образования, покупки жилья, доступные цены на продукты первой необходимости и множество других субъективных факторов.

Для мигрантов важны не только краткосрочные, но и долгосрочные перспективы. В странах с устойчивыми климатическими условиями, большими территориями, маленькой дифференциацией уровня жизни просматривается отток населения. Чем больше такое различие между регионами страны, тем больше отток. Например, существенное увеличение уровня жизни в сельской местности стимулирует переселение городского населения в сельскую местность.

Для демографических факторов характерны условия брачного положения людей. Например, в городах с нефтедобывающим, аграрным производством преобладает доля мужского населения брачного возраста, что вызывает так называемую «брачную» миграцию. В такие районы нередко переезжают девушки возраста 20–30 лет в поисках мужчины.

Природно-климатические условия включают в себя такие факторы, как климат на определенной территории, биометрика местности, природные загрязнения окружающей среды. Нередко у мигрантов возникает акклиматизация, которая может протекать довольно долго и плохо, что увеличивает уровень заболеваемости и смертности. Например, астматики выбирают более мягкие климатические условия для переселения, что связано с медицинскими показаниями.

Этнические факторы связаны с традициями, обычаями, спецификой регионов. Например, после развала СССР из Казахстана был огромный отток переселенцев, что связано с национальной нетерпимостью к русским в стране, аналогичная ситуация происходит и в наши дни. Также после прихода исламистов в Египте граждане, что исповедовали христианство, были вынуждены уехать в другую страну для более спокойного проживания. Коренные жители меняют регион в связи с приходом большого или главенствующего числа населения другой культуры, традиций.

Военные факторы. По данным Верховного комиссара Управления ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) Ф. Гранди почти 836 тыс. беженцев из Украины прибыло в ЕС и соседние страны за период с 24 февраля по 2 марта 2022 г. в результате военного конфликта на Украине, часть граждан без документов и без удостоверения личности. Из них почти 500 тыс. беженцев въехали на территорию Польши, 116 тыс. — в Венгрию, 67 тыс. — в Словакию, 65 тыс. — в Молдову, 43 тыс. — в Россию, 38 тыс. — в Румынию и 350 человек — в Беларусь.

В случае дальнейшего ухудшения ситуации УВКБ ООН прогнозирует, что число беженцев из Украины может достичь 4 млн человек. По данным ООН, по состоянию на 1 марта 2022 г. в Украине насчитывается, по меньшей мере 160 тыс. человек внутренних беженцев, т. е. внутренне перемещенных лиц в пределах своей собственной страны [8]. Как ни странно, но в странах с большой плотностью насе-

ления государство вводит такую политику, что выталкивает граждан трудоспособного возраста. В такой тенденции государство запрещает въезд определенных слоев граждан на территорию страны, т. е. ограничивает миграцию.

Значение миграционных процессов в жизни стран огромное. Как мы выяснили, они влияют почти на все аспекты жизнедеятельности людей. Мобильность трудоспособного населения положительно отражается на экономике государства. Поскольку прибывает население в трудоспособном возрасте, не так сильно просматривается убыль за счет старения и уровня смертности населения.

Поднимая тему нелегальных мигрантов, можно сказать, что, с одной стороны, для принимающей страны они приносят выгоду малому бизнесу, задействованы на малоквалифицированных рабочих местах, но, с другой стороны, работодатели не платят за них соответствующие налоги в казну, что отрицательно сказывается на экономике России.

Не беря в расчет высококвалифицированных специалистов из других стран, можно сказать, что иммигранты не влияют на уровень трудоустройства трудоспособного населения, как об этом выражаются жители страны в большинстве своем. Они не занимают высокие должности и не имеют высокооплачиваемой работы. Кроме того, работая, такие люди не вредят социально-статусной структуре страны.

Граждане Российской Федерации обеспокоены вопросом: «не была бы выше их заработная плата населения, если бы не было мигрантов?». На этот вопрос можно ответить все же отрицательно, ведь приток миграции не влияет на конкурентоспособность.

В условиях быстрого изменения экономики нашей страны взаимосвязь миграционных процессов и главенствующих показателей экономики будет очень мала. Несмотря на это, в условиях демографического кризиса развитых стран мигранты важны для государства, так как являются основным трудовым ресурсом. Для России на данный момент малоквалифицированные мигранты являются необходимостью, и разработка государственных мер по их привлечению должна стоять на первом плане, чтобы покрыть пустоту рабочих мест и снизить последствия убыли коренного населения страны.

Мигранты приносят следующую выгоду государству:

- ◆ развитие внешнеэкономических связей;
- ◆ повышение мобильности;
- ◆ повышение требований работодателя к качеству и заинтересованности рабочих;
- ◆ увеличение количества рабочих мест для коренного населения и мигрантов;
- ◆ увеличение развития территориально-производственных возможностей;
- ◆ привлечение иностранных специалистов для повышения уровня внедрения и разработок инновационных технологий, методов производства.

Для нормального функционирования и адаптации иммигрантов требуется заранее продумать изменения в миграционной политике, возможность смягчения мер для въезда на территорию РФ высококлассных специалистов из Европы, которые из-за санкций на энергоресурсы России остаются без работы и находятся в поиске новых мест применения своих способностей, потому что крупные европейские бизнесмены переносят свои производства из Европы в США. Нам необходимо создавать условия и привлекательный образ будущего в развитии экономики России, для западных корпораций и их сотрудников.

Следовательно, как бы коренным гражданам Российской Федерации не хотелось отказаться от большей доли мигрантов, это не реально ввиду того, что численность рабочей силы в России составляет 72 млн человек. Призывают в Вооруженные силы России 300 тыс. человек. Большинство тех, кто попадает под частичную мобилизацию — это квалифицированные рабочие.

Не удивительно, что миграция является не только положительным, но, в тоже время, отрицательным аспектом для государства, ведь с помощью миграционных процессов можно прогнозировать экономическую обстановку в стране, развивать соответствующие сферы рынка, контролировать цены на различные товары и услуги местного потребления, а также определить цены на рынке труда.

Отрицательными аспектами миграции являются потеря национальной идентичности и правильного культурного облика государства, а также потери страны в налоговой сфере за счет нелегального въезда на территорию.

Такая рабочая сила выгодна лишь предпринимателям, которые могут выплачивать заниженную заработную плату, не выплачивать налоги и класть оставшуюся часть денежных средств «себе в карман».

В связи с этим уровень теневой экономики увеличивается с каждым годом в разы. Государство пытается это пресечь. Например, в уголовном кодексе Российской Федерации есть статья, регламентирующая незаконное пересечение государственной границы, а точнее ст. 322 УК РФ. В соблюдении законов государства и выражаются меры по предотвращению экономических угроз гражданам страны.

По данным официальной статистической отчетности, за 2021 г. всеми правоохранительными органами Российской Федерации предварительно расследовано 36 420 преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, что превышает аналогичный показатель за 2020 г. (34 400) на 5,9 % и составляет 3,5 % от общего числа предварительно расследованных преступлений (1 030 708).

Из общего числа данных преступлений 28 520 (78,3 %) совершены гражданами стран СНГ, из них 7910 (21,7 %) — трудовыми мигрантами.

В 2021 г. органами внутренних дел зарегистрировано 926 (+25,6 %) преступлений, предусмотренных ст. 322.1 (организация незаконной миграции) Уголовного кодекса Российской Федерации, из них по ч. 2 ст. 322.1 УК РФ выявлено 491 (+44,8 %) преступление [8].

За 2021 г. принято четыре федеральных закона в сфере миграции, семь указов Президента Российской Федерации, два распоряжения Президента Российской Федерации, 12 постановлений, 45 распоряжений Правительства Российской Федерации и 46 приказов МВД России [7].

В настоящее время МВД России осуществляет разработку комплексного проекта федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» (далее — законопроект). Законопроект направлен на повышение контроля за въездом и нахождением в Российской Федерации иностранных граждан, установление понятных, общепринятых миграционных правил, направленных, в том числе, на получение иностранными гражданами тех статусов, которые в действительности отвечают целям их въезда в Российскую Федерацию. Кроме того, законопроект предусматривает цифровизацию государственного управления в сфере миграции и введение 17 новых функций органов внутренних дел Российской Федерации.

Список источников

1. Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ (послед. ред.) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Human_Capital_NCMU_Digest_7_International_Migration_and_Co.
3. NONEWS // рейтинг стран по количеству мигрантов // ДЕМОСКОП // США остаются безусловным лидером по числу международных мигрантов // URL://http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0889/barom04.php.
4. Мир карт // уровень безработицы в странах Европы в 2020 г. // URL://https://миркарт.рф/карты?id=285#:~:text=Максимальные%20значения%20уровня%20безработицы%20в,4%2C1%25.%20Уровень%20безработицы%20в%20России.
5. Население Земли // Счетчик населения мира // URL://https://countrymeters.info/ru/World#:~:text=Население%20Земли%20-%20это%20общее,количество%20выросло%20до%207%20миллиардов.
6. ВЦИОМ новости // Трудовые мигранты в России: вклад, положение, отношение // URL://https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudovye-immigranty-v-rossii-vklad-polozhenie-otnoshenie.
7. URL://https://e-cis.info/cooperation/3823/99651/
8. URL://https://zavtra.ru/blogs/migratsiya_bezhen_tci_i_krizis_na_ukraine.

References

1. Federal Law No. 109-FZ of July 18, 2006 (last ed.) «On migration registration of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».
2. Human_Capital_NCMU_Digest_7_International_Migration_and_Co.
3. NONEWS // rating of countries by the number of migrants // DEMOSCOPE // The USA remains the undisputed leader in the number of international migrants // URL://http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0889/barom04.php .
4. The world of maps // the unemployment rate in Europe in 2020 // URL://https://mirkart.rf/maps?id=285#:~:text=Maximum%20values%20level%20bezlavtsy%20b,4%2C1%25.%20level%20bezlavtsy%20b%20Russia.
5. World Population // World population counter // URL://https://countrymeters.info/ru/World#:~:text=The population of %20 of the earth%20-%20is%20ingeneral,thenumberof%20hasgrown%20to%207%20 billion.
6. VTSIOM news // Labor migrants in Russia: contribution, position, attitude // URL://https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudovye-immigranty-v-rossii-vklad-polozhenie-otnoshenie.
7. URL://https://e-cis.info/cooperation/3823/99651/
8. URL://https://zavtra.ru/blogs/migratsiya_bezhen_tci_i_krizis_na_ukraine.

Информация об авторах

Н. П. Купрещенко — профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор;

Е. А. Федотова — доцент кафедры финансового учета и контроля Института кибербезопасности и цифровых технологий Российского технологического университета — МИРЭА, кандидат экономических наук.

Information about the authors

N. P. Kupreschenko — Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor;

E. A. Fedotova — Associate Professor of the Department of Financial Accounting and Control of the Institute of Cybersecurity and Digital Technologies of the Russian Technological University — MIREA, Candidate of Economic Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 07.12.2022; принята к публикации 23.01.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 07.12.2022; accepted for publication 23.01.2023.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-305-307>

НИОН: 2003-0059-1/23-594

MOSURED: 77/27-003-2023-01-793

Финансовый кризис и тенденции в политике управления государственным внутренним долгом в России

Лариса Борисовна Лазарова¹, Казбек Олегович Уртаев²

^{1,2} Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Владикавказский филиал), Владикавказ, Россия

Аннотация. Рассматриваются проблемы управления внутренним государственным долгом в условиях экономического кризиса; проводится анализ государственных ценных бумаг: ОФЗ-ПД, ОФЗ-ПК, ОФЗ-ИН ОФЗ-ПД, ОФЗ-ПК, ОФЗ-ИН.

Ключевые слова: Бюджетный кодекс, внутренний долг, государственные гарантии, ОФЗ-ПД, ОФЗ-ПК, ОФЗ-ИН

Для цитирования: Лазарова Л. Б., Уртаев К. О. Финансовый кризис и тенденции в политике управления государственным внутренним долгом в России // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 305–307. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-305-307>.

Original article

Financial crisis and trends in public domestic debt management policy in Russia

Larisa B. Lazarova¹, Kazbek O. Urtaev²

^{1,2} Financial University under the Government of the Russian Federation (Vladikavkaz Branch), Vladikavkaz, Russia

Abstract. The problems of managing domestic public debt in the conditions of the economic crisis are considered; and an analysis is made of government securities: OFZ-PD, OFZ-PK, OFZ-IN OFZ-PD, OFZ-PK, OFZ-IN.

Keywords: Budget code, internal debt, government guarantees, OFZ-PD, OFZ-PK, OFZ-IN

For citation: Lazarova L. B., Urtaev K. O. Financial crisis and trends in public domestic debt management policy in Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):305–307. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-305-307>.

Затяжной финансовый кризис, связанный с распространением COVID-19, оказал негативное влияние на мировую экономику, в том числе и российскую. В связи с этим назрела необходимость в пересмотре долговой политики. В отличие от внешнего долга, которым достаточно сложно управлять, так как на него оказывает влияние политическая и экономическая обстановка в мире, необходимо было значительно нарастить объемы внутреннего долга. В условиях кризиса было необходимо увеличить социальные расходы и расходы, направляемые в сферу здравоохранения, чтобы поддержать население, кроме того, важно было поддержать российский бизнес. Поэтому одним из механизмов привлечения финансовых ресурсов для покрытия бюджетного дефицита стала программа по увеличению внутренних заимствований. Проведем анализ внутреннего долга.

Суммарный объем внутреннего госдолга РФ в 2018 г. составил 9 176 396,2 млн руб., в течение года

вырос в абсолютном выражении на 995 536,0 млн руб. или 110,8 п. п. В 2020 г. положительный тренд продолжился, суммарный объем внутреннего долга достиг отметки 14 751 438,1 млн руб. (рис. 1).

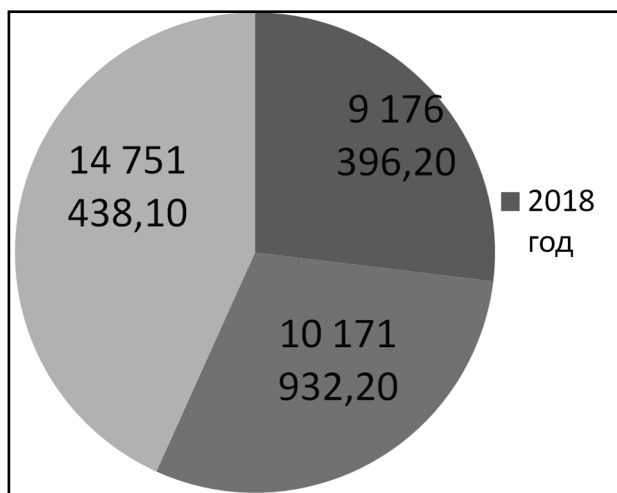

Рис. 1. Объем государственного внутреннего долга Российской Федерации в период с 2018–2020 гг.

© Лазарова Л. Б., Уртаев К. О., 2023

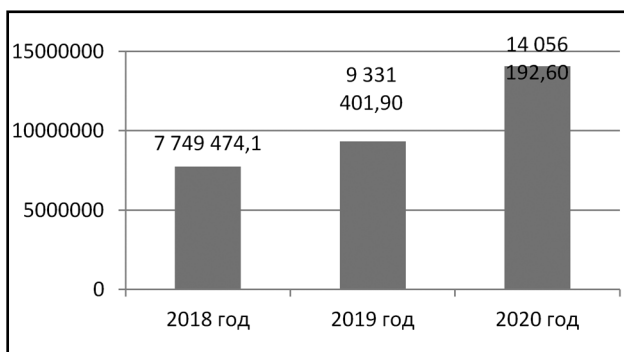

Рис. 2. Объем внутреннего госдолга по государственным ценным бумагам Российской Федерации в период с 2018–2020 гг., млн руб.

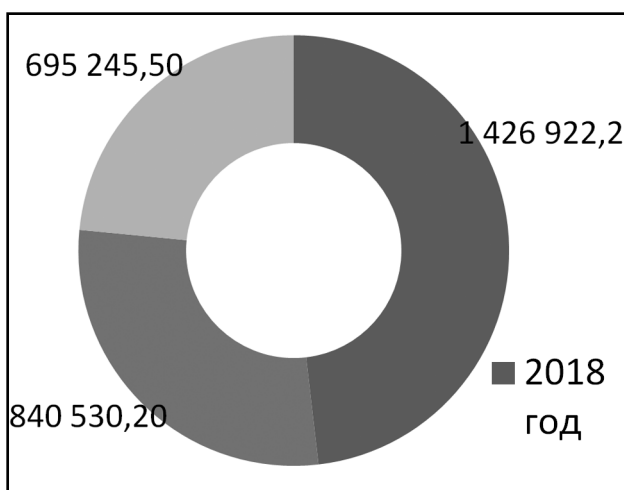

Рис. 3. Государственные гарантии Российской Федерации в валоте Российской Федерации в период 2018–2019 гг.

Порядка 85 % внутреннего долга составляют государственные ценные бумаги, суммарный объем которых в 2018 г. составил 7 749 474,1 млн руб., в 2019 г. они выросли на 1 581 927,80 млн руб. или 50,6 п. п. В 2020 г. положительный тренд продолжился, рост составил 4 724 790,70 млн руб., удельный вес в структуре государственного долга составил 95,29 % (рис. 2).

Небольшая доля в структуре государственного внутреннего долга приходится на госгарантии РФ. В 2018 г. исследуемый показатель составил 1 426 922,2 млн руб., удельный вес гарантий в структуре долга составил 15,5 %. В 2019 г. данный показатель значительно снизился, в абсолютном выражении на 586 392,00 млн руб. или 41,1 п. п. К 2020 г. госгарантии РФ уменьшились до отметки 695 245,5 млн руб. (рис. 3).

Наибольшая доля в объеме внутреннего госдолга, выраженного в ценных бумагах РФ за весь анализируемый период, приходится на ОФЗ-ПД. За данный период долг по данным бумагам увеличился почти в

два раза. Так, в 2018 г. данный показатель составил 4 929 433,8 млн руб., доля задолженности в общей структуре составляла 53,7 %. В 2019 г. анализируемый показатель возрос до уровня 6 474 746,5 млн руб., рост составил 31,3 п. п. Что касается 2020 г., положительный тренд продолжился, и объем ОФЗ-ПД вырос до отметки 8 102 225,1 млн руб. (рис. 4).

Что касается внутренних займов по ОФЗ-ПК, то в 2018 г. доля задолженности по данным бумагам составила 1 731 778,8 млн руб., в 2019 г. снизилась до уровня 1 713 850,5 млн руб. В течение 2020 г. наблюдается резкий скачок ОФЗ-ПК, в абсолютном выражении рост составил 2 995 417,20 млн руб., или 274,8 % (рис. 5).

За весь анализируемый период доля заимствований в ОФЗ-ИН увеличилась более чем в два раза. Так, в 2018 г. суммарный объем данных бумаг был зафиксирован на отметке 53 451,3 млн руб., удельный вес в структуре госдолга не очень существен-

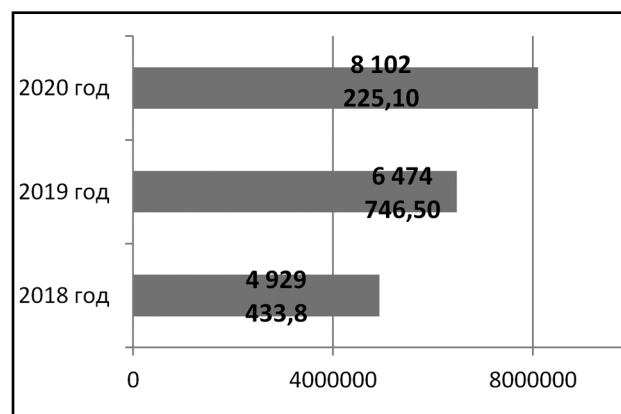

Рис. 4. Объем государственного внутреннего РФ, выраженного в ОФЗ-ПД, млн руб.

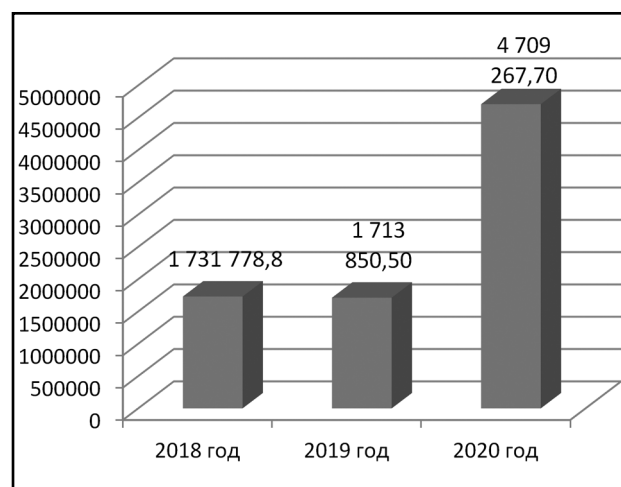

Рис. 5. Объем внутреннего госдолга РФ по облигациям федерального займа с переменным купонным доходом (ОФЗ-ПК)

ный (2,76 %). В течении 2019 г. ОФЗ-ИН выросли в абсолютном выражении на 117 796,30 млн руб. или 46,5 п. п. В 2020 г. положительный тренд продолжился, достигнув отметки 574 834,5 млн руб., с ростом 54,8 п. п. (рис. 6).

Важно подчеркнуть, что если ОФЗ-ИН показывают рост, то ОФЗ-АД напротив, снижаются. Так, суммарный объем ОФЗ-ИН в 2018 г. составил 416 868,2 млн руб., в течение последующего периода снизился на 71 834,90 млн руб. Что касается 2020 г., отрицательная динамика продолжилась и объем обязательств по данным бумагам снизился до уровня 282 628,3 млн руб.

Согласно проведенному анализу за весь период суммарный объем внутреннего госдолга РФ значительно вырос. Что касается общего государственного долга, то только за 2020 г. рост в фактическом выражении составил 5,42 трлн руб. (на 39,9 %) достигнув рекордной отметки 18,99 трлн руб., или 17,8 % ВВП.

Данная мера была вынужденной, средства были направлены на покрытие бюджетного дефицита, связанного с поддержкой предприятий в связи с распространением COVID-19, при этом госдолг не превысил безопасный порог.

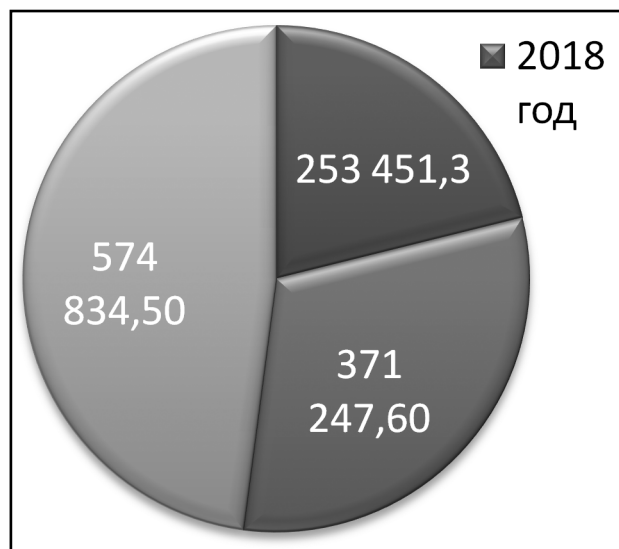

Рис. 6. Объем внутреннего госдолга РФ по облигациям федерального займа с индексируемым номиналом

Библиографический список

1. Банк России. Центральный банк Российской Федерации // URL://<https://www.cbr.ru>.

Bibliographic list

1. Bank of Russia. The Central Bank of the Russian Federation // URL://<https://www.cbr.ru>.

Информация об авторах

Л. Б. Лазарова — профессор кафедры «Экономика и финансы» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Владикавказский филиал), доктор экономических наук;

К. О. Уртаев — магистрант Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Владикавказский филиал).

Information about the authors

L. B. Lazarova — Professor of the Department of Economics and Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Vladikavkaz Branch), Doctor of Economic Sciences;

K. O. Urtaev — Master's student of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Vladikavkaz branch).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.01.2023; одобрена после рецензирования 10.02.2023; принята к публикации 15.02.2023.

The article was submitted 26.01.2023; approved after reviewing 10.02.2023; accepted for publication 15.02.2023.

Научная статья

УДК 004.056

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-308-314>

ИПОН: 2003-0059-1/23-595

MOSURED: 77/27-003-2023-01-794

Безопасность цифровых продуктов и услуг: принципы и элементы безопасного дизайна

Марина Юрьевна Пакляченко

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, marina_lion@mail.ru

Аннотация. Предлагаются подходы (принципы и элементы), основанные на правилах менеджмента, моделировании и риск-ориентированном подходе, преследующие цель обеспечения применимости требований информационной безопасности к различным секторам и направлениям. Выделенные и охарактеризованные категории ориентированы на область проектирования (дизайна) цифровых продуктов, сервисов, решений и услуг. Генезис ключевых категорий определяется лучшими практиками и передовым опытом лидеров отрасли (группа Сбер, Cisco, Kaspersky и др.).

Тематика востребована преимущественно для разработчиков программного и аппаратного обеспечения, облачных и системных решений (вендоров), потребителей цифровых продуктов, специалистов в области кибербезопасности, офицеров информационной безопасности.

Ключевые слова: информационная безопасность, кибербезопасность, методология защиты информации, цифровой продукт, безопасный дизайн

Для цитирования: Пакляченко М. Ю. Безопасность цифровых продуктов и услуг: принципы и элементы безопасного дизайна // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 308–314. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-308-314>.

Original article

Security of digital products and services: principles and elements of secure design

Marina Yu. Paklyachenko

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, marina_lion@mail.ru

Abstract. Approaches (principles and elements) based on management rules, modeling and a risk-based approach, aimed at ensuring the applicability of information security requirements to various sectors and areas are proposed. The identified and characterized categories are focused on the field of engineering (design) of digital products, services, solutions and services. The genesis of key categories is determined by the best practices and best practices of industry leaders (Sber Group, Cisco, Kaspersky, etc.).

The subject is in demand mainly for developers of software and hardware, cloud and system solutions (vendors), consumers of digital products, cybersecurity specialists, information security officers

Keywords: information security, cybersecurity, information security methodology, digital product, secure design

For citation: Paklyachenko M. Yu. Security of digital products and services: principles and elements of secure design. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):308–314. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-308-314>.

Введение. Сущность и терминология безопасного дизайна

Снижение уязвимости может быть выполнено посредством обеспечения безопасности не только при эксплуатации [1], но и на этапе проектирования (дизайна) и в период жизненного цикла продукта (программного обеспечения, оборудования, системы, модуля или сервиса). Применение безопасности в дизайне требует эволюционного, гибкого подхода, который позволяет технологиям приспосабливаться к развивающимся процессам и расширяюще-

муся ландшафту угроз за счет обнаружения новых уязвимостей.

Сказанное предполагает обновление внутренних процессов, ресурсов и возможностей, которые относятся к взаимосвязанным концепциям, продолжающим развиваться, например, в направлении обеспечения безопасности с помощью дизайна, безопасности по умолчанию, формированию жизненного цикла разработки с изначальным учетом требований безопасности и надежности. Несмотря на то, что все они коррелируют с разработкой продуктов с учетом тре-

© Пакляченко М. Ю., 2023

бований безопасности (что актуально в рамках сертификации [2]), операционным управлением и методами снижения угроз, определенными регуляторами и профессиональным сообществом, в отрасли не существует согласованных унифицированных принципов как таковых. Термины часто используются взаимозаменяемо, хотя могут иметь разное значение в контексте менеджмента безопасности, что сказывается, в свою очередь, на качестве продукта.

Таким образом, актуально установление общего понимания концепций обеспечения безопасности, а также определение и описание некоторых связанных с ними принципов, лежащих в основе техник и практик, применимых в области разработки и эксплуатации цифровых продуктов.

Основная часть. Концепции безопасного дизайна

1. Базовые принципы безопасного дизайна

1.1. Принцип безопасности по замыслу цифрового продукта

Безопасность по замыслу — это проектирование с учетом правил безопасности: устранение рисков на ранней стадии создания продукта и в период всего жизненного цикла его разработки. Ее можно понимать как процесс проектирования с изначальным управлением безопасностью. Она применяется к проектированию, разработке, развертыванию и обслуживанию программного обеспечения, оборудования и услуг; а также к системной интеграции с помощью процесса инкапсуляции инструментов защиты, таких как, например, брандмауэры или средства мониторинга.

Безопасность по замыслу как принцип должна быть комплексным и всеобъемлющим решением: учитывать проектирование, специфику деятельности потребителя; ее реализация должна проводиться с участием инженеров, специалистов по безопасности и руководителей высшего звена. Например, соглашение о технологиях кибербезопасности в своем существе предлагает партнерам взять на себя обязательство проектировать, разрабатывать и поставлять продукты, в которых приоритет отдается безопасности: конфиденциальности, целостности и надежности, и, в свою очередь, снижать вероятность использования уязвимостей. Предлагается, что партнерские отношения между заинтересованными сторонами по проприетарным технологиям и технологиям с открытым исходным кодом должны стремиться к улучше-

нию совместной работы, обеспечению скоординированности действий по раскрытию уязвимостей и обмену информацией об угрозах с целью сведения к минимуму количества и вариаций вредоносного кода, формирующего небезопасное киберпространство.

1.2. Принцип безопасности по умолчанию в цифровом продукте

Безопасность по умолчанию базируется на безопасности по замыслу и ориентируется на процесс доставки предварительно настроенного продукта безопасным способом. Данный принцип можно понимать как использование настроек безопасности в функционале продукта для отказа. Необходимо, чтобы вендоры цифровых продуктов брали на себя ответственность за управление средствами безопасности, тем самым снижая зависимости от клиентов, которые, как правило, не участвуют во включении, управлении и контроле политик безопасности продукта. Вместе с тем, потребители могут снять с себя ответственность и применить меры безопасности посредством конфигурации цифровых решений, исходя из собственных целей, основанных на риске.

Безопасность по умолчанию является необходимым условием защиты, поскольку возможность настройки безопасности продукта должна быть добавлена на этапе проектирования. Например, в случае отраслевой интеграции или разработки на вторичном рынке, безопасность по умолчанию может потребоваться в части реализации адекватных экономических средств управления безопасностью или настройки дополнений к небезопасным устаревшим (небезопасным) системам.

Прикладным воплощением данного принципа выступают следующие процессы: идентификация для безопасного подключения и аналогичные процедуры безопасного входа в систему, функции резервного копирования, документационное обеспечение безопасности, защищенные процессы обновления систем, сброс их настроек.

1.3. Принцип интеграции безопасности в жизненный цикл разработки продукта

Указанный фреймворк (Software Development Life Cycle, SDL/SDLC) представляется как некая модель реализации безопасности по замыслу и безопасности по умолчанию путем выполнения соответствующих мероприятий на каждом этапе жизненного цикла раз-

работки цифрового продукта [3]. SDL гарантирует, что риски безопасности моделируются и понимаются как производителями, так и потребителями, что позволяет принимать своевременные решения.

Изначально данный фреймворк как концепция был специально разработан для программного обеспечения, ныне он применяется в облачных услугах и устройствах Интернета вещей (IoT). Примерами активно работающих SDL являются: Microsoft Security Development [4], Cisco (CSDL) [5]. Они представляют собой набор методов, поддерживающих обеспечение безопасности и выполняющих требования соответствия, способствуют созданию более безопасного программного продукта, уменьшая количество и серьезность уязвимостей, а также снижая затраты на разработку. Кроме того, они позволяют повысить отказоустойчивость и надежность продуктов. Сочетание инструментов, процессов и актуализации осведомленности, введенных в течение жизненного цикла разработки, продвигает многоуровневую защиту, обеспечивает целостный подход к отказоустойчивости продукта и формирует культуру осведомленности о безопасности. В SDL реализуется обучение сотрудников стандартам и принципам, проверенным решениям, обеспечение их осведомленности об угрозах. Таким образом, безопасность по умолчанию является частью дизайна, в частности, базовых требований к безопасности продукта.

1.4. Принцип надежности цифрового продукта

Надежность продуктов стала возможной благодаря строгому следованию принципам дизайна в процессе реализации упорядоченного и структурированного алгоритма, формирующего требуемые свидетельства и прозрачность для управления с учетом рисков. Вместе с тем, надежность можно рассматривать и в более широком смысле: как свежий взгляд на разработку безопасного программного обеспечения. Он опирается на SDLC, предусматривает нетехнические вопросы, такие как внутренние и репутационные процессы.

Принцип подразумевает сочетание методов повышения безопасности цифровых продуктов и инженерных технологий (например, программа управления уязвимостями, проверка и оценка третьей стороной), а также стратегии по увеличению доверия к программному обеспечению и повышению прозрачности и надежности их создания и эксплуатации. В

случае с программными продуктами это можно охарактеризовать наличием элементов, включенных в так называемые «Центры прозрачности» (Kaspersky Global Transparency Initiative [6]) для проверки исходного кода и в отношении технологий вендора, его инфраструктуры и методов обработки данных.

Система кибербезопасности E2E (end-to-end, сквозное тестирование), характерная для Huawei [7], объединяет аспекты корпоративных политик, организационных структур, бизнес-процессов, технологий и практик в 12 корпоративных процессах и бизнес-модулях: стратегия и управление, законы и правила, исследования и разработки, управление взаимоотношениями с поставщиками, производство и логистика, обслуживание и доставка, проверка и сертификация, прослеживаемость, устранение дефектов и уязвимостей, восстановление работоспособности и аудит.

Центр управления безопасностью Microsoft уделяет особое внимание безопасному обращению с данными клиентов в соответствии с принципами конфиденциальности и нормативными требованиями. В частности, поддержание целостности данных в облаке основано на следующих ключевых позициях: защита от киберугроз со встроенной автоматизацией и интеллектом; соблюдение требований конфиденциальности вместе с возможностью для клиентов контролировать их данные; соответствие национальным, региональным и отраслевым требованиям; ведение аудита для проверки технических требований к соответствию и контролю.

Таким образом, безопасный дизайн цифровых продуктов должен применяться в отношении его программной и аппаратной частей: оборудования и систем. Как правило, каждый компонент продукта тем или иным образом тестируется по настройкам по умолчанию, но когда они интегрируются в конечные решения, настройки меняются и могут появиться новые уязвимости. Следовательно, для цифровых продуктов необходимо тестирование как до, так и после внедрения, которое должно включать проверку конфигурации безопасности, тестирование на уязвимости и т. д.

2. Основные элементы безопасного дизайна

2.1. Моделирование угроз

Моделирование угроз — структурированный подход к сценариям угроз; инженерный метод идентификации возможных угроз, атак, уязвимых обла-

стей и определение мер противодействия, которые могут повлиять на продукт или связанную среду (сеть, архитектуру и т. д.). Это практика, которая позволяет разработчикам рассматривать, документировать и обсуждать последствия дизайна безопасности в контексте их запланированного конечного проекта в структурированном виде. Моделирование угроз следует использовать для проверки безопасности продукта и в средах, где существует значительный риск безопасности. Его необходимо применять на уровне компонента, приложения или системы. Непрерывное моделирование направлено на изучение меняющегося ландшафта угроз, тем самым на постепенное уточнение модели угроз путем оценки новых опасностей с помощью количественных показателей, а также добавления их в профиль рисков, если они существенны.

Поскольку моделирование угроз приводит к конкретным цифрам и последствиям, а также проясняет ценность и стоимость безопасности как таковой, в этом процессе должны быть задействованы различные организационные структуры вендора. Участвовать в моделировании должно высшее руководство: принимать решения об уровне приемлемых рисков и одобрять выделение ресурсов и действий по снижению рисков при разработке цифрового продукта. На оперативном уровне разработчики, специалисты по кибербезопасности и анализу угроз должны постоянно привлекаться к мониторингу среды: как с точки зрения информационной безопасности, так и с точки зрения безопасности цифрового продукта.

Модели угроз также находятся в зависимости от конечных потребителей продукта, способов его внедрения и реализации. Клиенты обладают разными уровнями необходимых требований безопасности и приемлемых показателей риска. Например, для вендора может быть приемлема определенная уязвимость, в то время как его клиенты могут счесть этот риск критическим из-за собственных бизнес-моделей. Кроме того, продукты в сети или интегрированной среде являются отдельным источником уязвимостей: они взаимодействуют и вместе настраиваются на работу как целостная среда, что порождает дополнительные риски.

Моделирование угроз предполагает, среди прочего, наблюдение за контекстом, в котором будет использоваться продукт или услуга. Это требует участия заказчиков и потребителей продуктов, которые часто не имеют необходимого представления о технологическом потоке производства цифрового решения, его

«ингредиентах», системной архитектуре и необходимых/возможных сторонних компонентов. Указанная ситуация снова подтверждает актуальность принципа прозрачности со стороны разработчиков цифровых продуктов.

Могут быть рекомендованы следующие шаги для моделирования угроз, характерных для цифровых продуктов (практика Cisco [5]): определение активов, построение схемы работы системы, индикация и анализ угроз, управление рисками и расстановка приоритетов, определение исправлений. На практике отслеживают поток данных в системе и определяют границы доверия и точки перегиба, где данные могут быть скомпрометированы. Как только потенциальные уязвимости и угрозы выявлены, могут быть реализованы «стратегии смягчения» для минимизации риска.

Для разработки программного обеспечения можно выделить иные алгоритмы моделирования угроз (практика Microsoft [4]): определение требований безопасности, создание диаграмм приложений, идентификация угроз, смягчение угроз, верификация смягчения. В отраслевых средах и экосистемах, для которых существенной является интегративная безопасность системы в целом, а не фокус на безопасности отдельных компонентов, должны быть учтены не только риски безопасности, допускающие некоторое время для их анализа и реакции, но и риски, требующие немедленной реакции в случае крупного инцидента.

Очевидно, учесть все вероятные угрозы невозможно, что делает затруднительным эффективное выделение и распределение ресурсов для борьбы с ними. Востребована стратегия повсеместного использования количественной оценки рисков и карты агрегированных тактик субъектов угроз, их методов и процедур, аналогично фреймворкам MITRE ATT&CK или моделям CVSS, которые позволяют приоритизировать риски при разработке продукта или во время его жизненного цикла. Это дает возможность вендору увидеть вероятный арсенал злоумышленника, устранить известные уязвимости, которые возможно использовать в преступных целях.

2.2. Цепочка поставок и безопасность третьих сторон

Общепринятой отраслевой практикой является включение как проприетарных, так и сторонних компонентов с открытым исходным кодом в предложения продуктов: будь то программное обеспечение, облач-

ные сервисы, устройства или интегрированные системы от третьих сторон. Термин «третья сторона» используется для обозначения участника цепочки поставок продукта, который может находиться или не находиться в прямых отношениях с вендором, он влияет на критичность отдельной функции или совокупную работу продукта. Слабое внедрение и контроль соблюдения стандартов безопасности во всей цепочке поставок может создать условия для возникновения уязвимостей итоговой экосистемы. Таким образом, третьи лица можно считать одним из рисков кибербезопасности цифрового продукта. Для защиты процессов разработки продуктов от непреднамеренного или злонамеренного вмешательства третьих лиц, требуется внедрение общепромышленного многостороннего подхода к управлению рисками цепочки поставок (supply chain risk management, SCRM).

Общий риск-ориентированный подход к цифровой цепочке поставок предполагает, что одним из основных стандартов для цепочки, помимо управления идентификацией и доступом, а также шифрования, должна быть непрерывная защита: компании должны предлагать обновления и исправления в течение разумного временного интервала жизненного цикла своих продуктов, систем и услуг с помощью безопасного механизма обновления.

Подобная идеология «заботы как обязанности» в ключе цепочки поставок все чаще обсуждается на соответствующих форумах и вебинарах. Предполагается, что вендоры должны убедиться, что их собственные компоненты безопасны и соответствуют современным требованиям и стандартам. Кроме того, поставщики должны придерживаться принципа прозрачности в отношении того, какие сторонние компоненты они используют в своих продуктах, и предоставлять сведения об обеспечении безопасности сторонних компонентов в интегративных цифровых продуктах.

2.3. Риск-ориентированный подход

Суть подхода как элемента безопасного дизайна к цепочке поставок компонентов цифрового продукта заключается в соблюдении основных условий: базовые требования, критичность поставщика, верификация.

Базовые требования — общие для всех вендоров, определяют основы, на которых поставщики должны функционировать, с целью обеспечить ос-

новы кибербезопасности для продукта отдельного направления или сферы. Например: защита персональных данных; политики безопасности; реагирование на инциденты; поддержка сотрудников и потребителей и др.

Критичность поставщиков учитывает тот факт, что разные поставщики (третьи стороны) оказывают на конечного потребителя разное воздействие; уровень воспринимаемой критичности зависит от факторов риска, т. е. от контекста со стороны пользователя цифрового продукта.

Верификация базовых требований зависит от критичности потребителя. Оптимальное решение возможных проблем в данном направлении — составление корректного договора между сторонним поставщиком и заказчиком, где будут четко определены сроки и ответственность в отношении установки исправлений и других обязанностей, связанных с безопасностью цифрового продукта и его отдельных компонентов.

2.4. Безопасная разработка и развертывание

Одним из ключевых элементов безопасного дизайна являются безопасная разработка и развертывание цифровых продуктов. Безопасность должна быть встроена во все компоненты «конвейера»: от разработки, сборки и тестирования, выпуска и развертывания, до проверки соответствия и иного контроля. В случае разработки программного обеспечения автоматизированные непрерывные интеграция и поставка должны включать правила безопасности и проверки, такие как ответственное кодирование, сканирование исходных кодов на уязвимости, динамический анализ кода, проверка зависимостей от уязвимостей и модульные тесты.

В качестве примера можно привести соблюдение стандартов безопасного кодирования (практика Cisco [5]) как единых наборов правил, руководств и лучших практик для программистов, обучение и опыт сотрудников — для обеспечения защиты кода от угроз. Сюда же может быть отнесено использование растущего числа проверенных общих модулей безопасности — библиотек, расширяющих возможности инженеров, обеспечивающих уверенность в развертывании функций безопасности (например, библиотеки, ориентированные на безопасные коммуникации, кодирование и хранение информации).

В то же время, необходимо улучшить навыки и внимание разработчиков безопасного кодирования посредством обучения и тренинга, в том числе в игровом формате и на киберполигонах. Перспективным видится создание облачных центров передового опыта, которые могут предоставлять сертифицированные продукты и сервисы различным командам (от киберполигонов) для поддержки создания облачных приложений.

2.5. Тестирование и проверка безопасности

Непрерывное и автоматизированное тестирование уменьшает векторы риска и помогает устранять уязвимости до выхода продукта на рынок. Тем не менее, автоматизированные инструменты по-прежнему ограничены в эффективном поиске уязвимостей.

В случае программного обеспечения, тестирование на уязвимости и проверка включают в себя статическое и динамическое тестирование, оценку уязвимости, фазинг и пентест [9].

Интегрированные системы также нуждаются в тестировании, поскольку инкапсуляция множества продуктов и их конфигурация в конечной системе или среде являются основной причиной уязвимостей в итоговом цифровом продукте. Привлечение третьих лиц в процесс проведения тестов должно быть типовой практикой. Сюда могут входить программы вознаграждения за обнаружение уязвимостей, тестирование на проникновение или другие тесты, проводимые внешними командами.

В области объектов критической инфраструктуры тестирование и проверка должны быть обеспечены независимой стороной, обладающей официально подтвержденными полномочиями (прошедшей аккредитацию). Важно обозначить соответствующую проблематику: сложность выбора заслуживающей доверия стороны; ограниченная эффективность разовых внешних аудитов; баланс соблюдения конфиденциальности и прозрачности в отношении результатов аудитов (организации, проводящие аудит, должны гарантировать соблюдение соответствующей тайны).

2.6. Исправление и поддержка

Идеализированной ситуацией является та, при которой совершившийся инцидент информационной безопасности приводит к разработке и выпуску

исправлений со стороны производителя. Однако, проблемой может стать способность и готовность вендора распространить патч и организовать информационное обеспечение своих потребителей о случившемся происшествии. Некоторые клиенты могут пропустить оповещения, поэтому потребуются раскрытие информации через общедоступные каналы. В некоторых регулируемых средах могут существовать определенные стандарты, правила и требования о распространении соответствующей информации, обновлений и исправлений цифрового продукта.

Развертывание исправления представляет собой особую проблему: многие клиенты не устанавливают обновления по разным причинам (из-за отсутствия знаний и навыков; не могут позволить себе простой или иным образом ограничены правилами; исправление может привести к новым рискам или системным неисправностям, зависящим от исправляемого продукта). Кроме того, иногда изменение настроек требует и физических исправлений.

Заключение

Всемирно распространен и часто упоминается тезис об усилении кибербезопасности, но редки случаи конструктивных предложений о действенных стратегиях реализации желаемого.

В одном из направлений цифровизации общества и государства предлагается концепция повышения кибербезопасности, заключающаяся во внедрении, соблюдении, поддержке и контроле базовых принципов и элементов безопасности для производства цифровых продуктов и услуг, т. е. менеджмент кибербезопасности.

Подходы, основанные на принципах менеджмента, моделировании и риск-ориентированном подходе, имеют важное значение для обеспечения применимости требований информационной безопасности к различным секторам и направлениям (индивидуальное использование цифровых продуктов, эксплуатация в бизнесе, на объектах критической инфраструктуры и др.).

Предлагаемый краткий набор ограниченных, но универсально применимых принципов и элементов, преследует цель в виде гармонизации базовых требований для большинства игроков рынка (вендоров) и поддержке базовой кибергигиены потребителей цифровых продуктов, сервисов и услуг, расширению цифрового доверия и безопасности.

Список источников

1. ГОСТ Р ИСО/МЭК 27002–2021: Информационные технологии. Методы и средства обеспечения безопасности. Свод норм и правил применения мер обеспечения информационной безопасности // URL://https://docs.cntd.ru/document/1200179669.
2. Приказ ФСТЭК России от 3 апреля 2018 г. № 55 «Об утверждении Положения о системе сертификации средств защиты информации» // URL://https://docs.cntd.ru/document/542622316.
3. Arthur M. Langer. Analysis and Design of Next-Generation Software Architectures: 5G, IoT, Blockchain. Springer, 2020.
4. Operational Security Assurance (OSA) // URL://https://www.microsoft.com.
5. Cisco Secure Development Lifecycle // URL://https://blogs.cisco.com/tag/csdl?dtid=ossdc000283.
6. Прозрачность процессов в «Лаборатории Касперского» // URL://https://www.kaspersky.ru/blog/transparency-update-2022/33099.
7. End-to-End Performance Measurement Scenarios // URL://https://support.huawei.com/enterprise.
8. David R. Bell. Location is (Still) Everything: The Surprising Influence of the Real World on How We Search, Shop, and Sell in the Virtual One. Amazon Publishing, 2022.
9. Building Secure and Reliable Systems. Best Practices for Designing, Implementing and Maintaining Systems. Google LLC. O'Reilly Media, Inc., 2020.

References

1. GOST R ISO/IEC 27002–2021: Information technology. Methods and means of ensuring security. Code of norms and rules for the application of information security measures // URL://https://docs.cntd.ru/document/1200179669.
2. Order of the FSTEC of Russia dated April 3, 2018 No. 55 «On Approval of the Regulations on the Certification System for Information Security Tools» // URL://https://docs.cntd.ru/document/542622316.
3. Arthur M. Langer. Analysis and Design of Next-Generation Software Architectures: 5G, IoT, Blockchain. Springer, 2020.
4. Operational Security Assurance (OSA) // URL://https://www.microsoft.com.
5. Cisco Secure Development Lifecycle // URL://https://blogs.cisco.com/tag/csdl?dtid=ossdc000283.
6. Transparency of processes in Kaspersky Lab // URL://https://www.kaspersky.ru/blog/transparency-update-2022/33099.
7. End-to-End Performance Measurement Scenarios // URL://https://support.huawei.com/enterprise.
8. David R. Bell. Location is (Still) Everything: The Surprising Influence of the Real World on How We Search, Shop, and Sell in the Virtual One. Amazon Publishing, 2022.
9. Building Secure and Reliable Systems. Best Practices for Design, Implementing and Maintaining Systems. Google LLC. O'Reilly Media, Inc., 2020.

Информация об авторе

М. Ю. Пакляченко — доцент кафедры специальных информационных технологий учебно-научного комплекса информационных технологий Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, кандидат технических наук.

Information about the author

M. Yu. Paklyachenko — Associate Professor of the Department of Special Information Technologies of the Educational and Scientific Complex of Information Technologies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Technical Sciences.

Статья поступила в редакцию 11.07.2022; одобрена после рецензирования 12.09.2022; принята к публикации 29.11.2022.

The article was submitted 11.07.2022; approved after reviewing 12.09.2022; accepted for publication 29.11.2022.

Научная статья

УДК 336

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-315-319>

НИОН: 2003-0059-1/23-596

MOSURED: 77/27-003-2023-01-795

Применение цифровых технологий в контрольно-надзорной деятельности налоговых органов

Староверова Ольга Валентиновна

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия, staroverova05@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы применения цифровых технологий в контрольно-надзорной деятельности налоговых органов. Выявлены существующие на сегодняшний день проблемы применения цифровых технологий в налоговой отрасли, которые заключаются в дефиците компетентных кадров; отсутствии систематизации налогового документооборота, его большом объеме; низком уровне информационного обмена между ведомствами. Поэтому несмотря на устойчивую практику внедрения цифровых технологий в деятельность налоговых органов спорным остается вопрос о путях повышения эффективности данной практики при реализации контрольно-надзорной деятельности. Решение перечисленных проблем заключается в основном в совершенствовании налогового законодательства и системы автоматизации, а также своевременном выявлении проблем функционирования цифровых технологий. Внедрение цифровых технологий в контрольно-надзорную деятельность налоговых органов позволит создать комфортные условия как для самих налоговых органов, так для налогоплательщиков.

Ключевые слова: цифровые технологии, налоговые органы, система налогового администрирования, налоговый контроль

Для цитирования: Староверова О. В. Применение цифровых технологий в контрольно-надзорной деятельности налоговых органов // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 315–319. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-315-319>.

Original article

The use of digital technologies in the control and supervision activities of tax authorities

Olga V. Staroverova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, staroverova05@mail.ru

Abstract. The article deals with the use of digital technologies in the control and supervisory activities of tax authorities. The current problems of the use of digital technologies in the tax industry, which are the lack of competent personnel, have been identified; lack of systematization of the tax document flow, its large volume; low level of information exchange between departments. Therefore, despite the steady practice of introducing digital technologies into the activities of tax authorities, the question of ways to increase the effectiveness of this practice in the implementation of control and supervisory activities remains controversial. The solution to these problems lies mainly in the improvement of tax legislation and the automation system, as well as the timely identification of problems in the functioning of digital technologies. The introduction of digital technologies in the control and supervisory activities of the tax authorities will create comfortable conditions for both the tax authorities themselves and taxpayers.

Keywords: digital technologies, tax authorities, tax administration system, tax control

For citation: Staroverova O. V. The use of digital technologies in the control and supervision activities of tax authorities. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):315–319. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-315-319>.

В настоящее время проблема повышения эффективности применения цифровых технологий налоговыми органами недостаточно разработана, однако, существуют различные точки зрения, отмечающие необходимость применения цифровых технологий в налоговом администрировании. Так, мы в след за А. С. Никоновой, К. С. Черноусовой [9, 11], считаем, что огромный потенциал цифровых технологий в системе налогового администрирования

проявляется в снижении издержек на функционирование налоговых органов и организации их контрольной работы, оптимизации системы налогового контроля.

Е. И. Гнатышина и Е. А. Губар [5; 6] прямо указывают на то, что цифровизацию налогового администрирования и контроля можно рассмотреть через призму риск-ориентированного подхода, что позволяет, с одной стороны, не идеализировать практику

© Староверова О. В., 2023

применения цифровых технологий, а, с другой стороны, видеть перспективу развития системы налогового администрирования в целом.

Общеизвестно, что под цифровизацией в современной экономике понимается планомерное внедрение и применение цифровых технологий в конкретной области производства и управления с целью автоматизации производственных или управленческих процессов, экономии времени и увеличения прибыли [9]. Применительно к сфере деятельности налоговых органов внедрение цифровых технологий (специализированного программного обеспечения, каналов связи) способствует усиленной профилактике налоговых правонарушений, упрощают схему взаимодействия с налогоплательщиками.

В свою очередь, для налогоплательщиков цифровые технологии призваны упростить задачу по получению информации от налоговых органов, подачу документов в налоговую инспекцию, сократить время на формирование запроса и ожидание ответа на него.

Согласно ст. 82 Налогового кодекса Российской Федерации, налоговый контроль — это контрольная деятельность уполномоченных органов (налоговых органов), направленная на соблюдение законодательства о налогах и сборах, правильность исчисления налогов и сборов, а также полноту и своевременность их уплаты [1]. Надо согласиться с мнением М. Е. Косова, который пишет, что «налоговое администрирование следует рассматривать как системную деятельность уполномоченных государственных органов, направленную на обеспечение поступления налоговых платежей в бюджеты и внебюджетные фонды, укрепление налоговой дисциплины и упорядочение налоговых отношений путем планирования, организации, контроля и применения мер ответственности, основанных на совершенной системе нормативно-правового регулирования» [13]. Что касается налогового администрирования, то данный процесс представляет собой комплексную систему налоговых правоотношений — взаимосвязей между органами налогового контроля и налогоплательщиками.

Нельзя не согласиться с мнением авторов [9], что цифровые технологии в сфере налогового контроля и администрирования предполагают, среди прочего, и возможность контролировать налоговые правоотношения дистанционно, чему способствует автоматизация соответствующих процедур. Так, например, авто-

матизированная система контроля за возмещением НДС из бюджета (АСК НДС), применение которой позволяет налогоплательщику самостоятельно предоставлять в налоговый орган декларацию по НДС в электронном виде.

Внедренное в работу налоговых органов еще в 2013 г. программное обеспечение было полностью обновлено в 2018 г. до новейшей версии, позволяющей полностью автоматизировать процедуру проверки налоговых деклараций, отслеживать движение налоговых поступлений от физических и юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [4]. Так, АСК НДС в автоматическом режиме сверяет представленные данные в декларации по НДС с базой контрагентов налогоплательщика. Если возникают расхождения, то АСК НДС формирует требование о даче пояснений в установленный срок по выявленному факту расхождения сведений. В случае отсутствия ответа с пояснениями, в системе АСК НДС формируется требование об уплате недоимки в бюджет и штрафе [5]. Таким образом, вследствие наличия недоимки у плательщика НДС, выявляемой ВСК НДС, доходная часть бюджета увеличивается за счет начисляемого этой программой штрафа, а как известно статистически, НДС образует более 80 % доли бюджета федерального уровня.

До внедрения АСК НДС плательщик НДС подавал уточненную декларацию, отказываясь от ранее требуемой с налогового органа суммы возмещения по НДС. Помимо контроля налоговой отчетности, своевременности и полноты уплаты налогов, АСК НДС позволяет выявлять недобросовестных налогоплательщиков в лице, главным образом, фирм-однодневок [5]. Например, с 2015 по 2021 г. число выявляемых фирм-однодневок сократилось с 1,7 млн единиц до 0,850 единиц. Одновременно с этим увеличилась и доходность бюджета за счет снижения числа недобросовестных налогоплательщиков [3].

В продолжение темы пополнения бюджета за счет автоматизированного администрирования НДС необходимо упомянуть еще один цифровой инструмент — «НДС-офис интернет-компаний», функционирующих с 2017 г., с целью постановки на налоговый учет в Российской Федерации зарубежных юридических лиц, осуществляющих свою деятельность на территории Российской Федерации [3]. В рамках работы с цифровым сервисом у названных лиц имеется возможность подачи заявлений в налоговые ор-

ганы, предоставляется канал электронной связи с должностными лицами органов налогового контроля. Таким образом, цифровые технологии «НДС-офис интернет-компаний» позволяют налоговым органам контролировать полноту и своевременность налоговых поступлений из иностранных государств.

Мы не ставим своей задачей анализировать все информационные системы, позволяющие усовершенствовать контрольно-надзорную работу налоговых органов. Детально остановимся лишь на некоторых из них, например, учетной цифровой системе — Единая государственная автоматизированная информационная система (ЕГАИС), которая позволяет снизить вероятность появления на российском рынке контрафактной алкогольной или спиртосодержащей продукции [8]. ЕГАИС содержит информацию о маркировке данной продукции, базовую информацию о производителях, получаемую после приема торговой сетью алкогольной продукции, при считывании специальных кодов с упаковки. Именно в результате консолидирования таких сведений в ЕГАИС учитывается каждая единица товара, подлинность которого покупатель может проверить при помощи сканирования специального QR-кода [11]. В результате применения ЕГАИС бюджет пополняется за счет акцизов на алкогольную продукцию. Кроме того, Налоговым кодексом Российской Федерации определено, что с 1 июля 2018 г. каждый субъект рынка алкогольной продукции обязан предоставлять в налоговые органы сведения о факте приема или списания партионной (марочной) единицы продукции [2]. В настоящее время органами налогового контроля фиксируется высокая эффективность принимаемой меры, поскольку через год после ее внедрения доходность бюджета от акцизов возросла до 2,6 % [3].

В целях недопущения занижения налогооблагаемой прибыли торговыми сетями, пресечения монопольного завышения цен налоговыми органами применяется еще одна форма цифровых технологий — автоматизированная система контроля применения контрольно-кассовой техники (АСК ККТ); целью применения АСК ККТ является контроль учета выручки торговых сетей в рамках налоговых проверок, в том числе и дистанционно. Кроме того, АСК ККТ позволяет в полной мере автоматизировать процедуру регистрации контрольно-кассовых машин, а также систематизации данных, получаемых в процессе работы данных машин. Результаты

проведения контроля цен и размера НДС на социально значимые товары, товары для детей, медицинские препараты, дезинфицирующие средства и средства индивидуальной защиты позволили налоговым органам в период пандемии отслеживать в специализированной программе в дистанционном формате.

Есть все основания сказать, что использование налоговыми органами в своей деятельности цифровых технологий позволит увеличивать объемы доходной части бюджета.

Таким образом, с усовершенствованием инструментов цифрового налогового контроля возникает вероятность полной независимости налоговых проверок, что снижает служебную нагрузку на налоговых инспекторов, исключает коррупционный риск при проведении налоговых проверок, обеспечивает полную независимость контрольно-надзорных действий от человеческого фактора [12]. А сочетание цифровых технологий с использованием риск-ориентированного подхода позволит сохранить баланс между полной цифровизацией и сохранением непосредственного правоприменения [6].

При этом процесс внедрения цифровых технологий в контрольной работе налоговых органов сопряжен с развитием цифровой грамотности сотрудников налоговых инспекций, находящейся в прямой зависимости от осознания значимости цифровизации своей контрольно-надзорной деятельности [7]. Поэтому возникает необходимость дополнительного профессионального образования сотрудников налоговых органов в целях повышения их квалификации и эффективности применения ими цифровых технологий.

Помимо недостаточности компетенции сотрудников налоговых органов в сфере применения в своей деятельности цифровых технологий на практике, в качестве базовой проблемы цифровизации сферы налогового контроля и администрирования выделяют отсутствие систематизации документов налогового контроля на фоне большого объема документооборота [10]. В целях снижения количества обрабатываемых налоговыми органами документов представляется целесообразным пересмотреть административные регламенты проведения контрольно-надзорных мероприятий, провести оценку их значимости и при необходимости оптимизировать их количество. Количественному снижению документо-

оборота будет способствовать полный их перевод в электронный формат, отказ от бумажного носителя, практика которого уже внедряется в налоговые органы.

Недостаточный уровень информационного взаимодействия между органами государственной власти и налоговыми органами существенным образом замедляет процесс цифровизации, снижает пополнение доходной части бюджетов различных уровней [10]. Прежде всего, здесь речь идет о взаимодействии органов Росреестра с налоговыми органами относительно базы данных имущества физических лиц и организаций с целью налогообложения этого имущества, т. е. необходимо повысить уровень информационного обмена путем дополнительной информационной системы взаимодействия.

В настоящее время в работе налоговых органов применяется программное обеспечение высокого уровня, позволяющее оперативно осуществлять налоговый контроль и администрирование в соответствии с налоговым законодательством. Существующие на сегодняшний день проблемы применения цифровых технологий в налоговой отрасли заключаются в дефиците компетентных кадров; отсутствии систематизации налогового документооборота, его большом объеме; низком уровне информационного обмена между ведомствами. Решение перечисленных проблем заключается, в основном, в совершенствовании налогового законодательства и системы автоматизации, а также своевременном выявлении проблем функционирования цифровых технологий. Внедрение цифровых технологий в контрольно-надзорную деятельность налоговых органов позволит создать комфортные условия как для самих налоговых органов, так для налогоплательщиков.

Список источников

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (ч. I) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 28 июня 2022 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3825.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (ч. II) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 14 июля 2022 г.) // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3341.
3. Алексеева П. В., Черноусова К. С. Анализ эффективности выездных и камеральных проверок налоговых органов в России // Известия Института систем управления СГЭУ. 2019. Т. 19. № 1. С. 107–109.

4. Аронов А. В., Кашин В. А. Налоговая политика и налоговое администрирование: учеб. пособие. 2-е изд. М. : Магистр ; Инфра-М, 2019.

5. Гнатышина Е. И. Налоговое администрирование цифровой экономики: риск-ориентированный подход // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия «Экономика». 2019. № 5. С. 12–17.

6. Губар Е. А., Житкова Е. М., Кумачева С. Ш., Томилина Г. А. Моделирование процессов воздействия информации о проверках на риск-статусы и уклонения налогоплательщиков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Прикладная математика. Информатика. Процессы управления. 2019. Т. 15. № 2. С. 245–258.

7. Мигачева Е. В. Правовое регулирование функционирования налоговой системы Российской Федерации в условиях цифровой экономики // Безопасность бизнеса. 2022. № 3. С. 37–43.

8. Никонова А. С., Черноусова К. С. Цифровизация и влияние цифровых технологий на эффективность налогового контроля // Вопросы студенческой науки. 2020. № 12. С. 350–354.

9. Цифровые технологии налогового администрирования: монография с грифом НИИ образования и науки / И. А. Майбуров, Ю. Б. Иванов, С. А. Белозеров [и др.]; под ред. И. А. Майбурова, Ю. Б. Иванова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2019.

10. Челпанова М. М., Сапунова Т. Г. Основные проблемы налогового администрирования и перспективы их решения // Финансовое право. 2021. № 3. С. 28–31.

11. Черноусова К. С. Совершенствование форм налогового контроля на современном экономическом этапе развития в РФ // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 3 (52). С. 153–157.

12. Шаститко А. Е., Морозов А. Н. Амбивалентность цифровой трансформации в налоговом администрировании // Закон. 2021. № 4. С. 33–42.

13. Косов М. Е., Савельева Е. Н. Налоговый контроль как сфера налогового администрирования // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 5. С. 144–149.

References

1. The Tax Code of the Russian Federation (Part I) of July 31, 1998 No. 146-FZ (as amended. dated June 28, 2022) // SZ RF. 1998. No. 31. St. 3825.

2. Tax Code of the Russian Federation (Part II) dated August 5, 2000 No. 117-FZ (as amended, dated July 14, 2022) // SZ RF. 2000. No. 32. St. 3341.

3. Alekseeva P. V., Chernousova K. S. Analysis of the effectiveness of on-site and desk inspections of tax authorities in Russia // Izvestiya Institute of Management Systems SGEU. 2019. Vol. 19. No. 1. P. 107–109.

4. Aronov A. V., Kashin V. A. Tax policy and tax administration: textbook. stipend. 2nd ed. M. : Master ; Infra-M, 2019.

5. Gnatyshina E. I. Tax administration of the digital economy: a risk-oriented approach // Bulletin of the Volga State University of Service. The series «Economics». 2019. No. 5. P. 12–17.

6. Gubar E. A., Zhitkova E. M., Kumacheva S. Sh., Tomilina G. A. Modeling of the processes of the impact of information on inspections on risk statuses and taxpayer evasion // Bulletin of St. Petersburg University. Applied mathematics. Computer science. Management processes. 2019. Vol. 15. No. 2. P. 245–258.

7. Migacheva E. V. Legal regulation of the functioning of the tax system of the Russian Federation in the digital economy // Business security. 2022. No. 3. P. 37–43.

8. Nikonova A.S., Chernousova K. S. Digitalization and the impact of digital technologies on the effectiveness of tax control // Questions of student science. 2020. No. 12. P. 350–354.

9. Digital technologies of tax administration: a monograph with the stamp of the Research Institute of Education and Science / I. A. Maiburov, Yu. B. Ivanov, S. A. Belozherov [et al.]; edited by I. A. Mayburov, Yu. B. Ivanov. M. : UNITY-DANA, 2019.

10. Chelpanova M. M., Sapunova T. G. The main problems of tax administration and prospects for their solution // Financial law. 2021. No. 3. P. 28–31.

11. Chernousova K. S. Improving forms of tax control at the current economic stage of development in the Russian Federation // Business. Education. Right. 2020. No. 3 (52). P. 153–157.

12. Shastitko A. E., Morozov A. N. Ambivalence of digital transformation in tax administration // Law. 2021. No. 4. P. 33–42.

13. Kosov M. E., Savelyeva E. N. Tax control as a sphere of tax administration // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 5. P. 144–149.

Информация об авторе

О. В. Староверова — профессор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

O. V. Staroverova — Professor of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Legal Sciences, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.12.2022; одобрена после рецензирования 26.01.2023; принята к публикации 09.02.2023.

The article was submitted 29.12.2022; approved after reviewing 26.01.2023; accepted for publication 09.02.2023.

Научная статья

УДК 159

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-320-325>

НИОН: 2003-0059-1/23-597

MOSURED: 77/27-003-2023-01-796

Теория и практика исследований Я-концепции субъектов служебной деятельности

Валерий Сергеевич Агапов¹, Ирина Евгеньевна Смирнова², Наталья Николаевна Красноштанова³, Мария Олеговна Титова⁴

^{1,4} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

² Контрольно-ревизионное управление МВД России, Москва, Россия

³ Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия

¹ agapov.vs@mail.ru

² irinaandrianova@mail.ru

³ kranoshtanova_n@bk.ru

⁴ mashka_17.5@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты теоретической и эмпирической рефлексии практики исследований Я-концепции субъектов служебной деятельности. Описаны результаты теоретической рефлексии исследователя в создании теоретических координат решения проблемы Я-концепции субъектов служебной деятельности. Дается характеристика практической составляющей данной сложной междисциплинарной проблемы.

Ключевые слова: теоретическая модель, субъект, анализ через синтез, объяснение, идеализация, теоретизация, эмпирическая верификация, абстрагирование, Я-концепция, служебная деятельность

Для цитирования: Агапов В. С., Смирнова И. Е., Красноштанова Н. Н., Титова М. О. Теория и практика исследований Я-концепции субъектов служебной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 320–325. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-320-325>.

Original article

Theory and practice of Self-concept research of subjects of official activity

Valery S. Agapov¹, Irina E. Smirnova², Natalia N. Krasnoshtanova³, Maria O. Titova⁴

^{1,4} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

² Control and Audit Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

³ All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

¹ agapov.vs@mail.ru

² irinaandrianova@mail.ru

³ kranoshtanova_n@bk.ru

⁴ mashka_17.5@mail.ru

Abstract. The results of theoretical and empirical reflection of the research practice of the Self-concept of subjects of official activity are presented. The results of the researcher's theoretical reflection in the creation of theoretical coordinates for solving the problem of the Self-concept of subjects of official activity are described. The characteristic of the practical component of the complex interdisciplinary problem being solved is given.

Keywords: theoretical model, subject, analysis through synthesis, explanation, idealization, theorization, empirical verification, abstraction, Self-concept, service activity

For citation: Agapov V. S., Smirnova I. E., Krasnoshtanova N. N., Titova M. O. Theory and practice of Self-concept research of subjects of official activity. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):320–325. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-320-325>.

Теоретический уровень исследований Я-концепции субъектов служебной деятельности выражает «объяснение всему многообразию фактов с помощью некоторой единой основы, поставить менее существенное и глубокое, а также производное и надстроечное в связь и зависимость с некоторым базисным содержанием — фундаментальными принципами, законами, свойствами и т. д. Это позволяет не только дать общее и глубокое объяснение ранее, казалось бы, разнородным фактам, но тем самым

© Агапов В. С., Смирнова И. Е., Красноштанова Н. Н., Титова М. О., 2023

сформировать основание для объединения их в единую систему. Благодаря этому знание получает интегративный характер» [10, с. 322].

Важно подчеркнуть, что «при научном исследовании любого объекта одна из основных задач состоит в том, чтобы дать *объяснение этого объекта*» [12, с. 5]. В этом контексте «объяснение в целом является конструктивной, творческой, познавательной процедурой, — пишет В. С. Швырев [19, с. 15], — в результате которой не только обогащаются и углубляются знания об объясняемом явлении, но, как правило, *происходит уточнение и развитие знаний, используемых как основание объяснения*».

«В самом деле: система знаний без рефлексии неспособна к развитию», — полагает Н. Ф. Овчинников [13, с. 211].

Далее обратим внимание на учет *методологических правил* научного поиска проблемы Я-концепции субъектов служебной деятельности, ориентирующих исследователя на:

- ♦ постижение проблемной ситуации с детализацией имеющихся противоречий практики исследований Я-концепции субъектов;

- ♦ сопоставление разных теорий Я-концепции, что «является продуктивной творческой операцией, толкающей к критическому пересмотру существующих представлений о данной сущности и стимулирующей процесс выдвижения новых проблем и новых гипотез [10, с. 41];

- ♦ теоретизацию, которая «придает знанию ту или иную меру системности» [13, с. 5];

- ♦ определение существенных свойств или признаков Я-концепции, являющихся реальным научным ядром сущности. В ее научном выражении «это внутреннее основание, через которое преломляются все внешние воздействия на явление и которым закономерно обусловлен их эффект» [15, с. 139]. В этом смысле сущность Я-концепции есть основа ее *качественной определенности*, «противоречивое единство структуры и процесса, причины и условия, внешнего и внутреннего, конца и начала процесса развития. В этой исходной неуравновешенности и противоречивости заложен источник ее дальнейшего развития» [18, с. 86];

- ♦ абстрагирование и идеализацию Я-концепции как саморегулирующейся системы. Характерно, что «в теоретическом исследовании от анализа абстрактных объектов переходят к построению идеализированных объектов, а от них снова возвращаются к абстрактным объектам, чтобы применить к ним най-

денные с помощью идеализации положения. ... Идеализированные объекты различным образом комбинируются, из них строятся мысленные конструкции, структуры, и системы, представляющие собою теоретические модели изучаемых явлений» [2, с. 152].

Теоретическая рефлексия проблемы Я-концепции субъектов служебной деятельности предусматривает следующее.

Во-первых, построение теоретических координат исследования с приведением *субстратного* (установление относительно самостоятельных целостных повторяющихся единиц — компонентов или подсистем Я-концепции, их сравнение с выявлением гомогенности или гетерогенности содержащегося материала); *атрибутивного* (выяснение особенностей изучаемой Я-концепции по сравнению с близкими ей феноменами субъективной реальности); *структурного* (раскрытие природы компонентов или подсистем в структуре Я-концепции с точки зрения специфики ее внутренней организации, дифференциации, связи ее компонентов или подсистем в целостную систему); *функционального* (выявление функций Я-концепции в служебной деятельности субъектов, функционирования структурного своеобразия компонентов или подсистем внутри целостной системы Я-концепции); *генетического* (обнаружение причин, источников количественных и качественных изменений в структуре Я-концепции); *динамического* (статика или динамика проявлений Я-концепции, ее компонентов или подсистем в служебной деятельности; соотношение изменчивого и устойчивого внутри изучаемой структуры); *критериального* (обоснование системы критериев, эмпирических показателей и уровней, выражающих различную степень внутри- и межкомпонентных связей в структуре Я-концепции); *типологического* (определение критериев типологии проявления Я-концепции в служебной деятельности) анализа.

Во-вторых, сравнительный анализ имеющихся в психологической науке теоретических моделей Я-концепции с оценкой используемых их авторами разных теоретических координат и конструктов [1]. Здесь важно иметь в виду, что один и тот же феномен Я-концепции может быть рассмотрен в разных теоретических моделях, порой не соотносимых между собой. Поэтому неизбежна разная операционализация показателей и набор методик исследования структуры Я-концепции.

Теоретическая значимость разноподходности к структурированию состоит в возможности получить

знания о разных сторонах проявления Я-концепции или об одной и той же стороне, но в различных ракурсах, это предполагает, по мнению А. С. Майданова [10, с. 77], «обязательность последующей *операции синтеза*, объединения частичных результатов в целостный. *Синтез* позволяет скорректировать недостатки результатов разных подходов, в том числе устранить противопоставления, казалось бы, противоречащих друг другу несовместимых явлений, дать им единое объяснение или истолкование».

Для преодоления разногласия требуется перейти от многочисленных моделей к новому единству подсистем или компонентов в разрабатываемой структуре Я-концепции «эт. е. диалектический путь восхождения от абстрактного к конкретному» [18, с. 88].

Метод восхождения от абстрактного к конкретному заключается в осуществлении следующей последовательности действий исследователя (по С. А. Лебедеву) [8, с. 310–311]: 1) поиск и констатация исходного противоречия теории и ее объекта (их «клеточки»); 2) признание внутренних противоречий теоретического объекта в качестве основного источника и главной движущей силы его развития; 3) реконструкция всех противоречий теоретического объекта как закономерных результатов разрешения его исходного противоречия; 4) реконструкция развития содержания всякого теоретического объекта как его движения от исходной, бедной по содержанию сущности (абстрактного противоречия объекта) ко все более полной и богатой содержанием системе противоречий (пониманию сущности как конкретного противоречия).

В-третьих, разработку теоретической модели Я-концепции субъектов служебной деятельности на основе реализации моделирующего подхода [11; 14] и метода структурного моделирования [6, с. 403–405; 7, с. 130]. Осуществляется идеализация гипотетического взаимодействия всех компонентов или подсистем с их показателями в разрабатываемой теоретической модели Я-концепции.

В этом контексте В. М. Аллахвердов, А. С. Кармин и Ю. М. Шилков [2, с. 152–153] замечают, что «*теоретическая модель*, созданная посредством идеализации, — это и есть предмет научной теории. ... Теоретическая модель должна описываться теорией правильно и точно, т. е. теория должна быть истиной, относительно описываемой ею модели. ... Теория соответствует реальности лишь постольку, поскольку принятая в ней модель соответствует реальности. Но *модель всегда основывается на упроще-*

нии, схематизации, идеализации реальности, поэтому и теория всегда отражает реальность в упрощенном, схематизированном, идеализированном виде».

В ходе теоретического моделирования Я-концепции выполняют процедуру формирования полного набора показателей компонентов или подсистем. Такая процедура выполняется следующим образом (по В. Д. Балину) [3, с. 74–75]: рассматриваются все могущие иметь отношение к данному исследованию показатели; среди них производится отбор по признаку информативности, а также осуществляется группировка выбранных показателей по компонентам или подсистемам; считается, что полученный набор показателей является составной частью разработанной модели изучаемого феномена; осуществляется выборка только тех показателей, которые находятся в соответствии с моделью (т. е. фактически составляют саму модель), остальные показатели отбрасываются.

Затем оценивается пригодность разработанной теоретической модели Я-концепции для ее эмпирической верификации и интерпретации в практике исследования.

Итак, *теоретическая рефлексия исследователя* способствует обоснованию теоретических положений и координат решения проблемы Я-концепции субъектов служебной деятельности, реализуя теоретизацию знаний, абстрагирование и идеализацию, теоретическое моделирование, восхождение от абстрактного к конкретному; *синтез* разрозненных продуктивных идей и концептуальных *построений*, выявленных в ходе сравнительного анализа имеющихся в психологической науке моделей изучаемого феномена и *визуализацию* созданной авторской теоретической модели Я-концепции, *проверку* пригодности разработанной модели для ее эмпирической верификации и интерпретации. Для уточнения методологической позиции исследователю необходимо иметь в виду, что «теория не состоит исключительно из одного теоретического содержания. В нее включаются также элементы эмпирического знания и эмпирической методологии» [10, с. 334].

Эмпирический уровень исследований Я-концепции субъектов служебной деятельности детерминирован какой-либо теорией и основан на арсенале методических средств. Данные средства — «это орудия исследователя, посредством которых он взаимодействует с изучаемым объектом с целью получения нового знания», — считает В. А. Барабанщиков [4, с. 96].

Подбирая конкретные психодиагностические методики для эмпирической верификации разработанной теоретической модели Я-концепции с учетом обоснованных показателей, следует учитывать мнение С. Л. Рубинштейна [16, с. 39]: «При использовании различных методов психологического исследования необходимо считаться с особенностями изучаемой проблемы. ... *Методика исследования всегда отражает ту или иную методологию*».

С точки зрения В. Д. Балина [3, с. 75] «на основании отобранных переменных производится поиск или конструирование набора методик, который, как и набор переменных, должен соответствовать модели явления; быть полным и даже избыточным, во-первых, из соображений надежности, во-вторых, для обеспечения более широкого «охвата» предмета исследования на случай неверности гипотезы; допускать существование системообразующего фактора, что практически может проявляться в иерархизации состава методик; быть информативным. Диапазон информативности каждого признака и методики в наборе должны совпадать».

Итак, на основе гипотетически выделенных компонентов или подсистем с их показателями проводится операционализация разработанной исследователем теоретической модели Я-концепции субъектов служебной деятельности. На эмпирическом уровне исследования происходит трансформация всех показателей предложенной теоретической модели в точные количественные их характеристики и соотношения. Структура Я-концепции обладает множеством показателей, по которым она описывается и выявляются внутри- и межкомпонентные связи, уровни их проявления. Именно *существенные показатели* включаются в моделируемую на теоретическом уровне исследования структуру Я-концепции.

Далее осуществляется эмпирическое обобщение выявленных различных *конфигураций связей показателей* в изучаемой структуре Я-концепции и фактов. Между тем, В. А. Барабанщиков [4, с. 97] полагает, что «каждый эмпирический факт по своему психологическому содержанию оказывается многозадачным, — это требует от исследователя фиксации не только определенного аспекта, среза или момента изучаемого предмета, но и самой возможности их последующей реконструкции в рамках органического целого».

Близкую точку зрения высказывает В. Д. Балин [3, с. 75] и говорит о том, что «при системном исследовании описание элементов анализируемого объ-

екта проводится не само по себе, а лишь в связи с учетом их места в целом, в системе».

Разумеется «основа, порождающая другие связи, *причина* этих связей — *структура*, — писал С. Л. Рубинштейн, — т. е. структурные связи, — объединяют отдельные элементы, аспекты или стороны в единое целое. Многие, и притом важные, *законы выражают именно структуру связи*» [17, с. 96].

Путем эмпирической верификации и с использованием методов математической статистики выявляется *системообразующий* компонент или подсистема изучаемой теоретической модели Я-концепции субъектов служебной деятельности. Дело в том, что «*системообразующий фактор* как бы задает направление действия закона. В зависимости от него одна и та же закономерность может проявляться и неизбежно проявляется по-разному» [9, с. 113].

Эмпирическая рефлексия проявления структуры Я-концепции субъектов служебной деятельности обеспечивает следующее. Во-первых, подтверждение или опровержение гипотезы исследования, обоснованности сформулированных теоретических положений, идей и разработанной модели изучаемого феномена с учетом эмпирически установленных данных. Впрочем «результатом эмпирического исследования всегда являются какие-нибудь данные» [12, с. 153]. Фактически осуществляется проверка плодотворности принятой исследователем методологической позиции.

Во-вторых, раскрытие общего, особенного и единичного в проявлении структуры Я-концепции в зависимости от ее уровней и типологических характеристик; индивидуальных и социально-психологических различий субъектов служебной деятельности. Здесь используется *сравнение*. Оно «начинается с сопоставления или сопоставления явлений, т. е. с синтетического акта, посредством которого производится анализ сравниваемых явлений — выделение в них *общего и различного*; выступающее в результате анализа общее, в свою очередь, объединяет, т. е. синтезирует, обобщаемые явления. Таким образом, *сравнение* — это анализ, который осуществляется посредством синтеза и ведет к обобщению и новому синтезу. ... Роль сравнения особенно велика на уровне эмпирического познания...» [15, с. 144].

В-третьих, объяснение эмпирически установленных фактов, зависимостей и закономерностей проявления Я-концепции субъектов служебной деятельности, что обогащает эмпирическую базу в единой области исследований Я-концепции.

Итак, *эмпирическая рефлексия* исследователя конкретизирует авторскую методологическую позицию и теоретические построения, верифицирует или фальсифицирует гипотетические представления о структурной организации Я-концепции в многоаспектности ее проявления у субъектов служебной деятельности.

Прикладной уровень исследований Я-концепции субъектов служебной деятельности с методологической точки зрения охватывает вопросы:

♦ решения прикладных проблем и «обогащает психологию новыми данными, методами, идеями» [4, с. 91];

♦ разработки различных психотехнологий, психотехник и алгоритмов развития позитивной Я-концепции субъектов, их способности к саморефлексии и саморегуляции в служебной деятельности;

♦ реализации концептуально обоснованных программ и модулей психологического обеспечения работы по преодолению барьеров и затруднений в развитии Я-концепции субъектов служебной деятельности.

Практическая составляющая проблемы Я-концепции субъектов служебной деятельности предполагает концентрацию усилий исследователя, направленных на создание, апробацию и внедрение в психологическую практику своих прикладных разработок, согласованных со своей методологической позицией, теоретическими координатами и установленными эмпирическими фактами.

Итак, *рефлексия* прикладных, проблем Я-концепции субъектов служебной деятельности способствует применению авторских теоретических достижений и результатов исследования в психологической практике.

Таким образом, рассмотрение общих вопросов теории и практики исследований Я-концепции субъектов служебной деятельности осуществлено на основе анализа *теоретического* (выполнение методологических правил теоретизации знаний, обоснование теоретических координат решения проблемы с теоретической рефлексией; разработка теоретической модели изучаемого феномена), *эмпирического* (операционализация разработанной теоретической модели Я-концепции с подбором психодиагностических методик; эмпирическая рефлексия верификации; объяснение эмпирически установленных фактов, зависимостей и закономерностей проявления Я-концепции; конкретизация авторской методологической позиции и теоретических построений) и *прикладного* (концентрация усилий на решении при-

кладных проблем Я-концепции; создание психотехнологий, концептуально обоснованных программ и модулей психологического обеспечения изучаемого процесса; апробация и внедрение в психологическую практику прикладных разработок) *уровней научного познания*.

Список источников

1. Агапов В. С., Дружинина В. Н. Методология исследования динамики образа профессии в структуре Я-концепции сотрудников полиции // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 1. С. 11–14.
2. Аллахвердов В. М., Карлин А. С., Шилков Ю. М. Принцип идеализации // Методология и история психологии. 2007. Т. 2 № 2. С. 147–162.
3. Балин В. Д. Введение в теоретическую психологию. СПб. : СПбГУ, 2012.
4. Барабанщиков В. А. Системный подход в структуре психологического познания // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 1. С. 86–99.
5. Брушлинский А. В. Психология субъекта. М. : ИПРАН; СПб. : Алетейя, 2003.
6. Бусыгина Н. П. Качественные и количественные методы исследований в психологии. М. : Юрайт, 2016.
7. Корнилова Т. В. Экспериментальная психология. В 2 ч. Ч. 2. М. : Юрайт, 2017.
8. Лебедев С. А. Научный метод: история и теория: моногр. М. : Проспект, 2018.
9. Ломов Б. Ф. Системность в психологии. М. : ИПП, Воронеж : НПО «МОДЭК», 1996.
10. Майданов А. С. Методология научного творчества. М. : Книжный дом; Либроком, 2019.
11. Никандров В. В. Метод моделирования в психологии. СПб. : Речь, 2003.
12. Никитин Е. П. Объяснение — функция науки. М. : Наука, 1970.
13. Овчинников Н. Ф. Принципы теоретизации знания. М. : ЛЕНАНД, 2014.
14. Орехов А. Н. Моделирование психических и социально-психологических процессов: номотетический подход: дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2006.
15. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб. : Питер, 2012.
16. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 1999.
17. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. СПб. : Питер, 2012.

18. Чеснокова А. Г. Детерминизм, историзм и принцип восхождения от абстрактного к конкретному в психологической теории С. Л. Рубинштейна // *Методология и история психологии*. 2007. Т. 2. № 4. С. 83–98.

19. Швырев В. С. Методологическое содержание объяснения // *Методология и история психологии*. 2008. Т. 3. № 1. С. 12–15.

References

1. Agapov V. S., Druzhinina V. N. Methodology of the study of the dynamics of the image of the profession in the structure of the Self-concept of police officers // *Psychology and pedagogy of official activity*. 2021. No. 1. P. 11–14.

2. Allakhverdov V. M., Karlin A. S., Shilkov Yu. M. The principle of idealization // *Methodology and history of psychology*. 2007. Vol. 2 No. 2. P. 147–162.

3. Balin V. D. Introduction to theoretical psychology. St. Petersburg : St. Petersburg State University, 2012.

4. Barabanshchikov V. A. System approach in the structure of psychological cognition // *Methodology and history of psychology*. 2007. Vol. 2. No. 1. P. 86–99.

5. Brushlinsky A. V. Psychology of the subject. M. : IPRAN; St. Petersburg : Aleteya, 2003.

6. Busygina N. P. Qualitative and quantitative methods of research in psychology. M. : Yurayt, 2016.

7. Kornilova T. V. Experimental psychology. At 2 h. 2. M. : Yurayt, 2017.

8. Lebedev S. A. Scientific method: history and theory: monogr. M. : Prospect, 2018.

9. Lomov B. F. Systemicity in psychology. M. : IPP, Voronezh : NPO «MODEK», 1996.

10. Maidanov A. S. Methodology M. : Book House; Librocom, 2019.

11. Nikandrov V.V. Method of modeling in psychology. St. Petersburg : Speech, 2003.

12. Nikitin E. P. Explanation — the function of science. M. : Nauka, 1970.

13. Ovchinnikov N. F. Principles of the theorization of knowledge. M. : LENAND, 2014.

14. Orekhov A. N. Modeling of mental and socio-psychological processes: nomotetic approach: diss. ... Doctor of Psychological Sciences. M., 2006.

15. Rubinstein S. L. Being and consciousness. St. Petersburg : Peter, 2012.

16. Rubinstein S. L. Fundamentals of General psychology. St. Petersburg : Peter, 1999.

17. Rubinstein S. L. Man and the World. St. Petersburg : Peter, 2012.

18. Chesnokova A. G. Determinism, historicism and the principle of ascent from the abstract to the concrete in S. L. Rubinstein's psychological theory // *Methodology and history of psychology*. 2007. Vol. 2. No. 4. P. 83–98.

19. Shvyrev V. S. Methodological content of the explanation // *Methodology and history of psychology*. 2008. Vol. 3. No. 1. P. 12–15.

Информация об авторах

В. С. Агапов — профессор кафедры юридической психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор психологических наук;

И. Е. Смирнова — старший инспектор по особым поручениям Контрольно-ревизионного управления МВД России;

Н. Н. Красноштанова — ведущий научный сотрудник НИЦ № 2 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, кандидат педагогических наук;

М. О. Титова — адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

V. S. Agapov — Professor of the Department of Legal Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Psychological Sciences;

I. E. Smirnova — Senior Inspector on Special Assignments of the Control and Audit Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

N. N. Krasnoshtanova — Leading Researcher of the SIC No. 2 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate Pedagogical Sciences;

M. O. Titova — Adjunct of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.09.2022; одобрена после рецензирования 15.10.2022; принята к публикации 12.12.2022. The article was submitted 12.09.2022; approved after reviewing 15.10.2022; accepted for publication 12.12.2022.

Научная статья

УДК 1/159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-326-333>

ИПОН: 2003-0059-1/23-598

MOSURED: 77/27-003-2023-01-797

Обзор отечественных и зарубежных исследований синдрома эмоционального выгорания у сотрудников полиции: инструментарий, результаты, профилактика

Александр Владимирович Булгаков¹, Таисия Александровна Кулиева²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ av_bulgakov@mail.ru

² tkulieva@bk.ru

Аннотация. Рассмотрены отдельные подходы отечественных и зарубежных авторов к оценке и измерению эмоционального выгорания у сотрудников за период с 2011 по 2022 гг. Проанализированы результаты эмпирических и теоретических исследований. Актуальность темы обусловлена сильным негативным влиянием данного синдрома как на самого сотрудника, так и «иррадиацией» на сложившиеся коллективы. Своевременное выявление и чуткое отношение к данной проблеме важно еще и потому, что сотрудник при данном синдроме либо не замечает отрицательных явлений и состояний, либо до последнего момента откладывает решение проблемы. На основе сравнительного анализа обнаруживается стойкая взаимосвязь профессии полицейского и формирования синдрома эмоционального выгорания или его отдельных показателей. Сформулирован комплекс профилактических мер исходя из результатов представленных исследований.

Ключевые слова: выгорание, измерение, хронический стресс, деформация, последствия, диагностика, симптом, деперсонализация, истощение, адаптация, поведение, реагирование, профилактика

Для цитирования: Булгаков А. В., Кулиева Т. А. Обзор отечественных и зарубежных исследований синдрома эмоционального выгорания у сотрудников полиции: инструментарий, результаты, профилактика // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 326–333. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-326-333>.

Original article

Review of domestic and foreign studies of emotional burnout syndrome in police officers: tools, results, prevention

Alexander V. Bulgakov¹, Taisiya A. Kulieva²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ av_bulgakov@mail.ru

² tkulieva@bk.ru

Abstract. Separate approaches of domestic and foreign authors to the assessment and measurement of emotional burnout in employees for the period from 2011 to 2022 are considered. The results of empirical and theoretical studies are analyzed. The relevance of the topic is due to the strong negative impact of this syndrome both on the employee himself and "irradiation" on established teams. Timely identification and sensitive attitude to this problem is also important because an employee with this syndrome either does not notice negative phenomena and conditions or postpones solving the problem until the last moment. Based on a comparative analysis, a persistent relationship between the profession of a police officer and the formation of an emotional burnout syndrome or its individual indicators is revealed. A set of preventive measures is formulated based on the results of the presented studies.

Keywords: burnout, measurement, chronic stress, deformation, consequences, diagnosis, symptom, depersonalization, exhaustion, adaptation, behavior, response, prevention

For citation: Bulgakov A. V., Kulieva T. A. Review of domestic and foreign studies of emotional burnout syndrome in police officers: tools, results, prevention. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):326–333. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-326-333>.

В современных условиях не только в Российской Федерации, но и во всем мире, все более остро встает вопрос эмоционального выгорания и стресса сотрудников в профессиональной сфере в целом. Этот вопрос также актуален для правоохранитель-

ной деятельности и в частности сотрудников внутренних дел. Данное эмоциональное состояние личности развивается как на фоне негативных внешних факторов социальной, экономической среды, организационной культуры, так и имеет свойство взаи-

© Булгаков А. В., Кулиева Т. А., 2023

мопроекции структуры личностного ресурса, зависит от модели психологического поведения. Последствия данного явления обладают свойством многозначительности и имеют ярко выраженные негативные формы: снижаются работоспособность, интерес к профессиональной деятельности, уровень ответственности; повышаются психологическая нестабильность, агрессия, безразличие к осуществляемым действиям; утрачивается истинное представление о нравственном смысле профессии [1, с. 23–25]. Необходимо подчеркнуть, как правило, в случае наличия механизмов профессионально-нравственной деформации (моральное отчуждение, профессиональное выгорание, рефлексивность, А. В. Булгаков) [2, с. 336–375], подверженная личности игнорирует данную проблему и возможные негативные проявления, не придает должного значения, «отпускает проблему на самотек», принимает позицию отрицания и бегства от реальности, не признает необходимость самоанализа и помощи. Поэтому встает вопрос о необходимости своевременного выявления таких явлений и помощи в их решении.

Цель статьи — охарактеризовать имеющиеся теоретические и практические подходы к оценке и профилактике синдрома эмоционального выгорания у отечественных и зарубежных сотрудников полиции в последние десять лет.

Основными задачами, способствующими достижению цели, являются: ознакомление с трудами и результатами исследований; изучение моделей измерения эмоционального выгорания и стресса у представителей данной профессии; обобщение комплекса профилактических мер в рамках рассматриваемой тематики.

Объект исследования — эмоциональное выгорание и его показатели у сотрудников вышеуказанной категории. Предмет — научные подходы и статистические показатели в работах Н. Е. Водопьяновой, В. В. Бойко, А. В. Буданова, А. В. Булгакова, Ю. В. Варданян, О. М. Воробьевой, М. С. Лавровой, Т. В. Мальцевой, Ю. Б. Макаренко, Е. С. Старченковой, В. Перлман, Х. А. Хартман, К. Маслач, Дж. Гринберга, Ф. Зулкафали, С. Балдвин, Б. Басинска, Э. Смоктунович, К. Кейрос, Ф. Пассос, А. Бартоло, А. Х. Маркес, К. Ф. да Силва, А. Перейра и других авторов.

Методологическая база строится на сравнении количественных показателей методик исследований

и синтезе явлений-детерминант исследуемого феномена, изучении теоретических работ и результатов исследований.

В научной литературе выявлено более 100 симптомов эмоционального выгорания, при этом почти каждый ученый предлагает свою систему оценки и измерения показателей. На сегодняшний день существуют 1, 2, 3, 4 и 5-мерные модели измерения данного явления. Однофакторная модель, разработанная после 2-факторной и 3-факторной, акцентируется на эмоциональном истощении, остальные компоненты синдрома являются дополнительными и как следствие купирования стрессовых проявлений (А. Пайнс, Е. Аронсон) [3]. Двухфакторная модель, при разработке Д. Дирендонком и В. Шауфели, предусматривалась для медицинского персонала.

В 1981 г. К. Маслач обосновала трехмерную модель данного синдрома; определяется у сотрудников, профессиональная обязанность которых связана с оказанием помощи и услуг другим людям. Профессиональное выгорание и стресс проявляются, как: 1) эмоциональное истощение (сотрудник устал и обессилен); 2) деперсонализация (он отстранился, стал холоден и циничен); 3) чувства, детерминированные профессиональной несостоятельностью (он сделал много ошибок, не смог многого достичь и т. д.) [4, с. 23–25]. Отечественными учеными Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой на основе модели К. Маслач разработана русскоязычная версия диагностики синдрома эмоционального выгорания. Методика апробирована многими исследователями на протяжении уже более 20 лет представляет собой опросник из 22 утверждений. Методика также адаптирована для нескольких видов профессий категории «человек–человек» [5, с. 190–193].

Четыре стадии измерения эмоционального выгорания и стресса предлагают Б. Перлман и Х. Хартман в своей динамической модели: 1) напряжение, связанное с осуществлением дополнительных усилий в вопросах адаптации к сложившейся здесь и сейчас ситуации; 2) возрастание стресса; 3) проявление индивидуальных вариаций одновременно с точки зрения физиологии, аффекта, поведения; 4) проявление хронического стресса [6, с. 42].

Джозеф Гринберг представил следующий вариант измерения эмоционального выгорания: 1) «медовый месяц» (усложнение заданий ведет к уменьшению интереса сотрудника); 2) «недостаток топлива» (прояв-

ление усталости, отрешенности, бессонница, отсутствие аппетита, опоздания, частые перекуры); 3) «хронические симптомы» (сотрудник раздражен, агрессивен, изнеможен); 4) «кризис» (появление хронических заболеваний, отсутствие работоспособности, падает самооценка); 5) «пробивание стен» (проблемы физического и психологического плана, вероятность появления опасных для жизни заболеваний) [7, с. 342].

В. В. Бойко под эмоциональным выгоранием понимает механизм психологической защиты от интенсивных и продолжительных стрессов. Стресс, по его мнению, является состоянием психического напряжения, возникающим, в основном, в экстремальных и сложных условиях [8, с. 13]. Б. Г. Ананьев, М. В. Агапова, В. Е. Орел, Г. А. Зарипова подчеркивают: эмоциональное выгорание среди сотрудников органов внутренних дел следует оценивать такими показателями, как: специфика работы; количество отработанных лет; должностные обязанности. На основании этих составляющих определяется профессиональная деформация, вероятность суицидальных наклонностей, копинг-стратегии, средства решения проблем.

В 2016 г. было обследовано 500 сотрудников ОВД РФ (по опроснику Н. Е. Водопьяновой «профессиональное выгорание», опроснику SACS) [9]. Исследование уровня выраженности «профессионального выгорания» показало следующее: деперсонализации (деформации отношений с другими людьми) подвержены 32 % сотрудников, 27 % из которых имеют стаж службы не более 3-х лет. У начинающих сотрудников (57 %) наблюдались сильная выраженность пассивной стратегии избегания (уход от решения проблем алкоголем, курением, наркотическими или психотропными средствами, едой и т. д.). Редукции личностных достижений (тенденция негативно себя оценивать, преуменьшать собственное достоинство, негативно относиться к служебным достоинствам и возможностям и др.) выявлены у 56 % респондентов со сроком службы в органах ОВД более десяти лет.

В 2018 г. по результатам эмпирических исследований психологической безопасности в контексте эмоционального выгорания у сотрудников полиции эмоциональное выгорание было установлено у 30 респондентов из выборки в 206 сотрудников (14,6 %, в возрасте от 19 до 48 лет). Показатели диагностики эмоционального выгорания по методике выгорания В. В. Бойко обнаружили сформированность показателей (фаза истощения, фаза эмоционального напря-

жения, эмоционально-нравственная дезориентация, неадекватного эмоционального реагирования, редукции профессиональных обязанностей, эмоционального дефицита) в среднем у 28 % обследуемых, у 25 % — в стадии формирования [10, с. 206].

Также в 2018 г. при изучении особенностей профессиональной деформации личности сотрудников ОВД по методике В. В. Бойко (30 сотрудников: I группа (сотрудники полиции, оперуполномоченные уголовного розыска, участковые уполномоченные полиции), II группа (подразделения тылового обеспечения, связи и информационных технологий, мобилизационной подготовки и мобилизации; по работе с личным составом). Наиболее яркие симптомы показала II группа (53 % — в стадии «начинающие», 26,6 % — в стадии «сформирован»). Из конкретных показателей наиболее выражены моральная дезориентация (15,46 %) и эмоциональный дефицит (16,4 %). Во II группе наиболее высокие показатели моральной дезориентации (13,13 %) и экономии эмоционального реагирования (14,27 %) [11, с. 5].

Результаты исследования эмоционального выгорания у сотрудников охранно-конвойной службы полиции РФ (95 человек, методика «Диагностика эмоционального выгорания») в 2019 г. демонстрируют синдром эмоционального выгорания как сложившийся — у 12,8 % сотрудников, в фазе формирования — у 23,4 %, синдром отсутствовал у 63,8 % опрошенных. Карта формирования синдромов выглядит следующим образом: симптомы напряжения (сформирован — 14 %, в стадии формирования — 14,7 %, не сформирован — 71,3 %), симптом резистенции (сформирован — 21,3 %, в стадии формирования — 43,6 %, не сформирован — 71,3 %), синдром истощения (сформирован — 12,8 %, в стадии формирования — 18,1 %, не сформирован — 69,1 %) [12].

В 2019–2020 гг. профессором А. В. Булгаковым опубликован результат исследования группы психологов ОВД с различным сроком службы (80 сотрудников, опросник «профессиональное выгорание» Н. Е. Водопьяновой). Проверка проводилась посредством использования зависимых переменных (эмоциональное истощение, деперсонализация, профессиональные достижения) с дифференциацией у женщин и мужчин по четырем группам (независимые переменные — срок службы: до 5 лет, от 5 до 10 лет, от 10 до 15 лет, старше 15 лет). Интересен тот факт, что вопреки устоявшейся тенденции, прямой

зависимости срока службы и эмоционального выгорания не обнаружено. Наименьшие показатели по трем переменным выявлены у сотрудников сроком службы от 10–15 лет, наиболее высокие у сотрудников мужской группы со сроком службы до пяти лет [2, с. 371]. Склонность молодых сотрудников к эмоциональному выгоранию объясняется новизной и эмоциональным потрясением, чему способствуют обстоятельства работы в напряженном режиме, повышенные эмоциональные нагрузки взаимодействия в микро и макро коллективах со сложным контингентом лиц, отсутствие поддержки со стороны коллектива и руководства, завышенные требования и ожидания к условиям службы и др.

При анкетировании психологов органов внутренних дел РФ во время действия ограничительных мер по распространению коронавирусной инфекции в 2021 г. (30 человек), 38 % психологов обнаружили признаки профессионального выгорания у себя, 75 % респондентов данный феномен наблюдают у коллег (рефлексия эмоционального выгорания) [13, с. 71]. Кроме повышенного риска инфицирования сотрудников полиции, эпидемии оказывают также влияние на формирование возможной психоэмоциональной нестабильности и дезадаптационного поведения. Исследования в данной области проводились как отечественными, так и зарубежными авторами. В условиях пандемии обследовался 371 сотрудник ОВД РФ. В выборке состояли как переболевшие, так и не имеющие заболеваний, применялись тест «нервно-психологическая адаптация», опросник личностной и ситуативной тревожности Спилберга-Ханина, методика диагностики Басса-Дарки в адаптации А. А. Хвана. В отдельных случаях выявлены переменные, характеризующие эмоциональное выгорание: у заболевших — дисфункциональные невротические реакции, тревожность, развитие фобий; у лиц, находившихся на самоизоляции — дисфункциональные реакции на стрессовые ситуации; у сотрудников, продолжавших несение службы — снижение нервно-психической устойчивости, эмоциональное утомление, усталость от службы [14, с. 64–65].

При всей совокупности факторов сложности и напряженности профессиональной деятельности полицейских (недостаточная укомплектованность служб внутренних дел, не всегда корректные проверки профессиональной деятельности, сокращения на работе среди коллег, возрастающие с каждым

годом требования к выполнению обязанностей, возможные террористические акты и т. д.), данные прикладных исследований эмоционального выгорания сотрудников ОВД РФ не свидетельствуют о критических показателях синдрома эмоционального выгорания и не приводят к социальной дезадаптации, девиантному поведению, возможно, как в силу объективных причин (система профессионального отбора и подготовки, психологическое сопровождение во время деятельности), так и в силу личных качеств сотрудников. В тоже время, даже небольшие изменения в значениях данной области требуют реагирования со стороны системы подготовки, руководителей.

При анализе отдельных зарубежных исследований отмечено, что детерминанты выгорания сотрудников полиции находятся в тесной взаимосвязи со стрессозависимыми факторами: неадаптивными копинг-стратегиями преодоления стресса на работе (Ф. Зулкафали, К. Камаруддин и Н. Х. Хассан, Малайзия, 2017 г., обзор статей) [15], краткосрочные и долгосрочные нарушения здоровья (С. Болдуин, К. Беннелл, Дж. П. Андерсен, Т. Сэмпл и Б. Дженкинс, Канада, 2019 г., записи GPS, оперативные записи вызовов и происшествий во взаимосвязи с физиологическими реакциями /116 смен/ 9 дней, 64 офицера) [16]. Как последствия эмоционального стресса и выгорания были выявлены усталость от сострадания, низкая корреляция эмоционального выгорания с внешними трудовыми ценностями (престиж, продвижение и др.), высокая корреляция с личными ценностями и вовлеченностью (Б. А. Басинская и А. М. Дадерман, Польша, 2019 г., методы: концептуальная модель на основе Теории сохранения ресурсов и благосостояния (Теории COR), Теория развития карьеры Супер, Ольденбургский опросник выгорания, Утрехтская шкала вовлеченности в работу, 234 полицейских) [17], самоубийства (Дж. М. Виоланти и др. США, 2019 г., семантический обзор PRISMA) [18]. Высокие показатели профессионального выгорания связаны с повышенным контролем, требованиями и низкой обратной связью (поддержкой), вызывают, как следствие, контрпродуктивное поведение: саботаж, уход в себя (Е. Смоктунович и др., штат Колорадо, 2015 г., Ольденбургский опросник выгорания, модели «требования–контроль–поддержка», Модель сохранения ресурсов, 625 полицейских) [19]. Частые случаи высокого артериального давления, увлечения курением и алкоголем в совокупности с длительным

воздействием стресса приводят к проблемам в семье и агрессивному поведению с населением (Ф. Нили и С. Кливленд, штат Флорида, 2011 г., модель на основе концепции теории направлений-деформаций Мандзони и Эйснера, тест Манна-Уитни, 94 полицейских) [20].

В связи с учащением самоубийств и проявлением агрессии в общении с гражданами полицейских Франции, Португалии, Испании организованы исследования психического и физического здоровья в 2020 г. Статистическая выборка: 2057 полицейских агентов и командиров Португалии (задачи патрулирования дорог, обеспечения дорожного движения, расследования уголовных дел, группы быстрого реагирования). В Португалии отмечен самый высокий показатель по сравнению со всеми странами Европы в части приема полицейскими успокаивающих психотропных лекарственных средств (антидепрессантов, анксиолитиков). При описании выгорания 25,3 % выборки показали низкий уровень энтузиазма, 16,5 % показали высокий уровень стресса, а 10,6 % — критический уровень психологического истощения, 9,7 % — критический уровень вины, 10,7 % — эмоционального выгорания, 28 % испытывали очень высокий уровень стресса, при этом 54,5 % из них подвержены риску развития психологического расстройства. Исследована роль спорта и физических упражнений в противостоянии профессиональному стрессу [21, с. 1–12]. В швейцарском издании 2022 г. на примере 127 сотрудников полиции была определена у 26,5 % исследуемых взаимосвязь выгорания с чувством безнадежности, депрессией; в отдельных случаях эти состояния были связаны с суицидальными мыслями. В данном случае личные достижения (ОШ = 0,57, 95% ДИ: 0,32) – 1) являлись защитным фактором [22, с. 1–12].

По результатам исследований эмоционального выгорания, отдельные симптомы синдрома эмоционального выгорания присутствуют, как правило, у всех сотрудников, хотя в целом синдром может быть и не сформирован или в стадии формирования. Были проанализированы результаты различных исследований групп от 30 до 2057 сотрудников по методикам В. В. Бойко и Н. Е. Водопьяновой, опросник личностной и ситуативной тревожности Спилбергера-Ханина, тест «Нервно-психическая адаптация», методики диагностики состояния агрессии Басса-Дарки в адаптации А. А. Хвана, семантический обзор и др.

Итоги исследований в отдельных случаях обнаруживали линейные результаты, а другие оказывались весьма неожиданными. Как правило, эмоциональное выгорание сотрудников полиции исследуется отечественными учеными посредством имеющихся методик без привлечения конкретизирующих вариаций диагностики для лиц данной профессии в правоохранительной среде и ОВД ввиду отсутствия. Используются специализированные модели исследования для учителей и преподавателей, для руководителей среднего звена, для представителей коммерческих служб, для медицинского персонала, для торговых работников и др. Конкретизирующие диагностики психологического состояния сотрудников полиции РФ не обнаружены. Данные исследования должны учитывать следующие характеристики: непредсказуемость и опасность, рост насилия с применением огнестрельного оружия в городских районах, угрозы террористических нападений, трудности оперативно-служебной деятельности, критика со стороны граждан и общества и др. Подобные разработки отмечены при изучении португальских исследований (опросник оперативного полицейского стресса PSQ-Op, дополнительные вопросники о стрессе полицейских) [21, с. 2–7].

Мониторинг вышеназванных научных и прикладных трудов свидетельствует о следующем.

1. Важна профилактика негативных явлений и их крайних состояний; своевременное выявление сотрудников, наиболее подверженных рискам в исследуемой проблематике; совершенствование и инновация процессов обучения кадров в соответствии с занимаемой должностью; формирование у действующих и будущих сотрудников системы знаний и навыков владения психологическими закономерностями совладания со стрессом, выстраивания механизма дистресса, многоосевая модель «поведения преодоления» С. Хобфолла.

2. Необходимо постоянно актуализировать психологическое обеспечение и сопровождение служебной деятельности полицейских, разрабатывать и перерабатывать дополнительные программы психологической подготовки; в случае невысоких, но значимых показателей, применять концепцию слабых сигналов И. Ансоффа; использовать современные психологические технологии управления персоналом в сочетании с принципом культурного опосредования Л. С. Выготского.

3. Исследования нравственных ценностей сотрудников, привитие новых, направленных на вовлеченность в служебную деятельность, могут существенно снизить эмоциональное выгорание; интересен опыт применения логотерапии как концепции терапии и восстановления экзистенциального вакуума.

4. Необходимым является проведение спектра тренинговых мероприятий, направленных на укрепление психического состояния, повышение умственной активности, появление чувства самоуверенности и личностной значимости; руководителям и психологическим службам важно выявлять личные ресурсы и ресурсы служебных коллективов, формировать в случае наличия эмоционального выгорания группы риска.

5. Целесообразно расширить исследования в части актуализации факторов и условий служебной деятельности сотрудников полиции, способствующих снижению эмоционального выгорания; необходимо учитывать сложности и особенности служебных задач и функций, социального взаимодействия, региональную специфику службы, травмы, сменность работы полицейских и др.

6. Не всегда стресс воздействует деструктивно на организм и когнитивные способности человека. В то же время, значительные превышения стресс-характеристик могут негативно сказаться на возможностях и самочувствии сотрудника. В данных обстоятельствах значительно снижается сосредоточенность, работоспособность, самостоятельность в принятии решений или повышается, наоборот, импульсивность, необдуманность, состояние тревоги. Исследование физиологического стресса на групповом уровне нельзя применять для конкретного сотрудника в определенной ситуации. Параметры вегетативно-нервной системы не однозначно предсказывающие реакции на индивидуальном уровне не являются абсолютной мерой.

Таким образом, в данной статье проанализировано семь отечественных (с 2016 по 2022 г., выборка от 30 до 500 человек) и восемь зарубежных исследований (Малайзия, Польша, Канада, США, Португалия, Швейцария, период с 2011 по 2022 г., выборки от 64 до 2057 человек). Модели измерения были связаны как непосредственно с опросниками о выгорании, так и связанные с профессиональным стрессом, дистрессом, а также направлены на выявление симптомов нарушения физиологического и пси-

хологического здоровья. Конечно, элементы в представленных исследованиях неравнозначны, разный уровень информатизации о возрасте, должностях и др. сведениях обследуемых, комплексе противодействия и др., что обусловлено целеполаганием авторов, творческим и индивидуальным подходами. Выбор статей был направлен на описание многообразия моделей исследования, широкого спектра последствий исследуемого явления и взглядов на противодействие в данной профессиональной области.

Очень важно регулярно оценивать уровни выгорания у полицейских на начальном и более поздних этапах службы, предотвращать состояние эмоционального выгорания, депрессий, тревожности, эмоционального равнодушия. Превентивные действия и исследования в данной сфере помогут уменьшить и смягчить психологические факторы, связанные с эмоциональным выгоранием, повысят работоспособность сотрудников; улучшат кадровую ситуацию ОВД в формировании физически и психологически стабильных кадров.

Список источников

1. Буданов А. В. Работа с сотрудниками ОВД по профилактике профессиональной деформации. М. : Домодедово, 1992.
2. Булгаков А. В. Психологические механизмы профессионально-нравственной деформации личности: выявление и оценка (на примере психологов правоохранительных органов) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. Т. 25. № 4(83). С. 366–375.
3. Barth A.-R. Burnout bei Lehrern. HOGREFE-VERLAG, 1997.
4. Маслач К. Профессиональное выгорание: как люди справляются. Практикум по социальной психологии. СПб. : Питер, 2001.
5. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб. : Питер, 2008.
6. Perlman B., Hartman E. A. Burnout: Summary and Future and Research // Human relations. 1981.
7. Гринберг Дж. Управление стрессом. 7-е изд. СПб. : Питер, 2002.
8. Бойко В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. М. : Сударья, 2000.
9. Камнева Е. В. Копинг-поведение и профессиональное выгорание сотрудников органов внутрен-

них дел // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 8 // URL://<https://web.snauka.ru/issues/2016/08/70631>.

10. Варданыян Ю. В., Воробьева О. М. Исследование эмоционального выгорания сотрудников полиции в контексте психологической безопасности // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2018. № 2. С. 203–214.

11. Мальцева Т. В., Макаренко Ю. Б. Исследование особенностей профессиональной деформации личности сотрудников органов внутренних дел РФ // Международный студенческий научный вестник. 2018. № 6. С. 3–10.

12. Муханов Е. И. Синдром эмоционального выгорания полицейских охранно-конвойной службы // URL://<https://pandia.ru/text/80/298/31859.php>.

13. Лаврова М. С. О некоторых проявлениях профессионального выгорания у психологов ОВД // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 4. С. 69–73.

14. Жернов С. В., Ичитовкина Е. Г., Соловьев А. Г. Влияние личностных и социальных особенностей на формирование психической травматизации у сотрудников полиции в условиях пандемии COVID-19 // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2021. № 3. С. 59–63.

15. Zulkafaly F., Kamaruddin K., and Hassan N. H. (2017). Coping strategies and job stress in policing: a literature review. *Int. J. Acad. Res. Bus. Soc. Sci.* 7, 458–467.

16. Baldwin S., Bennell C., Andersen J. P., Sempole T., and Jenkins B. (2019). Stress-activity mapping: physiological responses during general duty police encounters. *Front. Psychol.* 10:2216.

17. Basinska B. A., and Daderman A. M. (2019). Work values of police officers and their relationship with job burnout and work engagement. *Front. Psychol.* 10:442.

18. Violanti J. M., Owens S. L., McCanlies E., Fekedulegn D., and Andrew M. E. (2019). Law enforcement suicide: a review. *Policing* 42, 141–164.

19. Smoktunowicz E., Baka L., Cieslak R., Nichols C. F., Benight C. C., and Luszczynska A. (2015). Explaining counterproductive work behaviors among police officers: the indirect effects of job demands are mediated by job burnout and moderated by job control and social support. *Hum. Perform.* 28, 332–350.

20. Neely P., and Cleveland C. S. (2011). The impact of job-related stressors on incidents of excessive force by police officers. *Am. J. Health Sci.* 3, 63–74.

21. Burnout and Stress Measurement in Police Officers: Literature Review and a Study With the Operational Police Stress Questionnaire. Cristina Q., Fernando P., Ana B., António J. M., Carlos F. d. S., Anabela P. *Front. Psychol.* 11, 587. P. 1–39.

22. Hopelessness in Police Officers and Its Association with Depression and Burnout: A Pilot Study. Cristina C., Daniela A. M., Sergio G., Nicola M. *Int. J. Environ. Res. Public Health* 2022, 19, 5169.

References

1. Budanov A.V. Work with police officers on the prevention of professional deformation. M. : Domodovo, 1992.

2. Bulgakov A.V. Psychological mechanisms of professional and moral deformation of personality: identification and evaluation (by the example of psychologists of law enforcement agencies) // *Psychopedagogy in law enforcement agencies*. 2020. vol. 25. No. 4(83). P. 366–375.

3. Barth A.-R. Burnout bei Lehrern. HOGREFE-VERLAG, 1997.

4. Maslach K. Professional burnout: how people cope. Workshop on social psychology. St. Petersburg : St. Petersburg, 2001.

5. Vodopyanova N. E., Starchenkova E. S. Burnout syndrome: diagnosis and prevention. St. Petersburg: St. Petersburg, 2008.

6. Perlman V., Hartman E. A. Burnout: Summary and Future and Research // *Human relations*. 1981.

7. Grinberg J. Stress management. 7th ed. St. Petersburg : St. Petersburg, 2002.

8. Boyko V. V. The syndrome of «emotional burnout» in professional communication. M. : Madam, 2000.

9. Kamneva E. V. Coping-behavior and professional burnout of employees of internal affairs bodies // *Modern scientific research and innovation*. 2016. № 8 // URL://<https://web.snauka.ru/issues/2016/08/70631>.

10. Vardanyan Yu. V., Vorobyeva O. M. Investigation of emotional burnout of police officers in the context of psychological security // *Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2018. No. 2. P. 203–214.

11. Maltseva T. V., Makarenko Yu. B. Investigation of the features of professional deformation of the

personality of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation // *International Student Scientific Bulletin*. 2018. No. 6. P. 3–10.

12. Mukhanov E. I. The syndrome of emotional burnout of police security and convoy service // URL:// <https://pandia.ru/text/80/298/31859.php>.

13. Lavrova M. S. On some manifestations of professional burnout among psychologists of the Department of Internal Affairs. // *Psychology and pedagogy of official activity*. 2021. No. 4. P. 69–73.

14. Zhernov S. V., Ichitovkina E. G., Soloviev A. G. The influence of personal and social characteristics on the formation of mental traumatization among police officers in the conditions of the COVID-19 pandemic // *Biomedical and socio-psychological problems of safety in emergency situations*. 2021. No. 3. P. 59–63.

15. Zulkafaly F., Kamaruddin K., and Hassan N. H. (2017). Coping strategies and job stress in policing: a literature review. *Int. J. Acad. Res. Bus. Soc. Sci.* 7, 458–467.

16. Baldwin S., Bennell C., Andersen J. P., Sempole T., and Jenkins B. (2019). Stress-activity mapping: physiological responses during general duty police encounters. *Front. Psychol.* 10:2216.

17. Basinska B. A., and Daderman A. M. (2019). Work values of police officers and their relationship with job burnout and work engagement. *Front. Psychol.* 10:442.

18. Violanti J. M., Owens S. L., McCanlies E., Fekedulegn D., and Andrew M. E. (2019). Law enforcement suicide: a review. *Policing* 42, 141–164.

19. Smoktunowicz E., Baka L., Cieslak R., Nichols C. F., Benight C. C., and Luszczynska A. (2015). Explaining counterproductive work behaviors among police officers: the indirect effects of job demands are mediated by job burnout and moderated by job control and social support. *Hum. Perform.* 28, 332–350.

20. Neely P., and Cleveland C. S. (2011). The impact of job-related stressors on incidents of excessive force by police officers. *Am. J. Health Sci.* 3, 63–74.

21. Burnout and Stress Measurement in Police Officers: Literature Review and a Study With the Operational Police Stress Questionnaire. Cristina Q., Fernando P., Ana B., António J. M., Carlos F. d. S., Anabela P. *Front. Psychol.* 11, 587. P. 1–39.

22. Hopelessness in Police Officers and Its Association with Depression and Burnout: A Pilot Study. Cristina C., Daniela A. M., Sergio G., Nicola M. *Int. J. Environ. Res. Public Health* 2022, 19, 5169.

Информация об авторах

А. В. Булгаков — профессор кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

Т. А. Кулиева — научный сотрудник учебно-научного комплекса специальной подготовки, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

A. V. Bulgakov — Professor of the Department of Legal Psychology of Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Psychological Sciences, Professor.

T. A. Kulieva — Researcher of Educational and Scientific Complex of Special Training, Adjunct of the Faculty of Preparation of Scientific and Pedagogical and Scientific personnel of the Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.09.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 10.01.2023.

The article was submitted 20.09.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 10.01.2023.

Научная статья
УДК 159.92
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-334-337>
NIJON: 2003-0059-1/23-599
MOSURED: 77/27-003-2023-01-798

Система подготовки офицерских кадров во Франции

Василий Дмитриевич Самойлов¹, Евгения Владимировна Чернега²

¹ Сибирское отделение Академии военных наук, Омск, Россия, vas.samoylow2016@yandex.ru

² Научный журнал «Психология и педагогика служебной деятельности», Москва, Россия, Chernega1@gmail.com

Аннотация. Актуализация профессиональной подготовки кадров для системы Минобороны России обусловлена комплексированием знаний, умений, навыков и компетенций, которые формируются у обучающихся и на опыте подготовки офицеров зарубежных стран, включая Вооруженные силы Франции (ВС Франции). В содержании статьи, во-первых, ретроспектива в системе подготовки французских офицеров, во-вторых, особенности решения Президента РФ от 24 февраля 2022 г. на проведение Специальной военной операции (СВО) с целью освобождения Донбасса от геноцида людей при вседозволенности нацистов и наймитов, включая государства блока НАТО. Статья посвящена военно-патриотическому воспитанию граждан РФ.

Ключевые слова: подготовка офицеров, зарубежный опыт, Франция

Для цитирования: Самойлов В. Д., Чернега Е. В. Система подготовки офицерских кадров во Франции // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 334–337. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-334-337>.

Original article

The system of officer training in France

Vasily D. Samoilov¹, Evgeniya V. Chernega²

¹ Siberian Branch of the Academy of Military Sciences, Omsk, Russia, vas.samoylow2016@yandex.ru

² Scientific Journal «Psychology and Pedagogics in Official Activity», Moscow, Russia, Chernega1@gmail.com

Abstract. The actualization of professional training for the system of the Ministry of Defense of Russia is due to the integration of knowledge, skills, skills and competencies that are formed among students and on the experience of training officers of foreign countries, including the Armed Forces of France (French Armed Forces). The content of the article, firstly, is a retrospective in the system of training French officers, and secondly, the specifics of the decision of the President of the Russian Federation on February 24, 2022 to conduct a Special military Operation (SVO) to liberate Donbass from the genocide of people with the permissiveness of the Nazis and hires, including the states of the NATO bloc. The article is devoted to the military-patriotic education of citizens of the Russian Federation.

Keywords: officer training, foreign experience, France

For citation: Samoilov V. D., Chernega E. V. The system of officer training in France. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):334–337. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-334-337>.

Введение. В основу преобразования современной системы подготовки военнослужащих Франции положено знаменитое высказывание 1932 г. Шарля де Голля — «Армия должна быть не такой, к какой мы привыкли, а такой, какая нам нужна» [2]. Еще в 1777 г. по инициативе военного министра и реформатора графа Клода Луи де Сен-Жермена во Франции были созданы 20 военных королевских школ, благодаря которым он надеялся реформировать пришедшую в упадок армию [3]. «Тогда у нас мало занимались военным искусством, и воинский дух так упал, что король отправил французских офицеров в Пруссию с тем, чтобы они узнали там, как образуют и обучают войска» [5, с. 1]. Для поступления в школу требовалось доказать наличие у будущего кадета четырех поколений благородных предков и внести

плату за обучение. Кроме того, воспитанник должен был уметь писать и читать. В течение шести лет в школах изучались: математика, история, география, иностранные языки, а также черчение, фехтование и танцы. Сам Наполеон «получил специальное военное образование сначала в Бриенском военном училище, затем в Парижской военной школе. ...Курс военной школы он прошел в один год, тогда как другие тратили на это 2–3 года» [8, с. 7].

Материалы и методы. Возникновение системы подготовки офицеров Франции 15 июня 1878 г., когда под руководством Леваля создана Высшая военная школа [4, с. 450]. Особенности ее подсистем обучения и воспитания основаны, в первую очередь, на практиковавшейся методике преподавания [7, с. 99]. С 1882 по 1891 г. тактика изучалась по Майяру с ис-

© Самойлов В. Д., Чернега Е. В., 2023

пользованием *исторического и позитивного методов*. Исторический основывался на факте, результат которого известен, но предполагает изучение причин его явления, развития, значения и практических выводов. Позитивный метод — на изучении априори имеющихся сил и средств, сферы их применения и формулировании выводов для практики. Исторический метод продолжен в деятельности Боналя (1888–1896), Ланглуа, Ланрезака и Фоша (курсы военной истории, стратегии и общей тактики). Они дополнили этот метод методом обстоятельств — ситуаций, определяющих принципы руководства войсками. Педагогическими воспитатели продолжали использовать позитивный метод преподавания, в частности, в цикле лекций по родам войск (Петэн для пехоты, Фэйоль и Рюффей для артиллерии, Шефис для кавалерии, Пьеррон де Мондизир для инженерных войск и др.).

По мнению Ш. де Голля, в первой трети XX в. французская «военная среда как будто тяготеет к тому, чтобы придать отборной части командного состава форму, наиболее желательную для действий в условиях, аналогичных тем, которые ей только что пришлось пережить» [7, с. 99]. Большое значение придавалось взаимодействию подсистем обучения и воспитания. Система подготовки начальствующего состава «вместо того, чтобы находить вдохновение ... в уже приобретенном, преподанном в виде целостной концепции кафедрами, состоящими под надлежащим наблюдением, должна будет поставить себе законом развитие личностей» [2, с. 308].

Обсуждение. Системе подготовки военнослужащих Франции в период между двумя мировыми войнами были присущи следующие особенности: формирование индивидуальной интеллектуальной дисциплины офицеров, направленность их познания на поиск сущности и тренировку воображения, всестороннее повышение своего общего культурного уровня. Офицерами изучались: тактика, военная история, философия командования, социология, иностранные языки, но не изучалась военная география.

«Подготовка войны — это подготовка командиров» [6, с. 60–61] (Ш. де Голль, 1921 г.). Вскоре развитие системы воспитания офицеров проходило под феноменом его гения. От подсистем обучения и воспитания требовалось постоянное совершенство знаний; логичное, индуктивно-дедуктивное, гипотетическое рассуждение; сравнения на постоянном сомнении. Это формировало тенденцию на всестороннее развитие

способностей офицеров в принятии целесообразных решений, в охватывании объекта в целом, в тренировке памяти, в закалке характера, в умении постоянно владеть собой и брать на себя ответственность за происходящее и др.

Николя Саркози, как глава страны — председателя Евросоюза, был в роли посредника-миротворца между Москвой и Тбилиси с начала конфликта в Южной Осетии для достижения цели операции (Д. Медведев принял решение о ее завершении) по принуждению Грузии к миру (8–12 августа 2008 г.). Секстет принципов урегулирования операции: 1) не прибегать к использованию силы; 2) окончательно прекратить все военные действия; 3) свободный доступ к гуманитарной помощи; 4) ВС Грузии возвращаются в места постоянной дислокации; 5) ВС РФ выводят на линию, предшествующую началу боевых действий; 6) международное обсуждение вопросов будущего статуса Южной Осетии и Абхазии и путей обеспечения их прочной безопасности [9].

Результаты. По итогам анализа современной политико-военной обстановки французским военным командованием было принято решение по интеграции подготовки офицеров [1]. В 1993 г. на базе объединившихся колледжей трех видов ВС и высших штабных курсов жандармерии, в центре Парижа на территории Ecole Militaire (Военной школы), в непосредственной близости от Минобороны и Генштаба, был создан College interarmée de défense (Общевойсковой колледж обороны — ОВКО).

ОВКО — это основа системы обучения и воспитания офицеров. Реализуя тренд на развитие межвузовской интеграции системы, ОВКО за год готовит офицеров для СВ, ВМС, ВВС и жандармерии. Основная воспитательная задача — управляющее воздействие на обучение слушателей принципам организации и ведения совместных боевых действий, доведение прочных знаний для обеспечения безопасности в мире и Европе с помощью сил и средств ООН и НАТО. Офицеры-выпускники ОВКО приобретают право на замещение офицерских должностей в воинских званиях полковник — генерал.

Основной тенденцией в развитии обучения и воспитания выступает ее курсовая направленность, когда учебная программа разделена на курсы «оперативная подготовка» и «общие вопросы обороны». Обучение осуществляется поточным методом и в составе учебных групп. Анализ курса «Общие вопросы обороны»

показал, что его преподают внештатные преподаватели — специалисты по геополитике, оперативному искусству, управлению финансами, средствами связи и праву, как ведущие сотрудники университетов и представители высших органов государства.

Особенность курса «Оперативная подготовка» в его соответствии основным положениям оперативного планирования, принятым в НАТО. Постепенно во все учебные занятия внедряют новые технологии обучения. Они связаны с многовариантным автоматизированным моделированием боевой обстановки на ТВД, созданием новой формы учебных занятий — компьютерно-тренажерных. По окончании курса оперативной подготовки слушатели участвуют в реальной операции или в крупномасштабных учениях в Объединенном штабе ВС Франции. Тенденция на международный аспект подготовки офицеров реализуется в неделе «Евроучений», когда слушатели отрабатывают учебные вопросы в составе немецкого, британского, испанского и итальянского военных колледжей. Кроме того, программой предусмотрена полуторамесячная подготовка офицеров по каждому виду ВС в отдельности.

Вслед за Н. Саркози на военном поприще определился своим статусом президент Франции Э. Макрон (явно ни Наполеон, ни Шарль де Голль). В качестве гранда французского полководца он представил 11 ноября 2022 г. в Тулоне обновленную Белую книгу об обороне. По его убеждению, и военных экспертов-составителей доктрины, модель армии-2030 должна предоставить Парижу «возможности противостоять возобновлению межгосударственных конфликтов высокой интенсивности» [1; 10]. Министр обороны Лекорню: ВС Франции не создавались для крупных операций по причинам: а) с роспуска Организации Варшавского договора правительства предыдущих президентов не формировали армию для такого участия (неактуальны); б) резкое уменьшение финансирования ВС [11]. Член Бюро франко-российского диалога Пьер Жантийе: «победа ВС России в специальной военной операции по защите Донбасса неизбежна» [12].

Заключение. Итак, основными трендами развития системы подготовки офицеров Франции являются: воспитание на своих исторических традициях; оперативное реагирование на изменения форм и способов ведения боевых действий; совершенствование форм и методики обучения и воспитания на базе новых технологий; формирование навыков индивидуального обучения; межвузовская интеграция; курсовой харак-

тер обучения и воспитания; участие в воспитании офицеров гражданских специалистов. Признание факта законности и справедливости решения Президента РФ на СВО.

Список источников

1. Белая книга по обороне. М., 1994.
2. Быков А. К., Домнин И. В., Климов С. Н. и др. За профессиональную армию // Российский военный сборник. 1998. № 14.
3. Егоров А. А. Маршалы Наполеона. Ростов н/Д. : Феникс, 1998.
4. Международная конференция «Основные направления военного строительства в европейских странах», 28 февраля – 2 марта 2001 г.: тезисы докладов. М., 2001.
5. Сен-Сир Г. Записки маршала Сен-Сира о войне во времена директории, консульства и французской империи. Ч. I. СПб., 1838.
6. Ш. де Голль. Статьи и письма. Париж, 1975.
7. Duru-Bellat M., Kieeffèr A. Evaluer la démocratisation de l'enseignement: la situation française à l'épreuve des comparaisons internationales // Revue française de pédagogie. 1999. № 127.
8. Zurlinden. Napoléon et ses maréchaux: 2 vol. Paris: 1910. V.1.
9. URL://<https://rg.ru/2008/08/13/peregovory.html>.
10. URL://<https://rg.ru/2022/11/11/parizh-vstupayet-v-gonku>.
11. URL://<https://ria.ru/2022/11/10/frantsiya>.
12. URL://<https://rg.ru/2022/06/07/vo-francii-zaiavili>.

References

1. White paper on defense. M., 1994.
2. Bykov A. K., Domnin I. V., Klimov S. N. et al. For the professional army // Russian military collection. 1998. No. 14.
3. Egorov A. A. Marshals of Napoleon. Rostov n/D. : Phoenix, 1998.
4. International conference «The main directions of military construction in European countries», February 28 – March 2, 2001: abstracts. M., 2001.
5. Saint-Cyr G. Notes of Marshal Saint-Cyr about the war during the times of the directory, the consulate and the French empire. Part I. St. Petersburg, 1838.
6. C. de Gaulle. Articles and letters. Paris, 1975.
7. Duru-Bellat M., Kieeffèr A. Evaluer la démocratisation de l'enseignement: la situation française à l'épreuve des com-

paraisons internationales // Revue française de pédagogie. 1999. No. 127.

8. Zurlinden. Napoleon et ses maréchaux: 2 vol. Paris: 1910. V.1.

9. URL://https://rg.ru/2008/08/13/peregovory.html.

10. URL://https://rg.ru/2022/11/11/parizh-vstupayet-v-gonku.

11. URL://https://ria.ru/2022/11/10/frantsiya.

12. URL://https://rg.ru/2022/06/07/vo-francii-zaiavili.

Библиографический список

1. Самойлов В. Д. Антология военно-патриотического служения Отечеству: моногр. М., 2022.

2. Самойлов В. Д. О современных требованиях к системе высшего образования // Вестник высшей школы. 2002. № 11. С. 18–21.

3. Самойлов В. Д. Педагогика и психология высшей школы: учебник. М. ; Вологда, 2021.

4. Самойлов В. Д. Отчет о постановке учебного дела в Высшей Военной школе в Париже профессора Николаевской академии Генерального штаба полковника Беляева (1908 г., 33 л.) // Совершенствование системы высшего образования офицеров Вооруженных сил Российской Федерации: дисс. ... д-ра пед. наук. М. : ВУ, 2002.

5. Самойлов В. Д. Систему высшего образования российских офицеров на уровень современных требований // Открытое образование. 2002. № 6. С. 65–73.

6. Самойлов В. Д. О концепции высшего образования офицеров // Высшее образование в России. 2002. № 6. С. 77–79.

7. Теория и практика воспитания военнослужащих Вооруженных сил Российской Федерации: учеб. пособие / под общ. ред. И. А. Алехина. М. : ВУ, 2003.

8. Gaulle Ch. de. La France et son armée. P., 1938.

Bibliographic list

1. Samoilov V. D. Anthology of military-patriotic service to the Fatherland: monograph. M., 2022.

2. Samoilov V. D. On modern requirements for the system of higher education // Bulletin of higher education. 2002. No. 11. P. 18–21.

3. Samoilov V. D. Pedagogy and psychology of higher education: textbook. M.; Vologda, 2021.

4. Samoilov V. D. Report on the organization of educational affairs at the Higher Military School in Paris, Professor of the Nikolaev Academy of the General Staff, Colonel Belyaev (1908, 33 years old) // Improvement of the system of higher education for officers of the Armed Forces of the Russian Federation: diss. ... Dr. ped. Sciences. M. : VU, 2002.

5. Samoilov V. D. The system of higher education of Russian officers to the level of modern requirements // Open education. 2002. No. 6. P. 65–73.

6. Samoilov V. D. On the concept of higher education for officers // Higher education in Russia. 2002. No. 6. P. 77–79.

7. Theory and practice of education of military personnel of the Armed Forces of the Russian Federation: textbook. allowance / under total. ed. I. A. Alekhina. M. : VU, 2003.

8. Gaulle Ch. de. La France et son armée. P., 1938.

Информация об авторах

В. Д. Самойлов — корреспондент Вестника Сибирского отделения Академии военных наук, доктор педагогических наук, кандидат военных наук, профессор, ветеран военной службы, полковник запаса, пенсионер МВД России, полковник внутренней службы в отставке;

Е. В. Чернега — научный сотрудник научно-практического журнала «Психология и педагогика служебной деятельности».

Information about the authors

V. D. Samoilov — Correspondent of the Bulletin of the Siberian Branch of the Academy of Military Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Military Sciences, Professor, Veteran of Military Service, Retired Colonel of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Retired Colonel of Internal Service;

E. V. Chernega — Researcher of the Scientific and Practical Journal «Psychology and Pedagogy of Official Activity».

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.12.2022; одобрена после рецензирования 18.01.2023; принята к публикации 03.02.2023. The article was submitted 29.12.2022; approved after reviewing 18.01.2023; accepted for publication 03.02.2023.

Научная статья

УДК 1/159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-338-343>

ИПОН: 2003-0059-1/23-600

MOSURED: 77/27-003-2023-01-799

Проблема здоровья сотрудников полиции и междисциплинарный подход

Вячеслав Лазаревич Цветков¹, Вера Алексеевна Балашова², Валерий Сергеевич Агапов³,
Татьяна Александровна Хрусталева⁴

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

⁴ Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
Старотеряево, Россия

¹ czvetkov_slava@inbox.ru

² VeraKasatka2014@yandex.ru

³ agapov.vs@mail.ru

Аннотация. Изучается проблема здоровья и эмоциональных состояний сотрудников полиции. Проанализированы факторы здоровья, направления их изучения, а также результаты проведенных исследований, отражающих детерминанты здоровья, их динамические особенности, выраженность которых означает наличие повышенного риска для нанесения существенного вреда и ущерба.

Ключевые слова: здоровье, эмоциональные состояния, психические состояния, физическое здоровье, психическое здоровье, заболевание, профессиональные факторы, объективные и субъективные факторы, междисциплинарный подход, правоохранительная деятельность, личность, профессиональная деформация, психология служебной деятельности органов внутренних дел

Для цитирования: Цветков В. Л., Балашова В. А., Агапов В. С., Хрусталева Т. А. Проблема здоровья сотрудников полиции и междисциплинарный подход // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 338–343. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-338-343>.

Original article

The problem of police officers' health and an interdisciplinary approach

Vyacheslav L. Tsvetkov¹, Vera A. Balashova², Valery S. Agapov³, Tatyana A. Khrustaleva⁴

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

⁴ Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot',
Staroteryaev, Russia

¹ czvetkov_slava@inbox.ru

² VeraKasatka2014@yandex.ru

³ agapov.vs@mail.ru

Abstract. The problem of health and emotional states of police officers is being studied. The factors of health, the directions of their study, as well as the results of the conducted studies reflecting the determinants of health, their dynamic features, the severity of which means the presence of an increased risk for causing significant harm and damage, are analyzed.

Keywords: health, emotional states, mental states, physical health, mental health, illness, professional factors, objective and subjective factors, interdisciplinary approach, law enforcement, personality, professional deformation, psychology of internal affairs bodies' official activity.

For citation: Tsvetkov V. L., Balashova V. A., Agapov V. S., Khrustaleva T. A. The problem of police officers' health and an interdisciplinary approach. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):338–343. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-338-343>.

Вопрос здоровья (физического и психического) является основополагающим в жизнедеятельности человека. Особое значение он приобретает в контексте деятельности, реализация которой связана с затратой личностных ресурсов. В рамках профессиональной деятельности здоровье выступает ключевым потен-

циалом, обуславливающим работоспособность субъекта труда, результативность и успешность выполнения поставленных задач. Проблема здоровья актуализируется при профессиональном отборе и подборе в тех профессиях, в которых выполнение функциональных обязанностей связано с особой спецификой.

© Цветков В. Л., Балашова В. А., Агапов В. С., Хрусталева Т. А., 2023

В служебной деятельности сотрудника полиции такой спецификой является столкновение со стрессогенными, конфликтогенными и экстремальными факторами, детерминирующими ее интенсивный, динамический и напряженный характер.

Практика и психологические исследования свидетельствуют о том, что негативные эмоциональные состояния, возникающие у сотрудников полиции при выполнении служебных обязанностей как в повседневных, так и экстремальных, опасных для жизни и здоровья ситуациях, очень часто ведут к возникновению состояний эмоционального стресса, что значительно осложняет успех профессиональной деятельности и нередко приводит к снижению функций энергообеспечивающих систем организма, ухудшению психических процессов, падению работоспособности, возникновению нервной, соматической патологии, состояний психической дезадаптации.

Обратимся к анализу сущностного понимания категории здоровья. В Уставе Всемирной Организации Здравоохранения здоровье определяется как «состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только как отсутствие болезней и других дефектов» [3].

Важное значение имеет и следующее определение: «Здоровье (*sanitas*) есть состояние организма, все части которого нормально развиты и правильно функционируют. Такое состояние абсолютного здоровья едва ли существует, так как трудно найти организм, все части которого имели бы нормальную величину, силу, форму, структуру и все отправления которых совершались бы вполне правильно. В жизни довольствуются не идеальным, но относительным здоровьем, при котором развитие и отправление одних частей хотя и бывает сильнее других, но недостатки последних не отзываются вредно на всем организме» [8, с. 177]. С этой точки зрения, здоровье — это отсутствие вредоносного влияния существующих недостатков развития в организме.

Н. Н. Уланова [7, с. 59], обобщая наиболее распространенные научные взгляды на проблему здоровья, подчеркивает, что «здоровье — это такое состояние человека, которому свойственно не только отсутствие болезней или физических дефектов, но и полное физическое, душевное и социальное благополучие». Аналогичное понимание здоровья представлено, с точки зрения ВОЗ, и в федеральном законе Российской Федерации.

Примечательно, что в современной науке благодаря разработке новых моделей определения здоровья и болезни преодолевается искусственное разделение здоровья на соматическое и психическое. При этом имеются существенные различия «объективного» и «субъективного» здоровья.

А. А. Цветкова и Н. А. Антонова [3, с. 73] считают, что, «именно субъективное переживание человеком своего физического состояния является предметом первичного анализа для психологии, поскольку совершенно очевидно, что именно оно выступает исходным пунктом любого вида поведения, связанного со здоровьем, болезнью и лечением».

М. В. Корехова, И. А. Новикова и А. Г. Соловьев [4; 5] факторы нарушения здоровья подразделяют на факторы среды (социальные процессы в стране, ограниченная социальная активность, недостаточная образованность, холостая жизнь, трое и более детей в семье; специфика и профиль деятельности; стрессогенность условий службы, командировки с оперативными заданиями, стаж работы) и субъективные факторы (индивидуально психологические особенности личности — не адаптивные копинг-стратегии, низкий общий адаптационный потенциал, завышенная самооценка, сниженные умственные способности; высокий уровень тревожности, состояние депрессии, нервно-психическая неустойчивость, соматические расстройства).

В современной медицине разрабатывается интегративное направление в изучении факторов здоровья и болезни (А. А. Алексеев, В. А. Иванченко и др.).

По-видимому, феномен здоровья требует целостного его объяснения и изучения. Так, с понятием здоровья тесно связаны различные эмоциональные состояния.

Необходимо заметить, что эмоциональные состояния — это «состояния, вызванные переживанием человека его отношения к внешнему миру и самому себе и характеризующиеся изменениями количественных и качественных параметров ответов на сигналы внешней среды» [2]; «психические явления, возникающие в процессе жизнедеятельности человека, оказывающие влияние на информационно-энергетический обмен и на адекватность поведения» [12].

В работах С. А. Дружилова [1], А. Б. Холмогоровой и Н. Г. Гараняна [11] показано, что «нарушение здоровья, возникновение психосоматических и соматических патологий, заболеваний, зачастую яв-

ляется следствием развития негативных психических состояний в труде (психического утомления, напряженности, монотонии, дистресса и др.)».

Д. В. Русецкая выделила наиболее типичные для сотрудников органов внутренних дел негативные эмоциональные состояния: раздражительность, тревожность, чрезмерное волнение, нервозность, беспокойство, тоска, опасение неудач, страх, чувство слабости, подавленность, отчаяние, заторможенность, апатия, разочарование, чувство стыда, аффект, стресс, индивидуальная паника, утомление, которые влияют на их состояние здоровья [10, с. 14].

Далее обратим внимание на взаимодействие психологических факторов здоровья человека и его негативных эмоциональных состояний в труде.

В ряде исследований установлено, что «сначала возникают временные негативные психические состояния и установки, затем начинает угасать и как бы выпадают позитивные качества». При повторении ситуаций, негативные состояния закрепляются и вытесняют позитивные качества человека, удельный вес позитивных качеств уменьшается. Наступает устойчивое искажение конфигурации личностного профиля профессионала, что означает деформацию личности. Если эти нарушения захватывают нервно-соматическую сферу, говорят о профессиональных неврозах, профессиональных заболеваниях» (А. К. Маркова [6, с. 149]).

В исследовании психофизиологических особенностей и их взаимосвязи с профессиональной успешностью сотрудников органов внутренних дел Ю. К. Родыгина [9] установила, что:

- ♦ повседневные экстремальные факторы службы в органах внутренних дел формируют специфический психофизиологический и психологический паттерн, зависящий от профиля подразделения и срока профессиональной деятельности;

- ♦ профессиональная деформация сотрудников, обеспечивающая адаптивность личности в период прохождения службы проходит за счет стенизации психологических свойств;

- ♦ воздействие комплекса факторов повседневной службы вызывают изменения состояния высших психических функций, психофизиологических и психологических характеристик сотрудников, зависящие от срока службы и профиля подразделения;

- ♦ профессиональной успешности сотрудников сопутствует напряжение нервно-психической сферы, повышение тревоги, страха.

Стоит отметить, что повторяющиеся экстремальные условия служебной деятельности сотрудников полиции вызывают негативные изменения сначала в деятельности и поведении, а по мере их повторения, регрессивные изменения происходят и на уровне личности.

На основании системного анализа концептуальных положений здоровья и эмоциональных состояний можно заключить следующее.

1. Здоровье — состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют выявленные заболевания, расстройства функций органов и систем организма; это состояние организма, все части которого нормально развиты и правильно функционируют; это отсутствие вредоносного влияния существующих недостатков развития в организме.

2. Многомерный концепт здоровья сотрудников полиции должен изучаться целостно, комплексно и многофакторно, преодолевая искусственное разделение его проявления на биологическом, психологическом и социальном уровнях.

3. Здоровье сотрудника полиции — это его способность полноценно и гармонично выполнять свои биологические, психологические и социальные функции. Его основой является интегрированное состояние динамического единства физического, психического и социального здоровья. Психологическое изучение здоровья концентрируется, прежде всего, на субъективном переживании сотрудником полиции своего биологического, психологического и социального благополучия.

4. Эмоциональные состояния — это состояния, возникающие в процессе жизнедеятельности человека и вызванные переживанием его отношения к внешнему миру и самому себе; оказывающие влияние на адекватность поведения в результате изменений количественных и качественных параметров ответов на сигналы внешней среды. Эмоциональные состояния взаимосвязаны с психологическим благополучием.

5. Эмоциональные состояния сотрудника полиции — это субъективные переживания, вызванные множеством факторов, возникающих при его взаимодействии с другими людьми и окружающей средой.

6. Негативные эмоциональные состояния у сотрудников полиции — это переживания, вызванные отрицательными эмоциональными факторами, воз-

никающими в том числе, при действиях в опасных (экстремальных) ситуациях профессиональной деятельности, часто создающие препятствия к эффективному выполнению поставленных служебных задач и увеличивающие предрасположенность к несчастным случаям, ранения или гибели: стресс, страх, аффект, фрустрацию, понижение настроения, тревогу, панику, агрессивность, которые характеризуются комплексностью, взаимозависимостью и переходом одного негативного состояния в другое.

На основании специфики понимания проблемы здоровья сотрудников полиции как многогранной, сопряженной с их эмоциональными состояниями и профессиональной адаптацией, для изучения состояния здоровья и эмоционального состояния актуальную роль играет междисциплинарный подход.

Именно данный подход позволяет изучить различные аспекты здоровья, отражающие функционирование организма на всех уровнях его организации. Он позволяет оценить социальное, биологическое и психическое состояние при взаимодействии с окружающей средой, что характеризует индивидуальное здоровье.

Абсолютного здоровья не существует, поэтому важно определить динамические особенности состояния организма сотрудника полиции, связанные с условиями служебной деятельности, в совокупности с его субъективным переживанием своего физического состояния, ведь именно это определяет вид поведения, связанного со здоровьем, болезнью и лечением. Междисциплинарный подход способствует целостному изучению феномена здоровья как сложноорганизованной системы, обладающей многофакторностью, учитывая его разделение на медицинское и психическое.

Список источников

1. Дмитриева М. А. Психологический анализ системы «Человек — профессиональная среда» // Вестник Ленинградского университета. Серия 6. 1990. Вып. 1. № 6. С. 82–90.
2. Душков Б. А., Королев А. В., Смирнов Б. А. Психология труда, профессиональной, информационной и организационной деятельности. Словарь. 3-е изд. М., 2005.
3. Кононова М. А., Ичитовкина Е. Г., Злоказова М. В., Соловьев А. Г. Эмоциональное выгорание сотрудников, занимающих должности старшего на-

чальствующего состава органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 1(68). С. 33–36.

4. Корехова М. В., Новикова И. А., Соловьев А. Г. Особенности проявления психологической дезадаптации у сотрудников правоохранительных органов с разным стажем работы // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2013. № 2. С. 67.

5. Корехова М. В., Новикова И. А., Соловьев А. Г. Профилактика организационного стресса у сотрудников правоохранительных органов // Экология человека. 2015. № 8. С. 3–9.

6. Маркова А. К. Психология профессионализма. М., 1996.

7. Тхостов А. Ш. Болезнь как семиотическая система // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1993. № 1. С. 3–6.

8. Шостак В. И., Яншин Л. А. Военно-профессиональная работоспособность как критерий здоровья // Военно-медицинский журнал. 1993. № 1. С. 61–64.

9. Родыгина Ю. К. Психофизиологические особенности сотрудников органов внутренних дел и их взаимосвязь с профессиональной успешностью: автореф. дисс. ... канд. мед. наук. Архангельск, 2004.

10. Русецкая Д. В. Особенности психологической коррекции негативных психических состояний в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2021.

11. Холмогорова А. Б., Гараян Н. Г. Эмоциональные расстройства и современная культура (на примере соматоформных, депрессивных и тревожных расстройств) // Московский психотерапевтический журнал. 1999. № 2. С. 61–86.

12. Экстремальная психология: словарь терминов / Ю. В. Байковский, Н. Г. Самойлов, А. В. Алешичева. М. : АГСПА, 2018.

References

1. Dmitrieva M. A. Psychological analysis of the system «Man — professional environment» // Bulletin of the Leningrad University. Series 6. 1990. Issue 1 No. 6. P. 82–90.
2. Dushkov B. A., Korolev A. V., Smirnov B. A. Psychology of labor, professional, informational and organizational activity. Dictionary. 3rd ed. M., 2005.

3. Kononova M. A., Ichitovkina E. G., Zlokazova M. V., Soloviev A. G. Emotional burnout of employees holding positions of senior commanding staff of internal affairs bodies // *Psychopedagogics in law enforcement agencies*. 2017. No. 1(68). P. 33–36.

4. Korekhova M. V., Novikova I. A., Soloviev A. G. Features of the manifestation of psychological maladaptation among law enforcement officers with different work experience // *Biomedical and socio-psychological problems of safety in emergency situations*. 2013. No. 2. P. 67.

5. Korekhova M. V., Novikova I. A., Soloviev A. G. Prevention of organizational stress in law enforcement officers // *Human ecology*. 2015. No. 8. P. 3–9.

6. Markova A. K. *Psychology of professionalism*. M., 1996.

7. Tkhostov A. S. Disease as a semiotic system // *Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology*. 1993. No. 1. P. 3–6.

8. Shostak V. I., Yanshin L. A. Military-professional performance as a criterion of health // *Military Medical Journal*. 1993. No. 1. P. 61–64.

9. Rodygina Yu. K. *Psychophysiological features of employees of internal affairs bodies and their relationship with professional success: abstract. diss. ... candidate of medical Sciences*. Arkhangelsk, 2004.

10. Rusetskaya D. V. Features of psychological correction of negative mental states in the professional activity of employees of internal affairs bodies: abstract. diss. ... cand. psychological sciences. M., 2021.

11. Kholmogorova A. B., Garanyan N. G. Emotional disorders and modern culture (on the example of somatoform, depressive and anxiety disorders) // *Moscow Psychotherapeutic Journal*. 1999. No. 2. P. 61–86.

12. *Extreme psychology: dictionary of terms / Yu. V. Baykovsky, N. G. Samoilov, A. V. Alyoshicheva*. M. : AGSPA, 2018.

Библиографический список

1. Ананьев В. А. *Психология здоровья. Книга 1. Концептуальные основы психологии здоровья*. СПб. : Речь, 2006.

2. Васильева О. С., Филатов Ф. Р. *Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки: учеб. пособие*. М. : Академия, 2001.

3. Ганзен В. А., Юрченко В. Н. Системный подход к анализу, описанию и экспериментальному исследованию психических состояний человека // *Экспери-*

ментальная и практическая психология. Психические состояния. 1981. Вып. 10. С. 5–16.

4. Ишуткина А. А. Изучение внутренней картины здоровья у лиц экстремальных профессий // *Психология XXI века: пути интеграции в международное научное и образовательное пространство: мат. XVII междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых*. СПб. : Скифия-принт, 2013. С. 69.

5. Фахрутдинова Л. Р. *Структурно-динамическая организация переживания субъекта: автореф. дисс. ... д-ра психол. наук*. Казань, 2012.

6. Ферхнем А., Хейвен П. *Личность и социальное поведение*. СПб. : Питер, 2001.

7. Холмогорова А. Б., Гаранян Н. Г. *Культура, эмоции и психическое здоровье // Вопросы психологии*. 1999. № 2. С. 61–74.

8. Шаповалов В. А. Психологическое здоровье сотрудников органов внутренних дел как предмет исследования ведомственных психологов: новые подходы к оценке и прогнозированию // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2009. № 3(43). С. 232–246.

9. Шилова Л. С. *Здоровье в системе ценностей личности. Отношение населения к здоровью / под ред. И. В. Журавлевой*. М. : ИС РАН, 1993. С. 51–56.

10. Щедрина А. Г. *Онтогенез и теория здоровья: методологические аспекты*. Новосибирск : Наука, 1989.

11. Яковлева Н. В. Анализ подходов к изучению здоровья в психологии // *Психология и практика: ежегодник Российского психологического общества*. 1998. Т. 4. Вып. 2.

Bibliographic list

1. Ananyev V. A. *Psychology of health. Book 1. Conceptual foundations of health psychology*. St. Petersburg : Speech, 2006.

2. Vasilyeva O. S., Filatov F. R. *Psychology of human health: standards, ideas, attitudes: textbook. manual*. M. : Academy, 2001.

3. Ganzen V. A., Yurchenko V. N. A systematic approach to the analysis, description and experimental study of human mental states // *Experimental and practical psychology. Mental states*. 1981. Issue 10. P. 5–16.

4. Ishutkina A. A. The study of the internal picture of health in persons of extreme professions // *Psychology of the XXI century: ways of integration into the international scientific and educational space: mat. XVII In-*

ternational scientific and practical conference of young scientists. St. Petersburg : Scythia-print, 2013. P. 69.

5. Fakhrutdinova L. R. Structural and dynamic organization of the subject's experience: abstract. diss. ... doctor of psychological sciences. Kazan, 2012.

6. Ferkhnem A., Haven P. Personality and social behavior. St. Petersburg : Peter, 2001.

7. Kholmogorova A. B., Garanyan N. G. Culture, emotions and mental health // Questions of psychology. 1999. No. 2. P. 61–74.

8. Shapovalov V. A. Psychological health of employees of internal affairs bodies as a subject of research of departmental psychologists: new approaches to as-

essment and forecasting // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 3(43). P. 232–246.

9. Shilova L. S. Health in the system of personality values. The attitude of the population to health / edited by I. V. Zhuravleva. M. : IS RAS, 1993. P. 51–56.

10. Shchedrina A. G. Ontogenesis and theory of health: methodological aspects. Novosibirsk : Nauka, 1989.

11. Yakovleva N. V. Analysis of approaches to the study of health in psychology // Psychology and practice: Yearbook of the Russian Psychological Society. 1998. Vol. 4. Issue 2.

Информация об авторах

В. Л. Цветков — начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

В. А. Балашова — заместитель начальника кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук;

В. С. Агапов — профессор кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

Т. А. Хрусталева — доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук, доцент.

Information about the authors

V. L. Tsvetkov — Head of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Psychological Sciences, Professor;

V. A. Balashova — Deputy Head of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences;

V. S. Agapov — Professor of the Department of Legal Psychology of the educational and Scientific Complex of Psychology of Official activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Psychological Sciences, Professor;

T. A. Khrustaleva — Associate Professor of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines of the Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 12.12.2022; принята к публикации 25.01.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 12.12.2022; accepted for publication 25.01.2023.

Научная статья

УДК 1/159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-344-350>

ИПОН: 2003-0059-1/23-601

MOSURED: 77/27-003-2023-01-800

Повышение социально-психологической адаптации сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции к стрессогенному влиянию, связанному с несением службы

Александр Иванович Числов

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень, Россия, 944343@gmail.com

Аннотация. Рассматривается позитивное и негативное влияние стресса на выполнение профессиональных задач сотрудниками охранно-конвойных подразделений полиции. Дана стадильная характеристика стресса как общего адаптационного синдрома неспецифической реакции организма на воздействие стрессогенных факторов. Раскрыты особенности влияния стресса на коммуникативную, когнитивную и конативную (поведенческую) структуры деятельности сотрудника. Показана взаимосвязь негативного влияния стресса в зависимости от стажа работы, профессионального опыта и индивидуально-типологических особенностей сотрудников. Обсуждены профилактические меры, направленные на повышение социально-психологической адаптации и снижение негативного влияния стресса на сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции.

Ключевые слова: охранно-конвойное подразделение, социально-психологическая адаптация, стресс, стрессогенность, стрессоустойчивость, профилактика стресса

Для цитирования: Числов А. И. Повышение социально-психологической адаптации сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции к стрессогенному влиянию, связанному с несением службы // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 344–350. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-344-350>.

Original article

Increase of socio-psychological adaptation of the officers of the police guard and escort units to the stressogenic influence associated with service

Alexander I. Chislov

Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tyumen, Russia, 944343@gmail.com

Abstract. The positive and negative impact of stress on the performance of professional tasks by employees of security and escort police units is considered. Given a stadial characteristic of stress as a general adaptation syndrome of the body's nonspecific response to exposure to stressogenic factors. Features of stress influence on communicative, cognitive and conative (behavioral) structure of employee's activity are disclosed. The relationship of the negative impact of stress depending on the length of service, professional experience and individual typological characteristics of employees is shown. Preventive measures aimed at increasing social and psychological adaptation and reducing the negative impact of stress on employees of security and escort police units are justified.

Keywords: guard-escort unit, socio-psychological adaptation, stress, stressogenicity, stress resistance, stress prevention

For citation: Chislov A. I. Increase of socio-psychological adaptation of the officers of the police guard and escort units to the stressogenic influence associated with service. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):344–350. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-344-350>.

Современные отечественные и зарубежные исследования в сфере труда и профессиообразования показывают, что работа в полиции связана со значительными психологическими и физическими нагрузками [1]. Психологическое напряжение, связанное с несением службы, может вызывать у сотрудников стресс, депрессию, эмоциональное выгорание, деформацию личности, что отрицательно влияет на полноту исполнения функций и качество выполне-

ния профессиональных задач. Вышеперечисленное показывает важность осведомленности сотрудников полиции о влиянии стресса на психику и организм, а также овладение профилактическими навыками, повышающими социальную адаптацию и стрессоустойчивость.

Профессиональная деятельность сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции характеризуется как сложностью выполняемых задач, так

© Числов А. И., 2023

и высоким уровнем эмоционально-психологического напряжения. Несение службы в охранно-конвойных подразделениях проходит в четко заданных рамках соблюдения регламентации, поддержания порядка и соблюдения законности при работе со спецконтингентом в условиях несения службы. От сотрудников охранно-конвойных подразделений требуется постоянная высокая концентрация внимания, анализ поведения спецконтингента, постоянная готовность к быстрому реагированию в ситуациях: членовредительства, попыток к побегу из-под стражи, нападения при транспортировке конвоируемых с целью их освобождения и др.

Перечисленные условия несения службы в охранно-конвойных подразделениях предъявляют высокие требования к эмоциональной устойчивости и волевой выдержке сотрудников в ситуациях высокого психического напряжения. Накапливаясь, нервно-психическое напряжение может негативно влиять на качество выполнения профессиональных задач, снижать профессиональную функциональность, физическое и психическое здоровье, повышать конфликтность, агрессивность, быть причиной деструктивного поведения и нарушений служебной дисциплины. Таким образом, психологический стресс является сопутствующим фактором несения службы в охранно-конвойных подразделениях, что показывает важность проведения целенаправленных профилактических мероприятий и обучение сотрудников методам саморегуляции психических состояний, повышающих их стрессоустойчивость и социально-психологическую адаптацию.

В течение длительного времени наблюдается устойчивый научно-практический интерес к исследованиям в данной области. Теоретическая основа влияния стресса на психику и организм человека представлена в зарубежных трудах Д. Брайт, Ф. Джонс, Г. Селье [10] и отечественных ученых, таких как, И. И. Аминов, Е. А. Березенцева, А. В. Карпов, Л. С. Музыченко, А. М. Столяренко, Т. А. Труфанова, Ю. В. Щербатых [11] и др. Практико-ориентированные исследования и разработка профилактических мер, направленных на предупреждение и снижение негативного влияния профессионального стресса на сотрудников различных подразделений полиции отражена в работах А. О. Бурцева, Н. Е. Водопьяновой, Б. Б. Вельчиковского, В. В. Барабанщиковой [2], Н. А. Кора, Ю. В. Минеева и др.

Осуществлен ряд значимых научно-практических исследований становления и развития охранно-конвойных подразделений полиции, а также особенностей несения службы в данных подразделениях, что отражено в трудах В. И. Майорова [6; 7], Н. Н. Петрова [9] и др.

Одним из наиболее известных исследований стресса и его воздействие на организм человека (адаптация, здоровье, заболевание) является теория канадского психофизиолога Г. Селье, которая сохраняет свою актуальность по настоящее время. Стресс (от англ. stress; нагрузка, состояние повышенного напряжения) рассматривается им как совокупность неспецифических адаптационных (нормальных) реакций организма на воздействие различных неблагоприятных стресс-факторов (психологических, физических), вызывающих напряжение и нарушение «равновесия, баланса» соответствующего состояния нервной системы и организма в целом. Таким образом, стресс (особенно хронический стресс) снижает профессиональную продуктивность и является причиной серьезных заболеваний. Однако, как правило, негативное влияние стресса на жизнедеятельность человека недооценивается, в то время как известно, что легче «предупредить», чем «бороться» с серьезными последствиями.

В первую очередь, следует знать психофизиологический механизм возникновения стресса и стадии его развития, что позволяет выработать индивидуальную стратегию «управления стрессом». Г. Селье выделил три стадии общего адаптационного синдрома (ОАС) неспецифической реакции организма на воздействие стресс-генных факторов.

Первая стадия — реакция тревоги и мобилизации. В коре головного мозга возникает интенсивный и стойкий очаг возбуждения (доминанта), который подчиняет всю деятельность нервной системы, организма и психики; все мысли и поступки человека сосредоточены на стресс-факторе (это могут быть различные затруднения, неблагоприятные ситуации, негативные слова или действия со стороны другого человека, конфликт, чрезвычайные происшествия и др.). Таким образом, доминанта позволяет человеку сконцентрировать усилия на разрешение и преодоление возникшей ситуации (препятствия), все остальное становится менее значимым. Мобилизирующий эффект стресса на первой стадии имеет положительное воздействие, так как, активизирует психические и

физические ресурсы, повышает выносливость, стимулирует мотивацию, увеличивает работоспособность. На психологическом уровне, под воздействием стресса, формируется быстрое и точное мышление, концентрация внимания, готовность к непредвиденным обстоятельствам, мгновенная реакция при появлении опасности [3].

Вторая стадия — реакция сопротивления, направленность на преодоление «трудностей». После возникновения устойчивой доминанты, развивается особая физиологическая цепная реакция, выделяется адреналин и другие «гормоны стресса», вызывая многосторонний эффект, включая ускоренное сердцебиение, учащенное дыхание, повышение кровяного давления и полной готовности организма к интенсивным мышечным нагрузкам. Таким образом, вторая стадия стресса характеризуется концентрацией физических сил организма и расходом энергии на преодоление, что также характеризуется как положительное воздействие стресса. Но если физической разрядки или других способов нейтрализации не происходит, то в крови в течение длительного времени (до нескольких дней) циркулируют биологически активные вещества, «поддерживающие» нервную систему и внутренние органы в состоянии интенсивного возбуждения и «полной боевой готовности». Но ресурсы организма не безграничны и неизбежно наступает истощение.

Третья стадия — истощение психических и физических ресурсов человека. Данная стадия характеризуется ощущением крайней физической усталости (хотя физических действий может и не совершаться). Возникает чувство психологического опустошения, безразличия, апатии, а ситуация воспринимается как субъективно непреодолимая, на этом фоне угасают духовные ресурсы, отсутствие веры в свои силы, нет надежды на положительный исход, наступает уныние и отчаяние. Отсутствие физического тонуса, слабость, быстрая утомляемость, боли в разных частях тела. Впоследствии, возникший комплекс отрицательных чувств и ощущений становится замкнутым кругом, непереносимым грузом, что снижает самоконтроль, провоцирует алкоголизацию, депрессию, вызывает деструктивные поступки, появление мыслей о суициде.

Таким образом, если первая стадия стрессового реагирования рассматривается мобилизующей и позитивной, то третья характеризуется максимальным

упадком физических сил, угнетенным состоянием психики, негативным эмоциональным фоном. Если человек продолжает находиться в режиме «хронического стресса», то неизбежно происходит «символический» перенос напряжения и разрушения на какой-либо орган, что приводит к реальным и серьезным заболеваниям [5], а в результате к невозможности полноценно выполнять профессиональные функции и смене профессиональной деятельности.

Негативное воздействие факторов профессионального стресса привело к тому, что в настоящее время профессиональный стресс выделен в отдельную рубрику в Международной классификации болезней (МКБ-10):

- 1) система кровообращения (инфаркт, инсульт);
- 2) пищеварительная система (кишечно-желудочные заболевания);
- 3) костно-мышечная система (слабость, боли в мышцах); дыхательная система (астма);
- 4) иммунная система (подверженность инфекциям).

Сильное (разрушающее) влияние на психику и организм сотрудника может оказать, как единичный стрессовый фактор (психотравмирующая ситуация), так и длительный (хронический) стресс. Последствием чрезмерной психологической нагрузки является: снижение эффективности профессиональной деятельности до полной ее дезорганизации; развитие эмоционально-психологического выгорания (безразличие, отсутствие сострадания, цинизм); развитие профессиональной деформации личностных качеств сотрудника (тотальное недоверие, восприятие людей как потенциальных преступников, жестокость, агрессивность, подозрительность, настороженность); нарушение правопорядка и законности, служебной дисциплины.

Социально-психологический профиль сотрудника, испытывающего длительный стресс имеет отрицательную модальность, прослеживается в поведении, общении и взаимодействии, что позволяет «отслеживать» негативное влияние стресса на первых стадиях и своевременно оказывать профилактическую поддержку: эмоциональные нарушения широкого круга, перепады настроения, тревожность, раздражительная слабость (низкий порог на незначительные раздражители), импульсивность, депрессивность, социальная индифферентность (равнодушные, отстраненность, отчужденность), быстрая истощаемость, высокая конфликтность (как со спецкон-

тингентом, так и в служебном коллективе), необоснованная критика вышестоящего руководства.

Длительный и интенсивный стресс может привести к дезорганизации сознания, поведения, деятельности сотрудника. Основными факторами профессионального стресса у сотрудников охранно-конвойных подразделений являются:

- 1) необходимость быстрого принятия решений в чрезвычайных ситуациях;
- 2) наличие ситуаций, угрожающих жизни и здоровью;
- 3) повышенные требования к длительной концентрации внимания;
- 4) специфика межличностных взаимодействий со спецконтингентом;
- 5) строгое выполнение нормативов, требований;
- 6) высокая ответственность за принимаемые решения.

Профессиональный профиль сотрудника, испытывающего длительный стресс, также имеет отрицательную модальность, что проявляется в виде увеличения количества ошибок при выполнении стандартных действий, тем более реагирования в нестандартных ситуациях.

На уровне психических состояний. Стресс вызывает фрустрацию (крушение надежд), депрессию, апатию. Данные состояния психики имеют стойкий характер, снижают уровень морально-нравственной оценки и критичности своего поведения, ведут к деформациям и профессиональной деформации. Поведенческие паттерны включают «плохое» настроение, усталость, агрессивность (имеющую вектор разрядки или «на себя» или «на других»), рассеивание на окружающих негативизма, критицизма, постоянные придирки, высмеивание, унижение и др. Или наоборот, сотрудники стремятся минимизировать контакты с другими людьми, вести достаточно изолированный образ жизни, усиливаются конфликты в семейно-бытовой среде, алкогольная зависимость; затяжные депрессивные состояния могут привести к суицидальным попыткам.

На уровне профессионально-когнитивной деятельности. При стрессе нарушается, в первую очередь, протекание психических познавательных процессов. Изменяется (сужается) объем и распределение внимания (если в среднем 5–7 объектов, то в состоянии стресса 1–2 объекта), возникают трудности переключения внимания между объектами, человек как

бы «фиксировано зависает», т. е. видит только один объект или смотрит в «одну точку». Ошибочно оценивается количество объектов, их качество, искажаются временная продолжительность действия, ориентация в пространстве, характеристики удаленности/приближенности и расстояние между объектами. Возникают нарушения со стороны памяти, замедляется скорость воспроизведения (информации, событий, образов, объектов и др.), снижается прочность запоминания. Снижается уровень аналитико-синтетической деятельности мышления и интеллекта. Особенно явно это проявляется в чрезвычайных ситуациях (например, во время нападения на сотрудника или побега спецконтингента).

На уровне эмоционально-волевых действий. Известно, что стенические эмоции повышают активность личности, включенность в большее количество «событий», а астенические — снижают, что было рассмотрено выше.

При возникновении чрезвычайных ситуаций (например, во время нападения или побега спецконтингента). Сотрудник охранно-конвойной службы, находящийся в состоянии хронического стресса, при возникновении в чрезвычайных ситуациях (например, во время нападения или побега спецконтингента), не может быстро и точно действовать, так как, замедляется темп реакций, волевой контроль и усилия снижены, внимание рассеянное, неверная оценка развития ситуации приводит к ошибочным действиям [8].

Следующим важным обстоятельством является то, что степень психофизиологического отклика на стрессовое воздействие (стрессовая реакция) зависит не столько от силы и длительности стресс-фактора, сколько от совокупности целого комплекса индивидуально-типологических качеств сотрудника: силы нервной системы (слабая, сильная); сформированных личных качеств (выдержка, самообладание); предыдущего опыта (умение преодолевать негативные влияния), развитые навыки эмоциональной-психологической саморегуляции (в том числе, умение «сбрасывать», нейтрализовать негативное влияние стресса).

Известно, что молодые сотрудники, имеющие опыт работы в охранно-конвойных подразделениях менее трех лет, испытывают больший стресс в процессе несения службы, чем сотрудники, имеющие больший профессиональный опыт [4]. Условия внешней среды, в которых проходит несение службы со-

трудниками охранно-конвойных подразделений, характеризуется более высоким уровнем организационного стресса, склонностью, с одной стороны к монотонности и утомляемости, с другой, — постоянной готовности к чрезвычайным ситуациям и интенсивной активности психики и организма. Социальное взаимодействие со спецконтингентом (большую часть которого составляют криминальные лица) также имеет стрессогенный характер.

Высокий уровень профессионального стресса и его продолжительный характер становятся причиной снижения социально-психологической адаптации и физических ресурсов, что обуславливают возникновение проявлений психической дезадаптации у сотрудников охранно-конвойных подразделений. Вышеперечисленное показывает необходимость проведения целенаправленной работы с сотрудниками полиции, в том числе охранно-конвойных подразделений, для снижения негативного влияния профессионального стресса и повышения стрессоустойчивости. Для достижения поставленных целей в органах внутренних дел осуществляется комплексная работа по нескольким направлениям: культурно-просветительская, воспитательная, социальная, физическая подготовка, работа по укреплению служебной дисциплины и законности, психолого-профилактическая работа.

Профилактические меры по снижению негативного влияния стресса, повышению стрессоустойчивости и удовлетворенности службой в охранно-конвойных подразделениях полиции. Профилактические меры осуществляются в рамках психологической концепции «управления стрессом», работа должна проводиться в двух направлениях. Во-первых, организационные методы: социальная поддержка со стороны коллектива, программы оздоровления, психологическое консультирование, проведение социально-психологических тренингов и др. Во-вторых, личностно-ориентированная подготовка: обучение методам управления стрессом, обучение эмоционально-волевой регуляции, аутогенной тренировке, соблюдению баланса труда и отдыха и др.

Более подробно рассмотрим личностно-ориентированные методы управления стрессом, так как, это повышает стрессоустойчивость на индивидуальном уровне, позволяет выбрать и овладеть теми методами, которые являются не только индивидуально эффективными, но и профессионально необходи-

мыми качествами. Рассмотренные ниже стратегии управления стрессом являются высокоэффективными на всех этапах:

1) предотвращение;

2) преодоление;

3) работа с последствиями негативного влияния стресса на организм и психику человека.

В регуляции неблагоприятных проявлений стрессовых состояний целесообразно различать три уровня:

1) организмический (психофизиология);

2) индивидуальный (индивидуально-типологические особенности);

3) личностный (личностные качества).

Сотруднику необходимо составить для себя индивидуальный комплекс методов и техник, повышающих уровень его социально-психологической адаптации, эмоционально-психологической устойчивости и стрессоустойчивости, так как, во многом, это взаимосвязанные факторы.

1. Регулярные физические занятия. Исследования показали, что физические упражнения эффективно уменьшают стресс: повышают физические показатели и бодрость, улучшают когнитивные функции (насыщенность головного мозга кислородом), усиливается концентрация внимания и бдительность, снижается напряженность, улучшается самооценка.

2. Необходимо поддерживать взаимную социальную поддержку. Общение с близкими по духу людьми (родные, друзья, коллеги), которые могут выслушать, понять, ободрить, поддержать, дать совет. В тоже время, когда вы оказываете поддержку, это психологически вас укрепляет, так как показывает вашу компетентность и уверенность, а также дает возможность «психологического обогащения» опытом, ощущение солидарности.

3. Соблюдение баланса «работа — семья». Одинокий человек более подвержен разрушающему влиянию стресса. Поддержка семьи способна компенсировать негативные чувства, которые вызывает работа (служба), стать источником самоуважения, способствует осознанию личностной значимости и ценности. Наличие благополучной семьи расширяет структуру смысло-жизненных ориентиров личности.

4. Соблюдение баланса «работа — отдых». Планирование свободного времени, разнообразие интересов и досуга, создание «хобби», поддержание контактов с людьми из другой профессиональной сферы. Обязательно расширение географии отдыха,

предпочтение активным видам отдыха, эмоционально и позитивно насыщенным.

5. Освоение навыков психологической гигиены. Развитие психологической самоподдержки, самопомощи, усиление личностных качеств и их характеристик, развитие самоконтроля и социально-психологической устойчивости.

6. Овладение навыками специальных физиологических техник, направленных на снижение стресса и повышение стрессоустойчивости: мышечная релаксация, аутогенная тренировка, дыхательные упражнения и др.

7. Управление стрессом на «рабочем месте», выработать при помощи тренировки эффективные способы психологической саморегуляции в двух основных направлениях: умение «мгновенно» входить в ресурсное состояние психики и умение быстро «сбросить» эмоциональное напряжение (создать для себя два соответствующих «психологических якоря»).

8. Низкая толерантность к возникновению профессионального стресса характерна для тревожных, замкнутых, эмоционально неустойчивых, нерешительных, чувствительных сотрудников. Для повышения стрессоустойчивости необходимы как физические тренировки, так и психологические тренинги: личностно-ориентированный тренинг развития уверенности; социально-психологический тренинг развития коммуникативных навыков и др.

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Профессиональная деятельность сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции проходит в условиях, которые требуют усиленной затраты психологических и физических резервов человека.

2. Стресс может оказывать положительное и негативное влияние. Длительный стресс, без достаточных условий полного восстановления духовных и физических сил, социальная, коммуникативная депривация оказывают неблагоприятное воздействие на сотрудника и эффективность выполнения профессиональных задач.

3. Степень негативного влияния стресса на сотрудника охранно-конвойного подразделения полиции зависит от индивидуально-типологических и личностных свойств, стажа службы, профессиональной компетентности и опыта, сложившихся традиций служебного коллектива.

4. Негативное влияние стресса выражается:

♦ в риске развития ряда заболеваний стрессовой этиологии — «болезней стресса», влияя на здоровье сотрудников, их профессиональную пригодность;

♦ в риске снижения социально-психологической адаптации, что приводит к эмоциональному выгоранию, личностно-профессиональной деформации;

♦ в риске неудовлетворенности трудом и текучестью кадров;

♦ в риске нарушений служебной дисциплины, правопорядка и законности.

5. Профилактические меры по снижению негативного влияния стресса, повышению стрессоустойчивости и удовлетворенности службой в охранно-конвойных подразделениях полиции должны быть обязательным элементом комплексной работы с личным составом, наряду с физической подготовкой, культурно-просветительским и социальным направлениями работы, а также работы по укреплению служебной дисциплины, правопорядка и законности. В целом это приводит к повышению эффективности функционирования полиции как социального института.

Список источников

1. Бурцев А. О., Ефимкина Н. В. Некоторые психологические упражнения (техники) для повышения уровня субъективной витальности (на примере сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации) // Прикладная юридическая психология. 2019. № 4(49). С. 86–91.

2. Вельчиковский Б. Б. Барабанщикова В. В. Психологический стресс у сотрудников МВД: роль опосредующих переменных и практические следствия // Прикладная юридическая психология. 2008. № 1. С. 52–64.

3. Диденко Е. Я., Темур Г. М. Специальная психологическая подготовка как условие оптимизации влияния стресса на эффективность выполнения служебных задач сотрудником правоохранительных органов // Вестник Оренбургского государственного университета. 2019. № 2(220). С. 107–117.

4. Кабанова Т. Н., Дубинский М. С., Московская М. С. Стаж профессиональной деятельности как фактор, детерминирующий различия в восприятии стресса у сотрудников следственных органов // Прикладная юридическая психология. 2019. № 1(46). С. 59–68.

5. Кора Н. А. Влияние профессионального стресса на психическое здоровье сотрудников полиции // Вест-

ник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 76. С. 100–108.

6. Майоров В. И. Охранно-конвойная служба полиции в России: предпосылки формирования и история развития // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 4 (31). С. 47–54.

7. Майоров В. И. Роль и место подразделений охранно-конвойной службы в правоохранительных системах России и зарубежных стран: научный обзор // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 4 (58). С. 61–70.

8. Минеев Ю. В. Факторы, влияющие на психологическое состояние в экстремальных ситуациях // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 4(7). С. 162–168.

9. Петров Н. Н. Особенности процесса труда сотрудников охранно-конвойной службы МВД России // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 322–325.

10. Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1982.

11. Щербатых Ю. В. Психология стресса и методы коррекции. СПб.: Питер, 2006.

References

1. Burtsev A. O., Efimkina N. V. Some psychological exercises (techniques) to increase the level of subjective vitality (on the example of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation) // Applied legal psychology. 2019. No. 4(49). P. 86–91.

2. Velchikovskiy V. V., Varabanshchikova V. V. Psychological stress among employees of the Ministry of Internal Affairs: the role of mediating variables and practical consequences // Applied legal psychology. 2008. No. 1. P. 52–64.

3. Didenko E. Ya., Temur G. M. Special psychological training as a condition for optimizing the impact of stress on the effectiveness of performance of official tasks by a law enforcement officer // Bulletin of the Orenburg State University. 2019. No. 2(220). P. 107–117.

4. Kabanova T. N., Dubinsky M. S., Moskovskaya M. S. Professional experience as a factor determining differences in the perception of stress among employees of investigative bodies // Applied Legal Psychology. 2019. No. 1(46). P. 59–68.

5. Kora N. A. The influence of occupational stress on the mental health of police officers // Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities. 2017. No. 76. P. 100–108.

6. Mayorov V. I. The security and convoy police service in Russia: prerequisites for the formation and history of development // Law and order: history, theory, practice. 2021. No. 4 (31). P. 47–54.

7. Mayorov V. I. The role and place of the security and convoy service units in the law enforcement systems of Russia and foreign countries: a scientific review // Legal science and law enforcement practice. 2021. No. 4 (58). P. 61–70.

8. Mineev Yu. V. Factors influencing the psychological state in extreme situations // Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 4(7). P. 162–168.

9. Petrov N. N. Features of the labor process of employees of the security and convoy service of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Azimut of scientific research: pedagogy and psychology. 2017. Vol. 6. No. 3 (20). P. 322–325.

10. Selye G. Stress without distress. M.: Progress, 1982.

11. Shcherbatykh Yu. V. Psychology of stress and methods of correction. St. Petersburg.: Peter, 2006.

Информация об авторе

А. И. Числов — профессор кафедры правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A. I. Chislov — Professor of the Department of Legal Training of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 11.10.2022; одобрена после рецензирования 12.12.2022; принята к публикации 25.01.2023.

The article was submitted 11.10.2022; approved after reviewing 12.12.2022; accepted for publication 25.01.2023.

Рецензия на монографию: Ф. В. Зиновьев, В. А. Дудко. Развитие кадрового потенциала научной школы. С. : Феникс, 2022. 160 с.

В. М. Ячменева

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

Для цитирования: Ячменева В. М. Рецензия на монографию: Ф. В. Зиновьев, В. А. Дудко. Развитие кадрового потенциала научной школы. С. : Феникс, 2022. 160 с. // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 351–352.

Review of the monograph: F. V. Zinoviev, V. A. Dudko. Development of the personnel potential of the scientific school. S. : Phoenix, 2022. 160 p.

V. M. Yachmeneva

Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, Simferopol, Russia

For citation: Yachmeneva V. M. Review of the monograph: F. V. Zinoviev, V. A. Dudko. Development of the personnel potential of the scientific school. S. : Phoenix, 2022. 160 p. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(1):351–352. (In Russ.).

О деятельности научных школ пишут явно недостаточно. Причем, как правило, пишут об их историческом прошлом, а о современных научных школах — лишь о тех, которые действуют в крупных вузах в мегаполисах. О региональных научных школах, практически, нет информации.

Кроме того, нельзя не отметить, что довольно часто за научные школы выдают те, которые не могут считаться таковыми. Торопливость общественного признания приводит к стремлению назвать научными школами отдельные коллективы, успешно действующие на протяжении 5–7 лет. Хотя правильнее считать научными школами те, которые действуют на протяжении 2–3-х поколений и продолжают заслуживать общественное признание в настоящее время.

В этом отношении несомненное внимание заслуживает опыт научной школы «Непрерывное развитие человеческого потенциала» под научным руководством доктора экономических наук, профессора Феликса Владимировича Зиновьева, действующей более 50 лет и представленный в данной монографии. Актуальность монографии не вызывает сомнений, так как она направлена на решение проблем качественного преобразования образовательной среды в условиях цифровизации экономики, условий жизни человека и общества, а также новых требований рынка интеллектуального труда к общим и профессиональным компетенциям выпускников университетов.

Авторы в ходе исследования обоснованно и результативно используют комплекс общенаучных и специальных методов исследования: системный под-

ход, методы научного сравнения и экономического анализа, монографический метод, методы экспертных оценок, графический, табличный методы.

В первой главе «Сущность региональной научной школы»:

- ◆ раскрывается понятие «Современная научная школа», определены цели ее создания, основные функции и признаки;
- ◆ исследован вклад научных школ в научно-технический и социальный прогресс в качестве «точек роста»;
- ◆ выделены типологические формы научных школ;
- ◆ определены формальные признаки и документальные свидетельства активно действующих научных школ.

Во второй главе «Основы развития кадрового потенциала»:

- ◆ проведен анализ кадровой ситуации в вузах Российской Федерации;
- ◆ систематизированы положительные и отрицательные черты инновационного менеджера.

В третьей главе «Методика исследования развития кадрового потенциала»:

- ◆ определены методы и алгоритм исследования труда преподавателей;
- ◆ систематизированы научные подходы к изучению кадрового потенциала и его развития;
- ◆ оценивается прогноз кадрового потенциала, а также спроса и предложения на рынке труда специалистов с высшей квалификацией;

♦ раскрыты причины дисбаланса потребностей рынка труда и структуры фактической подготовки специалистов в образовательных учреждениях; недостатки финансирования образовательного процесса.

В четвертой главе «Потенциал кафедры»:

♦ раскрыто понятие кадрового потенциала как ключевого компонента общего потенциала Университета;

♦ определены принципы и базовые факторы мотивации профессионального развития персонала кафедры;

♦ систематизированы факторы, влияющие на конкурентоспособность кафедры, выделены составляющие потенциала кафедры;

♦ проанализирована динамика изменения потенциала кафедры, изучены факторы, влияющие на ее функционирование и взаимодействие преподавателей со студентами.

В пятой главе «Содержание деятельности преподавателей»:

♦ определены функции и профессиональные качества преподавателя высшего учебного заведения;

♦ раскрыты факторы внутренней и внешней среды, оказывающие негативное воздействие на деятельность преподавателей;

♦ систематизирован комплекс приемов и методов, используемых преподавателем в научно-образовательном процессе.

В шестой главе «Опыт развития кадрового потенциала»:

♦ раскрыта сущность работы лидера научной школы;

♦ представлен опыт и основные этапы деятельности авторской научной школы «Непрерывное развитие человеческого потенциала».

В седьмой главе «Современные подходы к развитию кадрового потенциала»:

♦ исследованы современные факторы, гарантирующие выпускнику Университета конкурентное преимущество на рынке труда;

♦ раскрыт перечень востребованных компетенций выпускников Университета.

В восьмой главе «Формирование культуры труда воспитанников научной школы»:

♦ раскрыта сущность и элементы организационной и профессиональной культуры как системы общепринятых в коллективе представлений и подходов к постановке дела, к формам отношений и достижению результатов деятельности.

В девятой главе «Оценка расходов на формирование специалиста»:

♦ проведена оценка инвестиций в подготовку специалиста с высшим профессиональным образованием, включающие затраты до поступления в высшую школу и непосредственно во время обучения;

♦ проанализированы условия труда на кафедре управления персоналом;

♦ определены индикаторы имиджа преподавателей.

В одиннадцатой главе «Востребованность интеллектуального труда»:

♦ раскрыты составляющие потенциала специалиста с учетом современных реалий;

♦ раскрыты проблемы реализации интеллектуального труда;

♦ предложена методика оценки деятельности научной школы;

♦ проведен анализ базового потенциала научной школы, определены критерии ее развития и основные результаты НИР.

Монография в полной мере соответствует правилам оформления, она структурно и логически выдержана, написана доступным языком, хорошо иллюстрирована примерами, рисунками, таблицами. Материал изложен логично и последовательно.

В целом, рецензируемая монография по структуре и содержанию соответствует заявленным целям и задачам, требованиям, предъявляемым к научной литературе. Изложенный в ней материал, несомненно, интересен и полезен для научной общественности.

Информация об авторе

В. М. Ячменева — заведующая кафедрой менеджмента Института экономики и управления Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, доктор экономических наук, профессор.

Information about the author

V. M. Yachmeneva — Head of the Department of Management of the Institute of Economics and Management of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, Doctor of Economic Sciences, Professor.

Поступила в редакцию 26.01.2023; одобрена после рецензирования 10.02.2023; принята к публикации 15.02.2023.
Submitted 26.01.2023; approved after reviewing 10.02.2023; accepted for publication 15.02.2023.